

Российская академия
юридических наук

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

26

2026

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 26

Москва
2026

УДК 34
ББК 67я431
Н 34

Н 34 Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 26. —
М. : ООО «Издательская группа «Юрист», 2026. — 640 с.

Редакционная коллегия:

Блажеев В.В., Бублик В.А., Голиченков А.К., Шахрай С.М., Ястребов О.А.

Ответственный редактор:

Гриб В.В.

В сборнике представлены труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXVI Международной научно-практической конференции «Сила права и право силы: современный контекст», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая состоялась в Москве 25–28 ноября 2025 г.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Сборник предназначен для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов юридических вузов.

DOI 10.18572/978-5-94103-587-8-2026-1-640

ISBN 978-5-94103-587-8

© Российская академия юридических наук, 2026
© ООО «Издательская группа «Юрист», 2026

ISBN 978-5-94103-587-8

Уважаемые коллеги!

Российская академия юридических наук представляет очередное издание ежегодных научных трудов. Тысячи преподавателей, аспирантов, юристов-практиков опубликовали свои статьи за прошедшие годы в научном сборнике.

Академия предоставляет возможность проявить себя молодым ученым из всех регионов России и стран СНГ.

В этом году сборник издается на базе материалов XXVI Международной научно-практической конференции «Сила права и право силы: современный контекст», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая проводилась в Москве 25–28 ноября 2025 г.

Российская академия юридических наук сотрудничает не только с юридическими вузами, научными организациями, но и с институтами гражданского общества, консолидируя юридическую науку и общественность в деле построения правового государства.

Одним из итогов такого сотрудничества являются «Научные труды», которые будут и дальше помогать нашим коллегам в их профессиональной, научной и общественной деятельности

Голиченков А.К.,

сопредседатель Ученого совета РАЮН,
декан Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор

Гриб В.В.,

председатель Исполкома РАЮН,
заведующий кафедрой конституционного права
МГИМО МИД России,
академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор

1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Антонченко В.В. Ценностный
подход в праве 10

Гамбарян А.С. Проявления
силы права и права силы
в доктрине развития права
contra legem 17

Малышкин С.П. Легитимация
права посредством
делиберативных процедур.....31

Осипов М.Ю. К вопросу
о понимании феномена
«сила права» 38

Папчихин П.С. Обеспечительные
конструкции в арбитражном
процессе: попытка нового
осмысления.....46

Семьянов Е.В. Правовое
государство как оксюморон 52

Сергеева Т.Н. Сила правовых
ценностей в праве 58

Усманова Е.Ф. Правовая
культура как системообразующий
фактор аксиологического
измерения власти 64

Фролова Е.А. Сила права:
теоретические основания
правового государства.....70

Харина К.С. О дуализме цели
социальных предприятий 79

Хаустов Н.С. Сравнительно-
правовой анализ механизма
правительственного надзора
за местным управлением

и самоуправлением на окраинах
Российской империи
(XIX — начало XX в.) 84

Яковлева В.А. Основные этапы
развития общественных судов
в Советской России 91

2. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

**Вербицкая Т.В., Конов А.А.,
Вербицкая Н.О.** Особенности
актов стратегического
планирования Российской
Федерации по вопросам
безопасности как политико-
правовых инструментов 100

Денисов С.А. Наука
государственного и
конституционного права 106

Кондрашев А.А.
Конституционные нейрправа:
новые этико-правовые вызовы
и пределы правового
регулирувания в международном
праве и законодательстве
Российской Федерации 112

Костылева Е.Д. Трансформация
конституционных прав в условиях
цифровизации общества
и применении искусственного
интеллекта: современные
проблемы..... 118

Кравец И.А. Биоэтический
конституционализм и принцип
уязвимости в современном
праве и биоюриспруденции:
в поисках отечественной
идентичности 124

Пономарев М.В. «Историческая конституция» как модель легитимации и развития конституционного строя 132

Постнова М.В. Прием в гражданство (предоставление гражданства) Российской Федерации как институт отечественного права 143

Семенова О.Н. Право на прошение милости и проблемы его регулирования... 150

Федотова Ю.Г. Участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства как форма народовласти... 156

3. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Брежнев О.В. Обеспечительные административно-правовые режимы: особенности правового регулирования и реализации 162

Бурлакова Е.-М.М. Модели и институты государственного управления в сфере физической культуры и спорта в странах БРИКС 167

Графов Н.В. Административно-правовой механизм противодействия коррупции на государственной гражданской службе 175

Дудин Е.С. Основные вопросы взаимодействия органов публичной власти в осуществлении транспортного контроля(надзора) за перевозкой стратегических грузов 187

Живалева А.К. Проблемы теории нетрадиционных административных актов (на примере соотношения предварительного и промежуточного административных актов) 193

Кан К.А. Актуальные вопросы определения структуры и организации деятельности администрации федеральной территории «Сириус» 199

Лапов И.Н. Современные тенденции в регулировании специального права управления транспортным средством..... 205

Сынкova Е.М. Оспаривание недействительности административно-правового акта в публично-правовых отношениях..... 211

Ходос А.В. Организационно-правовые аспекты управления транспортной деятельностью на территориях опережающего развития Арктического сектора 217

4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Ду Сяосяо. Принцип взаимности применяется при признании и исполнении судебных решений в странах, участвующих в инициативе «Один пояс — один путь» 222

Ивлюшкин А.С. Прогноз развития норм МГП в условиях постколониальных конфликтов XXI века 231

Максименко С.В. Проблема международно-правового регулирования диаспор (перспективы их государственного ограничения) и мультикультурализм в канве «русского мира» (православия) 237

Шулаков А.А. Становление международного частного права Индии после обретения независимости..... 243

5. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Андреянова М.С. Семейно-правовое (имущественное) положение трофейной жены в Древней Руси..... 249

Максимова Н.А. Российский опыт правового регулирования семьи: прошлое и настоящее 257

Михайлова А.С. К вопросу о том, нужна ли обязательная медиация по семейно-правовым спорам (авторское мнение)..... 264

Пушкина А.В. О праве собственности на объект долевого строительства после сдачи жилого дома в эксплуатацию 280

6. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Алиэскеров М.А. Состязательный гражданский процесс в контексте трансформации его принципов 286

Василенко Ю.Е. Косвенные доказательства в спорах

о признании отношений трудовыми: вопросы допустимости и оценки..... 293

Жукова Ю.А. О роли суда на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве..... 299

Измалков А.В. Принцип конфиденциальности в примирительных процедурах ...306

Илларионов В.С. Процессуальные особенности оспаривания сделок должника в деле о банкротстве 310

Нахова Е.А. Выявление фактического состава правоотношения как элемента механизма определения предмета доказывания..... 317

Скобелев В.П. О некоторых проблемах структуры нового Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь 321

7. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Козловский Ю.А. Совершенствование правового статуса цифровой валюты и ее оборота в России: вызовы и решения в 2025 году 328

8. МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Еникеев О.А. Принципы правового регулирования биобанковской деятельности как инструмент обеспечения справедливости

в глобальном контексте:
«сила права» в ответ
на «право силы»
биотехнологических гигантов 338

**Михайлова-Новосельцева Т.И.,
Михайлова А.С.** К вопросу
о правах личности в отношении
участия в посмертном
донорстве 349

9. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Антропцева И.О. Финансовая
политика как механизм
обеспечения экономической
безопасности государства 363

Давыдова Д.А. Реконструкция
налоговых обязательств. Развитие
судебной практики в применении
положений статьи 54.1 НК РФ 369

Лубягина Д.В. Проблемы
правоприменительной практики
при разрешении споров
в условиях риска 377

10. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лысова А.А. Развитие
законодательства РФ в контексте
международно-правового
сотрудничества государств
по борьбе с загрязнением
пластиком 385

Харьков В.Н. Задачи
земельного законодательства
в сфере обеспечения
экологического развития
Российской Федерации 392

11. РЕЛИГИЯ И ПРАВО

Абдуллаев Р.А. Исламские
основы договорного права
в современной торговой
практике Турции 398

Артемов В.Ю. Исламское
право в Пакистане: уголовно-
правовая охрана веры
и нравственности 406

**Архимандрит Симеон
(Томачинский В.В.)** Власть
идеала или власть силы?
Политическая концепция
Августина Блаженного
и Данте Алигьери 414

Горбулин Г.П. Межбюджетное
распределение налога
на добавленную стоимость
как финансово-правовой
инструмент развития экономики
Исламской Республики Иран 418

Кокорин А.М. Свободы совести
и творчества: сбалансированность
правового регулирования 428

Палагутин А.А. Сукук
(исламские ценные бумаги)
и его правовая природа
и регулирование 433

Прошина М.В. Исламское
договорное право в условиях
глобализации: вызовы унификации
и сохранения шариатской
идентичности 440

Юсиф-Зада А.-А.И.
Биотехнологии и исламское
право: правовые аспекты
трансплантации органов
и тканей человека 444

12. ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Егоров Г.Г., Деркачева Т.В.

Сравнительно-правовой анализ
нормативных и организационных
основ пенсионных систем России,
Беларуси и Казахстане 449

Карданова И.В., Радаева С.В.

Право социального
обеспечения как инструмент
утверждения «силы права»
над «правом силы» 466

Шихалев В.И. Трудовые

правоотношения в условиях
развития цифровой
экономики 478

13. УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абшилава Г.В. Теза

о достижимости правосудного
решения 483

Александрова В.В. Генезис

преступного поведения:
интерпретация взглядов
С.В. Познышева 492

Арефинкина Е.Г.

Криминологический портрет
личности несовершеннолетнего
преступника: современное
состояние и перспективы
совершенствования института
уголовной ответственности 498

Батищев Н.Г. К вопросу о правовых
и организационных детерминантах

экологической преступности
на особо охраняемых природных
территориях и природных
объектах 505

Восканян А.А. Особенности
необходимой самообороны
в условиях современности 511

Горшкова К.Н. Проблематика
обжалования промежуточных
судебных решений по уголовному
делу в кассационную инстанцию:
трудности и пути преодоления 519

Дронова О.Б. Беспилотные
воздушные суда как инструмент
судебной фотографии
и видеозаписи 523

Ковтун Н.Н. Где правит сила —
право бессильно 528

Крылова Н.Е. Сергей Викторович
Познышев (1870–1943): основные
вехи жизненного пути 534

Латышев О.Ю., Латышева П.А.

Современные черты особой
жестокости как оценочного
признака и ее классификация 545

Матвеева А.А. Творческие идеи
профессора С.В. Познышева
и их значение для отечественной
криминологии 551

Самойлова Т.С., Слепченко А.Ю.

Критический анализ практики
объективного вменения 558

Сенцов В.В. Уголовно-правовой
и криминологический анализ
миграционной преступности
террористического характера
и экстремистской
направленности 565

Смоляков П.Н. Субъект административной ответственности за неисполнение судебных актов: эволюция сквозь призму «широкого» уголовного права 570

Староверова Н.В. Проблемные вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (судебная практика) 576

Стефанова Е.Ю. Темпоральные границы уголовного преследования: проблема определения его начального этапа 588

Федотова А.А. Реформирование института экспертизы в уголовном процессе ряда стран на постсоветском пространстве.....594

Харламов Д.Д. Отражение идей немецкой классической школы уголовного права в трудах С.В. Познышева 599

Чекулаев Д.П. Сила уголовно-процессуального права как ограничителя права силы в условиях военного времени 604

14. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Багаудинова Е.А. Интеграция обучающихся высших учебных заведений в систему оценки качества образования..... 613

Борисов Г.В. Использование искусственного интеллекта в юридическом образовании 620

Захаренко Н.А., Норина Е.В. Социально-экономические аспекты старта карьеры выпускников юридических вузов..... 626

Козин Д.В., Плеханов Д.А. Адвокатская монополия — жест пренебрежения к системе высшего юридического образования 634

Ценностный подход в праве

В настоящее время ценностный подход к праву подвергается критике со стороны большинства представителей юридической науки. Юристы, как ученые, так и практики, в подавляющем большинстве придерживаются позитивистской (нормативистской) парадигмы, которая не признает научную обоснованность и объективность оценочных суждений, свойственных естественно-правовой концепции¹.

Правовые ценности и ценность самого права исследовались в работах В.Г. Графского, Ю.А. Демидова, Л.С. Мамута, О.В. Мартышина, Н. Неновски, В.Н. Осина, Е.В. Сидоровой, А.Ф. Черданцева, В.Е. Чиркина и многих других ученых². Особую ценность в исследовании данной темы представляет научное творчество В.С. Нерсесянца³.

Формирование имманентных свойств права обусловлено диалектическим взаимодействием нормативных представлений индивидов и эмпирической действительности. Эти свойства, в свою очередь, коррелируют с доминирующей парадигмой правопонимания. На уровне высокой степени абстракции дефиниция права может быть редуцирована к двум комплементарным, но противоположным доктринам: позитивистской (легистской), акцентирующей внимание на законодательном акте (*lex*), и естественно-правовой (юридической), апеллирующей к понятию права (*ius*) как к универ-

¹ Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении / пер. с фр. И.А. Шапиро; предисл. М.М. Ковалевского. 4-е изд. М. : URSS, 2016. 76 с.; Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М. : Изд-во МГУ, 1978. 269 с.; Giorgio P. The Place of Legal Positivism in Contemporary Constitutional States // *Law and Philosophy*. 1999. № 18 (5). P. 513–536 ; Riccardo G. Legal Realism as a Positivistic Theory of Law // *Isonomía — Revista de teoría y filosofía del derecho*. 2020. № 53. DOI: 10.5347/isonomia.v0i53.452

² Черданцев А.Ф. Аксиологические проблемы правоведения // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 67–71; Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 182 с.; Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М. : Норма, 1998. 45 с.; Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 114–119; Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг.; вступ. ст. и пер. В.М. Сафронова ; под ред. В.Д. Зорькина. М., 1987. 248 с.; Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13; Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14; Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 46–55; Сидорова Е.В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей // Государство и право. 2012. № 7. С. 96–101.

³ Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 26–35; Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1996; Нерсесянц В.С. Право и культура: предмет и проблемы юридической аксиологии // Право и культура : монография / В.С. Нерсесянц [и др.]; отв. ред. Н.С. Соколова. 2-е изд., перераб. М. : Российский университет дружбы народов, 2009. 384 с.

сальному принципу. «То, что может сотворить какое-либо устройство в руках людей, зависит исключительно от характера тех целей, которые ставит перед собой человечество. Коль скоро эти цели намечены, научный метод указывает средства для достижения их»⁴.

Ценности представляют собой совокупность материальных и духовных благ, а также идеалов, определяющих цели и направления деятельности как отдельных личностей, так и общества в целом. Процесс их формирования обусловлен воспитанием, образованием, информационным воздействием и эмпирическим опытом. На уровне обыденного сознания ценности, как правило, не обладают рациональной структурой и системностью⁵. Опосредование ценностей наукой сообщает им свойства системности и объективности.

Легитимность права как инструмента гуманистического прогресса обусловлена не только его эпистемологической функцией, заключающейся в получении и систематизации объективного знания о правовой действительности, но и его аксиологической функцией, направленной на формирование и утверждение ценностей, признаваемых большинством членов общества универсальными. Предположение об универсальном характере базовых ценностей, таких как ценность жизни, свободы и безопасности, имеет под собой реальные основания. Аналогично тому, как в рамках релятивистской парадигмы любое физическое тело обладает энергией в силу самого факта своего существования, в гуманитарном дискурсе человек наделен неотъемлемыми правами, вытекающими из его человеческой природы⁶. Ценностный подход в праве поднимает актуальную проблему: существуют ли универсальные ценности и некая общая система отсчета, подобная физическим константам, которая позволила бы сравнивать и оценивать значимость других, менее универсальных ценностей? Р. Джаханбеглу предлагает свое решение, утверждая, что фундаментальными универсальными ценностями, имеющими значение для каждого человека вне зависимости от его происхождения, социального статуса или религиозных взглядов, являются права и свободы человека. К ним он относит прежде всего право на жизнь, свободу, безопасность и юридическое равенство⁷.

Ценностная составляющая права получает объективное выражение в нормах законодательства, в особенности в конституционных положениях. Формулировка ст. 2 Конституции Российской Федерации, утверждающая приоритет человека, его прав и свобод и возлагающая на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите, не только легализует понятие ценностей и определяет их конкретный объект, но и устанавливает их иерархическую структуру.

⁴ Einstein A. The Common Language of Science // *Advancement of Science*. 1942. № II. P. 109.

⁵ Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Дело, 2010. 432 с.

⁶ Антонченко В.В. Право и общественные интересы // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. Т. 24. № 1. С. 1748–183.

⁷ Jahanbegloo R. *Conversations with Isaiah Berlin*. London: Halban Publishers, 2011. 368 p.

Развитие гуманитарной мысли неразрывно связано с фундаментальными переменами в цивилизации, которые помогли человечеству выбраться из того, что с современной точки зрения кажется крайне неблагоприятным состоянием, длившемся на протяжении значительной части его истории. Это состояние, типичное для всех государств, характеризовалось закрепленным в обществе неравенством, разделением на касты и сословия, отсутствием путей для восходящей социальной мобильности, бесправием большинства населения и неоправданным применением силы. Все это, в свою очередь, приводило к экономическим проблемам и политической неустойчивости.

Поскольку цивилизация стремится к созданию единого экономического пространства, возникает естественная потребность в общемировых стандартах благополучия и безопасности. Эти стандарты, в свою очередь, могут быть достигнуты только при наличии демократических и правовых социально-политических систем. Процесс движения к праву и народовластию, запущенный в XX в. и осложненный различными факторами в отдельных странах, в XXI в. приобретает всеобъемлющий, глобальный характер. Поиск обществом путей к свободе, справедливости, равенству и законности, даже из состояния их дефицита, является не менее, а более важным для выживания человечества, чем технические и технологические достижения. Если познание законов природы облегчает существование человека и выводит его на новый уровень, то понимание законов развития общества дает ему шанс выжить.

В советское время право трактовалось как система общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая его силой. Это видение было прочно связано с материалистическим и классовым пониманием права. Сегодня, когда мы определяем право как набор общеобязательных, формально установленных правил поведения, подкрепленных государственным принуждением, мы все еще признаем его связь с волей господствующих классов. Однако это уже не элемент марксистско-ленинской критики буржуазного строя, который нужно было разрушить. Теперь это осмысление реальной политико-правовой действительности и насущная проблема, требующая практического решения.

Анализ исторического развития доктрин правового государства и правовопонимания выявляет прямую корреляцию между реальными общественными интересами и состоянием обеспечения и защиты прав человека и гражданина, а также степенью воплощения в обществе принципов равенства, справедливости и гуманизма⁸. Легитимность права напрямую зависит от его подкрепления государственной властью. Государство же, действующее вне правовых рамок и игнорирующее интересы общества и его членов,

⁸ Байтин М.И. Сущность права: современное нормативное правовопонимание на грани двух веков. Саратов : Изд-во Саратовской. гос. акад. права, 2001. 413 с.; Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире / Сборник статей. Отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М. : ЛУМ, Юстицинформ, 2013. 560 с.

демонстрирует внутреннюю неустойчивость, несмотря на внешние признаки силы. В подобной системе власть, выходя за пределы установленных законом норм, утрачивает доверие как со стороны граждан, так и в непредсказуемый, но неизбежный момент со стороны самой правящей элиты. Последняя в условиях дефицита эффективной правовой системы осознает собственную незащищенность. Государство и право, находясь в состоянии взаимообусловленности и взаимного влияния, в определенной степени представляют собой антагонистические силы. Как подчеркивал С.С. Алексеев, право существует и эволюционирует в процессе противостояния с государством, выступая как значимый фактор, препятствующий установлению тоталитарного режима⁹.

Стереотипы правопонимания и дефекты правосознания являются неотъемлемой частью правовой культуры подобно тому, как они присущи культуре в целом. Ценностно-нормативная система общества, будучи воплощением совокупности индивидуальных и общественных ценностей, может базироваться на иррациональном традиционализме и неадекватных мыслительных моделях. Идеологическое обоснование такой системы, черпаемое из трактовок некоторых вероучений, способно формировать, например, сторонников насильственных методов борьбы с оппонентами или представителями других религий. Бесчеловечный религиозный фундаментализм, функционирующий как «право» в определенных сообществах, служит оправданием для совершения терактов и массовых убийств. Это ставит под сомнение легитимность позитивного права государств, которые разделяют подобные установки в отношении межэтнических и межконфессиональных отношений, и требует осмысления его правовой природы.

Устаревшие общественные ценности, включая антигуманные обычаи и религиозные догмы, которые поддерживают сословное деление, неравенство по социальному статусу и полу, кумовство и строгую иерархию, не могут считаться законными, даже если они формально закреплены в законах. Правовые системы стран, придерживающихся традиционного уклада или недемократических режимов, также можно считать устаревшими.

Законы, основанные на религиозных и традиционных нормах, допускающие, например, браки взрослых мужчин с несовершеннолетними девочками или убийства женщин за измену (действия, которые в развитых странах квалифицируются как преступления, такие как педофилия, торговля людьми и убийство), противоречат современному юридическому пониманию права. Однако они полностью соответствуют позитивистскому подходу к праву¹⁰. Актуальность аксиологического подхода в праве, который ставит во главу угла самооценку личности и общечеловеческие ценности, наглядно де-

⁹ Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 3–11.

¹⁰ Black E.A., Esmaeili H., Hosen N. Modern Perspectives on Islamic Law. Cheltenham, UK. 2014. P. 222–223; Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 37. DOI: 10.1017/CBO9780511610677

монстрируется на примерах противоречий между позитивистским и юридическим правопониманием.

Нормативистская (позитивистская) концепция права исключает его ценностную составляющую. В рамках данного подхода право трактуется как совокупность норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством, т.е., по сути, законодательной властью и политическими элитами. Деятельность государственных органов по правотворчеству и формированию правовой среды напрямую связана с имплементацией норм и ценностей, регулирующих поведение индивидов. Эти ценности могут носить как социально позитивный (гуманный), так и социально негативный (антигуманный) характер. Гуманистической парадигме позитивного права противостоит антигуманное (неправовое) понимание, рассматривающее право как инструмент реализации частных, групповых, экономических, идеологических или религиозных интересов. Аксиологический подход выступает в качестве методологического инструмента для разграничения правовой нормы и законодательства от их противоположности — контрправа. Эти понятия представляют собой стороны диалектического противоречия в системе социальных отношений, обуславливая либо прогрессивное, либо регрессивное развитие общества. Аксиологическое правопонимание неразрывно связано с признанием прогрессивной роли позитивных интенций гуманистической парадигмы в эволюции общественных отношений.

Поскольку люди, будучи индивидами, неизменно стремятся к обеспечению и защите своих жизненно важных интересов (таких как жизнь, здоровье, свобода, благополучие и безопасность), независимо от их расовой, национальной или социальной принадлежности, это делает высшие, универсальные ценности реально существующим понятием, а не абстракцией. Существование этих базовых, универсальных ценностей служит основанием для формирования правовых норм, основанных на «гуманистической этике», что, в свою очередь, предполагает новое мировоззрение и понимание права как справедливости.

Оценка достижений цивилизации должна основываться на их вкладе в прогресс или регресс, а также на том, какое правовое поле их поддерживает. Именно это определяет, насколько правомерными (культурными) или неправомерными (антикультурными) являются существующие нормы права и связанные с ними общественные отношения, проявляющиеся в конкретном политическом строе. Истинная оценка того, что законно, возможна только при наличии правового сознания, обладающего ценностным измерением. Такое сознание, разделяемое обществом и властью, является фундаментом для построения правовой реальности.

Путь развития человечества, его культуры и правовых систем неизменно подтверждает истину, высказанную Протагором: «Человек есть мера всех вещей». Общества, где человек и его неотъемлемые права и свободы занимают центральное место, а государство добросовестно исполняет свой долг по их охране, демонстрируют наиболее впечатляющие успехи и высокий уро-

вень цивилизованности. Это благотворно сказывается на всех аспектах существования индивида и социума. Уровень развития правовых институтов, торжество законности, а также реальная возможность граждан участвовать в управлении и влиять на него — все это является фундаментом для высокого качества жизни населения, его процветания и общего прогресса общества.

Аксиологическая парадигма, в основе которой лежат права человека и гуманистические принципы, имеет первостепенное значение для отечественного правопорядка и правоприменительной деятельности. Конституционная норма, утверждающая человека, его права и свободы в качестве высшей ценности и возлагающая на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите, формирует необходимый базис для юридического осмысления права, однако не является исчерпывающей для конструирования прогрессивной правовой действительности. Традиционные аспекты правовой культуры, обусловленные недостаточным уровнем развития политического и правового сознания, создают потенциальные риски для обеспечения прав человека, поддержания общественной стабильности и государственной безопасности. Позитивное право, лишенное естественно-правового обоснования, игнорирующее примат прав индивида и базирующееся на архаичных обычаях, по своей сути представляет собой проявление правовой некомпетентности.

Ценностный подход является фундаментальным для юридино-правовой сферы, которая не только реагирует на общественные потребности, но и активно формирует социальную действительность, передавая ей смысловые, ценностные и нормативные установки. В отсутствие строго формализованных методов исследования права и других гуманитарных областей, ценностные основания приобретают статус основного метода, необходимого для постижения общественных процессов.

Антонченко В.В.,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточной пожарно-спасательной академии — филиала
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Владивосток)

Литература

1. Алексеев С.С. Право: время новых подходов / С.С. Алексеев // Советское государство и право. 1991. № 2.
2. Антонченко В.В. Право и общественные интересы / В.В. Антонченко // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1.
3. Байтин М.И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М.И. Байтин. Саратов : Издательство Саратовской государственной академии права, 2001.

4. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода / В.Г. Графский // Государство и право. 1998. № 8.
5. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. Москва : Юридическая литература, 1975.
6. Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире : сборник статей / ответственные редакторы: В.Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. Москва : ЛУМ, Юстицинформ, 2013.
7. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России / В.Д. Зорькин. Москва : Издательство МГУ, 1978.
8. Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении / О. Конт ; перевод с французского И.А. Шапиро ; предисловие М.М. Ковалевского. 4-е изд. Москва : URSS, 2016.
9. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении / Л.С. Мамут. Москва : Норма, 1998.
10. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права / О.В. Мартышин // Государство и право. 2004. № 10.
11. Неновски Н. Право и ценности : перевод с болгарского / Н. Неновски ; вступительная статья и перевод В.М. Сафронова ; под редакцией В.Д. Зорькина. Москва : Прогресс, 1987.
12. Нерсесянц В.С. Право и культура: предмет и проблемы юридической аксиологии // Право и культура : монография / В.С. Нерсесянц [и др.] ; ответственный редактор Н.С. Соколова. 2-е изд., перераб. Москва : Российский университет дружбы народов, 2009.
13. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия / В.С. Нерсесянц // Советское государство и право. 1983. № 10.
14. Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет / В.Н. Осин // Вопросы философии. 2012. № 9.
15. Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим / А.И. Пригожин. Москва : Дело, 2010.
16. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / ответственный редактор В.С. Нерсесянц. Москва : Институт государства и права РАН, 1996.
17. Сидорова Е.В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей / Е.В. Сидорова // Государство и право. 2012. № 7.
18. Черданцев А.Ф. Аксиологические проблемы правоведения / А.Ф. Черданцев // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права / редколлегия: С.В. Поленина [и др.]. Москва : [б. и.], 1974.
19. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В.Е. Чиркин // Государство и право. 2002. № 2.

References

1. Black, E.A. Modern Perspectives on Islamic Law / E.A. Black, H. Esmaeili, N. Hosen. Cheltenham, UK, 2014.
2. Einstein, A. The Common Language of Science / A. Einstein // Advancement of Science. 1942. Vol. 2. Iss. 5.
3. Guastini, R. Legal Realism as a Positivist Theory of Law / R. Guastini // Isonomía — Revista de teoría y filosofía del derecho. 2020. Iss. 53. DOI: 10.5347/isonomia.v0i53.452.
4. Jahanbegloo, R. Conversations with Isaiah Berlin / R. Jahanbegloo. Halban Publishers, 2011.
5. Peters, R. Crime and Punishment in Islamic Law / R. Peters. Cambridge University Press, 2006. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610677>.
6. Pino, G. The Place of Legal Positivism in Contemporary Constitutional States / G. Pino // Law and Philosophy. 1999. Vol. 18. Iss. 5.

Проявления силы права и права силы в доктрине развития права *contra legem*

Формулировки «сила права» и «право силы», как правило, рассматриваются в контексте придания политической властью установленному государством позитивному праву действительности и действенности (соблюдения его норм и выполнения требований) либо их игнорирования. Если политическая власть в ходе политической борьбы или в других кризисных ситуациях соблюдает нормы установленного ею позитивного права, то констатируется, что действовала (победила) сила права, а если эта власть ради политической целесообразности обходит нормы позитивного права и ей удается достичь ожидаемого политического результата, то констатируется, что действовало (победило) право силы¹.

В настоящей статье формулировки «сила права» и «право силы» будут представлены с точки зрения доктрины развития права *contra legem*. В русле доктрины развития права *contra legem* можно выделить два качественно разных направления: доктрина развития права *contra legem* в классическом смысле и доктрина развития права *contra legem* в условиях революции.

1. Согласно доктрине развития права *contra legem* в классическом смысле, в случае гипер(сверх)несправедливости или гипер(сверх)нелогичности конкретного положения закона² судья развивает право вопреки конкретной статье закона на основе конкретных принципов права.

2. Согласно доктрине развития права *contra legem* в условиях революции, новая (революционная) власть в случае противостоянии старых и новых правопорядков развивает право вопреки законам свергнутой власти.

Эти направления развития права *contra legem* можно объяснить, беря за основу различные типы правопонимания. Так, после успешной революции развитие революционного права вопреки старым законам оправдывается психологической теорией права Л. Петражицкого или нормативистской доктриной Г. Кельзена, а доктрина развития права *contra legem* в классическом смысле, в частности, учением естественного права³.

В этих двух качественно различных направлениях доктрины развития права *contra legem* зримо выражаются сила права (*ius*) и право силы (*voluntas*).

¹ Текст переведен на русский с использованием ИИ-платформы «DeepSeek».

² См.: Гамбарян А.С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права *contra legem* // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 4. С. 15–24.

³ См.: Гамбарян А.С., Дабагян В.В. Юридическая концепция революции и судебное применение доктрины Г. Кельзена. СПб. : Алетей, 2025; Гамбарян А.С. Юридическая концепция революции Л.И. Петражицкого и развитие интуитивного права *contra legem* // Правоведение. 2025. Т. 69. № 2. С. 254–270.

В основе развития права *contra legem* в классическом смысле лежит сила права, поскольку при различении права и закона и их *ad hoc* противопоставлении данная доктрина позволяет суду при наличии соответствующих условий при разрешении спора руководствоваться не законодательной нормой, а принципами права и выводимыми из них правилами поведения.

В контексте доктрины развития права *contra legem* в классическом смысле в формуле «сила права» под правом понимается не государственное позитивное право, чья сила, т.е. действительность и действенность, как правило, обеспечивается создавшей его политической властью, а естественное право или принципы права, чью силу, т.е. действительность и действенность, обеспечивает судебная власть.

В данном случае действует формула «сила права», поскольку в конкретной ситуации ценностная сила права приобретает верховенство по отношению к той или иной норме государственного закона: судам предоставляется возможность сохранять действительность и действенность права даже вопреки закону. С аксиологической точки зрения именно таковым должно быть практическое воплощение или проявление силы права.

Формула силы права фрагментарна, если она рассматривается лишь в правотворческой плоскости, т.е. если к законодательному органу просто обращаются с призывом принимать законы, соответствующие принципам права. Сила права становится полной тогда, когда в правоприменительной плоскости суду предоставляется возможность противостоять той или иной норме закона и разрешить спор на основе принципов права и выводимых из них правил — в случае, если в правотворческой плоскости сила права не была соблюдена, т.е. законодатель, принимая нормы, нарушил требования принципов права, вследствие чего возникло вопиющее противоречие между нормой закона и принципами права.

Эта интерпретация «силы права» находит свое отражение в работе Рональда Дворкина. В своей книге «Империя права» Дворкин посвятил раздел силе и основаниям права, где сила права рассматривается как морально-политическая категория. Дворкин настаивает, что полная теория права должна состоять из двух взаимосвязанных частей:

«...полная политическая теория права включает по меньшей мере две главные части: она говорит как об основаниях права — обстоятельствах, в которых конкретные правовые положения должны приниматься как действительные или истинные, так и о силе права — относительной способности любого истинного правового положения обосновать принуждение в различного рода исключительных обстоятельствах»⁴.

Основания права — это ответ на вопрос «*Что является правом?*» (например, решение парламента, судебный прецедент, моральный принцип).

⁴ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 156.

Сила права — это ответ на вопрос «*Насколько весомым является это право как довод для принудительного действия?*» и «*При каких условиях этот довод может быть преодолен иными моральными соображениями?*» При этом сила права отчасти проистекает из его оснований, поскольку то, что делает право правом, одновременно придает ему некоторый моральный вес.

Как прямо указывает Дворкин: «Считать что-то за норму и быть обязанным следовать какой-то норме — разные вещи»⁵.

Эта «сила права» как моральный вес представляет собой обосновывающую силу, которую сам факт существования права придает решению о применении коллективной силы государства против индивида. Он отмечает:

«...право задает принципиальное обоснование для официального принуждения... в процветающей правовой системе сам факт права обеспечивает довод в пользу принуждения, который должен устоять, если не будет приведен какой-то исключительный контраргумент»⁶.

Для Дворкина «сила права» является относительной и может быть преодолена в исключительных обстоятельствах сильными контраргументами справедливости. Именно относительный характер «силы права» позволяет Дворкину объяснить, почему люди (и юристы) могут признавать существование права, но оспаривать обязанность его применять в конкретном случае. Он указывает:

«Концепции права, являющиеся теориями об основаниях права, не обязывают нас ни к каким особым или конкретным утверждениям о том, как должны вести себя граждане или как судьи должны решать дела. Для каждого остается открытой возможность сказать, что, хотя право на стороне... обстоятельства этих дел в некотором отношении являются настолько особенными, что судья не должен проводить право в жизнь»⁷.

Таким образом, сила права у Дворкина — это не приказ суверена, а презумпция в пользу подчинения, вытекающая из морального обоснования политического сообщества, которое это право создало.

Далее для проведения сравнительного анализа обратимся к сформулированной нами ранее концепции. Если абстрагироваться от языковых различий между понятиями «закон» и «право» в русском и английском языках, то можно обнаружить значительное сходство между концепцией силы права у Дворкина и концепцией силы права, лежащей в основе доктрины развития права *contra legem*. В обоих случаях «сила права» понимается не как физическое принуждение, а как нормативный вес, моральный довод. Этот общий подход используется в обеих концепциях для того, чтобы объяснить, каким образом суд может правомерно отступить от буквы закона.

⁵ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 55.

⁶ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. М., Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 155.

⁷ Там же. 158.

Согласно Дворкину, сила права — это довод, «который должен устоять, если не будет приведен какой-то исключительный контраргумент», и «может быть отклонен только при наличии особых обстоятельств». С точки же зрения доктрины развития права *contra legem* в классическом смысле суд руководствуется принципами права, когда возникает «вопиющее противоречие между нормой закона и принципами права». Таким образом, это «вопиющее противоречие» и есть не что иное, как исключительный контраргумент Дворкина, основанный на соображениях справедливости.

Вместе с тем между этими подходами существуют и определенные различия. Дворкин остается на более абстрактном, философском уровне. «Сила права» для него — это общий довод, вытекающий из самого факта существования правовой системы, основанной на целостности (*integrity*) и морали. Он не дает четкого каталога принципов.

В рамках классического понимания доктрины развития права *contra legem*, напротив, конкретно указывается, что сила права проистекает из принципов права (естественного права или отраслевых принципов), которые обладают собственной ценностной силой.

В основе второго направления доктрины развития права *contra legem* — развития права вопреки закону в условиях революции — лежит право силы, здесь «сила права» сменяется «правом силы», поскольку оно позволяет революционным силам насильственно противостоять действующему позитивному праву (правопорядку) и установившей его политической власти, а в случае успеха революции — установить новое право, противоречащее прежнему правопорядку, который с формально-юридической точки зрения продолжает считаться действующим, несмотря на свержение установившего его правительства.

Например, известный немецкий юрист Г. Еллинек в работе «Борьба старого права с новым» описывает революцию (насильственный государственный переворот) как бесправную силу, которая уничтожает бессильное право, но эта бесправная сила в случае победы приобретает правосозидательную власть. Он пишет:

«В насильственных государственных переворотах нового времени не право стояло против права, а бесправная сила против бессильного права. Только победа этой силы сообщает ей качества правосозидающей власти... Конечно, те, которые стремятся к государственному перевороту, всегда утверждают, что некоторые высшие права уполномочивают их на их деяния. Однако подобное право пока что еще не признано, потому не есть еще право в смысле существующего порядка, оно еще не действует. Действующим оно уже было бы — сама борьба протекала бы в законных формах»⁸.

Г. Еллинек считает, что на начальном этапе революций (переворотов) между собой борются не правопорядки, а бессильное право и неправовая

⁸ Еллинек Г. Борьба старого права с новым / пер. с нем. М., 1908. С. 20–21.

сила, однако с того момента, как революционная сила преуспевает, ее победа придает «неправовой силе» правосозидающий характер.

Российский конституционист В.А. Гессен подошел к этому вопросу с другой точки зрения. Он отмечает, что во время революции происходит столкновение силы, «которая была правом», с силой, «которая хочет им стать». В.А. Гессен не думал, что любая революция имеет правосозидательную силу. Только революционное посягательство на нежизнеспособный правопорядок (когда действующее право исчерпало себя, потеряло свою действенность) может иметь правосозидательный потенциал, а если революция посягает на жизнеспособный правопорядок, то это не правотворческий акт, а преступление, восстание силы против права⁹.

Я.М. Магазинер посвятил отдельный параграф неправо как источнику права:

«Когда же правонарушение может стать источником права? ... Правонарушение тогда только может стать источником права, когда оно совершено лицом или группой, имеющими или захватившими власть над правопорядком, т.е. когда один и тот же акт является преступлением с точки зрения старого права и источником права — с точки зрения нового права... В этом и заключается правотворческая роль революции: для того чтобы она могла сыграть эту роль, необходимы не только ее успешность, т.е. захват власти, но и фактическое осуществление тех положительных правовых начал, во имя которых революция совершена»¹⁰.

Если революция, с одной стороны, является противоправным процессом, а с другой — правосозидательным актом, то получается, что революция (= правонарушение) является источником права в материальном смысле. Немецкие специалисты отмечают, что способность правонарушения (несомненно, имевшего место во время революции в ноябре 1918 г. в Германской империи) стать источником права представляла собой теоретический парадокс¹¹.

В революционной государственно-правовой системе возможны две качественно разные ситуации действий вопреки закону: одна — развитие права *contra legem* (правомерная ситуация), другая — нарушение закона (противоправная ситуация или революционное бесправие). Развитие права *contra legem* в условиях революции следует отличать от революционного бесправия, т.е. ситуаций, когда после успеха революции новая власть официально разрешает своим агентам нарушать установленные ею же законы с целью повышения эффективности борьбы с политическими противниками.

⁹ Гессен В.А. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 357.

¹⁰ Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А.К. Кравцов. СПб. : Юридический центр пресс, 2006. С. 101.

¹¹ Штоллайс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм / пер. с нем. М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 129–130.

Так, после Октябрьской революции, в период формирования советской власти, официально была объявлена революционная законность, которая, по сути, была не законностью, а отрицанием законности. В п. 2 Постановления VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов «О революционной законности» от 8 ноября 1918 г. указывалось:

«Впредь установить, что меры, отступающие от законов *Российской Социалистической Федеративной Советской Республики* или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией»¹² (курсив автора).

Таким образом, политическая власть официально разрешила соответствующим органам нарушать законы РСФСР и придавала противозаконным действиям своих структур законную форму. Данная ситуация представляет собой не развитие права *contra legem*, а бесправие, поскольку официальное разрешение со стороны победившей силы нарушать собственные законы выходит за рамки закономерностей революции.

С точки зрения учения о развитии права *contra legem* в классическом смысле и учения о развитии права *contra legem* в условиях революции, действие (развитие права) вопреки закону квалифицируется как правомерное поведение, однако эти два направления доктрины развития права *contra legem* качественно различаются.

Представим основные различия между этими двумя направлениями доктрины развития права *contra legem*.

Во-первых, в случае революции новая власть противопоставляется правопорядку свергнутой власти не потому, что этот правопорядок противоречит принципам права, а потому, что революция (особенно революция в прямом смысле) призвана разорвать связь с предыдущей системой, свергнуть старый правопорядок и вместо него создать новый. В отличие от сказанного, в случае доктрины развития права *contra legem* в классическом смысле развитие права вопреки закону обусловлено принципами права.

В контексте этой характеристики возникает другой вопрос: имеет ли какое-либо значение различие между понятиями «право» и «закон» с точки зрения учения о развитии права *contra legem* в условиях революции, почему в случае старого правопорядка мы используем термин «закон», а в случае актов революционной власти — термин «право»?

В случае доктрины развития права вопреки закону в классическом смысле различие между законом и правом обусловлено таким правопониманием, которое считает возможным существование права вне закона, даже вопреки закону. В этом случае право развивается вопреки положениям закона, противоречащим принципам права, т.е. из принципов права выводятся такие новые правила поведения, которые противоречат правилам, закрепленным в законе.

¹² Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов «О революционной законности» // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5405/>

В случае учения о развитии права *contra legem* в условиях революции различие между понятиями «право» и «закон» может быть оправдано соответствующим типом правопонимания. Например, если исходить из подхода, согласно которому революционный акт основан на естественном праве на сопротивление, то в этом контексте различие между правом и законом оправданно, поскольку новое («революционное») право основано на идее естественного права на сопротивление, которое может быть реализовано вопреки законам свергнутой власти.

Во-вторых, в случае учения о развитии права *contra legem* в условиях революции *новая власть* противопоставляется старому правопорядку *в целом*, тогда как в классическом смысле в доктрине развития права *contra legem* суды могут противопоставляться конкретному положению конкретного закона. Кроме того, суды могут противопоставляться таким положениям закона, которые носят преимущественно профессиональный (юридический) характер. Таковыми, например, выступают законодательные нормы о толковании правовых актов, законодательных способах разрешения правовых коллизий, механизмах преодоления пробелов в законе, законодательных правил о действии закона во времени и пространстве, законодательной дефиниции.

Между тем в условиях революции предметные пределы развития права *contra legem* более масштабны (всеобъемлющи). В зависимости от характера революции, она может охватывать различные законы как политического, так и неполитического характера (например, старую конституцию или избирательное законодательство).

В-третьих, во время революции развитие права вопреки закону легитимируется через механизм прямого народовластия. Успех революции существенно зависит от степени вовлеченности (поддержки) широких народных масс. Если революция увенчалась успехом, значит, она была защищена народом, из этого следует, что народ *a posteriori* признает развитие права вопреки законам свергнутой власти.

В случае доктрины развития права *contra legem* в классическом смысле в легитимации развития права вопреки положению закона народ непосредственно не участвует, вопрос его легитимации не так ясен, как предыдущий.

Развитие права *contra legem* в классическом смысле легитимируется ценностным содержанием принципов права, а также привлечением мнения профессионального сообщества по вопросу соотношения конкретного принципа права и противоречащего ему положения закона.

Принципы права являются средствами легитимации судебного акта *contra legem*. Дело в том, что в принципах права отражены правовые ценности — представления о минимальной справедливости конкретного общества. В этом смысле принципы права *a priori* не могут противоречить требованиям и представлениям конкретного общества. Если суд действует на основе принципов права даже вопреки положениям закона, его решения все равно

будут иметь общественное признание в силу того факта, что принципы права, которыми он руководствовался, отражают минимальные правовые требования данного общества. Общественность заинтересована в том, чтобы судебные акты исходили из этих принципов. Если законодатель принял некоторое положение закона, а суд опроверг презумпцию его легитимности и принял решение, основанное на принципах права, то судебный акт *contra legem* легитимируется этими принципами. Общественность признает судебный акт *contra legem*, так как последний проистекает из минимальных требований справедливости или логики, особенно если этим актом суд выступает против вопиющей нелогичности и несправедливости закона.

Средством легитимации развития права *contra legem* является также то, что суды, чтобы сориентироваться в этом ответственном вопросе противопоставления закону, должны также привлечь к обсуждению вопроса профессиональное сообщество, выслушать их мнение, получить профессиональные заключения (*Amicus curiae* brief). Этот способ легитимации напоминает делиберативную (совещательную) демократию.

Более того, как справедливо отмечается в современной правовой доктрине, «мир не стоит на месте... Возможно, мерилom справедливости станет искусственный интеллект электронно-вычислительной машины, что в очередной раз трансформирует экзистенцию правосудия»¹³. Уже в современную эпоху для формирования ответственной правовой позиции суда при развитии права *contra legem* может быть использован не только традиционный анализ (*amicus curiae*), но и выводы, полученные с помощью систем искусственного интеллекта (ИИ). Речь идет о том, что системе ИИ можно задать на анализ противоречащие друг другу норму и принцип права, поставив перед ней две последовательные задачи: во-первых, определить, имеется ли между ними противоречие, достигающее степени «вопиющего»; во-вторых — сформулировать новую правовую норму, непосредственно вытекающую из данного принципа, которая разрешила бы спор вместо той, что содержит противоречие.

Учитывая, что доктрина развития права вопреки закону (*contra legem*) в условиях революции всесторонне обсуждалась¹⁴, мы рассмотрим вопросы развития права *contra legem* в классическом смысле и изучим их с точки зрения российской правовой системы.

В советской юридической науке принцип законности по существу «сакрализован», он рассматривался как безусловный принцип, не допускающий никаких исключений. Однако даже в тот период встречались теоретические подходы, оправдывавшие отступление от действующих законов или корректировку закона судьей, если эти законы не соответствовали актуальным требованиям времени. Например, А.Я. Вышинский указывал:

¹³ Ланг П.П. Экзистенция правосудия : монография. М. : Проспект, 2025. С. 116–117.

¹⁴ См.: Гамбарян А.С., Дабагян В.В. Юридическая концепция революции и судебное применение доктрины Г. Кельзена. СПб. : Алетей, 2025. С. 69–77.

«Формальные требования закона могут в некоторых случаях вступить в противоречие с требованиями живой жизни, с живыми интересами общества и отдельного человека. Разрешение или устранение таких противоречий является одним из важнейших условий правильного осуществления правосудия. Неспособность устранить противоречия подобного рода есть показатель неправоудного «правосудия», правосудия в кавычках. Социалистическое правосознание в деле устранения возможных противоречий между формулой закона и жизненным требованием играет решающую роль ...»¹⁵

Он отмечал, что «правосознание судьи корректирует применение закона»¹⁶. Таким подходом Вышинский отрицал силу позитивного права, которое не соответствовало новым условиям жизни. Он прямо не указывал, какими правилами или каким правом должен руководствоваться судья при разрешении спора в случае отрицания закона, противоречащего новым жизненным условиям, однако из цитаты можно предположить, что судья должен был разрешать спор на этот раз на основе «социалистического правосознания». В остальных же случаях позитивное право государства должно было действовать безусловно. Тем не менее история показала, что в основе деятельности Вышинского лежала не столько сила позитивного права, сколько право силы, что позволяло политической власти, исходя из принципов политической эффективности и целесообразности, отступать от требований установленных ею же законов.

После падения сталинского режима этот подход Вышинского подвергся резкой критике со стороны российских ученых. Например, П.С. Элькинд писал:

«Выступая на словах за законность в правосудии, А. Я. Вышинский в то же время обосновывал возможность ее нарушения. Едва ли нужно доказывать, что, если органу государства, применяющему закон, было бы предоставлено право его отмены или изменения, ни о какой законности не могло быть и речи. Закон, который перестает соответствовать требованиям жизни, должен быть отменен или изменен. Но сделать это может только законодатель и не иначе, как в порядке, установленном законом»¹⁷.

Этот жесткий подход П.С. Элькинд о безусловном действии принципа законности характерен для теории советского права, которая не соответствовала закономерности допущения исключений из принципов, однако это уже вопрос отдельного обсуждения.

Что касается вышеуказанного подхода Вышинского, то следует отметить, что он не имеет отношения к доктрине развития права *contra legem* в классическом смысле, поскольку в его основе не лежала аксиологическая сторона принципов права.

¹⁵ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 120.

¹⁶ Там же. С. 118–119.

¹⁷ Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М. : Юридическая литература, 1967. С. 178–179.

Период распада СССР и становления Российской Федерации стал тем уникальным историческим моментом, когда в идеологической плоскости было официально принято, что право есть нечто большее, чем закон, и получила легитимацию сама идея развития права *вопреки закону*. Так, в Постановлении Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» было указано следующее:

«Уважение к закону и неукоснительное следование ему не исключает необходимости создать в процессе судебной реформы механизмы, с одной стороны, предотвращающие возможность применения неправовых, тем более преступных, законов, а с другой — сдерживающие карающую силу санкций в конкретных нетипичных случаях. Законодатель должен примириться с тем, что его установления будут проверяться на справедливость на двух уровнях: абстрактном (в сфере законотворчества) и конкретном (в момент приложения нормы к фрагменту живой жизни). ... Таким образом, судебная власть получает в правовом государстве возможность блокировать или затруднять действие неразумных законов, угрожать власти исполнительной ответственностью за несоблюдение воли представительных учреждений, защищать права граждан от тирании политиков и чиновников, быть для других ветвей власти блоком обратной связи»¹⁸.

В Концепции судебной реформы эта прогрессивная идея, согласно которой судам должна быть предоставлена возможность не применять неправовые или преступные законы, если бы получила доктринальное признание и развитие, могла бы стать идеологической основой формирования доктрины развития права *contra legem* в классическом смысле. Впоследствии она была реализована лишь посредством внедрения институциональной системы конституционного правосудия.

Указанная в Концепции судебной реформы идея не только не получила развития и не приобрела статуса единой и целостной доктрины, но и подверглась резкой критике на том основании, что «реализация этой идеи приведет лишь к разрушению законности — необходимого условия существования любого государства. Даже при бедной фантазии нетрудно представить возможные последствия: беспредел и анархию в регулировании общественных отношений»¹⁹. Эта критика, будучи стандартной для легистского подхода, коренится в эксклюзивном позитивизме, который по своей природе носит тоталитарный характер, поскольку полностью исключает какую-либо возможность развития права вопреки букве закона, независимо от конкретных обстоятельств.

¹⁸ Постановление Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // URL: <https://gigabaza.ru/doc/92102-pall.html>

¹⁹ Кокорев Л.Д. Суд в механизме государственной власти // Юридические записки. Вып. 3: Проблемы государственной власти. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1995. С. 58.

Л.Д. Кокорев ставит вопрос: что если у судей возникнут сомнения в соответствии «идеалам права» таких законов, как грабительские акты о приватизации, ваучеризации или разорившие вкладчиков Сбербанка²⁰? В этой связи следует отметить, что доктрина развития права *contra legem* в классическом смысле устанавливает предметные пределы в механизме сдерживания развития права вопреки закону. Суды могут противопоставлять свои решения нормам, носящим сугубо юридический характер (толкование правовых актов, разрешение коллизий, восполнение пробелов и т.д.). Однако они не должны развивать право *contra legem*, регулирующее широкомасштабные общественно-политические вопросы, хотя это ограничение является относительным и зависит от традиций взаимодействия между политической властью и судами²¹. Например, в Германии доктрина *contra legem* была применена для индексации денежных требований после Первой мировой войны. Государство, занявшее средства у населения на войну, отказалось индексировать долги после колоссальной девальвации марки. Немецкие суды, опираясь на принцип добросовестности, вступили в противостояние с нормами валютного законодательства. В результате судебная система добилась от исполнительной власти введения 15%-ной индексации. Как отмечает К.В. Нам, суд в данном случае отдал предпочтение принципу добросовестности перед императивной нормой публичного права, что в немецкой литературе того времени было расценено как редкое историческое событие, когда «основополагающий закон был убран посредством судебной практики»²².

В отличие от германских судов, маловероятно, что постсоветские суды будут заниматься развитием публичного права в столь сложных финансовых вопросах. Как показывает практика, постсоветские суды по своей природе и сложившейся традиции не предназначены для развития права по широкомасштабным вопросам общественно-политического характера.

В любом государстве доктрина развития права *contra legem* может найти практическое воплощение при условии, что правовая система, включая юридическую науку, не носит тотально позитивистского характера, а политическая система обладает высокой политико-правовой культурой, допускающей *contra legem* действия судебной власти в определенных обстоятельствах и пределах.

Яркой характеристикой состояния судебной системы является откровенное высказывание бывшего судьи Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщаковой о том, что «в судах господствует психология страха. Это главное чувство,

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ См.: Гамбарян А. Легитимация развития права *contra legem* и механизмы сдержек // Вестник Ереванского университета. Право. 2024. Т. 15. № 2 (41). С. 70–93 (на армянском языке).

²² Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М. : М-Логос, 2023. С. 47.

которое испытывает каждый судья... для него — главное защитить себя от упреков в своей адрес, когда он вынесет какое-то решение»²³.

Показательно, что в российской правовой доктрине даже ее теоретические призывы к приоритету принципов права были подвергнуты резкой критике. При этом, отстаивая тезис о верховенстве права над противоречащим ему законом, Т.Г. Морщакова пришла к выводу, который в доктрине был расценен как абсурдный: по ее мнению, Конституционный Суд обязан «подняться над законодательством, пусть это даже сама Конституция, и судить с позиций высшего права»²⁴. Эта позиция была подвергнута критике со стороны таких авторитетных правоведов, как В.Д. Зорькин²⁵, М.И. Байтин²⁶ и Э.В. Скурко²⁷. Острая реакция на подобные предложения свидетельствует о глубоком концептуальном противоречии и отсутствии консенсуса в российской юридической доктрине относительно допустимости судебного отклонения от буквы закона.

На институциональном уровне практическим подтверждением отсутствия в российской политико-правовой системе культуры толерантности к умеренной судебной активности стало упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ).

ВАС РФ отличался деятельностью, направленной на развитие права на основе принципов права (справедливости, добросовестности и т.д.), иногда даже отступая от буквального смысла закона²⁸ или действуя *contra legem*²⁹. В этих условиях в юридическом сообществе сложились высокие ожидания в отношении правотворческой активности ВАС РФ, ее четкости, последовательности и продуманности³⁰. Однако эти ожидания не оправдались, поскольку по решению политической власти этот судебный орган в 2014 г. был объединен с отличающимся консерватизмом Верховным Судом РФ и прекратил свою деятельность. Н.А. Власенко полагает, что в основе решения об упразднении ВАС РФ и создании единого Верховного Суда РФ лежала идея

²³ Интервью с заслуженным деятелем науки РФ, зав. кафедрой судебной власти и организации правосудия ГУ-ВШЭ, судьей Конституционного Суда России в отставке, проф. Т.Г. Морщаковой // Юрист. 2010. № 6. С. 7.

²⁴ Интервью Т.Г. Морщаковой в Новой газете // Новая газета. 2004. № 51.

²⁵ Зорькин В.Д. Осторожно: праворазрушительство // Российская газета. 2004. 22 июля.

²⁶ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : Право и государство. С. 107–110.

²⁷ Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 3–4.

²⁸ Карапетов А.Г., Верещагин А.Н., Тай Ю.В. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 6. С. 42.

²⁹ Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М. : Статут, 2012. С. 43, 68, 74–75, 334 ; Савельев С.Л. Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М. : Статут, 2020. С. 97, 249–254.

³⁰ Карапетов А.Г., Верещагин А.Н., Тай Ю.В. Указ. соч. С. 5.

«встраивания» судебной власти в пирамиду механизма государственности, властвования³¹. Эта реформа наглядно продемонстрировала нежелание политической власти мириться с существованием прогрессивного судебного органа, обладавшего значительным авторитетом.

Выводы

Доктрина развития права *contra legem* в классическом смысле придает *эффективность* праву, противоречащему норме закона, т.е. придает силу формуле «сила права», а в условиях революции доктрина развития права *contra legem* придает *легитимность* насилию, т.е. придает юридическую силу формуле «право силы».

В российской правовой системе идея, указанная в Концепции судебных реформ, согласно которой суды могут не применять неправовые или преступные законы, если бы получила доктринальное признание и развитие, могла бы стать идеологической основой формирования доктрины развития права *contra legem* в классическом смысле. Однако в условиях существующих в российских правовой и политической системах традиций и господствующего легистического правопонимания сила права, находящегося за пределами текста закона, будет продолжать иметь лишь доктринальный, но не практический эффект.

Умеренное и строго ограниченное развитие права *contra legem* выступает индикатором зрелости правовой системы. Полное отсутствие такой возможности свидетельствует о подчинении права политическому контролю и ограничивает его роль как самостоятельного инструмента обеспечения справедливости.

Гамбарян А.С.,

заведующий кафедрой теории права и конституционного права

Российско-Армянского университета,

профессор Академии государственного управления

Республики Армения,

заслуженный юрист Республики Армения,

доктор юридических наук, профессор

(Республика Армения, г. Ереван)

Литература

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. 2-е изд., доп. Москва : Право и государство, 2005.
2. Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки / Н.А. Власенко. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025.

³¹ Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 116.

3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.
4. Гамбарян А.С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права *contra legem* / А.С. Гамбарян // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 4. С. 15–24.
5. Гамбарян А.С. Юридическая концепция революции и судебное применение доктрины Г. Кельзена / А.С. Гамбарян, В.В. Дабагян. Санкт-Петербург : Алетей, 2025.
6. Гамбарян А.С. Юридическая концепция революции Л. И. Петражицкого и развитие интуитивного права *contra legem* / А.С. Гамбарян // Правоведение. 2025. Т. 69. № 2.
7. Гессен В.А. Исключительное положение / В.А. Гессен. Санкт-Петербург : Юридический книжный склад «Право», 1908.
8. Дворкин Р. Империя права : перевод с английского / Р. Дворкин. Москва : Издательство Института Гайдара, 2020.
9. Еллинек Г. Борьба старого права с новым : перевод с немецкого / Г. Еллинек. Москва : Заратустра, 1908.
10. Зорькин В.Д. Осторожно: праворазрушительство / В.Д. Зорькин // Российская газета. 2004. 22 июля.
11. Карапетов А.Г. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ / А.Г. Карапетов, А.Н. Верещагин, Ю.В. Тай // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.
12. Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы. В 2 томах. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. Москва, Статут, 2012.
13. Кокорев Л.Д. Суд в механизме государственной власти / Л.Д. Кокорев // Юридические записки / ответственный редактор Л.Д. Кокорев. Вып. 3. Проблемы государственной власти. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1995.
14. Ланг П.П. Экзистенция правосудия : монография / П.П. Ланг. Москва : Проспект, 2025.
15. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Я.М. Магазинер ; ответственный редактор А.К. Кравцов. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006.
16. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К.В. Нам. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : М-Логос, 2023.
17. Савельев С.Л. Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ / С.Л. Савельев. Москва : Статут, 2020.
18. Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании / Е.В. Скурко. Москва : Юрлитинформ, 2008.
19. Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькин. Москва : Юридическая литература, 1967.

References

20. Ղամբարյան, Ա. *Contra legem իրավունքի զարգացման լեգիտիմացիոնը և զսպումների կառուցակարգերը* / Ա. Ղամբարյան // Bulletin of Yerevan University C Jurisprudence. 2024. Vol. 15. Iss. 2 (41). DOI: 10.46991/BYSU.C/2024.15.2.070.

Легитимация права посредством делиберативных процедур

Проблематика легитимации права неизменно занимает в последние годы значимое место в теоретико-правовых исследованиях, поскольку вопрос о том, каким образом норма становится признанной и воспринимаемой как должная, имеет непосредственное отношение к устойчивости правовой системы и реальной эффективности правового регулирования. В научной литературе считается, что одним из средств легитимации права выступают делиберативные процедуры¹, которые позволяют рассматривать легитимацию не просто как автоматический процесс вступления в силу нормативно-правового акта. В этом случае пришлось бы признать идентичность легальности и легитимности. Легитимация права в данном контексте рассматривается как результат осознанной коммуникации субъектов права и субъектов правового регулирования, организованной до и во время принятия правотворческого решения.

Концепция делиберативных процедур традиционно связывается с идеями делиберативной демократии, предполагающей, что значимые политические и правовые решения должны приниматься через обсуждение и достижение согласия между участвующими в таком обсуждении субъектами. В общем смысле делиберативная демократия рассматривается как одна из разновидностей демократического устройства наряду с агрегативной, консенсусной, минималистской, партисипативной, экономической и другими моделями демократии. Как отмечают исследователи Д. Коллиер и С. Левитски, может быть представлено более сотни разновидностей демократии², поэтому не имеет смысла определять место делиберативной разновидности в данной работе.

Делиберативная демократия как направление политико-правовой мысли сформировалась во второй половине XX в. и исторически связана с именем Дж Бессетта, который в 1980-е годы предложил рассматривать политический процесс как результат осмысленного и аргументированного обсуждения. Однако его теория основывалась на конкретно исторических условиях представительной демократии и процедур обсуждения политических решений и законопроектов (биллей) в Конгрессе США³. Эта модель может быть обозначена как делиберативная демократия в узком смысле, поскольку

¹ Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : монография. М., 2022. С. 170–171.

² Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. P. 431.

³ Bessette J. Deliberative democracy: The majority principle in republican government // How democratic is the Constitution? Washington, D.C., 1980. P. 104–105.

изначально относилась лишь к объяснению политических реалий США. Однако впоследствии она приобрела иной смысл и была трансформирована во всеобщую или универсальную концепцию в работах других исследователей политики и права, и в частности, в работах Ю. Хабермаса. В этом смысле она может быть экстраполирована на отечественную правовую систему.

В отличие от Бессетта, который описывает реально существующие механизмы обсуждения законопроектов в Конгрессе США, Хабермас на основе прямой, а не представительной демократии строит идеальную модель, предполагающую всеобщую включенность субъектов права в такие обсуждения. Именно этот процедурный подход он и называет «делиберативной политикой»⁴. Хабермас утверждает, что только те законы могут считаться легитимными, которые получили бы одобрение всех граждан в ходе юридически опосредованного обсуждения, построенного по определенным правилам⁵. Для объяснения легитимации права логический акцент в его модели делается на процедуре: важен не столько итог обсуждения, сколько качество самой процедуры, открытость, рациональность, отсутствие давления, учет аргументов каждого участника дискуссии⁶. Поэтому его концепция понимается в литературе как нормативная или идеальная, которая может быть противопоставлена эмпирической модели Бессетта.

В литературе встречаются схожие, но менее популярные концепции, предполагающие и делиберативный, и процедурный компоненты, но складывающиеся в другой конфигурации. Например, концепцию легитимации «через процедуру», предложенную Н. Луманом. В отличие от Хабермаса, Луман рассматривает делиберативность как универсальный принцип, применимый не только к правотворчеству, но и к другим формам принятия решений, включая судопроизводство и административные процедуры⁷. Хотя делиберативный компонент в такой модели существенно ограничен теми субъектами, от которых зависит принятие юридически значимого решения.

В российской правовой системе к делиберативным процедурам можно отнести, например, общественные обсуждения и публичные слушания на уровне местного самоуправления⁸, обсуждения проектов нормативных актов на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов, обсуждения, форумы и иные мероприятия, проводимые в Общественной палате Российской Федерации⁹.

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 381.

⁵ Habermas J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Massachusetts, 1996. P. 110.

⁶ Habermas J. Popular Sovereignty as Procedure // Bohman J., Rehg W. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics, 2nd printing. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1997. P. 61.

⁷ Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Frankfurt am Main, 1983. P. 55, 201.

⁸ Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

⁹ Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

Несмотря на то что концепция делиберативной демократии относится в первую очередь к политической теории и философии, в рамках теории права эта концепция также обладает эвристическим потенциалом. Предварительные обсуждения некоторых правовых решений, в том числе из представленных выше, позволяют выявить степень готовности субъектов права воспринимать правовое предписание как должное. Делиберативная процедура может рассматриваться как некоторый «предварительный этап» правовой коммуникации, обеспечивающий возможности формирования у участников таких процедур достаточной информированности о целях, содержании и последствиях предполагаемого правового регулирования. Иными словами, на этом этапе происходит складывание нормативных ожиданий¹⁰, а делиберативные процедуры создают условия для их выявления и анализа.

Поэтому очевидным преимуществом делиберативных процедур является их способность создавать для нормы своего рода «предварительный этап» действия. До момента вступления нормы в силу ее смысл, цели и иные параметры становятся предметом обсуждения, что позволяет оценить степень ее принятия до момента формального признания. Уже на этапе законопроектной работы субъекты правового регулирования могут выявить, вызывает ли предлагаемое предписание поддержку, непринятие или сомнение. В конечном счете обсуждение превращается в способ проверки нормативного решения на соответствие ожиданиям и ценностям субъектов, которым предстоит исполнять норму.

Определенные преимущества делиберативных процедур могут быть описаны в контексте коммуникативного правопонимания¹¹. В рамках этого подхода право рассматривается как коммуникация, в том числе коммуникация между субъектами правового регулирования и адресатами издаваемых ими норм. Поэтому легитимация норм права также зависит от того, как сторона такой коммуникации, адресат правовой нормы, поймет и проинтерпретирует такую норму. Однако в ряде случаев коммуникация сталкивается с помехами, препятствиями или искажениями, которые либо существенно затрудняют процесс реализации правовой нормы, либо вовсе не позволяют ему состояться. Представленный ракурс позволяет выявить также иную функцию делиберативных процедур в праве, которая может быть определена как их способность снижать коммуникативные искажения, возникающие в процессе взаимодействия между законодателем или иным субъектом правового регулирования и адресатами будущей нормы. При отсутствии предварительного обсуждения степень неопределенности относительно содер-

¹⁰ Скурко Е.В. Сущность, преобразования и будущее права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2024. № 2. С. 157; Соколова А.А., Трофимов В.В. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 158.

¹¹ Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 25.

жания и назначения нормы остается значительной, что создает условия для делегитимации. Кроме того, отсутствие делиберативных процедур повышает риск того, что адресаты такой правовой нормы будут воспринимать норму как навязанную и не учитывающую их интересов. Делиберативные процедуры устраняют этот разрыв, формируя пространство, в котором возможен обмен аргументами и понимание контекста будущего регулирования.

Не менее существенным представляется такое положительное последствие для легитимации правовых норм, что делиберативные процедуры позволяют сформировать у адресатов реальное понимание содержания проектируемых правовых предписаний, что способствует реализации презумпции знания закона. В условиях, когда нормы вводятся без достаточного информирования (даже несмотря на процедуры официального опубликования), презумпция знания закона носит формальный характер (потому и является презумпцией, а не фактом) и не отражает реального уровня осведомленности субъектов права о всем массиве действующих правовых актов и даже о той его части, которая относится непосредственно к отдельному субъекту права. Делиберативные процедуры устраняют этот недостаток: получая информацию заранее и участвуя в обсуждении, субъекты права способны сформировать обоснованную позицию относительно применимости и целесообразности проектируемых правовых норм. Тем самым создаются условия для легитимации права посредством работы не только с самим правовым предписанием, но и его адресатами.

Несмотря на уже перечисленные преимущества, делиберативные процедуры необходимо рассматривать не только как средство передачи информации, но и как механизм формирования согласованности в понимании нормы как «должного». Правовое предписание, утратившее связь с представлениями адресатов о должном, рискует стать нормой, существующей исключительно в формальном виде, т.е. «мертвой» или «спящей» нормой. Делиберация позволяет предотвратить этот разрыв: обсуждение выявляет значения, которые участники вкладывают в правовые категории, выясняет, какие элементы нормы интерпретируются неоднозначно, и тем самым снижает вероятность последующих интерпретационных конфликтов. В этом проявляется один из важных аспектов легитимации: норма должна не просто быть понятной, но и соответствовать образцу должного. Это согласование может быть как содержательным, так и процедурным: у участников формируется не только знание о норме, но и представление о справедливости процедуры ее принятия, что также влияет на готовность воспринимать норму как обязательную. Поэтому делиберативные процедуры создают условия не только для узнавания норм, но и для оценки такой нормы как необходимой к исполнению.

Сравнение делиберативной модели с подходом, основанным исключительно на формальном принятии решений в законодательном процессе, позволяет выявить ключевое преимущество первого. Норма, принятие которой не сопровождалось обсуждением, может исполняться, но также она

может восприниматься адресатами как внешнее предписание, навязанное без учета их взглядов. Такая норма может оказаться легальной, но не легитимной в полном смысле слова. Напротив, обсуждаемая норма воспринимается как результат участия субъектов права в процессе ее формулирования, что может создать эффект самообязывания участвовавших в таком обсуждении лиц. Даже если мнение всех субъектов не учтено, что в полной мере не может быть даже технически реализовано, участие в обсуждении создает представление о прозрачности и справедливости, что в значительной степени положительно влияет на легитимацию.

Следует отметить, что делиберативные процедуры способны выполнять еще одну значимую функцию — выявление потенциальных причин делегитимации. Если обсуждение демонстрирует, что определенная часть адресатов изначально не готова признавать норму или сомневается в ее целесообразности, законодатель или иной субъект правового регулирования получает возможность корректировать содержание проекта или отказаться от его принятия. Это позволяет предотвращать появление норм, которые впоследствии не будут исполняться или будут систематически обходиться, т.е. делегитимироваться. Такая форма предварительной диагностики является важной частью механизма легитимации: норма, вызывающая устойчивое неприятие, не может служить эффективным инструментом правового регулирования.

Несмотря на наличие перечисленных преимуществ, делиберативная модель принятия решений обладает рядом существенных недостатков, которые проявляются как на концептуальном, так и на практическом уровнях, не достигают результата легитимации права или даже препятствуют ему.

Во-первых, делиберативная демократия опирается на так называемое юридическое мировоззрение. Этот термин описан Ф. Энгельсом применительно к мировоззрению буржуазии Нового времени, пришедшего на смену религиозному мировоззрению¹². Применительно к праву суть этого мировоззрения состоит в отождествлении легитимности и легальности, поскольку любой закон в таком мировоззрении разумен, а если закон обретает юридическую силу, значит, он неизбежно будет приводить к запланированным результатам. Наблюдение практики правового регулирования демонстрирует зачастую обратные результаты. Делиберативная модель, таким образом, наследует недостатки этой рационалистической традиции: она исходит из идеализированных представлений о праве, в рамках которых обсуждение якобы способно компенсировать системные проблемы реализации права.

Во-вторых, недостатком рассматриваемой модели является «нормативный» или «идеальный» характер концепции делиберативной демократии. Это корректно, во всяком случае, когда мы ведем речь о концепции в «широком смысле», в изложении Ю. Хабермаса. Сама по себе модель ориентируется не на реальное политическое или юридическое действие,

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 томах. Т. 21. 2-е изд. М., Политиздат, 1961. С. 496.

а на идеализированный процесс, в котором решение считается легитимным только при одобрении всех участников в ходе процедуры обсуждения. В действительности такие условия недостижимы. Как минимум, невозможно обеспечить участие всех субъектов права в процессе обсуждения законопроекта или проекта иного нормативного акта. Как максимум, невозможно обеспечить равную компетентность участников обсуждения, отсутствие давления на участников, общий уровень аргументации и одинаковую степень включенности. В результате делиберативная модель может быть квалифицирована как нормативный ориентир, но не функционирующий в действительности механизм. Это снижает ее практическую применимость при решении задач легитимации права.

В-третьих, в рамках делиберативной концепции предполагается, что обсуждение принимаемых решений должно иметь реальное влияние на содержание принимаемых актов. Однако на практике обсуждение служит лишь для демонстрации отношения субъектов права к будущей норме, что не всегда влияет и на факт принятого решения, и на его содержание. Например, проходившее на момент написания работы обсуждение повышения ставок утилизационного сбора на Федеральном портале проектов нормативно-правовых актов, где количество отрицательных отзывов многократно превышало позитивные, однако это не оказало никакого влияния на принятие поправок к Постановлению Правительства РФ, устанавливающего ставки утилизационного сбора¹³. В результате возникает амбивалентный эффект: обсуждение фиксирует негативное отношение к проекту, но норма все равно принимается. Это снижает доверие к самой процедуре и ставит под вопрос ее целесообразность. Корректно было бы утверждение о том, что подобные противоречия даже приводят к формированию условий для делегитимации таких процедур и принимаемых в их рамках правовых актов. Когда результаты обсуждения не имеют связи с результатом правотворчества, возрастает вероятность восприятия делиберативных процедур как формальности, а не как реального инструмента участия и влияния на правотворческую политику.

В заключение отметим, что в контексте задач легитимации права концепция делиберативных процедур может быть охарактеризована как амбивалентная. С одной стороны, она способствует повышению осведомленности адресатов, снижает потенциальные коммуникативные искажения и создает условия для действительного понимания обсуждаемых и принимаемых правовых норм, что повышает вероятность их легитимации. С другой стороны, эффективность рассмотренной концепции ограничивается тем, что обсуждение далеко не всегда влияет и на решение о принятии соответствующего

¹³ Проект «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291» (ID 160081) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/160081/> (дата обращения: 26.11.2025).

акта, и на содержание актов, что подрывает доверие к таким процедурам или, во всяком случае, ставит под сомнение их целесообразность. Проблемы рассмотренной концепции отчасти могут быть объяснены тем, что она выстроена на нормативно-идеализированных предпосылках веры в «рациональное законодательство», что приводит к игнорированию реальных масштабов правовой коммуникации в регулируемом правоотношении.

Малышкин С.П.,
преподаватель кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин Юридического факультета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
аспирант Государственного академического университета
гуманитарных наук
(г. Москва)

Литература

1. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : монография / В.В. Денисенко. Москва : Проспект, 2022.
2. Маркс К. Сочинения. В 39 томах. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961.
3. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды / А.В. Поляков. Санкт-Петербург : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014.
4. Скурко Е.В. Сущность, преобразования и будущее права / Е.В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2024. № 2.
5. Соколова А.А. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования / А.А. Соколова, В.В. Трофимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого : Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Ю.С. Медведева ; под редакцией Д. В. Складнева. Санкт-Петербург : Наука, 2001.

References

1. Bessette, J. Deliberative democracy : the majority principle in republican government / J. Bessette // How democratic is the Constitution? / ed. by R.A. Goldwin ; contributor W.A. Schambra. Washington, D.C. : AEI Press, 1980.
2. Collier, D. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research / D. Collier, S. Levitsky // World Politics. 1997. Vol. 49.
3. Habermas, J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas ; transl. by W. Rehg. 2nd edition. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1996.
4. Habermas, J. Popular Sovereignty as Procedure / J. Habermas // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / eds. by J. Bohman, W. Rehg. 2nd printing. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 1997.
5. Luhmann, N. Legitimation durch Verfahren / N. Luhmann. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1983.

К вопросу о понимании феномена «сила права»

Проблема понимания феномена «сила права» — это одна из достаточно сложных проблем, стоящих перед современной юридической наукой.

Сложность данной проблемы состоит в том, что на сегодняшний день в юридической литературе не существует однозначной трактовки понятия «сила права»¹. Анализ точек зрения, представленных в литературе, показывает, что термин «сила права» в отечественной юридической литературе не раскрывается.

Одни авторы рассматривают феномен «сила права» через призму его воспитательного воздействия². Другие авторы рассматривают понятие «сила права» как свойство права, призванное «упорядочить жизнь общества, в том числе в эпоху перемен, на основе принципа справедливости»³. Третьи авторы рассматривают понятие «сила права» в контексте «религиозного и (или) исторического развития того или иного общества»⁴. Четвертые авторы рассматривают понятие «сила права» через «призму популизма проблемы доверия населения к государственным и политическим институтам современного общества»⁵.

Все это позволяет констатировать тот факт, что термин «сила права» используется на уровне юридического языка в качестве общего термина без надлежащего раскрытия его содержания. Такое положение вещей нельзя признать допустимым в современной юридической науке, ибо юридическая наука должна оперировать определенными понятиями и кате-

¹ Лягин К.А. Воспитательная сила права в современных исследованиях теории права и государства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–8. С. 96–99. EDN YKRLNE; Шафиев К. Сила права и «право силы» в международных отношениях // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 1. С. 24–36. EDN QYUHPD; Степаненко Р.Ф. Правовой идеализм и воспитательная сила права // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях, Тольятти, 16–17 апреля 2015 г. / Волжский университет им. В.Н. Татищева. Т. 2. Тольятти : Образовательная автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Волжский университет имени В.Н. Татищева» (институт), 2015. С. 213–219. EDN TWPRLE. Зорькин В.Д. Право силы и сила права // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5. С. 1–12. Спирин М.Ю. Источник права и юридическая сила: соотношение сущностей категорий // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 2 (42). С. 24–32. DOI 10.21685/2307-9525-2023-11-2-3. EDN GRMBOH. Агамиров К.В. Сила права и слово Божие: о наказании, предупреждении правонарушений и грехопадения в праве и религии // Государство и право. 2021. № 5. С. 55–67. DOI 10.31857/S102694520014868-5. EDN YPFXFG.

² Лягин К.А. Указ соч., Степаненко Р.Ф. Указ. соч.

³ Зорькин В.Д. Указ. соч.

⁴ Агамиров К.В. Указ. соч., Осипян Б.А. Объединяющая и направляющая сила духа русского права // История государства и права. 2010. № 20. С. 40–44. EDN NDIDOD.

⁵ Красиков Д.В. Уязвимость и сила права в эпоху популизма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 2. С. 86–96. DOI 10.31249/rgpravo/2021.02.07. EDN ZYRXBI.

гориями, за которыми стоит определенное содержание, дабы научное юридическое сообщество понимало, о каком правовом явлении в данном случае идет речь.

В противном случае мы будем иметь всего лишь набор неких «языковых игр»⁶, которые не только не будут прояснять значение данного термина, но затруднять понимание его у заинтересованных лиц, что не будет способствовать прогрессу юридической науки, а приведет лишь к запутыванию терминологии юридической науки.

Все это предполагает проведение отдельного юридического исследования, посвященного пониманию феномена «сила права», в том числе и настоящего исследования.

При этом, по нашему мнению, в качестве объекта такого исследования будет выступать такой юридический феномен, как «сила права», а в качестве предмета исследования будут выступать такие свойства и закономерности феномена «силы права», которые позволят ее отличить от других смежных феноменов, таких как «правовое воздействие», «правовое влияние», «правовое регулирование», «законность», «правопорядок».

Цель исследования, по нашему мнению, состоит в том, чтобы на основе анализа закономерностей и свойств, которыми обладает феномен «сила права», сформулировать понятие данного феномена, который позволяет отличить ее от сложных явлений, а также проанализировать факторы, влияющие на величину «силы права».

К числу методов исследования можно отнести такие методы, как метод социального и юридического моделирования⁷, логические методы, факторный анализ⁸.

Представляется, что, прежде чем рассматривать феномен «сила права», необходимо понять, что есть понятие «сила». Необходимо отметить, что в настоящее время в науке утвердилось следующее понимание феномена «сила».

⁶ Карманова З.Я. Проблема значения слова: «языковые игры» vs «рефлексивные игры» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). С. 33–37. EDN KXUGIH.

⁷ Zubovich G.D. Теоретические аспекты моделирования нормативных правовых актов // Право и современные государства. 2018. № 5. С. 21–34. DOI: 10.14420/ru.2018.5.2. EDN: XAAZKI; Муж В.В. Юридическое моделирование правового сознания в контексте юридической доктрины // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридические науки. 2015. № 824 (6). С. 283–289. EDN: XWKYHN; Дегтярев М.В. Моделирование в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 436–461. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-436-461. EDN: AWYRVT.

⁸ Factor analysis of competitiveness of socio-economic systems: Ukraine, EU and world // Економічний вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». 2015. No. 12. P. 83–89. EDN: VMBHWL. Kube H. et al. From workplace to home environment: spreading of mouse allergens by laboratory animal workers // International archives of occupational and environmental health. 2021. T. 94. №. 4. С. 601–610.

Во-первых, «сила производит определенное действие или сила — это способность реального к действию»⁹.

Во-вторых, всякая сила есть величина векторная, т.е. она имеет определенную направленность.

В-третьих, сила предполагает способность того или иного феномена бытия преодолевать сопротивление окружающей среды, заставляя феномены бытия двигаться в определенном направлении, причем двигаться ускоренно в силу второго закона Ньютона.

Что же это означает применительно к праву?

Применительно к праву, по нашему мнению, сила права проявляется в следующих фактах.

Во-первых, сила права проявляется в том, что благодаря данному феномену право может достичь тех целей, которые перед ним стоят, причем не всех целей сразу, а только конкретной одной определенной цели или задачи, стоящей перед правом.

Во-вторых, сила права проявляется в том, что эти цели могут быть достигнуты, несмотря на сопротивление отдельных субъектов права, в том числе самых авторитетных и влиятельных.

В-третьих, сила права способствует ускоренному правовому развитию общества в случае, если правовому воздействию не оказывается определенное сопротивление со стороны субъектов права.

В-четвертых, сила права является элементом правового воздействия, благодаря которому достигаются те или иные конкретные цели и задачи, стоящие перед правом.

В-пятых, сила права тесно связана с феноменом принуждения, поскольку преодолевать сопротивление отдельных субъектов права, в том числе самых авторитетных, возможно в том числе посредством применения мер государственного принуждения, невзирая на лица, в силу принципа «формального равенства всех перед законом и судом»¹⁰.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы можем определить силу права как элемент правового воздействия, который представляет собой способность права достичь определенной конкретной стоящей перед ним цели (задачи), несмотря на возможное сопротивление отдельных субъектов права, которое преодолевается при помощи государственного принуждения, а также способность права содействовать ускоренному правовому

⁹ Ильин И.А. Понятие «права и силы: опыт методологического анализа» // Собран. соч. в 10 томах. Т. 4. М., 1994. С. 14.

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.08.2025).

му развитию общества при отсутствии сопротивления со стороны отдельных субъектов права и общества в целом.

Таким образом, феномен «сила права» позволяет: а) достичь конкретно определенной цели и задачи, стоящей перед правом; б) достичь этой цели и задачи, в том числе, несмотря на сопротивление отдельных субъектов права, которое преодолевается путем применения к ним мер государственного принуждения. В этом, думается, состоит основное отличие феномена силы права от иных правовых феноменов, таких как правовое воздействие, правовое регулирование, законность, правопорядок, правовое воспитание.

От понятия «силы права» следует отличать понятие «юридическая сила», под которой понимается необходимость соответствия одного нормативно-правового акта (обладающего меньшей юридической силой) другому нормативно-правовому акту (обладающему большей юридической силой).

Возникает, однако, вопрос: как изменить ту или иную величину силы права.

Для того чтобы ответить на данный вопрос необходимо понять, каким образом право позволяет достичь тех целей, и задач, которые перед ним стоят.

Прежде всего необходимо понять, что право, будучи информационным феноменом с точки зрения своего бытия, создает условия для реализации интересов субъектов права посредством установления субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей, неисполнение которых обеспечено мерами государственного принуждения.

В случае если есть основания для применения мер государственного принуждения, а меры принуждения (в том числе меры защиты и меры ответственности) не дают нужного эффекта, т.е. поведение субъектов права не изменяется под воздействием норм права, это говорит о слабой силе права. Напротив, в тех случаях, когда меры принуждения применяются всякий раз, когда не исполняются юридические обязанности, нарушаются права и свободы других лиц со стороны отдельных социальных субъектов, в том числе и со стороны государства, и это способствует достижению нужного результата (восстановление нарушенных прав, привлечение виновного к ответственности, достижение целей юридической ответственности), это говорит о сильном праве или о высокой величине силы права. Таким образом, номинально величину силы права можно определить по формуле $F = (N1 / N_{общ})$, где $N1$ — число случаев, когда цель права была достигнута, несмотря на сопротивление отдельных субъектов права, а $N_{общ}$ — общее число случаев.

Далее рассмотрим основные факторы, влияющие на величину силы права.

Под основными факторами, влияющими на величину силы права, по нашему мнению, следует понимать конкретные жизненные обстоятельства, которые прямо или косвенно, позитивно либо негативно влияют на величину силы права.

Что же это могут быть за обстоятельства?

Прежде всего надо понимать, что право, будучи взято само по себе, представляет собой информационный феномен.

Сама по себе информация не может воздействовать на объекты, не обладающие созданием и волей, но только на те объекты, которые обладают созданием и волей и которые готовы следовать той информации, которая им доступна. Следовательно, для проявления силы права необходима твердая установка субъектов права соблюдать и исполнять те правовые предписания, которые содержатся в правовых нормах.

Отсюда первым фактором, влияющим на величину силы права, является осознание каждым субъектом права того факта, что нормы права должны соблюдаться и исполняться. Принцип «*Dura Lex, sed Lex*» должен стать основным принципом правосознания большинства членов общества, особенно власть имущих.

Если же этого не происходит, то ни о какой силе права говорить не приходится, и следует говорить о «праве сильного», т.е., по сути, не о праве, а о произволе.

Это особо касается лиц, наделенных властными полномочиями.

Поэтому для обеспечения силы права требуется надлежащее правовое воспитание, о котором говорится в специальной литературе¹¹.

Второй фактор, влияющий на величину силы права, — это готовность субъектов права отстаивать в законном порядке нарушенные права, а также требовать от других субъектов права исполнения возложенных на них обязанностей. Здесь имеется одна тонкость. Одно дело, когда человек, зная, что он может применить к своему обидчику определенные меры защиты в случае их нарушения, «прощает обиды» по заповедям Христа, изложенным в Евангелии¹², другое дело, когда большинство членов общества просто не готово и не считает нужным защищать и отстаивать как свои, так и чуждые права, воздавая каждому должное, о чем тоже говорится в Евангельских заповедях¹³. Если общество не готово защищать свои интересы в правовом поле, то

¹¹ Лягин К.А. Воспитательная сила права в современных исследованиях теории права и государства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–8. С. 96–99. EDN: YKRLN; Шафиев К. Сила права и «право силы» в международных отношениях // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 1. С. 24–36. EDN QYYHPD; Степаненко Р.Ф. Правовой идеализм и воспитательная сила права // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 2 (Тольятти, 16–17 апреля 2015 г.) / Волжский университет им. В.Н. Татищева. Тольятти : Образовательная автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Волжский университет имени В.Н. Татищева» (институт), 2015. С. 213–219. EDN: TWPRLF.

¹² Агамиров К.В. Сила права и слово Божие: о наказании, предупреждении правонарушений и грехопадения в праве и религии // Государство и право. 2021. № 5. С. 55–67. DOI: 10.31857/S102694520014868-5. EDN: YPFXFG.

¹³ Агамиров К.В. Указ соч.

тогда ни о какой силе права не может быть и речи, а общество начинает жить по законам произвола (т.е. по праву сильного).

Третий фактор, влияющий на величину силы права, — это готовность сотрудников правоохранительных органов применять к лицам, нарушающим закон, меры государственного принуждения. При этом коррупция в правоохранительных органах, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности должны влечь за собой максимально суровое наказание в виде лишения свободы с очень ограниченными возможностями условно-досрочного освобождения и с пожизненным запретом на работу в правоохранительных органах, поскольку, по нашему мнению, подобного рода деяния имеют очень высокую степень общественной опасности.

Четвертым фактором, влияющим на величину силы права, является необходимость для законодателя при установлении тех или иных правовых норм учитывать и согласовывать интересы субъектов права и не создавать законодательные барьеры для их удовлетворения.

Покажем это на конкретном примере. Так, интерес продавца любого товара, работы и услуги состоит в том, чтобы получить максимальную цену за свой товар, работу или услугу, интерес же покупателя состоит в том, чтобы отдать минимальную цену за приобретаемый товар, работу или услугу.

Каким образом право может скоординировать данные интересы?

Только одним образом: предоставив возможность субъектам права самим договориться о цене товара, работы или услуги, не устанавливая прямо цены на товары, работы и услуги.

Если же будет принята норма, устанавливающая прямо цены на товары, работы и услуги, и эта цена не будет устраивать продавца, то возникнет дефицит товаров, работ и услуг и ослабление силы нормы права, из-за которой продавец обязан продавать товары, работы и услуги не по их реальной рыночной стоимости, а по тем ценам, которые установило государство.

Яркий тому пример — дефицит медицинских услуг, оказываемых в сфере обязательного медицинского страхования¹⁴, когда люди не могут в течение многих дней пройти необходимое медицинское обследование, хотя за плату его можно пройти в тот же день или на следующий день ввиду крайне низкой тарификации цен на медицинские обследования и прием врачей по полису обязательного медицинского страхования, не соответствующих рыночным ценам¹⁵.

Если право не позволяет создавать законные каналы для удовлетворения субъектами права своих интересов, это будет приводить к убыванию силы

¹⁴ Осипов М.Ю. О совершенствовании правового механизма оплаты услуг по обязательному медицинскому страхованию // Медицинское право: теория и практика. 2025. Т. 11. № 1–2 (27–28). С. 29–38. EDN: KUFJRW.

¹⁵ Осипов М.Ю. Указ. соч.

права и росту уровня так называемых теневых правовых норм, которые будут в большей степени, чем право, создавать каналы для удовлетворения интересов субъектов права¹⁶.

Следующим фактором, влияющим на силу права, является справедливость действующего права и убежденность общества в том, что законы принимаются не в интересах власть имущих, а в интересах всего общества, ибо, как отмечается в специальной литературе, «если народ не убежден в справедливости принимаемых законов, то он не будет следовать им»¹⁷, а следовательно, ни о какой силе права и речи быть не может.

Безусловно, данный перечень факторов, влияющих на величину силы права, не является исчерпывающим, ибо существуют и другие факторы, влияющие на силу права, выявление которых требует проведения отдельного исследования.

Таково, по нашему мнению, понимание феномена силы права, а также факторов, влияющих на нее.

Осипов М.Ю.,

старший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации
высшего образования «Международная полицейская академия ВПА»,
кандидат юридических наук
(г. Тула)

Литература

1. Агамиров К.В. Сила права и слово Божие: о наказании, предупреждении правонарушений и грехопадения в праве и религии / К.В. Агамиров // Государство и право. 2021. № 5. DOI: 10.31857/S102694520014868-5. EDN: YPFXFG.
2. Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь / В.М. Баранов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). EDN: TCETZZ.
3. Герасимчук В.Г. Factor analysis of competitiveness of socio-economic systems: Ukraine, EU and world / В.Г. Герасимчук // Економічний вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». 2015. № 12. EDN: VMBHWL.
4. Дегтярев М.В. Моделирование в праве / М.В. Дегтярев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-436-461. EDN: AWYRVT.

¹⁶ Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 9–21. EDN: TCETZZ. Калинин А.Ю. Теневое право с позиций структурно-функционального подхода // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 16–20. EDN: ONRHCВ. Санинский Р.А. Теневая экономика и теневое право: точки соприкосновения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 182–185. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10126. EDN: RUXQFY.

¹⁷ Зорькин В.Д. Право силы и сила права // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5. С. 1–12.

5. Зорькин В.Д. Право силы и сила права / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5.
6. Зубович Г.Д. Теоретические аспекты моделирования нормативных правовых актов / Г.Д. Зубович // Право и современные государства. 2018. № 5. DOI: 10.14420/ru.2018.5.2. EDN: XAAZKI.
7. Ильин И.А. Понятие «права и силы: опыт методологического анализа» // Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 4 / И.А. Ильин ; составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ю.Т. Лисицы. Москва : Русская книга, 1994.
8. Калинин А.Ю. Теневое право с позиций структурно-функционального подхода / А.Ю. Калинин // Юридическая наука. 2011. № 4. EDN: ONRHCB.
9. Карманова З.Я. Проблема значения слова: «языковые игры» vs «рефлексивные игры» / З.Я. Карманова // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). EDN: KXUGIH.
10. Красиков Д.В. Уязвимость и сила права в эпоху популизма / Д.В. Красиков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 2. DOI: 10.31249/rgpravo/2021.02.07. EDN: ZYRXBI.
11. Лягин К.А. Воспитательная сила права в современных исследованиях теории права и государства / К.А. Лягин, Э.И. Сафина // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–8. EDN: YKRLFN.
12. Муж В.В. Юридическое моделирование правового сознания в контексте юридической доктрины / В.В. Муж, Т.З. Гарасымов // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридические науки. 2015. № 824 (6). EDN: XWKYHN.
13. Осипов М.Ю. О совершенствовании правового механизма оплаты услуг по обязательному медицинскому страхованию / М.Ю. Осипов // Медицинское право: теория и практика. 2025. Т. 11. № 1–2 (27–28). EDN: KUFJRW.
14. Санинский Р.А. Теневая экономика и теневое право: точки соприкосновения / Р.А. Санинский // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10126. EDN: RUXQFY.
15. Спирин М.Ю. Источник права и юридическая сила: соотношение сущностей категорий / М.Ю. Спирин // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 2 (42). DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-2-3. EDN: GRMBOH.
16. Степаненко Р.Ф. Правовой идеализм и воспитательная сила права / Р.Ф. Степаненко, Р.И. Кузьмин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции (г. Тольятти, 16–17 апреля 2015 г.): сборник научных статей. В 2 томах. Т. 2. Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2015. EDN: TWPRLF.
17. Шафиев К. Сила права и «право силы» в международных отношениях / К. Шафиев // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 1. EDN: QYYHPD.

References

1. Kube, H. From workplace to home environment: spreading of mouse allergens by laboratory animal workers / H. Kube, R. Herrera, G. Dietrich-Gümperlein [et al.] // International archives of occupational and environmental health. 2021. Т. 94. №. 4.

Обеспечительные конструкции в арбитражном процессе: попытка нового осмысления

В результате анализа правовой природы и сущности разноотраслевых обеспечительных конструкций в праве мы пришли к выводу, что первым и наиболее значимым компонентом таких конструкций является обеспечение¹.

Обеспечительные конструкции в арбитражном процессуальном праве вызывают особый научный интерес, поскольку процессуальный порядок их применения непосредственно затрагивает или даже ограничивает права лиц, в отношении которых они применяются. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии проблемы соотношения назначения обеспечительных конструкций в арбитражном судопроизводстве и принципов правового государства. При этом, как известно, цель существования правового государства заключается в ограничении произвола публичной власти.

Проанализируем нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — АПК РФ), закрепляющие основания и порядок применения обеспечительных мер, и рассмотрим ключевые особенности обеспечительных конструкций арбитражного процесса, затрагивающие и ставящие под угрозу права и законные интересы лиц, в отношении которых они применяются.

В первую очередь в АПК РФ отсутствует правило о необходимости надлежащего извещения лица, в отношении которого принимаются обеспечительные меры. Законодатель допускает незнание лица о поступлении в арбитражный суд заявления о принятии обеспечительных мер.

Другая особенность, прямо связанная с отсутствием необходимости надлежащего извещения лица, в отношении которого принимаются обеспечительные меры, состоит в том, что обеспечительные меры принимаются судом без проведения судебного заседания. Рассмотрение заявления в судебном заседании является одной из гарантий соблюдения принципов равенства и состязательности сторон.

Лицо, в отношении которого принимаются обеспечительные меры, лишается возможности предоставить в суд возражения относительно удовлетворения заявления о принятии обеспечительных мер. Более того, такое

¹ Папчихин П.С. Понятие обеспечения как юридической категории в российском праве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 36–39.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 июня 2002 г. (ред. от 01.04.2025) № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

лицо лишается права возражать против ходатайств, доводов других лиц, участвующих в деле, — права, предоставленного лицу, участвующему в деле, ст. 41 АПК РФ.

Следующая особенность обеспечительных конструкций арбитражного процесса, затрагивающая права и законные интересы лиц, в отношении которых принимаются обеспечительные меры, — срочность таких мер. Арбитражный суд обязан рассмотреть заявление о принятии обеспечительных мер не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд.

Немаловажной особенностью обеспечительных конструкций в арбитражном процессе является отсутствие права обжалования судебного акта о принятии обеспечительных мер. Могут быть обжалованы только определения арбитражного суда об отмене обеспечения иска и об отказе в отмене обеспечения иска.

Обратим внимание, что законодатель в АПК РФ к задачам судопроизводства в арбитражных судах относит в том числе защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере. При этом под обеспечительными мерами понимаются срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», меры по обеспечению иска, обеспечительные меры, меры предварительной защиты принимаются судом в целях предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижения негативного воздействия допущенных нарушений, создания условий для надлежащего исполнения судебного акта.

Таким образом, законодатель и Верховный Суд указывают на предупредительную функцию обеспечительных мер. При этом использование юридической конструкции, как мы отметили, затрагивает и даже ограничивает права лиц, в отношении которых они применяются. Буквальное толкование норм АПК РФ дает основание утверждать о заложенном в законе противоречии.

Каким образом обеспечительные конструкции арбитражного процесса способствуют укреплению законности, нарушая законные имущественные интересы лиц?

Обратимся к Конституции Российской Федерации. Статьей 1 Российская Федерация провозглашается демократическим правовым государством с республиканской формой правления³. Рассмотрим, какой смысл заложен в понятии правового государства.

Принято считать, что к принципам правового государства относятся:

- 1) принцип верховенства права во всех сферах государственной и общественной жизни;
- 2) принцип юридического равенства субъектов публичных отношений, урегулированных правом;
- 3) принцип гарантированности и действительности основных прав и свобод человека и гражданина;
- 4) принцип взаимной ответственности государства и личности;
- 5) принцип разделения властей⁴.

На первый взгляд, закрепление конструкции обеспечительных мер в АПК РФ нарушает первые три принципа. Проанализируем указанные принципы.

Принцип верховенства права во всех сферах государственной и общественной жизни означает рассмотрение всех вопросов жизни государства и общества с позиции права, правовую организацию государственной власти⁵. Кроме того, данный принцип предполагает разработку, принятие и реализацию правовых законов, а не законов, легализующих произвол и бесправие.

Верховенство закона — производная принципа верховенства права. Верховенство закона предполагает признание законов, принятых представительными органами государственной власти, юридическими актами, обладающими высшей юридической силой. Закон в правовом государстве должен соответствовать праву.

В содержании принципа юридического равенства субъектов публичных отношений, урегулированных правом, заложено два компонента: равенство перед законом и, во-вторых, равенство перед судом. Данный принцип положен в основу принципов арбитражного процесса и закреплен в ст. 7 АПК РФ.

Сущность принципа гарантированности и действительности основных прав и свобод человека и гражданина заключается в том, что государство признает за индивидом определенную сферу свободы, за пределы которой оно обязуется не выходить, гарантирует и защищает субъективные права и интересы граждан.

³ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁴ Алешкова И.А., Власова Т.В. К вопросу о признаках и принципах правового государства // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 61–64.

⁵ Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. М. : Эксмо, 2008. С. 145–146.

Краткий анализ трех принципов правового государства дает основание сделать следующие выводы.

Обеспечительные меры в арбитражном процессе являются юридическими конструкциями, формально закрепленными в федеральном законе — АПК РФ. Принимаются обеспечительные меры по заявлению лица, участвующего в деле, вне зависимости от его правового положения. При этом АПК РФ не содержит перечня лиц, в отношении которых не могут быть приняты обеспечительные меры. Следовательно, обеспечительные конструкции арбитражного процесса призваны, в самом общем виде, выполнять задачи арбитражного судопроизводства и реализовывать принципы арбитражного процесса.

Существует, однако, проблема, о которой мы упомянули, прежде чем перейти к анализу принципов правового государства. Корень данной проблемы заложен в том, что применение арбитражным судом обеспечительных конструкций нарушает охраняемые законом интересы лиц, в отношении которых они принимаются. При этом отечественный законодатель не закрепил перечень гарантий лица, в отношении которого применены обеспечительные меры.

Таким образом, обозначенная проблема дает основание поставить две гипотезы. Первая: отечественный законодатель, закрепив в АПК РФ нормы об обеспечительных мерах, предусмотрел *de facto* способ ограничения юридического равенства лиц, участвующих в деле. Вторая: закрепление в АПК РФ и применение арбитражным судом обеспечительных конструкций осуществляется во исполнение задач арбитражного судопроизводства и в рамках реализации принципов арбитражного процесса.

Считаем, что для правильного определения сущности обеспечительных мер, их места в системе арбитражного процессуального права следует обратиться к теории юридической герменевтики и аксиологии права. Достижения данных научных направлений философии права необходимы для уяснения смысла и сущности обеспечительных мер арбитражного процесса. Именно с помощью положений юридической герменевтики и аксиологии права можно определить ориентиры для регулятора общественных отношений.

В науке имеются аналогичные точки зрения.

Современный правовед П.П. Ланг отмечает, что факторами сохранения культурно-исторических традиций социума в цифровую эпоху выступают ценности — аксиологические основания, ориентиры имеют особое значение в условиях научно-технических трансформаций⁶, поскольку «аксиологические ориентиры обуславливают более глубокое осмысление права как

⁶ Ланг П.П. Аксиологические основы юридической герменевтики // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 24.

социального явления»⁷. Ученый добавляет, что «правильным является оценивать герменевтику как дополняющее учение о технике толкования и основанные на ценностях теорию и практику интерпретации правовых документов и источников, имеющих правовое значение»⁸.

Таким образом, учитывая изложенные позиции современной теоретико-правовой и философско-правовой науки, следует определить, что надлежащая оценка места и роли обеспечительных мер в арбитражном процессуальном праве возможна с учетом определения ценности того блага, ради которого они принимаются.

В нашей исследовательской работе мы предложили использовать понятие обеспечения как юридическую категорию, которая, на наш взгляд, понимается в позитивном и негативном смысле. Так, «обеспечение есть юридическая категория, которая означает: в позитивном смысле — создание возможности для реализации субъективного права и исполнения юридически значимой обязанности, а в негативном смысле — устранение обстоятельств, препятствующих реализации субъективного права и исполнению юридически значимой обязанности»⁹.

Обеспечительные конструкции арбитражного процессуального права обладают огромным аксиологическим потенциалом. Такие конструкции не являются правовыми средствами достижения исключительно субъективного процессуального и даже материального интереса. Их обеспечительное действие направлено на создание возможности, условий для защиты и реализации нарушенного или оспариваемого субъективного права, исполнения юридически значимой обязанности, предупреждение нарушения субъективных прав и правоохраняемых интересов субъектов права, устранение обстоятельств, препятствующих реализации субъективного права и исполнению юридически значимой обязанности.

В чем состоит попытка нового осмысления?

Арбитражное судопроизводство в отсутствие обеспечительных конструкций утратит во многом функцию защиты нарушенных прав. В целом снизится роль арбитражного суда — органа федеральной судебной власти — по разрешению споров в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, корпоративных споров, дел о несостоятельности (банкротстве).

Важно отметить, что обеспечительные конструкции в арбитражном судопроизводстве оказывают содействие суду в рассмотрении дела. В случае

⁷ Ланг П.П. К вопросу о духе права в сфере арбитражного судопроизводства // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 2–2. С. 158.

⁸ Ланг П.П. Аксиологические основы юридической герменевтики // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 24.

⁹ Папчихин П.С. Понятие обеспечения как юридической категории в российском праве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 38.

если обеспечительная мера принимается в отношении лица, действительно нарушившего права и (или) законные интересы заявителя обеспечительных мер, имеется вероятность стимулирования недобросовестного лица к надлежащему поведению и, как следствие, мирного урегулирования спора. Следовательно, необходимость обеспечительных конструкций в арбитражном судопроизводстве не может подвергаться сомнению.

Обеспечительные конструкции в арбитражном судопроизводстве являются важнейшей гарантией правового государства, выражая действие принципа верховенства права, принципа юридического равенства субъектов публичных отношений, урегулированных правом, принципа гарантированности и действенности основных прав и свобод человека и гражданина, а также принципа взаимной ответственности государства и личности и принципа разделения властей. Отечественный законодатель, закрепив в АПК РФ нормы об обеспечительных мерах, не предусмотрел способ ограничения юридического равенства лиц, участвующих в деле, а усилил такое равенство. Кроме того, сложность места и роли обеспечительных конструкций в арбитражном судопроизводстве и правовой системе России в целом обусловлена отсутствием в отечественной правовой доктрине концепции обеспечительных конструкций в праве.

Папчихин П.С.,

аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
Самарского государственного экономического университета
(г. Самара)

Литература

1. Алешкова И.А. К вопросу о признаках и принципах правового государства / И.А. Алешкова, Т.В. Власова // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180).
2. Ланг П.П. Аксиологические основы юридической герменевтики / П.П. Ланг // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41).
3. Ланг П.П. К вопросу о духе права в сфере арбитражного судопроизводства / П.П. Ланг // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 2–2.
4. Папчихин П.С. Понятие обеспечения как юридической категории в российском праве / П.С. Папчихин // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234).
5. Проблемы теории государства и права : учебник / под редакцией В.М. Сырых. Москва : Эксмо, 2008.

Правовое государство как оксюморон

Так уж повелось, что всякий научный текст полагается начинать с представления актуальности выбранной темы. На наш взгляд, сам факт организации самостоятельной секции «Право и власть: проблема правового государства» на проходящей уж третий десяток лет совместной международной научно-практической конференции, организованной двумя ведущими вузами страны, является весьма веским аргументом в пользу актуальности выбранной темы. В дополнение можно лишь отметить, что дискуссия о понятии никогда не утрачивает актуальности, так как, не определившись с предметом обсуждения, нечего и обсуждать.

О правовом государстве размышляли и писали многие отечественные и зарубежные мыслители, философы, юристы. Сегодня истоки теории правового государства находят в трудах греческого философа Аристотеля, византийского императора Юстиниана Великого, актах католического понтифика Папы Григория VII, трудах английских философов Томаса Гоббса и Джона Локка, французского мыслителя Ж.-Ж. Руссо и в провозглашенном его соотечественником — французским мыслителем Шарлем Луи де Монтескье — духе законов, трудах немецкого философа Иммануила Канта и немецких юристов Роберта фон Моля, Фридриха Штала, Рудольфа Гнейста, Лоренца фон Штейна, Георга Еллинека и др. Правовое государство стало предметом многочисленных исследований русских, советских и российских ученых-юристов: В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, Б.М. Лазарева, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянца и др.

Окончательно сформировавшись в XIX в., доктрина правового государства и сегодня вызывает немало споров.

Теория государства и права изучает оба явления социальной жизни, предполагая их разный генезис. Вопрос о том, что первично — государство или право, давно утратил былой интерес ученых как самостоятельный объект исследований. Согласившись с риторическим характером вопроса о приоритете, его просто выставили *ad marginem*.

Однако от разрешения этого вопроса зависит устранение уже давно установившейся неопределенности при рассмотрении иных фундаментальных вопросов: о содержании (смысле) народного суверенитета; об общественном договоре; об «отмирании» государства и права и, наконец, об антропологической и/или теологической природе обоих феноменов.

С пришедшим в конце XIX в. на смену конвенциональной теории Ж.-Ж. Руссо позитивизмом в теории стали попеременно господствовать то позитивистская парадигма, то естественно-правовая. Ставшее традицион-

ным определением права и нормы права указывает на приоритет государства в паре «государство/право», т.е. утверждается этатизм. Государство, подменив все сферы общественной жизни политикой, самопровозгласило себя ее источником, главным героем (субъектом), ядром, вокруг которого вертится вся социально-экономическая жизнь страны. Потому сегодня приоритет государства, этатизм в юридической науке стал привычкой. Мало кто осмеливается ревизовать устоявшуюся и ныне существующую концепцию.

Что же касается правового государства, то оно невозможно как с точки зрения позитивизма, так и с точки зрения естественно-правовой теории.

«Правовое государство» — особый вид государства, но в контексте правового позитивизма все право государственное, и тогда правовое государство, следуя логике, должно бы превратиться в государственное государство, а это уже бессмысленная тавтология.

Правовое государство не является особой формой государства, однако является его особым видом. Правовое государство можно было бы отнести к особому виду политического режима, чему способствует частое противопоставление правового государства различным видам «неправового государства», например, тирании, деспотизма и т.п.

Однако отнесение правового государства к политическим (государственным) режимам было бы некорректным, так как всякий политический режим суть методология власти, методология управления. Иными словами, это совокупность приемов и методов, при помощи которых осуществляется государственная власть¹.

К основным конституирующим признакам правового государства принято относить следующие²:

- разделение властей;
 - подчинение государства праву;
 - народный суверенитет и всеобщее избирательное право;
 - верховенство и прямое действие конституции,
- которые можно свести к одному — подчинение государства праву.

¹ В качестве источников мы специально остановились на некоторых учебниках, так как именно посредством прочтения, изучения, нередко сопровождаемого с заучиванием наизусть отдельных определений, и последующего пересказа у студентов формируется профессиональное правосознание, с которым они по окончании обучения в вузе остаются на всю свою профессиональную жизнь. Большинство студентов кроме учебников и конспекта лекций так ничего и не прочтут. См., напр.: Гессен В.М. Теория правового государства. СПб., 1912; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2004. С. 128; Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. 14-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2022. С. 125.

² Почти каждый исследователь предлагает свои признаки или те же признаки, но в своей авторской интерпретации или выражает иными словами, внешне синонимами, но в действительности смысл несколько меняется. Мы постарались привести наиболее распространенные и в наиболее конвенциональном виде.

Таким образом, правовое государство — это не про управление страной, а про нравственное содержание управленческих решений государства, про справедливость, добросовестность, коими должны быть преисполнены всякие интенции государственной власти. Именно поэтому у правового государства в качестве оппозиции может быть только неправовое государство, к которому мы относим все остальные, и ни в какую иную классификацию правовое государство не может быть инкорпорировано.

Однако государство не может быть правовым только потому, что оно подчиняется праву, т.е. все его органы и должностные лица и иные сотрудники этих государственных органов, в своей совокупности представляющие государство, осуществляют свои полномочия на основе принципа законности, т.е. в соответствии с требованиями закона.

Это требование, которое предъявляется к любому государству. Собственно, публичное право и существует для того, чтобы государство подчинялось в своей деятельности закону.

Вопрос о сущности государства располагается в сфере философии права.

Весь прошлый век можно считать революцией в научном и философском знании: на рубеже XVIII–XIX вв. на фоне расцвета позитивизма получили свое развитие аналитическая философия и лингвофилософия, стремительное развитие психоанализа и антропологии дали основу формированию структурализма и постструктурализма, и все вместе — постмодернизму, характерной чертой которого является переход от поиска истины к правде, внимание к повседневности.

Посеяв зерно сомнения в истинность сформировавшегося в течение нескольких тысячелетий знания, постмодерн продемонстрировал иные возможности и ушел со сцены...

Актуальное состояние философии оценивается специалистами по-разному: кто полагает, что мы живем в пост-постмодернистскую эпоху, а кто-то считает, что пост-постмодерн — это всего лишь подготовка к качественному переходу к новой парадигме, к смене эпистемы, как сказал бы М. Фуко.

Не секрет, что постмодернизм привнес немало интересного и необычного, если не сказать — экстравагантного, в том числе и в право, в философию права, что мы без труда можем найти, например, в следующих сочинениях: «Образ права» Александра Лефевра³, «Сила права» Ж. Деррида⁴, «Философия права Делеза» Лорана де Сюттера⁵ и др.

Исследования в области мотивации человеческого поведения привнесли свой дополнительный вклад в формирование указанного скепсиса.

³ Alexandre Lefebvre. The image of Law. Stanford, California : Stanford University Press, 2008.

⁴ Jacques Derrida. Force of Law: The «Mystical Foundation of Authority» // Deconstruction and the Possibility of Justice. London, New York, 1992.

⁵ Laurent de Sutter. Deleuze's philosophy of Law. Edinburg : Edinburg University Press, 2022.

Сегодня многие известные ученые разделяют мнение о том, что «...жизнь, равно как и эволюцию с естественным отбором не заботит то, что истинно. Ее интересует то, что работает»⁶.

Лауреаты Нобелевской премии по экономике Ричард Талер⁷ и Даниэль Канеман⁸ в своих исследованиях обратили внимание на роль иррационального в экономике, в частности, при принятии решений потребителями⁹, что заставило многих проявить особый интерес к исследованию иррационального, например в праве.

В последние годы необычайную актуальность приобрела и дискуссия о свободе воли. С легкой руки Роберта Сапольски¹⁰ последние 5 лет только и говорят, что о свободе воли человека.

Видимо, устав от очень длительного увлечения рациональным, ученые обратили внимание на иррациональное. Отсюда и реанимация интереса к теме субъекта, свободы воли.

Современная мировоззренческая ситуация, расшатывая классическую парадигму, открывает бескрайние просторы для новых научных экспериментов.

Основываясь на всем вышесказанном, попытавшись освободиться от мифов предыдущего знания, позволим представить широкой публике следующую гипотезу в тезисном изложении:

Государство — это нечто, что нельзя увидеть и потрогать, т.е. это нечто идеальное.

Как мы узнаем, что государство есть и что оно с нами общается?

Посредством права: государство издает правовые и нормативно-правовые акты, содержащие правила поведения для субъектов права.

Любая коммуникация не может быть односторонней. Субъекты права общаются с государством, используя различные формы непосредственной и представительной демократии.

⁶ Ведантам, Шанкар; Меслер, Билл. Иллюзия правды. Почему мозг стремится обмануть себя и других? М. : Индивидуум, 2022. С. 19.

⁷ Нобелевская премия 2017 г. за исследования в области поведенческой экономики.

⁸ Нобелевская премия 2002 г. «за применение психологической методики в экономической науке, в особенности — при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности».

⁹ См.: Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М. : Эксмо, 2022. 384 с.; Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2020. 702 с.; Канеман Д. Шум: несовершенство человеческих суждений. М. : АСТ, 2025. 539 с.

¹⁰ Роберт Моррис Сапольски — американский нейроэндокринолог, профессор в Стэнфордском университете, приматолог; научный сотрудник в Национальном музее Кенни; автор ряда публикаций о проблеме свободы воли, напр., Сапольски Р.М. Все решено: жизнь без свободы воли. М. : Альпина нон-фикшн, 2025. 533 с.; Сапольски Р.М. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 765 с.

Реализация народного суверенитета регулируется нормами права: сначала в форме обычая, затем, после учреждения государства, — в форме нормативно-правовых актов.

Учреждение государства происходит в результате акта народного суверенитета.

Фактически одновременно с появлением государства современного типа (буржуазного Левиафана) появляется и конституция, в том числе и как акт, констатирующий факт учреждения этого государства и одновременно содержащий описание его сущности.

Государство — не просто коллективный субъект права, но одновременно и бестелесная личность, идея которой была заимствована в поздне-римском праве из раннеарабских источников права, что позволило много позже представить О. Гирке теорию государства как юридического лица¹¹.

До появления идеи бестелесной личности, позже ставшей сущностью юридического лица, право потому и дифференцировалось на публичное и частное.

Государство есть явление правовое. Право же представляет собой особый дискурс, знаками которого происходит коммуникация субъектов права между собой.

Представленная версия примиряет коммуникативную теорию права, лингво- и аналитическую философию, антропологию, концепцию государства как юридического лица и естественно-правовую теорию; позволяет верно понять значение и роль народного суверенитета, приоритет права в паре «право/государство» и утверждать возможность отмирания государства при одновременном утверждении вечности права до тех пор, пока живо человечество.

Семьянов Е.В.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского государственного университета туризма и сервиса,
кандидат юридических наук;
адвокат Московской городской арбитражной
и налоговой коллегии адвокатов “Люди Дела”
(г. Москва)

Литература

1. Ведантам Ш. Иллюзия правды. Почему мозг стремится обмануть себя и других? / Ш. Ведантам, Б. Меслер. Москва : Индивидуум, 2022.

¹¹ Gierke O.F. von. Deutsches Privatrecht. — Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1905.

2. Гессен В.М. Теория правового государства / В.М. Гессен. Санкт-Петербург : Кас-са взаимопомощи студентов Санкт-Петербургского политехнического инситута им. Петра Великого, 1912.
3. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. Москва : АСТ, 2020.
4. Канеман Д. Шум: несовершенство человеческих суждений / Д. Канеман. Москва : АСТ, 2025.
5. Лазарев В.В. Теория государства и права : учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Спарк, 2004.
6. Сапольски Р.М. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / Р.М. Са-польски. Москва : Альпина нон-фикшн, 2019.
7. Сапольски Р.М. Все решено: жизнь без свободы воли / Р.М. Сапольски. Москва : Альпина нон-фикшн, 2025.
8. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила тра-диционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер ; перевод с английского А. В. Прохоровой. Москва : Эксмо, 2022.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров / В.Н. Хропа-нюк. 14-е изд., стер. Москва : Омега-Л, 2022.

References

1. Derrida, J. Force of Law: The "Mystical Foundation of Authority" / J. Derrida // Deconstruction and the Possibility of Justice / D. Cornell, M. Rosenfeld, D. Carlson. London, New York : Routledge, 1992.
2. Gierke, O.F. von. Deutsches Privatrecht / O.F. von Gierke. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1905.
3. Lefebvre, A. The image of Law / Al. Lefebvre. Stanford, California : Stanford University Press, 2008.
4. Sutter, L. de Deleuze`s philosophy of Law / L. de Sutter. Edinburg : Edinburg University Press, 2022.

Сила правовых ценностей в праве

Проблема правовых ценностей в современном праве является сложной и спорной, в том числе и для правоведов. На это есть весомая причина. На сегодняшний день правовые ценности все больше превращаются в планетарную, глобальную действительность. Каждое государство развивается на основе собственного заложенного фундамента, но вместе с тем в экономике, политике, идеологии, правовом мышлении и культуре правовые ценности все больше приобретают общие черты. Политическая и правовая система государств XXI в. характеризуется синтезом всех положительных сторон богатого опыта человечества. Данный опыт подтверждает возникновение демократического правового государства и справедливого гражданского общества для стабильного развития и социального прогресса. Этот процесс, как, впрочем, и другие отрасли, происходит посредством глобализации правовой культуры, т.е. путем формирования общепланетных правовых ценностей. Для того чтобы определить силу правовых ценностей в праве, исследуем понятие «право» и «правовые ценности» с различных научных школ.

Согласна с утверждением Комарова С.А. в том, что по мере реализации в поведении и поступках людей право становится обязательным явлением в их повседневной жизни и культуре. Правовая культура в данном случае может быть обозначена как право, внедренное в жизнь людей. «Опыт развития цивилизованных обществ показывает, что добровольное и сознательное выполнение своих общественных обязанностей есть условие дальнейшего развития демократии, осознание ответственности личности перед обществом, государством своими гражданами является одним из важнейших элементов правосознания, условием высокой реализации прав, свобод и обязанностей личности, ибо уважение к праву, закону должно стать и становится личным убеждением каждой личности, превращается в привычку, в навык»¹.

Когда говорится о понятии «правовые ценности», то подразумевается юридическая догма, уже превратившаяся в норму, устойчивые стандарты национальной или международной правовой системы и определяющая связь между человеком и обществом, личностью и государством². Значит, юридические ценности — это система правовых богатств, почитаемая и беспрекословно выполняемая государством, человеком, личностью и обществом, и налаживающая социальную жизнь и взаимоотношения, определяя их через юридические нормы. В первую очередь эта система проявляется в международном праве. Если выявить проблемную точку зрения, то становится

¹ Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник 8-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2012. С. 431.

² Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статус, 1999. С. 230.

ясно, что превращение международного права в глобальную действительность требует изучения места и значения правовой культуры. Как пишут А. Саидов и У. Таджиханов, «Правовая культура — это отдельное социальное явление, которое может приниматься как символ правового состояния общества и личности...»³.

Именно правовые ценности и должны являться основными предметами исследования. Разумеется, обозначенная тема настолько широка и многоаспектна, что полное ее изучение в рамках одного исследования представляется затруднительным.

В настоящей статье предлагается лишь краткий сравнительно-правовой анализ правовых ценностей в праве и их генезис. А также сила в праве. Из-за того, что данное явление мало исследовано, проблема в такой постановке рассматривается впервые. Целью данного исследования является анализ правовых ценностей в современном праве. Актуальность настоящей статьи заключается в изучении генезиса правовых ценностей как феномена в современном праве. Но для начала исследуем, что представляет собой понятие «ценность».

Понятие «ценность» является компонентом изучения теоретической философии — аксиологии (от греч. *Axios* — «ценный» и *logos* — «учение»), т.е. аксиология изучает природу ценностей и их роль в жизни общества и человека как особый раздел проблемного поля в теории ценностей. Аксиология рассматривает ценность на стыке реальности в мире и ценности этой реальности, показывая место и роль ценностей в жизни общества и человека⁴.

В Большом юридическом словаре ценность определяется как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности.

В Новейшем философском словаре указывается, что термин «ценность» используется в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающее к миру должного, целевого, смысловому основанию, абсолюту⁵. Труды по социологии обычно определяют ценность как особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, предметов, духовных явлений⁶.

³ Таджиханов У., Саидов А. Теория правовой культуры. Ташкент : Академия МВД РУз, 1998. Т. 1. С. 57.

⁴ Петрова Т.В. Ценности права и правовые ценности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 131.

⁵ Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 15.02.2025).

⁶ Раитина М.С. Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности. URL: <https://econf.rae.ru/article/5159> (дата обращения: 15.02.2025).

По мнению Клименко А.И., под правовой ценностью следует подразумевать конвенциональную «синтетическую» ценность, которая является продуктом согласования интересов различных социальных акторов в процессе правового дискурса. Здесь можно, конечно, говорить и об индивидах, и о коллективных акторах и об агентах (в отличие от акторов агенты представляют не свои интересы, а интересы принципала — действительного актора, действующего через них)⁷.

По мнению Ю.Ю. Ветютнева, «ценности определяют меновой аспект правопорядка, то есть динамику его формирования и дальнейшего развития через взаимодействие субъектов, преследующих свои цели. Именно они являются авторами правопорядка, в отличие от тех, кто автоматически выполняет или нарушает правовые императивы. Обладатели ценностных ориентаций как субъекты рефлексии способны задавать движение правопорядка либо по пути самосохранения через преобразования, интенсивные или минимальные, либо по пути саморазрушения через энтропийно-революционные процессы»⁸.

Следует отметить, что одним из подходов к праву, одним из ракурсов его рассмотрения, выявляющих прежде всего его содержательные качества, является аксиологический подход. Он заключается в подходе к праву как к определенной системе ценностей. При этом ценности — не произвольный набор идеально сконструированных, «выдуманных» стандартов, а объективно сложившаяся система, производная от интересов и потребностей социальных акторов, важнейшими из которых выступают классы. В этом плане система правовых ценностей предстает как сформированная на основе реального баланса социальных сил в определенных материальных условиях система приоритетов и стандартов конвенционального плана, которая способна сформировать «замиренную среду», своего рода «общественный договор» — результат синтеза противоречивых интересов и потребностей — общесоциальный компромисс⁹.

Следует отметить, что ценности в контексте диалектико-материалистического подхода понимаются прежде всего как производные от материальных условий жизни людей¹⁰.

В конечном счете все общественные ценности опосредованно производны от экономического базиса. Материальные условия жизни людей фор-

⁷ Клименко А.И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 167–168.

⁸ Ветютнев Ю.Ю. Аксиологические основания правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. М., 2020. С. 10.

⁹ См. о материалистическом и идеалистическом подходе к пониманию ценностей: Бабурин С.Н., Бережнов А.Г., Воротилин Е.А. [и др.]. Философия права : в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 307–308.

¹⁰ Философия права / А.Л. Золкин С.И. Захарцев, А.Д. Иоселиани [и др.]. М., 2003. С. 191–194; Клименко А.И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. № 1. С. 8–10.

мируют потребности, которые, будучи осознаны определенным образом, предстают как интересы и выражаются в классовой морали — в классовых моральных ценностях. Эти ценности зачастую ложно подаются как «абсолютные» (это прежде всего касается моральных ценностей господствующего класса). Их материальная основа вуалируется: они позиционируются как «вечные», собственно человеческие идеалы, «цементирующие» все общество, которые при помощи права в определенной мере можно защищать¹¹.

Более широкое определение правовых ценностей использует Ю.А. Гаврилова, рассматривая их через дихотомию внешних и внутренних характеристик: «ценность постулируется нами как внешний объект окружающего мира либо внутреннее состояние субъекта, имеющие для него позитивное личное, социальное или культурное значение»¹².

В образовании правовых ценностей и их встраивании в иерархическую структуру следует видеть созидательный процесс, в котором отражаются все три основных закона диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей — в столкновении классовых интересов классов, один из которых существует лишь при условии существования другого¹³.

Правовыми ценностями признаются феномены, имеющие значение для человека и общества в праве. Их стоит рассматривать во взаимосвязи с иными социальными ценностями (к примеру, моральными). Это связано с тем, что мораль и право имеют не государственную, а общественную природу, они являют собой социальную ценность. Моральный аспект присутствует во всех сферах отношений между людьми — от индивидуальных до межцивилизационных, регулирует отношения как на межличностном, так и на общечеловеческом уровне¹⁴.

Многогранность правовых ценностей проявляется в том, что, с одной стороны, они отражаются в правовой традиции и правовом менталитете, а с другой — могут оказывать влияние на формирование и развитие как индивидуального, так и общественного правосознания через правовой опыт, отражаясь в содержании нормативно-правовых актов, судебных решениях и правовой практике.

По мнению Сергеевой Т.Н., правовая ценность как результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта (индивидуального или коллективного) и продолжительной работы по осознанию правовых процессов, происходящих в праве создаваемой правовой нормы, право

¹¹ Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль. М., 2020. С. 69; Hart H.L.A. Law, liberty, and morality. Oxford, New York: Oxford University Press. The Harry Camp lectures at Stanford University, 1962. P. XII, 53.

¹² Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 36.

¹³ Корнфорт М. Указ. соч. С. 87–89.

¹⁴ Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12–15.

реализуемой во благо государства и общества, которая представляет собой регулятор в обеспечение социального регулирования для правового и социального прогресса в праве. И имеющие формальное закрепление в высшем нормативно-правовом акте. Тем самым определяет правовую ценность как фундаментальный правовой феномен, который позитивно влияет на эволюцию правового государства, права и гражданского общества в современном мире¹⁵.

По моему мнению, современная правовая наука разнонаправленно не только трактует определения ценностей, но и описывает их элементный состав. Эволюция института правотворчества тесно связана с ориентацией на систему социальных ценностей. В ходе правотворчества формируется система ценностей, которые получили название правовые ценности. В статье выявлены основные тенденции в развитии феномена «правовая ценность». Автор делает вывод о том, что правовые ценности являются фундаментом для эффективного функционирования правового государства и гражданского общества в современном праве. И так же для эффективного развития правового государства и гражданского общества необходимо обновление правовых ценностей в законодательстве, и основной акцент сделать на духовно-нравственном развитии всего общества, так как право и мораль неотделимы. Моральное наполнение «оживляет» право, придает ему силу, направленную на эволюцию правового государства. В таком случае необходимо сегодня на законодательном уровне внедрять системное правовое воспитание всех участников образовательного процесса, чтобы способствовать развитию гражданского общества и правового государства. Сила правовых ценностей в праве, в их содержании, исполнении, применении.

Итак, правовые ценности показывают, что в современном праве они являются ориентирами и основными тенденциями развития права в современном мире.

Сергеева Т.Н.,

старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права и международного права
Московского международного университета,
научный сотрудник, научный стажер кафедры теории и истории
государства и права Юридического института г. Санкт-Петербурга,
соискатель кафедры теории права и сравнительного
правоведения Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(г. Москва)

¹⁵ Сергеева Т.Н. Учение о правовых ценностях и их генезис // Образование и право. 2024. № 3. С. 52–57.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. Москва : Статус, 1999.
2. Ветютнев Ю.Ю. Аксиологические основания правопорядка / Ю.Ю. Ветютнев // Правопорядок: элементы общей теории : монография / М.В. Антонов, М.В. Баранова, М.А. Беляев [и др.] ; под общей редакцией М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. Москва : Проспект, 2020.
3. Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права / Ю.А. Гаврилова // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4).
4. Клименко А.И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства / А.И. Клименко // Юридическая техника. 2020. № 14.
5. Клименко А.И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории / А.И. Клименко // История государства и права. 2022. № 1.
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник / С.А. Комаров. 8-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Издательство Юридического института, 2012.
7. Петрова Т.В. Ценности права и правовые ценности / Т.В. Петрова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104).
8. Раитина М.С. Ценности и ценностные ориентации, их формирование и роль в развитии личности / М.С. Раитина // Научный электронный архив. URL: <https://econf.rae.ru/article/5159> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Сергеева Т.Н. Учение о правовых ценностях и их генезис / Т.Н. Сергеева // Образование и право. 2024. № 3.
10. Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей / К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2.
11. Таджиханов У. Теория правовой культуры : учебник. Т. 1 / У. Таджиханов, А. Саидов. Ташкент : Академия МВД РУз, 1998.
12. Философия права : курс лекций : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 томах. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.] ; ответственный редактор М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2011.
13. Философия права : учебник для студентов высших учебных заведений / А.Л. Золкин С.И. Захарцев, А.Д. Иоселиани [и др.] ; под научной редакцией А.Л. Золкина ; под общей редакцией А.И. Клименко, А.Д. Иоселиани. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
14. Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль / Г.Л.А. Харт ; перевод с английского С. Моисеева. Москва : Издательство Института Гайдара, 2020.

References:

1. Hart, H.L.A. Law, liberty, and morality / H.L.A. Hart. Oxford, New York : Oxford University Press, The Harry Camp lectures at Stanford University, 1962.

Правовая культура как системообразующий фактор аксиологического измерения власти

Современная правовая парадигма характеризуется усилением внимания к нематериальным, ценностным аспектам функционирования публичной власти. Исторически государственная власть ассоциируется с принуждением, суверенной волей и силой, способной навязывать свои решения. Право, в свою очередь, претендует на роль универсального регулятора, основанного на справедливости, равенстве и формальной определенности. Коллизия между «силой власти» (как возможности проводить свою волю даже вопреки сопротивлению) и «силой права» (как морального и формального авторитета, обязывающего к подчинению) составляет суть политико-правового развития.

Можно отметить, что «сила власти» коренится в ее природе, способности влиять на поведение людей и социальные процессы, используя для этого ресурсы принуждения, авторитета и манипуляции. В своем «чистом» виде, описанном еще Н. Макиавелли и Т. Гоббсом, самодостаточна и не зависит от моральных принципов. Ее критерий — эффективность достижения поставленных целей. А «сила права», напротив, производна от его легитимности, а не от принуждения. Сила права — это его способность быть общеобязательным критерием правомерного и неправомерного, выступать мерой свободы и справедливости.

Легитимность власти в правовом государстве производна не только от легальности ее приобретения и осуществления, но и от ее восприятия обществом как справедливой и соответствующей правовым идеалам. Именно правовая культура формирует эти идеалы и критерии оценки.

Сегодня исследования, посвященные роли ценностей в системе власти, приобретают особую значимость, что обусловлено необходимостью решения задач, связанных с сохранением культурной идентичности общества. Аксиологические установки, которые характеризуют современное общество, особенно ярко проявляются во властных структурах, что во многом обусловлено социальными трансформациями, проявляющимися в глобальном мироустройстве, ведь власть сублимирует в себе представления о ценностях конкретного исторического периода¹.

Рассматривая власть с точки зрения аксиологического (ценностного) подхода, можно охарактеризовать ее как явление, которое основано на определенных ценностях, формирует и продвигает определенные ценности в обществе либо оценивается обществом с точки зрения ценностей. Аксиологический подход к процессу государственного управления — это набор

¹ Пучков О.Э. Аксиологические особенности власти в условиях смены социокультурной парадигмы : дис. ... канд. философ. наук. Красноярск, 2023. С. 3.

принципов, инструментов и методов постановки стратегических целей и задач организации государственного управления, базирующийся на признании и подчинении всей системы управления общепризнанным правовым ценностям. Отличительным признаком данного подхода от других подходов является наличие сквозной интеграции ценностей человека и общества в вертикаль государственного стратегического планирования².

Ключевыми аспектами аксиологического измерения власти выступают: легитимность и базовые ценности (такие как свобода, равенство, права человека, историческая преемственность или религиозные догмы); цели и идеалы власти (в качестве которых могут быть социальное равенство, экономический рост и материальное благополучие); этические ограничения; язык, символы и риторика («долг», «совесть», «честь», «родина», «свобода», «развитие»). Интересна в этом ключе позиция В.А. Пызина, который отмечает: «власть устойчива при соответствии ментальным полям народонаселения и при наличии совести»³. Ценностная составляющая власти включает ряд показателей: нравственные чувства, моральное сознание, а также характерные для конкретной личности представления об основных этических категориях⁴.

Таким образом, аксиологическое измерение власти — это рассмотрение властных структур с точки зрения ценностей и принципов, на которые они ссылаются. По сути, это выстраивание такой системы отношений «личность — общество — власть», при которой власть включается в персональное и социальное ценностное пространство каждого человека и общества в целом. Аксиологическое измерение определяет, какие ценности и убеждения составляют главный мотивационный источник социальной поддержки власти. Как отмечал А.И. Демидов, власть является органическим проявлением сознания и воли действующего субъекта, погруженного в социальное бытие, детерминированного его законами, принципами и ценностями⁵.

Вопрос о легитимации власти, ее целях и пределах все чаще выходит за рамки сугубо нормативного анализа, уступая место исследованиям, акцентирующим внимание на социокультурном контексте. В данном контексте категория правовой культуры приобретает качество системообразующего фактора, определяющего не только формы и процедуры осуществления власти, но и ее глубинное аксиологическое содержание.

² Яшкин А.В. Аксиологический (ценностно-ориентированный) подход к процессу организации стратегического государственного управления // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 6–2. С. 248.

³ Пызин В.А. Онтология власти: институционально-аксиологический аспект // Россия: общество, политика, история. 2024. № 3. С. 130.

⁴ Мякинников С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33. С. 11.

⁵ Демидов А.И. Ценностные измерения власти // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 121.

Правовая культура по мнению ученых — это общность идеальных ценностей, связанных потенциалом права (С.С. Алексеев)⁶, общественно-духовные идеи и нравственные ценности, формирующие правосознание человека и предопределяющие его поведение (В.М. Чхиквадзе)⁷ или степень правовой развитости субъектов права, правового совершенства, уровень их способностей качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей и воплощающих эти свои способности в социально-правовую активность⁸. Можно согласиться с мнением Л.А. Петручак, которая определяет правовую культуру как исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества⁹.

Правовая культура, понимаемая как совокупность ценностных ориентаций, правовых знаний, убеждений и поведенческих моделей, детерминированных правом, выполняет функцию медиатора между правовой системой в ее объективном измерении и субъективными ожиданиями индивидов и социальных групп. Именно через призму правовой культуры происходит усвоение и интерпретация ключевых правовых принципов, таких как справедливость, равенство, свобода, которые, в свою очередь, формируют аксиологический каркас власти¹⁰.

В контексте исследования правовой культуры как системообразующего фактора аксиологического измерения власти можно выделить следующие ее функции:

1. Легитимирующая функция. Высокий уровень правовой культуры населения формирует запрос на легитимную власть. Когда правовые ценности (верховенство права, равенство перед законом, защита прав человека) становятся частью массового сознания, власть вынуждена им соответствовать, чтобы сохранить доверие и поддержку.

2. Ограничительная функция. Правовая культура элит, в особенности судебного корпуса, законодателей и представителей исполнительной власти,

⁶ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 87.

⁷ Чхиквадзе В.М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 44.

⁸ Бондарев А.С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 14.

⁹ Петручак Л.А. Правовая культура в системе ценностей гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3. С. 85.

¹⁰ Шумкин Е.М. Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3. С. 466.

выступает главным внутренним ограничителем злоупотреблений. Следование принципу законности становится не внешним требованием, а внутренней убежденностью. Именно развитое профессиональное правосознание и высокий уровень правовой культуры не позволяют должностному лицу принимать неправомерное решение, даже если оно политически или экономически выгодно.

3. Интегративная функция. Правовая культура общества обеспечивает диалог между властью и населением в рамках правового поля. В ситуации конфликта стороны апеллируют не к силе, а к правовым нормам, что трансформирует политические столкновения в юридические процедуры, снижая риски насилия и произвола.

4. Воспитательная функция. Правовая культура транслирует от поколения к поколению представления о недопустимости произвола. Через образование, СМИ и правоприменительную практику она формирует у граждан установку на защиту своих прав законными средствами, а у представителей власти — понимание ответственности перед законом.

Правовая культура материализуется через конкретные институты и процедуры, к которым относятся: институт конституционного контроля, административные процедуры и стандарты в деятельности органов исполнительной власти, доступность и эффективность судебных механизмов защиты прав граждан, парламентские процедуры, культура парламентских дебатов, гарантирование избирательных прав и т.п.

Весьма острым остается вопрос о соответствии закрепленным ценностям моделей поведения субъектов, обязанных применять установленные нормы и принципы¹¹. Аксиологический аспект власти отражается и в том, как обычные люди воспринимают и оценивают представителей властных структур. Эти представления и оценки служат индикатором уровня правовой культуры общества и позволяют судить об эффективности работы власти во всех ее проявлениях. Соответственно, совокупность взглядов на власть и их оценка в конкретном обществе являются частью правовой культуры — если рассматривать власть сквозь призму аксиологического подхода.

Уровень развития правовой культуры представителей власти определяет степень восприимчивости власти к общественным запросам, ее готовность действовать в рамках права. Низкий уровень правовой культуры властных структур, проявляющийся в правовом нигилизме, является системным барьером на пути аксиологических преобразований. Напротив, высокая правовая культура государственных служащих и должностных лиц, основанная на уважении к человеческому достоинству, создает необходимые предпосылки для ценностной трансформации власти.

¹¹ Балаклеец И.И. Аксиологический подход к исследованию правовой культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 80.

По нашему мнению, историко-правовой анализ эволюции политических моделей демонстрирует прямую зависимость между уровнем правовой культуры и ценностным наполнением властных институтов.

В рамках первой модели, характерной для развитых государств, позиционирующих себя как правовые государства, правовая культура проявляется в конституционном закреплении принципа верховенства права, разделении властей и незыблемости прав человека. Высокий уровень правосознания граждан и их активная позиция выступают дополнительным внешним ограничителем для власти, обеспечивая ее подконтрольность обществу. Как отмечает Богданова Н.А., «расширение каталога прав человека и их конституционализация посредством установления механизмов обеспечения и защиты»¹² является прямым следствием зрелой правовой культуры.

Особенность второй модели, наблюдаемой в государствах с формирующейся демократией, состоит в том, что конституционные положения о правовом характере власти зачастую опережают реальный уровень правовой культуры. Это приводит к декларативности норм и их слабой реализации на практике. Власть, формально действуя в правовом поле, может игнорировать дух закона, если это не находит должного отпора со стороны общества с недостаточно развитым правосознанием.

Таким образом, аксиологическое измерение власти — это исследование власти через призму ценностных систем, которые определяют ее сущность, цели и механизмы функционирования в конкретном обществе. Власть рассматривается как отражение и сублимация ценностей, исторически сложившихся в социуме, и служит инструментом их сохранения, трансляции или изменения. В условиях глобализации и усложнения общественных отношений аксиологическое измерение власти претерпевает значительные изменения. На первый план выходят такие ценности, как экологическая безопасность, защита прав будущих поколений, цифровая автономия личности. Инкорпорация этих ценностей в правовую систему напрямую зависят от способности правовой культуры ассимилировать новые вызовы. В условиях смены социокультурной парадигмы власть должна синтезировать устоявшиеся ценности и формировать новые, адекватные вызовам глобального мира, избегая навязывания чуждых ценностных систем, поэтому в основе ценностного подхода должны быть традиции, социальная справедливость, патриотизм, духовные основы, идентичность и суверенитет, а также уважение к историческому опыту.

По нашему мнению, правовая культура выступает не просто фоном, а системообразующим фактором аксиологического измерения власти. Она наполняет формальные правовые институты реальным содержанием, служит основным источником легитимации и выступает в роли неформального

¹² Богданова Н.А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 1. С. 47.

ограничителя, предотвращающего перерождение правовой власти в произвол, а также выступает тем социальным механизмом, который транслирует эволюцию системы ценностей в правовое поле, заставляя властные институты адаптировать свои цели и функции.

Следовательно, укрепление правовой культуры — не второстепенная задача, а стратегическое условие построения правового государства, в котором власть обретает свою подлинную силу не вопреки праву, а именно через него и благодаря ему. Дальнейшее укрепление правовой культуры как в обществе в целом, так и внутри самих властных структур, является необходимым условием для построения власти, аксиологически основанной на правах человека, принципах справедливости и устойчивого развития.

Усманова Е.Ф.,

заведующая кафедрой государственного и административного права
юридического института Национального исследовательского
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева,
кандидат юридических наук, доцент
(Республика Мордовия, г. Саранск)

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1966.
2. Балаклеец И.И. Аксиологический подход к исследованию правовой культуры / И.И. Балаклеец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7.
3. Богданова Н.А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения / Н.А. Богданова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 1.
4. Бондарев А.С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры / А.С. Бондарев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4.
5. Демидов А.И. Ценностные измерения власти / А.И. Демидов // Полис. Политические исследования. 1996. № 3.
6. Мякинников С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена / С.П. Мякинников // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33.
7. Петручак Л.А. Правовая культура в системе ценностей гражданского общества / Л.А. Петручак // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3.
8. Пучков О.Э. Аксиологические особенности власти в условиях смены социокультурной парадигмы : диссертация кандидата философских наук / О.Э. Пучков. Красноярск, 2023.
9. Пызин В.А. Онтология власти: институционально-аксиологический аспект / В.А. Пызин // Россия: общество, политика, история. 2024. № 3.
10. Чиквадзе В.М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства / В.М. Чиквадзе // Коммунист. 1970. № 14.
11. Шумкин Е.М. Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка / Е.М. Шумкин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3.
12. Яшкин А.В. Аксиологический (ценностно-ориентированный) подход к процессу организации стратегического государственного управления / А.В. Яшкин // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 6–2.

Сила права: теоретические основания правового государства

Соотношение силы права и права на использование государством силы — один из ключевых вопросов не только для академического сообщества, но и каждого члена общества. Этот вопрос не перестает волновать человечество с глубокой древности — как известно, степень влияния государства на жизнедеятельность человека вызывала (и продолжает вызывать) разные оценки в научной литературе и неоднозначную реакцию в социуме. В настоящей статье речь пойдет о силе права как теоретическом основании идеи правового государства.

На эту тему написано очень много, причем авторы придерживаются разных методологических и аксиологических оценок: одни призывают искать истоки правового государства в трудах античных авторов, другие — в построениях будущего, третьи авторы считают, что такое государство можно рассматривать только в качестве идеала, который не может существовать в действительности. В этой связи можно вспомнить Г. Кельзена, утверждавшего, что любое государство является правовым, поскольку деятельность каждого государства оформляется правовыми предписаниями. Однако ни одно государство не может стать на все 100 процентов правовым уже хотя бы потому, что ни одно социальное явление не осуществляется с математической точностью в действительности¹. Поэтому во многом тема правового государства является философско-политической проблемой. Вместе с тем многие авторы сходятся во мнении, что правовое государство означает государство, основанное на праве и законе, ставящее своей целью защиту прав и свобод человека. Иными словами, правовое государство есть государство, ограниченное правом, государство законности и правового порядка. Его сущность состоит в том, что оно охраняет правовой порядок, обеспечивающий свободу и равенство всех членов общества, не навязывая при этом обязательных представлений об общем благе и средствах его достижения.

Термин «правовое государство» (Rechtsstaat) ввел в научный оборот Р. фон Моль в 30-х годах XIX в. (в работе «Наука полиции в соответствии с принципами правового государства»). В англосаксонской правовой системе в качестве аналога используется термин «правление права» (The Rule of Law). Вместе с тем идеи «государство есть добро», «государство есть справедливость» появились в глубокой древности. Уже в диалогах Платона и «Политике» Аристотеля одним из критериев правильности государств признается соблюдение ими законов; по Цицерону, важнейшим свойством

¹ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 148–152 и др.

справедливости считается формальное равенство граждан перед законом. Сочинения Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Лильберна, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, Б. Констана, В. Гумбольдта, А. Токвиля, Л. Штейна легли в основу разработки понятия правового государства. Теоретическое обоснование идея правового государства получила в период буржуазных революций, когда капиталистические отношения хозяйствования потребовали создания единого национального рынка и стабильного правопорядка. На смену сословно-феодальному праву должно было прийти право гражданского общества, основные требования которого — свобода и формальное равенство (равенство перед законом) всех членов общества. Становление институтов гражданского общества дало возможность теоретически осмыслить проблему политического отчуждения (между верховной властью и народом) и создало предпосылки для его отмены. В Новое время устанавливаются общенациональные представительные учреждения парламентского типа, обладающие правами утверждения налогов и сборов, поступающих в казну государства, а также принятия законов. Притязания этих учреждений на участие в государственной власти от имени народа встречало сопротивление со стороны абсолютных монархов и приводило к революциям². Таким образом, теория правового государства была направлена против бесправного положения податного сословия в условиях абсолютизма и (в периоды революций и контрреволюций конца XVIII — начала XIX в.), против незащищенности личности от произвола верховной власти.

В России идеи правового государства начинают разрабатываться с конца XVIII в. в русле теории естественного права. Так, А.П. Куницын обосновывал неотъемлемые права человека и правовые начала в деятельности государства. Значимый интерес теория правового государства вызвала в среде либеральных юристов и философов в середине — конце XIX в. (И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, С.Н., Е.Н. Трубецкие и др.). Они утверждали, что государство призвано охранять индивидуальную свободу и не вправе вторгаться в дела других социальных союзов (Б.Н. Чичерин). Только в том случае, если государство сделает своим принципом идею права, общество способно решать нравственные задачи, включая обеспечение права на достойное человеческое существование (Вл. Соловьев, П.И. Новгородцев). Согласно социологической концепции М.М. Ковалевского, государство возникает из факта общественной солидарности и потому не может рассматриваться как источник права. Согласно взглядам Н.М. Коркунова, поскольку власть основана на сознании зависимости подвластных, государство связано требованиями массового правосознания. В советское время нашей истории теория правового государства считалась разновидностью буржуазных

² Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 553–556.

концепций права и государства и оценивалась в основном критически, поскольку противоречила классовым установкам марксистской идеологии (согласно теории правового государства — публичная власть носит внеклассовый характер и обеспечивает интересы всех членов общества). В постсоветский период концепция правового государства является официально признанной доктриной российского государства, закрепленной Конституцией РФ 1993 г.

Правовое государство представляет собой не только регулятивную идею, в соответствии с которой выстраивается «государство справедливости», но и реальный механизм и состояние государственной власти. В этом смысле правовому государству присущи определенные признаки, отличающие его, например, от полицейского или како-либо другого типа государства. К таким признакам относятся: признание прав и свобод человека как границы деятельности государственной власти, верховенство права и закона, механизм разделения властей в виде системы сдержек и противовесов.

Главная задача и отличительная черта правового государства — защита прав и интересов общества и человека. Теория прав человека имеет многовековую историю, начиная с античного мира. Согласно римскому юристу Ульпиану, естественное право распространялось как на людей, так и на животных. Несмотря на то что для периода Средних веков тема прав человека не была характерна, в то же время христианские богословы заложили этико-правовые основы понимания прав и свобод человека. Во времена английской революции Дж. Мильтон и Дж. Лильберн выступили с идеей прирожденных прав человека (свобода слова, совести, печати, петиций, частной собственности, равенстве перед законом и судом и др.). На концептуальном уровне права и свободы человека были разработаны английским философом Дж. Локком, обосновавшим триаду неотчуждаемых прав: свобода, равенство, собственность. Естественные права, по его мнению, принадлежат индивиду уже в естественном (догосударственном) состоянии, однако недостаточно обеспечены из-за отсутствия их четких критериев и беспристрастного общего для всех суда. Поэтому для гарантированности своих прав и свобод люди заключают общественный договор и вступают в политическое состояние, которое с этого момента является гарантом их прав и свобод. Век спустя в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки (1776), в Билле о правах (1789–1791) неотчуждаемые права человека получили формальное закрепление. Период Великой французской революции — важный этап в развитии и юридическом закреплении института прав человека. В Декларации прав человека и гражданина (1789), на положения которой повлияли политические идеи Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо, утверждалось:

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться только на соображениях общественной пользы.

2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковыми являются свобода, ответственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Вехой в истории прав человека справедливо считается принятие комплекса юридических документов, к которым относятся: Устав Организации Объединенных Наций (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и политических правах (1966), Декларация прав ребенка (1959), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979).

В середине 70-х гг. XX в. директор Департамента ЮНЕСКО по правам человека и мира К. Васак предложил классификацию прав человека в виде концепции «поколений». Понятие «поколение прав человека», как отмечается в современной юридической литературе³, отражает не только момент нормативного закрепления прав и свобод человека, но и определяет конкретную группу общественных отношений, в которых права и свободы воплощаются. К правам первого поколения относятся личные гражданские и политические права (право на жизнь, свободу и физическую безопасность личности, право на свободу мысли, совести и вероисповедания, право на равенство перед законом и судом, право на свободу от необоснованного ареста, задержания или наказания и др.). Права второго поколения образуют социальные, экономические и культурные права (право на труд, право на социальное обеспечение, право на отдых и досуг, право на образование и др.). Третье поколение прав человека объединяет в себе коллективные (социальные) права (право на здоровую окружающую среду, право на мир, право на развитие и др.). В настоящее время с развитием информационных технологий возникла необходимость заявить о четвертом поколении прав человека, включающим право человека на глобальные коммуникационные связи, создание внегосударственного интернет-сообщества и др.

Государство — это централизованная система лиц, наделенных властными полномочиями, владеющая монополией принуждения и правом принятия общеобязательных решений. Оно обладает мощной силой, во многом превосходящей любую другую власть в обществе. Идея ограничения деятельности государства правом нацелена на установление пределов всемогущества верховной власти. Хорошо известно, что корпоративные интересы государственных служащих не всегда и не во всем совпадают с интересами членов общества, что показал еще Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762 г.), четко разграничив, с одной стороны, волю и интересы должностного лица и,

³ См.: Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации // Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2022. С. 608 и др.

с другой стороны, волю и интересы гражданина. Конечно, ни одно общество не может обойтись без системы публичных служб, образующих государство, но в истории существовали (и продолжают существовать) общества, поработанные государством. Таковы были восточные деспотии и тоталитарные общества, в которых государство рассматривалось как цель, а индивид — как средство⁴. Стремление государства противопоставить себя обществу, навязав свою волю, породило проблему политического отчуждения (между верховной властью и народом) и необходимость ее разрешения.

Политическое отчуждение представляет собой процесс и результат превращения государства в нечто независимое от общества и довлеющее над ним. Один из способов преодоления политического отчуждения — подчинение государства праву, призванному обеспечить предсказуемость действий государственной власти, гарантировав стабильный правопорядок⁵. От государственной власти зависит эффективность, целесообразность, авторитетность предписаний права, определяющие правопорядок в обществе. Вместе с тем во все исторические периоды возможность издания верховной властью так называемых незаконных законов создает острую политико-правовую проблему. При таком правопорядке человек не может быть свободным — он становится зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека (и от государства). Основная опасность для личности здесь заключается в ничем не сдержанном самовластии лиц, облеченных верховной властью.

В исторической ретроспективе возможность произвола верховной власти по отношению к праву возрастает по мере того как главным источником права становятся нормативные правовые акты, принимаемые уполномоченными государственными органами. Произвольные решения должностных лиц, противоречащие действующим правовым предписаниям (решения о дополнительных сборах, о возложении на всех или часть лиц обязанностей, не предусмотренных действующими нормами права и др.), выходят за пределы права и наносят существенный урон правовому порядку. Проблема соотношения права и деятельности должностных лиц, олицетворяющих собой государственную деятельность, — это во многом проблема законности и государственной дисциплины.

Философами и юристами была поставлена задача устроить государство таким образом, чтобы оно стало правовым. Однако эта задача крайне сложна как в теоретическом плане, так и практическом осуществлении. Так, одной из гарантий разумности и справедливости общества признается необхо-

⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969; Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990; Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.

⁵ См.: Стоилов Я. Държавната власт: правно-политически разграничения и съотношения. София, 2001. С.112–129 и др.; Научени четения на тема «Предвидимост на правото». София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2022; Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023.

димость правления в нем «законов, а не персон». Но законы бывают разные, и далеко не все из них имеют цель обеспечить права и свободы человека. «Законы» Платона, «Кодекс природы» Морелли, «Город «Солнца» Кампанеллы, «Путешествие в Икарию» Кабе — всемирно известные труды, демонстрирующие всестороннюю регламентацию жизни человека с помощью закона. Несмотря на обилие законов, состояние такого общества не имеет ничего общего с правовым государством, а, напротив, свидетельствует о сословном / казарменном / тоталитарном режиме, в котором любой закон, принятый верховной властью, считался обязательным и не нарушал «законность». Кроме этого, важно отметить, что для того, чтобы действительно быть, а не только провозглашаться правовым, государству необходимо иметь, помимо способа организации государственной власти, еще и соответствующее состояние на всех уровнях этой иерархической лестницы. Государство состоит из множества лиц и учреждений, облеченных властными полномочиями, и на каждом уровне решения должны быть законны и справедливы, а лица, их выносящие, — компетентны.

В доктринальном плане необходимо понимать, что вопрос связанности государства правом не может быть разрешен в рамках теории юридического позитивизма, с точки зрения которой государство само себе ничего предписать не может. Данная проблема может быть положительно решена только с помощью метаюридических понятий (справедливость, добрые нравы, общее благо), лежащих вне положительного права, а их основание и границы необходимо искать в философско-правовых принципах. С этих позиций связанность государства нормами действующего права заключается в том, что государство не может (не должно) изменять правовые предписания произвольно. Государство не вправе нарушать неотъемлемые права личности. Его вмешательство в частную сферу жизни человека должно быть четко определено законом, за пределы которого оно не должно вторгаться. Государство не вправе налагать наказания за действия, не предусмотренные уголовным законодательством в качестве преступления. Формальная определенность действий государства — важный атрибут принципа законности, о чем писал еще Г.В.Ф. Гегель: «Суды, воины не только имеют право убивать людей, но это их долг, однако при этом точно определено, по отношению к какому типу людей и при каких обстоятельствах это дозволено и является долгом»⁶.

Разные решения вопроса связанности государства правом можно свести к основным: во-первых, теории самоограничения государства (Р. Иеринг). Согласно этому подходу, право является «хорошо понимаемой политикой силы» и благоразумие властвующих лиц принуждает их к самоограничению. Во-вторых, теории ограничения государства правом. Представители этого подхода (Г. Еллинек, Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк и др.) утверждают, что государство сдерживает свои интересы в созданных им самим рамках,

⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 189.

поскольку нарушению этих границ мешает право. Вместе с тем эти подходы не решают принципиально значимые вопросы: если ограничение деятельности власти имеет правовой характер, то где найти эту высшую волю (источник), которая была бы обязательна для воли государства? Если государство самостоятельно устанавливает границы своей деятельности, то что может ему помешать переставить их с учетом своих интересов и (или) изменившихся внешних обстоятельств?

Ответы на эти вопросы дает нам история и государственная практика. Действительно, в жизни государства фактические отношения нередко предшествуют нормам: существуют эпохи переворотов и социальных революций, при которых государственный порядок является вначале чисто фактической силой, получающей правовой характер только после того, как она будет рационализирована в умах людей. Право самостоятельно не способно разрешать существенные столкновения в пределах государства. «Сила всегда идет впереди права», — писал Г. Еллинек. Процесс превращения фактических отношений в правовые у каждого народа различен, однако в любом случае в конечном итоге требуется правовое признание политического факта. Логически следует признать, что право должно быть создано или допущено государством⁷. Исторически нормы (например, в области семейных отношений) могут предшествовать государству, но правовыми предписаниями они становятся только с того момента, когда государство обеспечивает их исполнение своими силами.

Государственный порядок есть постоянный компромисс между различными силами в обществе, обусловленный интенсивностью социальных интересов. Это объясняет, почему именно те или иные интересы лежат в основании права: право — это равнодействующая двух сил, из которых одна имеет своим источником интересы властных лиц, а другая — интересы подвластных. О различении фактической и юридической конституции писали Ф. Лассаль, Г. Еллинек, Г.Ф. Шершеневич; согласно позиции современных юристов, Конституция как документ есть акт политический, а ее действие — процесс юридический.

В чем же реально проявляется связанность государства правом и на чем основывается предсказуемость действий государственной власти? Для того чтобы фактическое стало правовым, новый порядок должен получить одобрение со стороны значительной части народа; на уровне массового сознания должна возобладать убежденность в разумности и необходимости перемен, что и создаст представление о правомерности этого порядка. Заметим, что деятельность государства регулируется нормами права, которые возникают и подлежат изменению только в установленных правом формах. Иными словами, такая норма обязательна и для органов государства. В этой обязательности проявляется связанность деятельности государства: каждая пра-

⁷ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 360–361 и др.

вовая норма дает право ожидать, что она ненарушима и будет применяться до того времени, пока не будет установлено правомерного основания к ее отмене. Таким образом, каждая норма права является гарантией того, что пока это право действует, государство ему тоже подчиняется. В целом можно утверждать, что предсказуемость правового порядка состоит в следовании государства своим обещаниям — верховная власть проявляет свою власть в нормах, которые она не только установила, изменяет, но и сама соблюдает.

Если государственная власть не соблюдает установленное ею право, действует в каждом конкретном случае по собственному усмотрению, посредством постоянно меняющихся указов, распоряжений, циркуляров, часто противоречащих друг другу, то политика в таком государстве становится непредсказуемой, государство сменяется произволом, что в конечном итоге приводит к социальным протестам разной интенсивности и конечному распаду общества.

Вместе с тем важно понимать, что любая норма представляет собой только модель общественных отношений и не может полностью совпадать с реальностью. Все правовые гарантии могут быть только относительны, поскольку они, как и право в целом, носит условный характер как «дело рук человека». Отечественный юрист Г.Ф. Шершеневич еще в начале XX в. заметил: «Дело не в том, чтобы связать государство правовыми нитками подобно тому, как лилипуты связали Гулливера. Вопрос в том, как организовать власть так, чтобы невозможен был или был доведен до минимума конфликт между правом, исходящим от властвующих, и нравственными убеждениями подвластных. Для этого не надо изображать мнимые правовые гарантии, а следует лишь раскрывать нравственный долг гражданина в связи с сознанием личного интереса»⁸.

Создание правового государства — процесс длительный, режим такого государства не может установиться мгновенно, поскольку требуется перестройка всего государственного аппарата в соответствии с поставленными задачами. Кроме этого, существующее, конституционно оформленное правовое и социальное государство может стремительно переродиться, если требования законности действий органов государства и должностных лиц утратят свою обязательность, суды начнут решать дела не по закону, а какими-то иными способами, население перестанет поддерживать представителей действующей публичной власти. Как показали Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон, Макиавелли, Монтескье, обосновывая разные классификации форм государства, такой регресс вполне возможен. Суть замечаний философов права сводилась не только к установлению четких критериев «правильных» (цель — обеспечение общего блага) и «неправильных» (цель — частная польза правителей) государств, но и трансформации законных форм государства в свои противоположности и конечном вырождении государства

⁸ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : учебное пособие : в 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 258–259.

в тиранию. Об этом свидетельствует и состояние политических режимов в ряде государств в XXI в.

Для российского государства актуальными остаются проблемы верховенства права, законности действий государственных органов и должностных лиц, совершенствование системы правосудия и других правоохранительных органов. Для устойчивого правового порядка необходимо, чтобы новые правовые предписания соответствовали реальному соотношению сил в обществе, а также выражались в формах, доступных массовому правосознанию.

Фролова Е.А.,

заведующая кафедрой теории государства и права и политологии
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ),
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература:

1. Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации / И.В. Галкин // Право. Порядок. Ценности : монография / под общей редакцией Е.А. Фроловой. Москва : Блок-Принт, 2023.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; редакторы и составители тома: Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц ; автор вступительной статьи и примечаний В.С. Нерсисянц ; перевод с немецкого В.Г. Столпнера, М.И. Левиной. Москва : Мысль, 1990.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек ; вступительная статья И.Ю. Козлихина. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004.
4. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. Москва : ИКД: Зерцало-М, 2002.
5. Научени четения на тема «Предвидимост на правото» : сборник доклади / Съставители: Я. Стоилов, Р. Илкова, Д. Начев, К. Манов. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2022.
6. Право. Порядок. Ценности / под общей редакцией Е.А. Фроловой. Москва : Блок-Принт, 2023.
7. Руссо Ж.-Ж. Трактаты : переводы / Ж.-Ж. Руссо ; подготовили: В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин ; комментарий В.С. Алексеева-Попова и Л.В. Борщевской. Москва : Наука, 1969.
8. Стоилов Я. Държавната власт: правно-политически разграничения и съотношения / Я. Стоилов. София : СИБИ, 2001.
9. Философия права : словарь / составитель В.Н. Жуков ; под редакцией В.Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. Москва : Мир философии, Алгоритм, 2021.
10. Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность : монография / Е.А. Фролова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Проспект, 2023.
11. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : учебное пособие. В 2 томах. Т. 1, вып. 1 / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Юридический колледж МГУ, 1995.

О дуализме цели социальных предприятий

Социальное предпринимательство представляет собой особую форму экономической деятельности, сочетающую стремление к систематическому получению прибыли и достижение общественно-значимых результатов. Дуализм цели социальных предприятий порождает дискуссии в научной среде о возможности гармоничного сочетания данных направлений и их потенциальной противоречивости.

Наиболее активно критика цели проходила на моменте обсуждения возможности развития института социального предпринимательства в Российской Федерации. В частности, указывалось, что российский подход не учитывает положительный мировой опыт. Среди них С.С. Занковский¹, М.Д. Шапсугова², которые называют данный подход концептуально неверным, не учитывающим социальное предпринимательство некоммерческих организаций и социально-ориентированных некоммерческих организаций.

На данный момент развитие социальных предприятий в России можно назвать успешным. Об этом говорит рост численности субъектов, чей интерес объясняется широким спектром оказываемой поддержки для ведения бизнеса³. Однако все чаще отмечается проблема отсутствия механизма реальной оценки социального воздействия⁴, зависимость социальных предприятий от объема региональных бюджетов, которые могут быть выделены на эти цели⁵. Критика включения, а в результате невключения некоммерческих организаций в субъекты социального предпринимательства также отражала проблему грантовой зависимости и ограничение потенциала этого сектора⁶.

В зарубежной практике дуализм целей социальных предприятий рассматривается как конкурентное преимущество. Прежде всего это обусловлено тем, что субъектами могут стать как некоммерческие, так и коммерческие организации. Дуализм становится преимуществом, расширяющим доступ к капиталу и поддержке по сравнению с традиционными

¹ Занковский С.С. Понятие и правовое регулирование социального предпринимательства // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 55.

² Шапсугова М.Д. НКО забыли? Комментарий к Закону о социальном предпринимательстве // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 56.

³ России открылось почти 3 тысячи социальных предприятий // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_2023_godu_v_rossii_otkrylos_pochti_3_tysyachi_socialnyh_predpriyatiy.html

⁴ Международные подходы к оценке воздействия социальных предприятий: исследование. 2023. URL: <https://givingculture.ru/research-impact-of-social-enterprises/>

⁵ Нетесова М.С. О развитии законодательства в сфере социального предпринимательства // Modern Science. 2019. № 9–2. С. 115–120.

⁶ Кондратенко З.К. Социально ориентированные некоммерческие организации и социальное предпринимательство: вопросы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215). С. 153–155.

видами организаций⁷. Исходя из возможности перехода некоммерческих организаций в гибридную форму, стремление к общественно-полезному результату посредством предпринимательской деятельности не обязательно подразумевает создание нового предприятия⁸.

Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — Закон 209-ФЗ) является ключевым в вопросе регламентации направлений деятельности социальных предприятий в РФ. Общественно-полезная деятельность, исходя из ст. 24.1 Закона 209-ФЗ, трактуется как решение актуальных социальных вызовов, включая бедность, неравенство, ограниченный доступ к товарам, работам, услугам и проч. Такая деятельность охватывает такие области, как образование, здравоохранение, культура, занятость населения, экология, спорт. Закон 209-ФЗ ограничивает перечень иных возможных субъектов социального предпринимательства, так как они не смогут претендовать на получение статуса малых и средних предприятий.

Ограничение направлений деятельности на этапе регистрации в Реестре социальных предприятий является ключевым аспектом, подчеркивающим особенности правового регулирования в РФ. Обязательными пунктами в заявлении о признании субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием является перечисление осуществляемых видов деятельности заявителя в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД 2); сведений о реализации, производстве товаров, работ, услуг, производимых гражданами, указанными в п. 1, ч. 1 ст. 24. 1 Закона № 209-ФЗ; сведений об осуществлении деятельности, направленной на достижение общественно полезных целей и способствующей решению социальных проблем общества, указанными в п. 4 ч. 1 ст. 24.1 Закона № 209-ФЗ. Это не предусматривает гибкости для изменения направления деятельности без риска утраты статуса социального предприятия, но, с другой стороны, обеспечивает прозрачность деятельности и контроль со стороны государства, предотвращает «дрейф миссии» (mission drift), когда субъект существует под видом социального предприятия, преследуют лишь цель получения прибыли.

Понятие «дрейф миссии» (mission drift) используется в исследовании деятельности гибридных организаций в разной трактовке. Среди них дрейф миссии — это неспособность социального предприятия достичь своей социальной миссии через независимую деятельность, что вынуждает прибегать к финансовой поддержке со стороны государства⁹. Невозможно сказать,

⁷ Katz R., Page A. The Role of Social Enterprise // Vermont Law Review. 2010. № 35.

⁸ Smith WK., Gonin M., Besharov M.L. Deepening Insights into Social Entrepreneurship by Leveraging Service-Dominant Logic // Journal of Social Entrepreneurship. 2025. № 16. P. 714–745.

⁹ Murithi W., Ndunge A., Njiraini N. Social Enterprises and Mission Drift: How Do Faith-Based Social Enterprises Run by Catholic Sisters Keep Mission Drift at Bay? // Pastoral Psychology. 2025. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11089-025-01200-y>

какое направление субъект социального предпринимательства приоритизирует: получение прибыли или достижение социального результата. Однако финансовая устойчивость за счет собственных доходов или иных источников является ключевым фактором существования и дальнейшего развития любого предпринимателя, отсюда велика вероятность «дрейфа» и утраты социальной направленности.

С целью контроля дрейфа миссии социальных предприятий предполагается прибегание к социологическим и экономическим методам исследования. Среди них — экономический анализ права с целью выявления направлений модернизации законодательства по поводу поддержки субъектов и выявлению новых видов социального предпринимательства.

Применение методов социологического исследования является необходимым при изучении социального предпринимательства, поскольку позволяет получить глубокое понимание социокультурного контекста и является отражением социального бытия, являющегося источником изменения и развития права. Например, исходя из выводов по результатам социологических исследований, могут быть определены принципы социального предпринимательства по мнению субъектов (социальных предпринимателей): приоритет следования социальной миссии над получением прибыли, устойчивая коммерческая эффективность, самоокупаемость; конкурентоспособность, новаторство, инновационность в комбинировании социальных и экономических ресурсов для решения социальной проблемы¹⁰.

Одним из ключевых инструментов подтверждения характера и особенностей деятельности в сфере социального предпринимательства является отчет о социальном воздействии. Отчет может содержать следующие разделы: цель социального предприятия, социальная проблема, на решение которой направлена деятельность, целевая аудитория, на которую направлена деятельность, способы решения социальной проблемы и др. Согласно Приказу Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773, непредоставление данного отчета не является основанием для отказа в признании субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием¹¹.

Однако предоставление отчета способствует укреплению доверия и формированию у уполномоченного органа целостного представления о характере социальной деятельности. Стоит согласиться с М.С. Нетесовой, которая отмечает, что существуют виды социального предпринимательства степень социального воздействия которых сложно оценить¹². Зарубежный опыт

¹⁰ Ценности и мотивы деятельности российских социальных предпринимателей: краткий аналитический отчет по результатам исследования. 2018. 38 с.

¹¹ Приказ Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773 (ред. от 22.02.2024) «Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия».

¹² Нетесова М.С. К вопросу об оценке социального воздействия социального предпринимательства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 157–161.

показывает необходимость регулярного анализа социального воздействия через новые критерии оценки¹³.

Говоря о препятствиях оценки воздействия социальных предприятий, можно выделить: отсутствие понимания пользы оценки воздействия для самих субъектов; отсутствие необходимых знаний у сотрудников организаций; отсутствие ресурсов на проведение анализа взаимодействия¹⁴. Наличие обязательной отчетности социальных предприятий вызывает сложности, и дополнительная отчетность может стать дополнительным бременем.

Особое значение имеют работы исследователей, указывающих, что существует тенденция прослеживания дуализма экономической и социальной цели не только в социальном, но и в традиционном виде предпринимательства. Общественные интересы и интересы бизнеса совпадают не всегда, но, по мнению Е.П. Губина, социальная функция является сущностным признаком любого предпринимательства, а также «именно право, предпринимательское право обеспечивает их сочетание»¹⁵. К этому мнению присоединяется Г.Ф. Ручкина, отмечая в своем исследовании следующее: «финансы организаций в системе распределительных экономических отношений обеспечивают выполнение социальных задач государства»¹⁶. Также поддержкой пользуется мнение А.В. Баркова, считающего необходимым не только изменение принципа предпринимательского права с учетом социальной направленности предпринимательской деятельности, но и легализацию принципа социальной направленности гражданско-правового регулирования¹⁷.

Таким образом, социальное предпринимательство в Российской Федерации развивается в условиях ярко выраженного дуализма целей — одновременного стремления к получению прибыли и решению общественно значимых социальных проблем. Хотя и возможность преследовать социальную цель решается на моменте регистрации социальных предприятий, важным является и отчетность о социальном воздействии во время осуществления деятельности. Ключевой проблемой остается отсутствие эффективных, обязательных и одновременно необременительных инструментов измерения социального воздействия. Наличие системы учета социального воздействия

¹³ Argiolas A., Rawhouser H., Sydow A. Social Entrepreneurs Concerned about Impact Drift: Evidence from Contexts of Persistent and Pervasive Need // *Journal of Business Venturing*. 2024. Vol. 39, Issue 1. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0883902623000563>

¹⁴ Международные подходы к оценке воздействия социальных предприятий: исследование. 2023. URL: <https://givingculture.ru/research-impact-of-social-enterprises/>

¹⁵ Губин Е.П. Законодательство о предпринимательской деятельности: состояние и направления совершенствования // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом»*. 2010. № 3. С. 18–25.

¹⁶ Ручкина Г.Ф. Теоретические основы финансово-правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Г.Ф. Ручкина. М. : Юриспруденция, 2004. С. 171–176.

¹⁷ Барков А.В. Социальная направленность предпринимательской деятельности как правовой принцип // *Предпринимательское право*. 2016. № 3. С. 21.

позволит обеспечить реальное достижение общественно полезных целей, минимизировать риски «дрейфа миссии» и повысить эффективность института социального предпринимательства при сохранении финансовой устойчивости социальных предприятий. Это согласуется с зарубежным опытом, где разрабатываются критерии для оценки соответствия социальных предприятий их общественно полезной направленности.

Харина К.С.,

аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса;
преподаватель кафедры трудового и международного права
юридического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета
(г. Пермь)

Литература:

1. Барков А.В. Социальная направленность предпринимательской деятельности как правовой принцип / А.В. Барков // Предпринимательское право. 2016. № 3.
2. Губин Е.П. Законодательство о предпринимательской деятельности: состояние и направления совершенствования / Е.П. Губин // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2010. № 3.
3. Занковский С.С. Понятие и правовое регулирование социального предпринимательства / С.С. Занковский // Предпринимательское право. 2020. № 4.
4. Кондратенко З.К. Социально ориентированные некоммерческие организации и социальное предпринимательство: вопросы правового регулирования / З.К. Кондратенко // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215).
5. Нетесова М.С. К вопросу об оценке социального воздействия социального предпринимательства / М.С. Нетесова // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6.
6. Нетесова М.С. О развитии законодательства в сфере социального предпринимательства / М.С. Нетесова // Modern Science. 2019. № 9–2.
7. Ручкина Г.Ф. Теоретические основы финансово-правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Г.Ф. Ручкина. Москва : Юриспруденция, 2004.
8. Шапсугова М.Д. НКО забыли? Комментарий к Закону о социальном предпринимательстве / М.Д. Шапсугова // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4.

References:

1. Argiolas, A. Social Entrepreneurs Concerned about Impact Drift: Evidence from Contexts of Persistent and Pervasive Need / A. Argiolas, H. Rawhouser, A. Sydow // Journal of Business Venturing. 2024. Vol. 39. Iss. 1.
2. Katz, R. The Role of Social Enterprise / R. Katz, A. Page // Vermont Law Review. 2010. Iss. 35.
3. Murithi, W. Social Enterprises and Mission Drift: How Do Faith-Based Social Enterprises Run by Catholic Sisters Keep Mission Drift at Bay? / W. Murithi, A. Ndunge, N. Njiraini // Pastoral Psychology. 2025. DOI: 10.1007/s11089-025-01200-y.
4. Smith, W.K. Deepening Insights into Social Entrepreneurship by Leveraging Service-Dominant Logic / W.K. Smith, M. Gonin, M.L. Besharov // Journal of Social Entrepreneurship. 2025. Iss. 16.

Сравнительно-правовой анализ механизма правительственного надзора за местным управлением и самоуправлением на окраинах Российской империи (XIX — начало XX в.)

В начале XIX в., после победы в ряде военных конфликтов, территория Российской империи значительно расширилась. К Российской империи были присоединены Польша, Финляндия, Бессарабия, Кавказ и Средняя Азия. В данный период центральная власть стремилась обеспечить правительственный надзор за местным управлением и самоуправлением в этих регионах, балансируя между сохранением местной автономии и унификацией с общеимперской системой управления и государственного надзора в пограничных регионах, что проявило ключевое противоречие имперской политики: право использовалось одновременно как инструмент легитимации власти («сила права») и как средство принуждения и централизации («право силы»). Для проведения сравнительно-правового анализа механизма правительственного надзора за местным управлением и самоуправлением на окраинах Российской империи следует остановиться на каждой из указанных территорий более подробно.

В 1815 г. в результате Венского конгресса было образовано Царство Польское, в котором существовала своя собственная конституция, двухпалатный сейм и национальные органы власти, что является примером формальной «силы права». В данном регионе империи действовала особая автономная система управления. Император Российской империи был одновременно и польским королем, назначая в Варшаве наместника (вице-короля) и польское правительство. Фактически в 1815–1830 гг. Польша являлась автономным компонентом в составе государства: кроме общего монарха и наследника престола, связей с Россией почти не было — даже внешние сношения велись через отдельные польские органы. Однако уже после восстания 1830–1831 гг. автономия была значительно урезана, право уступило место силе: Органический статут 1832 г. объявил Царство нераздельной частью Империи, упразднил сейм и действующую до этого времени польскую армию. Верховная власть перешла к наместнику и новому Совету управления под его председательством; ключевые решения по Царству принимались в Государственном совете в Петербурге; усилились цензура и централизованный контроль. Восстание 1863–1864 гг. еще более усилило контроль центра, ликвидировав остатки автономии: высшие польские органы упразднены к 1867–

1868 гг., вместо них введены общероссийские учреждения; унифицировано административное деление; делопроизводство началось вестись исключительно на русском языке; ключевые должности заняли чиновники — выходцы из Российской империи.

В контексте исследования механизмом правительственного надзора за местным управлением и самоуправлением в Царстве Польском следует заметить, что земская реформа 1864 г. и городская реформа 1870 г. не распространялись на данный регион. Вместо губернских и уездных земств и городских дум в Польше были образованы сельские гмины, являющиеся примитивной формой сельского общинного самоуправления, которая находилась под строгим контролем центральной власти. Данные органы местного самоуправления были введены указом 19 февраля 1864 г. «Об устройстве сельских гмин» одновременно с крестьянской реформой, проводимой на территории Российской империи¹. Ключевые акты гмин требовали согласования администрации. Это означало, что центральная власть могла в любой момент вмешаться и отменить постановления гминного схода, если считала их незаконными или политически нежелательными². Городское самоуправление, которое было введено в европейской части Российской империи, практически отсутствовало — всесословные городские думы не были введены. Вместо этого города управлялись назначаемыми градоначальниками и полицмейстерами, которые были подотчетны перед генерал-губернатором. Лишь в начале XX в., вследствие революции 1905 г., центральная власть пошла на некоторые уступки, например, поляки получили возможность посылать депутатов в Государственную думу, однако вплоть до 1917 г. степень автономии польских губерний оставалась минимальной.

В 1808–1809 гг. в результате победы в Русско-шведской войне к Российской империи присоединена Финляндия. Вплоть до 1890-х годов финское местное управление и самоуправление существенно отличалось от организации подобных органов на территории иных окраин Российской империи. В Великом княжестве Финляндском имелись собственные органы власти: Финляндский сенат, парламент (четырёхсословный Сейм), отдельное финансовое и таможенное законодательство и даже своя армия. Российский император правил Финляндией как Великий князь через назначаемого генерал-губернатора, который одновременно возглавлял местный Сенат и имел право приостанавливать решения данного органа³.

¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Особенная часть. 6-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. С. 131–134.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825–1881 гг. СПб.: Изд-во Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. Т. 39. № 40610.

³ Дамешек И.Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX в.) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 155–175.

В отличие от Царства Польского, на территории Финляндии была развитая система местного управления и самоуправления, что является проявлением «силы права». Вслед за земской и городской реформой в Финляндии проведены реформы 1865 и 1873 гг., по итогам которых на территории княжества были учреждены выборные органы общин — сельских волостей (коммун) и городов. Все полноправные жители-домохозяева составляли волостное собрание, которое напрямую решало дела общины. В крупных волостях вместо схода мог учреждаться выборный совет поверенных (муниципалитет). В городах действовали городские собрания (ратушные сборы) всех налогоплательщиков и выборные городские советы (ратманы, бургомистр и др.). Правительственный надзор за деятельностью таких органов ограничивался юридическим контролем, наблюдением за законностью без сильного вмешательства органов центральной власти. Лишь некоторые решения органов местного самоуправления требовали согласования или центральной властью (генерал-губернатором) или органом местного управления (сенатом), например, связанных с введением новых налогов, получением и выдачей значительных займов, об изменении границ общин, обеспечении общественного порядка и установлении долгосрочных сборов. Действующие законы прямо запрещали губернским властям произвольно отменять решения общин, лишь очевидно незаконные постановления могли быть опротестованы. Любой житель мог обжаловать решение своего муниципалитета губернатору в 30-дневный срок. В случае если генерал-губернатор отказывался учреждать решение местных властей, то у последних сохранялось право обжалования данного решения в местный Сенат. Отношение центральной власти к Финляндии в первой половине XIX в. во многом выходило за рамки обычной автономии. Исследователи отмечают, что фактически Финляндия обладала областной автономией, близкой к модели реальной унии⁴: российский император выступал здесь скорее как конституционный монарх, а не как абсолютный правитель. У княжества были собственный законодательный орган и автономное правительство (Правительствующий совет, затем Императорский Сенат), своя система судов и отдельное государственное, уголовное и гражданское право. С середины XIX в. финский и шведский языки считались государственными, тогда как русский долгое время таким статусом не обладал. Финское подданство существовало наряду с российским и давало особые преимущества, а к концу XIX в. Финляндия имела собственную денежную единицу, почтовое ведомство и железные дороги⁵.

С конца XIX в. усилилась русификация: Февральский манифест 1899 г. ограничил законодательные права сейма, русский язык стал официальным,

⁴ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1997. С. 231.

⁵ Дамешек И.Л. Указ. соч. С. 16–17.

автономия была резко ослаблена⁶. Ужесточены были также меры административно-правового надзора — генерал-губернатор получил право увольнять «неблагонадежных» финских чиновников, закрывать газеты, запрещать собрания и ссылать без суда активистов. Реформы 1908–1914 гг. положили конец финской автономии и ознаменовали переход от «силы права» к «праву силы»: были приняты законы, ликвидировавшие остатки особого статуса Финляндии, все общегосударственные вопросы, даже касающиеся Финляндии, могут решаться российским парламентом без участия финнов, а финская конституция была сильно ослаблена.

Также в 1812 г. в результате победы в Русско-турецкой войне к Российской империи была присоединена Бессарабия. Уже в 1828 г. особый статус региона был урезан: Высший совет превращен лишь в совещательный орган, а Бессарабская область подчинена Новороссийскому генерал-губернатору в Одессе, а в 1873 г. Бессарабия была официально преобразована в губернию, что символизировало полную интеграцию в имперскую административную систему⁷, что особенно отражается в том, что, в отличие от Царства Польского или Финляндии, на данный регион была распространена Земская и Городская реформы 1864 и 1870 гг. соответственно, хоть любые проявления автономизма пресекались. За земскими и городскими органами местного самоуправления всегда был пристальный надзор со стороны губернатора и министерства внутренних дел. Губернатор имел право приостанавливать исполнение решений земства, если они выходили за рамки компетенции или противны общественным интересам, а также не согласовывать решения по бюджету, в случае, если земское собрание утверждало смету с превышением расходов. В целом центральная власть позволяла местной жизни развиваться в бытовом и хозяйственном плане, но держала под контролем политическую сторону вопроса.

Помимо прочего, на протяжении XIX в. к Российской империи были присоединены территории Северного Кавказа и Средней Азии, управляемые генерал-губернаторами, политика которых значительную часть управления до 1860-х годов носила военно-административный⁸, колониальный характер⁹. Например, Кавказ оставался регионом, где центральная власть регулярно прибегала к чрезвычайным мерам. Часть областей Средней Азии (Бухарский эмират и Хивинское ханство) сохраняли внутреннее самоуправление,

⁶ Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 343–347.

⁷ Красняков Н.И. Бессарабская область в составе Российской империи: политико-правовой статус // Федерализм. 2011. № 4 (64). С. 155–156.

⁸ Красняков Н.И. Основные этапы законодательного регулирования управления кавказскими территориями Российской империи // Федерализм. 2010. № 1 (57). С. 194.

⁹ Карпенкова Т.В. Институт генерал-губернаторства как форма управления многонациональными окраинами (на примере Туркестанского края Российской империи) // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22). С. 101.

однако Российская империя фактически направляла их внешнюю политику, превращая автономию в форму протектората. Политика надзора в Средней Азии и на Кавказе изначально исходила из «права силы» и строилась на военных началах: верхний уровень составляли генерал-губернаторы и военные губернаторы, а низовое управление формировалось из местного населения. Российская власть стремилась одновременно использовать местные институты для удобства управления и контролировать их, что позволяло сочетать правительственный надзор с учетом местных традиций и правопорядка. В политическом плане это выражалось в охранительном подходе: часть традиционных структур (общинные сходы, шариатские суды, институты старшин) сохранялась, но они были встроены в вертикаль имперской администрации¹⁰.

В XIX — начале XX в. механизм правительственного надзора за местным управлением и самоуправлением на окраинах Российской империи сочетал правовые формы с имперской практикой принудительного подчинения. Общей целью оставалось удержание окраин в составе государства при сохранении законности и порядка. Региональное управление, по выражению Н.И. Краснякова, отражало имперский фактор, который выражался в сочетании бюрократической монополии центра с признанием многоукладности, многоэтничности и конфессионального разнообразия окраин. В результате сложился спектр моделей национально-регионального управления: от национально-автономистской (Царство Польское, Финляндия) и территориально-автономистской (Западный край, Остзейские губернии) до регионально-наместнической (Бессарабия, Кавказ, Средняя Азия) и министерско-губернской во внутренних губерниях¹¹. В Польше правительственный надзор постепенно превратился в систему тотального контроля, так как после восстаний в 1830-х и в 1860-х годах польская автономия фактически была ликвидирована, а институт Варшавского генерал-губернатора стал инструментом прямого вмешательства центральной власти. Земства в данном регионе не вводились, все решения местных органов власти (гминов) подлежали обязательному утверждению. Бессарабская автономия также была постепенно ликвидирована, а регион полностью был интегрирован в административную систему российской империи, в результате чего край стал обычной губернией, где надзор осуществлялся министерством внутренних дел и губернским

¹⁰ Красняков Н.И. Определение основ регионально-наместнического управления в среднеазиатских территориях Российской империи // Коммуникативная культура: история и современность : материалы IX Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 1 ноября 2019 г.). Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. С. 213–214.

¹¹ Красняков Н.И. Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX в.). Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. № 21 (1). С. 63–74.

присутствием по общеимперским правилам. Таким образом, «право силы» центра преодолело «силу права» локальных обычаев. Отличительным регионом до начала XX в. оставалась Финляндия: с самого момента интеграции в 1809 г. она пользовалась широкой правовой автономией, однако постепенно началась политика русификации — усиление надзора генерал-губернатора, ограничение компетенции сената, введение российских законов.

По сравнению с западными окраинами, в Средней Азии и на Кавказе надзор имел особый военно-административный характер¹², обусловленный условиями их присоединения: в основу были положены принципы постепенной интеграции и сохранения элементов традиционного самоуправления. В результате «сила права» в этих регионах служила оправданием «права силы» — имперской политики подчинения и унитарного управления. Проведенный анализ показывает, что правительственный надзор в окраинах эволюционировал от конституционно-автономных форм (в отдельных западных окраинах империи) к фактическому бюрократическому диктату центральной власти. В западных землях он заменял прежнюю автономию, а в азиатских интегрировал практику надзора в действующие органы местного самоуправления. Таким образом, право в империи выступало не как ограничение силы, а как ее легитимация: надзор, оформленный юридически, служил средством сохранения единства империи и оправданием централизации власти.

Хаустов Н.С.,

аспирант кафедры теории и истории государства и права института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ)
(г. Новосибирск)

Литература:

1. Волков А.П. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. / А.П. Волков, В.В. Попов // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64).
2. Дамешек И.Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века) / И.Л. Дамешек // Вестник Евразии. 2003. № 1.
3. Карпенкова Т.В. Институт генерал-губернаторства как форма управления многонациональными окраинами (на примере Туркестанского края Российской империи) / Т.В. Карпенкова // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22).
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право : пособие лекциям. В 2 томах. Т. 2. Особенная часть / Н.М. Коркунов. 6-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.
5. Красняков Н.И. Бессарабская область в составе Российской империи: политико-правовой статус / Н.И. Красняков // Федерализм. 2011. № 4 (64).

¹² Волков А.П., Попов В.В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 79–80.

6. Красняков Н.И. Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX век) / Н.И. Красняков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1.
7. Красняков Н.И. Определение основ регионально-наместнического управления в среднеазиатских территориях Российской империи / Н.И. Красняков // Коммуникативная культура: история и современность : материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 1 ноября 2019 г.) : сборник научных статей. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019.
8. Красняков Н.И. Основные этапы законодательного регулирования управления кавказскими территориями Российской империи / Н.И. Красняков // Федерализм. 2010. № 1 (57).
9. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / ответственные редакторы: С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. Москва : Славянский диалог, 1997.
10. Погодин С.Н. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) / С.Н. Погодин, А.Л. Рябова // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32).

Основные этапы развития общественных судов в Советской России

История развития института общественных судов в Советской России началась сразу после Октябрьской революции. Ее можно условно разделить на два больших периода: период от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны и после войны до распада СССР. В рамках этих периодов развитие названного института прошло также по два похожих между собой этапа. Эти закономерности были обусловлены как объективными причинами, так и субъективными взглядами советского руководства.

Советские общественные суды появились по инициативе снизу: на предприятиях явочным порядком стали создаваться коллективные органы для рассмотрения дел о нарушениях трудовой дисциплины. Практика мест была подхвачена центром, и в ноябре 1919 г. СНК РСФСР утвердил первое Положение о дисциплинарных товарищеских судах. Дисциплинарные товарищеские суды создавались «в целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда до наивысших пределов»¹. Указанные суды в обязательном порядке должны были создаваться на всех предприятиях и во всех учреждениях Советской республики. Система товарищеских судов состояла из двух инстанций: товарищеские суды при местных отделениях профсоюзов (первая инстанция) и губернские товарищеские дисциплинарные суды при губернских отделах труда (кассационная инстанция). Суды первой инстанции формировались из представителей профсоюзов, органов управления предприятия и рабочих, второй — из представителей губернских отдела труда, совета профсоюзов и совета народного хозяйства.

В компетенцию указанных судов входили дела о нарушениях общего нормального положения о тарифе, правил внутреннего трудового распорядка и постановлений органов власти, касающихся вопросов производственной дисциплины. Особенность дисциплинарных товарищеских судов первых послереволюционных лет состояла в том, что они не были предназначены для рассмотрения частных споров между рабочими (как это было позднее). Основной их задачей было поддержание трудовой дисциплины и привлечение к ответственности виновных в ее нарушении. Характерно, что в резолюции X съезда РКП(б), проходившего в марте 1921 г., дисциплинарные суды были названы «особыми органами пролетарского принуждения»².

Такой подход обусловил то обстоятельство, что инициировать рассмотрение дел в товарищеских судах могли только органы управления предпри-

¹ СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Ч. 1. 1898–1924. М., 1954. С. 548.

ятий и профсоюзы. Также он проявился в суровости санкций, которые названные суды могли применять: начиная от выговора и временного перемещения на более низкую должность, заканчивая посылкой на тяжелые общественно необходимые работы и даже в концентрационный лагерь. В условиях военного времени и масштабного кризиса подобные суровые меры и стремление использовать все доступные способы для обеспечения работы промышленных предприятий, в том числе товарищеские суды, вполне понятны.

Эффективность работы дисциплинарных товарищеских судов вызвала к жизни еще одно положение о них, утвержденное в апреле 1921 г.³ По сути своей оно повторяло аналогичное положение 1919 г., однако круг дел, подлежащих рассмотрению указанных судов, был уточнен и расширен за счет дел о мелких хищениях на предприятиях. Надо сказать, что на практике дисциплинарные товарищеские суды рассматривали дела о хищениях на производстве и раньше, когда еще формально не было на это уполномочены⁴. Так что в данном вопросе законодатель тоже зафиксировал сложившуюся практику.

В феврале 1922 г., когда надобность в дисциплинарных товарищеских судах отпала, ВЦСПС принял решение об их ликвидации⁵. Однако такие суды «по инерции» еще существовали в отдельных регионах примерно до середины 1920-х годов⁶.

Новый этап развития общественных судов относится к концу 1920-х годов. В 1927 г. группа обследователей Рабоче-крестьянской инспекции СССР и РСФСР предложила рассматривать дела, возникающие на почве «культурно-бытовых, отсталых форм жизни трудящихся» в порядке товарищеского разбирательства⁷. Это предложение породило товарищеские суды на предприятиях и сельские примирительные камеры (впоследствии — сельские общественные суды). Становление системы указанных судов происходило в период с 1928 г. до начала 1930-х годов. За данный промежуток времени было принято 4 положения, по-разному регулировавших деятельность товарищеских судов на предприятиях. Последнее — положение о производственно-товарищеских судах — было принято 20 февраля 1931 г.⁸ Согласно данному положению, суды, которые изначально учреждались для бытового перевоспитания трудящихся, должны были сместить фокус внимания на поддержание трудовой дисциплины на предприятиях.

Примирительные камеры на первоначальном этапе существовали без правовой основы и создавались в порядке эксперимента в некоторых окру-

³ СУ РСФСР. 1921. № 23–24. Ст. 142.

⁴ Егоров К. Московские товарищеские дисциплинарные суды за 1920 г. М., 1921. С. 11.

⁵ Икорский П.И. Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 353–354.

⁶ Старун М.И. Товарищеские суды и социалистическая законность в Советской России и СССР в 1917–1938 гг. : дисс. ... канд. историч. наук. СПб., 2024. С. 127–128.

⁷ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 1. Д. 750. Л. 47.

⁸ СУ РСФСР. 1931. № 14. Ст. 160.

гах РСФСР⁹. После того как эксперимент был признан удачным, они были переименованы в сельские общественные суды и получили особую правовую регламентацию: в сентябре 1930 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР¹⁰, а в октябре — ВЦИК и СНК РСФСР о сельских общественных судах¹¹.

Параллельно с этим происходило становление системы общественных судов для рассмотрения жилищных споров. В марте 1927 г. были учреждены примирительно-конфликтные комиссии по жилищным делам. Они создавались городскими советами. В их компетенцию входило рассмотрение мелких жилищных споров (о порядке пользования нежилыми помещениями в квартирах, о разверстке оплаты коммунальных услуг и т.д.)¹². Практика показала, что со своими задачами данные комиссии справлялись удовлетворительно, однако одной из основных целей — разгрузки народного суда от мелких жилищных споров — не могли достичь ввиду чрезмерной узости компетенции¹³.

По этой причине в 1931 г. было принято постановление ВЦИК и СНК о товарищеских судах при жилищных и жилищно-арендных кооперативах¹⁴. Данные суды учреждались уже не при городских советах, а непосредственно ближе к населению. Их компетенция была существенно расширена: помимо мелких жилищных споров, туда добавились еще имущественные споры на небольшую сумму, дела о хулиганстве, об оскорблениях и т.д.

Общественные суды образца конца 1920-х — начала 1930-х годов представляли собой уже не особые органы пролетарского принуждения, а собственно суды. С практической точки зрения они должны были служить средством разгрузки народных судов от незначительных дел. В то же время мотивом был подъем общего уровня культуры рабочих масс, ломки старой, буржуазной морали (что, в частности, руководитель следственной группы РКК СССР и РСФСР считал главной причиной учреждения судов общественной самодеятельности)¹⁵. Обоснованием к учреждению судов общественной самодеятельности был в том числе постулат идеологического характера об отмирании в скором времени государства и замене его общественным самоуправлением. Этот тезис, равно как и вытекающую из него необходимость максимально привлекать граждан к управленческой деятельности, поддерживали некоторые работники и руководители системы юстиции: например, нарком юстиции Н.М. Янсон¹⁶.

⁹ Полянский П.Л. Обследование Рабкрином судебно-следственной системы и создание товарищеских судов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. С. 25.

¹⁰ СЗ СССР. 1930. № 51. Ст. 531.

¹¹ СУ РСФСР. 1930. № 51. Ст. 629.

¹² СУ РСФСР. 1927. № 25. Ст. 167.

¹³ Камер-Агеев А. Примирительно-конфликтные комиссии по жилищным делам // Ежегодник советской юстиции. 1929. № 16. С. 853–854.

¹⁴ СУ РСФСР. 1931. № 36. Ст. 295.

¹⁵ Радус-Зенькович В.А. Необходимое дело (О товарищеских и третейских судах) // ЕСЮ. 1928. № 10. С. 289.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 74. Д. 391. Л. 68об.

К концу 1930-х годов деятельность общественных судов угасла. Несмотря на попытки реанимировать этот институт и ряд проектов новых положений об указанных судах, их активность в конце 1930-х годов сильно упала¹⁷. Этому способствовали в том числе изменения законодательства, произошедшие в указанный период. В частности, 30 мая 1936 г. Комиссия советского контроля при СНК СССР приняла постановление «О рассмотрении жалоб трудящихся»¹⁸, которое предписывало прекратить передачу дел по наложению служебных взысканий на работников в общественные организации. В связи с этим количество дел, передаваемых на рассмотрение производственно-товарищеским судам, сократилось.

Данных о работе общественных судов в 1941–1945 гг. обнаружить не удалось: вероятнее всего, в период Великой Отечественной войны они не функционировали. Возрождение этой практики относится к первым же послевоенным годам. Хотя конкретных данных о деятельности каких-либо товарищеских судов не обнаружено, очевидно, что они создавались и работали. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что местные исполкомы обращались в министерство Юстиции РСФСР с вопросами об организации и деятельности общественных судов¹⁹. Из этого вытекала необходимость обновления нормативной базы функционирования товарищеских судов. Поэтому министерство Юстиции осенью 1947 г. внесло на рассмотрение Совета министров проект положения о товарищеских судах, которое предназначалось для регулирования деятельности товарищеских судов всех видов — на промышленных предприятиях, в сельских местностях, при домоуправлениях и т.д.²⁰

Однако этот проект встретил возражения со стороны министерства Юстиции СССР на том основании, что различные товарищеские суды имеют свои особенности и требуют отдельного регулирования. Аналогично против выступил и ВЦСПС, который на тот момент занимался разработкой проекта союзного положения о производственно-товарищеских судах, а также министерство Сельского хозяйства СССР. В связи с этим в апреле 1948 г. проект был снят с обсуждения²¹.

В августе 1948 г. исполком Ленинградского совета представил в Совет министров РСФСР проект Положения о работе товарищеских судов при домоуправлениях²². Однако и этот проект, как все его предшественники, принят не был.

Обновление нормативной основы работы общественных судов произошло позже. 14 июля 1951 г. указом Президиума Верховного совета СССР уголовная ответственность за однократный прогул была снова заменена дисципли-

¹⁷ Козинцев А.Я. Общественные суды в СССР в 30–50-е гг. XX в. // Администратор суда. 2009. № 4. С. 43–44.

¹⁸ СЗ СССР. 1936. № 31. Ст. 276.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5565. Л. 40.

²⁰ Там же. Л. 41.

²¹ Там же. Л. 42–43, 51, 2.

²² Там же. Л. 2–3.

плинарной. Указ предоставлял директорам предприятий право направлять подобные дела на рассмотрение товарищеских судов. При этом в случае систематических прогулов или прогула продолжительностью свыше трех дней дело должно было направляться в государственный суд²³.

Тогда же, 14 июля 1951 г., Совет министров СССР утвердил новое положение о дисциплинарных товарищеских судах в учреждениях и на предприятиях. Товарищеские суды, согласно данному положению, учреждались на предприятиях и в учреждениях, где работало не меньше 100 рабочих или служащих. Основной целью товарищеских судов должно было стать поддержание трудовой дисциплины. Соответственно, была сформулирована и компетенция названных судов: к ней относились исключительно нарушения таковой дисциплины (прогул без уважительных причин, опоздание на работу, появление на работе в нетрезвом виде и т.д.). Решение вопроса о направлении дела в товарищеский суд принадлежало руководителю предприятия²⁴. Таким образом, дисциплинарные товарищеские суды образца 1951 г., как и аналогичные суды образца 1919–1921 гг., можно считать «особыми органами пролетарского принуждения».

Однако в противовес практике времен Гражданской войны, когда законодатель фиксировал постфактум общественную инициативу, дисциплинарные товарищеские суды в начале 1950-х годов воспринимались далеко не с таким энтузиазмом. Данных об их работе обнаружено немного. К примеру, такие суды были созданы на Златоустовском металлургическом заводе, Ново-Краматорском машиностроительном заводе, на заводе «Красный богатырь»²⁵. Работали они не слишком активно: например, созданный в ноябре 1951 г. на чулочной фабрике во Львове товарищеский суд разобрал до лета 1952 г. всего 11 дел²⁶.

По данным ВЦСПС, произведенные изменения законодательства негативно сказались на вопросе производственной дисциплины. 19 января 1952 г. он констатировал общий рост прогулов на предприятиях. Как утверждалось, связано это было в том числе с тем, что после частичной отмены уголовной ответственности указом от 14 июля 1951 г. руководство предприятий не пользовалось возможностью налагать дисциплинарные взыскания за прогулы, равно как и правом передавать подобные дела в товарищеские суды²⁷. В связи с этим указывалось на необходимость усилить работу по поддержанию трудовой дисциплины, среди прочего путем налаживания работы товарищеских судов²⁸.

²³ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко ; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004. С. 551–552.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 468. Л. 247.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 25а. Д. 875. Л. 8, 77, 149.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 25а. Д. 1612. Л. 11.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 24. Д. 1078. Л. 22.

²⁸ Там же. Л. 23–24.

Причиной этого могло быть, среди прочего, то, что руководство предприятий ввиду роста прогулов принимало самостоятельно меры, быстрее и потому эффективнее, чем методы товарищеского воздействия. К примеру, на Уфимском заводе телефонной аппаратуры с 1951 г. до октября 1953 г. количество прогулов выросло с 27 до 66 в год. При этом товарищеский суд, который на этом заводе был создан, фактически не работал прежде всего потому, что директор завода им не руководил, а решения его игнорировал. Например, товарищеский суд объявил общественный выговор двум прогульщикам, директор завода это решение проигнорировал и объявил им строгий выговор²⁹.

Такая ситуация сохранялась до конца 1950-х годов, когда после смерти И.В. Сталина и назначения первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущева вопрос о товарищеских судах встал в ином ключе. На XXI съезде КПСС зимой 1959 г. было объявлено о наступлении нового этапа развития социалистического государства и переходе к строительству коммунистического общества (и соответственно, об отмирании в перспективе государства). Первоочередной задачей в рамках этого процесса было развитие социалистической демократии, максимальное привлечение трудящихся к управленческим процессам³⁰.

В свете этого на повестку дня выходил вопрос развития институтов, которые обеспечивали привлечение граждан к управлению государством. Среди таких институтов не последнее место занимали товарищеские суды. Указанные суды должны были рассматривать не только вопросы, касающиеся производственной дисциплины (чем они до этого и занимались), но также и дела морально-бытового характера³¹. Таким образом, на этом этапе товарищеские суды из инструмента обеспечения производственной дисциплины снова, как в 1920-е — 1930-е годы, превратились в проводников новой коммунистической морали и одну из основ для отмирания государства.

В 1959 г. был опубликован проект нового Примерного положения о товарищеских судах. Оно регулировало деятельность названных судов на предприятиях, в учреждениях, организациях и высших учебных заведениях — т.е. всех товарищеских судов, существовавших на тот момент. Соответственно, компетенция товарищеских судов предполагалась обширная. К ней относились нарушения трудовой дисциплины, имущественные споры между гражданами на сумму не свыше 500 рублей, незначительные преступления (например, мелкая спекуляция, совершенная впервые), вопросы морально-бытового характера (уклонение от общественно полезного труда, невыполнение обязанностей по воспитанию детей) и т.д.³²

Фактически это положение начало действовать еще до его официального утверждения. Процесс создания общественных судов активизировался

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 25. Д. 5308. Л. 4–5.

³⁰ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1959. С. 102–103.

³¹ Там же. С. 102–104.

³² Труд. 1959. 24 октября.

с его опубликованием. На конец марта 1960 г. товарищеские и сельские общественные суды были организованы повсеместно: по данным министерства Юстиции РСФСР, в Воронежской области их было около 2000, в Свердловской — 3007, в Ростовской — 1870, и т.д. Они рассматривали, к примеру, дела о нарушениях общественного порядка, неправильном поведении в семье, плохом воспитании детей, о мелких бытовых спорах, об оскорблениях, нарушениях трудовой дисциплины³³. В своей работе товарищеские суды руководствовались проектом нового положения, которое «хотя не утверждено законом, но действует в полной мере»³⁴.

Практику работы товарищеских судов поощрял и Верховный суд СССР. В своем постановлении от 19 июня 1959 г. он указал, что ввиду курса на широкое привлечение общественности к охране порядка судам необходимо «шире практиковать передачу на рассмотрение общественности дел о правонарушениях, не представляющих значительной общественной опасности»³⁵. Через полгода в постановлении от 19 декабря 1959 г. констатировалось все еще недостаточное использование сил общественности в борьбе с противоправными деяниями. В связи с этим Верховный суд повторил свой призыв, изложенный в июньском постановлении³⁶.

Примерное положение о товарищеских судах предполагалось издать в виде союзного акта, однако в процессе всенародного обсуждения его проекта было принято иное решение. Хотя он в ходе этого обсуждения встретил «полное одобрение всей советской общественности», было решено передать эти вопросы для окончательного разрешения на республиканский уровень³⁷. Поэтому новое Положение о товарищеских судах было утверждено в июле 1961 г. указом Президиума Верховного совета РСФСР³⁸. Оно в общем повторяло содержание союзного проекта, хотя, например, дела о мелкой спекуляции и мелком хищении государственного имущества, предусмотренные проектом³⁹, были из компетенции товарищеских судов исключены.

Последним нормативным актом, регулировавшим деятельность товарищеских судов, было положение, утвержденное указом Президиума Верховного совета РСФСР от 11 марта 1977 г.⁴⁰ Принято оно было по предписанию Президиума Верховного совета СССР от 8 февраля 1977 г. Президиум, положительно в целом оценив работу товарищеских судов, признал необ-

³³ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 335. Л. 52.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 25а. Д. 9329. Л. 10, 57.

³⁵ Постановление № 3 Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами мер уголовного наказания» // Советская юстиция. 1959. № 8. С. 40.

³⁶ Постановление № 5 Пленума Верховного Суда СССР «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями» // Советская юстиция. 1960. № 2. С. 27–28.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 334. Л. 93.

³⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 26.

³⁹ Труд. 1959. 24 октября.

⁴⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 12.

ходимым расширением их компетенции и некоторые процессуальные изменения: например, введение возможности обжалования их решений⁴¹. Положение от 11 марта 1977 г. допускало обжалование решений товарищеских судов в профсоюзный комитет или в исполком местного совета народных депутатов. Однако названные органы не могли пересмотреть решение товарищеского суда. Они имели право либо прекратить производство по делу, либо отменить решение и направить дело на новое рассмотрение в тот же товарищеский суд.

Этот вопрос вызвал немало споров. Он обсуждался еще в 1967 г. Возможность обжаловать решения товарищеских судов хотели ввести «в целях усиления гарантий законности при привлечении граждан к мерам общественного воздействия»⁴². Впрочем, тогда однозначного одобрения это предложение не получило: при его обсуждении против выступили исполкомы Калужского и Ярославского областных советов⁴³. Предоставление права обжаловать решения товарищеских судов, по мнению противников этой меры, не вызывалось необходимостью и породило бы увеличение количества жалоб, «как правило, необоснованных»⁴⁴.

При обсуждении проекта положения 1977 г. возможность обжалования решений товарищеских судов вызвала сомнения в Верховном совете РСФСР. В частности, было указано, что действующий порядок предусматривает возможность для комитета профсоюза или исполкома местного совета в том случае, если решение товарищеского суда «противоречит обстоятельствам дела или действующему законодательству», предложить суду рассмотреть дело заново. Кроме того, в определенных случаях решения товарищеских судов проверялись народными судами. Такой порядок достаточно гарантировал законность принимаемых товарищескими судами решений. К тому же создание кассационной инстанции для товарищеских судов не согласовалось с их природой, так как они «должны быть свободны от процессуальных формальностей, необходимых в деятельности судебных органов»⁴⁵.

Похожая дискуссия имела место в 1930-е годы в отношении сельских общественных судов. Связана она была с вопросом рассмотрения указанных судами дел об алиментах, которые до 1932 г. относились к их компетенции. Разъяснением пленума Верховного суда РСФСР от 26 февраля 1931 г. на решения сельских общественных судов по делам об алиментах было разрешено приносить кассационные жалобы в народные суды. Против такого подхода выступили прокурор и пленум Верховного суда СССР, поскольку возможность обжалования решений общественных судов в государственные превратило бы первые из общественных органов в составную часть государ-

⁴¹ Ведомости СССР. 1977. № 7. Ст. 121.

⁴² ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 295. Л. 28.

⁴³ Там же. Л. 74, 139.

⁴⁴ Там же. Л. 139.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 17. Д. 611. Л. 8.

ственной судебной системы⁴⁶. Президиум ЦИК также считал невозможным кассационное обжалование решений судов общественной самодеятельности, однако признавал, что в сельских общественных судах алиментные дела рассматривались «без должной степени объективности и без классового подхода к делу»⁴⁷. В связи с этим дела об алиментах постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 июля 1932 г. были вовсе исключены из компетенции сельских общественных судов⁴⁸.

В таком виде товарищеские суды просуществовали фактически до распада СССР. Федеральным законом «Об общественных объединениях»⁴⁹ в 1995 г. было прекращено действие нормативных актов об указанных судах.

Таким образом, развитие института общественных судов в первой и второй половине XX в. прошло последовательно два похожих этапа. На первом этапе они создавались для поддержания производственной дисциплины как «особые органы пролетарского принуждения» ввиду объективной необходимости. Впоследствии общественные суды рассматривались как переходный этап к отмиранию государства. Хотя это не исключало и практических задач: к примеру, разгрузки государственных судов от незначительных дел или все того же поддержания производственной дисциплины. Соответственно основному назначению изменялись и порядок их работы, и категории рассматриваемых ими дел.

Яковлева В.А.,

преподаватель кафедры конституционного права международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва)

Литература:

1. Икорский П.И. Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы советской власти (1917–1922 г.) : диссертация кандидата юридических наук / П.И. Икорский. Москва, 1965.
2. Козинцев А.Я. Общественные суды в СССР в 30–50-е годы XX в. / А.Я. Козинцев // Администратор суда. 2009. № 4.
3. Полянский П.Л. Обследование Рабкрином судебно-следственной системы и создание товарищеских судов / П.Л. Полянский // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 5.
4. Старун М.И. Товарищеские суды и социалистическая законность в Советской России и СССР в 1917–1938 гг. : диссертация кандидата исторических наук / М.И. Старун. Санкт-Петербург, 2024.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 174. Л. 6, 9, 8об.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 24. Д. 21. Л. 111, 9–9об.

⁴⁸ СЗ СССР. 1932. № 61. Ст. 355.

⁴⁹ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

Особенности актов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам безопасности как политико-правовых инструментов

Документы стратегического планирования в области безопасности являются основополагающими актами, поскольку они определяют выстраиваемый Россией курс, совокупность мер, которые уже принимаются и будут приняты в указанной области для защиты от внутренних и внешних угроз. Данные акты являются также ориентиром для внешних акторов при выстраивании ими политического курса, поскольку позволяют выявить позицию России по определенной проблеме в указанной сфере и меры, которые будут ею предприняты для защиты национальных интересов с учетом поведения других акторов. Именно поэтому представляется актуальным установить, какие именно документы стратегического планирования принимаются Россией и в каких случаях, выявить особенности каждого из документов и их соотношение между собой. Кроме того, важно определить также функции указанных актов как действенных регуляторов общественных отношений.

Отметим, что особенности актов стратегического планирования, их структуры, роли и значения представляют интерес для ученых; изучались проблемы стратегического планирования, актов, форма которых соответствует определенной цели принятия акта стратегического планирования, природы таких актов¹. Как точно указала Д.Р. Мамяшева, на «акты стратегического планирования возложены серьезные политические, управленческие, организационные и правовые задачи: координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики; определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, дис-

¹ Горохова С.С. О некоторых аспектах осуществления стратегического планирования в Российской Федерации // Современный юрист. 2018. № 3 (24). С. 102–114; Доменко Ю.Ю. Корреляционно-регрессионный анализ как инструмент стратегического планирования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 3. № 12 (120). С. 21–26; Мамяшева Д.Р. Внешняя правовая форма и содержание актов стратегического планирования // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 86–92; Руденко В.В. Институционализация мониторинга в системе стратегического планирования в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 4. С. 122–128; Турганбаев А.О. Административно-правовая природа документа стратегического планирования в государственном управлении // Право и образование. 2019. № 11. С. 116–123; Шаверская А.И. Развитие методического и нормативно-правового обеспечения стратегического планирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2020. № 7 (32). С. 59–61.

пропорций, дисбалансов, возможностей, включая финансовые, социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности; определение приоритетов социально-экономической политики, целей и задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности; выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики и обеспечения национальной безопасности; формирование и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение целей и решение задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности; определение ресурсов для достижения целей и решения задач социально-экономической политики и социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности; координация действий участников стратегического планирования»². С.М. Зубарев справедливо указывает, что «стратегические акты управления приобретают первоочередное значение для комплексного обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета страны в целом. С одной стороны, такие акты имеют базовый характер, формируя структуру и содержание системы правовых актов управления в области обеспечения национальной безопасности. С другой стороны, они создают стратегическую основу для принятия и реализации государственных управленческих решений любого уровня»³.

Однако отсутствовало комплексное исследование, посвященное характеристике актов стратегического планирования в сфере обеспечения безопасности, их взаимосвязи и значения в качестве политических инструментов.

Самый всеобъемлющий и детальный акт — стратегия. В качестве примера можно привести Стратегию национальной безопасности Российской Федерации; действующая стратегия была утверждена Указом Президента Российской Федерации в 2021 г.⁴ Отметим, что новая стратегия принимается в среднем раз в пять лет, но с учетом ситуации в области безопасности (преимущественно внешнего фактора) сроки принятия документа могут быть иными. Так, в 2008 г. была принята Стратегия национальной безопасности до 2020 г., однако в 2015 г. вступила в силу новая Стратегия национальной безопасности. Предшественницей стратегии стала Концепция национальной безопасности, утвержденная Указом Президента России 17 декабря 1997 г.

² Мамяшева Д.Р. Понятие и признаки актов стратегического планирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 4. С. 81.

³ Зубарев С.М. Стратегические акты управления как форма управленческого решения в области обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета Российской Федерации: проблемы иерархии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117). С. 28.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Стратегия — документ, в котором отражается позиция России по ключевым вопросам безопасности, включая характеристики: национальных интересов и мер по их реализации; геополитического положения России и позиций России в мире, в том числе отношения с действующими и потенциальными союзниками и политическими оппонентами; отношений власти и общества, внутривластного курса России.

Структура стратегии совершенствовалась от акта к акту, и в настоящее время в ее составе три элемента: 1) дескриптивный — характеристики геополитического положения России и ее отношений с союзниками и политическими оппонентами; национальных интересов России; совокупности мер, принимаемых для защиты от внутренних и внешних угроз; 2) регуляторный — обеспечение деятельности властных структур по защите от конкретных видов угроз безопасности; 3) специальный — характеристика отдельных видов безопасности, существующих угроз и мер, которые принимаются и будут приняты для защиты от разных угроз.

Особенностью стратегии как акта является комплексность — представлена целостная картина относительно того, как обеспечивается реализация национальных интересов России в области безопасности, кроме того, стратегия выполняет функции и правового акта — в документе представлены определения национальной безопасности, национальных интересов, угроз национальной безопасности; порядок осуществления Советом Безопасности мониторинга в указанной области и взаимодействия властных структур по обеспечению безопасности; процедура внесения изменений в документ.

Концепция. В качестве примера можно привести принятую в 2013 г. Концепцию общественной безопасности⁵. Несмотря на то что в самом документе концепция определена в качестве совокупности взглядов на обеспечение общественной безопасности как части национальной безопасности, документ представляет собой детальный акт, в котором изложены принципы, методы, меры, посредством которых осуществляется защита от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Документ снабжен весомым понятийным аппаратом, в котором отражены определения общественной безопасности и угроз общественной безопасности, системы ее обеспечения. Документ также имеет трехчастную структуру: 1) общая характеристика указанной сферы, угроз и защитных мер, которые принимаются и будут приняты для защиты от угроз; 2) характеристика системы обеспечения общественной безопасности; 3) характеристика механизма реализации концепции, порядок внесения в нее изменений.

⁵ Концепция общественной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // Российская газета. 2013. 20 ноября.

Отметим, что, в отличие от стратегии, концепция охватывает только один вид безопасности; кроме того, в концепции осуществляется рамочное регулирование, заложены только общие принципы построения системы обеспечения общественной безопасности, поскольку наряду с концепцией, действует совокупность нормативно-правовых актов в указанной области; концепция же нацелена на то, чтобы не было противоречий и обеспечение общественной безопасности носило системный характер.

Схожими характеристиками обладает и доктрина, также определенная как совокупность взглядов, идей и представлений по вопросам обеспечения безопасности в определенной области. Основное отличие в том, что концепция охватывает несколько сфер в области безопасности в комплексе (например, в обеспечение общественной безопасность включает защиту от преступности, межнациональных и социальных конфликтов, чрезвычайных ситуаций), доктрина — одну область — такую, как информационная сфера. В качестве примера можно привести Доктрину информационной безопасности Российской Федерации⁶. Структура доктрины также схожа со структурой концепции и включает в себя терминологический аппарат, характеристики: 1) национальных интересов в указанной сфере; 2) информационных угроз и мер по защите от них; 3) организационных основ обеспечения информационной безопасности. Кроме доктрины, вопросы обеспечения информационной безопасности также регулируются рядом правовых актов; доктрина носит дополняющий и систематизирующий характер по отношению к ним.

Основы государственной политики представляют собой акт стратегического планирования, в котором содержится характеристика отдельной проблемы в области обеспечения безопасности и конкретных мер по решению указанной проблемы. Подобную роль играют Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания⁷, посвященные проблеме применения Российской Федерацией как ядерной державой ядерного оружия для защиты суверенитета. Также отметим, что основы государственной политики предполагают применение целой совокупности мер, как политических, так и военных, дипломатических, экономических, информационных. При этом структура документа схожа с концепцией и доктриной, также есть общая часть с характеристиками проблемы, угрозы агрессии против России и ее союзников и мер по защите от такой угрозы

⁶ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102417017> (дата обращения: 12.01.2025).

⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991 // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7308.

посредством применения ядерного оружия; механизма обеспечения реализации властными структурами указанного документа.

Акты стратегического планирования представляют собой политические инструменты, выполняющие ряд функций:

- коммуникационную — служит каналом связи с обществом и другими акторами, посредством которого сообщается позиция России по основополагающим вопросам в области безопасности, включая меры, которые принимаются и будут приняты в отношении защиты от внутренних и внешних угроз;

- информационную — отражает данные о позиции России по определенному вопросу безопасности и мерах, которые принимаются и будут приняты с учетом особенностей ситуации для реализации национальных интересов России;

- регуляторную — обеспечение принятия мер по защите от внутренних и внешних угроз со стороны властных субъектов во взаимодействии с невластными, включая определение порядка действий компетентных властных структур по реализации национальных интересов России в области безопасности;

- систематизирующую — упорядочение деятельности по обеспечению безопасности со стороны властных структур по разным аспектам защиты от внутренних и внешних угроз.

Таким образом, все четыре вида актов стратегического планирования по вопросам безопасности, принимаемых в Российской Федерации, стратегия, концепция, доктрина и основы государственной политики, отражают оценку текущей ситуации и прогнозы ее развития в контексте особенностей геополитического положения России, и перечень мер, которые будут предприняты государством с учетом действий иных акторов. Данные акты содержат в себе сигналы, обращенные как к обществу, нацеленные на то, чтобы убедить общество в готовности принять все необходимые меры по защите от внутренних и внешних угроз, наличия достаточных для этого ресурсов, так и к другим акторам, чтобы представить тот комплекс мер, который будет принят Россией для обеспечения ее национальных интересов с учетом действий этих акторов. Все четыре вида актов последовательно взаимосвязаны, дополняют друг друга: наиболее детально отражают все инструменты, принимаемые меры и те шаги, что будут предприняты, оценку ситуации; стратегия, доктрина содержат в себе принципы, на основании которых Россией будет выстраиваться политический курс в определенной области, концепция предопределяет характер и особенности совокупности правовых актов, которые будут приняты, основы государственной политики отражают оценку Россией ситуации в конкретной области и меры, которые будут ею приняты в ответ. Представляется, что совершенствование указанных политических инструментов возможно посредством разработки и принятия правового акта,

в котором были бы отражены особенности всех документов стратегического планирования, при каких обстоятельствах принимается тот или иной документ.

Вербицкая Т.В.,

научный сотрудник Государственного архива Свердловской области
(г. Екатеринбург)

Конов А.А.,

доцент кафедры управления в социальных
и экономических системах, философии и истории
Уральского государственного университета путей сообщения,
доктор исторических наук
(г. Екатеринбург)

Вербицкая Н.О.,

профессор кафедры экономики труда и управления персоналом
Уральского государственного экономического университета,
доктор педагогических наук
(г. Екатеринбург)

Литература:

1. Горохова С.С. О некоторых аспектах осуществления стратегического планирования в Российской Федерации / С.С. Горохова // Современный юрист. 2018. № 3 (24).
2. Доменко Ю.Ю. Корреляционно-регрессионный анализ как инструмент стратегического планирования / Ю.Ю. Доменко // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 3. № 12 (120).
3. Зубарев С.М. Стратегические акты управления как форма управленческого решения в области обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета Российской Федерации: проблемы иерархии / С.М. Зубарев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117).
4. Мамяшева Д.Р. Внешняя правовая форма и содержание актов стратегического планирования / Д.Р. Мамяшева // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181).
5. Мамяшева Д.Р. Понятие и признаки актов стратегического планирования / Д.Р. Мамяшева // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 4.
6. Руденко В.В. Институционализация мониторинга в системе стратегического планирования в России / В.В. Руденко // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 4.
7. Турганбаев А.О. Административно-правовая природа документа стратегического планирования в государственном управлении / А.О. Турганбаев // Право и образование. 2019. № 11.
8. Шаверская А.И. Развитие методического и нормативно-правового обеспечения стратегического планирования в Российской Федерации / А.И. Шаверская // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2020. № 7 (32).

Наука государственного и конституционного права

Социология науки изучает сложившиеся в мире науки процесс познания, осуществляемый этими науками, создателей научных знаний¹. Социология правовой науки выделяет две самостоятельные науки: государственное и конституционное право. Сегодня эти науки существуют слитно. Но развитие научного знания идет по пути дифференциации. Когда-то существовала одна наука философия. Затем из нее выделились естественные и социальные науки. Из социальных наук в XIX в. выделилась социология и политология. Этот процесс распространяется и на правовые науки. Сегодня пришло время провести четкую грань между наукой государственного и наукой конституционного права.

Любая наука имеет свое философское основание. Наука государственного права опирается на философские основы этатизма, на доконституционную философию, идущую в Европе от Платона, а в Азии от конфуцианства. Высшей ценностью доконституционная философия провозглашает государство, которое формирует из покоренных народов общество подданных. Часто доконституционная философия провозглашает идею патернализма. Государство должно заботиться о подданных, как отец о своих детях. При этом подданные обязаны уважать свое государство и быть покорным правителю и его слугам. Третьей ценностью в доконституционной философии является единство общества, которое в максимальной степени достигается при тоталитаризме.

Наука конституционного права опирается на противоположные философские взгляды. Высшей ценностью конституционная философия считает гражданское общество, которое господствует над государством. Такой тип власти называется социократией. Второй ценностью является человек, а также его права и свободы. Эти две ценности обеспечиваются с помощью демократии, республики, децентрализации власти и правового характера общества и государства. Здесь общество первично, а государство вторично, является послушным инструментом общества, реализующим интересы разных социальных общностей. Государство (как слуга общества) находится под постоянным подозрением, поскольку оно всегда склонно к отчуждению от общества и превращению в инструмент политиков и бюрократии.

Наука конституционного права опирается на идеи либерализма. Она доказывает, что конституционный строй может возникнуть только в условиях капитализма. С его распространением в мире возникнет глобальный консти-

¹ Григорьев В.Е. Социология науки : учебник. М. : Проспект, 2018. 384 с.

туционализм². Наука государственного права стоит на идее неизменности мира. Она утверждает, что страны с доконституционными традициями никогда от них не откажутся.

Философия конституционализма исходит из того, что гражданское общество не может быть единым (Р. Дарендорф)³. Оно состоит из разных социальных общностей, которые постоянно конкурируют за материальные ресурсы (рыночные отношения), статусы и политическую власть. Эта конкуренция ставится в рамки права, не позволяющего обществу скатываться к хаосу, к войне всех против всех. Ценностью здесь является органическая солидарность (сознательное и свободное единство граждан страны), а не механическая солидарность, навязанная государством своим подданным (Э. Дюркгейм)⁴. Конституционное общество является быстро развивающимся за счет действия закона единства и борьбы противоположностей.

Отрасли наук отличаются между собой по предмету исследования. Наука конституционного права не только изучает, но и предлагает обществу нормы, обеспечивающие социократию (суверенитет народа) и верховенство прав и свобод человека. Она обосновывает необходимость демократии, республики, децентрализации власти и правовых отношений в обществе.

Наука государственного права доказывает необходимость установления власти государства над обществом. Она обосновывает ограничение политических и иных прав человека (обычно ссылаясь на необходимость обеспечение общественной и государственной безопасности), вырабатывает нормы, позволяющие одному человеку пожизненно занимать должность верховного правителя, устранять разделение властей, вводить централизованное управление страной.

Сегодня многие государства делают вид, что перешли к конституционному строю и ввели у себя нормы конституционного права. Реальные правоотношения остаются доконституционными. В стране возникают две правовые системы. Одна декларативная (напоказ), а другая реально действующая. Чтобы разоблачить подделку, конституционная наука прибегает к парадигме правового реализма (социологический подход к праву)⁵. Она направляет свой взор не на декларации конституционных актов и законов, а на реально действующие нормы и правоотношения. Конституционная наука указывает на действующий механизм блокирования декларативных норм конституции⁶.

² Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм — теория мирового правового порядка или новая политическая идеология? // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1 (134). С. 974–1019.

³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 358.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 472 с.

⁵ Тонков Е. Российский правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.

⁶ Денисов С.А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 2–8.

Наука государственного права занимается апологетикой существующего доконституционного государства, пытается придать ему имидж конституционного. Для этого она обращается к методологии юридического позитивизма. Предмет ее исследования замыкается на писаном декларативном праве. Реальные отношения ее не интересуют. Эта методология основана на философии идеализма и формализм. Представители государственного права заявляют, что все идеалы конституционализма содержатся в писанном основном законе, как правило, октроированном правителем. Никаких других идеалов они не признают. Решения судов, которые в доконституционных странах находятся под властью правителя и выражают его интересы, объявляются высшей конституционной истиной. Под конституционализмом они понимают систему отношений, урегулированных с помощью норм, помещенных в нормативном акте, названном конституцией, а то и в любом основном законе. Такой релятивистский подход позволяет устранить идею конституционализма. Конституционным они считают все, что законодатель напишет в тексте основного закона.

Конституционная наука мультипарадигмальна. Она вырабатывает идеалы конституционного строя (аксиологический подход), смотрит, как они отражаются в писаном праве (юридический позитивизм) и как реализуются на практике (социологический подход к праву). Из этого она делает вывод о том, является та или иная страна конституционной или только создает видимость этого. Опираясь на идеалы конституционализма, конституционная наука может признать текст какого-то конституционного акта неконституционным.

Науки государственного и конституционного права говорят на разных языках. Наука конституционного права критически оценивает доконституционный строй. Она указывает на то, что там население не стало субъектом правовых отношений (не стало народом). Оно является объектом управления и манипуляции со стороны государственных органов. Последние осуществляют ритуальные действия, обозначающие выборы в органы власти, учет мнения населения. Таким образом легитимируется власть бессменного правителя и его слуг. Такое население не способно сформировать партии и представительные органы. В доконституционном обществе не может возникнуть институтов парламента, президента, независимых судов. Наука государственного права при имитации конституционного строя использует язык конституционного права. Она называет правителя, пожизненно осуществляющего власть, президентом. Законорегистрационный орган при правителе называется параламентом. Ограны расправы носят название органов правосудия. Подданных здесь называют гражданами, монархическую форму правления — республикой, авторитарный режим — настоящей народной демократией. Империю выдают за федерацию.

Народ в науке конституционного права — это осознающая свои интересы, активная и организованная часть общества. Его следует отличать от массы, которая не обладает названными признаками. Отсюда исходит различие между демократией (властью народа) и охлократией (властью масс). Государственное право отождествляет народ с массой населения, которая управляется правящей группой. За суверенитет народа она выдает поддержку масс своего господина и патерналистскую заботу государства о своем населении.

Наука конституционного права отличает гражданское общество от общества подданных. Последнее зависимо от государства и не может стать опорой для конституционного права. В науке конституционного права проводится различие между гражданином и подданным. Гражданин — это независимый от государства активный субъект, участвующий в управлении общественными делами. Подданный, который может формально признаваться гражданином, — это зависимый от государства человек, не участвующий в управлении общественными делами. Кроме того, выделяется роль верно-подданного, участвующего в общественной жизни под руководством государства. Наука государственного права отказывается видеть разницу между подданным и гражданином. Всех подданных она называет гражданами. Наука конституционного права разоблачает попытки авторитарного государства выдать зависимые от него квазиобщественные объединения за элементы гражданского общества.

Наука конституционного права выделяет публичную власть гражданского общества и власть государства, которое может носить не публичный характер. Вотчинное или патримониальное государство принадлежит правящей группе, носит частный⁷, а не публичный характер. В науке государственного права государственную власть априори объявляют публичной. Часто здесь государство отождествляют с обществом.

Наука конституционного права проводит грань между социальным и патерналистским государством. Представители государственного права выдают патерналистское государство за социальное. Конституционализм отстаивает принцип равенства всех перед законом. Государствоведение встает на защиту принципа разделения людей по их полезности государству и необходимости дискриминации тех, кто подрывает господство правящей группы.

Науки государственного и конституционного права представлены разными группами исследователей. Носителями знаний и ценностей государственного права являются государствоведы. Это часть служилой интеллигенции⁸, нанятой для защиты интересов административного класса, составляющего

⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории // В.О. Ключевский. Сочинения в 9 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 50.

⁸ Денисов С.А. Служилая и гражданская интеллигенция в современном обществе // Интеллигенция и гражданское общество : сборник научных трудов. Ульяновск : УлГТУ, 2013. С. 81–84.

тело аппарата доконституционного государства. Носители ценностей конституционализма в конституционной социологии правовой науки называются конституционалистами, составляющими часть гражданской интеллигенции. Они выступают от имени гражданского общества и стремятся поставить государство под его контроль. Сегодня часто государствоведы называют себя конституционалистами. В головах некоторых исследователей нет ясности относительно того, какие ценности им ближе: гуманистические или этатистские.

В условиях перехода страны к конституционализму возникает конфликт между конституционалистами и государствоведами. Конституционалисты встают на защиту норм конституционного акта, закрепляющих конституционные идеалы⁹. Государствоведы требуют отменить нормы конституционного акта, содержащие эти идеалы, и внести в нее антиконституционные нормы¹⁰. Они приветствуют действия государства, направленные на сохранение доконституционных отношений¹¹. Контрреформы, направленные на устранение конституционализма в стране, они объявляют реформами конституционного права.

Итак, социология правовой науки выделяет две самостоятельные отрасли правовой науки: наука государственного права и наука конституционного права. Они отличаются друг от друга по предмету и методу исследований, по тем целям и задачам, которые ставят перед собой. У них совершенно разная философская основа.

Денисов С.А.,

старший научный сотрудник Гуманитарного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Екатеринбург)

Литература:

1. Бабурин С.Н. О Духовности целей и социальности задач российской конституционной реформы / С.Н. Бабурин // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4.
2. Бельский В.Ю. Необходимость и целесообразность идеологии в конституции Российской Федерации / В.Ю. Бельский, И.И. Кальной // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5.
3. Григорьев В.Е. Социология науки : учебник / В.Е. Григорьев. Москва : Проспект, 2018.
4. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. Москва : Праксис, 2002.

⁹ Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.

¹⁰ Бельский В.Ю., Кальной И.И. Необходимость и целесообразность идеологии в конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 350–355.

¹¹ Бабурин С.Н. О Духовности целей и социальности задач российской конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 3–8.

5. Денисов С.А. Механизм нейтрализации конституционных норм / С.А. Денисов // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6.
6. Денисов С.А. Служилая и гражданская интеллигенция в современном обществе / С.А. Денисов // Интеллигенция и гражданское общество : сборник научных трудов / ответственный редактор О.В. Шиняева ; редактор И.Г. Гоношилина. Ульяновск : УлГТУ, 2013.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. Москва : Наука, 1991.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинение. В 9 томах. Т. 3 / В.О. Ключевский. Москва : Мысль, 1988.
9. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года / А.А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11.
10. Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм — теория мирового правового порядка или новая политическая идеология? / А.Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1 (134).
11. Тонков Е. Российский правовой реализм / Е. Тонков. Санкт-Петербург : Алетейя, 2024.

Конституционные нейроправа: новые этико-правовые вызовы и пределы правового регулирования в международном праве и законодательстве Российской Федерации¹

Термин «нейроправа» представляет новую категорию прав, направленных на защиту психологической целостности человека в современном мире от неправомерного использования нейротехнологий, в том числе и посредством использования искусственного интеллекта. По мнению И.Ю. Крылатовой, под нейроправами можно понимать те права, которые регулируют пределы вторжения в личную жизнь, конфиденциальность, когнитивную свободу и самоопределение каждой личности². В.И. Красиков, не давая четкого определения нейроправам, относит к ним: 1) право на психическую конфиденциальность (и (или) неприкосновенность) (The Right to Mental Privacy); 2) право на психическую преемственность (и (или) личную идентичность) (The Right to Personal Identity); 3) право на психическую преемственность (и (или) личную идентичность) (The Right to Personal Identity); 4) право на равный доступ к умственным аугментациям (The Right to Equal Access to Mental Augmentation); 5) право на защиту от алгоритмической предвзятости (The Right to Protection from Algorithmic Bias); 6) право на свободу воли (The Right to Free-Will)³. По мнению Я. Корнехо, в число нейроправ нужно включать такие права, как психологическую конфиденциальность, психологическую целостность, личную идентичность и когнитивную свободу⁴. В российской юриспруденции в этой связи обоснованно формируется представление о том, что закон отстает от достижений науки и технологий; в академических публикациях преобладает позиция, что правовое регулирование нейротехнологий нуждается

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00338 «Антропологический биоконституционализм и достижение биоэтического благополучия в системе обеспечения гуманитарной биобезопасности: человеческое достоинство и новые права человека в правовой онтологии и биосоциальной репродукции». URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00338>

² Крылатова И.Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий, особенности их этико-правового регулирования // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 4. С. 104.

³ Красиков В.И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 66–70.

⁴ Корнехо Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии / Я. Корнехо // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 3. С. 714.

в особом внимании, которое пока не уделяется в должной мере со стороны федерального законодателя⁵.

Причем в настоящее время экспотенциально растут этические и правовые риски использования нейротехнологий и искусственного интеллекта в маркетинговых (например, уже имеются исследования каким образом те или иные цвета, звуки и образы стимулируют покупательскую активность), биомедицинских (вживление нейроимплантов, управляемых искусственным интеллектом) целях. В качестве примера можно привести известное исследование, когда, применяя транскраниальную магнитную стимуляцию для нейромодуляции областей мозга, ответственных за социальные предрассудки, политические и религиозные убеждения, ученые добились изменений когнитивных представлений участников эксперимента. Оказалось, что, временно отключая определенные доли мозга, можно усилить у участников эксперимента веру в загробную жизнь или сделать более критичными их представления о собственной стране⁶. Та же заявленная идея Neuralink создать гибрид человеческого мозга и искусственного интеллекта одновременно с положительным опытом по созданию функционирующих 3D-органовидов человеческого мозга⁷ создают опасность моделирования эмоционального состояния человека и по факту — несогласованного вмешательства в когнитивные процессы отдельной личности.

В доктрине российского конституционного права до сих отсутствует понимание правовой природы нейроправ (являются ли они самостоятельной категорией прав и свобод или производными от уже существующих основных конституционных прав), а равно и принятая классификация нейроправ. На международном уровне предложена только рекомендательная классификация таких прав. Так, в Докладе научного Фонда «Нейроправо», предложено выделять 5 таких прав: 1) право на ментальную идентичность или «самоопределение»; 2) право на свободу действий или свободу воли; 3) право на неприкосновенность сознания; 4) право на справедливый доступ к технологиям усиления умственных возможностей; 5) право на защиту от алгоритмической предвзятости — в случаях, когда нейротехнологии сочетаются с искусственным интеллектом⁸. По мнению группы зарубежных исследователей,

⁵ Филипова И.А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 504.

⁶ Holbrook C. et al. Neuromodulation of Group Prejudice and Religious Belief. URL: http://colinholbrook.com/Holbrook_Neuromodulating_Ideology_SCAN_2015.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

⁷ Быкова Н. Ученые случайно создали органониды мозга на скаффолдах для скрининга лекарств // Российская академия наук. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=9cc729fe-d31f-4084-8b60-5dfeeca83547> (дата обращения: 08.09.2025).

⁸ Genser J., Herrmann S., Yuste R. International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology. Report. 06.05.2022. URL: <https://static1.squarespace.com/static/60e5c0c4c4f37276f4d458cf/t/6275130256dd5e2e11d4bd1b/1651839747023/Neurorights+Foundation+PUBLIC+Analysis+5.6.22.pdf> (дата обращения: 16.09.2025).

можно выделить 4 вида таких нейроправ: 1) право на когнитивную свободу; 2) право на ментальную (умственную) неприкосновенность; 3) право на ментальную целостность; 4) право на психологическую неразрывность, наполняющую собой содержание понятия личности индивида⁹.

Причем главная проблема состоит не столько в том, что нет устоявшегося юридического понимания о природе или видах таких нейроправ, сколько в отсутствии правового регулирования института нейроправ как на межгосударственном уровне, так и в рамках внутригосударственного (национального) правового регулирования.

В условиях отсутствия международного-правового регулирования на конвенциональном уровне именно государственная инициативная политика в данном вопросе может оказать серьезное влияние и на становление общего нормирования в упомянутой сфере. Мы склонны согласиться с мнением профессора И.А. Кравца, что роль конституционализма и национального конституционного права в вопросах создания нормативного каркаса для новых принципов и новых прав может оказаться лидирующей при условии диалогического характера движения в сторону бионейроконституционализма. И нормы внутригосударственного права, принципы биоэтики и доказательной медицины с их философско-правовым и медико-социальным измерением могут стать в авангарде именно национального подхода к правовой регламентации нейроправ¹⁰.

Очевидно, неурегулированность вопросов правовой этики использования нейротехнологий создает питательную почву для злоупотреблений как со стороны государственных институтов, так и со стороны отдельных субъектов прав (корпорации, медицинские учреждения, и отдельные граждане).

Причем ряд исследователей уже несколько лет призывают для поддержания уровня охраны и защиты прав человека в эпоху нейротехнологических вызовов модифицировать существующие международно-правовые акты, регулирующие защиту прав и свобод человека. Так, в Докладе Фонда «Нейроправо» названы международные договоры, требующие нейротехнологической «настройки», в порядке их значимости для решения данной задачи: 1) Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — МПГПП); 2) Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; 3) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; 4) Конвенция о правах инвалидов 2006 г.; 5) Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; 6) Конвенция

⁹ Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. No. 5.

¹⁰ Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия // *Журнал российского права*. 2022. № 2. С. 9.

о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; 7) Конвенция о правах ребенка 1989 г.¹¹

В работу над проблемой правового регулирования нейроправ включилась и Организация Объединенных Наций. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в 2021 г. опубликовал доклад, в котором нейротехнологии включены в состав цифровых и технологических рисков, требующих предотвращения для достижения целей устойчивого развития¹². В июле 2023 г. ЮНЕСКО провела международную конференцию по «Этике нейротехнологий» и опубликовала несколько докладов по нейротехнологической проблематике¹³.

Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике (МКЮБ) в Докладе 2021 г.¹⁴ отметил актуальность Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека 2005 г. в свете продолжающегося развития и практического применения нейротехнологий¹⁵. МКЮБ предлагает официально ввести новое понятие «нейроправа» для защиты прав человека в контексте использования нейротехнологий, указывая, что они полезны, но одновременно представляют опасность, если данные о мозговой активности используются без согласия их носителей.

Но при этом вызывает беспокойство тот факт, что до сих пор не существует специального международного регулирования для борьбы с возможными нарушениями жизни, неприкосновенности и свободы слова в результате деятельности транснациональных корпораций, уже давно торгующих результатами исследованиями миллионов пользователей тех же соцсетей, подвергнутых воздействию нейротехнологий.

Перспектива появления нейротехнологий, которые изменяют, усиливают и ставят под угрозу самоощущение пользователей, их свободу действий и неприкосновенность частной жизни, может «сконцентрировать внимание», заставляя общество решать фундаментальные вопросы в этих областях в срочном порядке и с привлечением различных заинтересованных сторон, включая общественность¹⁶. Нейротехнологии открыли мир возмож-

¹¹ Будник Р.А. Права человека в реалиях нейропрогресса: юридические средства компенсации нейротехнологических рисков // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 35–37.

¹² См.: Guterres A. Our Common Agenda. United Nations. 2021. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

¹³ См.: International Conference on the Ethics of Neurotechnology. The Risks and Challenges of Neurotechnologies for Human Rights. UNESCO. May 12, 2023. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/risks-and-challenges-neurotechnologies-human-rights> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁴ См.: International Bioethics Committee. Report of the International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) on the ethical issues of neurotechnology, 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378724> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁵ См.: Osinski G. Theological and Ethical Aspects of Mind Transfer in Transhumanism // Scientia at Fides. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 149–176.

¹⁶ Goering S., Klein E., Specker Sullivan L. et al. Recommendations for Responsible Development and Application of Neurotechnologies // Neuroethics. 2021. № 14.

ностей для понимания и улучшения функционирования человеческого мозга, но при этом ставят глобальные этические и социальные проблемы, связанные с защитой индивидуальных прав, неприкосновенности частной жизни и психологической автономии¹⁷. Например, вызывает острую обеспокоенность то, что психологическая информация об особенностях личности может быть использована в качестве биометрических данных, идентифицирующих конкретного человека, а в будущем — для выявления проблем с психическим здоровьем и когнитивными способностями в целях дискриминации¹⁸.

Именно поэтому необходимо в кратчайшее время разработать законодательные акты как на конвенциональном, так и на национальном уровнях, защищающие психологическое пространство, автономию воли и свободу мысли граждан. Ведь отсутствие такого правового регулирования может приводить к нарушению приватности, краже данных и внешнему контролю над личностью как со стороны государства, так и со стороны иных субъектов права.

Кондрашев А.А.,

главный научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии
Новосибирского государственного университета;
заведующий кафедрой конституционного, административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета,
доктор юридических наук, профессор
(г. Красноярск)

Литература:

1. Будник Р.А. Права человека в реалиях нейропрогресса: юридические средства компенсации нейротехнологических рисков / Р.А. Будник // Журнал российского права. 2025. № 3.
2. Быкова Н. Ученые случайно создали органоиды мозга на скаффолдах для скрининга лекарств / Н. Быкова // Российская академия наук. 2021. 3 сентября.
3. Корнехо Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии / Я. Корнехо // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 3.
4. Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия / И.А. Кравец // Журнал российского права. 2022. № 2.

¹⁷ Корнехо Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии / Я. Корнехо // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 3. С. 711–728.

¹⁸ Arellano W. Los Neuroderechos y su Regulación // Inteligencia Artificial. 2024. № 27 (73). С. 4–13.

5. Красиков В.И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий / В.И. Красиков // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1.
6. Крылатова И.Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий, особенности их этико-правового регулирования / И.Ю. Крылатова // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 4.
7. Филипова И.А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование / И.А. Филипова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3.

References:

1. Arellano, W. Los Neuroderechos y su Regulación / W. Arellano // Inteligencia Artificial. 2024. T. 27. № 73.
2. Holbrook, C. Neuromodulation of Group Prejudice and Religious Belief / C. Holbrook, K. Izuma, C. Deblieck [et al.] // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2015. Vol. 11. Iss. 3.
3. Ienca, M. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology / M. Ienca, R. Andorno // Life Sciences, Society and Policy. 2017. T. 13. № 5.
4. International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology. Report / J. Genser, S. Herrmann, R. Yuste. Neurorights Foundation, 2022.
5. Osinski, G. Theological and Ethical Aspects of Mind Transfer in Transhumanism / G. Osinski // Scientia at Fides. 2021. Vol. 9. № 1. DOI: 10.12775/SetF.2021.005.
6. Recommendations for Responsible Development and Application of Neurotechnologies / S. Goering, E. Klein, L. Specker Sullivan [et al.] // Neuroethics. 2021. T. 14. № 3.

Трансформация конституционных прав в условиях цифровизации общества и применении искусственного интеллекта: современные проблемы

На сегодняшний день, в эпоху цифровизации и внедрения искусственного интеллекта (далее — ИИ) практически во все сферы, мы наблюдаем глобальные изменения во всех государственных институтах, а также функционировании общества и жизнедеятельности человека.

Не осталась в стороне и конституционная система прав человека, которая на современном этапе находится в состоянии трансформации. По сути, в нынешних условиях происходит эволюция прав человека, переход на новый, современный цифровой уровень. Появление, формирование и реализация новых прав человека, уточнение и конкретизация основных прав через взаимодействие технологических решений поднимает вопрос правового регулирования правоотношений, связанных с ИИ и разработкой федерального законодательства в данной области.

А.А. Карцхия считает, что «в условиях цифровизации сфера права реорганизуется (форматируется) под влиянием возможностей современных цифровых технологий, что находит отражение во множестве новых правовых явлений, связанных с субъектами и объектами правового регулирования, спецификой правоотношений в цифровой реальности, осмысления понятия и содержания цифровых прав и т.д. Для оценки значения правовой трансформации под влиянием цифровых технологий исходным значением служит современное доктринальное понимание прав человека как основы правового статуса личности, включающего в себя права и свободы, которые находят свое отражение в различных отраслях современной системы права»¹.

Применение ИИ трансформирует правовые процессы, способствует формированию новых правовых явлений (цифровые права, объекты, предметы), приводит к появлению новых субъектов, а также изменению характера правоотношений в цифровой сфере. Происходит модернизация государственной власти через цифровой подход. Так как ИИ, по сути, становится участником публично-правовых отношений, возникают проблемы с определением правового статуса ИИ, его отношении к субъектам и объектам права.

¹ Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 35.

Цифровизация во многом способствует росту производительности труда, облегчает многие процессы, но и порождает всевозможные риски и угрозы для населения страны. Например, угроза дискриминации видится в алгоритмах, основанных на обработке данных, которые могут воспроизводить или усугублять предубеждения общества. Сбор персональных данных, которые могут использоваться для создания профиля и прогнозирования поведения, нарушают реализацию таких прав, как права на защиту неприкосновенности и уважения частной жизни, права на защиту персональных данных, права на самоопределение.

Негативное влияние на свободу выражения мнений оказывает модерация и курирование контента с помощью ИИ, что может оказывать влияние на реализацию права на свободу мнений.

Цифровизация породила новые цифровые права как особую форму информационных прав, которые в своей основе связаны с реализацией доступа к системе «Интернет» и имеют свою цифровую интерпретацию. Под цифровыми правами (digital rights) во всем мире понимаются специфические права человека, имеющие публично-правовое происхождение. К цифровым правам, которые уже законодательно установлены в разных странах, относятся: право на доступ к Интернету, право на забвение, право на защиту от нежелательной информации.

Термин «цифровые права» в России был введен в Гражданский кодекс для обозначения имущественных прав, реализуемых в информационных системах. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ была введена ст. 141.1, в соответствии с которой «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». В качестве выхода из создавшегося терминологического противоречия Э.В. Талапина предлагает: «использовать для публично-правового обозначения цифровых прав термин «двоичные (бинарные) права», который подчеркивает связь с цифровой передачей информации (binary), а также через игру слов оттеняет двойственность существования этих прав как online, так и offline»².

² Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–123. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina.

Условия реализации цифровых прав напрямую зависят от их состава, содержания и от гарантий, которые должны быть закреплены в законодательстве. Современное развитие цифровых прав человека видится в контексте правового обеспечения личной свободы и их адекватности интересам общества и государства.

Одной из основных проблем, обусловленной автономностью систем ИИ, является их неспособность непосредственно воспринимать правовые нормы. По сути, искусственный интеллект не обладает самосознанием, эмоциями, поэтому его нельзя ассоциировать с человеком. Его действия в определенной деятельности могут превосходить человека, но в каких-то моментах будут, наоборот, отставать и работать неправильно, у ИИ отсутствует осознание самого себя. Поэтому, воспринимая правовые нормы, происходит автономное их считывание, без использования бланкетных, отсылочных норм, что приводит к многочисленным ошибкам.

Другой важной проблемой является юридическая ответственность, которая может наступить вследствие казусов и непредвиденных ситуаций. Уровень действующего законодательства не способен на сегодняшний момент дать полный ответ на вопрос о том, кто и в каком объеме будет нести юридическую ответственность за последствия решений, принятых ИИ. По закону ответственность несет оператор ИИ — лицо или организация, которая осуществляет контроль над функционированием ИИ. Однако возникают сложности с определением оператора в случае, когда ИИ функционирует автономно, без участия человека. Сам же робот никакой ответственности нести не будет, ибо здесь все зависит от добросовестности обслуживания устройства владельцем. Поэтому наблюдается отставание действующего законодательства от технического прогресса, возникает необходимость доработки законов, регулирующих правоотношения в сферах, где присутствует ИИ, особенно регулирующих ответственность за преступные действия роботов. Например, лица, ответственные за создание и использование ИИ, не могут быть признаны субъектами преступления в случае ошибочных действий алгоритма.

Нерешенными остаются проблемы в области защиты персональных данных, так как многие системы ИИ собирают и анализируют большие объемы персональных данных, что создает риск их утечки или злоупотребления. ИИ может идентифицировать людей и использовать личную информацию о них не по назначению.

«Цифровизация принципиально изменила жизнь всех граждан, но и породила всевозможные риски и угрозы для населения страны и в целом для безопасности государства. Основными угрозами являются: кибербезопасность (угрозы которой могут включать в себя кибератаки и киберпреступности), коммуникационные угрозы (коммуникационные сети и платформы,

которые могут быть подвержены угрозам, связанным с злоупотреблением, распространением дезинформации и незаконной деятельностью»³.

Отсутствие правового регулирования использования технологий ИИ приводят к тому, что злоумышленники используют новейшие достижения для совершения хищений путем совершения мошеннических действий с использованием дистанционных, информационно-телекоммуникационных технологий. Подделка голоса человека, использование технологии дипфейка, когда изображение одного человека можно использовать для создания различных видеофайлов и с их помощью достигать определенных противоправных результатов. Видеофайлы, созданные с применением ИИ, абсолютно реалистичны, невооруженным глазом их трудно отличить от настоящих видео.

Действующие механизмы информационно-цифровой политики не позволяют в полном объеме купировать риски, которые несет в себе деятельность ИИ. «Для обеспечения стратегических национальных приоритетов, безопасности общества и государства необходима четкая концепция государственного управления в информационно-коммуникационном пространстве. В связи с этим создание единой информационной системы на федеральном уровне будет способствовать реализации такого конституционного принципа, как единство экономического пространства»⁴.

Другой нерешенной проблемой является неразработанность четких правил оценки соответствия систем с ИИ требованиям безопасности. Например, для системы государственного управления актуальным вопросом является утверждение прозрачных правил оценки эффекта от применения ИИ с точки зрения защиты прав человека и гражданина (защита от дискриминации и избирательного правоприменения, сокращение рисков разглашения чувствительной информации и т.д.). В связи с этим возникает необходимость создания специальных органов и институтов, ответственных за контроль и мониторинг использования ИИ.

В основе национальной информационно-коммуникационной политики государства, связанной с внедрением ИИ во все сферы жизнедеятельности

³ Костылева Е.Д. Публично-правовые аспекты цифровизации российского общества // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина, в рамках IV Саратовского юридического форума «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России» (Саратов, 6 июня 2024 г.). Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2024. С. 143.

⁴ Костылева Е.Д. Публично-правовые вопросы цифровизации общества: тенденции и перспективы в Российской Федерации // Правовые технологии в современной юриспруденции (Черненковские чтения) : материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 19 апреля 2024 г.). Новосибирск : СИБАГС, 2024. С. 69.

общества, лежат доктринальные конституционные положения. Посредством информационно-цифрового пространства реализуются конституционные принципы, «объективно основополагающие начала, отражающие природу, идейные основы организации и деятельности»⁵. Неоспоримое значение имеют конституционные нормы обеспечения прав человека, такие как право на идентификацию, на доступ к электронной сети, на конфиденциальность и др. Анализ применения ИИ в публично-правовых отношениях, а также многообразие сфер его применения подтверждают необходимость правового регулирования его технологий, исследования правовых аспектов его использования. Необходимость правового регулирования технологий ИИ подтверждается отсутствием прозрачности и проблемой безопасности, обеспечения конфиденциальности данных, в частности, при обработке персональных данных и деперсонализации для обеспечения конфиденциальности. До сих пор не решены проблемы ИИ в законодательстве об авторском праве, особенно в сфере интеллектуальной собственности.

Появление новых прав человека способствует развитию конституционного регулирования и поднимает вопрос о смысловом пересмотре существующих положений гл. 2 Конституции РФ. При дальнейшем развитии цифровизации необходимо вовремя совершенствовать трансформацию прав человека, так как переход на следующий уровень понимания признанных прав и свобод человека влечет изменение особенностей их реализации при одновременном формировании новых современных прав. Система прав человека будет трансформироваться в зависимости от условий их реализации.

К сожалению, несмотря на огромное влияние цифровизации на права человека, необходимо отметить недостаточную законодательную базу и отставание в правовом регулировании современных цифровых прав, что может привести к дисбалансу концепции прав человека.

Применение ИИ в перспективе дает основания пересмотреть на новом уровне взаимосвязь человека, общества и государства, выявить новые инновационные социально-гуманистические элементы. Требуется осмысление и адекватное формулирование правового механизма регулирования, реализации и защиты уже существующих и вновь формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Грамотная всесторонняя цифровая трансформация во всех сферах, отражающая происходящие процессы и вызовы, может стать в будущем мощным драйвером экономического роста, повышения эффективности производства, нового уровня общественной жизни. Но идеализировать цифровиза-

⁵ Умнова-Конюхова И.А. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики : учебное пособие. М. : Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 114.

цию следует деликатно, помимо больших преимуществ в плане облегчения многих процедур, экономии времени и сил, нужно объективно оценивать баланс положительных и отрицательных моментов в отношении каждой конкретной сферы. Помимо реализации цифровых прав, необходимо пристальное внимание уделять цифровой защите, в этом видится поиск баланса реализации, гарантии и защиты.

Костылева Е.Д.,

доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература:

1. Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека / А.А. Карцхия // Русская политология. 2018. № 4 (9). EDN: ZAKLFR.
2. Костылева Е.Д. Публично-правовые аспекты цифровизации российского общества / Е.Д. Костылева // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина, в рамках IV Саратовского юридического форума «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России» (г. Саратов, 06 июня 2024 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: Д.В. Абакумов, Е.А. Астахова, И.А. Мирошников ; ответственный редактор А.Ю. Соколов. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2024. EDN: KBMTAC.
3. Костылева Е.Д. Публично-правовые вопросы цифровизации общества: тенденции и перспективы в Российской Федерации / Е.Д. Костылева // Правовые технологии в современной юриспруденции (Черненкоские чтения) : материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 19 апреля 2024 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Д.А. Савченко. Новосибирск : СибАГС, 2024. EDN: XFNHMM.
4. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э.В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. DOI: 10.35427/ 2073-4522-2019-14-3-talapina.
5. Умнова-Конюхова И.А. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации актуальные проблемы теории и практики : учебное пособие / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2023. EDN: VPCKQG.

Биоэтический конституционализм и принцип уязвимости в современном праве и биоюриспруденции: в поисках отечественной идентичности¹

Биоэтика как междисциплинарная область знаний: расширение предметной сферы на пути к гуманитарной биобезопасности

Обращение к проблематике влияния биоэтических принципов на современное право, доктрину юриспруденции, отраслевое регулирование, права человека и биомедицину в XXI в. становится одним из господствующих трендов. С одной стороны, достижения наук о жизни, прорыв в век генетической информации открывают значительные новые перспективы для развития, упрочения и совершенствования человеческих возможностей и способностей, в том числе в сфере человеческой репродукции.

С другой стороны, ученые задаются вопросом, насколько биодостижения и биотехнологии могут угрожать природе человека, оказывать трансформирующее влияние на его способность оставаться человеком в предстоящем тысячелетии.

Исследования в области биоправа и биоэтики породили различные концепции взаимодействия биоэтики и биоправа, конституционализма и биомедицины, прав человека и биомедицины. Обогащая идеи биологического конституционализма этико-нормативными и правовыми воззрениями в XXI в., можно говорить о появлении биоэтического конституционализма. Такие концепты, как биоэтический конституционализм наряду с биоэтическим пониманием права и прав человека становятся новым трендом в современном гуманитарном мировоззрении².

Биоэтические дискуссии, начатые в 1960-х годах, не только расширили, но и постепенно изменили вектор понимания предметной сферы этических проблем в здравоохранении, биомедицинских науках и гуманитарной биобезопасности. С 1960-х годов этические проблемы в здравоохранении и био-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00338. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00338/> («Антропологический биоконституционализм и достижение биоэтического благополучия в системе обеспечения гуманитарной биобезопасности: человеческое достоинство и новые права человека в правовой онтологии и биосоциальной репродукции»).

² Кравец И.А. Биоэтический конституционализм как новый вектор развития правового и экзистенциального мировоззрения в эпоху генетической информации и биоюриспруденции прав человека // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21. № 3. С. 27–44. DOI: 10.25205/2542-0410-2025-21-3-27-44.

медицинских науках захватили общественное сознание беспрецедентным образом³. Отчасти это является результатом новых и порой революционных достижений в биомедицинских науках и клинической медицине. Аппараты для диализа, аппараты искусственной вентиляции легких и трансплантация органов открывают возможность сохранения жизни пациентов, которые в противном случае умерли бы. Экстракорпоральное оплодотворение и связанные с ним репродуктивные технологии открывают новые возможности для отношений между родителями и детьми, включая рождение детей, не являющихся генетическими родственниками женщин, которые их вынашивают. Развитие современных контрацептивов, пренатального тестирования и доступность безопасных аборт (можно ли сегодня в РФ такое говорить?) предоставили женщинам и парам больше возможностей выбора в отношении количества и типа будущих детей. Прорывные разработки в генетике и возможность генетического улучшения добавляют к этому выбору новое измерение.

Другим фактором стала растущая обеспокоенность властью врачей и ученых, которая проявляется в вопросах, касающихся «прав пациентов» и прав общества в целом участвовать в принятии решений, затрагивающих их интересы⁴.

Расширилось представление и о самой биоэтике. Ван Ренсселер Поттер первым предложил понимать биоэтику как науку о выживании в экологическом смысле; это междисциплинарное исследование, направленное на обеспечение сохранения биосферы⁵. Однако этот термин так и не получил широкого распространения и вместо этого термин «биоэтика» стал использоваться для обозначения растущего интереса к этическим проблемам, возникающим в здравоохранении и биомедицинских науках.

Тем не менее необходимо признать *актуальным возрождение интереса к первоначальному («поттеровскому») пониманию биоэтики* в связи с более широким значением новых технологий, которые уже не ограничиваются влиянием на здравоохранение и биомедицину, хотя по-прежнему сохраняют доминирующее влияние на отмеченные сферы.

В.Р. Поттер писал в 1970 г., что человечество остро нуждается в новой мудрости, которая обеспечит «знание того, как использовать знания» для выживания и повышения качества жизни. *Такую концепцию мудрости, как руководства к действию, он предлагал называть «наукой выживания».* Она включает знания того, как использовать знания на благо общества, и является, безусловно, «необходимым условием повышения качества жизни».

³ Kuhse H, Singer P. What Is Bioethics? A Historical Introduction // A companion to bioethics / edited by Helga Kuhse and Peter Singer. 2nd ed. Chichester : Wiley-Blackwell, 2009. P. 3.

⁴ Kuhse H, Singer P. Ibid. P. 3, 4.

⁵ Potter V.R. Bioethics, the Science of Survival // Perspectives in Biology and Medicine. 1970. Vol. 14 (1). P. 127–153. DOI: 10.1353/pbm.1970.0015.

Современная интерпретация *поттеровского подхода*, несомненно, нуждается в расширенном понимании биосферной безопасности и гуманитарного развития. Дискуссия обнаруживает *несколько векторов* развития биоэтических принципов и их влияние на биюриспруденцию, биоправо и биомедицину.

Первый вектор ориентируется на ценность человеческой природы и человеческой жизни, который характеризуется как *гуманитарный биоцентризм*.

Второй вектор обосновывает *обеспокоенность перспективами трансформации человеческой природы под влиянием новых бионейротехнологий*, выявляет риски для развития и улучшения человеческого потенциала, который в условиях формирования идей трансгуманизма и их применения в сфере новых технологий испытывает различные виды угроз.

Третий вектор развивает *концепцию гуманитарной биобезопасности*, которая призвана умерить и сделать контролируемым применение различных бионейротехнологий, обеспечить государственно-правовое вмешательство в процесс широкой коммерциализации института биотехнологий в интересах растущего рынка бионейроуслуг.

Четвертый вектор показывает важность *развития технологий расширенного человеческого воспроизводства*, сохранности генома человека, поддержки со стороны государства, исследователей и высокотехнологичной биомедицины современных решений, содействующих *сохранению гуманитарного биоразнообразия и жизнеобеспечивающего поддержания человеческих зародышей за пределами материнской утробы*.

Пятый вектор уверенно развивается в *границах межпоколенческого взаимодействия человечества и окружающей среды*.

Гуманитарный биоцентризм часто рассматривается как важный для XXI в. жизнеориентированный подход. В некоторых исследованиях он называется «жизненным центризмом». В биоэтике он завоевывает место доминирующего тренда, который формирует представление не о «спасательной шлюпке», а о *биоцентричной этике*, охватывающей своими воззрениями разноплановые формы взаимодействия человека в сфере жизнеобеспечения и репродукции⁶.

Биоцентричной этике и гуманитарному биоцентризму противостоит концепция постгуманизма (в качестве идеологического течения), которая пересматривает гуманистическую концепцию человека, а также антропоцентрическое видение природы и истории, характер отношений человечества с другими живыми существами и неживыми объектами⁷. Как отмечают ис-

⁶ Johnson L.E. A Life-Centered Approach to Bioethics: Biocentric Ethics. New York : Cambridge University Press, 2011. P. 1–11.

⁷ Медушевский А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 171–185.

следователи постгуманизма, эта концепция затрагивает вопросы *трансформации человека в нескольких областях*: 1) технологической (тело человека — объект для внедрения технических средств); 2) биологической (использование биотехнологий и генной инженерии); 3) этической (риск утраты человечности сверхчеловеческими существами или биороботами)⁸. *Гуманитарный биоцентризм* основывается на непререкаемой ценности человеческой жизни и поддержания биоразнообразия; совместно с биоэтикой и биоправом он выступает в качестве публично-правовых и этических средств поддержания гуманитарной биобезопасности.

Культ биоэтики и биоправа и интерпретация принципа уязвимости в современном праве и биюриспруденции

Биоправо претендует на роль новой отрасли права, которая имеет и внутригосударственное и международное измерение. По мнению ряда исследователей, значение биоправа «как отрасли права нового поколения состоит в обслуживании новой функции государства — биологической функции»⁹. Принципов биоэтики для этих целей, очевидно, недостаточно, а биоправо позволяет государству осуществлять более внятную и юридически значимую защиту, беря на себя функцию первенства и приоритета благодаря государственно-правовым (государственно-властным) и юридическим возможностям. При этом *биоправо работает в сложном комплексе этических, правовых регуляторов и инструментальных возможностей*. Как пишут И.А. Умнова-Конюхова и И.А. Алешкова, биологическая функция государства, реализуемая через биоправо, осуществляет биозащиту человека «с помощью установления медицинских, биологических, социальных и иных правовых и одновременно нравственно-этических возможностей и границ удовлетворения потребностей человека в использовании достижений биотехнологии»¹⁰.

Исследования в области науки и технологий: с одной стороны, научные биоэтические штудии и развитие биомедицины, с другой стороны, позволяют говорить о *8 ключевых культах (6+2 — действующих, формируемых и прогнозируемых)*, которые определяют содержание, сущностные позиции и стратегии развития *биоэтического права и биоэтических прав человека*.

1. *Культ биоэтического достоинства*¹¹. Человеческое достоинство благодаря актам ЮНЕСКО приобретает важное значение во взаимосвязи с био-

⁸ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 142–158.

⁹ Умнова-Конюхова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 99. DOI: 10.17223/22253513/41/9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кравец И.А. Биоэтическое достоинство в юриспруденции прав человека и в системе биоправа: теоретические и международно-правовые аспекты // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т. 34. № 3 (164). С. 50–75. DOI: 10.21128/1812-7126-2025-3-50-75;

правами и принципами биоэтики. Достижения в области биомедицины и новые технологии требуют порой прямого обращения к основополагающему принципу человеческого достоинства. Такое обращение подчеркивает «первостепенную важность рассматриваемых вопросов». Специалисты по международному биоправу полагают, что документы по биоэтике, принятые ЮНЕСКО с 1990-х годов, «делают гораздо больший акцент на понятии достоинства, чем традиционные документы по правам человека, и даже придают этому понятию более широкое значение»¹².

2. *Культ ценности жизни*. Распространяется на различные жизненные циклы человека, а также на поддержание и гарантирования биоразнообразия на земле, разработку мер, направленных на обеспечение гуманитарной и иной биобезопасности.

3. *Культ человеческой репродукции*. Репродуктивные возможности человеческого вида на земле значительно улучшились благодаря достижениям биомедицины и биотехнологий.

4. *Культ сохранности человеческого генома и использование генетических и протеомных данных человека без дискриминации и стигматизации*.

5. *Культ международных и государственно-правовых гарантий человеческого процветания и реализации биосоциальных и биоэтических возможностей человека*.

6. *Культ гуманитарной биобезопасности и создание благоприятных условий для взаимодействия человека и окружающей среды*.

7. *Культ достоинства будущих поколений в связи с развитием генетической инженерии*. Генетическая инженерия человека может рассматриваться как изначально проблематичная, поскольку она ставит под угрозу основные черты человеческого существования и общее понимание того, что значит быть человеком. Следовательно, на карту поставлено достоинство будущих поколений.

8. *Появление восьмого культа достоинства живых существ* только намечается; концепт достоинства живых существ уже имеет юридическое признание на конституционном и законодательном уровнях в некоторых странах, существует доктринальное обоснование и предложения более широкого юридического закрепления *достоинства животных, достоинства нечеловеческих существ* и др. Достоинство благодаря актам ЮНЕСКО и широкой дискуссии в области биоэтики и биомедицины признается не только *правовой*, но и *биоэтической категорией*. Однако доминирующий взгляд по-преж-

Крылатова И.Ю. Отдельные биоэтические аспекты достоинства личности в геномике // Lex russica. 2023. Т. 76. № 6. С. 110–120.

¹² Andorno R. Human Dignity, Life Sciences Technologies and the Renewed Imperative to Preserve Human Freedom / M. Ienca, O. Pollicino, L. Liguori, E. Stefanini, R. Andorno, eds. // The Cambridge Handbook of Information Technology, Life Sciences and Human Rights. Cambridge Law Handbooks. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 280–281.

нему заключается в том, что *достоинство принадлежит только человечеству*. Обоснование отсылает нас к способности иметь моральные обязательства или «действовать из чистого долга». «Мораль есть закон, — пишет Жак Фьеренс, — и именно поэтому мысль Канта имеет правовую природу»¹³. Способность конституировать себя как моральное существо и признавать других в качестве способных к моральному выбору является *самой важной и искомой основой человеческого достоинства*. Однако возникновение культа достоинства живых существ *расширяет представления о биоэтическом достоинстве*, которое может существовать необязательно только у человека и человечества, так как в *таком понимании достоинства заключен экзистенциальный смысл и ценность жизни и разнообразия живых существ на планете*.

Устоявшееся использование таких понятий, как биоправо человека, соматические права, репродуктивные права, долгое время считалось важным компонентом проникновения доктрины и юриспруденции прав человека в сферу биомедицины и биоэтики. Обременения таких прав человека происходили не только из государственно-правовых ограничений и международно-правовых регуляторов (в той степени, в какой за ними признавался характер международных норм мягкого права), но и из принципов биоэтики и медицинских регуляторов, статус которых мог отличаться в различных странах.

Биологические права и биоэтические права — взаимосвязанные правовые и этические категории, которыми пронизаны современные нормы международного мягкого биоправа и национальных государственно-правовых актов, которые регулируют и защищают репродуктивные интересы человека и репродуктивные возможности семьи. Но в действующих нормативных правовых актах международного и внутригосударственного уровня, как правило, названные категории не разграничиваются.

В XXI столетии *принцип человеческой уязвимости и личной неприкосновенности* стал закрепляться в международном биоправе, приобретая характер *принципа глобальной биоэтики*. Универсальность данного принципа сочетается с возможностью учета различных религиозных точек зрения на природу и социальное проявление уязвимости.

Джозеф Там (научный сотрудник кафедры ЮНЕСКО по биоэтике и правам человека) обращает внимание на шесть мировых религий: буддизм, христианство, конфуцианство, индуизм, ислам и иудаизм, которые имеют отличное (различное) понимание культурной и религиозной специфики уязвимости¹⁴, хотя в Декларации ЮНЕСКО по биоэтике и правам человека 2005 г. данный

¹³ Fierens J. La dignité humaine comme concept juridique // Journal des Tribunaux. 2002. № 6064. P. 578.

¹⁴ Tham J. Introduction: The Principle of Vulnerability: Meeting Ground of Six Religions / J. Tham, A. Garcia, G. Miranda (eds.) // Religious Perspectives on Human Vulnerability in Bioethics. Springer, 2014. P. 1–7. DOI: 10.1007/978-94-017-8736-9_1.

вопрос не нашел отражения. Тем не менее различные страны, в отличие от ЮНЕСКО и ООН, обладая собственной конфигурацией конфессиональных систем, не могут игнорировать в доктрине, этике, медицине и праве специфику религиозного взгляда на человеческую уязвимость и человеческое достоинство. Очевидно, что и *Российская Федерация нуждается в национальном прочтении принципа уязвимости* с учетом культурного и конфессионального многообразия населения.

Что же такое уязвимость с позиций международного мягкого биоправа?

Статья 8 Декларации ЮНЕСКО по биоэтике и правам человека 2005 г. гласит: «В процессе применения и развития научных знаний, медицинской практики и связанных с ними технологий следует учитывать уязвимость человека. Следует обеспечивать защиту особо уязвимых лиц и групп и уважать их личную неприкосновенность»¹⁵.

В связи с поздним появлением *понятия уязвимости* в глобальной биоэтике и в международном мягком биоправе (по сравнению с другими принципами и понятиями) в нем преобладает «язык справедливости, автономии, благодеяния, достоинства, прав человека и добродетелей»¹⁶. Однако постепенно, особенно в ходе и после пандемии Covid-19, принцип уязвимости повлиял на понимание принципа солидарности, который в условиях формирования *коллективной безопасности стал теснить принцип автономии*.

Представляется важным, развивая отечественный стандарт регулирования и интерпретации принципа уязвимости, связывать его с принципом солидарности и закреплять в законодательстве о здравоохранении.

Кравец И.А.,

заведующий кафедрой конституционного и муниципального права,
главный научный сотрудник Института философии и права
Новосибирского государственного университета (НГУ),
доктор юридических наук, профессор
(г. Новосибирск)

Литература:

1. Кравец И.А. Биоэтический конституционализм как новый вектор развития правового и экзистенциального мировоззрения в эпоху генетической информации и биоюриспруденции прав человека / И.А. Кравец // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21. № 3. DOI: 10.25205/2542-0410-2025-21-3-27-44.

¹⁵ Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁶ Tham J. Introduction: The Principle of Vulnerability: Meeting Ground of Six Religions / J. Tham, A. Garcia, G. Miranda (eds.) // *Religious Perspectives on Human Vulnerability in Bioethics*. Springer, 2014. P. 1. DOI: 10.1007/978-94-017-8736-9_1.

2. Кравец И.А. Биоэтическое достоинство в юриспруденции прав человека и в системе биоправа: теоретические и международно-правовые аспекты / И.А. Кравец // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т. 34, № 3 (164). DOI: 10.21128/1812-7126-2025-3-50-75.
3. Крылатова И.Ю. Отдельные биоэтические аспекты достоинства личности в геномике / И.Ю. Крылатова // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 6.
4. Медушевский А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) / А.Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3.
5. Медушевский А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть II) / А.Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 4.
6. Умнова-Конюхова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения / И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. DOI: 10.17223/22253513/41/9.

References:

1. A companion to bioethics / eds. by H. Kuhse, P. Singer. 2nd ed. Chichester : Wiley-Blackwell, 2009.
2. Andorno, R. Human Dignity, Life Sciences Technologies and the Renewed Imperative to Preserve Human Freedom / R. Andorno // The Cambridge Handbook of Information Technology, Life Sciences and Human Rights / eds. by M. Ienca, O. Pollicino, L. Liguori [et al.]. Cambridge Law Handbooks. Cambridge University Press, 2022.
3. Fierens, J. La dignité humaine comme concept juridique // Journal des Tribunaux, 2002, 21 septembre, no. 6064, pp. 577–582.
4. Johnson, L.E. A Life-Centered Approach to Bioethics: Biocentric Ethics / L.E. Johnson. New York : Cambridge University Press, 2011.
5. Kuhse, H. What Is Bioethics? A Historical Introduction / H. Kuhse, P. Singer // A companion to bioethics / eds. by H. Kuhse, P. Singer. 2nd ed. Chichester : Wiley-Blackwell, 2009.
6. Potter, V.R. Bioethics, the Science of Survival / V.R. Potter // Perspectives in Biology and Medicine. 1970. Vol. 14. Iss. 1. DOI: 10.1353/pbm.1970.0015.
7. Tham, J. Introduction: The Principle of Vulnerability: Meeting Ground of Six Religions / J. Tham // Religious Perspectives on Human Vulnerability in Bioethics / eds. by J. Tham, A.G. Gómez, G. Miranda. Springer, 2014. DOI: 10.1007/978-94-017-8736-9_1.

«Историческая конституция» как модель легитимации и развития конституционного строя

Конституционная реформа 2020 г. дала толчок для системного обновления российской государственности, форм гражданского активизма, социально-политических институций, научно-образовательного и просветительского пространства. Социал-консервативный дискурс, ставший лейтмотивом общественно-политической жизни еще с середины 2010-х годов¹, приобрел доктринальное конституционное значение. Нормативно были закреплены такие знаковые новеллы, как образ «государства, объединенного тысячелетней историей», императив уважения памяти защитников Отечества и «защиты исторической правды», установка на «сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» и безусловное признание «исторически сложившегося государственного единства», статус русского языка как языка «государствообразующего народа», конституционная правосубъектность соотечественников, проживающих за рубежом, и соотнесение ее с «общероссийской культурной идентичностью».

Значимость социал-консервативной стратегии обновления российского общества и государства существенно возросла в 2022–2025 гг. Решение задач по защите национального суверенитета и безопасности, реинтеграция в состав России «исторических территорий», столкновение с комплексом проблем и противоречий существующего миропорядка вызвали необходимость осмысления цивилизационной специфики российского народа, активизировали социально-нравственную рефлексию по поводу его исторического прошлого и будущего. Важнейшее значение имело утверждение Указами Президента РФ Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, государственной культурной и языковой политики, государственной политики в области исторического просвещения. Сочетание стратагем и образов, отраженных в этих документах, сформировало совершенно особое представление о российском обществе и государстве. Россия представлена в них как «великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую куль-

¹ Пономарев М.В. Доктринальное развитие конституционного права в условиях «социал-консервативной волны» начала XXI века // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского (23 апреля 2020 г.). М. : Саратовский источник, 2020. С. 208–209.

турно-историческую общность»², «страна, объединенная русским народом, русским языком и русской культурой», эпицентр «единой культурно-цивилизационной общности Русского мира»³. В качестве основы общероссийской гражданской идентичности позиционируются традиционные духовно-нравственные ценности («нравственные ориентиры, передаваемые от поколения к поколению»), а актуальные задачи общественного развития рассматриваются в контексте многовекового исторического пути России, определившего ее культурное своеобразие и цивилизационную самобытность⁴.

Все эти идеологемы нашли яркое отражение в общественно-политической жизни последних лет, дали толчок для разнообразных научных, образовательных и просветительских инициатив, превратились в рефрен общегосударственного диалога. В полной мере они характеризуют и современное развитие конституционной доктрины Российской Федерации, в первую очередь ее аксиологического ядра. Однако проекция социал-консервативных идей на систему конституционного права может подразумевать и более масштабное переосмысление конституционной «архитектуры». Идет ли речь о доктринальных принципах, формирующих актуальную «конституционную идеологию», или конституция «государства-цивилизации» по своей социальной и правовой природе является «исторической», т.е. глубоко интегрирована в историческое пространство, объединяющее прошлое, настоящее и будущее нации?

Само по себе внимание к истории конституционализма является устойчивой и весьма востребованной исследовательской парадигмой. Но в ее рамках категория «историчность», как правило, используется лишь для характеристики условий формирования и динамики развития конституционных систем, т.е. сопряжена с методологией ретроспективного историко-правового анализа. От такого «историоцистского» (по терминологии Марка Хикфорда) подхода можно отличать собственно «исторический» взгляд на конституцию, когда «история позволяет мысленно экспериментировать над политическим конституционализмом, ... рассматривать политическую конституцию как жизненно важный компонент [национального бытия], проявление самосознания конституционно интерпретирующих себя сообществ»⁵.

² Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84653.html> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 10.11.2025); Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ Hickford M. Historicity and the Political Constitution // King's Law Journal. 2019. V. 30-1. P. 99–100.

С этой точки зрения понятие «*историческая конституция*» отражает не ретроспективу опыта конституционно-правового регулирования, а собственно «конституцию» («сложение») нации как историко-культурного по своей природе сообщества. В «исторической конституции» проявляется *органический союз поколений* («союз всех умерших, ныне живущих и еще не родившихся»⁶) и определяющий содержание такого союза «цивилизационный гештальт» — вневременная целостность национальной исторической памяти, нравственного кредо, языковой культуры, менталитета, архетипов мировосприятия.

На первый взгляд, понятый таким образом концепт «историческая конституция» носит, скорее, философский характер и отражает специфику социального консерватизма как идейно-политического дискурса. Однако мировая практика показывает и возможность правовой институционализации «исторической конституции» вплоть до прямого ее включения в нормативное пространство. Рассмотрим в качестве примеров английскую, американскую, французскую и венгерскую модели решения этой проблемы.

Английская модель «исторической конституции» является наиболее показательной и одновременно совершенно эксклюзивной. Ее специфика связана с отсутствием в Соединенном Королевстве писаной кодифицированной конституции и включением в состав материальной конституции широкого комплекса источников права — законодательных актов (статуты), судебных прецедентов, обычаев, доктринальных источников. Что особенно характерно, не существует каких-либо формально-юридических оснований признания тех или иных норм «конституционными». Отсутствует и практика кодификации «конституционно значимых» норм и источников права, а их особая юридическая сила устанавливается лишь в порядке толкования. В итоге в Великобритании сложилась уникальная практика конституционного развития, когда «конкретизация законодательных, правовых и институциональных деталей предваряется национальным и патриотическим измерением конституции»⁷.

Понятие «статуты, имеющих приоритетное конституционное значение», появилось в Великобритании лишь после Второй мировой войны. До 1970-х годов предпринимались попытки внедрения особой процедуры разработки таких статутов, но этот порядок не закрепился. Поэтому конституционная значимость того или иного конкретного статута определяется либо Палатой общин при обсуждении законодательных инициатив, либо в ходе судебного правоприменения (когда, например, при возникновении коллизии между двумя статутами большей юридической силой должна обладать норма, принятая позднее, но это правило может быть преодолено при установлении конституционной значимости более ранней по сроку принятия нормы). Таким образом, конституционный статус статутов является результатом расширительного толкования, а критерием такого толкования служат фундамен-

⁶ Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962. М.: Прогресс, 2000. С. 22.

⁷ The Cambridge Constitutional History of the United Kingdom / Ed. by P. Cane, H. Kumarasingham. Cambridge University Press & Assessment, 2023. Vol. 2. P. 5.

тальные принципы английского права (правовая традиция, которая и является «исторической конституцией»). Это объясняет и роль такого уникального института английского конституционализма, как «исторические статуты». В их состав входят законодательные акты, уже не имеющие юридической силы, но выполняющие доктринальную функцию при их расширительном толковании (от «Великой хартии вольностей» 1215 г. до «Акта о соединении с Шотландией» 1707 г.). Характерно, что и состав «исторических статутов», и содержательные акценты их интерпретации также являются предметом толкования и юридически не фиксируются.

В составе английского прецедентного права выделяются «конституционно значимые» судебные решения, но их состав не регламентирован, а принадлежность к источникам конституционного права определяется направленностью на регулирование тех правоотношений, с которыми связаны «конституционно значимые» статуты. Важнее то обстоятельство, что в составе любого судебного вердикта, становящегося прецедентом, выделяется «попутно сказанное» (*obiter dictum*) — система аргументов («судебное мнение»), с помощью которых судья показывает взаимосвязь своего решения с базовыми принципами английского права, а не обстоятельствами конкретного дела⁸. «Попутно сказанное» становится «убеждающей», а не обязательной частью судебного вердикта, но именно эта система аргументов и обуславливает юридическую силу прецедента как «типового», а не казуистического решения. Тем самым ведущая роль английского прецедентного права определяется не его регулятивными функциями, а тесной взаимосвязью с исторически сложившимися морально-правовыми императивами, т.е. «исторической конституцией». Схожую природу имеют и английские «конституционные обычаи» («конституционные соглашения»). Термин «конституционные соглашения» появился в конце XIX в. для обозначения правоотношений в области государственного устройства, не санкционированных законом, но имеющих постоянный и доктринально значимый характер. При этом под конституционными соглашениями понимаются не столько те или иные конкретные «неписанные правила», сколько сами исторически сложившиеся принципы правоотношений в сфере государственного управления — «конституционная мораль» (А. Дэйси), «неписанные максимы конституции» (Дж. С. Милль), «конституционные конвенции» (Ф. Мейтленд).

Таким образом, английская «историческая конституция» представляет собой устойчивый комплекс принципов и моделей доктринального правотолкования, не подразумевающих прямое юридическое воздействие, но глубокого инкорпорированных в систему правотворчества и правоприменения. Состав корпуса источников, составляющих «историческую конституцию», и содержательная направленность их толкования связаны с многовековой традицией развития английского права, его глубинными моральными императивами и культурой правопонимания, а не актуальной политико-

⁸ Кросс Р. Прецедент в английском праве. М. : Юридическая литература, 1985. С. 57.

правовой «повесткой» или формально-юридическим установками: «Если англичанин говорит, что поступает “согласно” или “не согласно” с конституцией, то для него слова эти означают совершенно иное, чем слова “законно” или “незаконно”»⁹. Показательным примером является еще один уникальный источник английского права — «авторитетные книги» (books of authority), т.е. классические труды английских правоведов, получившие неофициальную квалификацию доктринальных источников (что позволяет использовать их при аргументации судебных прецедентов). Самым поздним по созданию таким источником считаются лекции «Введение в изучение конституционного права» профессора Оксфордского университета А.В. Дайси, впервые опубликованные в 1886 г. В XX в. ни одного признанного «авторитетного автора» не появилось, и это особенно показательно подчеркивает значимость «исторической конституции» как фундаментальной основы английского конституционализма.

Американскую и французскую модели объединяет общая черта — функцию «исторической конституции» в определенном смысле выполняет сама действующая Конституция. Следует учесть, что основная часть и американской, и французской конституций включает нормы, преимущественно направленные на регулирование основ государственного строя и в самой минимальной степени связанные с институтом прав человека и гражданина, а также теми правоотношениями, которые отражают «социальную организацию» общества и его морально-нравственные императивы. Именно эту «нишу» и занимает «историческая конституция», хотя характер ее нормативной институционализации совершенно отличается в этих двух случаях.

Американская модель институционализации «исторической конституции» связана прежде всего со спецификой порядка изменения Конституции 1787 г. Нормативные новеллы закрепляются в ней в форме поправок, не меняющих основной текст (причем за всю историю США было принято лишь 27 таких поправок). В итоге первоначальная версия Конституции, включающая и уже не действующие положения, сохраняется как единый «завершенный» комплекс и именно в этом качестве рассматривается как источник доктринального характера. Однако в основном («историческом») тексте Конституции практически отсутствуют нормы, направленные на регулирование каких-либо общественных отношений, помимо властных. Более того, Верховный Суд США отверг попытки рассматривать в качестве норм прямого действия положения Преамбулы, указывающие на цели принятия Конституции американским народом (защита «блага свободы» в настоящем и в будущем, обеспечение «внутреннего спокойствия» и «всеобщего благосостояния», «установление справедливости» и др.), сочтя, что толкование Конституции должно опираться на ее нормативный комплекс, а не положения «общего характера»: «Хотя дух Конституции следует уважать не меньше, чем ее букву,

⁹ Дайси А.В. Основы государственного права Англии. М. : Изд-во Сытина, 1907. С. 419.

дух следует черпать главным образом из ее слов»¹⁰. В итоге образуется уникальная в истории конституционализма ситуация — о специфике «исторической конституции» американского общества говорят не нормы Основного закона, а их отсутствие. Этот метод «конституционного умолчания», использованный «отцами-основателями» США, направлен на формирование общественной организации с ключевой ролью естественно-правовых отношений (понятых в духе локковской традиции), состязательного образа жизни, договорного типа социальных связей. И как отмечал Фридрих фон Хайек, эта «неписанная часть американской конституции оказалась более поучительной, чем ее текст — во всяком случае, лежащие в ее основе общие принципы важнее, чем те или иные конкретные нормы»¹¹.

Практическая институционализация «исторической конституции», т.е. фундаментальных основ американского «образа жизни», происходит благодаря деятельности Верховного Суда. Концептуально об этом было заявлено в решении Верховного суда по делу «*Olmstead v. US*» (1928): «Создатели нашей Конституции взяли на себя обязательство обеспечить условия, благоприятствующие достижению счастья... Они предоставили право быть оставленным в покое — самое всеобъемлющее из прав и право, наиболее ценное цивилизованными людьми»¹². При этом в практике американского конституционного правосудия прослеживается как установка на расширительное толкование «духа» Конституции в русле естественно-правовых императивов, так и буквальное следование ее «букве». Эта двойственность привела к формированию соперничающих правовых школ — ориджиналистов, считающих необходимым опираться при конституционном толковании только на «первичные источники», т.е. собственно нормы Конституции, и нонориджиналистов, доказывающих доктринальный приоритет естественного права¹³. Но, несмотря на столь весьма жесткую полемику, обе стороны в равной степени указывают на принципиальную важность правовой традиции, источником и основой которой является «историческая конституция». В этом плане можно признать, что Конституция «образца 1787 г.» «является чем-то большим, чем просто сводом существенных правил и принципов», и по своей сути представляет собой «незыблемый канон», утверждающий «веру в то, что божественный замысел правит обществом, равно как и совестью», признающий приоритет «разнообразия или любовь к растущему многообразию» в противовес «сужающемуся единообразию, эгалитаризму и утилитарным целям», отражающий «убеждение в том, что собственность

¹⁰ *Jacobson v. Massachusetts*, 197 U.S. 11 (1905). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/197/11/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹¹ Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. С. 252.

¹² *Olmstead v. United States*, 277 U.S. 438 (1928). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/277/438/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹³ Берлявский Л.Г. Оригиналистская и ноноригиналистская концепции конституционной интерпретации в США // Журнал российского права. 2013. Вып. 8 (200). С. 102.

и свобода неразрывно связаны»¹⁴. Поэтому вполне закономерно, что под влиянием «политики памяти», активно продвигаемой консервативным истеблишментом еще с первой президентской легислатуры Д. Трампа, прежнее «ритуализированное противостояние “консервативного ориджинализма” и “либерального живого конституционализма”» сменяется признанием фундаментальной роли «исторической конституции»¹⁵. Эту позицию емко выразила судья Верховного Суда Эми Барретт: «Я интерпретирую конституцию как закон, я интерпретирую ее как текст и понимаю, что этот текст имеет то значение, которое он имел в время ратификации. Это значение не меняется со временем. И не мне вносить в него свои собственные политические взгляды»¹⁶.

Французская модель институционализации «исторической конституции» отражает специфику романо-германского нормативизма, в том числе представление о Конституции как о четко очерченном нормативном комплексе, обеспечивающем целостность национальной правовой системы и иерархичность ее отраслевого пространства. Расширительное толкование норм Конституции при таком подходе крайне нежелательно, а их доктринальная роль явно уступает по значимости регулятивной функции. Важно также отметить, что в соответствии с традициями французского конституционализма признается приоритет публичного права по сравнению с частноправовой сферой, ядром публично-правых отношений считается государственное право, а основой самого государственного права выступает конституционное. Исходя из такой «архитектуры» национального правового пространства, Основной закон ориентирован на регулирование именно властных отношений, тогда как основы социальной, экономической, культурной организации общества являются объектом законодательного воздействия государства.

Столь ярко выраженный этатизм придает французскому конституционному пространству достаточную устойчивость, а демократический плюрализм и электоральный гражданский активизм обеспечивают необходимую гибкость и динамичность его развития. Однако при отсутствии объединяющего ценностного ядра такая модель оказывается подвержена рискам радикальной политизации вплоть до протестной конфронтации между гражданами и государством, а также непримиримого противостояния «Левой» и «Правой» Франции. Решению этой проблемы служит «исторический» компонент Конституции 1958 г.: в ее состав инкорпорированы текст «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. и Преамбула Конституции 1946 г. Причем в Преамбуле действующей Конституции прямо указано на доктри-

¹⁴ McClellan J. The Constitution from a Conservative Perspective // The Heritage Lectures. 1988. Vol. 157. P. 3, 5–6.

¹⁵ Kersch K.I. Conservatives and the Constitution: Imagining Constitutional Restoration in the Heyday of American Liberalism. Cambridge Academ, 2019. P. 3.

¹⁶ Amy Coney Barrett is a constitutional ‘originalist’ — but what does it mean? // The Guardian. 2020. October, 27. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/oct/26/amy-coney-barrett-originalist-but-what-does-it-mean> (дата обращения: 10.11.2025).

нальное значение этих двух документов, а решением Конституционного Совета Франции они приравнены по юридической силе к основной части действующей Конституции и признаны органической частью «конституционного блока»¹⁷. Особенно большое значение этот доктринальный компонент приобрел после реформы 2008 г., расширившей полномочия Конституционного Совета в области конституционного контроля и закрепившей «приоритетный вопрос конституционности» как основной критерий качества законодательной деятельности государства¹⁸.

Признание «исторических» документов 1789 г. и 1946 г. равноправной частью «конституционного блока» Пятой республики позволяет напрямую использовать их положения при осуществлении конституционного контроля, причем инициированного не только государственными органами, но и гражданами. Не менее важным является их роль в качестве аксиологического и идеологического ядра конституционной системы, которое все чаще называют французской «конституционной идентичностью» (характерно, что это понятие распространяется не только на идейно-политическое самоопределение граждан и базовые принципы общественных отношений, но и на французское законодательство, действия органов власти и саму стратегию французского государства¹⁹). Основу «конституционной идентичности» составляет дискурс республиканских ценностей, опирающийся на исторические идеалы свободы, мысли и гражданского активизма в противовес патриархальной консервативности и религиозному радикализму, указывающий на взаимосвязь между демократией и социальной ответственностью, патриотизмом и правами человека: «Стать французом — значит признать себя чем-то большим, чем просто личностью, преследующей собственные интересы. Это значит быть гражданином, вносящим вклад в общее благо, проявляющим ответственность перед своими согражданами и развивающим в себе истинно республиканскую добродетель — чувство долга и ценность прав. Республика — это не данность. Это завоевание. Республика — это наследие. Республика — это непрекращающееся начинание, постоянная борьба за обновление»²⁰.

Венгерская модель, на первый взгляд, показывает наименьший масштаб институционализации «исторической конституции» — речь идет буквально о нескольких доктринальных положениях в составе Основного закона 2011 г. Однако сама доктрина современного венгерского конституционализма опирается именно на идею «исторической конституции». Более того, норма-

¹⁷ Constitutional Council. Decision № 71-44 DC of 16 July 1971 // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/1971/7144DC.htm> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁸ Loi constitutionnelle № 2008-724 du 23 juillet 2008. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000019237256> (дата обращения: 10.11.25).

¹⁹ Conseil constitutionnel. Décision n° 2021-940 QPC du 15 octobre 2021. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044213116> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁰ Discours du Président de la République Emmanuel Macron «150 ans en République». 4 septembre 2020. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/09/04/150-ans-en-republique> (дата обращения: 10.11.2025).

тивно закреплено и само это понятие: «Мы чтим достижения исторической конституции и Святую Корону, в которых воплощается перманентность конституционной государственности Венгрии и единство нации»²¹. Положение о «перманентности конституционной государственности» указывает на вневременной характер «исторической конституции», в том числе ее действие и в те периоды, когда конституционный строй в Венгрии опирался на совершенно иные политико-правовые установки (в этом плане в Преамбуле Основного закона 2011 г. особо отмечается «тираническое правление» социалистического периода и «аномалия» «коммунистической конституции» 1949 г.). Положение о «единстве нации», воплощенном в «исторической конституции», позиционируется как «национальное кредо» и раскрывается через императивы национальной гордости и убеждений венгров прошлого, настоящего и будущего (гордость за защитников свободы и независимости и создателей выдающихся интеллектуальных достижений, убеждение в значимости достоинства, верности, веры, любви, труда как основы человеческого бытия, в основополагающей роли венгерского языка, христианства и других религиозных традиций, семьи, социальной солидарности и т.д.). Сам Основной закон 2011 г. позиционируется как «соглашение между венграми прошлого, настоящего и будущего», результат политического волеизъявления нации, приобретающий «живую структуру» именно как часть «исторической конституции». Причем участниками этого конституционного «соглашения» признаются и соотечественники, проживающие за рубежом Венгрии.

Практическая реализация идеи венгерской «исторической конституции» связана, прежде всего, с системой конституционного правосудия. В Основном законе 2011 г. содержится прямая установка на соответствующую роль доктринальных положений: «Статьи Основного Закона следует толковать соответственно их цели, согласно содержащемуся в нем Национальному кредо и достижениям нашей исторической конституции»²². Эту позицию в 2012 г. подтвердил Конституционный суд Венгрии, уточнив, однако, что «положения Основного закона следует толковать не в соответствии с самой исторической конституцией, а в соответствии с ее достижениями»²³. Что можно считать «достижением», в каждом конкретном случае должен устанавливать сам Конституционный суд. Но при этом речь идет именно об «обязанности», а не «возможности» такого толкования, т.е. «достижения исторической конституции» рассматриваются как безусловное основание для принятия судебных решений. Аргументация таких решений осложняется отсутствием юридической точности относительно принципов и положений «исторической конституции», что на практике выражается в апелляции судей к

²¹ Hungary's Constitution of 2011. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Hungary_2016 (дата обращения: 10.11.2025).

²² Там же.

²³ AzAlkotmánybíróság 33/2012.(VII.17) ABhatározat URL: <https://njt.hu/jogszabaly/2012-33-30-75> (дата обращения: 10.11.2025).

«традиционному смыслу» тех или иных правоотношений, а также примерам правового регулирования «до 1949 г.»²⁴. Это отчасти придает действиям Конституционного суда характер правотворческой деятельности и вызывает, например, критику со стороны Венецианской комиссии Совета Европы, но соответствует общему тренду общественно-политической жизни современной Венгрии и социал-консервативному дискурсу традиционных ценностей.

Итак, рассмотренные выше модели «исторической конституции» обладают существенной институциональной спецификой, но едины в восприятии нации как культурно-исторического сообщества, обладающего цивилизационной самобытностью и ярко выраженным ценностным ядром — «национальным кредо», которое очерчивает конституционную идентичность и воплощает органический союз прошлых, нынешнего и будущих поколений. Тем самым речь идет не об «исторической родословной» существующего конституционного правопорядка, а его фундаментальных основаниях. И это придает важнейшее значение «исторической конституции» как инструменту легитимации конституционного строя, обеспечения его взаимосвязи со всей системой общественных институций. Одновременно «исторические конституции» являются и фактором современного развития конституционных систем. В особой степени обращает на себя внимание опыт расширительного толкования «национального кредо» в рамках конституционного правосудия и контроля. Доктринальные принципы и установки превращаются в «конституционную идеологию», оказывающую прямое влияние на процессы правотворчества и правоприменения. Сама «историческая конституция» выступает тем самым как основа для синтеза формально-юридических, аксиологических и политических аспектов конституционализма. Это сближает идею «исторической конституции» с концептом «живая конституция»²⁵. В качестве «живой» «историческая конституция» тесно связана не только с историческим опытом и правовой культурой нации, но и социально-нравственной рефлексией, общегражданским диалогом, мировоззренческим самоопределением общества в условиях «вызовов» и «рисков» современности.

Пономарев М.В.,

профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки

Московского педагогического государственного университета,

кандидат исторических наук, доцент

(г. Москва)

²⁴ Vörös I. A történeti alkotmány az Alkotmánybíróság gyakorlatában // Jogtudományi Közlöny. 2016. № 10. P. 493.

²⁵ Пономарев М.В. Аксиологический дискурс «живой Конституции» в контексте современного развития российского общества и государства // Конституционализация традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития государства : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия поправок в Конституцию Российской Федерации и 20-летию юридического факультета ВСГУТУ (Улан-Удэ, 27–29 июня 2025 г.). Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2025. С. 89–95.

Литература:

1. Берлявский Л.Г. Оригиналистская и ноноригиналистская концепции конституционной интерпретации в США / Л.Г. Берлявский // Журнал российского права. 2013. № 8 (200).
2. Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962 / Ш. де Голль. Москва : Прогресс, 2000.
3. Дайси А.В. Основы государственного права Англии / А.В. Дайси. Москва : Издательство Сытина, 1907.
4. Кросс Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс. Москва : Юридическая литература, 1985.
5. Пономарев М.В. Аксиологический дискурс «живой Конституции» в контексте современного развития российского общества и государства / М.В. Пономарев // Конституционализация традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития государства : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия поправок в Конституцию Российской Федерации и 20-летию юридического факультета ВСГУТУ (г. Улан-Удэ, 27–29 июня 2025 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: М.Э. Шодонова, О.В. Филиппова, Т.П. Баторова, Е.И. Попова ; ответственный редактор Е.А. Хлыстов ; научный редактор И.А. Шаралдаева. Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2025. С. 89–95.
6. Пономарев М.В. Доктринальное развитие конституционного права в условиях «социал-консервативной волны» начала XXI века / М.В. Пономарев // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского (г. Москва, 23 апреля 2020 г.) : сборник научных статей / редакторы: В.В. Строев, Д.А. Пашенцев, Н.М. Ладнушкина, А.Ю. Царев. Москва : Саратовский источник, 2020
7. Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы / Ф.А. фон Хайек. Москва : Новое издательство, 2018.

References:

1. Hickford, M. Historicity and the Political Constitution / M. Hickford // King's Law Journal. 2019. Vol. 30–1.
2. Kersch, K.I. Conservatives and the Constitution: Imagining Constitutional Restoration in the Heyday of American Liberalism / K.I. Kersch. Cambridge Academ, 2019.
3. McCarthy, T. Amy Coney Barrett is a constitutional «originalist» — but what does it mean? / T. McCarthy // The Guardian. 2020. 27 October.
4. McClellan, J. The Constitution from a Conservative Perspective / J. McClellan // The Heritage Lectures. Vol. 157. Washington, 1988.
5. The Cambridge Constitutional History of the United Kingdom / eds. by P. Cane, H. Kumarasingham. Cambridge University Press & Assessment, 2023. Vol. 2.
6. Vörös, I. A történeti alkotmány az Alkotmánybíróság gyakorlatában / I. Vörös // Jogtudományi Közlöny. 2016. Iss. 10.

Прием в гражданство (предоставление гражданства) Российской Федерации как институт отечественного права

Институт гражданства является одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке, политологии, социологии и философии. Это обусловлено важностью гражданства и смежных с ним понятий в современном мире. Гражданство, безусловно, формирует основу для осмысления моральной ответственности индивида перед обществом. Гражданство нельзя отождествлять лишь с юридическим статусом, с совокупностью прав, обязанностей и гарантий — гражданство является отражением цивилизационных принципов справедливости и взаимной ответственности. С философской точки зрения гражданство связано с концепцией «социального договора», согласно которой индивид принимает определенные ограничения личной свободы ради общего блага.

Гражданство является ключевым институтом в структуре общества, определяя границы участия индивида в политической и социальной жизни. Институт гражданства обеспечивает легитимность власти посредством механизмов демократического участия в работе государственных институтов. Гражданство, кроме того, является механизмом социальной интеграции, способствующим формированию коллективной идентичности и солидарности между членами общества.

Важность и значение гражданства для государства и общества подчеркивается наличием особого законодательного сегмента, содержащего положения о приеме в гражданство. Принесение лицом присяги при приеме в гражданство подчеркивает «его назначение в качестве нравственного маркера поведения»¹. Как отмечают А.Н. Добров и Ю. Г. Алсаева, прием в гражданство, завершаемый церемонией присяги, выполняет функцию приобщения к культуре и ценностям российского государства². Р.Ю. Почекаев с соавтором выражают схожий тезис: сохранение обряда принесения присяги под флагом Российской Федерации весьма схоже с религиозным ритуалом, что подчеркивает важность данного события³.

¹ Добров А.Н., Алсаева Ю.Г. Институт гражданства РФ: значение присяги гражданина РФ в законодательном контексте // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 35.

² Добров А.Н., Алсаева Ю. Г. Указ. соч. С. 35.

³ Почекаев Р.Ю., Тарасов Н.В. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 602.

Тем не менее, как отмечает Е.В. Винчковский, в обществе наблюдаются тенденции десакрализации или даже деструкции значимости приема в гражданство. Концепция приема в гражданство активно трансформируется как в нашей стране, так и за рубежом, что обусловлено естественными процессами развития цивилизации, космополитизмом, глобализацией, активными политическими процессами в области миграционной политики и мультикультурализма. Так, к примеру, во многих странах существует практика «гражданства за инвестиции», т.е. покупки гражданства. Все это позволяет говорить о том, что гражданство утрачивает статус неотъемлемого, «врожденного» качества личности, символической и имманентной конструкции. Прием в гражданство, отмечает автор, переходит «из публичной, сакральной и эмоциональной сферы в область исключительно частную»⁴.

На современном этапе понятие гражданской идентичности уже не так тесно связано с иными типами идентичности — этнической, религиозной, политической, культурной. Опыт, накопленный в области миграции множеством стран, демонстрирует, что прием в гражданство далеко не всегда приводит к интеграции. Интеграция в социально-культурное и политическое пространство страны при стандартной процедуре натурализации все реже входит в перечень приоритетных целей мигрантов. По мнению Е.В. Винчковского, лица приезжают в страну-реципиент прежде всего «с намерением найти высокооплачиваемую работу, накопить сбережения, жить в более комфортных условиях», т.е. экономические цели доминируют над социокультурными и идеологическими⁵. Все это актуализирует вопрос о том, насколько стабильным будет общество, в котором отсутствует прочный консенсус относительно базовой аксиологии, а гражданская идентичность уступает место исключительно утилитарным интересам.

Подобная ситуация несет в себе риски фрагментации социума, ослабления механизмов социальной солидарности и формирования такого общества, в котором сосуществуют группы, не вовлеченные в культурные и политические практики принимающей страны. В философско-политическом контексте данные обстоятельства генерируют вопрос об устойчивости и релевантности самой концепции приема в гражданство, предполагающей не только правовые и финансовые, но и ценностные основания принадлежности к государству.

Гражданство, пишет М.В. Мархейм, представляет собой юридическое оформление состава населения государства — его общества. В данной связи в законодательном массиве любой страны имеются, во-первых, конституционные нормы, касающиеся гражданства, и во-вторых, отдельные законы о гражданстве, положения которых устанавливают его понятие и принципы,

⁴ Винчковский Е.В. Десакрализация гражданства // Философская мысль. 2019. № 11. С. 45.

⁵ Винчковский Е.В. Указ. соч. С. 49.

условия и способы приобретения и прекращения. Законодательство о приеме в гражданство, как правило, не статично и постоянно трансформируется под влиянием стратегий государственного строительства, различных внутренних и внешних факторов. М.В. Мархейм говорит о том, что гражданство является своеобразным индикатором, «улавливающим оттенки политики государства, ее крен в сторону открытости/закрытости»⁶.

Прием в гражданство (натурализация) М.В. Лелетова определяет как «процесс получения гражданства другой страны с соблюдением определенных правил, прописанных в законах выбранной страны, путем подачи заявления (или ходатайства) и на добровольных началах»⁷. О.Н. Шубочкин указывает, что институт приема в гражданство играет важную роль в обеспечении национальной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также реализации гуманитарных идеалов и ценностей⁸.

Вне зависимости от юрисдикции, наиболее распространенным способом приобретения гражданства выступает филиация — приобретение гражданства по рождению. Как показывает сопоставительный анализ законодательства разных стран, существуют два основных принципа приобретения гражданства по рождению: «по крови» (приобретение ребенком гражданства родителей вне зависимости от государства, где он появился на свет) и «по почве» (гражданство ребенка определяется территорией, на которой он родился). Отечественный законодатель, можно сказать, сочетает оба принципа, хотя в большинстве случаев ребенок приобретает российское гражданство, если на день рождения ребенка оба его родителя или единственный родитель имеют гражданство Российской Федерации.

Тогда как гражданство по рождению является вполне изученным сегментом юридической науки и практики, натурализация как способ приобретения гражданства является весьма противоречивой областью научных изысканий и законотворчества. Существует три степени сложности процедуры приема в гражданство: общий, льготный и упрощенный порядки.

В общем порядке прием в гражданство осуществляется по волеизъявлению иностранных граждан и апатридов, удовлетворяющих определенным требованиям (дееспособны и законопослушны; достигли возраста 18 лет; проживают в России в течение пяти лет со дня получения вида на жительство и до дня обращения с заявлениями о приеме в гражданство; обладают законным источником средств к существованию; отказались от имеющегося у них

⁶ Мархгейм М.В. Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2022. № 1. С. 99.

⁷ Лелетова М.В. Некоторые особенности натурализации в России: современное состояние, проблемы и пути решения // *Труды Академии управления МВД России*. 2024. № 4 (72). С. 91.

⁸ Шубочкин О.Н. Институт гражданства и вопросы обеспечения национальной безопасности // *Закон и право*. 2022. № 7. С. 74.

иногo гражданства; владеют русским языком; знают историю и основы законодательства Российской Федерации).

Льготный порядок приема в гражданство предполагает определенные изъятия из вышеописанных правил (к примеру, сокращение срока проживания до одного года). Лица, которые имеют особые заслуги перед Российской Федерацией или представляют для нее интерес, могут быть приняты в гражданство Российской Федерации без соблюдения указанных условий.

Упрощенный порядок приема в гражданство применяется в ситуации, когда хотя бы один из родителей заявителя:

1) является гражданином Российской Федерации и проживает на территории Российской Федерации;

2) имел гражданство СССР, проживал и проживает в государствах, входивших в состав СССР, но не получил гражданства этих государств и является апатридом.

Отечественный законодатель предусматривает, помимо прочего, процедуру ренатурализации — восстановления в гражданстве. Иностранные граждане и апатриды, бывшие в прошлом гражданами Российской Федерации, могут быть восстановлены в гражданстве путем подачи заявления и с соблюдением всех требований для вступающих в гражданство.

Помимо приобретения гражданства по рождению, в результате приема в гражданство, ренатурализации, получение гражданства может быть детерминировано опtaцией — международной договорной практикой, в рамках которой часть граждан получает право выбора гражданства одного из договаривающихся государств⁹.

Первая волна законотворчества в области приема в гражданство в нашей стране наблюдалась в начале 2000-х годов. «Ядром» законодательного массива в рассматриваемой нами области долгое время считался Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». В законе гражданство было определено как «устойчивая правовая связь лица с РФ, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей»¹⁰. Следует отметить, что Закон № 62-ФЗ достаточно подробно определил случаи, условия, механизмы и цели процедуры приема в гражданство. При этом представленный законодателем перечень способов приобретения гражданства не является закрытым, что позволяет предположить стремление к сохранению динамизма в регулировании данной области.

После принятия данного закона количество положительных решений по предоставлению гражданства существенно увеличилось. Как полагает

⁹ Кайбышева Д.Э. Основания и порядок приобретения гражданства Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3. С. 93.

¹⁰ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

О.С. Чудиновских, новые законодательные положения чрезмерно широко раскрыли «ворота» натурализации — с этого момента произошел возврат к ситуации массового приобретения гражданства в упрощенном порядке¹¹.

В последние годы вопросы миграции и натурализации, модернизации института приема в гражданство приобретают для Российской Федерации особую значимость по ряду социально-демографических, экономических и политико-культурных причин.

Во-первых, Россия сталкивается с долговременной тенденцией депопуляции. В подобных условиях миграция становится одним из ключевых источников восполнения человеческого капитала.

Во-вторых, натурализованные граждане вносят значительный вклад в развитие экономики страны, нейтрализуют риски кадрового дефицита.

В-третьих, в условиях геополитической нестабильности для России важна не только количественная, но и качественная сторона натурализации: обеспечение лояльности новых граждан, их включенности в политическое и правовое поле страны. Кроме того, государственная политика по упрощению процедур получения гражданства (например, для соотечественников за рубежом) выступает инструментом «мягкой силы» и укрепления международного влияния страны.

Возросшая значимость института приема в гражданство подтверждается, помимо прочего, активизацией законодательства. Так, 28 апреля 2023 г. был принят Федеральный закон № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»¹². Как отмечает М.В. Лелетова, модернизация законодательства в области приема в гражданство обусловлена, прежде всего, соображениями о пересмотре оснований для натурализации. Прием в гражданство, по мнению автора, является выражением «устойчивой правовой связи и морально-патриотического отношения соискателя титула российского гражданства к Российскому государству»¹³. Тот факт, что Федеральный закон № 138-ФЗ сохранил положения об упрощенном порядке приема в российское гражданство для выходцев из стран бывшего СССР, РСФСР, для лиц, имеющих близких родственников-граждан России, а также для лиц, имеющих иную правовую связь с Россией, позволяет предположить о либерализации законодательства о приеме в гражданство и активизации иммиграционных политик. Тем не менее законодатель также предусмотрел введение института прекращения российского гражданства¹⁴. Следовательно, можно сделать вывод

¹¹ Чудиновских О.С. О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. // Демографическое обозрение. 2014. № 3 (3). С. 82.

¹² Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

¹³ Лелетова М.В. Указ. соч. С. 90.

¹⁴ Лелетова М.В. Указ. соч. С. 93.

о поиске баланса между стимулированием притока лиц в России и стремлением к обеспечению безопасности российского общества.

Предыдущий закон — Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ — предусматривал лишь добровольный выход из гражданства за исключением случаев представления заявителем подложных документов или заведомо ложных сведений¹⁵.

Новый Федеральный закон № 138-ФЗ, в свою очередь, исключил положения об отмене решений о приеме в гражданство, но при этом расширил положения о прекращении гражданства. В частности, гражданство прекращается в ситуации обнаружения факта представления заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство; заведомо ложные сведения подразумевают также сокрытие сведений о совершении определенных видов преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности. Круг преступных деяний, совершение которых является условием прекращения российского гражданства, был существенно расширен.

Говоря о перспективах развития института приема в гражданство в России, можно предположить продолжение существующего стратегического вектора — расширение практик упрощенного приема в гражданство для отдельных категорий иностранных граждан и апатридов при одновременном ужесточении контроля за нелегальной миграцией.

Таким образом, автор приходит к следующим выводам:

— гражданство выступает не только юридической категорией, закрепляющей совокупность прав, обязанностей и гарантий, но и этико-политическим феноменом. Оно обеспечивает легитимность власти, выступает условием участия индивида в общественной и политической жизни, а также играет интегративную роль, формируя общую гражданскую идентичность нации;

— акт приема в гражданство имеет символическое значение, сопоставимое с ритуалом. Тем не менее в условиях глобализации и космополитизма гражданство постепенно утрачивает статус базового ценностного ориентира, уступая место прагматическим мотивам;

— институт приема в гражданство детально регламентирован в законодательстве. Он предусматривает различные процедуры — общий, льготный и упрощенный порядки, а также ренатурализацию;

— история института в России демонстрирует его динамичность. Ключевыми актами в данной области являются: Федеральный закон № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (2002 г.) и Федеральный закон № 138-ФЗ (2023 г.);

¹⁵ Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 111.

— основным стратегическим направлением остается упрощение процедур приема в гражданство для отдельных категорий иностранных граждан и апатридов. Одновременно прогнозируется ужесточение контроля за нелегальной миграцией.

Постнова М.В.,

аспирант кафедры организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Института «Аспирантура и докторантура»
(г. Москва)

Литература:

1. Винчковский Е.В. Десакрализация гражданства / Е.В. Винчковский // Философская мысль. 2019. № 11.
2. Добров А.Н. Институт гражданства РФ: значение присяги гражданина РФ в законодательном контексте / А.Н. Добров, Ю.Г. Алсаева // Аграрное и земельное право. 2025. № 5.
3. Кайбышева Д.Э. Основания и порядок приобретения гражданства Российской Федерации / Д.Э. Кайбышева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3.
4. Ковтун О.А. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года / О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4.
5. Лелетова М.В. Некоторые особенности натурализации в России: современное состояние, проблемы и пути решения / М.В. Лелетова // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72).
6. Мархгейм М.В. Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства / М.В. Мархгейм // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. № 1.
7. Почекаев Р.Ю. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации / Р.Ю. Почекаев, Н.В. Тарасов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 3.
8. Чудиновских О.С. О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. / О.С. Чудиновских // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 3.
9. Шубочкин О.Н. Институт гражданства и вопросы обеспечения национальной безопасности / О.Н. Шубочкин // Закон и право. 2022. № 7.

Право на прошение милостыни и проблемы его регулирования

Российская Федерация в Основном законе страны провозгласила себя социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7).

Безусловно, понятие достойной жизни является оценочным: в каждой стране оно может наполняться своим конкретным содержанием. Россия по форме государственного устройства является федерацией. Согласно Основному закону страны государство, с одной стороны, гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от различных обстоятельств, в том числе места жительства (ст. 19); с другой — закрепляет, что социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении РФ и ее субъектов РФ (ст. 74). Исходя из буквального толкования, можно прийти к выводу, что на федеральном уровне закреплено право регионов самостоятельно предусматривать меры социальной поддержки отдельных категорий граждан. Если объем предоставляемых социальных услуг в разных субъектах РФ будет различен, то такая ситуация не будет характеризоваться нарушением прав человека и не будет служить основанием для обращения в судебные и квазисудебные органы с целью восстановления нарушенных прав при условии выполнения ключевого требования — объем предоставляемых мер социальной помощи, во-первых, не может быть ниже установленного на федеральном уровне, во-вторых, в случае, если этот вопрос оказался не урегулирован на федеральном уровне, то размер предоставляемой социальной поддержки в регионе должен обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека, как это закреплено в ст. 7 Конституции РФ.

Р.Г. Яновский отмечает, что социальная справедливость требует, чтобы нижний уровень благосостояния был достоин человека¹, и только после достижения указанного уровня можно говорить о равенстве прав, а не материальных благ². Таким образом, юридическое (формальное) равенство граждан должно начинаться с достижения каждым членом общества достаточного минимума, уровня благополучия, что будет отвечать идее социальной справедливости³. В государстве этот минимум определяется исходя из прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам в стране.

¹ Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999. С. 140.

² Лившиц Р.З. Современная теория права : крат. очерк // Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. М. : ИГПАН, 1992. С. 65–66.

³ Халак О.Н. Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 42.

Группа людей, которая при наличии определенных условий вправе являться получателями мер социальной поддержки со стороны государства, определяется на законодательном уровне. Однако размер помощи в ряде случаев является недостаточным для обеспечения существования. Например, в г. Москве пожар в единственном пригодном для проживания помещении дает право семье получить единовременную выплату в размере от 50 до 100 тыс. руб. (в зависимости от ущерба), при этом доход заявителя должен быть не больше средней заработной платы в столице, остаток средств на счетах — меньше или равен 1 млн руб., а семья — зарегистрирована по месту жительства в г. Москве⁴. Рассмотрим другую ситуацию. Ребенок нуждается в предоставлении ему жизненно необходимых медицинских препаратов, однако они своевременно не поступили в медицинскую организацию из-за нарушения сроков их поставок, несостоявшихся торгов и т.д. В таких ситуациях единственный способ обеспечить свое существование или своей семьи — это прошение милостыни.

Прощение милостыни определяется в словарях как подаяние нищему, нуждающемуся (обычно просящему), подаяние — пожертвование из милости, сострадания; пожертвование — дар, взнос, сделанный в пользу какого-либо лица или учреждения, а также добровольный отказ от своих удобств, выгод и т.п. (устар.); дар — то, что дается безвозмездно; подарок, подношение⁵. Прощение и подаяние милостыни имеет «глубокую связь с религиозными воззрениями, основанными на православных традициях милосердия, влияющих на аксиологическую упорядоченность духовного и практического опыта человека...».

Не следует также забывать о неизменно стабильном существовании людей, проживающих за чертой бедности. Их численность ежегодно варьируется в зависимости от уровня социально-экономического развития государства в целом, субъектов РФ и муниципальных образований в частности. Так, согласно официальным данным, в 2024 г. численность населения с доходами ниже границы бедности составила 10,5 млн чел. (на 1,7 млн чел. меньше по сравнению с 2023 г.), или 7,2% жителей страны⁶.

Депутат ГД ФС РФ В.Н. Федоткин при обсуждении законопроекта № 791918-6 признался, что когда «...просят для детей или с ребенком на руках, я, как правило, подаю, потому что думаю, что, может быть, на самом деле у человека беда. И не он виноват в том, что он безработный, что он без заработной платы и что цены такие высокие, — в этом мы, наверное, виноваты!»⁷.

⁴ Как получить помощь в трудной жизненной ситуации. URL: <https://www.mos.ru/otvet-socialnaya-podderjka/kak-poluchit-pomosch-v-trudnoy-zhiznennoy-situacii/#2> (дата обращения: 06.11.2025).

⁵ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. Т. 1. А–О. М. : Рус. яз., 2001. 1232 с.

⁶ О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2024 года в целом по Российской Федерации. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/33_12-03-2025.html (дата обращения: 06.11.2025).

⁷ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/791918-6> (дата обращения: 20.02.2025).

Таким образом, прошение милостыни является оправданным, когда отдельный человек либо семья находятся в трудной жизненной ситуации, преодолеть которую даже при наличии социальной поддержки со стороны государства не всегда удастся. К тому же человек может быть не признан как находящийся в трудной жизненной ситуации, например, из-за отсутствия регистрации по месту жительства в городе (юридическое состояние), а по факту находится именно в этом положении (фактическое состояние).

В ряде случаев под благими намерениями скрываются люди, для которых прошение милостыни — не способ обеспечить свое существование, а возможность заработать на доверии и сочувствии граждан. В этой связи религиозные организации призывают верующих граждан обращать внимание на тех, кому подается милостыня, и совершать акт милосердия не в виде денег, а виде продуктов питания или вещей, поскольку «в 99% случаев нищие возле храмов требуют именно денег и ничего другого — просто потому, что им не хватает на выпивку». По мнению священнослужителей Русской православной церкви, это не что иное, как манипулирование людьми, которые готовы следовать заповеди: просящему у тебя дай. Однако еще в раннехристианском литературном памятнике «Дидахе» сказано: «Милостыня да запотеет в руках твоих, прежде чем ты узнаешь, кому дать». Поэтому в таких случаях милостыню можно не подавать⁸. Ислам не запрещает подавать милостыню, закят и другое подаяние, если человек в этом нуждается или если он не способен сам заработать необходимое, при этом нуждающийся, прежде всего, должен довольствоваться малым, в последнем — просить милостыню⁹. Определить таких людей достаточно сложно, поэтому милостыню рекомендуется подавать не в виде денег. Если человек отказывается от такой помощи, акт милосердия можно не совершать, с позиции ислама в этом не будет греха, поскольку непонятно, действительно ли человек нуждается в ней.

На законодательном уровне в ряде региональных законах об административной ответственности прошение милостыни, кратное/неоднократное, сопряженное/несопряженное с приставанием к гражданам, стало основанием для привлечения к административной ответственности (в 44 из 89 субъектов РФ)¹⁰. Если деяние характеризуется нарушением общественного порядка и оскорбительным приставанием к гражданам, мотив противоправного деяния — хулиганский, а не корыстный, то в данном случае речь уже идет о квалификации в рамках ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство).

Привлечение к ответственности лиц, занимающихся прошением милостыни (попрошайничеством), и для кого оно является единственным спо-

⁸ Нищие у храма: привечать или прогонять? // Журнал Московской Патриархии. 2004. № 7. URL: <https://pravoslavie.ru/162951.html> (дата обращения: 29.01.2025).

⁹ Ислам о попрошайках и попрошайничестве, 2017. URL: <https://islam.ru/content/veroeshenie/50948> (дата обращения: 29.01.2025).

¹⁰ Семенова О.Н. Административная ответственность за попрошайничество в свете международных стандартов ООН // Вестник Пермского института ФСИН России. 2025. № 3 (58). С. 169.

собом обеспечить свое выживание, стало объектом внимания со стороны Организации Объединенных Наций (далее — ООН), членом которой является Россия как правопреемник СССР, поскольку характерно для многих государств¹¹. Напомним, ООН в лице специально уполномоченных на то лиц и организаций разрабатывает стандарты в области прав человека, толкуя содержание статей международных договоров. Одни государства идут по пути «слепого» внедрения в национальную правовую систему, другие — адаптируют их с учетом национальных особенностей, менталитета населения и др. факторов.

По заключению международной организации, карательный подход в решении проблем бездомности, бродяжничества и попрошайничества является исторически сложившимся, свидетельствует о неспособности стран обеспечить реализацию права каждого на достойный уровень существования, достаточный жизненный уровень (ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее — МПобЭСКП)¹²). В этой связи преследование правоохранительными органами лиц, просящих милостыню в общественных местах, является нарушением прав человека при условии, что такой способ является единственным для выживания (не имеет значения, в «активной» или «пассивной» форме осуществляется такое прошение).

В исследовании также отмечается, что общественные места все чаще становятся полуобщественными или частными, особенно железнодорожные вокзалы, общественный транспорт, торговые центры или частные парки и скверы. Бездомные могут также ютиться в частных зданиях или собирать продукты питания или материалы многократного использования из контейнеров для отходов, которые могут считаться частной собственностью.

Законы, защищающие частную собственность, могут правомерно защищать от неприятностей или незаконного проникновения на территорию, но меры реагирования на такие нарушения должны соответствовать правам человека в тех случаях, когда права собственности нарушаются из-за деятельности по поддержанию жизнедеятельности лиц, живущих в условиях бездомности или бедности. Наказание их за подобную деятельность не соответствует принципам соблюдения прав человека.

Таким образом, с позиции ООН такие люди должны не только не подвергаться наказанию в виде штрафов за подобное поведение, но и вовсе быть освобождены от привлечения к ответственности.

¹¹ Breaking the cycle : ending the criminalization of homelessness and poverty : report of the Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights : A/HRC/56/61/ADD.3 (26.06.2024). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/011/86/pdf/g2401186.pdf> (дата обращения: 06.11.2025).

¹² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят Генер. Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Права человека : сб. междунар. док. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Международные стандарты ООН, получившие отражение в такой правовой форме международного сотрудничества государств, как рекомендации, относятся к категории «мягкого права», что означает их имплементацию страной с учетом экономических, социальных возможностей и др. Однако это вовсе не свидетельствует о возможности их полного игнорирования со стороны государства — участника ООН, подписавшего и ратифицировавшего международный договор (в нашем случае МПобЭСКП¹³), толкование статей которого впоследствии получило отражение в докладе Специального докладчика ООН. Договорной орган ООН (Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам), рассматривающий обращение со стороны заявителя о возможном нарушении его прав, гарантируемых этим международным договором, руководствуется стандартами, отраженными в рекомендациях ООН. В случае установления противоречия национального законодательства этим стандартам, государство признается нарушителем международных норм.

РФ как правопреемник СССР является участницей МПобЭСКП, однако не подписала и не ратифицировала Факультативный протокол к нему, закрепляющий возможность направлений сообщений в договорной орган ООН. Вместе с тем РФ обязана с определенной периодичностью представлять доклады в ООН об исполнении этого международного договора. Специальные уполномоченные ООН общественные организации вправе направить альтернативный доклад о состоянии прав человека в стране и, опираясь в том числе на доклады Специального докладчика ООН, могут сообщить об установлении в стране вопреки требованиям международных стандартов ответственности за попрошайничество лицами, для которых оно является единственным способом для обеспечения своего выживания. Иными словами, в случае неисполнения международных стандартов ООН в области прав человека, получивших отражение в рекомендациях, РФ понесет политическую ответственность, что повлечет подрыв авторитета страны на международной арене как добросовестного и надежного партнера.

Однако автор руководствуется подходом, основанным не на «слепом» внедрении международных стандартов ООН в области прав человека в российское законодательство. Еще Г.В. Мальцев указывал о неразрывной связи морального и правового поведения. «Субъект права, планируя и совершая юридический поступок, может полностью абстрагироваться от моральных, политических, религиозных и иных соображений, как советуют ему многие юристы-позитивисты, но в таком случае он многим рискует, не видит, не слышит, не воспринимает то, что может его уберечь от выбора неверного по содержанию поступка»¹⁴.

¹³ СССР подписал международный договор в 1968 г., ратифицировал в 1973 г.

¹⁴ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд. М.: Норма, 2023. С. 118–119.

Для обеспечения реализации международных стандартов в области прав бездомных и бедных людей, с одной стороны, и для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности граждан в стране — с другой, полагаем, следует освободить от привлечения к административной ответственности лиц, для кого попрошайничество является единственным способом для обеспечения своего выживания, но при условии соблюдения ими устоявшихся в обществе правил поведения и прекращения пристаивания к постороннему лицу после его замечания.

Таким образом, право на прошение милостыни является имеющим право на существование субъективным правом, вытекающим из гарантированного международным сообществом и национальным законодательством права на достойный уровень существования, однако только в тех ситуациях, когда:

- а) является единственным способом обеспечить свое выживание;
- б) не сопряжено с нарушением прав других лиц;
- в) осуществляется в общественных местах, на территории которых нет запрета на осуществление данного вида деятельности (например, запрещено на территории метрополитена в Москве¹⁵, в любом регионе страны на проезжей части дороги и т.д.).

Семенова О.Н.,

доцент кафедры частного права Института государственного управления
и права Государственного университета управления,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература:

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 томах. Т. 1. А-О / Ефремова Т.Ф. Москва : Русский язык, 2001.
2. Лившиц Р.З. Современная теория права : краткий очерк / Р.З. Лившиц. Москва : ИГПАН, 1992.
3. Мальцев Г.В. Нравственные основания права / Г.В. Мальцев. 2-е изд. Москва : Норма, 2023.
4. Семенова О.Н. Административная ответственность за попрошайничество в свете международных стандартов ООН / О.Н. Семенова // Вестник Пермского института ФСИН России. 2025. № 3 (58).
5. Халак О.Н. Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы : диссертация кандидата юридических наук / О.Н. Халак. Владимир, 2012.
6. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р.Г. Яновский. Москва : Academia, 1999.

¹⁵ Закон города Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Тверская, 13. 2007. 18 декабря.

Участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства как форма народовластия

Общепризнанной является позиция о том, что народовластие подразумевает осуществление народом (в лице отдельных граждан) публичной власти, участие граждан в управлении делами государства¹. От готовности граждан участвовать в обеспечении обороны страны и безопасности государства в различных формах как в составе военной организации государства, когда военнослужащие и иные должностные лица непосредственно участвуют в публичном администрировании и государственном управлении в этой сфере, формируя военную организацию государства и иные органы публичной власти за пределами ее структуры, так и вне военной организации государства в формах содействия, сотрудничества и взаимодействия, общественного контроля, зависит существование государства. По сути, участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства легитимирует существование государства и его способность отстаивать свои интересы, противостоять угрозам и опасностям как внешним, так и внутренним. Здесь можно вспомнить подтвержденные отечественным и мировым опытом слова о том, что войны выигрывает не государство, а народ в целом.

При этом, учитывая, что такие формы народовластия, как выборы и референдум, не являются обязательными условиями легитимации государственной власти в государствах любой формы, следует заключить, что участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства является высшей формой народовластия. Данная форма народовластия определяет существование государства и государственной власти вне зависимости от формы правления и политического режима. Данный институт является общеправовым, необходимым любому государству. Отечественная и зарубежная история подтверждает данные положения. Выборы не являются единственным легитимным способом формирования органов государственной власти. При этом способность народа отстаивать существование своего государства является условием национальной государственности, что показывают войны как кризисные периоды ее развития. Участие граждан в защите своего отечества вытекает из естественного права на сопротивление угнетению, закрепленного во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в качестве права на восстание против тирании и угнетения как крайней меры по

¹ Лукьянчикова Л.В. Непосредственное народовластие в России XVI–XX вв.: историко-методологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 425 с.

защите своих прав и интересов, лежит в основе государственного и народного суверенитета, что прослеживается из положений преамбулы и иных норм Конституции Российской Федерации и основных законов зарубежных стран (ст. 20 Основного закона ФРГ), других нормативных актов (Декларация независимости США 1776 г., ст. 2 Декларации прав и свобод человека и гражданина Французской республики 1789 г.). Народовластие определяют как сущность конституционного строя², «конституционный строй — государственно-правовое выражение гражданского общества»³. Народовластие имманентно конституционному строю любой страны является основой суверенитета народа, составляющего первооснову суверенитета государственного — условия независимости государства.

Сущность народовластия раскрывают как способ деятельности народа, составляющих его сущностей и индивидов по осуществлению своей свободы, единого процесса формирования их воли и практического ее осуществления, единства экономической, политической и духовно-нравственной власти народа⁴, выражающийся в возможности граждан свободно осуществлять власть в полном соответствии со своей волей для удовлетворения потребностей и интересов в различных сферах жизнедеятельности⁵. Нельзя не учитывать, что, исполняя долг по защите Отечества, гражданин рискует принадлежащим ему наивысшим благом — собственной жизнью. При этом такая обязанность характеризуется наличием морально-нравственной, политической и психологической составляющей, т.е. течение таких правоотношений сопровождается проявлением выбора и соответствующих личностных качеств гражданина, при реализации которых учитываются не столько его личные, сколько публичные интересы. Участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства сопровождается не только таким риском, но и заинтересованностью в легитимности конституционного строя, сохранении государственности. При этом ценностью обладают те правоотношения, в которых гражданин осуществляет сознательный выбор, действует по убеждению, а не принуждению, о чем свидетельствует, например, наградная система.

Учитывая, что в 2022 г. была введена уголовная ответственность за добровольную сдачу в плен (ст. 352¹ УК РФ), стоит отметить, что военносłu-

² Боброва Н.А. Понятие конституционного строя, двойственность его природы // Право и политика. 2002. № 2. С. 18–24; Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Конституционное право и политика : сб. мат. междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. М. : Юрист, 2012. С. 118.

³ Бондарь Н.С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. Вып. 5. М. : Юнити-Дана, 2014. С. 93.

⁴ Шапсугов Д.Ю. Народовластие: опыт политико-правового исследования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 321 с.

⁵ Носкова Г.Н. Конституционно-правовые гарантии народовластия в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 250 с.

жащие должны исполнять воинский долг, поэтому ситуация добровольной сдачи в плен, в том числе в массовом порядке, без оказания какого-либо сопротивления противнику является недопустимой и противоречащей смыслу и назначению военной службы как генеральной формы исполнения долга и обязанности по защите Отечества. По замыслу законодателя попадание в плен допускается, когда сопротивление готовилось, оказывалось и в дальнейшем стало невозможно вследствие серьезного ранения, беспомощного состояния военнослужащего (например, в результате отравления, состояния шока) и иных обстоятельств, исключающих сопротивление противнику по объективным причинам и не обусловленных наличием его умысла сдаться в плен.

В литературе отмечают необходимость закрепления в законодательстве гражданского общества в качестве источника народовластия и основы конституционного строя, его статуса как публично-правового института, предназначенного быть естественной опорой государства, выполнять функции в области патриотического, военно-патриотического воспитания граждан, а также стабилизирующие функции, позволяющие консолидировать интересы государства и общества в области защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности России. В структуру гражданского общества включают политические партии, негосударственные, некоммерческие фонды и организации, казацкие объединения, в том числе казацкие общества и другие объединения⁶.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» предусматривает меры экономической поддержки данных организаций, в числе которых осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, предоставление гражданам и юридическим лицам, оказывающим некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов, предоставление таким организациям иных льгот. Социально ориентированным некоммерческим организациям может быть оказана поддержка при условии осуществления ими в соответствии с учредительными документами определенных видов деятельности, в числе которых социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе, правовое просвещение населения, благотворительная деятельность, организация и поддержка благотворительности и добровольчества (волонтерства), деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучше-

⁶ Писарев А.Н. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6. № 3. С. 90–103.

ния морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта, содействие духовному развитию личности, деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического воспитания граждан. Им осуществляется финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров), предоставляются льготы по уплате налогов и сборов, производятся закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Если такие организации являются также исполнителями общественно полезных услуг и включены в соответствующий реестр, то им принадлежит право на приоритетное получение мер поддержки.

Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» установлен запрет на вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность таких объединений помимо определенных законом случаев. Государство оказывает поддержку их деятельности, регулирует предоставление налоговых и иных льгот и преимуществ, может осуществлять целевое финансирование общественно полезных программ (государственные гранты), заключать договоры, в том числе на выполнение работ и предоставление услуг, закупку товаров, работ, услуг и др. Согласно ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям региональных органов государственной власти по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, осуществляемым ими самостоятельно за счет средств регионального бюджета (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов создания условий и осуществления поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, благотворительной деятельности и добровольчества (волонтерства), организации и осуществления мероприятий по гражданской и территориальной обороне, участия в организации альтернативной гражданской службы, организации и осуществления мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий, участия в противодействии экстремистской деятельности, обеспечения поддержки граждан и их объединений, участвующих в защите государственной границы, создания мобилизационных органов, участия в мероприятиях по выполнению мобилизационных планов, оказания содействия военным комиссариатам в мобилизационной работе в мирное время и при мобилизации, содействие приоритетному трудоустройству граждан, которые завершили прохождение военной службы по мобилизации или по контракту или у которых прекратилось действие контракта о пребывании в добровольческом формировании, и граждан, относящихся к членам их семей.

До сих пор остается не урегулированным законодательно порядок создания и функционирования общественных объединений, созданных с участием государства в соответствии со ст. 51 Федерального закона «Об общественных объединениях». Чрезмерность государственного вмешательства в деятельность институтов гражданского общества будет нивелировать проявления их сущности и предназначения. Тем не менее без государственной поддержки такая деятельность не может быть эффективной, а в ряде случаев нужна государственная инициатива по привлечению граждан к участию в отдельных сферах. Так, в случае необходимости поиска и объединения отдельных категорий граждан на стадии создания общественного объединения и дальнейшего государственного регулирования и контроля (финансового, организационного и т.д.) в процессе его функционирования могут быть созданы государственно-общественные объединения (например, ориентированные на оказание помощи отдельным категориям лиц и их обмен знаниями либо опытом, полученным в определенных жизненных ситуациях, совместное осуществление ими государственно и общественно значимой деятельности), а в случае необходимости государственного участия, не предполагающего данных условий, могут создаваться общественно-государственные объединения.

Реализация таких полномочий возложена на Правительство России. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» определяет его полномочия по взаимодействию с институтами гражданского общества: принятие мер по поддержке институтов гражданского общества, обеспечение их участия в выработке и проведении государственной политики, взаимодействие с общественными объединениями и религиозными организациями, осуществление мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности. В литературе предложено закрепить на законодательном уровне основания и условия передачи общественным формированиям государственной функции, ее порядок, сроки, финансирование, вопросы осуществления контроля за ее исполнением, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение, обязанность организации работы с обращениями граждан и т.д.⁷ Законодательное регулирование таких вопросов может повлечь нарушение свободы договора в этих правоотношениях, в которых должен преобладать диспозитивный метод правового регулирования. Стоит ограничиться методическими рекомендациями органам публичной власти, уполномоченных привлекать граждан и их объединения к содействию, сотрудничеству и взаимодействию. Исполнение различных государственных функций может иметь свои вариан-

⁷ Никитина Е.Е., Кузнецов В.И. Модели правового регулирования взаимодействия государства и некоммерческих организаций в сфере обороны и безопасности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 88–104.

ты в зависимости от специфики деятельности конкретной некоммерческой организации, имеющихся у нее организационных, информационных, материальных и иных ресурсов, а также количества граждан, ее составляющих, и их правового статуса. Выбор формы участия (содействие, сотрудничество или взаимодействие) должен оставаться за институтом гражданского общества. Такие особенности неизбежно повлекут необходимость обсуждения различных вариантов условий исполнения государственной функции (ее объема, сроков, способов, средств исполнения), в связи с чем законодательные нормы могут лишь обозначить контуры правового регулирования таких правоотношений, но не детализированные правила.

Федотова Ю.Г.,

эксперт Центра экспертных исследований факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Курган)

Литература:

1. Боброва Н.А. Понятие конституционного строя, двойственность его природы / Н.А. Боброва // Право и политика. 2002. № 2.
2. Бондарь Н.С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. Москва : Юнити-Дана, 2014.
3. Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение / В.Т. Кабышев // Конституционное право и политика : материалы Международной научной конференции (г. Москва, 28–30 марта 2012 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор С.А. Авакьян. Москва : Юрист, 2012.
4. Лукьянчикова Л.В. Непосредственное народовластие в России XVI–XX вв.: историко-методологическое исследование : диссертация доктора юридических наук / Л.В. Лукьянчикова. Москва, 2018.
5. Никитина Е.Е. Модели правового регулирования взаимодействия государства и некоммерческих организаций в сфере обороны и безопасности в Российской Федерации / Е.Е. Никитина, В.И. Кузнецов // Журнал российского права. 2020. № 4.
6. Носкова Г.Н. Конституционно-правовые гарантии народовластия в современной России : диссертация кандидата юридических наук / Г.Н. Носкова. Саратов, 2007.
7. Писарев А.Н. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А.Н. Писарев // Правосудие. 2024. Т. 6. № 3.
8. Шапсугов Д.Ю. Народовластие: опыт политико-правового исследования : диссертация доктора юридических наук / Д.Ю. Шапсугов. Москва, 1991.

Обеспечительные административно-правовые режимы: особенности правового регулирования и реализации

Необходимость рассматриваемого института обусловлена тем, что введение особых административно-правовых режимов (в частности, предусмотренных Конституцией РФ (ст. 87 и 88) чрезвычайного и военного положения), предполагающих применение правоограничительных мер по отношению к гражданам, их объединениям, организациям, допускается как на всей территории РФ, так и в отдельных ее местностях. Если подобный режим вводится лишь на части территории РФ (в одном или нескольких субъектах РФ), то для успешного достижения целей его введения нередко требуется установление особого порядка публичного управления и на других территориях РФ, где формально такой режим не введен. Данный порядок, образующий содержание обеспечительного административно-правового режима, хотя и произведен от основного режима, установленного на части территории РФ, но не тождественен ему. Иными словами, введение особого административно-правового режима в отдельных частях государства в силу единства системы публичной власти может сопровождаться одновременным установлением обеспечивающих его режимов и на иных территориях страны.

В законодательстве об особых административно-правовых режимах содержатся нормы, которые создают предпосылки для введения при необходимости обеспечительных режимов. Например, в соответствии со ст. 8 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» допускается возможность введения федеральными законами и иными нормативными правовыми актами в период военного положения определенных мер, связанных с ограничением экономической деятельности, оборота имущества, передачи информации, режима труда и др., а также особенностей финансового, налогового, таможенного и банковского регулирования как на самой территории, где введено военное положение, так и на других территориях.

Особую актуальность проблема обеспечительных административно-правовых режимов приобрела осенью 2022 г. после введения Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 военного положения на территории четырех субъектов РФ: Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области¹.

¹ См.: Брежнев О.В. Военное положение и обеспечивающие его административно-правовые режимы: содержание и взаимосвязь / О.В. Брежнев // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 14–17.

Одновременно с введением военного положения в этих субъектах РФ Президентом РФ был принят Указ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». Данным Указом территория РФ в административно-режимном плане была разделена на четыре зоны, в трех из которых были установлены обеспечительные режимы².

Первая зона — это территория, на которой непосредственно введено военное положение и в полном объеме осуществляются меры, предусмотренные Федеральным конституционным законом «О военном положении». Установленный в ней правовой режим обозначен как «*режим (максимальный уровень реагирования)*». Хотя упомянутый Федеральный конституционный закон прямо не предусматривает создания на территории, где введено военное положение, особых органов управления, Указом Президента РФ от 25 августа 2023 г. № 641 в субъектах РФ, в которых установлен этот режим, предписано создать межведомственные координирующие органы — штабы обороны. В состав данных штабов входят: высшие должностные лица субъектов РФ (руководители штабов), представители территориальных органов внутренних дел, МЧС, ФСБ, Росгвардии, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаций. Специфика статуса штаба обороны заключается в том, что он сочетает функции оперативного штаба, обеспечивающего режим военного положения, и штаба территориальной обороны. Его решения, также как и акты высшего должностного лица субъекта РФ, направленные на достижение целей военного положения, обязательны для всех органов власти, организаций и граждан, находящихся на территории соответствующего субъекта РФ³.

Вторая зона — это восемь субъектов РФ (Республика Крым, Краснодарский край, Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Ростовская области и г. Севастополь), географически наиболее приближенные к территории, на которой введено военное положение. В этой зоне установлен «*режим (средний уровень реагирования)*». Высшие должностные лица этих субъектов РФ наделены полномочиями по применению отдельных мер, предусмотренных Федеральным конституционным законом «О военном положении» и связанных с усилением охраны общественного порядка, введением особого режима работы объектов транспорта, связи, энергетики и осуществлением контроля за деятельностью соответствующих объектов, установлением особого порядка въезда на соответствующую территорию и выезда из нее, ограничением движения транспорта, временным отселением жителей

² См.: Попова Н.Ф. Уровни реагирования на военные угрозы в РФ / Н.Ф. Попова // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 35–37.

³ См.: Тимофеев М.И. Государственно-правовое регулирование режима военного положения на территории российского государства: история и современность / М.И. Тимофеев // Военно-юридический журнал. 2013. № 3. С. 8–10.

в безопасные районы с предоставлением им временных или стационарных жилых помещений.

Для обеспечения реализации данных мер созданы оперативные штабы, возглавляемые высшими должностными лицами субъектов РФ. В состав оперативного штаба субъекта РФ входят представители тех же органов, что и в штабы обороны территорий, где введено военное положение. Одной из важных функций оперативных штабов, обусловленной сущностью режима среднего уровня реагирования, является согласование применения на данной территории Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований с целью обеспечения общественного порядка, охраны важных объектов, противодействия диверсионно-разведывательной деятельности противника. Более того, для решения данных задач Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 (п. 8.2) предусматривает передачу определенных воинских подразделений в подчинение оперативному штабу субъекта РФ. Непосредственное управление ими осуществляет представитель Министерства обороны РФ, входящий в состав оперативного штаба⁴. Его решения являются обязательными для этих подразделений вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Особое значение это имеет для Курской области, на территории которой фактически велись военные действия, но военное положение не было введено, и при этом действуют, наряду с режимом среднего уровня реагирования, режимы чрезвычайной ситуации федерального характера и контртеррористической операции.

Третья зона — это субъекты РФ Центрального и Южного федеральных округов, кроме тех, которые вошли во вторую зону. На этих территориях установлен *«режим (уровень повышенной готовности)»*, предполагающий реализацию высшими должностными лицами субъектов РФ меньшего объема чрезвычайных полномочий, чем в условиях режима среднего уровня реагирования. Они осуществляют меры, направленные на охрану общественной безопасности, обеспечение особого режима объектов транспортной и коммуникационной инфраструктуры, вправе ограничивать передвижение транспортных средств с возможностью их досмотра. Для выполнения координационных функций в этих субъектах РФ также создаются оперативные штабы.

Четвертая зона охватывает все субъекты РФ, не вошедшие в первые три зоны. В них установлен *«режим (уровень базовой готовности)»*. Высшие должностные лица этих субъектов РФ наделены полномочиями по обеспечению общественного порядка и введению особого режима деятельности объектов транспорта, связи, энергетики. Предусмотрено создание оперативных штабов.

⁴ См.: Мигачев Ю.И., Максимов С.Н. Государственное управление в области обороны на современном этапе развития Российской Федерации / Ю.И. Мигачев, С.Н. Максимов // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 28–32.

Отметим, что Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 в общем плане определяет чрезвычайные полномочия высших должностных лиц субъектов РФ и оперативных штабов. Конкретный набор применяемых мер с учетом складывающейся в регионе ситуации они устанавливают самостоятельно. Например, во многих субъектах РФ, даже относящихся к четвертой зоне, установлен запрет на эксплуатацию беспилотных летательных аппаратов, кроме тех, которые используются органами власти.

Таким образом, режимы среднего уровня реагирования, повышенной и базовой готовности представляют собой разновидности обеспечительных административно-правовых режимов, которые вводят особенности осуществления публичного управления на соответствующей территории и различный объем правоограничительных мер, применяемых в зависимости от остроты складывающейся ситуации по решениям высших должностных лиц и оперативных штабов соответствующих субъектов РФ. Предназначение этих режимов — создание максимально благоприятных условий для достижения целей военного положения, введенного в четырех субъектах РФ.

Можно выделить следующие основные черты, свойственные обеспечительным административно-правовым режимам.

Во-первых, в отличие от режимов чрезвычайного и военного положения, они вводятся указом Президента РФ, который не требует обязательного утверждения Советом Федерации Федерального Собрания РФ.

Во-вторых, данные режимы вводятся на срок действия основного административно-правового режима без определенной временной конкретизации. Отмена основного режима одновременно влечет за собой отмену действия обеспечительных административно-правовых режимов.

В-третьих, эти режимы носят вспомогательный характер: они создают необходимые условия для достижения целей основного административно-правового режима.

В-четвертых, в содержательном плане эти режимы производны от основного административно-правового режима и допускают применение отдельных правоограничительных мер, предусмотренных законодательством об основном режиме.

В-пятых, обеспечительные административно-правовые режимы, предусмотренные Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757, предполагают наделение полномочиями по определению и осуществлению установленных правоограничительных мер высших должностных лиц субъектов РФ с созданием под их руководством специальных координирующих органов — оперативных штабов.

В-шестых, обеспечительные режимы могут подлежать территориальной дифференциации с выделением территорий, где действует больший объем

применяемых чрезвычайных мер, и тех, где реализуется меньший объем правоограничений.

В-седьмых, обеспечительные режимы совместимы с другими видами административно-правовых режимов, которые могут одновременно вводиться на этой же территории (чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и др.).

В заключение отметим, что институт обеспечительных административно-правовых режимов нуждается в надлежащей законодательной регламентации. Целесообразно в федеральных конституционных законах и федеральных законах, регламентирующих особые административно-правовые режимы (чрезвычайного положения, военного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и др.), выделять отдельные разделы (главы), содержащие нормы, регулирующие допустимые для их реализации обеспечительные режимы и гарантии прав граждан и организаций при их введении.

Брежнев О.В.,

профессор кафедры административного права
Юридического факультета Московского государственного университета
(МГУ) имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература:

1. Брежнев О.В. Военное положение и обеспечивающие его административно-правовые режимы: содержание и взаимосвязь / О.В. Брежнев // Административное право и процесс. 2025. № 3.
2. Мигачев Ю.И. Государственное управление в области обороны на современном этапе развития Российской Федерации / Ю.И. Мигачев, С.Н. Максимов // Административное право и процесс. 2024. № 2.
3. Попова Н.Ф. Уровни реагирования на военные угрозы в РФ / Н.Ф. Попова // Административное право и процесс. 2023. № 5.
4. Тимофеев М.И. Государственно-правовое регулирование режима военного положения на территории российского государства: история и современность / М.И. Тимофеев // Военно-юридический журнал. 2013. № 3.

Модели и институты государственного управления в сфере физической культуры и спорта в странах БРИКС

Государственное управление в сфере физической культуры и спорта представляет собой стратегический элемент национальной политики, формирующий нормативные и организационные основы развития отрасли. Сравнительный анализ моделей управления позволяет выявить их эффективные стороны и адаптировать с учетом национальных приоритетов и особенностей государственного устройства.

Предлагается рассмотреть особенности моделей государственного управления спортом на примере стран БРИКС — одного из наиболее динамично развивающихся межгосударственных объединений. Расширение состава объединения, рост его политического и экономического влияния, активизация спортивных инициатив и совместных проектов создают уникальную базу для сравнительно-правового анализа.

В научной литературе представлены различные классификации моделей управления спортом. Б. Хулихан и И. Генри выделяют централизованную, децентрализованную и корпоративистскую модели в зависимости от доминирующего субъекта спортивной политики¹. Российские исследователи А.И. Понкина и И.В. Понкин предлагают классификации по степени вмешательства государства, уровню централизации и соотношению правового регулирования и саморегулирования, охватывающие как государственно-ориентированные, так и рыночные, автономные и смешанные модели².

Предлагается авторская классификация, основанная на организационной структуре управления, позволяющая выделить четыре модели.

Централизованная (иерархическая) модель предполагает доминирование высших органов власти, жесткую административную вертикаль и передачу полномочий сверху вниз.

Децентрализованная (региональная) модель, напротив, строится на передаче соответствующих полномочий территориальным органам, тогда как центр ограничивается рамочным регулированием и стратегической координацией.

Смешанная (гибридная) модель сочетает централизованные механизмы с автономией региональных органов в реализации спортивной политики.

¹ Хулихан Б., Генри И. Политика развития спорта: развитие спорта или развитие через спорт? Лондон : Рутледж, 2004. 256 с.

² Понкин И.В., Понкина А.И. Классификации моделей регулирования спорта в мире // Нравственные императивы в праве. 2014. № 4. С. 36–44.

Партнерско-иерархическая (интегративная) модель опирается на активную роль негосударственных спортивных организаций при сохранении за государством стратегических и контрольных полномочий.

В основе классификации лежит институционально-структурный критерий, в рамках которого показано, как выстроена вертикаль управления и как распределены полномочия между центром, административно-территориальными единицами и негосударственными субъектами.

Российская Федерация. Центральным органом управления спортом в России является Министерство спорта, наделенное полномочиями по формированию и реализации государственной политики, а также нормативно-правовому регулированию в рассматриваемой области.

Правительство РФ определяет стратегические направления, Администрация Президента РФ обеспечивает политическую координацию, а Совет при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта служит ключевой площадкой для согласования позиций государства и профессионального спортивного сообщества. Федеральное Собрание РФ осуществляет законодательное обеспечение сферы через профильные комитеты обеих палат.

Региональные и муниципальные органы обеспечивают спортивную политику на местах. При этом в рамках общей системы управления спортом значимую роль играет общероссийский союз общественных объединений Олимпийский комитет России (далее — ОКР). Назначение Министра спорта президентом ОКР в 2024 г. усилило централизацию и сблизило государственное и корпоративное управление³.

Создание в 2025 г. Российского спортивного фонда, формируемого за счет целевых отчислений от азартных игр, под руководством министерства также укрепило вертикаль, централизовав финансирование массового, адаптивного и детско-юношеского спорта⁴.

Китай. Система государственного управления спортом в Китае отличается высокой степенью централизации и строгой иерархией, отражающей особенности политической системы и партийного руководства. Ее истоки восходят к советской модели управления. Главное государственное управление по спорту КНР является ответственным государственным органом по развитию спорта, подчиняется Государственному совету и включает 11 департаментов, а также около 48 подведомственных учреждений⁵.

³ Официальный сайт Олимпийского комитета России. URL: <https://olympic.ru/about-committee/team/leaders/degtiarev-mihail-vladimirovich/> (дата обращения: 15.10.2025).

⁴ Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 157-ФЗ «О Российском спортивном фонде, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу частей 2–5 статьи 6 Федерального закона “О международных соревнованиях “Всемирные игры дружбы” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3487.

⁵ Пань Цз. Исследование системы управления и механизма функционирования государственной системы элитного спорта в Китае : магистерская диссертация. Восточно-Китайский педагогический университет, 2012. 89 с.

На уровне провинций и районов действуют спортивные бюро и комиссии. На более локальном уровне управление спортом осуществляют муниципальные спортивные департаменты (городские и уездные), также именуемые бюро. Все они подчинены Главному управлению и реализуют централизованную политику без значительной автономии.

Национальные спортивные федерации включены во Всекитайскую спортивную федерацию и фактически контролируются Главным управлением⁶. Руководитель Главного управления одновременно возглавляет НОК Китая и Всекитайскую спортивную федерацию, что отражает полное слияние олимпийской и административной вертикалей; аналогичное совмещение наблюдается и в России.

Спортивное управление Китая встроено в государственно-партийную систему: Государственный совет формирует стратегию, Национальная комиссия по развитию и реформам отвечает за инфраструктуру, Центральная военная комиссия — за подготовку военных. В парламенте (Всекитайском собрании народных представителей) эти вопросы курирует профильный комитет, а ключевые идеологические и кадровые решения определяет Центральный комитет Коммунистической партии Китая⁷.

Иран. Министерство молодежи и спорта представляет собой центральный орган исполнительной власти, ответственный за формирование и реализацию государственной политики в сфере спорта и молодежи⁸. В его структуру также входят различные департаменты.

В структуре Исламского консультативного совета — Меджлиса (однопалатного парламента Ирана) нет специализированного комитета или комиссии по спорту. Вопросы спорта рассматриваются Комиссией по образованию, культуре и молодежи, которая проводит слушания, запрашивает отчеты и участвует в разработке законопроектов, однако влияние Меджлиса на стратегические спортивные решения ограничено общей иерархией политической системы.

На провинциальном уровне — специализированные управления, которые являются территориальными подразделениями Министерства. Полное подчинение провинциальных управлений Министерству подчеркивает централизованный характер модели. Муниципальный уровень формально не выделен, однако крупные города активно участвуют в развитии спорта через специализированные структуры.

⁶ Бюро культуры, радио, телевидения, туризма и спорта Уезда Ляньнань Яо. URL: <http://www.liannan.gov.cn> (дата обращения: 15.10.2025).

⁷ Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Коммунистическая партия Китая и государственная система. URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 15.10.2025).

⁸ Закон о преобразовании Организации физического воспитания и Национальной молодежной организации в Министерство спорта и молодежи. Принят Исламским консультативным советом Ирана 29 декабря 2010 г. URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/790009> (дата обращения: 15.10.2025).

Египет. Как и в Иране, Министерство объединяет управление молодежной политикой и спортом, а по внутренней структуре близко к Минспорту России и Главному управлению по спорту КНР.

В Палате представителей Египта действует Комитет по делам молодежи и спорта. В каждой из 27 мухафаз (административно-территориальных единиц) действуют управления по делам молодежи и спорта, реализующие национальные программы с учетом местной специфики.

На муниципальном уровне городские и районные органы отвечают за развитие физической культуры. Египетская модель, как в Китае и Иране, централизована, однако по сравнению с Ираном обладает более выраженной децентрализацией и вовлеченностью муниципального уровня.

Таким образом, китайская модель является наиболее централизованной, тогда как Россия и Иран проявляют сходные тенденции усиления вертикали, а Египет остается централизованным, но с более выраженными элементами децентрализации на местах.

Смешанная (гибридная) модель

Бразилия. Министерство спорта имеет в структуре специализированные секретариаты. Консультативную роль играет Национальный совет по спорту, объединяющий представителей государства, спортивных и гражданских ассоциаций⁹. Совет из 22 членов включает представителей государства, олимпийского и паралимпийского комитетов, спортивных федераций и др. В отличие от него, российский Совет при Президенте встроен в административную вертикаль и является более зависимым от государства.

Бразильская модель отличается высокой функциональной дифференциацией и сочетанием иерархии с автономией отдельных звеньев.

Законодательное обеспечение в сфере спорта осуществляется через парламентские комитеты и надпартийные объединения депутатов («парламентские фронты»)¹⁰. В Национальном конгрессе действуют Комитет по спорту в Палате депутатов и Комиссия по образованию, культуре и спорту в Сенате.

На региональном и муниципальном уровнях Бразилии действуют спортивные секретариаты и департаменты. В отличие от них, аналогичные органы в централизованных моделях обладают меньшей автономией и встроены в жесткую вертикаль управления.

Ключевое преимущество бразильской модели — вовлечение различных уровней власти и общественных секторов, что позволяет учитывать региональные особенности и обеспечивать широкое представительство интересов.

⁹ Национальный спортивный совет. Внутренний регламент. URL: <https://www.gov.br/esporte/pt-br/acesso-a-informacao/conselho-nacional-do-esporte> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁰ Сена В.П. Распространение парламентских фронтов в законодательной власти // Портал Межсоюзного департамента парламентского консультирования, 2007. URL: <http://www.diap.org.br> (дата обращения: 15.10.2025).

ОАЭ. В 2024 г. создано Министерство спорта, заменившее собой действовавшее ранее Генеральное управление по спорту¹¹. Это решение отражает переход от фрагментарного управления к централизованной системе и повышение политической значимости сферы. В Федеральном национальном совете (парламенте) вопросы спорта интегрированы в компетенцию Комитета по образованию, делам молодежи, культуре и информации¹².

Эмираты обладают значительной автономией в сфере спорта. Ключевыми органами являются Департаменты исполнительной власти эмиратов, Специализированные советы (например, Дубайский спортивный совет), органы, отвечающие за экономическое развитие и туризм¹³.

Классического муниципального уровня управления спортом не существует. Муниципалитеты выполняют вспомогательные функции без самостоятельных полномочий в сфере спортивной политики.

Ключевой особенностью модели ОАЭ является двухуровневая гибридная модель управления, сочетающая централизованное федеральное руководство с широкой автономией эмиратов при активном участии региональных органов в реализации спортивной политики.

Эфиопия. Центральным органом является Министерство культуры и спорта. Его структура включает два специализированных органа: Спортивная комиссия осуществляет оперативное управление (программы, инфраструктура, кадры); Национальный спортивный совет выполняет координационно-консультативные функции¹⁴. В парламенте действует профильный Комитет по здравоохранению, социальному развитию и спорту, что обеспечивает спорту отдельное представительство в отличие от Ирана и ОАЭ.

В 12 штатах действуют бюро по делам молодежи и спорта, которые адаптируют национальную стратегию к местным условиям. Муниципальный уровень присутствует только в городах с особым статусом (Аддис-Абеба, Дире-Дауа), где действуют местные спортивные комиссии.

Уникальной чертой модели является двухуровневая структура министерства с разделением стратегических и оперативных функций, сочетающаяся

¹¹ Объединенные Арабские Эмираты. Федеральный декрет-закон № 28 от 2024 г. о внесении изменений в отдельные положения Федерального закона № 1 от 1972 года о компетенции министерств и полномочиях министров // Lexis Middle East. 2024. URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/UnitedArabEmirates/DecreeLaw_28_2024 (дата обращения: 15.10.2025).

¹² Федеральный национальный совет ОАЭ. Комитеты. URL: <https://www.fnc.gov.ae/en/committees/> (дата обращения: 15.10.2025).

¹³ Дубайский спортивный совет. URL: <https://www.dubaisc.ae/> (дата обращения: 15.10.2025); Департамент экономики и туризма Дубая. URL: <https://www.dubaidet.gov.ae/> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁴ Постановление Совета министров № 446/2019 о создании Спортивной комиссии и Национального спортивного совета // Chilot.me. URL: <https://chilot.wordpress.com/2021/03/05/definition-of-powers-duties-and-organization-of-the-sports-commission-and-the-national-sports-council-establishment-council-of-ministers-regulation-no-446-2019/> (дата обращения: 15.10.2025).

с ограниченной децентрализацией и доминированием федерального центра, что снижает гибкость управления по сравнению с другими странами БРИКС.

Все три страны демонстрируют различные варианты гибридной модели управления спортом: Бразилия — с реальной автономией регионов и активным участием общества, ОАЭ — с федеральной централизацией при оперативной самостоятельности эмиратов, а Эфиопия — с доминированием центра и ограниченной децентрализацией.

Сочетание смешанной (гибридной) и партнерско-иерархической (интегративной) моделей

Индия. Министерство по делам молодежи и спорта включает два департамента — по спорту и по делам молодежи¹⁵. Вместе с тем ключевые функции выполняет негосударственная организация — Спортивное управление Индии. В верхней палате парламента действует профильный Комитет по делам молодежи, спорта и туризма, осуществляющий контроль над спортивной политикой и бюджетом.

На региональном уровне штаты реализуют собственные программы через специальные региональные департаменты. На муниципальном уровне органы местного самоуправления обеспечивают доступ к спортивной инфраструктуре и организуют массовые мероприятия.

Модель характеризуется широкой автономией национальных федераций при ограничении государства поддержкой через финансирование и инфраструктуру. Роль государства сводится к созданию необходимых условий, в первую очередь инфраструктурных, и содействию международному представительству страны.

Партнерско-иерархическая модель

ЮАР. Центральным органом является Департамент спорта, искусства и культуры, созданный в 2019 г., не имеющий статуса министерства.

При этом значимую роль играет Конфедерация спорта и Олимпийский комитет ЮАР (SASCOC), обладающий значительной автономией. Он координирует деятельность национальных федераций и представляет страну в международных спортивных организациях¹⁶.

В парламенте действует Портфолио-комитет по спорту, искусству и культуре в нижней палате, который осуществляет законодательное обеспечение сферы спорта.

В 9 провинциях действуют департаменты спорта, реализующие программы развития и координирующие деятельность с министерством. На муници-

¹⁵ Департамент спорта // Официальный сайт Министерства по делам молодежи и спорта Индии. URL: <http://yas.nic.in/sports/introduction> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁶ Южноафриканская спортивная конфедерация и олимпийский комитет (SASCOC). URL: <https://www.sascoc.co.za/about/> (дата обращения: 15.10.2025).

пальном уровне регулирование спорта осуществляют городские управления, отвечающие за местную инфраструктуру и программы.

Модель характеризуется как партнерско-иерархическая, с акцентом на сотрудничество и партнерство между государственными и автономными организациями.

Децентрализованная модель

Индонезия. В структуре Министерства молодежи и спорта действуют четыре специализированных департамента, отвечающих за развитие спортивной культуры, достижения, индустрию и молодежную политику.

Контроль и нормотворчество осуществляет парламентская Комиссия X Совета народных представителей, курирующая вопросы образования, культуры, туризма, молодежи и спорта¹⁷.

Во всех провинциях действуют департаменты по делам молодежи и спорта, реализующие региональные программы и координирующие местные инициативы. Спортивные подразделения местных администраций организуют массовые мероприятия, развивают инфраструктуру и курируют детско-юношеский спорт.

Модель характеризуется последовательной децентрализацией при сохранении централизованного стратегического планирования, обеспечивая равномерное развитие спорта по всем регионам, наибольший территориальный охват среди исследуемых стран и оптимальное сочетание федеральной функциональной специализации с широкой региональной автономией, что формирует наиболее устойчивую систему децентрализованного управления.

В странах БРИКС наблюдается значительное разнообразие моделей управления спортом, однако преобладает централизованный (иерархический) тип, характерный для России, Китая, Ирана и Египта. В Китае спорт встроен в жесткую государственно-партийную вертикаль; в России формальная гибкость не меняет фактической доминанции федерального уровня и включенности спортивных НКО в государственную систему; в Иране управление идеологизировано и сосредоточено на центральном уровне; в Египте Министерство молодежи и спорта совмещает ключевые стратегические и контрольные функции.

Смешанные модели присущи Бразилии, ОАЭ и Эфиопии: в Бразилии автономия штатов и муниципалитетов сочетается с федеральным руководством; в ОАЭ эмираты самостоятельно формируют программы в рамках единой стратегии; в Эфиопии формальная децентрализация ограничена фактическим преобладанием центра.

¹⁷ Совет народных представителей Республики Индонезия. Комиссия X (Komisi X) // Официальный сайт Парламента Индонезии. URL: <https://www.dpr.go.id/komisi/X> (дата обращения: 15.10.2025).

Индонезия демонстрирует наиболее последовательную децентрализацию: провинции и муниципалитеты определяют развитие спорта, а центр выполняет координационную роль.

Партнерско-иерархическая модель ЮАР базируется на распределении полномочий между государством и негосударственными субъектами, прежде всего SASCOC и федерациями.

Индия сочетает элементы смешанной и партнерской модели: министерство формирует стратегию, SAI отвечает за реализацию, а национальные федерации сохраняют оперативную автономию, обеспечивая баланс централизованного руководства и децентрализации.

Таким образом, ключевым дифференцирующим фактором выступает распределение полномочий и механизмы координации между уровнями власти. Это говорит о том, что тип модели определяется не степенью государственного вмешательства, а особенностями государственного устройства и характером взаимодействия между государственными и негосударственными субъектами.

Бурлакова Е.-М.М.,

помощник депутата Государственной Думы С.Н. Коткина
на общественных началах, соискатель ученой степени кандидата
юридических наук Юридического факультета Московского
государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература:

1. Понкин И.В. Классификации моделей регулирования спорта в мире / И.В. Понкин, А.А. Понкина // Нравственные императивы в праве. 2014. № 4. С. 36–44.
2. Пань Цз. Исследование системы управления и механизма функционирования государственной системы элитного спорта в Китае : магистерская диссертация / Цз Пань. Восточно-Китайский педагогический университет, 2012.
3. Сена В.П. Распространение парламентских фронтов в законодательной власти // Портал Межсоюзного департамента парламентского консультирования. 2007. 4 июня. URL: <http://www.diar.org.br> (дата обращения: 15.10.2025).
4. Хулихан Б., Генри И. Политика развития спорта: развитие спорта или развитие через спорт? Лондон : Рутледж, 2004.

Административно-правовой механизм противодействия коррупции на государственной гражданской службе

Система административно-правовых мер борьбы с коррупцией базируется на ряде взаимосвязанных элементов. К ключевым составляющим такого механизма относятся обеспечение доступа общества к информации о деятельности государственных структур, внедрение четких и понятных административных регламентов, повышение качества и прозрачности предоставления государственных услуг, устранение избыточных препятствий для предпринимательской деятельности, установление действенных форм общественного мониторинга, а также разработка и реализация инструментов для предотвращения возникновения конфликтов интересов.

Вектор развития административного законодательства в сфере противодействия коррупции смещается в сторону формирования разветвленной системы ограничений и запретов для служащих на государственной и муниципальной службе, где особое место занимает предотвращение трудоустройства родственников и лиц, находящихся в свойствах. Важно отметить, что в ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ¹ понятие конфликта интересов трактуется гораздо шире по сравнению с п. 5 ч. 1 ст. 29 Федерального закона № 79-ФЗ, поскольку охватывает значительно больший спектр ситуаций и предписывает рассматривать как наличие, так и возможность возникновения прямого или опосредованного заинтересованного влияния, устанавливаемого коллегиальным органом. Для сравнения, положения ФЗ № 79-ФЗ акцентируются главным образом на степени родственных связей и наличии служебной зависимости, тогда как положения ФЗ № 273-ФЗ предполагают комплексную оценку самых разных обстоятельств, что существенно усложняет правоприменительную практику, особенно когда речь идет о выявлении косвенной мотивированности².

Точный подход к определению понятия «близкие родственники» приобретает принципиальное значение при формулировании ограничений, связанных с антикоррупционными запретами, поскольку данная категория

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // Парламентская газета. 2008. 31 декабря; СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228; Российская газета. 2008. 30 декабря.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» (в ред. от 12.10.2015 № 1089) // СЗ РФ. 2014. № 3.

трактуются по-разному в различных разделах права. В частности, Федеральный закон № 79-ФЗ не содержит развернутого перечня лиц, подпадающих под указанное определение. В отличие от него, ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ конструирует критерии личной заинтересованности через понятие «близкое родство или свойство», относя к этой группе супругов, родителей, детей, братьев, сестер, а также соответствующих родственников по линии супругов и детей. Сходная формулировка содержится также в ст. 16 того же федерального закона.

Однако ни один из этих нормативных актов не включает в сферу регулирования более отдаленных родственников, а также усыновителей и усыновленных. Между тем в правоприменительной практике, например, в области государственных закупок, регулируемой Федеральным законом № 44-ФЗ, наличие конфликта интересов может возникнуть и при участии таких лиц. Важно учитывать, что пределы понятия родства и свойства зачастую устанавливаются исходя из характера общественных отношений. Конституция Российской Федерации (ст. 51) прямо предусматривает отсылочную норму к федеральным законам для определения состава родственников. На практике эта норма реализуется, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (п. 4 ст. 5), где к близким родственникам отнесены супруги, родители, дети, усыновители, кровные братья и сестры, а также дедушки, бабушки и внуки.

Термин «близкие лица» (п. 3 ст. 5 УПК РФ) обозначает лиц, находящихся в родственных или особо доверительных отношениях с потерпевшим либо свидетелем. Однако закон не всегда прямо перечисляет такие категории, как неполнородные братья и сестры или лица, обладающие имущественными правами на основании ст. 1145 ГК РФ, хотя они могут оказывать влияние и формировать личную заинтересованность. В практике эти взаимосвязи трактуются шире, чем предусматривает ст. 10 ФЗ № 273-ФЗ³.

Родственные связи на государственной или муниципальной службе могут нарушить принципы объективности и конкуренции, если должностные лица оказываются лично заинтересованными. Поэтому установлен запрет на пребывание на службе при наличии родства или свойства с государственным служащим, если должности предполагают прямую подчиненность или контроль. В то же время отсутствие четких определений понятий «подконтрольность» и «непосредственная подчиненность» в законодательстве приводит к трудностям в правоприменении. Анализ судебных решений свидетельствует, что суды связывают непосредственную подчиненность с формальным подчинением, зафиксированным в должностных инструкциях и положениях о подразделении.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

Ограничение на возможность одновременного прохождения службы родственниками вводится с целью предотвращения негативного воздействия личных связей на профессиональную деятельность, а также минимизации риска злоупотребления служебным положением, предоставления необоснованных преимуществ и возникновения коррупционных ситуаций. В основе такого запрета лежит презумпция вероятности совершения нарушений со стороны родственников на государственной службе, что придает этой мере характер предупреждения и сдерживания.

Федеральный закон № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» с редакцией, вступившей в силу 7 июля 2025 г., официально включает изменения, отраженные в Федеральном законе № 212-ФЗ. Существенным моментом обновления выступает прямая связка норм, регулирующих государственную службу, с положениями, касающимися иностранных граждан и лиц без гражданства. Это значит, что отдельные предписания о прохождении службы теперь распространяются на более широкий круг лиц, чем ранее, включая военнослужащих и иные специфические категории, что, соответственно, затрагивает и сферу контроля при назначении на государственные должности. С точки зрения применения антикоррупционных мер речь идет о рамочном уточнении и синхронизации действующего регулирования без введения новых инструментов контроля, но с расширением числа ситуаций и лиц, на которых распространяются существующие антикоррупционные требования.

К числу основных нормативных актов, определяющих правовые основы деятельности государственных служащих, относится Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Он устанавливает ключевые аспекты антикоррупционной политики, включая обязанности государственных служащих по предупреждению коррупционных проявлений и меры юридической ответственности за совершенные коррупционные правонарушения. Задачи по формированию единой антикоррупционной политики подкрепляются системой профессиональных и этических стандартов, утвержденных соответствующими кодексами. Комплексность законодательного регулирования продиктована особым статусом государственной гражданской службы в структуре российского права, а также широким спектром функций, реализуемых государственными органами. Именно специфика должностных обязанностей определяет характер юридической ответственности и перечень функций каждого государственного органа, что, в свою очередь, обеспечивает слаженность и эффективность работы государственных институтов.

Обязательства и ограничения, направленные на противодействие коррупции, играют фундаментальную роль в системе регулирования профессиональной деятельности государственных гражданских служащих. Особый акцент на этой теме обусловлен тем обстоятельством, что коррупция в контексте России носит не только юридический, но и социокультурный характер,

проникая в повседневную практику и общественное сознание. Антикоррупционные меры, состоящие из специальных нормативных запретов и ограничений, служат инструментом профилактики незаконных действий не только среди служащих государственных органов, но и среди лиц, вступающих с ними в деловые и служебные отношения. Введение подобных требований способствует формированию системы открытости, укреплению доверия общества к деятельности государственных структур и предотвращает злоупотребления должностными полномочиями.

С целью минимизации коррупционных проявлений на государственной гражданской службе были разработаны и реализованы специальные правовые механизмы. Так, в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ сформулирован перечень обязанностей служащих, направленных на предотвращение коррупции. В соответствии с положениями данного нормативного акта, служащие несут ответственность за неразглашение сведений, отнесенных к государственной тайне, а также обязаны предоставлять сведения о личных доходах и расходах. Кроме того, сотрудники государственных органов должны незамедлительно информировать руководство о возникновении обстоятельств, которые могут привести к конфликту интересов. Комплекс подобных норм ориентирован на укрепление прозрачности функционирования системы государственной гражданской службы и служит профилактике коррупционных правонарушений.

Лица, занимающие государственные должности, обязаны исключать участие в предпринимательских проектах, не допускать установления близких родственных отношений с коллегами по службе, а также избегать операций, связанных с приобретением ценных бумаг. Дополнительно им запрещено выступать представителями по юридическим вопросам в интересах доверителей в органе, где они проходят службу. Такое регулирование способствует формированию среды, в которой интересы общества имеют приоритет над личной выгодой служащего⁴.

Для повышения эффективности борьбы с коррупционными проявлениями законодательством Российской Федерации создана разветвленная система нормативных правовых актов, касающихся статуса, ответственности и обязанностей государственных служащих. Подобные акты разграничивают функциональные задачи и вводят определенные запреты с целью профилактики злоупотреблений служебным положением. В совокупности такие меры обеспечивают должный уровень прозрачности и подотчетности аппарата государственной власти.

Создание эффективной антикоррупционной системы в государственном управлении в значительной степени зависит от комплекса нормативных пра-

⁴ Брынцев Б.В. Проблемы правового регулирования трудовых отношений граждан на государственной гражданской службе / Б.В. Брынцев // Экономическая безопасность и права человека в контексте гражданского и арбитражного судопроизводства: Махачкала : ИП Овчинников М.А., 2021. С. 327–330.

вовых актов, принятых как на федеральном, так и на региональном уровнях. В частности, федеральные органы власти разрабатывают нормативные документы в соответствии с требованиями ст. 12.2 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁵. Помимо этого, отдельные виды ограничений и обязанностей определяются иными нормативными актами, включая законодательные инициативы органов власти субъектов Российской Федерации, которые устанавливают особые условия для конкретных категорий государственных служащих.

Ключевой задачей при реализации антикоррупционных институтов выступает постоянный анализ и соотнесение действующих обязательств, ограничений и запретов с аналогичными положениями других нормативных систем. Такой мониторинг позволяет выявлять несовершенства и устранять правовые пробелы, что способствует устойчивости и результативности противодействия коррупции.

Согласно положениям п. 12 ст. 15, каждый государственный служащий в ходе исполнения своих функций должен уведомлять представителя работодателя о любой собственной заинтересованности, способной привести к конфликту интересов. Однако только информированием ограничиваться нельзя: необходимы и конкретные действия, направленные на разрешение подобных ситуаций. Примерами таких шагов могут служить обращение в специализированную комиссию, инициирование рассмотрения вопроса, а также добросовестное исполнение решений работодателя относительно устранения конфликтов интересов. Отметим, что обязанность служащего заключается не только в предупреждении о наличии потенциальной личной заинтересованности, но и в незамедлительном информировании руководства при возникновении установленного конфликта.

Для предметной оценки эффективности существующего правового регулирования значительную роль играют результаты анализа судебной практики. Так, в рассмотренном деле по иску гражданина Б. решение Центрального районного суда города Красноярск от 18 января 2021 г. № 2-1045/2021⁶ подтвердило законность отказа в восстановлении на службе по причине утраты доверия. Истец пытался оспорить увольнение, ссылаясь на то, что во время удаленной работы с марта 2020 г. ему было запрещено посещать офис по распоряжению руководства, однако суд счел эти аргументы недостаточными для удовлетворения требований о восстановлении на рабочем месте.

Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в редакции конца 2024 г. и в редакциях, вступающих в 2025 г., получил значительные

⁵ Афанасьев М.А., Иванова Д.Ю. Особенности нормативно-правового регулирования противодействия коррупции у государственных служащих России // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 068–074. EDN: OODXZA1. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления // Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191?print=1> (дата обращения: 24.08.2025).

⁶ Решение Центрального районного суда города Красноярск от 18 января 2021 г. № 2-1045/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

изменения после принятия Федерального закона от 28 декабря 2024 г. №533-ФЗ и сопутствующих актов. Ключевые новации касаются административно-правового механизма: формализуется порядок получения должностными лицами сведений из различных реестров, включая данные о владельцах ценных бумаг, депозитарные записи, информацию из бюро кредитных историй. Закреплены процедуры межведомственного информационного обмена с использованием государственных информационных систем, настроенных по техническим параметрам, установленным ЦБ и профильными провайдерами. Это расширяет перечень источников информации, используемых при контрольных и проверочных процедурах, и уточняет круг лиц, а также ближайших родственников (супруги, несовершеннолетние дети и проч.), сведения о которых могут быть переданы на проверку. Важно учитывать, что вступление отдельных норм в силу происходит поэтапно, с разными сроками, указанными непосредственно в законе или его подзаконных актах, поэтому при практическом применении необходимо сверяться с датой начала действия нужного положения.

С учетом изложенного, эффективное применение данного запрета требует точного разграничения между родственниками, свойственниками и прочими лицами, с которыми налицо значимые публичные имущественные, корпоративные или иные близкие отношения. Кроме того, необходимо законодательно закрепить определения понятия «подконтрольность», а также четко оформить критерии, по которым устанавливаются отношения подчиненности и подконтрольности в соответствующих нормативных актах.

Анализ судебных решений ярко отражает необходимость качественно обновления и доработки действующего регулирования в соответствии с развивающимися общественными тенденциями и изменениями в смежных отраслях права. Учитывая, что именно деятельность государственных служащих во многом определяет устойчивость и сбалансированное функционирование институтов государства, своевременное устранение даже незначительных недочетов приобретает первостепенное значение. От эффективности разрешения подобных проблем зависит как качество выполнения профессиональных задач, так и обеспечение общественной стабильности, а также гарантия прав и законных интересов граждан.

Высокий уровень профессиональных компетенций государственных служащих, их способность решать возникающие вопросы и добросовестно исполнять свои обязанности существенным образом влияют на доверие к институтам власти и качество государственных услуг. Более того, система публичного управления должна быть гибкой, способной оперативно реагировать на запросы общества и поддерживать максимальную прозрачность процедур.

Коррупция в современной Российской Федерации выступает одной из наиболее острых и системных проблем, затрагивающих все уровни государственного и общественного устройства. Нельзя недооценивать негатив-

ный размах этого явления: коррупционные практики охватывают обширный спектр сфер — от муниципальных и региональных структур до высших органов государственной власти. Причины столь широкого распространения коррупции лежат не только в исторических традициях, но и в особенностях сложившейся социальной, экономической и политической системы, где подобные злоупотребления способствуют подрыву принципов справедливости и законности.

С течением времени коррупция эволюционировала из исключительно уголовно-правовой проблемы в широкомасштабный деструктивный фактор, который оказывает многоплановое влияние на государственные институты, экономику и восприятие государственной власти гражданами. Коррупционные проявления включают как прямое получение незаконной выгоды должностными лицами, так и разнообразные скрытые формы покровительства, лоббизма и фаворитизма. Эти практики приводят к искажению основных принципов государственного управления, нарушая баланс интересов между властью и обществом.

Последствия злоупотребления служебным положением находят отражение не только в ухудшении эффективности административных решений, но и в ослаблении институциональной устойчивости государства. Коррупция системно препятствует проведению эффективной государственной политики, снижает качество принимаемых решений, мешает внедрению инноваций в социально-экономическую сферу. Особенно опасным последствием становится размывание доверия к государству и правосудию, что ведет к пассивности гражданского общества и формированию убеждения в неравенстве всех перед законом. Подчеркивая масштаб и глубину проблемы, следует отметить, что борьба с коррупцией требует не только изменения правовых и организационных механизмов, но и коренного преобразования нравственно-ценностной основы общественных отношений. Формирование эффективной антикоррупционной среды невозможно без скоординированных усилий государства, делового сообщества и гражданского общества. Комплексный подход к устранению причин и условий, способствующих появлению коррупции, является гарантией развития правового государства и обеспечения национальной безопасности России.

Коррупционные проявления в системе государственного управления традиционно сохраняют высокую степень актуальности, поскольку их существование существенно подрывает процессы формирования эффективной правовой среды, а также нарушает гармоничное развитие экономических и социальных институтов. Наибольшую опасность такие явления представляют не столько из-за общего снижения продуктивности государственного аппарата или ухудшения социально-экономических показателей, сколько по причине глубокого разложения содержания профессиональной работы государственных служащих. Коррупция приводит к искажению стандартов служебной деятельности, снижению уровня профессионализма и потере

мотивации, формирует практики личной выгоды в ущерб общественным интересам, что в долгосрочной перспективе препятствует развитию правового государства и ослабляет доверие граждан к государственным институтам.

Подобные последствия значительно снижают качество реализации функций государственного управления, что проявляется в ослаблении эффективности управленческих решений и в потере контроля над стратегическими процессами развития общества. На международной арене такие негативные проявления способны ухудшить позиции государства, снизить его авторитет и воздействие в системе геополитических отношений. Более того, разрастание коррупционных практик влечет за собой серьезную угрозу целостности государства, поскольку подрывает основы суверенитета и устойчивости политических институтов, способствуя формированию предпосылок для дестабилизации и даже возможного распада.

Особое внимание к антикоррупционной тематике неизменно подчеркивается на высшем государственном уровне. В ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию регулярно акцентируется принципиальная важность неукоснительного соблюдения стандартов ответственности и профессионализма в противодействии коррупции. Эффективная борьба с этим явлением рассматривается как неотъемлемое условие обеспечения национальной безопасности, устойчивого развития страны и сохранения ее статуса полноценного независимого субъекта международных отношений⁷.

Анализ статистических данных, собранных в ходе исследований функционирования государственных структур, свидетельствует о том, что наивысшая концентрация коррупционных правонарушений обнаруживается в органах исполнительной власти. Именно этот сектор аккумулирует подавляющее большинство выявленных коррупционных сделок — на его долю приходится 98,9% всех установленных фактов предоставления коррупционных «услуг». Между тем судебная система и законодательные органы демонстрируют минимальные показатели вовлеченности — лишь 0,8% и 0,1% соответственно.

Столь выраженное преобладание исполнительной власти в структуре коррупционных проявлений объясняется спецификой ее полномочий. Значительная часть функций исполнительного аппарата обладает монопольным характером и связана с регулярным и тесным взаимодействием с населением и бизнесом, что, в свою очередь, создает дополнительные условия для возникновения коррупционных схем. Дифференциация источников незаконных доходов исполнительной власти позволила выявить три доминирующие сферы их образования. Наибольшая часть коррупционных поступлений (34,6%) приходится на действия в области осуществления контрольно-надзорных мероприятий, еще 34,2% связано с процессом выдачи

⁷ Яровая А.М., Годунов О.И. Понятие и сущность коррупции в российской правовой науке и законодательстве // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2022. № 4. С. 42–45.

лицензий, а 22% обусловлено нарушениями в системе налогового администрирования⁸.

Феномен коррупции в среде государственных служащих уходит корнями в глубины истории человеческой цивилизации и возник в связи с проявлением негативных свойств личности, оказавшейся у власти. Начиная с древнейших эпох, развитие общества сопровождалось распространением коррупционных тенденций, которые постепенно стали предметом пристального анализа в широком спектре научных дисциплин. Причина устойчивого интереса к этому явлению заключается в его сложном и многослойном характере: коррупция охватывает все ключевые стороны человеческого бытия — от проблем государственной политики до внутренних психологических установок личности. Охватив властные структуры, она приводит к значительному затягиванию процессов в гражданско-правовой сфере, существенно увеличивая риски для национальной безопасности и устойчивости самого государства. Для предупреждения и ограничения масштабов коррупционного давления был сформирован комплекс мер, который основывается на современных международных стандартах и накопленном опыте правоприменения, что позволяет поддерживать действенный механизм профилактики и системного противодействия соответствующим проявлениям. На протяжении последнего времени в рамках законодательной ветви власти систематически осуществляются инициативы по совершенствованию норм, регулирующих сферу противодействия коррупции. Несмотря на эти усилия, теоретические подходы к изучению феномена остаются достаточно разнородными, поскольку ученые до сих пор не пришли к единому определению его содержания и структуры. Многообразие трактовок обусловлено тем, что в понятие коррупции исследователи вкладывают различные концептуальные значения, что является вполне оправданным с учетом масштабов и универсальности этого явления.

В современных условиях можно выделить несколько наиболее эффективных способов противодействия коррупционным действиям. К числу приоритетных мер относятся развитые системы предотвращения и минимизации нарушений, связанных с коррупционными факторами. Главным содержанием этих механизмов выступают направления, ориентированные на защиту как индивидуальных граждан, так и общества и государства в целом от противоправных деяний. Особое внимание уделяется созданию и совершенствованию системы наблюдения за лицами, обладающими предрасположенностью к совершению соответствующих правонарушений, что позволяет более эффективно реализовывать превентивные инициативы. Помимо прочего, особое место занимает специализированное изучение коррупции как одного из ключевых социальных феноменов, поскольку это дает возможность

⁸ Диагностика российской коррупции: социологический анализ. Исследование Фонда «ИНДЕМ».

выявить структурные причины его устойчивости и разрабатывать обоснованные меры борьбы.

Среди эффективных мер по противодействию коррупции следует назвать ужесточение контроля и повышение уровня детальности при проверке сведений о доходах работников государственных структур. Нередки случаи, когда отдельные должностные лица пытаются скрыть утаиваемое имущество или финансовые активы посредством запутанных схем. Ужесточенные процедуры проверки способствуют выявлению подобных нарушений и снижают вероятность их совершения.

Кроме того, особый интерес вызывает стратегия, связанная с системным внедрением в кадровую политику государственных органов принципа регулярной смены служащих, или ротации. Последовательное применение данного инструмента направлено на снижение устойчивости коррупционных связей и минимизацию злоупотреблений со стороны чиновников. Преимущества введения таких механизмов распределения полномочий неоднократно анализировались не только академическим сообществом, но и практиками, занимающимися непосредственной организацией государственной гражданской службы.

Ротация государственных служащих положительно влияет на снижение риска коррупционных правонарушений, поскольку непродолжительный срок пребывания на одной позиции существенно затрудняет формирование и упрочнение неформальных связей. Такой подход не ослабляет мотивацию служащих к эффективной государственной деятельности, сохраняя у них интерес к своим должностным функциям и карьерному росту.

Анализируя пути преодоления коррупционных тенденций, следует внимательно рассмотреть ряд наиболее значимых проблем, препятствующих успешной реализации антикоррупционной политики. Первоочередной задачей современные исследователи считают формирование устойчивых политических и административных слоев в обществе, члены которых способны и стремятся профессионально участвовать в государственном управлении⁹. Это предполагает создание системы открытого и подотчетного отбора, обучения и подготовки руководящего состава для всех уровней управления. В ходе образовательного процесса необходимо акцентировать внимание на ценностях честного служения интересам как государства, так и граждан, а также формировать готовность к ответственности и заботе о благополучии общества.

Второй аспект раскрывается в необходимости осознания главных основополагающих начал формирования российского государства. Общество должно понимать, что Россия — демократическое государство, а как известно, демократия также бывает разной в силу отличий исторических событий

⁹ Цирин А.М., Севальнев В.В. Институциональные механизмы противодействия коррупции на государственной службе // Журнал российского права. 2021. № 9.

и традиций, национальных особенностей и много другого. Однако цель любой демократии так или иначе состоит в установлении соответствующего материально-экономического положения общества. Исследования зарубежного опыта борьбы с коррупцией позволяет вычлениить некоторые особенности. В первую очередь стоит отметить, что наиболее эффективно мероприятия по сдерживанию коррупционных явлений реализуются в условиях высокого благосостояния населения. Следовательно, снижение показателя бедности станет небольшим шагом к переменам в части социального и нравственного создания общества.

Следует согласиться с такими мерами по противодействию коррупции на государственной службе, поскольку так или иначе борьба с коррупцией подразумевает активизацию действий по максимальному снижению и дальнейшем искоренении обстоятельств, формирующих мотивацию и открывающих возможности для совершения правонарушений. Указанные действия и мероприятия должны предприниматься во всех сферах жизни общества комплексно.

Проблемой для Российской Федерации является то, что многие чиновники могут без особых затруднений превратить свои служебные полномочия в процесс личного обогащения. Недостатком является и то, что правоохранительные органы начнут реагировать не в процессе проведения такой схемы, а только после того, как она будет полностью раскрыта. Таким образом, на расследование подобного преступления уходит много времени, и чиновник успевает присвоить очень крупные суммы, а иногда и покинуть Российскую Федерацию¹⁰.

Этот вид преступлений имеет еще одну важную особенность — высокую латентность и большое количество эпизодов, установить которые проблематично. Для этого оперативно-разыскная деятельность должна проводиться длительное время, что требует немалых затрат сил и средств. Кроме этого, многие должностные лица пользуются служебным положением и для обеспечения собственной безопасности. Из-за этого раскрываемость данной категории преступлений остается низкой. Многие чиновники не скрывают богатства, нажитого преступным путем, они могут оформлять его на родственников, знакомых, пользуясь конституционными правами и презумпцией невиновности¹¹.

Ратификация ст. 20 Конвенции ООН могла бы продвинуть уровень борьбы с коррупцией выше, однако в Российской Федерации крайне неохотно заимствуют западный опыт по борьбе с коррупционной составляющей в различ-

¹⁰ Брынцев Б.В. Проблемы правового регулирования трудовых отношений граждан на государственной гражданской службе // Экономическая безопасность и права человека в контексте гражданского и арбитражного судопроизводства. Махачкала : ИП Овчинников М.А., 2021. С. 327–330.

¹¹ Филимонов Ю.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции // Закон. Право. Государство. 2020. № 2 (26). С. 67–71.

ных государственных структурах. Сложно ответить на вопрос, с чем именно это связано, мы можем выделить две основные причины: неподготовленность российского законодательства относительно европейского и международного, а также противодействие коррумпированных чиновников, которые не хотят принимать законы против себя.

Важно не просто разработать эффективные законодательные меры, но и учесть российский и зарубежный опыт, разработать механизмы, которые бы позволили обойти сопротивление коррумпированных чиновников и не дать им возможность воспользоваться властными полномочиями в своих интересах. Не помешает учитывать и опыт Советского Союза, продемонстрировавшего достаточно эффективные способы борьбы с коррупцией. Это не только эффективное законодательство, но и методика работы правоохранительных органов.

Графов Н.В.,

аспирант кафедры общей юриспруденции
факультета юриспруденции и правового регулирования
Российского государственного социального университета
(г. Москва)

Литература:

1. Афанасьев М.А. Особенности нормативно-правового регулирования противодействия коррупции у государственных служащих России / М.А. Афанасьев, Д.Ю. Иванова // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. EDN: OODXZA1.
2. Брынцев Б.В. Проблемы правового регулирования трудовых отношений граждан на государственной гражданской службе / Б.В. Брынцев // Экономическая безопасность и права человека в контексте гражданского и арбитражного судопроизводства : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 27 ноября 2021 г.) : сборник научных статей. Махачкала : ИП Овчинников М.А., 2021.
3. Филимонов Ю.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции / Ю.В. Филимонов // Закон. Право. Государство. 2020. № 2 (26).
4. Цирин А.М. Институциональные механизмы противодействия коррупции на государственной службе / А.М. Цирин, В.В. Севальнев // Журнал российского права. 2021. № 9.
5. Яровая А.М. Понятие и сущность коррупции в российской правовой науке и законодательстве / А.М. Яровая, О.И. Годунов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2022. № 4.

Основные вопросы взаимодействия органов публичной власти в осуществлении транспортного контроля (надзора) за перевозкой стратегических грузов

На сегодняшний стратегический груз является одним из видов грузов, который играет ключевую роль для обеспечения национальной безопасности и экономической стабильности России. Его перевозка должна осуществляться при строгом контроле (надзоре) со стороны органов публичной власти. Однако важно понимать о том, чтобы такая деятельность проводилась тщательно, необходимо, чтобы действия компетентных органов заключались в первую очередь в четком совместном взаимодействии.

Взаимодействие органов публичной власти, участвующих в транспортном надзоре и контроле за перевозкой стратегических грузов, включает в себя координацию действий, обмен информацией и совместное проведение проверок. Основные участники — это Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор), таможенные органы, Министерство Внутренних дел (МВД), Федеральная служба безопасности (ФСБ), региональные и муниципальные органы и др. Ространснадзор остается основным надзорным органом в сфере транспорта, включая перевозку грузов, в том числе стратегического.

В настоящее время на законодательном уровне к данной деятельности можно выделить «Правила взаимодействия органов исполнительной власти при проверке информации об угрозе внешнего вмешательства на объекты транспортной инфраструктуры»¹. Данные правила регламентируют совместную работу органов публичной власти для предупреждения и предотвращения актов незаконного вмешательства на объекты транспортной системы. Так, например, согласно п. 5 ФСБ и МВД при получении информации об угрозах совершения акта внешнего вмешательства в работу транспортной инфраструктуры информируют через Ространснадзор иные субъекты взаимодействия, а также проводят проверку по установлению достоверности такой информации. Связь настоящих правил с перевозкой стратегического груза

¹ Постановление Правительства РФ от 15 августа 2018 г. № 943 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве».

обосновывается тем, что акт незаконного вмешательства на объект транспортной инфраструктуры и (или) транспортное средство может привести к повреждению или утрате стратегического груза, следовательно, если органам публичной власти поступает информация о возможном таком противоправном деянии, ими должны быть приняты необходимые меры по их предотвращению.

Однако стоит отметить, что ранее указанные правила направлены на взаимодействие органов публичной власти лишь на проверку информации об угрозе акта внешнего вмешательства, которое может произойти при перевозке стратегического груза. В то же время необходимо учитывать, что подобные противоправные действия могут происходить и внезапно, т.е. без каких-либо информационных угроз. Поэтому важно понимать, что законодательство должно регулировать взаимодействие органов публичной власти не только при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве, но и в принципе при обеспечении безопасности движения транспортного средства, осуществляющего перевозку стратегического груза. В качестве решения данного вопроса предлагаются следующие варианты. Первый вариант заключается в редакции выше указанных правил, которая будет включать в себя регулирование взаимодействия компетентных органов не только при проверке информации о внешних угрозах, но и при прогнозировании и предотвращении таких угроз в случае отсутствия такой информации. Второй вариант — это принятие отдельных правил взаимодействия органов исполнительной власти при прогнозировании и недопущении совершения актов незаконного вмешательства.

Одним из примеров незаконного вмешательства в работу транспортного средства или транспортной инфраструктуры может послужить похищение стратегического груза, которое может происходить различными способами (включая угон транспортного средства, перевозящего такой груз). Такие действия способны привести к незаконному перемещению стратегического груза через государственную границу за пределы территории РФ. Тут в первую очередь важна работа органов Федеральной таможенной службы РФ (ФТС). Одной из ключевых задач таможенных органов является проведение таможенного контроля — процедуры, направленной на проверку соответствия товаров и транспортных средств, пересекающих границу государства, требованиям таможенного законодательства.

Таможенные органы, согласно ч. 1. ст. 221 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»², могут осуществлять свои

² Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

функции во взаимодействии с иными государственными органами. Такое взаимодействие направлено на обеспечение защиты экономических интересов страны и национального рынка, сохранения культурного наследия, а также предотвращения незаконного ввоза или вывоза товаров. В то же время остается открытым вопрос о том, с какими органами и в чем заключается данное взаимодействие. Некоторыми учеными подчеркиваются сложности взаимодействия таможенных органов с органами МВД РФ и ФСБ РФ. В качестве одной из ключевых проблем выделяется отсутствие единой нормативно-правовой базы. Ее создание необходимо для четкого правового регулирования такого взаимодействия (включая электронного). Также отмечается, что в условиях нынешней цифровизации необходимо создание единой информационной инфраструктуры взаимодействия, так как таможенными и правоохранительными органами используется разрозненная информационная система, что требует многократного сбора одних и тех же данных. Для решения таких вопросов требуется уточнение в законе о таможенном регулировании порядка взаимодействия таможенных и других органов публичной власти.

Правовая проблематика существует и во взаимодействии Ространснадзора с другими государственными органами исполнительной власти (в том числе таможенными органами). Как говорилось ранее, Ространснадзор является главным органом в осуществлении транспортного контроля (надзора) за перевозкой стратегических грузов. Основной его задачей является надзор за соблюдением законодательства на транспорте при таких перевозках. В компетенцию правоохранительных органов же входит обеспечение общественной безопасности и расследование преступлений, совершаемых на транспорте. При перевозке стратегических грузов возникает вопрос, какие именно нарушения попадают в компетенцию каждого органа. Например, если речь идет о нарушении правил перевозки опасных грузов (которые могут входить в состав военных грузов), Ространснадзор может возбуждать дела об административных правонарушениях, а правоохранительные органы — расследовать возможные уголовные деяния, связанные с такими нарушениями. Однако четкое разграничение полномочий в этой сфере не всегда очевидно, что может приводить к дублированию функций или пробелам в контроле. Например, при выявлении нарушений, связанных с безопасностью перевозок, может возникнуть вопрос о том, кто должен инициировать проверку — Ространснадзор или правоохранительные органы. Отсюда вытекает проблема отсутствия нормативно-правового акта, который мог бы четко определить полномочия Ространснадзора и Правоохранительных органов, а также порядок их взаимодействия. Такая проблема поднимает вопрос неопределенности согласованности действий между ведомствами, что может привести к конфликту и задержкам при проведении проверок.

Взаимодействие Ространснадзора и ФТС заключается в обмене информацией и мониторинге на предмет соответствия требованиям законодательства самого перевозимого стратегического груза, так и перевозящего его транспортного средства. Однако стоит заметить, что на законодательном уровне данное взаимодействие регулируется лишь «Порядком информационного взаимодействия между Ространснадзором и ФТС при надзоре за международными автомобильными перевозками»³ и «Правилами информационного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности дорожного движения»⁴. Следовательно, данное взаимодействие может распространяться на перевозку стратегического груза лишь автомобильным транспортом, в то время как такая перевозка может осуществляться и другими видами транспорта. Поэтому считается необходимым дополнить законодательную базу такого взаимодействия подобными правилами и порядками касаясь и других видов транспортных средств.

Важно отметить, что стратегический груз может подразделяться, например, на воинский (предназначенный для военных нужд и перевозящих в рамках государственного оборонного заказа) и на гуманитарный (тип груза, который может доставляться в зоны стихийных бедствий). Из этого следует, что взаимодействие между органами публичной власти в надзоре за перевозкой стратегических грузов необходимо рассматривать и исходя из типа такого груза. Если речь идет о воинском грузе, то в данном случае необходимо участие органов Министерства обороны РФ (Минобороны РФ), если же вопрос касается гуманитарного груза, то здесь необходимо участия Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ (МЧС России). Однако в деятельности указанных органов также имеются ряд правовых проблем, которые могут затрагивать и взаимодействие их с другими органами.

Контроль (надзор) за перевозкой воинского груза осуществляется Минобороны РФ через органы военных сообщений (ВОСО), основной функцией которого является организация воинских перевозок. Взаимодействие остальных органов публичной власти с данным органом заключается в обеспечении безопасности и соблюдении законодательства таких перевозок.

³ Приказ Минтранса России от 2 марта 2022 г. № 68, ФТС России № 146 «Об утверждении Порядка информационного взаимодействия между Федеральной службой по надзору в сфере транспорта и Федеральной таможенной службой при осуществлении государственного контроля (надзора) за осуществлением международных автомобильных перевозок в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 01.04.2022 № 68036).

⁴ Постановление Правительства РФ от 28 августа 2021 г. № 1442 «Об утверждении Правил информационного взаимодействия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области таможенного дела, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю (надзору) в сфере транспорта, и федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять контрольные, надзорные и разрешительные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения».

Но в то же время необходимо отметить, что деятельность ВОСО не закреплена на законодательном уровне. В связи с этим имеется отсутствие четкого понимания полномочий данного органа, а также порядок его взаимодействия с другими органами публичной власти в транспортном контроле (надзоре) за перевозкой воинского груза. Из этого следует, что необходима разработка нормативно-правового акта, который бы мог регулировать вопросы детальной деятельности ВОСО, а также его взаимодействие с другими органами публичной власти.

Гуманитарный груз, как правило, перевозится в рамках обеспечения безопасности и благополучия населения в зоны чрезвычайного положения (зоны военных действий или зоны стихийных бедствий (землетрясение, наводнение, лесные пожары и т.д.)). Своевременная и безопасная доставка гуманитарного груза также нуждается в эффективном взаимодействии органов публичной власти при проведении транспортного контроля (надзора). Такое взаимодействие должно включать в себя координацию и обмен информацией между органами публичной власти о данных груза, маршруте его перевозки и транспортном средстве, осуществляющем такую перевозку, а сам процесс перевозки и взаимодействие при ее осуществлении должен регулироваться нормативно-правовыми актами. Перевозка гуманитарного груза осуществляется при содействии МЧС России, следовательно, перевозка данного груза должна осуществляться при совместном контроле (надзоре) МЧС России с другими органами публичной власти. Как говорилось ранее, гуманитарный груз доставляется в зоны чрезвычайного положения, которые могут вводиться на территории России в целом или в отдельных ее регионах или местностях на основании ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»⁵. В настоящем ФКЗ стоит указать на отсутствие каких-либо полномочий МЧС России и его взаимодействия с органами публичной власти. Данная проблема заключается в отсутствии разграничения полномочий между указанными органами. Поэтому считается необходимым четко распределить полномочия МЧС России и других органов публичной власти, а также определить порядок их взаимодействия (в том числе и в вопросах перевозки гуманитарного груза).

Также стоит отметить, что гуманитарный груз может поставляться из иностранных государств в рамках международной помощи. Поставка товаров в рамках такой помощи регулируется ст. 39 выше названного ФКЗ, «Порядком оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации»⁶ и международными договорами. Согласно п. 10 гл. 3 Порядка оказания гуманитарной помощи, гуманитарный груз ввозится в первоочередном порядке в соответствии

⁵ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении».

⁶ Постановление Правительства РФ от 4 декабря 1999 г. № 1335 (ред. от 15.07.2021) «Об утверждении Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации».

с правом Евразийского экономического союза, а также с освобождением от уплаты таможенных сборов за совершение таможенных операций. Однако нужно понимать, что гуманитарный груз может поставляться не только из иностранных государств, но и на территории самой Российской Федерации (из соседних регионов), которая также нуждается в транспортном контроле (надзоре) органами публичной власти при их взаимодействии. Поэтому на законодательном уровне необходимо введения порядка оказания гуманитарной помощи внутри Российской Федерации (подобного порядку, указанного выше).

На основе выше сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Транспортный контроль (надзор) за перевозкой стратегического груза нуждается в обеспечении эффективного взаимодействия, для этого требуется четкое распределение полномочий, согласование процедур и правовых гарантий соблюдения прав граждан и юридических лиц.

2. Важным аспектом является баланс между обеспечением безопасности и защитой прав участников перевозок.

3. При перевозке воинского груза необходимо четкое регулирование взаимодействия органов министерства обороны с другими органами публичной власти.

4. Перевозка Гуманитарного груза должна осуществляться при тщательной координации органов МЧС России и других органов исполнительной власти.

Чтобы взаимодействие между органами публичной власти при контрольно-надзорной деятельности за перевозкой стратегических грузов осуществлялось слаженно, в законодательстве необходимо устранение всех пробелов.

Дудин Е.С.,

аспирант Юридического института

Российского университета транспорта (МИИТ),

юрисконсульт Акционерного Общества «По наладке, совершенствованию технологии и эксплуатации электрических станций "Дальтехэнерго"»

(г. Москва)

Литература:

1. Баранова Ю. Проблемы межведомственного взаимодействия таможенных органов с другими органами исполнительной власти / Ю. Баранова, В. Япрынцева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2–1 (120).
2. Тургунбекова К.Т. Необходимость таможенного контроля для экономики страны / К.Т. Тургунбекова // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 10.

Проблемы теории нетрадиционных административных актов (на примере соотношения предварительного и промежуточного административных актов)

Реализация задач и функций органов публичной власти и их должностных лиц сопряжена с осуществлением определенных действий и принятием соответствующих решений. Действия и решения, основанные на реализации управленческой деятельности, представляют собой правовой акт управления (административный акт). Системообразующим основанием классификации актов является их разграничение в зависимости от юридических свойств¹ на нормативные и индивидуальные административные акты. В этой связи постоянное развитие системы государственного управления опосредует разнообразие видов индивидуальных административных актов в деятельности органов публичной власти и их должностных лиц, что предопределяет возникновение и развитие иных, нетрадиционных административных актов, нуждающихся в дополнительном рассмотрении.

Актуальность исследования нетрадиционных административных актов предопределена сущностью индивидуальных актов, их значимостью как основного инструмента реализации властных полномочий органов публичной власти и их должностных лиц, необходимостью развития теории административного права. Рассматривая термин «нетрадиционный административный акт» можно предположить, что под ним следует понимать разновидность индивидуального административного акта, правовой результат деятельности органа единой системы публичной власти (и их должностных лиц), основной задачей которого является правовое оформление отдельных этапов административной процедуры. К нетрадиционным административным актам можно отнести предварительные, промежуточные и подразумеваемые² административные акты. Далее, предлагаем определить основные

¹ См., напр.: Россинский Б.В. Административное право : учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. 7-е изд., пересм. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 453; Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 201.

² По данному вопр. см.: Андреев Д.С. Подразумеваемые административные акты. Часть первая / Д.С. Андреев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 318–336; Андреев Д.С. Подразумеваемые административные акты. Часть вторая / Д.С. Андреев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1. С. 105–118.

проблемы теории нетрадиционных административных актов на примере соотношения предварительного и промежуточного административных актов.

Термин «предварительный административный акт» не используется российским законодателем. По смыслу ст. 55 Модельного закона «Об административных процедурах» предварительный административный акт — это акт временного характера, «предшествующий принятию окончательного административного акта»³. В этой связи можно предположить, что рассматриваемая нами форма — это разновидность индивидуального административного акта, имеющая временный характер, направленная на побуждение адресата к совершению действий, предусмотренных процедурой, определяющая совокупность приемов и правил, применяемых (допускаемых) в пределах правовых отношений. Например, решение контролирующего органа о выдаче предписания об устранении выявленных нарушений, предусмотренное подп. 3 п. 3 ст. 74 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁴, может быть выдано контролируемому лицу после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия. Предписанием определяется разумный срок для устранения выявленных нарушений в рамках наблюдения за соблюдением обязательных требований. В случае если контролируемое лицо устранило недостатки, предписание утрачивает юридическую силу, что подчеркивает временный характер принятого предварительного административного акта.

Примерами предварительных административных актов могут стать документы, выносимые в рамках лицензирования деятельности по монтажу, техническому обслуживанию и ремонту средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений⁵. Первое — предостережение лицензирующего органа о недопустимости нарушения лицензионных требований, с предложением лицензиату принять меры по обеспечению соблюдения лицензионных требований. По результатам рассмотрения юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем (далее — лицензиат) предостережения в лицензирующий орган могут быть поданы возражения, с обоснованием

³ Постановление № 54-28 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О модельном законе “Об административных процедурах”» (прин. в г. Самарканде 28 октября 2022 г.) // URL: <https://eccis.org/> (дата обращения: 27.10.2025).

⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

⁵ По данному вопросу см.: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649; Постановление Правительства РФ от 28 июля 2020 г. № 1128 (ред. от 02.10.2025) «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по монтажу, техническому обслуживанию и ремонту средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5276.

позиции в отношении указанных в предостережении действий (бездействия) лицензиата, которые приводят или могут привести к нарушению лицензионных требований. Второе — предупреждение⁶, выносимое при выявлении лицензирующим органом нарушения лицензиатом требований, установленных положениями Федерального закона «О пожарной безопасности»⁷ (ст. 24.1 и (или) 24.3), и п. «а», «в», и «г» п. 4 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 28 июля 2020 г. № 1128⁸. Подготовка и направление предупреждения осуществляются не позднее пяти рабочих дней со дня получения лицензирующим органом (должностным лицом) сведений о выявленных нарушениях. По результатам рассмотрения предупреждения лицензирующего органа лицензиат вправе подать возражения в течение десяти дней с момента получения предупреждения. При отсутствии возражений лицензиат в установленный срок направляет в лицензирующий орган уведомление об исполнении предупреждения, которое должно содержать сведения о принятых по результатам рассмотрения предупреждения мерах по обеспечению соблюдения лицензионных требований.

Среди примеров предварительных административных актов следует обратить внимание также на требования по сохранению, содержанию и использованию объекта культурного наследия регионального значения, а также задание на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия. Ими определены состав (перечень) видов работ по сохранению объекта культурного наследия, сроки выполнения работ, с установлением предельного срока для предоставления замечаний и предложений⁹ организацией, являющейся владельцем здания.

Предварительные административные акты следует отличать от промежуточных административных актов, под которыми может пониматься совершение «определенных предписанных действий, приближающих итоговое решение по делу и необходимых для его принятия»¹⁰. Например, решение

⁶ Заметим, что предостережение и предупреждение лицензирующего органа могут быть вынесены и в рамках иных лицензируемых видов деятельности. Например, см.: Постановление Правительства РФ от 28 июля 2020 г. № 1131 (ред. от 02.10.2025) «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по тушению пожаров в населенных пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5278.

⁷ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

⁸ Постановление Правительства РФ от 28 июля 2020 г. № 1128 (ред. от 02.10.2025) «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по монтажу, техническому обслуживанию и ремонту средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5276.

⁹ Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.01.2025) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

¹⁰ Помазуев А.Е. Административные процедуры доступа граждан к публичной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Екатеринбург, 2007. С. 12.

о предварительном согласовании предоставления земельного участка (далее — решение), предусмотренное п. 16 ст. 39.15 Земельного кодекса Российской Федерации¹¹, будет основанием для предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности без проведения торгов. Так, решение является основанием для процедуры кадастрового учета и принятия решения о предоставлении земельного участка, а значит, приближает итоговое решение по делу. Еще одним примером является порядок организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий¹². В рамках подготовки к проведению государственной экспертизы могут быть получены заключение о согласовании результатов инженерных изысканий, заключение в рамках экспертного сопровождения и иные виды актов.

Предварительные и промежуточные административные акты не имеют критериев дифференциации в административном праве, сформированных на основе анализа цели и функционального назначения, правовой природы, юридической силы и правовых последствий. Между тем предварительные и промежуточные административные акты являются разными правовыми феноменами.

Во-первых, предварительные и промежуточные административные акты следует отличать от актов информационно-технического характера, как правило, принимаемых в рамках предоставления государственных и муниципальных услуг. Например, процесс получения государственной или муниципальной услуги через Федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» предполагает наличие нескольких этапов, в рамках которых возможно вынесение актов в автоматическом режиме. Как правило, такие акты могут подтверждать факт направления и получения заявления органом публичной власти, а также совершение иных действий, о которых заявитель должен быть уведомлен по ходу движения процедуры рассмотрения обращения. Задача уведомлений — обеспечение доступности информации о последовательных этапах оказания государственной или муниципальной услуги, в том числе о процессуальных сроках, повышение эффективности взаимодействия органа публичной власти и гражданина.

¹¹ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) «Земельный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹² По данному вопросу см.: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Градостроительный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16; Постановление Правительства РФ от 05 марта 2007 г. № 145 (ред. от 03.10.2025) «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» // СЗ РФ. 2007. № 11. Ст. 1336.

Во-вторых, как отмечается в юридической литературе¹³, промежуточные административные акты (действия, решения), как правило, могут быть обжалованы лишь одновременно с основным (итоговым) административным актом, разрешающим административное дело по существу¹⁴. Иными словами, законодательство не предусматривает общий порядок административного (досудебного) и судебного обжалования предварительных и промежуточных административных актов, за исключением некоторых из них. По смыслу ст. 18.1 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» решения и осуществленные действия (бездействие) лицензирующего органа могут быть обжалованы в досудебном и судебном порядке. В этой связи обжалованию подлежат не только решение об аннулировании лицензии, но и решение о приостановлении и прекращении действия лицензии.

В-третьих, анализируя примеры актов лицензирования отдельных видов деятельности, можно предположить, что предварительные и промежуточные административные акты могут оказывать воздействие на правовой статус адресата. Обязательность исполнения предварительного и промежуточного административных актов может свидетельствовать о его самостоятельном юридическом значении. В этой связи предварительные и промежуточные административные акты, равно как и «классические» индивидуальные административные акты, нуждаются в определении условий законности и действительности административных актов.

В заключение отметим, что предварительные и промежуточные административные акты — это самостоятельные правовые феномены, имеющие общие и особенные черты. Рассматриваемые разновидности нетрадиционных административных актов, с одной стороны, имеют временный характер, направлены на регулирование отдельных этапов административной процедуры. С другой стороны, юридическая сила предварительных и промежуточных административных актов проявляется в их способности оказывать воздействие на правовой статус адресата. Это предопределяет после-

¹³ Давыдов К.В. Стадии административной процедуры: сравнительно-правовой анализ / К.В. Давыдов // Актуальные вопросы публичного права. 2017. № 1. С. 237.

¹⁴ Здесь можно отметить исключение в российском охранительном законодательстве. Так, протокол об административном правонарушении — это разновидность jurisdictional административного акта в производстве по делам об административных правонарушениях. Протокол об административном правонарушении не может быть предметом обжалования (как самостоятельного, так и «совместного»), поскольку он не оказывает влияния на правовой статус лица, в отношении которого ведется производство по делу. Обжалованию подлежит основной (итоговый) административный акт, разрешающий дело об административном правонарушении по существу — постановление по делу об административном правонарушении, в порядке, установленном гл. 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

довательную разработку механизма защиты прав частных лиц — субъектов административно-правовых отношений на основе дальнейшей разработки теории нетрадиционных административных актов.

Живалева А.К.,

преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета Автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации»
(г. Новосибирск)

Литература:

1. Административное право : учебник / под редакцией Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025.
2. Андреев Д.С. Подразумеваемые административные акты. Часть вторая / Д.С. Андреев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1.
3. Андреев Д.С. Подразумеваемые административные акты. Часть первая / Д.С. Андреев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2.
4. Давыдов К.В. Стадии административной процедуры: сравнительно-правовой анализ / К.В. Давыдов // Актуальные вопросы публичного права. 2017. № 1.
5. Помазуев А.Е. Административные процедуры доступа граждан к публичной информации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Е. Помазуев. Екатеринбург, 2007.
6. Россинский Б.В. Административное право : учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. 7-е изд., пересм. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025.

Актуальные вопросы определения структуры и организации деятельности администрации федеральной территории «Сириус»

Исследование административно-правовых аспектов функционирования федеральной территории в современной парадигме публичного управления в России представляется невозможным без выявления проблем организации деятельности исполнительно-распорядительных органов в федеральной территории. Основа системы данных органов — администрация федеральной территории «Сириус».

Федеральная территория «Сириус» являет собой поистине новую конфигурацию публичного управления. Сириус — это своего рода «полигон» для адаптации института федеральных территорий к реалиям российских управленческих отношений. В связи с этим можно отметить, что статус администрации федеральной территории существенно отличается от правового положения исполнительно-распорядительных органов иных публично-правовых образований.

Административно-правовой статус администрации федеральной территории регламентируется ст. 15 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус»¹ (далее — Закон о федеральной территории). Кроме того, немаловажную роль в установлении статуса администрации играют акты самой федеральной территории.

Данный орган по своей сути является единоначальным. Также необходимо отметить, что в соответствии с законом структура рассматриваемого органа всецело определяется его главой.

На наш взгляд, в этом кроется первая проблема определения статуса администрации федеральной территории. Ее структура (а это значит, что во многом и порядок деятельности) определяется исключительно одним должностным лицом, при этом контроль представительного органа (Совета федеральной территории) в отношении формирования администрации отсутствует.

При этом в других публично-правовых образованиях (в муниципальных образованиях, субъектах РФ, на федеральном уровне) дело обстоит несколько иначе. Подтверждением тому служат положения действующего законодательства.

Так, представительный орган утверждает структуру местной администрации по представлению ее главы (ч. 16 ст. 22 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе

¹ Федеральный закон «О федеральной территории “Сириус”» // СЗ РФ. 2020. № 52 (Часть I). С. 8583.

публичной власти»)². На региональном уровне система и структура исполнительных органов власти субъекта РФ может быть определена его высшим должностным лицом, но только лишь в соответствии с конституцией (уставом) конкретного субъекта РФ (ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»)³. Наконец, структура Правительства РФ определена конституционными положениями и положениями соответствующего федерального конституционного закона.

Таким образом, мы видим, что на региональном и муниципальном уровнях граждане (пусть и косвенно, с помощью деятельности представительного органа) могут влиять на формирование структуры высших органов публичной администрации. У граждан, проживающих в Сириусе, такая возможность полностью отсутствует.

При этом мотивы, которыми руководствовался законодатель при установлении дифференцированного подхода при определении порядка утверждения структуры исполнительных органов в различных публично-правовых образованиях, не представляются ясными. Этот вопрос предстает в новом свете с учетом того, что органы федеральной территории выполняют, в том числе, функции местного самоуправления.

В итоге возникла следующая ситуация — во всех муниципальных образованиях граждане имеют возможность (пусть и через представительный орган) влиять на формирование структуры администрации, а в федеральной территории граждане лишены такой возможности. На наш взгляд, такое ограничение права граждан на участие в формировании администрации не представляется обоснованным, особенно с учетом того, что именно администрация разрешает вопросы местного значения — наиболее насущные для жителей, непосредственно связанные с обеспечением реализации их прав и законных интересов.

На наш взгляд, данная проблема должна быть разрешена именно на законодательном уровне. Видится разумным предусмотреть в Законе о федеральной территории положение, согласно которому структура администрации федеральной территории утверждалась бы ее Советом по представлению главы администрации.

В случае реализации данного предложения жители Сириуса получили бы возможность влиять на формирование администрации и, как следствие, решение вопросов местного значения. Кроме того, такая модель формирования структуры администрации могла бы стать нормативным ориентиром для

² Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. С. 1200.

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). С. 8973.

регламентации статуса новых федеральных территорий, если таковые будут учреждены в будущем.

Помимо формирования самой структуры администрации федеральной территории, важное место в организации управления в данном публично-правовом образовании занимает вопрос о назначении заместителей главы администрации. Именно эти должностные лица несут персональную ответственность за отдельные направления управленческой деятельности перед главой администрации.

Законом федеральной территории (ч. 5 ст. 12) установлено, что Совет федеральной территории осуществляет согласование назначения заместителей главы администрации «Сириуса». При этом не представляется ясным, чем процедура согласования в данном случае отличается от процедуры утверждения.

По своей сути процедура утверждения носит императивный характер. Природа же согласования не представляется полностью определенной. На наш взгляд, было бы правильным предусмотреть утверждение Советом федеральной территории назначения заместителей главы администрации. Это сняло бы все вопросы относительно возникшей терминологической неопределенности в данном случае.

Нельзя обойти вниманием и вопрос об определении положения самого главы администрации в системе публичного управления федеральной территории. В соответствии со ст. 12 Закона о федеральной территории к числу членов ее Совета отнесен и глава администрации.

С.С. Стариков считает, что данное положение следует исключить из Закона о федеральной территории. Исследователь аргументирует это тем, что в данном случае нарушается принцип разделения властей⁴.

Вместе с тем подобная модель организации власти уже существует на муниципальном уровне — речь идет о том случае, когда местная администрация возглавляется главой муниципального образования, который был избран представительным органом из его состава. В свете этого обстоятельства предложение С.С. Старикова выглядит весьма спорным и с ним вряд ли можно согласиться.

Также представляется немаловажным вопрос об определении юридической ответственности должностных лиц администрации федеральной территории. В соответствии с Законом о федеральной территории (ч. 4 ст. 15) они несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. Данный вопрос нуждается в нормативном уточнении, поскольку законодательством в настоящее время не установлены какие-либо специальные юридические санкции за совершение тех или иных правонарушений должностными лицами федеральной территории.

⁴ См.: Стариков С.С. Особенности организации исполнительной власти федеральной территории «Сириус» // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 1. С. 57.

Компетенция администрации федеральной территории «Сириус» определена в ее Уставе (ст. 32)⁵. Следует отметить высокую детализацию определения компетенции в данном случае — в указанной статье отражено более ста полномочий. В связи с этим стоит отметить, что в литературе было выражено мнение, согласно которому компетенция администрации должна закрепляться на законодательном уровне⁶. На наш взгляд, в целом следует согласиться с этим утверждением, поскольку установление полномочий администрации федеральной территории на законодательном уровне позволит исключить возможность произвольного расширения компетенции данного органа на уровне актов федеральной территории сверх пределов, определенных законодательством.

Среди полномочий администрации вызывает особый интерес полномочия по управлению муниципальной собственностью федеральной территории. По данному вопросу наблюдается правовая коллизия.

По смыслу ст. 63 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» муниципальное имущество может находиться в собственности муниципальных образований. Очевидно, что федеральная территория не является муниципальным образованием.

Иная точка зрения, согласно которой «Сириус» следует признавать в качестве городского округа⁷, больше не имеет правовых оснований — соответствующий закон Краснодарского края об образовании городского округа «Сириус» утратил силу в 2025 г.

Таким образом, федеральная территория действительно является отдельной разновидностью публично-правовых образований, что неизбежно требует специфического правового регулирования. В целом можно согласиться с позицией о том, что федеральную территорию нельзя отнести ни к государству, ни к муниципальным образованиям⁸.

Следовательно, на наш взгляд, отсутствует правовая основа для отнесения имущества, переданного федеральной территории, к муниципальной собственности. В связи с этим представляется правильным осуществить коррекцию правового регулирования.

На наш взгляд, было бы разумным закрепить на законодательном уровне собственность федеральных территорий как отдельную форму собствен-

⁵ Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 19 ноября 2021 г. № 1-3/16 «Об утверждении Устава федеральной территории «Сириус»» // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». URL: <https://sirius-ft.ru/> (дата обращения: 09.10.2025).

⁶ Ковтун О.А., Терещенко Н.Д., Шапиро И.В. К вопросу о статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11. С. 68.

⁷ Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Конституционно-правовой статус федеральных территорий и их особенности в современных реалиях // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 42.

⁸ См.: Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 22.

ности. Это вполне согласуется с конституционными положениями, которые предусматривают, помимо традиционной триады форм собственности, возможность существования иных форм собственности — их перечень является открытым.

В пользу этого можно привести следующие аргументы. Во-первых, федеральная территория является особым публично-правовым образованием, имеющим по сути гибридную природу — она может осуществлять и федеральные, и региональные, и муниципальные полномочия. Видится логичным выделение отдельной формы собственности с комплексным целевым назначением, определяемым объемом компетенции федеральной территории по местным вопросам, а также объемом федеральных и региональных полномочий, которые были переданы федеральной территории.

Во-вторых, помимо традиционных форм собственности, уже существуют и иные — например, собственность государственных корпораций. В связи с этим существование отдельной формы собственности — собственности федеральных территорий, представляется вполне возможной.

Организация деятельности администрации «Сириуса» более подробно регламентирована в Положении об администрации федеральной территории (далее — Положение)⁹. Однако необходимо отметить, что нормы, закрепленные в данном положении, во многом дублируют содержание Закона о федеральной территории.

В качестве позитивного аспекта регулирования деятельности администрации можно отметить закрепление принципа гласности. Этому принципу посвящена целая статья. Получили отражение и формы взаимодействия администрации с гражданами — пресс-конференции, брифинги, собрания, встречи.

Нельзя не отметить, что Положением в соответствии с федеральным законодательством предусмотрено право граждан на обращение в администрацию с получением письменного ответа. Вместе с тем законом предусмотрено направление не только письменных, но и устных обращений. В связи с этим для укрепления взаимодействия жителей «Сириуса» с администрацией и повышения авторитета данного органа было разумным предусмотреть и такую форму взаимодействия власти и граждан, как горячая линия.

К слову, такая форма рассмотрения обращений уже получила отражение в региональном законодательстве. Так, в соответствии со ст. 7 Закона Архангельской области «О дополнительных гарантиях реализации права граждан на обращение в Архангельской области» предусмотрены прямые линии и горячие линии¹⁰.

⁹ Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 28 января 2022 г. № 1-8/43 «Об утверждении Положения об администрации федеральной территории «Сириус» // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». URL: <https://sirius-ft.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁰ Закон Архангельской области от 15 марта 2012 г. № 436-29-ОЗ «О дополнительных гарантиях реализации права граждан на обращение в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов. 2022. № 29.

Наконец, обратим внимание на оценку эффективности деятельности администрации. В соответствии со ст. 12 Закона о федеральной территории Совет должен утвердить основные показатели деятельности администрации на очередной и плановый год. Однако ни в Законе, ни в Уставе федеральной территории, ни в Положении об администрации суть данных показателей не раскрывается даже в общем виде. На наш взгляд, этот пробел было бы логично восполнить на уровне федерального закона путем установления бланкетной ссылки на Положение об администрации федеральной территории, в котором и следовало бы раскрыть основные показатели, по которым будет оцениваться деятельность администрации.

Проведенный анализ вопросов определения структуры и организации деятельности федеральной территории позволяет прийти к выводу о том, что данная сфера нуждается в определенном совершенствовании правового регулирования. Это необходимо для устранения правовых пробелов, коллизий в нормативной регламентации деятельности администрации, а также для обеспечения демократического участия жителей федеральной территории в осуществлении публичного управления.

Вместе с тем нельзя не отметить, что институт федеральных территорий имеет колоссальный управленческий потенциал, который обусловлен сочетанием компетенции различных элементов системы публичного управления. Российская система публичного администрирования не пошла путем большинства стран, в которых существуют федеральные территории как особые единицы со столичным статусом, — вместо этого отечественный законодатель изобрел новую модель федеральных территорий, обладающую определенной самобытностью. Представляется, что этим и будет обусловлен интерес исследователей к феномену федеральной территории в России в будущем.

Кан К.А.,

аспирант кафедры административного права
Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Литература:

1. Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики / И.В. Зернов // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1.
2. Зинченко Е.Ю. Конституционно-правовой статус федеральных территорий и их особенности в современных реалиях / Е.Ю. Зинченко, Е.Н. Хазов // Государственная служба и кадры. 2021. № 4.
3. Ковтун О.А. К вопросу о статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус» / О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко, И.В. Шапиро // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11.
4. Стариков С.С. Особенности организации исполнительной власти федеральной территории «Сириус» / С.С. Стариков // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 1.

Современные тенденции в регулировании специального права управления транспортным средством

Управление транспортным средством (далее — ТС) относится к той категории деятельности, которая регламентируется государством в рамках разрешительной системы¹. Непосредственным выражением этого права и производных из него обязанностей выступает специальный административно-правовой статус, формирование которого происходит по итогам последовательного выполнения ряда административных процедур, в числе которых: прохождение медкомиссии, освоение соответствующей образовательной программы и успешная сдача квалификационных экзаменов.

Легимитизация специального права управления ТС подтверждается выдачей индивидуализированного разрешения (например, водительского удостоверения). Его получение позволяет гражданину реализовать свое право на управление ТС². Важнейшей характеристикой данного права служит возможность его приостановления или прекращения. Как верно подчеркивает профессор М.Е. Труфанов, «Специальное право, предоставленное физическому лицу (квалификационный аттестат, водительское удостоверение) — это средства реализации субъективных прав и обязанностей, которые предоставляются индивидуально и могут быть упразднены в случае ненадлежащего их использования»³.

Современная транспортная среда формирует ряд вызовов, с которым сталкивается современное общество, значимых для административно-правового регулирования специального права. Наблюдается устойчивый рост количества административных правонарушений (далее — АП). Динамика возбужденных дел в сфере безопасности дорожного движения (далее — БДД) демонстрирует значительный рост — с 145,2 млн в 2019 г. до 255,1 млн

¹ Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности Юриспруденция. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2011. 622 с.

² Лапов И.Н. Особенности административной ответственности граждан, имеющих специальное право на управление транспортными средствами // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2(113). С. 56.

³ Труфанов М.Е. Проблемы сочетания репрессий и репараций в административной ответственности // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 29 мая 2015 г.). Краснодар : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2015. С. 34.

в 2024 г. Структура правонарушений также претерпевает изменения. В 2024 г. зафиксировано 193,7 млн дел об АП о превышении установленной скорости (в 2023 г. — 181,7 млн). Отмечается рост дел об АП, связанных с управлением ТС водителями без права управления, — 429,7 тыс. (в 2023 — 411,9 тыс.). Хотя абсолютное число дел за управление в состоянии опьянения или отказа от освидетельствования снизилось до 403 492, сохраняется высокая общественная опасность данных деяний. В системе административных наказаний доминируют административный штраф (253,5 млн) и предупреждение (250 тыс.). Лишение права управления ТС в 2024 г. назначалось 298 631 раз (2023 г. — 340 713 раз). Административный арест в 2023 г. назначался в качестве административного наказания за совершение АП в области дорожного движения 110 627 раз (2023 г. — 126 275 раз)⁴. Указанные данные свидетельствуют о необходимости совершенствования административно-правовых мер, направленных на повышение эффективности воздействия на правонарушителей.

Наряду с этим значительно усложняется технологическая инфраструктура дорожного движения: внедрение автоматических камер, интеллектуальных систем фиксации нарушений, цифровых профилей водителей, электронных паспортов ТС и единого цифрового пространства взаимодействия участников движения требует адаптации правового регулирования под новые модели контроля. Кроме традиционных видов транспорта, в настоящее время получают распространение ТС на электрической тяге, включая гибридные. Рост их автономности, обеспечиваемый современными техническими решениями и генеративными нейросетями, и появление новых участников дорожного движения актуализируют вопрос совершенствования административного законодательства. В.И. Майоров, в частности, отмечает: «...совершенствование административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения является одной из актуальных проблем юридической науки и практики»⁵. В развитие этой мысли актуальной становится и необходимость уточнения специального административно-правового

⁴ Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. [и др.]. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.; Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. [и др.]. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 120 с.

⁵ Майоров В.И. Проблема совершенствования административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения (Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г.). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 416.

статуса лиц, осуществляющих управление такими ТС, а также определения того, должно ли специальное право управления распространяться на новые типы ТС. При этом международный опыт демонстрирует тенденцию к созданию специальных категорий удостоверений для определенных видов средств индивидуальной мобильности, что заслуживает внимания с точки зрения возможной адаптации в российском законодательстве.

Помимо технологических изменений, современные реалии характеризуются усилением трансграничной мобильности граждан. Увеличивается количество лиц, использующих иностранные водительские удостоверения, а также совершающих правонарушения на территории государств, где они не являются резидентами. Анализ статистических данных за период с 2020 по 2024 г. выявляет устойчивую негативную динамику количества административных правонарушений в области БДД, совершенных иностранными гражданами на территории России. За пять лет данный показатель возрос более чем в 3 раза — с 0,8 млн до 2,5 млн. При этом основную долю нарушителей составляют граждане стран СНГ. В контексте административно-правового противодействия отмечается недостаточная эффективность мер административного принуждения, связанных с ограничением пребывания на территории России иностранных граждан-нарушителей в сфере БДД. Так, в 2024 г. из 1397 ходатайств о нежелательности пребывания, подготовленных по фактам выявленных нарушений правил дорожного движения, удовлетворено лишь 579. Аналогичная ситуация наблюдается с материалами, направляемыми в подразделения по вопросам миграции, — из 51 524 направленных материалов положительное решение вынесено только по 1810, что может свидетельствовать о наличии системных проблем в межведомственном взаимодействии и правоприменительной практике. Несмотря на некоторое снижение в 2024 г. количества дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) по вине иностранных водителей (5 318), показатели тяжести последствий остаются значительными: 526 погибших и 7 031 раненый. В среднем иностранные водители признавались виновными в 64,7% ДТП с их участием, причем 94,1% таких происшествий совершены по вине иностранных граждан стран СНГ⁶. Это делает актуальными вопросы международной координации административных мер, обмена информацией о правонаруше-

⁶ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 154 с.; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 148 с.; Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. [и др.]. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.; Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. [и др.]. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 120 с.

ниях, унификации требований к водительским удостоверениям и системам подготовки водителей.

Административно-правовые механизмы допуска к управлению ТС также переживают существенные трансформации. В образовательных программах подготовки водителей усиливается роль практико-ориентированных подходов, цифровых тренажеров, симуляторов, повышения качества экзаменационных процедур. Все более активно внедряется видеофиксация процесса сдачи экзаменов, использование автоматизированных систем оценки действий кандидатов в водители, что направлено на сокращение субъективности и исключение коррупционных факторов. Значимым направлением развития является модернизация требований к медицинскому освидетельствованию водителей, включая применение новых методик выявления психофизиологических противопоказаний, периодического мониторинга состояния здоровья, а также разработки механизмов оперативного реагирования на выявленные риски. Так, с 1 марта 2027 г. в России начнет действовать новый порядок контроля за состоянием лиц, обладающих специальным правом управления ТС⁷, согласно которому при документальном подтверждении у владельца водительского удостоверения медицинских противопоказаний к управлению ТС медицинская организация обязана проинформировать Госавтоинспекцию, которая, в свою очередь, будет принимать решение о необходимости прохождения водителем внеочередного обязательного медицинского освидетельствования.

Особое место в системе регулирования занимает институт ограничения и лишения специального права управления ТС. В последние годы усилилась тенденция дифференциации административной ответственности. В зависимости от степени общественной опасности правонарушения законодатель вводит различные модели воздействия: от повышенных санкций за управление ТС в состоянии опьянения до прогрессивной системы наказаний за повторные нарушения. Также развивается практика применения временного ограничения специального права управления ТС как обеспечительной меры (например, в отношении должника). Наряду с этим автоматизация контроля приводит к формированию нового подхода к возбуждению и рассмотрению дел об АП, основанного на данных автоматических комплексов фиксации, что порождает необходимость дополнительного совершенствования процедур защиты прав граждан, обеспечивающих объективность установления вины.

Цифровизация административного контроля становится одним из ключевых направлений развития транспортной сферы. Создание единого циф-

⁷ Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 200-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О безопасности дорожного движения” и статью 10 Федерального закона “О персональных данных” // URL: pravo.gov.ru (№ 0001202507070020); Российская газета. 2025. 10 июля; СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3840.

рового профиля водителя, включающего информацию о стаже, нарушениях, медицинских противопоказаниях и страховании, открывает возможности для внедрения риск-ориентированного подхода, при котором меры административного воздействия будут определяться с учетом индивидуального уровня риска. В перспективе развитие цифровизации предполагает использование искусственного интеллекта для прогнозирования вероятности правонарушений и принятия превентивных мер. Однако такие решения требуют тщательной регламентации, так как связаны с рисками нарушения конфиденциальности, ошибочностью алгоритмов и ограничением процессуальных прав граждан.

Международные тенденции регулирования специального права управления ТС свидетельствуют о широком использовании цифровых технологий контроля, систем штрафных баллов, автоматического вынесения санкций и дифференциации прав в зависимости от рисков, связанных с определенными транспортными средствами. Например, в некоторых государствах Европы, Азии и отдельных штатах США действует система накопления «баллов» за различные нарушения (превышение скорости, проезд на запрещающий сигнал светофора и т.д.), при превышении лимита которых право на управление ТС может быть приостановлено.

Особое внимание уделяется качеству подготовки водителей, что выражается в высокой стандартизации образовательных программ, строгих критериях допуска и регулярных проверках квалификации. Учитывая данный опыт, российское регулирование может быть дополнено как нормативными, так и организационными мерами, направленными на модернизацию системы допуска к управлению транспортом.

Совершенствование регулирования специального права управления ТС в России предполагает несколько направлений: модернизация критериев допуска к управлению ТС с учетом появления новых типов транспорта и систем автономного управления; внедрение полнофункционального риск-ориентированного подхода в административный контроль посредством применения цифровых профилей водителей; международное сотрудничество, включая обмен данными и унификация процедур взаимного признания документов; нормативное закрепление статуса цифрового водительского удостоверения, цифровых доказательств и алгоритмических решений, на основе которых принимаются административные решения; развитие института обязательных программ коррекционного и профилактического воздействия для водителей, неоднократно нарушающих правила дорожного движения.

Подводя итог, можно заключить, что регулирование специального права управления ТС находится в стадии системной трансформации, обусловленной цифровизацией, изменением транспортной среды и усложнением общественных отношений. Для повышения эффективности административно-

правового регулирования необходимо сочетать модернизацию традиционных процедур, внедрение цифровых механизмов контроля и обеспечение высокого уровня защиты прав граждан. Развитие данного института должно опираться на принципы законности, соразмерности, научной обоснованности и ориентации на обеспечение общественной безопасности, что позволит повысить качество государственного управления в сфере дорожного движения и обеспечить устойчивое развитие транспортной системы.

Лапов И.Н.,

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации
(г. Краснодар)

Литература:

1. Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник для студентов высших учебных заведений / Д.Н. Бахрах. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Эксмо, 2011.
2. Лапов И.Н. Особенности административной ответственности граждан, имеющих специальное право на управление транспортными средствами / И.Н. Лапов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113).
3. Майоров В.И. Проблема совершенствования административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения / В.И. Майоров // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения (г. Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: В.Ю. Ухов, А.О. Дрозд, А.В. Равнюшкин [и др.] ; редактор А.И. Каплунов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022.
4. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году : информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024.
5. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году : информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025.
6. Труфанов М.Е. Проблемы сочетания репрессий и репараций в административной ответственности // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 29 мая 2015 г.) : сборник научных статей. Краснодар : Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015.

Оспаривание недействительности административно-правового акта в публично-правовых отношениях

Оспоримость административно-правовых актов является краеугольным камнем обеспечения законности и защиты прав граждан в сфере публично-го управления. Несмотря на развитую систему административного судопро-изводства и теоретическую проработанность многих аспектов, на практике возникает ряд сложностей, препятствующих эффективной реализации права на обжалование неправомерных решений.

Административно-правовые акты, издаваемые органами государствен-ной власти и местного самоуправления, регулируют широкий спектр обще-ственных отношений, и их законность имеет первостепенное значение для поддержания правопорядка.

Одной из ключевых проблем является сложность доказывания на-рушений прав и законных интересов. Заявителю зачастую сложно полу-чить доступ к информации, необходимой для обоснования своей позиции. Административные органы, в свою очередь, не всегда проявляют готовность к сотрудничеству и предоставлению соответствующих документов.

Э.Б. Девятых отмечает, что в правоприменительной практике возникают определенные проблемы с квалификацией некоторых правовых актов в ка-честве ненормативных, отграничением их от нормативных правовых актов¹.

Административно-правовой акт может быть признан недействительным в случае его несоответствия закону, например, в случае нарушения компе-тенции органом, издавшим акт, когда он превышает свои полномочия, не-смотря на то, что не имеет права регулировать определенный круг вопросов. Сложность заключается в определении границ компетенции, особенно в ус-ловиях сложной структуры органов власти².

Недействительность акта может быть также обусловлена нарушением процедуры его принятия. Речь может идти о несоблюдении правил проведе-ния публичных слушаний, отсутствии необходимых согласований, наруше-нии правил голосования и т.д. Важность таких процедурных нарушений для признания акта недействительным часто является предметом споров.

¹ Девятых Э.Б. К вопросу о понятии и признаках ненормативного административно-право-вого акта / Э.Б. Девятых // Закон и право. 2024. № 7. С. 41-46. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-7-41-46

² Практикум по подготовке административно-правовых актов государственных органов : учебное пособие / В.В. Белоусова, Д.И. Зайцев, Т.З. Зокиров [и др.]. Москва : Проспект, 2023. 176 с.

В случае нарушения принципа соразмерности (пропорциональности) административно-правовой акт также может быть признан недействительным. Данный принцип предполагает, что меры, принимаемые органами власти, должны быть адекватны цели, которую они преследуют. Доказывание соразмерности — сложная задача, требующая анализа фактических обстоятельств и оценки последствий принятого акта.

Процедура оспаривания недействительности административно-правового акта представляет собой сложный механизм, включающий в себя несколько этапов, начиная от подачи заявления в компетентный орган или суд и заканчивая вынесением окончательного решения. Основания для признания акта недействительным могут быть различными: несоответствие закону, нарушение компетенции органа, его издавшего, нарушение процедуры принятия акта и т.д.³

Оспаривание административно-правовых актов осуществляется в рамках гл. 22 КАС РФ⁴ и гл. 24 АПК РФ⁵, которые имеют особое значение как для доктринального понимания, так и в практической деятельности органов государственного управления. Эти главы регулируют порядок подачи и рассмотрения жалоб, а также процедуры оспаривания решений государственных органов и органов местного самоуправления.

Важнейшим аспектом является определение надлежащего субъекта оспаривания. Как правило, право на оспаривание имеют лица, чьи права и законные интересы непосредственно затронуты оспариваемым актом. Однако в некоторых случаях, такое право может быть предоставлено и другим лицам, например, органам прокуратуры, осуществляющим надзор за законностью деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Особенно это актуально в случаях, когда акт затрагивает интересы широкого круга лиц или когда речь идет об обжаловании акта в интересах другого лица.

Признание административно-правового акта недействительным влечет за собой правовые последствия. Акт утрачивает юридическую силу с момента его издания (если иное не указано в решении), и все правовые последствия, возникшие на его основе, подлежат аннулированию или пересмотру. Это обеспечивает восстановление нарушенных прав и законных интересов и служит важным инструментом контроля за деятельностью органов публичной власти.

³ Маслов В.В. Недействительность как элемент терминологического аппарата теории административного акта / В.В. Маслов // Российский юридический журнал. 2025. № 3 (162). С. 134–148.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

Эффективность оспаривания недействительности административно-правового акта напрямую зависит от грамотной подготовки процессуальных документов. Заявление об оспаривании должно содержать четкое изложение фактических обстоятельств дела, указание на конкретные нормы закона, которые, по мнению заявителя, нарушены, а также обоснование того, каким образом оспариваемый акт затрагивает права и законные интересы заявителя. При этом важным является соблюдение установленных сроков для обращения с заявлением, так как пропуск этих сроков может повлечь отказ в удовлетворении требований.

Судебная практика по делам об оспаривании административно-правовых актов разнообразна и отражает широкий спектр ситуаций, возникающих в публично-правовой сфере. Внедрение электронных сервисов, таких как онлайн-подача заявлений и жалоб, личных кабинетов для граждан, позволяет сократить время и затраты на получение государственных услуг. В то же время, как отмечает Е.С. Кошечева, оспаривание административных правоприменительных актов в электронной форме имеет свою специфику⁶. Важно также обеспечить доступность информации о деятельности административных органов в сети Интернет, а также возможность для граждан участвовать в онлайн-консультациях и обсуждениях.

В контексте цифровизации особое значение приобретает электронный документооборот и использование информационных технологий при рассмотрении дел об оспаривании административных актов. Электронные доказательства, полученные с соблюдением установленных требований, могут быть приняты судом в качестве полноценных доказательств. Однако необходимо учитывать особенности представления электронных документов, их подлинность и целостность, чтобы избежать возможных споров и сомнений в их достоверности.

Суды тщательно исследуют все обстоятельства дела, оценивают доводы сторон и выносят решения на основе принципов законности, обоснованности и справедливости.

В последние годы наблюдается тенденция к расширению возможности оспаривания административно-правовых актов в электронной форме. Это позволяет упростить процедуру обращения в суд или компетентный орган, сократить сроки рассмотрения дел и повысить прозрачность административного процесса. Однако при этом необходимо обеспечить надежную защиту персональных данных и соблюдение конфиденциальности информации, предоставляемой заявителями.

Одним из ключевых аспектов успешного оспаривания является надлежащая подготовка к судебному процессу. Сбор доказательств, подтверж-

⁶ Кошечева Е.С. Административные правоприменительные акты в электронной форме / Е.С. Кошечева // Российский судья. 2025. № 5. С. 48–52.

дающих незаконность административного акта, является важным этапом. Это могут быть документы, свидетельские показания, экспертные заключения и другие материалы, которые позволяют обосновать позицию заявителя. Также необходимо тщательно изучить правовую базу, регулирующую отношения в соответствующей сфере, и выявить нарушения, допущенные при издании оспариваемого акта.

Важным этапом является определение подсудности дела и соблюдение сроков обращения в суд. Неправильный выбор суда или пропуск установленного срока может привести к отказу в рассмотрении заявления. Необходимо учитывать, что сроки для оспаривания административных актов, как правило, ограничены, и их пропуск требует серьезного обоснования уважительности причин.

Практика показывает, что успешное оспаривание административного акта требует не только формального соответствия требованиям закона, но и убедительной аргументации, основанной на фактических обстоятельствах дела. Важно продемонстрировать негативные последствия, которые влечет за собой оспариваемый акт для заявителя, и доказать несоразмерность принятого решения. В некоторых случаях может быть целесообразно проведение независимой экспертизы для оценки соответствия акта требованиям законодательства и защиты прав и интересов заявителя.

В процессе оспаривания административных актов особое внимание следует уделять принципам законности, обоснованности и справедливости. Суд должен всесторонне и объективно оценить все представленные доказательства и доводы сторон, чтобы принять законное и справедливое решение. Важно, чтобы судебный процесс был прозрачным и открытым для общественности, чтобы обеспечить доверие к судебной системе и повысить ее эффективность.

Совершенствование системы оспаривания административных актов является важной задачей государства, направленной на защиту прав и свобод граждан и организаций⁷.

В частности А.А. Макарова-Землянская акцентирует внимание на возмещении имущественного и морального вреда путем введения обязательности определения пострадавших лиц и последующего возмещения причиненного им ущерба⁸. Это требует постоянного мониторинга правоприменительной

⁷ Административное право Российской Федерации : учебник. / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев ; отв. ред. Л.Л. Попов ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2025.

⁸ Макарова-Землянская А.А. Возмещение материального ущерба, причиненного в результате принятия ненормативного административно-правового акта / А.А. Макарова-Землянская // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики : сборник статей XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции (Москва, 31 марта — 01 апреля 2022 г.). Москва : Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 260–264.

практики, выявления проблемных вопросов и внесения необходимых изменений в законодательство. Развитие электронного правосудия и упрощение процедур оспаривания также способствуют повышению доступности правосудия и эффективности защиты нарушенных прав.

Для преодоления указанных проблем необходимо совершенствование механизмов взаимодействия граждан с административными органами. Важным шагом является внедрение информационных технологий, позволяющих гражданам в режиме онлайн получать информацию о деятельности органов власти, подавать заявления и жалобы, а также отслеживать ход их рассмотрения. Это позволит значительно упростить процесс обжалования и повысить его прозрачность.

Для повышения эффективности оспаривания административных актов необходимо уделять внимание качеству подготовки документов. Четкое и последовательное изложение позиции, подкрепленное доказательствами и ссылками на нормативные акты, значительно повышает шансы на успех. Важно также активно использовать возможности досудебного урегулирования споров, обращаясь в вышестоящие административные органы или к уполномоченным по правам человека. Это может позволить разрешить конфликт без обращения в суд, сэкономив время и ресурсы.

Совершенствование законодательства в сфере оспаривания недействительности административно-правовых актов является постоянным процессом. С целью устранения пробелов и противоречий в правовом регулировании и повышения эффективности механизмов защиты прав граждан и организаций вносятся изменения и дополнения в законодательство.

Дальнейшее развитие законодательства и судебной практики направлено на совершенствование механизмов защиты прав граждан и организаций в сфере административного права, повышение эффективности рассмотрения дел об оспаривании административных актов и обеспечение справедливости и законности при принятии решений органами государственной власти и местного самоуправления.

Важным аспектом является также мониторинг судебной практики по аналогичным делам. Изучение судебных решений позволяет выявить типичные ошибки и слабые места в аргументации, а также использовать прецеденты для укрепления своей позиции. Активное взаимодействие с юридическим сообществом и обмен опытом также способствуют повышению квалификации и эффективности защиты прав и интересов в сфере административного права.

Успешное оспаривание административного акта — это результат комплексной работы, включающей тщательную подготовку, знание законодательства, умение аргументировать свою позицию и активное участие

в судебном процессе. Постоянное совершенствование навыков и знаний в области административного права является необходимым условием для эффективной защиты прав и свобод граждан и организаций.

Сынкова Е.М.,

профессор кафедры административного и финансового права
Донецкого государственного университета,
доктор юридических наук
(Донецкая Народная Республика, г. Донецк)

Литература:

1. Административное право Российской Федерации : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев ; ответственный редактор Л.Л. Попов. Москва : Проспект, 2025.
2. Девятых Э.Б. К вопросу о понятии и признаках ненормативного административно-правового акта / Э.Б. Девятых // Закон и право. 2024. № 7.
3. Кошечева Е.С. Административные правоприменительные акты в электронной форме / Е.С. Кошечева // Российский судья. 2025. № 5.
4. Макарова-Землянская А.А. Возмещение материального ущерба, причиненного в результате принятия ненормативного административно-правового акта / А.А. Макарова-Землянская // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики : материалы XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 31 марта — 01 апреля 2022 г.) : сборник научных статей. В 2 частях. Ч. 1 / члены редакционной коллегии: Ю. Михайлова, Д. Дувендей, А. Кузьминская [и др.] ; редактор А. Краснощекова ; ответственный редактор А.В. Ефимов. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2023.
5. Маслов В.В. Недействительность как элемент терминологического аппарата теории административного акта / В.В. Маслов // Российский юридический журнал. 2025. № 3 (162).
6. Практикум по подготовке административно-правовых актов государственных органов : учебное пособие / В.В. Белоусова, Д.И. Зайцев, Т.З. Зокиров [и др.]. Москва : Проспект, 2023.

Организационно-правовые аспекты управления транспортной деятельностью на территориях опережающего развития Арктического сектора

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 473-ФЗ), под территорией опережающего развития понимается «часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»¹.

В Арктическом регионе образовано целых три территории опережающего развития:

- 1) «Чукотка», основной специализацией которой является добыча полезных ископаемых угольной промышленности и цветной металлургии;
- 2) «Столица Арктики» в Мурманской области со специализацией в области портовой деятельности, логистики и промышленного строительства;
- 3) «Столица Севера» в Архангельской области, делающая уклон на развитие промышленности и девелопмента.

В рамках рассматриваемой темы стоит обратить внимание на «Столицу Арктики», так как именно портовая деятельность и логистика являются составляющими транспортной сферы.

Транспортно-логистическая система — это комплекс, включающий транспортную и логистическую инфраструктуры, а также субъекты, методы и инструменты для выполнения логистических функций, связанных с транспортировкой. Основная цель системы — управление материальными потоками и связанными с ними процессами для удовлетворения потребности клиентов в своевременной доставке грузов.

Особый правовой статус территорий опережающего развития в Арктической зоне Российской Федерации определяется также Федеральным законом

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», одной из целей которого выступает создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне Российской Федерации.

Организационно-управленческие аспекты, влияющие на развитие территорий в Арктической зоне, включают оценку защищенности региона от различных рисков. Это позволяет обеспечить устойчивое экономическое развитие в условиях внешних и внутренних угроз. Регион обычно не может напрямую влиять на внешние факторы, но внутренние факторы считаются управляемыми. Воздействуя на них, можно контролировать безопасность региональной социально-экономической системы. Одним из ключевых внутренних факторов, требующих постоянного совершенствования, является транспортно-логистическая инфраструктура.

Федеральным законом № 473-ФЗ, а именно ст. 6 установлено, что «в целях координации деятельности и контроля за выполнением соглашения о создании территории опережающего развития, содействия в реализации проектов резидентов территории опережающего развития, оценки эффективности функционирования территории опережающего развития в соответствии с методикой, установленной Правительством Российской Федерации, а также в целях рассмотрения и утверждения перспективных планов развития территории опережающего развития, осуществления контроля за реализацией этих планов создается наблюдательный совет территории опережающего развития»². В состав наблюдательного совета территории опережающего развития входят представители уполномоченного федерального органа, высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, иных государственных органов и исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, а также управляющей компании.

Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2015 г. № 432 АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» определено управляющей компанией, осуществляющей функции по управлению Арктической зоной Российской Федерации, а также территориями опережающего развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, Арктической зоне Российской Федерации и свободным портам Владивосток.

К функциям такой управляющей компании в рамках рассмотрения вопроса об управлении транспортной деятельностью на территории опережающего развития Арктического региона, в том числе, относятся:

— организация строительства и эксплуатации автомобильных дорог;

² Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».

— размещение объектов инфраструктуры территории опережающего развития;

— организация транспортного обслуживания на территории опережающего развития.

Согласно Перспективному плану развития территорий опережающего развития «Столицы Арктики», разработанному АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» и утвержденному Наблюдательным советом ТОО «Столица Арктики» в соответствии с Протоколом заседания Наблюдательного совета территории опережающего развития «Столица Арктики» № 1 от 17 октября 2023 г., существует две основные проблемы, связанные с обеспечением резидентов территории опережающего развития и потенциальных инвесторов и резидентов транспортной инфраструктуры, а именно:

— «большая часть участков территорий опережающего развития расположена на территории морского порта Мурманск и обслуживается его инфраструктурой, в том числе и транспортной. При этом текущий износ транспортной инфраструктуры требует проведения соответствующих ремонтных работ;

— на западном берегу Кольского залива, соответственно и в ЗАТО Видяево, отсутствует железнодорожное сообщение»³.

Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 утверждена Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. (далее — Стратегия). В качестве цели реализации данной стратегии указано, в том числе, стимулирование участия государственных корпораций, компаний с государственным участием и частных инвесторов в создании и модернизации транспортной инфраструктуры⁴.

В качестве основных задач в данном направлении Стратегия выделяет развитие инфраструктуры морских портов, объединение транспортно-логистических услуг акватории Северного морского пути, разработку схемы развития, строительство аэропортовых комплексов, строительство и реконструкцию автомобильных дорог местного значения, комплексное и взаимосвязанное развитие инфраструктуры морского, воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта Арктической зоны и др.

³ Перспективный план развития территорий опережающего развития «Столица Арктики», разработанный АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» и утвержденный Наблюдательным советом ТОО «Столица Арктики» в соответствии с Протоколом заседания Наблюдательного совета ТОО «Столица Арктики» № 1 от 17 октября 2023 г. URL: https://erdc.ru/upload/ППР%20ТОП%20Столица%20Арктики_Утверждаемая%20часть_2023.pdf

⁴ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СПС «Гарант».

Для устранения выявленных пробелов и противоречий в регулировании транспортной деятельности на арктических территориях опережающего развития необходимы комплексные изменения в нормативно-правовой базе. Основное внимание следует уделить гармонизации законодательства с учетом специфики Арктического региона. Предлагается разработать единый нормативный акт, который установит четкие правовые дефиниции и режимы функционирования транспортной системы. «Поэтому считаем необходимым устранить данные пробелов, с учетом особенностей данного региона и уникальной экосистемы Арктики в интересах настоящего и будущих поколений в благоприятной окружающей среде. Для этого, думается, следует разработать и принять единый, фундаментальный нормативный акт об Арктике и Арктическом регионе, в том числе и разграничив в нем данные правовые дефиниции».

Создание эффективных механизмов межведомственной координации является ключевым условием оптимизации управления транспортной системой арктических территорий опережающего развития, для чего необходимо обеспечить слаженное взаимодействие всех участников транспортной деятельности при одновременном снижении экологических рисков. Особое значение имеет минимизация логистических издержек за счет внедрения современных технологий и рационализации маршрутов, что позволит повысить устойчивость транспортной инфраструктуры в экстремальных климатических условиях Арктики.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. В Арктическом регионе выделено сразу три территории опережающего развития, однако вопрос развития транспортной деятельности наиболее актуален и требует детального регулирования и управления именно в «Столице Арктики».

2. В качестве органа управления на территориях опережающего развития создается наблюдательный совет, состоящий из представителей уполномоченного федерального органа, высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, иных государственных органов и исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, а также управляющей компании.

3. Основными функциями управляющей компании в сфере развития транспортной деятельности являются организация строительства и эксплуатации автомобильных дорог, размещение объектов инфраструктуры территории опережающего развития и организация транспортного обслуживания на территории опережающего развития.

4. На территории опережающего развития Арктического региона в транспортной сфере в качестве основных проблем выделено отсутствие железнодорожного сообщения и износ транспортной инфраструктуры в целом.

5. Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. в качестве основных целей и задач установлено, в том числе, развитие транспортной инфраструктуры.

Ходос А.В.,

аспирант кафедры правового обеспечения
государственного управления и экономики

Юридического института Российского университета транспорта
(г. Москва)

Литература:

1. Анализ рынка железнодорожных перевозок в России / В.В. Негреева, Д.Ю. Колесникова, А.С. Маилян, А.А. Семенова // Транспорт России: проблемы и перспективы : материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2019 г.) : сборник научных статей. В 2 томах. Т. 2. Секция молодых ученых / составитель Н.В. Шаталова. Санкт-Петербург : Институт проблем транспорта им. Н.С. Соломенко. РАН, 2019.
2. Негреева В.В. Основное направление государственного регулирования в области тарификации транспортных услуг / В.В. Негреева, Е.И. Алексашкина // Транспорт России: проблемы и перспективы — 2018 : материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2018 г.) : сборник научных статей. В 2 томах. Т. 1 / редактор И.Г. Малыгин. 2018. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2018.
3. Подсветова Т.В. Транспортная составляющая экономики Арктики / Т.В. Подсветова // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2014. Т. 17. № 3.
4. Серова Н.А. Транспортная инфраструктура российской Арктики: специфика функционирования и перспективы развития / Н.А. Серова, В.А. Серова // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2 (185).
5. Скоробогатько К.Е. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры как способ обеспечения экономической безопасности Арктической зоны (на примере Ненецкого автономного округа) / К.Е. Скоробогатько // Стратегии и инструменты управления экономикой: устойчивое развитие и технологическая трансформация : материалы X Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 18 мая 2022 г.) : сборник научных статей / под общей редакцией В.Л. Василенка. Санкт-Петербург : Университет ИТМО, 2022.

Принцип взаимности применяется при признании и исполнении судебных решений в странах, участвующих в инициативе «Один пояс — один путь»

I. Постановка вопроса

С момента выдвижения инициативы «Один пояс — один путь» в 2013 г. она превратилась в одну из крупнейших в мире платформ международного сотрудничества. По состоянию на 2025 г. Китай подписал соглашения о сотрудничестве более чем со 150 странами и свыше 30 международными организациями, включая Россию, охватывающими такие сферы, как инфраструктура, энергетика, торговля и др. В докладе на XX съезде Коммунистической партии Китая Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул необходимость «ускорить строительство сильной торговой державы... способствовать высококачественному развитию инициативы “Один пояс — один путь”... сохранять многообразную и стабильную международную экономическую структуру и торговые отношения».

Благодаря инициативе «Один пояс — один путь» международные гражданские и коммерческие обмены становятся все более интенсивными, а возникающие в связи с этим споры — все более частыми. Гибкое урегулирование международных гражданских и коммерческих споров и создание систематического, целостного и эффективного механизма циркуляции судебных решений стали приоритетными задачами для продвижения международного сотрудничества и обменов, а также защиты интересов сторон.

Однако разрешение трансграничных споров опирается на трансграничное признание и приведение в исполнение судебных решений, а принцип взаимности представляет собой ключевое правило в отсутствие договорных обязательств; стандарты его применения напрямую влияют на эффективность и справедливость судебного сотрудничества. В настоящее время страны — участницы инициативы «Один пояс — один путь» характеризуются разнообразием правовых систем и недостаточным уровнем взаимного доверия в судебной сфере. Применение принципа взаимности сталкивается с такими вызовами, как жесткость подхода «фактической взаимности», неопределенность в распределении бремени доказывания и отсутствие международной координации.

Цель данной статьи — на основе эмпирического анализа и сравнительных исследований предложить институциональный путь оптимизации при-

менения принципа взаимности и тем самым содействовать правовому обеспечению реализации инициативы «Один пояс — один путь».

II. Теоретические основы и международная практика применения принципа взаимности

1. Правовая природа и виды применения принципа взаимности

Принцип взаимности, также известный как «принцип эквивалентности», считается одним из фундаментальных принципов международного права и даже рассматривается в качестве самостоятельной опоры международно-правовой системы. В области международного частного права принцип взаимности представляет собой одно из ключевых правил, регулирующих трансграничную силу судебных решений; по своей сути он направлен на достижение экстерриториального эффекта через взаимное судебное доверие между государствами.

Некоторые страны, руководствуясь чрезмерным национализмом, применяют принцип взаимности, проверяя наличие прецедентов взаимного признания и приведения в исполнение судебных решений друг друга, и ставят в качестве предпосылки установления взаимоотношений требование о том, чтобы другая сторона первой предоставила соответствующую выгоду. Такой подход к взаимности, утрачивающий дух международной судебной помощи, называется фактической взаимностью.

В то же время другие государства толкуют применимость принципа взаимности более широко: они исходят из презумпции существования взаимных отношений, если не доказано обратное, т.е. если не показано, что суд страны, вынесшей решение, отказывался признавать и исполнять решения судов данной страны. Более того, как, например, делают израильские суды, даже при наличии явной «тенденции к изменению» в судебной практике другой страны, делающей «разумно возможным» признание ее решений в стране происхождения, может быть сделан вывод о существовании взаимных отношений¹².

2. Международная тенденция: от «фактической взаимности» к «презумптивной взаимности»

Ранее китайские судебные органы долгое время придерживались стандарта «фактической взаимности», требуя доказательств того, что решения китайских судов были признаны другой страной. Однако по мере роста потребностей в международном судебном сотрудничестве большинство стран мира постепенно перешли к применению «презумптивной взаимности».

¹ Ду Тао. Принцип взаимности и признание с приведением в исполнение решений иностранных судов [J] // Всемирный юридический обзор. 2007. № 1. С. 110–119.

² Жэнь Минъянь. О применении принципа взаимности при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов [J] // Гражданин и право (Юридическая серия). 2011. № 1. С. 52–54.

Например, Израиль: в 2017 г. Верховный суд первым признал решение Среднего народного суда города Наньтун провинции Цзянсу (КНР) («дело Наньтуна»), исходя из презумпции существования взаимных отношений на основании отсутствия прецедентов отказа; Сингапур: до подписания в 2015 г. «Соглашения о судебной помощи по гражданским и коммерческим делам между Китаем и Сингапуром» сингапурские суды активно признавали китайские судебные решения, руководствуясь духом инициативы «Один пояс — один путь»; ЕС: отменив требование применения принципа взаимности в соответствии с Регламентом (ЕС) № 44/2001, Европейский союз сделал акцент на судебной удобности и упрощении процедур. Этот переход отражает общее признание международным сообществом гибкости принципа взаимности и одновременно предоставляет странам — участницам инициативы «Один пояс — один путь» ценный институциональный ориентир для заимствования опыта.

III. Практические дилеммы применения принципа взаимности в рамках инициативы «Один пояс — один путь»

1. Дилемма принципа взаимности с международной точки зрения

В процессе глобального гражданского и коммерческого судебного сотрудничества, стимулируемого инициативой «Один пояс — один путь», практические дилеммы применения принципа взаимности вышли за пределы отдельно взятой страны и превратились в системную проблему международного судебного управления. Международное сообщество ускоряет переход от «фактической взаимности» к «презумптивной взаимности» (например, отмена требования взаимности в Регламенте Брюссель I ЕС и установление Верховным судом Израиля в 2017 г. в «деле Наньтуна» режима «презумптивной взаимности»), тогда как китайская судебная практика по-прежнему глубоко заперта в жестких рамках «фактической взаимности», что приводит к значительному разрыву с международными тенденциями.

Эта дилемма в многостороннем контексте инициативы «Один пояс — один путь» проявляется в трех структурных противоречиях.

Во-первых, фрагментация норм и стандартов: судебные системы стран — участниц инициативы отличаются высокой степенью гетерогенности (существуют романо-германская, англосаксонская и исламская правовые семьи), а различия в стандартах признания взаимности огромны (например, Япония требует «четких письменных прецедентов», тогда как Сингапур применяет «презумптивную взаимность»), что порождает дилемму «конкуренции норм» при исполнении трансграничных решений.

Во-вторых, отсутствие механизма взаимного доверия: из-за нехватки региональной системы судебного сотрудничества судебные органы различных стран вынуждены полагаться лишь на разрозненные переговоры по каждо-

му конкретному делу, формируя «тупик предварительного признания» — китайские суды отказываются признавать японские решения, поскольку японские суды не признают китайские, а японские суды, в свою очередь, также отказывают в признании китайских решений по той же причине, создавая тем самым порочный круг.

В-третьих, недостаточная институциональная координация: хотя Китай и выдвинул концепцию «презумптивной взаимности» через Наньнинскую декларацию, она до сих пор не была увязана с Гаагской конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных гражданских и коммерческих решений 2019 г., что привело к дилемме «сильной политической декларации при слабой институциональной реализации» в сфере судебного сотрудничества в рамках «Одного пояса — одного пути».

Международная практика показывает, что данная дилемма существенно препятствует эффективному разрешению трансграничных инвестиционных споров в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (например, средний срок рассмотрения коммерческих споров между Китаем, Японией и Республикой Корея достигает 18 месяцев), ослабляет судебное дискурсивное влияние Китая в международном управлении и прямо противоречит современной тенденции модернизации глобального судебного сотрудничества.

2. Практические дилеммы применения принципа взаимности в Китае

Вследствие несовершенства действующих норм и институтов Китай сталкивается со структурными вызовами при применении принципа взаимности в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Хотя Верховный народный суд КНР в 2015 г. опубликовал «Мнения об обеспечении судебных услуг и гарантий для реализации инициативы „Один пояс — один путь“», а в 2017 г. была принята «Наньнинская декларация», отражающие политическую направленность на либерализацию (например, призыв к «добросовестному толкованию внутреннего законодательства» и «презумпции взаимности»), на уровне правовых норм все еще сохраняются двойные недостатки.

Во-первых, ст. 281 Гражданского процессуального кодекса КНР дает расплывчатое определение содержания принципа взаимности и четко не разграничивает сферы применения «фактической взаимности» и «презумптивной взаимности».

Во-вторых, в законодательстве не определены институциональные цели применения принципа взаимности (например, приоритет эффективности судебного сотрудничества или защита национального суверенитета и безопасности), что приводит к отсутствию единых стандартов для судебных органов при его применении.

Этот нормативный пробел напрямую ослабляет практическую применимость принципа взаимности: в условиях отсутствия четких правил судьи зачастую либо злоупотребляют своим усмотрением, либо применяют принцип

чрезмерно консервативно — например, рассматривают «признание решений китайских судов другой страной» как единственное условие, игнорируя динамические потребности международного судебного сотрудничества.

Установление наличия взаимных отношений зависит от исторических прецедентов, что приводит к затягиванию сроков исполнения трансграничных судебных решений и увеличению судебных издержек для сторон. Более того, принцип взаимности одновременно выступает и как форма эквивалентного ответного воздействия, и как стимул к сотрудничеству, однако в китайской законодательной и судебной практике пока не достигнут баланс между этими двумя функциями. Когда китайские суды отказываются признавать иностранные решения, другая сторона может также принять ответные меры (например, Высокий суд Токио в Японии неоднократно отказывался признавать решения китайских судов). Сторонам приходится затрачивать значительные ресурсы на доказывание существования взаимных отношений, что дополнительно повышает издержки судебного разбирательства (например, в деле корейской компании «Picto Art Co., Ltd.» заявитель был вынужден представить доказательства признания корейскими судами решений китайских судов)³.

Китай по-прежнему сталкивается со структурными проблемами недостаточной инициативности в сфере международного судебного сотрудничества, что в основном проявляется в преобладании модели «пассивной реакции над активным лидерством». Эмпирические данные показывают, что доля дел с участием иностранных лиц, в которых применяются процедуры международной уголовно-правовой помощи, остается низкой; коренная причина этого кроется в двойных ограничениях: «недостатке осознания необходимости активного осуществления уголовно-правовой помощи» и «отсутствии достаточных нормативных указаний по процедурам международной уголовно-правовой помощи».

Конкретно это выражается в том, что китайские судебные органы по-прежнему придерживаются преимущественно «реактивного», а не «инициативного» подхода в международном судебном сотрудничестве, что проявляется в следующем.

Во-первых, разработка подзаконных актов к «Закону о международной уголовно-правовой помощи» значительно отстает, из-за чего судебные органы лишены четких практических руководств для трансграничного взаимодействия.

Во-вторых, межведомственный механизм координации пока не приобрел устойчивой, рутинизированной формы работы: границы ответственности между ведомствами размыты, что снижает эффективность взаимодействия.

³ Ван Цзивэнь. О принципе взаимности при признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в Китае — с использованием метода оценки интересов в качестве инструмента [J] // Адвокат. 2012. № 6. С. 154–164.

В-третьих, участие Китая в формировании международных правил остается ограниченным, и системный механизм участия в глобальном судебном управлении до сих пор не создан.

Такая пассивность не только ограничивает эффективность борьбы с трансграничной преступностью, но и негативно сказывается на формировании судебно-правового дискурса Китая в международном масштабе.

IV. Пути реформы и институциональные предложения по применению принципа взаимности

1. Эволюция от «взаимной взаимности» к «многообразной взаимности»

Переход от единой модели «взаимной взаимности» к «многообразной взаимности» предполагает построение системы стандартов взаимного признания, включающей следующие формы: взаимная взаимность — сохранение традиционного подхода, примененного в случаях, когда имеются четкие судебные прецеденты; правовая взаимность — согласно п. 44 «Записок симпозиума Народных судов КНР по вопросам иностранного коммерческого и морского правосудия», если «гражданские и коммерческие решения народного суда соответствующей страны могут быть признаны и приведены в исполнение судами этой страны», то считается установленной взаимная взаимность; презумптивная взаимность — основанная на принципе «презумпции взаимности при отсутствии прецедента отказа», закрепленном в «Наньнинской декларации»: если нет прецедентов, когда суды другой страны отказывали в признании китайских решений на основании отсутствия взаимности, то предполагается существование отношений взаимной взаимности; взаимность на основе взаимопонимания или консенсуса — достигаемая по дипломатическим каналам или путем судебных обменов, например, взаимные обязательства, закрепленные в механизме сотрудничества международных коммерческих судов в рамках инициативы «Один пояс — один путь».

Применение принципа взаимности должно сместиться с акцента на «защиту национального суверенитета» в сторону «содействия судебной удобности», а ключевой законодательной целью должно стать «обеспечение свободного обращения международных гражданских и коммерческих судебных решений». Как отметил Ван Чжэньцзянь в работе «О применении принципа взаимности при признании и приведении в исполнение иностранных гражданских и коммерческих решений», правовая ценность применения принципа взаимности заключается в «четких и единых нормах его применения», а его цель должна состоять в «активном установлении отношений взаимной взаимности с иностранными судебными системами в целях сотрудничества»⁴.

⁴ Ван Чжэньцзянь. О применении принципа взаимности при признании и приведении в исполнение иностранных гражданских и коммерческих судебных решений: от макроанализа к микрорекомендациям [J] // Западный юридический обзор. 2023. № 1. С. 119–132.

2. Совершенствование механизма применения принципа взаимности в многомерном аспекте

— Уточнить правовое содержание и стандарты применения принципа взаимности. Четко разграничить условия применения «взаимной взаимности», «правовой взаимности» и «презумптивной взаимности», а также ввести ясные критерии для «правовой взаимности».

- Детализировать конкретные обстоятельства, при которых устанавливается взаимное признание, четко определить доказательственные стандарты для подтверждения «отсутствия прецедентов отказа» и точно обозначить сферу применения «правовой взаимности».

- Расширить перечень исключений, включив в него такие вопросы, как «правоспособность и дееспособность иностранных граждан, а также признание или расторжение статуса личности, личных неимущественных прав и семейных отношений»⁵.

— Оптимизировать механизм установления взаимных отношений.

- Четко распределить обязанности по доказыванию, внедрив правило: «заявитель, ходатайствующий о признании и приведении в исполнение решения, представляет первоначальные доказательства, а ответчик опровергает отсутствие взаимной взаимности», чтобы избежать возложения всего бремени доказывания исключительно на заявителя.

- Ввести «механизм предварительной проверки» при установлении взаимных отношений, позволяющий суду выдавать заключение о предварительном установлении наличия (или отсутствия) взаимной взаимности в отношении решений, подлежащих признанию и исполнению, тем самым снижая неопределенность последующих процедур.

— Активно продвигать создание механизма судебного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс — один путь».

- В приоритетном порядке заключать двусторонние договоры о правовой помощи, а с теми странами — участницами инициативы, где объем торговых связей особенно высок (например, Сингапур, Израиль, Таиланд), — ускоренно подписывать соглашения о признании и приведении в исполнение гражданских и коммерческих решений, четко определив в них стандарты применения принципа взаимности.

- Совершенствовать механизм Международного коммерческого суда «Один пояс — один путь», опираясь на Международный коммерческий суд Верховного народного суда КНР, для создания платформы судебного сотрудничества «Один пояс — один путь» и содействия региональной координации в применении принципа взаимности.

⁵ Лянь Цзюня. Современное состояние, дилеммы и трансформация принципа взаимности при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов в рамках инициативы «Один пояс — один путь» [J] // Журнал Хэнаньского университета финансов и экономики. 2016. Т. 31. № 6. С. 155–166.

- Способствовать реализации Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных гражданских и коммерческих решений, активно участвовать во внедрении международных конвенций и интегрировать применение принципа взаимности в глобальную систему судебного сотрудничества.

V. Заключение

Судебное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс — один путь» трансформируется из одностороннего экспорта норм в новую парадигму международного правопорядка, основанную на взаимном обучении. В настоящей статье на основе сравнительного анализа системы международного частного права показано, что традиционный принцип взаимности уже не отвечает потребностям транснационального судебного сотрудничества в эпоху цифровой экономики. Достигнутый китайскими судебными органами консенсус относительно презумпции взаимности, закрепленный в «Наньнинской декларации», по существу переосмысливает логику взаимного признания и приведения в исполнение международных гражданских и коммерческих решений: трансформируя «взаимность» из ориентированного на результат эмпирического стандарта в процессуальную гарантию, ориентированную на процедуру, он одновременно сохраняет национальный судебный суверенитет и повышает эффективность исполнения трансграничных решений.

Китаю следует и далее возглавлять инновации в сфере международного судебного сотрудничества, руководствуясь концепцией «совместных консультаций, совместного участия и совместного пользования выгодами»: с одной стороны, путем заключения региональных договоров о правовой помощи для заполнения пробелов, не охваченных Гаагской конвенцией о юрисдикции, признании и приведении в исполнение решений по гражданским и коммерческим делам, а с другой — на основе принципа «презумпции взаимности» разработать образцовые положения для судебного сотрудничества в рамках «Один пояс — один путь». В конечном счете это будет способствовать формированию новой модели глобального управления, гармонично сочетающей равенство суверенитетов и судебную эффективность. Такой подход имеет значение не только для усиления судебного влияния Китая, но и представляет собой правовую реализацию концепции сообщества единого будущего человечества, открывая новое направление развития международного частного права в XXI в.

Ду Сяосяо

аспирант Института аспирантуры и докторантуры
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

Литература:

1. Ду Тао. Принцип взаимности и признание и приведение в исполнение решений иностранных судов [J] // Глобальный правовой обзор. 2007. № 01. С. 110–119.
2. Жень Минъянь. О применении принципа взаимности при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов [J] // Гражданин и право (Юридическое издание). 2011. № 01. С. 52–54.
3. Ван Цзывэнь. О принципе взаимности при признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в Китае — с использованием метода оценки интересов в качестве инструмента [J] // Адвокат. 2012. № 06. С. 154–164.
4. Ван Чжэньцянь. О применении принципа взаимности при признании и приведении в исполнение иностранных гражданских и коммерческих решений — от макроанализа к микро-рекомендациям [J] // Западный юридический обзор. 2023. № 01. С. 119–132.
5. Лянь Цзюня. Современное состояние, дилеммы и трансформация принципа взаимности при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов в рамках инициативы «Один пояс — один путь» [J] // Журнал Хэнаньского университета финансов и экономики. 2016. № 31 (06). С. 155–166.
6. Чжан Иган, Ван Шэнъюэ, Ван Сяюй. Исследование применения принципа взаимности при признании и приведении в исполнение решений иностранных судов — на фоне инициативы «Один пояс — один путь» [J] // Журнал полицейской академии Шаньдуна. 2023. № 35 (02). С. 18–28.
7. Цяо Сюнбин. Международная гражданская и коммерческая судебная помощь Китая в рамках инициативы «Один пояс — один путь»: практика, проблемы и перспективы [J] // Журнал университета Сианя (Философия и общественные науки). 2017. № 6. С. 45–54.

Прогноз развития норм МГП в условиях постколониальных конфликтов XXI века

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 79/115 «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам: искоренение колониализма во всех его формах и проявлениях», принятой 4 декабря 2024 г., вновь была отмечена приверженность Организации цели незамедлительного и безоговорочного окончания всех форм и проявлений колониализма, явления, борьба с которым не была завершена за более чем 60 лет целенаправленной работы ООН и ее членов. Указанный незавершенный характер проявляется в рамках существования некоторых территорий, не достигших полного осуществления своего права на самоопределение в связи с препятствованием реализации указанного права методами вплоть до военного подавления, а также сохранения таких проявлений колониализма, как дискриминация на основании различия расы, вероисповедания или цвета кожи, впервые закрепленных в качестве указанных проявлений в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV). Реализация отмеченного выше военного подавления права на самоопределение находит выражение в постколониальных конфликтах в основном немеждународного характера, становящихся точками приложения сил различных геополитических акторов. В связи с этим исследование международно-правовых основ борьбы с колониализмом в совокупности со спецификой действия норм международного гуманитарного права в условиях деколонизации представляет собой научную ценность и требует отдельного комплексного исследования.

Современный отечественный ученый К.А. Фурсов в своей научной работе определял ряд предпосылок, моделей и схем, а также периодизацию деколонизации, выделяя три основных ее этапа. «Первый пришелся на вторую половину 1940-х — первую половину 1950-х гг., второй — на конец 1950-х — 1960-е гг., третий — на середину 1970-х.¹». Именно с момента обретения независимости новыми государствами Азии и Африки мы можем говорить о возможности возникновения в них постколониального конфликта, разрешение которых нередко имеет лишь временный характер.

Впервые существование колониализма, реализация которого осуществлялась через разнообразные модели на значительных по масштабу территориях, и меры, направленные на его регулирование в международном праве, были закреплены в Уставе Лиги Наций, вступившего в силу в 1920 г.

¹ Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2015. № 2. С. 9.

Следующим этапом международно-правового регулирования данной сферы стало принятие Устава ООН. Целям деколонизации служит положение преамбулы Устава, согласно которому провозглашается решимость «вновь утвердить веру ... в равенство прав больших и малых наций»². Значимость принципа равноправия и самоопределения народов отмечается в п. 2 ст. 1, в ст. 55 Устава, а положения гл. XI, XII и XIII прямо регулируют отдельные аспекты реализации указанного принципа: институт несамоуправляющихся территорий, международную систему опеки, ключевые полномочия и порядок формирования и голосования Совета по опеке — субъекта обеспечения международной системы опеки.

Очередной и значительной вехой в развитии международно-правового регулирования борьбы с колониализмом стало принятие Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Данная декларация стала своеобразным ответом ООН на противодействие некоторых государств реализации ключевых принципов международного права, заложенных в Уставе ООН, которое выражалось в ограничении вплоть до военного подавления стремлений к самоопределению народов и территорий, находящихся в колониальной зависимости. Закрепленная 14 декабря 1960 г. в резолюции 1514 (XV) декларация утвердила позицию ООН и оценку колониализма во всех его проявлениях как явления, противоречащего идеалам Организации. Впервые Генеральная Ассамблея торжественно провозгласила необходимость положить конец колониализму. Радикальность требования заключалась в наличии сроков и условий — незамедлительно и безоговорочно. Теперь именно зависимые народы признавались субъектами достижения собственной независимости, в то время как конфликты, возникающие в связи с отказом в свободе или препятствованием в достижении ее, провозглашались угрозой всеобщему миру.

Анализируя соответствие советского проекта и окончательной редакции Декларации, отечественный исследователь Л.Л. Фитуни утверждал, что включение некоторых предложений советской стороны в текст Декларации «стало существенным фактором, не давшим разгореться сотням возможных вооруженных конфликтов»³. Однако, как с сожалением отмечает ученый, границы территорий бывших владений колонизаторов были проведены без учета этнического разделения населения, его экономических нужд и исторических связей. Именно это и стало одной из ключевых причин последовавших постколониальных конфликтов.

² Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4 (53). С. 10.

Несмотря на историческую значимость Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, которая была по достоинству оценена в советской правовой науке, принятый международно-правовой акт содержал внутренние противоречия и коллизии, на важность которых обращала внимание Г.Н. Андреева. Так, по мнению исследователя, «положение о недопустимости разрушения национального единства и территориальной целостности (п. 6) неоднозначно и могло быть истолковано как препятствие для образования новых государств, не совпадавших с границами ранее существовавших колониальных владений»⁴. И действительно, реализация п. 6 Декларации нашла выражение не в самоопределении народов, которые нередко были разделенными в силу специфики проведения границ между колониальными владениями, а в обретение независимости указанными владениями, перечень территориальных споров и конфликтов которых в настоящее время является значительным. Как отмечала отечественный ученый, «такое ускоренное предоставление независимости при отсутствии четких международно-правовых механизмов преодоления последствий колониальной зависимости и гарантий самостоятельного развития народов бывших колоний» привело к формированию большого количества нестабильных государств⁵. Несмотря на явный прогрессивный характер положений декларации и намерений делегаций членов ООН, подготовивших проект декларации, «глубинные причины для сепаратистских и сецессионистских движений» не были разрешены, а потому на настоящий момент процесс деколонизации является незавершенным.

За последнюю четверть века международное сообщество стало свидетелем большого количества нередко длительных по продолжительности и различных по интенсивности постколониальных конфликтов, в процессе которых наблюдались значительные нарушения норм международного гуманитарного права. Примерами таких конфликтов XXI в., на наш взгляд, связанных с различными сохраняющимися проявлениями колониализма и незавершенностью процесса деколонизации, являются гражданская война на Шри-Ланке, окончившаяся в 2009 г.; гражданская война в Кот-д'Ивуаре 2002–2007 гг., также известная как Первая Ивуарийская война; Дарфурский конфликт в Судане 2003–2020 гг.; Конфликт в Киву (восточные провинции Демократической Республики Конго), эскалация в рамках которого наблюдалась в 2004–2009, 2012–2013, 2015–2025 гг.; Бандитская война в Нигерии, длящаяся по настоящее время с 2011 г.; Туарегское восстание 2012 г. и последовавшая война в Мали; гражданская война в Центральноафриканской

⁴ Андреева Г.Н. Эволюция международно-правового регулирования деколонизации в контексте проблем правовых механизмов предотвращения сецессии // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2021. № 3. С.17.

⁵ Там же. С. 18.

Республике, начавшаяся в 2012 г.; гражданская война в Йемене, продолжающаяся с 2014 г. по настоящее время; война в Тиграе 2020–2022 гг.

Некоторые из указанных конфликтов при поддержке ООН или отдельных ее членов уже были приостановлены. Однако подобный исход постколониальных конфликтов, на наш взгляд, является временным по причине того, что основополагающие причины возникновения конфликтов, а именно существование отдельных проявлений колониализма и стремление к реализации права на самоопределение народов, не были разрешены. Анализ указанных конфликтов позволяет выделить следующие единые факторы: противопоставление реализации принципов равноправия и самоопределения народов и территориальной целостности; обострение внутригосударственных противостояний вследствие социального неравенства, этнической и религиозной дискриминация; трансформация немеждународного вооруженного конфликта путем интернационализации или угроза таковой; отсутствие четкой дифференциации между представителями различных вооруженных группировок и неопределенность их международно-правового статуса.

Последние два фактора, неизменно связанные, нередко политизируются отдельными субъектами международного права по причине того, что поддержка отдельных группировок оружием, снаряжением, военными специалистами и разведывательными данными может способствовать интернационализации конфликтов. Немалое значение в этом также может быть отведено и наемникам, примеры участия которых можно наблюдать в вооруженных конфликтах в Мали и ЦАР.

Важно отметить, что при эскалации постколониальных конфликтов при наличии определенных критериев возникают основания квалифицировать их как внутренние немеждународные конфликты, которые порождают комплекс политических и правовых вопросов, в том числе и в сфере определения правового статуса восставшей стороны. Государству, суверенитет и территориальная целостность которого подвергается посягательствам, невыгодно признавать наличие внутреннего конфликта и статус за представителями группировок, которые представляют угрозу власти, отличный от статуса членов преступных или террористических сообществ. В случае признания конфликта внутренним и немеждународным оппозиционные вооруженные силы, повстанческие группы или иные негосударственные акторы, вступившие в противостояние с правительством, не могут воспользоваться каким бы то ни было уровнем легитимности или привилегий в связи с отсутствием определения таких лиц и критериев отнесения к ним в международном гуманитарном праве. Для определения круга указанных лиц в научной литературе иногда можно встретить такой термин, как «незаконный и (или) не пользующийся защитой конвенций комбатант — участник боевых дей-

ствий», который относится ко всем лицам, принимающим непосредственное участие в боевых действиях, но не имеющим на это права, которых по этой причине в случае их попадания во власть противника нельзя отнести к военнопленным⁶. Однако такой термин не имеет отношения к формальному правовому статусу в международном гуманитарном праве, схожего со статусом комбатантов, возникающим в международном вооруженном конфликте. На наш взгляд, отсутствие формально закрепленного в нормах международного гуманитарного права статуса лиц, участвующих в боевых действиях в целях противодействия сохраняющимся проявлениям колониализма и для осуществления права народов на самоопределение, является значительным упущением. Определение такого статуса и критериев принадлежности лиц к соответствующей группе необходимо для достижения равенства прав больших и малых наций, провозглашаемого Уставом ООН, и для завершения процесса деколонизации.

Не менее важным аспектом международно-правового разрешения постколониальных конфликтов является их квалификация. Как отмечает отечественный ученый М.Г. Смирнов, для квалификации вооруженного конфликта также имеет значение объем признания со стороны третьего государства (если оппозиция признается воюющей стороной, то ей оказывается помощь). Внутренний конфликт в подобном случае перерастает в международный вооруженный конфликт, в котором действуют все нормы права вооруженного конфликта международного характера. Если же третье государство оказывает помощь центральному правительству, то конфликт в принципе не перерастает в международный⁷. Благодаря делу Тадица, судебной практикой было введено не закрепленное договорами понятие вооруженного конфликта, переросшего в международный. Однако, учитывая неоднозначный характер постколониальных конфликтов, возникает множество вопросов о статусе иностранных правительственных сил или наемников, союзных повстанцам, о международно-правовой квалификации их действий, об определении пороговых значений или качества помощи третьих государств, для более явного и определенного разграничения основания для перерастания немеждународного вооруженного конфликта в международный. Некоторые аспекты подобных вопросов были проанализированы Международным судом в деле «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа», однако в результате применения предложенного Судом дифференцированного применения норм международного гуманитарного права возникают

⁶ Дерман К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Международный журнал Красного Креста. 2003. № 849. С. 53.

⁷ Смирнов М.Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2014. С. 48.

некоторые практические проблемы, до сих пор не нашедшие международно-правового разрешения⁸.

В заключение следует отметить, что определение статуса лиц, участвующих в боевых действиях для осуществления права народов на самоопределение, критериев принадлежности к такой группе лиц, а также закрепление критериев деятельности третьих государствах, вследствие которой может произойти интернационализация вооруженного конфликта, являются необходимыми аспектами международного гуманитарного права для завершения процесса деколонизации. Деятельность в указанных сферах, на наш взгляд, будет реализована лишь при наличии политической воли и заинтересованности большинства государств — членов ООН.

Ивлюшкин А.С.,

аспирант кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности факультета Комплексной безопасности топливно-энергетического комплекса
Российского государственного университета нефти и газа
(Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
(г. Москва)

Литература:

1. Андреева Г.Н. Эволюция международно-правового регулирования деколонизации в контексте проблем правовых механизмов предотвращения сепарации / Г.Н. Андреева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 3.
2. Вите С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации / С. Вите // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873.
3. Дерман К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Международный журнал Красного Креста. 2003. № 849.
4. Смирнов М.Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект / М.Г. Смирнов. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2014.
5. Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! / Л.Л. Фитуни // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4 (53).
6. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели / К.А. Фурсов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2.

⁸ Вите С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873. С. 115.

Проблема международно-правового регулирования диаспор (перспективы их государственного ограничения) и мультикультурализм в канве «русского мира» (православия)

В середине 1980-х годов с политикой перестройки начали проявляться сепаратистские идеи в разных уголках СССР, начиная от стран Балтии и заканчивая Кавказом. По сути, основания советской общности были поколеблены. Возник всплеск национально-религиозных идей. Замены «советскому народу» на территории РФ к началу XXI в. так и не создано¹.

Как известно, существуют следующие модели социально-психологической адаптации мигрантов: модель полного исключения; модель дифференциального исключения (сегрегация); этническая (немецкая модель); ассимиляция; диссимиляция; республиканская (французская модель); интеграция; плюрализм (англосаксонская модель) и мультикультурализм, при котором мигранты рассматриваются как будущие постоянные жители. Модели не существуют в чистом виде. Цели и политика страны или сообщества могут соответствовать одному из описанных подходов всегда и для всех иммигрантов, или различные подходы могут быть приняты для различных иммигрантов в разное время².

Ряд исследователей³ относит русское зарубежье («Русский мир») к введенному Роджерсом Брубейкером этнополитологическому понятию — «диаспоры катаклизма», которые, в отличие от трудовых диаспор, возникли вследствие войн, дезинтеграции, распада империй и других негативных процессов⁴. Согласно Роджерсу Брубейкеру, русских, проживающих на постсоветском пространстве, следовало бы называть не термином «диаспора»,

¹ Максименко С.В. Национальная безопасность Российской Федерации: российский народ: миф или реальность // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 25. М.: Юрист, 2025. С. 273.

² Максименко С.В. Модели адаптации мигрантов в новом обществе: основные направления государственной политики // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 24. М.: Юрист, 2024. С. 312–316.

³ Ким А.С. Диаспора как термин этнополитологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. Вып. 3. С. 133–141.

⁴ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской республики и постсоветской России) // Диаспоры. М.: Наталис, 2000. № 3. С. 6–32.

а термином «ирредента» (часть народа, находящаяся под чужим владычеством). В отличие от диаспоры, члены которой рассеяны по территории удаленных от их исторической родины государств, члены ирреденты, как правило, компактно проживают в государствах, граничащих с их исторической родиной. При этом многие политические силы, например, партия «Справедливая Россия» выступают против существования «диаспор» в самой РФ⁵.

В 2015 г. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко на вопрос о причастности Белоруссии к концепции «Русского мира» заявил: «Я не понимаю, что такое „русский мир“, вы — тем более, а наш народ вообще не понимает, какой русский мир. Тогда можно сказать о белорусском, украинском мире. Это что, какое-то противостояние миров? Поэтому это надуманная, глупая какая-то подстава, тезис»⁶.

Вместе с тем Президент РФ В.В. Путин подписал указ об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности⁷.

Анклав — от позднелат. *Inclavatus* — «закрытый, запертый» и *clavis* — «ключ». Части государства, полностью окруженные другой (одной) страной, называются полными анклавами. Полуанклав — часть государства, окруженная территорией другого государства на суше, но имеющая выход к морю. Чистый эксклав — несuverенный регион, отделенный от основной территории страны и окруженный более чем одним государством (т.е. не являющийся анклавом). Чистый эксклав не является анклавом относительно других государств, но является эксклавом относительно основной территории страны. Одна и та же территория является эксклавом для той страны, которой она принадлежит, и анклавом для той страны (тех стран), которым она не принадлежит. Исключение составляет чистый эксклав. Аналогичная терминология используется для полуэксклавов и полуанклавов. В обиходе полуэксклавы и полуанклавы часто называют просто эксклавами и анклавами.

Анклавы можно разделить на виды: сухопутные, морские, юрисдикционные, наконец, этнические и религиозные. Последние — это поселения, от китайских кварталов до гетто.

Отличительный признак «диаспоры» и «анклава» — это внутренняя самоорганизованность, консолидация. Статус «национального меньшинства» —

⁵ Миронов С.М. Россия — не проходной двор! // Пресс-конференция Партии СРЗП на тему «Миграция — срочно навести порядок!» от 26 августа 2025 г. URL: <https://spravedlivo.ru/15451110> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶ Лукашенко Г. Я не понимаю, что такое «Русский мир» // Еврорадио, Радио Свобода и Tut.by от 6 августа 2015 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZHN0xv9s3l8> (дата обращения: 01.11.2025).

⁷ Указ Президента РФ от 19 августа 2024 г. № 702. «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035> (дата обращения: 01.11.2025).

это внешнее признание со стороны государства с целью защиты прав этнической общности, группы.

Польский ученый Владислав Чаплинский дает следующее определение: «Национальное меньшинство — это национальная группа, консолидированная и живущая в одном из регионов государства (из чего вытекает ее естественное стремление к получению автономии), характеризующаяся сформировавшимся ощущением внутреннего единства и вместе с тем стремящаяся сохранить свои специфические черты — язык, культуру и так далее»⁸.

К международным договорам, регулирующим права национальных меньшинств, относятся: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым и религиозным меньшинствам 1992 г.⁹; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст.27)¹⁰; Рамочная Конвенция Совета Европы о защите прав национальных меньшинств 1995 г.¹¹; Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 г.¹² и Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 г.¹³ Они, впрочем, не предусматривают рассмотрения индивидуальных жалоб, в отличие от «международного пакта» и ЕКПЧ¹⁴, некоторые статьи которых используются и для защиты прав меньшинств.

Международные документы и законодательство РФ не содержат определения национального меньшинства, хотя оно упоминается как в международных документах о защите прав человека, так и в Конституции РФ¹⁵ (ст. 71, 72 — интересно, что в них защита прав национальных меньшинств относится как к ведению федерации, так и к совместному ведению федерации и ее субъектов).

⁸ Чаплинский В. К вопросу об этнических меньшинствах. URL: <https://web.archive.org/web/20080229070259/http://www.edu-kost.kz/union/hist/news/2.doc> (дата обращения: 01.11.2025).

⁹ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым и религиозным меньшинствам, принята резолюцией № 47/135 ГА ООН от 18 декабря 1992 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией № 2200 А (XXI) ГА ООН от 16 декабря 1966 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 01.11.2025).

¹¹ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ETS №157), принята СЕ в г. Страсбурге от 1 февраля 1995 г. // СЗ РФ. 1999. № 11. Ст. 1256.

¹² Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, принята СЕ от 5 ноября 1992 г. // URL: <https://rm.coe.int/168007c098> (дата обращения: 01.11.2025).

¹³ Законопроект № 95054654-1 «О ратификации Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Система обеспечения законодательной деятельности» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95054654-1> (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принята СЕ от 4 ноября 1950 г. // URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁵ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.11.2025).

«Конституционные поправки» дополнительно провозгласили гарантии сохранения культурного и языкового многообразия, а также защиты культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ, что говорит о важности для государства вопроса межнациональных отношений (ч. 2 ст. 69). Конституционный текст оперирует несколькими понятиями субъектов национальных отношений, определения которых не уточняет. Наиболее употребимыми являются положения о народах (многонациональный народ — преамбула, ч. 1 ст. 3, ч. 4 ст. 68; народы РФ — ч. 1 ст. 9, ч. 1 и 3 ст. 68, ч. 2 ст. 69; государствообразующий народ — ч. 1 ст. 68; коренные малочисленные народы — ч. 1 ст. 69); упоминаются «этнические общности» (ч. 2 ст. 69), «малочисленные этнические общности» (п. «м» ч. 1 ст. 72) и «национальные меньшинства» (п. «в» ст. 71 и п. «б» ч. 1 ст. 72). Иных этнических категорий конституционные нормы не закрепляют.

Приняты Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.¹⁶ и государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» 2016 г.¹⁷

Принят Закон РФ «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г.¹⁸ С 2015 г. действует Консультативный совет по делам национально-культурных автономий при Федеральном агентстве по делам национальностей.

В качестве разновидности национальных меньшинств зачастую рассматриваются коренные малочисленные народы. Приняты Федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г.¹⁹; «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» от 20 июля 2000 г.²⁰; «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» от 7 мая 2001 г.²¹ и Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255

¹⁶ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 2648-р // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁷ Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/27c3aa4d9f6db2574c6a22765689d8c5049df5c7/ (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁸ Закон РФ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ. «О национально-культурной автономии» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁹ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 01.11.2025).

²⁰ Федеральный закон от 29 июля 2000 г. № 104-ФЗ. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/ (дата обращения: 01.11.2025).

²¹ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/ (дата обращения: 01.11.2025).

«О Едином перечне коренных малочисленных народов»²², содержащее исчерпывающий список коренных малочисленных народов РФ.

Вместе с тем ни один нормативный акт РФ также не определяет понятие «национальное меньшинство». Требуется дальнейшая законодательная работа в данной области. В стадии разработки находятся такие законы, как «О национальных меньшинствах в Российской Федерации» и др. Необходимо приведение законодательных актов субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ и федеральными законами.

Существует мнение²³ о том, что «миграционные процессы в условиях глобализации становятся также причиной исчезновения языка, культуры, традиции коренного народа. Культурное или этническое происхождение теряет свою первичность в определении нации»²⁴.

Таким образом, во всех случаях большую роль играют язык и религия, которая становится цементирующим моральным фактором для целых правительств, кроме, атеистических «народов» — СССР и др.

Различным моделям взаимодействия общества принимающих стран можно поставить вопрос о полной ассимиляции или мультикультурализме, которые являются важной составляющих для многих «миграционных» государств, в том числе РФ. Имеется много разных мнений ученых, в том числе о российском народе.

Все рассмотренные вопросы достаточно сложны и требуют специально-го исследования в дальнейшем. Кроме того, они поднимают сложные проблемы будущего демократии в условиях глобализации (биполярного или многополярного мира).

Максименко С.В.,

ведущий специалист Аппарата ЦК Профсоюза автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература:

1. Алейникова С.М. Русский мир: белорусский взгляд / С.М. Алейникова. Минск : РИВШ, 2017.

²² Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255. «О Едином перечне коренных малочисленных народов» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26631/ (дата обращения: 01.11.2025).

²³ Трудовая миграция в глобальном мире: актуальные вопросы и локальные ответы / О.А. Беглова, С.А. Белов, А.С. Карцев, Ю.В. Мишальченко // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10 (53). С. 24–25.

²⁴ Исмаилова Г. Миграционный процесс как центробежный фактор в условиях глобализации // Приоритеты укрепления государственно-правового развития России в условиях глобализации : сб. науч. ст. / науч. ред. Н.А. Фролова ; Дип. академия МИД России. М., 2012. С. 63.

2. Брубейкер Р. «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской республики и постсоветской России) / Р. Брубейкер // Диаспоры. Москва : Наталис, 2000. № 3.
3. Исмаилова Г. Миграционный процесс как центробежный фактор в условиях глобализации / Г. Исмаилова // Приоритеты укрепления государственно-правового развития России в условиях глобализации : сборник научных статей / научный редактор Н.А. Фролова. Москва, 2012.
4. Ким А.С. Диаспора как термин этнополитологии / А.С. Ким // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 3.
5. Лукашенко Г. Я не понимаю, что такое «Русский мир» / Г. Лукашенко // Еврорадио. 2015. 06 августа.
6. Максименко С.В. Модели адаптации мигрантов в новом обществе: основные направления государственной политики / С.В. Максименко // Научные труды. Российская академия юридических наук : труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 21–24 ноября 2023 г.) : сборник научных статей. Вып. 24 / члены редакционной коллегии: В.В. Блажеев, В.А. Бублик, А.К. Голиченков [и др.] ; ответственный редактор В.В. Гриб. Москва : Издательская группа «Юрист», 2024.
7. Максименко С.В. Национальная безопасность Российской Федерации: российский народ: миф или реальность // Научные труды. Российская академия юридических наук : труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 26–29 ноября 2024 г.) : сборник научных статей. Вып. 25 / члены редакционной коллегии: В.В. Блажеев, В.А. Бублик, А.К. Голиченков [и др.] ; ответственный редактор В.В. Гриб. Москва : Издательская группа «Юрист», 2025.
8. Миронов С.М. Россия — не проходной двор! / С.М. Миронов // Пресс-конференция Партии Справедливая Россия на тему «Миграция — срочно навести порядок!». 2025. 26 августа URL: <https://spravedlivo.ru/15451110> (дата обращения: 01.11.2025).
9. Трудовая миграция в глобальном мире: актуальные вопросы и локальные ответы / О.А. Беглова, С.А. Белов, А.С. Карцев, Ю.В. Мишальченко // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10 (53).
10. Чаплинский В. К вопросу об этнических меньшинствах / В. Чаплинский. URL: <https://web.archive.org/web/20080229070259/http://www.edu-kost.kz/union/hist/news/2.doc> (дата обращения: 01.11.2025).

Становление международного частного права Индии после обретения независимости

Статья 372 Конституции Индии (1949) установила правило, по которому все законы, действовавшие на территории Индии непосредственно перед вступлением в силу Конституции, продолжают действовать там до тех пор, пока они не будут изменены, отменены или дополнены компетентным законодательным органом или другим компетентным органом власти. В связи с этой конституционной нормой современное индийское право представляет собой мозаику из норм ранних индуистских королевств, которые правили различными частями ранней Индии, норм империи Великих Моголов, чей мусульманский кодекс остается частью ткани современного индийского права, а также норм права других европейских колонизаторов.

Содержание современного индийского права включает международное право доколониального и колониального периодов в форме торговых договоров, а также обычное международное право. Иностранное право представлено в контексте его рецепции в Индии. Колониальное право продолжает также существовать и на основе принятого в 1947 г. британским парламентом Акта о независимости Индии, который не только закрепил положение о создании двух независимых государств — Индии и Пакистана, но и определил Индию государством — правопреемником Британской Индии¹.

Толкование иностранного прецедента индийскими судами осуществляется либо в целях подкрепления позиции индийского суда, либо для демонстрации иной правовой позиции. Однако, ссылаясь на такое иностранное право, индийские суды избегают традиционного разделения толкования прецедента с учетом различия между *ratio decidendi* и *obiter dicta*², и ссылаются лишь на те части решения суда, которые соответствуют их утверждениям.

¹ Sai Ramani Garimella. India's private international law rules: persistence of colonial law in a postcolonial state: a TWAIL exploration / Research Methods in Private International Law, 14 May 2024. P. 303. URL: <https://www.elgaronline.com/edcollchap/book/9781800375536/book-part-9781800375536-23.xml> (дата обращения: 11.11.2025).

² Ratio decidendi относится к правовому обоснованию или принципу, на котором основывается решение суда и который образует обязательный прецедент для будущих дел. Это неотъемлемая часть судебного решения, необходимая для разрешения рассматриваемого спора. Obiter dicta или obiter dictum — это заявления судьи, которые обычно представляют собой его философские толкования и не являются юридическими ссылками, которые должны быть включены и использованы в качестве прецедента. Эти заявления не являются существенными для вынесения решения по делу (What Is Ratio Decidendi and Obiter Dicta With Differences, Advantages, Disadvantages, and Case Laws?). URL: <https://www.writinglaw.com/ratio-decidendi-and-obiter-dicta/> (дата обращения: 11.11.2025).

Известный индийский коллизιονист Саи Рамани Гаримелла (Южноазиатский университет, Нью-Дели) отмечает, что право, применяемое к иностранному элементу в межличностных конфликтах, в значительной степени основано в Индии на судебной практике, выработанной высшими судебными органами. Существуют постоянные и обширные ссылки на колониальное право, как в судебной практике, относящейся к периоду до обретения независимости (август 1947 г.), так и в более поздних разработках английского права. Хотя нет правдоподобного законодательного обоснования таких ссылок, индийские суды тем не менее продолжают ссылаться на судебную точку зрения в колониальный период. Несмотря на присутствие в таких международных организациях, как Гагская конференция по международному частному праву и Международный институт унификации частного права (УНИДРУА), Индии еще предстоит разработать свое собственное нормативное содержание, основанное на принципах универсализма и сложившихся за длительный период разрозненных национальных норм права³.

По мнению ряда индийских коллизιονистов, ирония ситуации заключается в том, что индийский законодатель с трудом заполняет правовые пробелы в области международного частного права, даже после стольких лет независимости⁴.

Международное частное право Индии (общие положения)

Под международным частным или коллизιονным правом Индии понимается отрасль права, применяемая в случаях конфликта двух или более правовых систем по определенному вопросу. Это свод правовых норм, определяющих, какая правовая система и юрисдикция будут применяться к конкретному спору. Международное частное право (коллизιονное право), регулирует правовые споры с участием частных лиц или организаций, которые пересекают национальные границы, — определяет соответствующую правовую систему и юрисдикцию.

Цель международного частного права Индии — определить, законы какой страны должны применяться в конкретном случае и какой суд обладает юрисдикцией в отношении этого спора. Международное частное право помогает разрешать споры, возникающие в связи с трансграничными сделками, семейными отношениями (например, разводом, опекой), а также вопросами, связанными с имуществом, наследством или договорами с участием иностранного элемента. В индийском контексте международное частное право регулирует такие вопросы, как признание и исполнение иностранных судебных решений, выбор применимого права в международных договорах

³ Sai Ramani Garimella. India's private international law rules ... Op. cit. P. 303–306.

⁴ См: Ayush Verma. Op. cit.; Shubhangi Gandhi, THEORIES OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND THEIR APPLICATION. Rajiv Gandhi National University of Law // Indian Journal of Integrated Research in Law. Vol. II. Iss. I. P. 1–11.

и предоставление правовых решений для международных коммерческих сделок. Оно обеспечивает основу для разрешения ситуаций, в которых может быть задействовано право нескольких стран. Например, если между индийской IT-компанией и европейским клиентом возникает спор по договору оказания услуг, индийские суды должны определить юрисдикцию и применимое к договору право (индийское или европейское).

Субъектами международного частного права Индии являются участники частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом: физические и юридические лица (иностранцы и индийские компании).

Защита публичного порядка — важнейший институт индийского международного частного права. Публичный порядок Индии — это правовая концепция, защищающая основные ценности, моральные принципы и общественное благосостояние страны. Публичный порядок препятствует исполнению иностранных законов или судебных решений, если они противоречат публичным интересам или моральным ценностям Индии.

Источниками международного частного права Индии являются: международный договор, законодательство, судебный прецедент и обычай⁵.

Юрисдикция индийских судов

Индийское законодательство признает применимость принципа *lex fori* к вопросам, связанным с процедурой урегулирования споров. В деле «Ramanathan Chettiar v Soma Sundram Chettiar» (1963)⁶ суд, ссылаясь на коллизионное право А.В. Дайси, постановил, что *lex fori* регулирует все процессуальные вопросы в Индии, указав тем самым, что эта методология действует и для классификации права исковой давности как института процессуального права.

Авторы учебника по международному частному праву Индии (2021) Стеллина Джолли и Салони Кхандерия подчеркивают ключевую роль индийской судебной системы в развитии международного частного права. С учетом минимальной местной правовой базы по данному вопросу, индийские суды продолжают черпать вдохновение или руководствоваться принципами английского права, в том числе устаревшими. В частности, суды в Индии по-прежнему следуют установленному под английским влиянием принципу «единства domicilio» (ст. 15–16 Закона о наследовании Индии 1925 г.)⁷,

⁵ Shubhangi Gandhi. Op. cit.; Ayush Verma, Op. cit.; Sakshi Gupta. Private International Law versus Public International Law // URL: <https://hindi.ipleaders.in/private-international-law-compared-to-public-international-law/> (дата обращения: 11.11.2025).

⁶ Madras High Court. Rm. Ar. Ar. Rm. Ar. Ramanathan Chettiar ... vs K.M. Ol. M. Somasundaram Chettiar And ... on 9 August, 1963 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/473410/> (дата обращения: 11.11.2025).

⁷ В соответствии с принципом единства domicilio иждивенцы — это лица, не имеющие возможности приобрести постоянное место жительства по собственному выбору и поэтому им присписывается постоянное место жительства лиц, у которых они находятся на иждивении. Постоянное место жительства замужних женщин, относящихся к категории иждивенцев, совпадает с местом жительства их мужа.

отмененному в Англии⁸. Верховный суд Индии в деле «Central Bank Of India vs Ram Narain» (1954) признал английскую концепцию домицилия, сославшись на английский судебный прецедент по делу «Craignish v Craignish» (1894) в соответствии с которым домицилий лица — это место жительства лица, в котором оно проживает и не имеет намерения покинуть его⁹.

Судебные решения в Индии относительно запретов и других промежуточных мер по делам, рассматриваемым иностранными судами, демонстрируют верность правилам колониальной эпохи. Примером таких решений является дело «Modi Entertainment Network & Anr vs W.S.G.Cricket Pte. Ltd» (2003), где Верховный суд обсуждал принципы, сформулированные на основе решений Палаты лордов и Тайного совета в «Коллизионном праве»¹⁰.

Выбор применимого права

В отношении международных коммерческих контрактов, отмечает С.Р. Гаримелла, индийские суды также широко ссылаются на английское право и судебную практику. В частности, по вопросам автономии воли индийские суды ссылаются на ключевое решение Судебного комитета Тайного совета по коллизионному праву по делу «Vita Food Products Inc v Unus Shipping Co Ltd» (1939), в соответствии с которым выбор права по коммерческому контракту может быть явным, подразумеваемым и объективным. «Прямо выраженный выбор права в договоре должен соблюдаться при условии, что соглашение является добросовестным и не противоречит публичному порядку»¹¹.

Руководствуется английским правом и Верховный суд Индии. В частности, в деле «British India Steam Navigation Co., Ltd vs Shanmughavilas Cashew Industries» (1990)¹², Верховный суд Индии, сославшись на решение Тайного совета Великобритании (1894), высказал мнение о «фиксированной» природе применимого права договора, а также пояснил, что не может быть «плавающего» применимого права¹³.

⁸ См.: *Sai Ramani Garimella & Soumya Rajsingh*. Indian Private International Law by Stellina Jolly and Saloni Khanderia. New York, NY : Hart Publishing, 2021 // Indian Private International Law, Asia Pacific Law Review. 2023 // URL: <https://doi.org/10.1080/10192557.2023.2232619> (дата обращения: 11.11.2025).

⁹ Central Bank Of India vs Ram Narain on 12 October, 1954. URL: <https://indiankanoon.org/doc/426664/> (дата обращения: 11.11.2025).

¹⁰ Modi Entertainment Network & Anr vs W.S.G. Cricket. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1857811/> (дата обращения: 11.11.2025).

¹¹ Vita Food Products Inc (Appeal No. 82 of 1938) v Unus Shipping Company Limited in liquidation (Nova Scotia) [1939] UKPC 7 (30 January 1939) // URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1939/1939_7.html (дата обращения: 11.11.2025).

¹² Supreme Court of India. British India Steam Navigation Co., Ltd vs Shanmughavilas Cashew Industries And ... on 13 March, 1990 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/1933943/> (дата обращения: 11.11.2025).

¹³ Sai Ramani Garimella. India's private international law rules... P. 308.

Особенностью судебных решений индийских судов является подкрепление правовой позиции не только прецедентами английских судов, но и цитатами ведущих английских юристов. Одним из наиболее ярких примеров является Решение и Постановление Высокого суда штата Кералы (1973)¹⁴, где делаются ссылки не только на решения английских судов, но и приводится целиком текст, пронумерованных правил и подправил из «Коллизионного права» (11-е изд.)¹⁵ Дайси и Морриса, а также цитаты из учебника по международному частному праву Н. Чешира.

Этот же подход фигурирует в деле «National Thermal Power Corporation vs Singer Company And Ors» (1992), где Верховный суд Индии, рассматривая вопросы, связанные с выбором права в контексте арбитражных соглашений¹⁶, ссылается на целый ряд понятий английского права: «право, применимое к договору», «публичный порядок, ограничивающий это право», «определение судом намерения сторон», «право, с которой сделка имеет свою наиболее тесную и реальную связь», «определение судом намерения сторон»¹⁷.

Важно отметить, что указанные выше правила об автономии воли сторон, публичном порядке, наиболее тесной и реальной связи и др., являются на сегодняшний день общепринятыми не только в странах общего права, но и в большинстве стран романо-германской правовой семьи, в том числе в России (ст. 1210–1211 ГК РФ). Однако, применяя эти фундаментальные правила, суды этих стран ссылаются на нормы права своей, а не чужой страны, как это происходит в Индии.

Авторы учебника по международному частному праву Индии (2021) Стеллина Джолли и Салони Кхандерия отмечают, что коллизионное регулирование индийскими судами внедоговорных обязательств также опирается на

¹⁴ From the Judgment and Decree dated 30.11.1973 of the Kerala High Court in A.S. No. 365 of 1969 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/1933943/> (дата обращения: 11.11.2025).

¹⁵ В частности, в Решении суда целиком приведено важнейшее «Правило 180» из «Коллизионного права» Дайси и Морриса, называемого в Англии «золотым стандартом» коллизионного регулирования: «Термин “право, применимое к договору” означает систему права, которой стороны намеревались регулировать договор, или, если их намерение не выражено явно и не может быть выведено из обстоятельств, систему права, с которой сделка имеет наиболее тесную и реальную связь. Подправило 1: “Когда намерение сторон договора относительно права, регулирующего договор, выражено словами, это выраженное намерение, как правило, определяет право, применимое к договору”. Подправило 2: “Когда намерение сторон договора в отношении права, регулирующего договор, не выражено словами, их намерение следует вывести из условий и характера договора, а также из общих обстоятельств дела, и такое выведенное намерение определяет право, применимое к договору”». Ibid.

¹⁶ National Thermal Power Corporation vs Singer Company And Ors. URL: <https://indiankanoon.org/doc/633347> (дата обращения: 11.11.2025).

¹⁷ Bank Mellat v. Helliniki Techniki SA, 1983. URL: <http://www.uniset.ca/other/cs3/1984QB291.html> (дата обращения: 11.11.2025); Mount Albert Borough Council v. Australasian Temperance and General Mutual Life Assurance Society Ltd. (1938); The Assunzione (1954). URL: <https://vlex.co.uk/vid/assunzione-the-792782941> (дата обращения: 11.11.2025).

традиционные, но устаревшие принципы английского права, в частности на «правило двойной юрисдикции»¹⁸.

Решение указанных выше проблем коллизионного регулирования индийские юристы видят в индианизации международного частного права, заключающейся в отказе от устаревших доктрин, проведении сравнительного анализа передовой практики других стран юрисдикций и «принятии в Индии исключительного законодательства, призванного заменить существующий разрозненный режим, который преимущественно основан на судебных решениях»¹⁹.

Шулаков А.А.,

доцент кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
(г. Москва)

References:

1. Anand, R.P. Changing Dimensions of International Law: An Asian Perspective / R.P. Anand // Collected Courses of the Xiamen Academy of International Law. 2006. Vol. 1.
2. Dicey, A.V. A Digest of the Law of England with Reference to the Conflict of Laws / A.V. Dicey. London : Steven & Sons, 1908.
3. Sai Ramani Garimella. Chapter 15: India's private international law rules: persistence of colonial law in a post-colonial state: a TWAIL exploration / Sai Ramani Garimella // Research Methods in Private International Law / eds. by X. Kramer, L. Carballo Pi-eiro. Edward Elgar Publishing Limited, 2024.

¹⁸ См.: Sai Ramani Garimella & Soumya Rajsingh. Op. cit. Правило двойной юрисдикции (double actionability rule) — это одна из доктрин международного частного права, в соответствии с которой иск о предполагаемом правонарушении, совершенном в иностранной юрисдикции, может быть решен в национальном суде только в том случае, если он подлежал бы рассмотрению как по законам своей юрисдикции, так и по законам иностранной юрисдикции. Это правило возникло в спорном деле «Филлипс против Эйра» (1870). В английском праве это правило в значительной степени было отменено в силу раздела 10 Закона о международном частном праве (Различные положения) 1995 г. Отменено это правило также в канадском, австралийском и новозеландском законодательстве, вместо него в большинстве случаев применяется критерий *lex loci delicti* (см., например: Private International Law (Choice of Law in Tort) Act 2017 // URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0044/12.0/DLM4892611.html> (дата обращения: 11.11.2025)).

¹⁹ См.: Sai Ramani Garimella & Soumya Rajsingh. Op. cit.

Семейно-правовое (имущественное) положение трофейной жены в Древней Руси

Большинство историков права (М.Ф. Владимирский-Буданов, К.А. Неволин, С.М. Соловьев и др.¹) описывали три способа заключения брака, существовавшие в дохристианском периоде Древней Руси: умыкание невесты, ее покупка женихом и приведение невесты в дом жениха. Д.Я. Самоквасов дополнил их пленением женщины во время военного похода², которое порождало трофейный брак.

Изучение «Повести временным лет» и древнерусских источников канонического права позволяет выделить два способа заключения брака, существовавшие у восточных славян до начала XIII в.: умыкание невесты (у древлян, радимичей, вятичей, северян и словен³) и приведение невесты в семью жениха (у полян)⁴. Эти способы существовали одновременно у разных родов восточных славян, так как летописец противопоставляет их друг другу.

В русских летописях отражены как минимум пять трофейных браков, имевших место на протяжении X–XII вв., а именно:

Под 977 г. в «Повести временных лет» сообщается, что Святослав Игоревич привел из похода монахиню-гречанку и отдал ее замуж за своего сына

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону, 1995. С. 404–407; Неволин К.А. История российских гражданских законов / К.А. Неволин. [Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных]. М., 2005. С. 294–301; Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. [Кн. 1. Т. I–V]. СПб., 1911. Стб. 62–67.

² Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. 3-е изд., испр. и доп. М., 1908. С. 172, 173, 176.

³ В 30-м правиле, написанном митрополитом русским Иоанном II в 1080–1089 гг., указано: «ѡкоже ѹси рекль, оже не бѹваѹтъ на простыхъ людехъ благословенѹе и вѣнчанѹе, но боларомъ токмо [и] кнземъ вѣнчатисѹ; простымъ же людемъ, ѡко и меньшицѣ поимають жены своѹ с пласанѹемъ и гуденѹемъ и плесканѹемъ, разумъ даѹемъ всакъ и речемъ: иже простиѹ закони простѹемъ и невѣжамъ си творѹтъ совкупленіе; иже кромѣ божественѹи церкви и кромѣ благословенѹи творѹтъ свадьбу, таинопоиманіе наречетсѹ: иже тако поимаютсѹ, ѡкоже блудникомъ ѹпитимѹю дати». В 7-м правиле, написанном митрополитом русским Кириллом II совместно с епископами: новгородским Далматом, ростовским Игнатием, переяславским Феогностом, полоцким Симеоном в 1274 г., указано: «И се слышахомъ: въ предѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водѹють къ водѣ. И нынѣ не велимъ тому тако быти; аще ли, то проклинати повелѣваемъ». Поскольку на новгородской земле изначально проживали ильменские словене, исходя из обычая других родов восточных славян умыкать невесту у воды, можно предположить, что у словен брак заключался тоже умыканием невесты у воды // Памятники древнерусского канонического права / ред. А.С. Павлов. [Ч. 1: Памятники XI–XV вв.]. 2-е изд. СПб., 1908. Ст. 18, 99.

⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. [I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи]. СПб., 1846. С. 6.

Ярополка⁵. Как писал Н.М. Карамзин, гречанка была пленницей Святослава⁶, завоеванная, возможно, в результате похода на Византию в 970 г.

В 980 г. на предложение князя Владимира Святославовича выдать за него дочь Рогнеду полоцкий князь Рогволод ответил отказом, так как дочь не хотела выходить замуж за сына рабыни, но желала сочетаться браком с его братом Ярополком, с которым в тот период Владимир боролся за власть над Киевом. Отказ в заключении брака по указанным мотивам, да еще реальные приготовления полоцкой княжны к браку с врагом привели князя Владимира в гнев. Он вместе с дядей по матери Добрыней собрал войско и осадил Полоцк. По указанию дяди Владимир изнасиловал Рогнеду на глазах ее родителей, убил ее отца и двух братьев, а ее взял третьей законной женой, дав ей имя Горислава. После этого он пошел с войском на Киев, в котором княжил Ярополк, обманом вызвал его из закрытого города для переговоров о мире, после чего дружинники убили Ярополка. Князь Владимир взял себе в качестве второй жены беременную жену Ярополка (ту самую гречанку, которую их отец Святослав привез из Византии)⁷. Она родила Святополка, который, по сути, был племянником князя Владимира, но считался его законным сыном. За время супружества Рогнеда родила князю четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, и двух дочерей⁸. При этом Святополк

⁵ «У Ярополка же жена Грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привель отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея». // Цит.: Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 32.

⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского [в 6 книгах / по 2 тома в одной книге] / Н.М. Карамзин; [Вступ. ст. В. Г. Перельмута]. [Кн. 1: Т. 1-2]. М., 1993. С. 145.

⁷ «Володимерь... посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: «хочю пояти дъчерь твою собѣ женѣ.» Онъ же рече дъчери своей: «хочеши ли за Володимера?» она же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю»... И придоша отроки Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дъчери Рогъволождѣ, князя Полотъскаго; Володимерь же собра вои многи... поиде на Рогъволода. Въ се же время хотяху Рогънѣдѣ вести за Ярополка; и приде Володимерь на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка... И приде Ярополкъ къ Володимеру... и тако убьенъ бысть Ярополкъ. Володимерь же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ нея же родися Святополкъ». Более подробно ситуация описана в Троицкой летописи под 1128 г.: «...посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Володимера. Онъ же рече дъчери своей: «хощеши ли за Володимера?» Она же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю.»... Слышавъ же Володимерь, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: «не хочю я за робичича;» пожалиси Добрына и исполнися ярости, и поемша вои идоша на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволдъ же вбѣже въ городъ, и приступивъше къ городу, и взяша городъ, и самого яша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичича, и повелѣ Володимеру быти съ нею предѣ отцемъ ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава; и роди Изяслава» // Цит.: Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 32–33, 131.

⁸ «Володимерь побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдѣ, юже посади на Лыбеди, идѣ же ныне стоитъ сельце Предѣславино, отъ нея же роди 4 сыны, Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери, отъ Грекинѣ Святополка, отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другоѣ Святослава и Мстислава, а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба...» // Цит.: там же. С. 34.

был великим князем киевским в периоды 1015–1016 и 1018–1019 гг., а Ярослав — в периоды 1016–1018, 1019–1054 гг., так как они вели борьбу между собой за власть.

Как предполагает Л.Е. Морозова, отсутствие общих детей у князя Владимира с гречанкой свидетельствует о том, что он не жил с нею, а объявил своей женой, чтобы еще раз унижить Рогнеду за ее отказ на предложение о замужестве⁹.

В 1022 г. сын великого князя Владимира и полоцкой княжны Рогнеды — тмутараканский князь Мстислав Храбрый во время военного похода на Западный Кавказ победил касожского князя Редедя (племени абхазо-адыгского происхождения), взяв себе его жену и детей. Однако в источниках отсутствуют точные сведения о том, что жена Редедя стала законной женой Мстислава¹⁰.

В 1094 г. великий князь киевский Святополк Изяславич — правнук великого князя Владимира и полоцкой княжны Рогнеды по деду Ярославу Мудрому, заключив мир с половецким ханом Тугорканом, взял его дочь в законные жены¹¹. В крещении она получила имя Елена и родила Святополку двух сыновей: Брячислава и Изяслава, ставшими впоследствии князьями Туровскими.

В 1116 г. князь Ярополк, третий сын великого князя Владимира Мономаха, завоевал три половецких города, пленив множество ясов (осетин), в том числе дочь яского князя — прекрасную девицу. На Руси пленница была крещена и получила имя Елена, а затем стала законной женой Ярополка, что подтверждается записями под 1116 и 1145 г.г. в Ипатьевской летописи¹².

Возникают вопросы: каковы были отличительные признаки трофейного брака? Имеются ли основания для квалификации завоевания женщины во время военного похода в качестве самостоятельного способа его заключения?

Для начала необходимо обратить внимание на тот факт, что насильственными способами заключения брака в Древней Руси были умыкание женихом

⁹ Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси / Л.Е. Морозова. М., 2008. С. 103–104.

¹⁰ «Въ си же времена Мьстиславу... поиде на Касоги. Слышавъ же се князь Касожский Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «... да аще одолѣеши ты, то возмешь имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «такъ буди»... И ястася бороти крѣпко... Мьстиславъ... удари имѣ о землю, и вынзе ножъ, зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Касоги» // Цит.: Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 63.

¹¹ «Створи миръ съ Половцѣмъ Святополкъ, и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя Половецкаго» // Цит.: там же. С. 96.

¹² «1116. Въ се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода, на Донъ, и взяша три грады, Сугровъ, Шаруканъ, Балинь. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену, красну велми, Яскаго князя дщерь, полонивъ... 1145. Въ то же лѣто перенесе благовѣрная княгини Олена Яска князя своего Ярополка изъ гробницѣ въ церковь святаго Андрея, и положи его у Яныкы» // Цит.: Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографического комиссией. [III. Ипатьевская летопись]. СПб., 1843. С. 8, 21; Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 263.

невесты без ее согласия и согласия ее родителей (увоз и увод) и завоевание женихом невесты во время войны и набегов на чужие племена.

Отвечая на первый вопрос, следует указать, что трофейный брак, возникая из акта насилия, не имел своей главной целью приобретение невесты. По признаку насилия в отношении невесты трофейный брак схож с умыканием невесты, но по цели совершаемого действия они различались, так как пленная женщина являлась лишь одним из множества трофеев мужчины-победителя, в то время как умыкание женщины из чужого рода совершалось специально для обращения ее в свою законную жену. По критерию наличия добровольного и осознанного согласия невесты и (или) ее семьи на заключение брака насильственные способы отличались от договорных способов: приведения невесты в дом жениха, умыкания невесты по соглашению с нею, покупки невесты женихом.

Во-вторых, трофейный брак, в основе которого лежало завоевание женихом невесты, мог возникнуть только в том случае, если их роды имели враждебные взаимоотношения. Если жених и невеста принадлежали к одному роду или соседним живущим в мире родам, то применялись договорные способы заключения брака или притворное умыкание невесты женихом¹³.

В-третьих, невеста приобреталась в результате военных действий, т.е. открытой вооруженной борьбы между родами. В этом принципиальное отличие трофейного брака от умыкания невесты, которое подразумевало тайное похищение: убогом при наличии ее согласия или уводом, увозом — без такового.

В-четвертых, трофейный брак мог иметь место только в высшем сословии: женихом выступал князь или дружинник, а невестой — дочь, сестра, жена, племянница побежденного правителя, но обязательно женщина знатного происхождения. Завоеванная во время похода женщина являлась трофеем. В составе общей военной добычи она подлежала разделу между победителями, по результатам которого поступала под полную власть одного из них.

При этом надо учитывать, что князь выступал как «первый среди равных». Военная добыча не являлась его исключительной собственностью, поскольку была получена всеми во время совместного похода. Князь лишь распределял ее между дружинниками¹⁴, говоря современным языком, делил общее имущество между сособственниками.

У людей среднего и низшего сословия (купцов, ремесленников и крестьян) брак заключался фактическим или притворным умыканием, приведением невесты в дом жениха, покупкой женихом невесты.

Пятый признак состоял в том, что заключение трофейного брака зависело всецело от воли завоевателя женщины, а не от сложившихся обычаев в его

¹³ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 178; Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. Т. 34а: Углерод — Усилие. СПб., 1902. С. 734–736.

¹⁴ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций / И.Н. Данилевский. 2. изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 110, 125, 132–133.

роду, а уж тем более в роду пленной женщины. Увод женщин во время войны, как правило, не приводил к заключению брака, так как у многих народов гнушались брачными союзами с чужеплеменницами, и пленные женщины чаще всего становились наложницами или рабынями победителей¹⁵. Как указывал Д.Я. Самоквасов, «побѣдитель имѣлъ право продать свою плѣницу, подарить, отпустить на свободу и обратить въ свою жену, любовницу, работницу... Жениться на плѣнницах не воспрещало и Русское право христіанскаго времени»¹⁶. Родные пленной женщины уже были побеждены и не могли защитить ее права на достойное положение в семье завоевателя — его законной жены.

Умыкание женихом невесты являлось обязательным актом для вступления в брак, санкционированный обычаем рода жениха. Само заключение брака состояло из двух стадий: фактического похищения невесты против ее воли или с ее согласия, а также совершения обрядовых действий и произнесения клятв, которые придавали их союзу юридическую силу брака (вождение вокруг священного предмета: дуба или ракиты, озера и т.п., омовение или окропление жениха и невесты водой, прочтение молитвы над женихом и невестой, совершение религиозного танца, проведение женихом и невестой определенного промежутка времени наедине (у некоторых народов обязательно ночного времени), что предполагало возникновение интимных отношений, жертвоприношение богам животного или хлеба в зависимости от благосостояния молодых и их родителей).

Но в этом случае брак был законным только в роду жениха, а не невесты, поскольку не были соблюдены обязательные свадебные обряды, установленные ее родовой общиной. В связи с этим М.Ф. Владимирский-Буданов предположил, что одного похищения невесты для установления брака было недостаточно. Брачный союз признавался законным только с момента истечения определенного срока, а точнее — с момента примирения обоих родов и признания свершившегося факта¹⁷.

Шестой отличительный признак трофейного брака заключался в правовом положении жены, приобретенной в результате завоевания.

При договорных способах заключения брака жена имела более свободное личное и имущественное положение в семье мужа, чем жена, приобретенная насильственными способами. Как отмечал Д.Я. Самоквасов, «договорная жена имѣетъ право свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ при жизни, такъ и на случай своей смерти, имѣетъ равное съ мужемъ право развода; жены другихъ способовъ приобрѣтенія состоятъ въ полной зависимости отъ своихъ мужей, личной и имущественной», «жены... приобрѣтенныя посредствомъ воровства и грабежа, какъ военная добыча, по языческому праву, не могли располагать своею свободою ни въ какомъ случаѣ;

¹⁵ Брокгауз Ф.А. Указ. соч. С. 734–736.

¹⁶ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 176.

¹⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ соч. С. 405.

договорныя жены располагали свободою развода наравнѣ съ мужьями»¹⁸, «в языческое время мужъ и жена договорнаго брака имѣли право оставить другъ другомъ во всякое время; жены же... приобрѣтенныя насиліемъ не имѣли права развода ни подѣ какимъ предлогомъ»¹⁹. Имущественная самостоятельность жен при договорныхъ способахъ заключения брака обеспечивались приданым, которое она приносила в семью жениха, но которое принадлежало ей на праве личной собственности, а также договорами, заключаемыми между женихом (или его семьей) и семьей невесты, по которымъ будущій зять обязывался обеспечить жену пропитанием, одеянием, обращаться с ней ласково, не бить²⁰.

Трофейная жена в личныхъ отношенияхъ полностью зависела от мужа, не имела права на развод. Она находилась на содержании своего супруга. Поскольку она не приносила в семью мужа приданое, то ее имущественная самостоятельность обеспечивалась лишь темъ имуществом, которое предоставил ей муж. Рожденные трофейной женой дети являлись законными потомками, которые имели право наследования княжеской власти и имущества.

Наиболее ярко положение трофейной жены можно увидеть на примере полоцкой княжны Рогнеды. Князь Владимир Святославович отстроил для нее дворъ в пригороде Киева на реке Лыбеди²¹. За время супружества Рогнеда родила князю четырехъ сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, и двухъ дочерей, одна из которыхъ звалась Предславой. Став владелицей двора Рогнеды, поселение, образовавшееся вокругъ этого двора, получило название Предславино²². Испытывая постоянные унижения и небрежное отношение со стороны супруга, Рогнеда решила убить Владимира во время сна, но тотъ внезапно проснулся и отвелъ удар. Оправдываясь, она напомнила ему про убійство отца и родныхъ, упрекнула его в отсутствии любви к ней и сыну Изяславу. Услышавъ такие обвинения, Владимир решил лично казнить супругу не сразу, а на следующий день. Однако Рогнеда дала сыну Изяславу обнаженный меч и велела сказать при появлении отца: «Отец! ты думаешь, что ты здѣсь одинъ ходишь?» Сынъ такъ и поступил. Владимир, опустивъ меч, отвѣтил: «Кто зналъ, что ты здѣсь!» и удалился. Бояре посоветовали Владимиру простить супругу и отдать ей с сыномъ ее родное Полоцкое княжество, на что онъ согласился. Владимир построилъ новый городъ для жены и сына и назвалъ его Изяславль²³. Когда же в 988 г. князь Владимир решил принять христианство

¹⁸ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 179–180.

¹⁹ Самоквасов Д.Я. Древнее русское право: лекции 1902/3 акад. г. / Д.Я. Самоквасов. М., 1903. С. 175.

²⁰ Там же. С. 172, 175.

²¹ Под 980 г. в «Повести временныхъ лѣтъ» записано: «... Володимиръ ... юже посади на Лыбеди, идѣже нынѣ стоить сельце Предѣславино...» // Цит.: Полное собрание русскихъ летописей. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 63.

²² См.: Морозова Л.Е. Указ. соч. С. 103–104, 111, 155.

²³ «Нѣколи же ему пришедшу къ ней и уснувшю, хотѣ и зарѣзати ножемъ; и ключи-ся ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече: «сжалилася бяхъ, зане отца моего

и жениться на византийской принцессе Анне, то он развелся с Рогнедой²⁴. Сыновьям Рогнеды князь Владимир передал княжескую власть: Изяславу — Полоцкое княжество, Мстиславу — Тмутараканское княжество, Ярославу — Новгород, Всеволоду — Волынское княжество²⁵.

Как видно из проведенного анализа, трофейный брак в отличие от наиболее близкого к нему по природе насильственного умыкания невесты, возникал в результате открытого, а не тайного насильственного приобретения женщины. В качестве женихов могли выступать только представители высшего сословия: князь и дружинники. Заключение трофейного брака полностью зависело от воли завоевателя, а не от сложившихся обычаев в роду жениха или невесты.

Еще один факт указывает на самостоятельность трофейного брака. К середине XI в. умыкание невесты прекратило существовать в качестве законного способа заключения брака, так как само деяние стало квалифицироваться как неправомерное. За его совершение предусматривалась правовая ответственность: уголовная в виде денежного штрафа епископу и гражданско-правовая в виде денежной компенсации «за сором». В ст. 2 Устава князя Ярослава Мудрого указано: «Аже кто *умчитъ* девку или насилить, аже боярская дчи, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а меньших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; добрых людеи за сором 5 гривен серебра, а епископу 5 гривен серебра; а на умычницах по гривне серебра епископу,

уби и землю его полони, мене дѣля; и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симъ.»... Она же тако створи, и давши мечъ сынови своему Изяславу въ руку нагъ, и рече: «яко видеть ти отецъ, рци выступа: отче! еда единъ мнишися ходя?» Володимеръ же рече: «а хто ты мнѣль сдѣ?» и повергъ мечъ свой, и созва бояры, и повѣда имъ. Они же рекоша: «уже не убій ея дѣяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей съ сѣиомъ своимъ.» Володимеръ же устрои городъ, и да има, и на рече имя городу тому Изяславль» // Цит.: Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 131.

²⁴ «Владимеръ... посла къ женѣ своей Рогнѣди, глаголя сице: «азъ убо отнынѣ крещень есмь, п приахъ вѣру и законъ христіанскій; подобаше ми едину жену имѣти, еюже пояхъ въ христіанствѣ; избери убо себѣ отъ велможъ моихъ, егоже хочещи, да съчетаю ты ему.» Она же отвѣщавши, рече ему: «или ты единъ хочещи царствіе земное и небесное въспріати, а мнѣ маловременнымъ симъ и будущаго дати не хочещи; ты бо отступи отъ идолския прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же, бывъ царицею, не хочу раба быти земному царю ни князю, но уневѣститися хочу Христови, и въспріиму аггелскій образъ.»... Рогнѣдъ же сіа изрекши, пострижесе въ мнишескій образъ, наречено бысть нмя ей Анастасіа» // Цит.: Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссіею. [Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью]. СПб., 1863. Стб. 112, 113.

²⁵ «Потомъ же Владимиръ раздѣли землю сыномъ своимъ, и посажа ихъ по градомъ, по княженіемъ: ... Изяслава, иже отъ Рогнѣди, посади въ Полотску, ... посади Ярослава въ Новгородъ, ... Всеволода, Ярославля брата, въ Володимери Велинскомъ, Мстислава, брата ихъ, Тмутараканю...» // Цит.: Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссіею. [Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью]. СПб., 1863. Стб. 113.

а князь казнить их»²⁶. Трофейные браки продолжали существовать на протяжении второй половины XI–XII вв., что видно из приведенных выше событий 1094 г. и 1116 г. Узаконение трофейного брака в Древней Руси происходило через церковное венчание, которому предшествовало обращение завоеванной невесты в православную веру путем ее крещения.

Можно предложить следующее определение трофейного брака. Трофейный брак — это неравноправный союз мужчины высшего сословия и женщины, плененной в результате открытого насильственного завоевания, направленный на создание семьи и порождающий личные неимущественные и имущественные права и обязанности законных супругов.

Андреянова М.С.,

доцент кафедры Правового регулирования экономической деятельности
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке
(г. Москва)

Литература:

1. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. В 86 томах. Т. 34а. Углерод — Усилие / Брокгауз Ф.А. ; под редакцией И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995.
3. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций / И.Н. Данилевский. 2. изд., перераб. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2001.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 6 книгах. Кн. 1. Т. 1-2 / Н.М. Карамзин ; вступительная статья В.Г. Перельмута. Москва : Книжный сад, 1993.
5. Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси / Л.Е. Морозова. Москва : АСТ, Астрель, 2008.
6. Неволин К.А. История российских гражданских законов. В 3 частях. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных / К.А. Неволин. Москва : Статут; Консультант плюс, 2005. 558 с.
7. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. / редактор А.С. Павлов. 2-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М.А. Александрова, 1908.
8. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор В.Л. Янин. Москва : Юридическая литература, 1984. 430 с.
9. Самоквасов Д.Я. Древнее русское право : лекции 1902/3 академические годы / Д.Я. Самоквасов. Москва : Университетская типография, 1903.
10. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Университетская типография, 1908.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 томах. Кн. 1, в 5 томах. История России с древнейшего периода до царствования Ивана / С.М. Соловьев. 3-е изд. Санкт-Петербург : Издательство Товарищества «Общественная польза», 1911.

²⁶ Российское законодательство X–XX веков. [В 9 томах. Т. I. Законодательство Древней руси]. М., 1984. С. 168.

Российский опыт правового регулирования семьи: прошлое и настоящее

В соответствии с решением главы государства 2024 г. проходил под эгидой «Года семьи»¹. Целями определялась популяризация государственной политики в сфере защиты семьи и сохранение традиционных семейных ценностей. Указ Президента РФ стал логическим продолжением стратегической национальной парадигмы по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, заложенной в 2020 г. законом в ходе поправок в Конституцию², когда традиционные семейные ценности на макроуровне были включены в сферу правового регулирования, а их сохранение и защита возложены на Правительство РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ)³, затем в 2021 г. в рамках обеспечения и защиты национальных интересов⁴ и в 2022 г. в части реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей⁵.

В 2025 г. была разработана и принята Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.⁶ Является документом стратегического планирования, определяющим основные направления государственной семейной и демографической политики до 2036 г.

Осознание роли семьи как основной ценности, важнейшей ячейки общества и генерального ресурса страны подтверждаются правовыми моделями семейно-брачных отношений, разнообразными технологиями взаимодействия государства с семьей на различных исторических этапах государственно-правового развития. В этой связи представляется актуальным

¹ Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 13. Ст. 1505.

обратиться к этому историческому опыту с тем, чтобы на основе социальной практики прошлого выявить закономерности семейно-правового регулирования, которые не теряют актуальности в настоящее время.

На первом (монструозном) этапе, назовем его дореволюционным, выделяют три периода в развитии древнерусского института семьи: языческий (обычный), переходный (кровно-договорной) и христианский (церковно-правовой)⁷. Но «начало законной формы брака соединяется с принятием христианства и с началом церковной организации», так как «до тех пор не видно, чтобы существовала определенная форма брака; видны только неформальные признаки совершившегося брака в обычных действиях, происходивших при браке»⁸.

Проблематика семьи как базовой ячейки общества была зафиксирована в нормах Русской Правды⁹, отражающих согласование интересов институтов государства и семьи. Интересно, что эволюция данного акта показывает изменение статуса и значения малой семьи в период перехода от язычества к христианству, укрепление рациональных основ хозяйства, ослабление родовых связей в рамках больших семей, отказ от устаревших форм института брака. В институциональном анализе семьи Древней Руси как системы называют два обобщенных уровня детерминации: внешние общественные институты ее среды, определяющие тип, класс и порядок формирования семьи, и внутренние родовые и видовые институты, раскрывающие структурно-функциональную вариативность линий, форм и фракций ее членов¹⁰. Поэтому при анализе этого документа очевидна системная сложность семьи как института, образующегося из комбинации множества специфичных институций в рамках организации этой первичной группы общества. В системе семейных отношений есть институты разных уровней, которые реализуются ее членами, закреплены в их статусах, обеспечивают ее сохранность, способствуют устойчивому и расширенному воспроизводству. Эволюция Русской Правды проявляет осознание возрастающего значения воспроизводства семьи для сохранения качества и количества народа как естественной и социальной основы государства, как решающего фактора укрепления Древней Руси. Защита членов и имущества малой семьи, которая представляла собой тройственный институт, формирующийся: а) на основе договора мужа и жены; б) на кровно-родственных связях поколений; в) на договоре со-

⁷ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.

⁸ Победоносцев К.П. Курс гражданского права : учебное пособие : в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2013. Том 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. 2013. С. 57 и след.

⁹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред.: В.Л. Янин ; под общ. ред.: О.И. Чистяков. М. : Юрид. лит., 1984. С. 27–132.

¹⁰ Иншаков О.В. Отражение эволюции института семьи в Русской Правде // Вестник Волгогр. гос. ун-та. 2016. № 4. С. 6–17.

юза родителей с детьми (в случае их усыновления, удочерения), постепенно, под давлением сложных общественных процессов становится приоритетом государственной семейной политики, направленной на полноценную семью, в основе которой была репродуктивная функция, важнейшая по представлению древнерусского человека.

Изучение семейных отношений в Древней Руси, начало которому было положено в первой половине XIX в. Н.М. Карамзиным¹¹, а позднее представителями историко-правовой школы (И.Ф. Эверс¹² и А.М. Рейц¹³) показало, что семейно-брачные отношения как на Руси, так и в Российской империи регулировались в основном церковными, а не правовыми документами. Дело в том, что с принятием христианства на Руси, происходящей рецепцией византийского брачно-семейного законодательства (Номоканон¹⁴), основанного на канонических представлениях о браке, церковь стремилась к внедрению в древнерусском обществе христианского брака, основанного на строгом соблюдении всех условий и требований, необходимых для его заключения.

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.¹⁵ также рассматривает вопрос действительности брака, заключенного только в церкви. Заключение брака совершалось в форме венчания, другие процедуры считались недействительными.

Отметим, что ни русское законодательство (в том числе Русская Правда), ни свод законов Московского государства XVII в., ни Свод законов Российской империи XIX в.¹⁶ не смогли полностью заменить кормчие книги и официальный сборник общецерковных канонов — Правила Святых Апостолов. Так, действующий в то время Устав духовных консисторий¹⁷ устанавливал свои собственные материальные и процессуальные правила рассмотрения брачных дел, регулировал порядок ведения записей брака, рождения и смерти в метрических книгах. Весь бракоразводный процесс проходил в соответствии с ним. Первой инстанцией по рассмотрению дел в духовных судах выступала Епархиальная духовная консистория, подчиненная епархиальному архиерею (ст. 1 Устава духовных консисторий), второй — апел-

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. Т. 1. М. : Наука, 1989. 640 с.

¹² Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб. : Тип. Штаба Отд. корп. вн. стражи, 1835. 422 с.

¹³ Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М. : Унив. тип., 1836. 414 с.

¹⁴ В последующем Номоканон был дополнен постановлениями русских князей. Русский перевод Номоканона с этими дополнениями получил название Кормчей книги.

¹⁵ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3: Акты Земских Соборов / отв. ред.: А.Г. Маньков ; под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. С. 75–442.

¹⁶ Свод Законов РИ 1832 г.: в 16 т. / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Устав духовных консисторий. СПб. : Синодальная типография, 1843. 192 с. (изд-во: Nobel Press, 2012).

ляционной и ревизионной — инстанцией выступал Синод (ст. 215, 235, 237 Устава духовных консисторий). При этом, например, при рассмотрении бракоразводных процессов устанавливалось, при каких именно обстоятельствах развод совершается в духовных консисториях. Так же как и ранее христианская церковь активно регулировала взаимоотношения полов и внутрисемейные отношения, что было возможным в силу укрепления авторитета церкви в общественном сознании и благодаря организации церковной юрисдикции.

На втором — послереволюционном этапе развития законодательства государственная семейная политика кардинально меняется. Во-первых, исходя из концепции равноправия полов признавалась одна модель жизненной стратегии женщины — сочетание профессионального труда и материнства при необходимой поддержке со стороны государства¹⁸. Во-вторых, после смены в стране политического режима вопросы брака были выведены из под юрисдикции церкви. В декабре 1917 г. вступили в действие Декретные нормы права о признании легитимными только гражданских (светских) браков¹⁹, о расторжении брака местным судом по желанию одного из супругов или непосредственно в отделе записей браков по обоюдному согласию²⁰, получившие свое развитие в последующем²¹. Принятый в 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке, не отменяя государственную регистрацию брака, признавал за лицами, фактически состоящими в брачных отношениях, право на общую совместную собственность, приобретенную в период сожительства²². Необязательность оформления брака в органах регистрации актов гражданского состояния породила правовую неопределенность на практике, связанную с подрывом принципа моногамии²³. Вектор на упрощение расторжения брака привел к исчезновению судебной процедуры развода, когда супругам было предоставлено право одностороннего развода в административном

¹⁸ Ленин В.И. Либеральный профессор о равенстве // ПСС. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 24. С. 361–364.

¹⁹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

²⁰ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

²¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 сентября 1921 г. «Об изменении порядка публикации по делам о расторжении брака, о перемене фамилии, об опеке, о социальном обеспечении, о неизвестном отсутствии и об изменении наименований органов, ведущих вышеуказанные акты» // СУ РСФСР. 1921. № 67. Ст. 512.

²² Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

²³ Иванова Н.А. Принцип добровольности брака в российском семейном праве с учетом конвергенции норм права // Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : коллект. моногр. / отв. ред. А.Н. Левушкин. М. : Юстицинформ, 2023. С. 621–638.

порядке. Показательна тенденция к росту разводов: в 1920 г. число разводов составило 19 тыс., в 1921 г. — 32 тыс., в 1922 г. — 31 тыс.²⁴

В 30-х годах государство взяло курс на корректировку деформализации заключения браков и усложнения процедуры разводов, требуя, например, для ее проведения личного присутствия обоих супругов и уплаты государственной пошлины²⁵.

Заметим, что негативная ситуация с брачностью населения в начальный период войны была обусловлена не только нарушением половозрастной структуры населения в связи с мобилизацией значительных контингентов мужчин в действующую армию, массовыми перемещениями населения в связи с эвакуацией, общим ухудшением экономической ситуации, но и «законодательным эхом» 20-х годов в части необязательности регистрации брака и отсутствия законодательных стимулов для регистрации отношений семейных пар, состоящих в фактических браках.

Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне — военнослужащих и гражданского населения составили почти 27 млн человек, что стало ударом по демографической ситуации страны. Поэтому советская власть осуществляла пронаталистскую политику, выражающуюся в интенсивном стимулировании репродуктивного поведения²⁶, которая разрабатывалась и претворялась в жизнь на основе алармистского подхода к демографии страны, в дискурсах упадка нации и необходимости ее возрождения. Одновременно вводился налог на малосемейных, холостяков и бездетных²⁷, взимание которого прекращалось после рождения ребенка.

С середины 1950-х годов был запущен механизм отхода от жесткого государственного регулирования брачно-семейных отношений, в частности декриминализации производства аборт²⁸ и снятия запрета аборт²⁹.

²⁴ Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд., стер. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. С. 13–14.

²⁵ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27 июня 1936 г. № 65, № 1134 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

²⁶ Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. (ред. от 07.05.1986) «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 138.

²⁷ Указ Президиума ВС СССР от 21 ноября 1941 г. (ред. от 25.12.1972) «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // ВВС СССР. 1941. № 42.

²⁸ Указ Президиума ВС СССР от 5 августа 1954 г. (с изм. от 13.04.1959) «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборта» // ВВС СССР. 1954. № 15. Ст. 334.

²⁹ Указ Президиума ВС СССР от 23 ноября 1955 г. (ред. от 13.04.1959) «Об отмене запрещения абортов» // ВВС СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

В период 60-х годов предпринимается попытка унификации семейно-правовых норм³⁰, а затем на базе уже принятых союзных Основ законодательства о браке и семье проводится работа по принятию собственных семейных кодексов всех без исключения союзных республик, с использованием Кодекса РСФСР³¹ в качестве модельного, но с учетом национальных традиций в этой сфере.

В Кодексе нашли отражение фундаментальные принципы: равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях; равноправие граждан в семейных отношениях; охрана семьи государством; охрана и поощрение материнства. Устанавливалась регламентация всех тех видов брачно-семейных отношений, которые были отнесены Основами к ведению союзных республик, в том числе возможность снижения брачного возраста, последствия недействительности брака, право на обращение в суд с заявлением об установлении отцовства, порядок выявления согласия ребенка при усыновлении, правила усыновления, условия признания усыновления недействительным, условия отмены усыновления, последствия отмены, введение раздела о применении советского законодательства о браке и семье к иностранцам и лицам без гражданства, а также норм о браке и семье иностранных государств, международных договоров и соглашений и многое другое. Серьезные изменения претерпела и процедура расторжения брака, которая заключалась в возможности подачи заявления о разводе в органы ЗАГС и была обусловлена в том числе практикой судов по рассмотрению дел о расторжении брака³².

Отметим, что оба вышеуказанные акта стали последней крупной вехой в развитии советского института брака, которые задавали вектор развития всего семейного права вплоть до принятия в 1995 г. и введения в действие в 1996 г. ныне действующего Семейного кодекса РФ³³. Советское государство продолжало осуществлять активную семейно-правовую политику в области демократизации семейной сферы, с одной стороны, и укрепления брачно-семейных ценностей, популяризации традиционных семейных ценностей, повышения престижа семьи — с другой.

Проведенный анализ ключевых правовых документов, а также практики их реализации позволяют утверждать, что исследование опыта правового регулирования семейных отношений может подсказать ответы

³⁰ Закон СССР от 27 июня 1968 г. № 2834-VII (ред. от 05.03.1991) «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // ВВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

³¹ Закон РСФСР от 30 июля 1969 г. (ред. от 24.02.1987) «Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР» // ВВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

³² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 февраля 1973 г. № 3 (ред. от 27.05.1998) «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами КоБС РСФСР» // Бюллетень ВС РСФСР. 1973. № 5.

³³ Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212.

на те вопросы, которые являются крайне актуальными в настоящее время. Особенно в кризисной ситуации, переживаемой сегодня современным западным обществом, связанной с разрушением института семьи, что неминуемо влечет за собой не только неблагоприятные демографические, но и духовно-нравственные последствия. В этих условиях сохранение России в качестве независимого и суверенного государства возможно лишь при условии укрепления институтов семьи и государства.

Максимова Н.А.,

доцент кафедры семейного и жилищного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература:

1. Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов / В.Б. Жиромская. 2-е изд., стер. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.
2. Иванова Н.А. Принцип добровольности брака в российском семейном праве с учетом конвергенции норм права / Иванова Н.А. // Конвергенция частного правового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова [и др.] ; ответственные редакторы: А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. Москва : Юстицинформ, 2023.
3. Иншаков О.В. Отражение эволюции института семьи в Русской Правде / О.В. Иншаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. № 4 (37).
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 томах. Т. 1 / Н.М. Карамзин. Москва : Наука, 1989.
5. Ленин В.И. Либеральный профессор о равенстве // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах / В.И. Ленин. 5-е изд. Т. 24. Сентябрь 1913 — март 1914 / том подготовлен к печати М.Г. Власовой ; редактор К.А. Остроухова. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961.
6. Победоносцев К.П. Курс гражданского права : учебное пособие. В 3 томах. Т. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные / под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало-М, 2013.
7. Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. Москва : Университетская типография, 1836.
8. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян / И.Я. Фроянов. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1996.
9. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс. Санкт-Петербург : печатано в Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835.

К вопросу о том, нужна ли обязательная медиация по семейно-правовым спорам (авторское мнение)

В 2025 г. 15 лет с момента принятия ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹. На основе добровольного согласия сторон могут привлекаться независимое физическое лицо или лица, выступающие в качестве посредников (медиаторов) в урегулировании спора и выработке сторонами решения по его существу. В действующей редакции закона медиация может применяться к спорам, возникшим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской, иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных. Мы хотели бы остановиться на вопросах семейно-правовой медиации.

«Около 100 лет назад В.И. Синайский указывал: “К сожалению, в нашем праве понятие семьи лишено всякой определенности и ясности”. С тех пор в этом вопросе мало что изменилось. По-прежнему нет легального определения семьи (да и нужно² ли оно?)»³, — констатирует коллектив авторов учебника «Семейное право» (Б.М. Гонгалов, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова) и тут же конкретизирует (со ссылкой на Г.Ф. Шершеневича и В.Ф. Яковлева), что — «Семья есть явление социальное⁴. Она “представляет собой сложный комплекс естественно-биологических, психологических, духовных, материальных связей”»⁵. Состав семьи также определяется гибко,

¹ ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «Гарант».

² В науке существуют различные точки зрения. А.А. Мохов и Ю.А. Свирин в качестве примеров приводят мнение М.В. Антокольской, которая «считает семью исключительно социологическим явлением, а не правовым, следовательно, заниматься выработкой... дефиниции для правоведения... не стоит», а также мнение Т.В. Шершень, заключающееся в том, что «законодательное закрепление определения понятия семьи необходимо». Антокольская М.В. Семейное право : учебник / М.В. Антокольская. М. : Юрист, 1996. С. 8 ; Шершень Т.В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве / Т.В. Шершень // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 17. Цит. по: Мохов А.А., Свирин Ю.А. Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1.

³ Синайский В.И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. С. 483. Цит. по: Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Б.М. Гонгалов, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова ; под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2016. С. 11.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. Цит.: там же. С. 12.

⁵ Советское семейное право : учебник / под. ред. В.А. Рясенцева. М., 1982. С. 5 (автор гл. — В.Ф. Яковлев). Цит. по: там же. С. 12.

закрепляется, что регулированию подлежат отношения между супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами. Безусловно, важна отсылка к утверждению Г.Ф. Шершеневича, что «семья представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих» и это «основная ячейка государственного организма»⁶. Осознавая исключительную значимость для государства брака и семьи, виднейшие дореволюционные и советские авторы, в частности К.П. Победоносцев, полагали важным «побуждать людей к заключению брака»⁷, создавать условия для сохранения, развития и укрепления семейных отношений. Важность такого социального института, как семья, осознается государством и сейчас. Не случайно в Указе Президента РФ 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности РФ» приоритетом названо сбережение народа России и внимание уделено вопросам поддержки семьи, материнства, отцовства и детства⁸. Вспомним слова В.Ф. Яковлева, касающиеся состава семьи, а именно семейной правосубъектности, он отмечал, что отличительная особенность заключается в возможности приобретения «в первую очередь личных неимущественных субъективных прав и обязанностей», и что «имущественные взаимоотношения субъектов семейного права подчиняются правовой регламентации личных неимущественных»; обращал внимание на ярко выраженную специфику семейно-правовой ответственности, говоря, что ее «меры... имеют более ограниченное применение» и что ответственность в семейном праве «состоит главным образом в лишении личных...прав, хотя последнее может быть сопряжено и с определенными потерями имущественного характера»⁹. Таким образом, естественно-биологическая, психологическая (духовная) суть брачно-семейных отношений людей — основа основ, а имущественная — обеспечительная по отношению к ней.

Обратив внимание на то, что личные неимущественные субъективные права и обязанности (как мера и вид возможного и должного поведения соответственно) составляют ядро семейных правоотношений, вспомним мнение В.А. Тархова относительно правовой ответственности, под которой ученый понимал предусмотренную законом обязанность давать отчет о своем поведении¹⁰. В этой связи очень точно характеризует ее В.А. Рыбаков,

⁶ Шершеневич Г.Ф. Указ. Соч. С. 406. Цит. по: там же. С. 12.

⁷ Цит. по: Мохов А.А., Свиринов Ю.А. Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1.

⁸ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // СПС «Гарант».

⁹ Цит. в предлож. по: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М., 2006.

¹⁰ При этом В.А. Тархов подразделял ее на позитивную как необходимость давать отчет в надлежащем исполнении обязанности и негативную, связанную с необходимостью давать отчет в неисполнении. См.: Тархов В.А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 33–40.

обращая внимание на то, что «юридическая ответственность... заложена в норме права», а «сердцевиной нормы является ее диспозиция»¹¹ (правило поведения, которому должны подчиняться субъекты)¹². В данной интерпретации совершенно иначе начинают звучать те особенности семейно-правовой ответственности, на которую обратил внимание В.Ф. Яковлев (распространенность лишения права и ограниченное применение имущественных санкций); а также зависимость метода правового регулирования от предмета отношений (с явной доминантой в них – личных неимущественных). Авторы учебника «Семейное право» (под ред. П.В. Крашенинникова), говоря о том, что «понятие семьи осознается скорее инстинктивно» и ввиду чрезвычайной сложности и ценности регулируемых отношений законодатель и «не стремится урегулировать “все и вся”, касающееся семьи»¹³. Тем не менее метод семейно-правового регулирования характеризуется в науке как преимущественно императивный, а диспозитивный выступает в роли дополнительного. Именно такой баланс юридических приемов и средств способен обеспечить максимальную степень охраны и защиты столь сложных и духовно насыщенных социальных отношений, это особенно важно с учетом их чрезвычайной ценности для каждой отдельно взятой личности, общества и государства. Однако здесь важна ремарка: императивные нормы императивным рознь; так В.Ф. Яковлев указывал на то, что, с одной стороны, «диспозитивность как свобода... не может быть безбрежной» и что, с другой стороны, «существует большое число императивных норм, специально направленных на установление начал диспозитивности, их охраняющих»¹⁴.

В современном семейном праве явно прослеживается усиление диспозитивных начал, так же как и «гражданско-правовой составляющей» (например, нормы о договорах: брачном, о суррогатном материнстве, об осуществлении опеки и попечительства, о приемной семье, о патронатной семье и др.) Помимо этого, Гражданский кодекс РФ содержит норму о совместном завещании супругов, имеются и иные нормы, органически связанные с семейными правоотношениями. Аналогичная тенденция характерна и для сфер, в которых изначально превалирует публично-правовая составляющая. Типичным примером является медиация (как альтернативная форма урегулирования споров), во-первых, потому что она призвана «разгрузить» судебную систему от споров, которые могут быть разрешены иначе (используя примирительный потенциал самих сторон, способных прийти к согласию); во-вто-

¹¹ Цит. в предлож. по: Рыбаков В.А. Позитивная юридическая ответственность (воспитательные аспекты) : лекция. Рязань, 1988. С. 9–10, 14.

¹² См.: Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник. 6-е изд., доп. СПб., 2001. С. 223, 253.

¹³ Цитаты в предлож. по: Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова ; под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2016.

¹⁴ См.: Яковлев В.Ф. Указ. соч.

рых, медиативные отношения регулируются гражданско-правовыми нормами (заключаемые в процессе медиации соглашения представляют собой сделки); в-третьих, медиация призвана катализировать механизмы саморегуляции в отношениях, выполняя функции, направленные на преодоление конфликта и дополнительно против прекращения налагаемых взаимоотношений сторон. Именно поэтому большинством исследователей признается высокий потенциал ее эффективности в урегулировании семейных¹⁵ конфликтов. В настоящий момент провозглашены добровольность медиации, ее осуществление на основе взаимного волеизъявления сторон. Это касается любых семейно-правовых споров. При этом процедура медиации может быть применена как до обращения в суд, так и после, в том числе по предложению судьи. Стороны вправе заключать соглашение о применении процедуры медиации к их отношениям, в том числе в виде «медиативной оговорки» в ином соглашении (брачный и иные договоры не исключение), к тому же такое соглашение не является препятствием для обращения в суд, если иное не предусмотрено законом. Действующие нормы предполагают, что стороны самостоятельно и на равных началах должны стремиться к выработке положений заключаемого ими по итогам процедуры медиативного соглашения, которое они должны добровольно соблюдать. Более того, предполагается, что стороны могут и не прийти к согласию и даже отказаться от медиации в любой момент, в том числе если ее не желает продолжать одна из сторон. Однако в научной литературе существуют два противоположных мнения. Одно из них заключается в том, что семейно-правовая медиация должна оставаться добровольной (исключительно или преимущественно). Второе мнение отражает убежденность авторов в необходимости внедрения в ряде случаев обязательной процедуры медиации. Например, М.С. Нахов предлагает ввести обязательную досудебную медиацию по отдельным категориям дел с формулировкой «в силу ментальности российского общества»¹⁶. Аналогично К.А. Шумова пишет, что имеется необходимость законодательно установить перечень споров, по которым досудебные примирительные процедуры должны стать обязательными (с ее точки зрения, это споры, касающиеся расторжения брака и воспитания детей, а также связанные с наследованием имущества и ряд др.). В качестве аргумента она приводит: «низкий уровень правовой культуры»¹⁷, а также «отечественный правовой нигилизм и нежелание разрешать конфликт без участия... суда»¹⁸ (по ее мнению, это предполагает установление «добровольно-принудительной» медиации). Приведенная автором аргументация вызывает сомнения.

¹⁵ См.: Тресков А.П. Медиация как альтернативная гарантия реализации принципов судебной власти // Российский судья. 2021. № 11.

¹⁶ Чит. в кавычках: Нахов М.С. Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 14.

¹⁷ Шумова К.А. Принципы медиации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 6.

¹⁸ Шумова К.А. Указ. соч. С. 14–15.

Мы не можем согласиться с утверждением, что Россия — страна низкой правовой культуры и ее гражданам в масштабах общества в целом свойственен правовой нигилизм.

В свою очередь, М.С. Иванова, полагает, что медиация должна применяться в случае возникновения споров¹⁹, касающихся места жительства детей и осуществления родительских прав, а также в случае отсутствия согласия одного из супругов на расторжение брака. С ее точки зрения, «процедура расторжения брака в органах ЗАГС не предполагает разрешения спора»; если брак расторгается в суде, то «процессуальные средства... нельзя признать эффективными, поскольку даже если один из супругов после истечения примирительного срока возражает против развода, суд расторгает брак»; соответственно, «нарушается право супругов (одного из супругов) на сохранение семьи»; поэтому «свобода расторжения брака... предусмотренная законодательством, не способствует стабильности социального института»²⁰. С приведенными доводами мы не можем согласиться по целому ряду оснований, которые укажем ниже.

Статья 19 СК РФ²¹, регулируя расторжение брака в органах ЗАГС, допускает его по заявлению одного из супругов (даже при наличии общих несовершеннолетних детей) только в исключительных случаях, поименованных в статье: 1) признание второго супруга безвестно отсутствующим²²; 2) супруг признан недееспособным²³; 3) супруг осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет. Соответственно, ни о какой медиации в данном случае не может идти речи, особенно в первых двух исключительных случаях, когда: либо вторая сторона продолжительное время отсутствует, где находится неизвестно и вернется ли вообще; либо она не осознает характер своих действий, не руководит ими²⁴. К тому же, согласно ст. 171 ГК РФ, сделка, совершенная с недееспособным ничтожна; о возможности добровольно и взаимно участвовать в медиации, а также соглашениях о применении и проведении процедуры медиации речь также не идет, тем

¹⁹ См.: Иванова М.С. Медиация как способ защиты прав и интересов супругов при расторжении брака : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2014. С. 12.

²⁰ Цит. в предлож. по: Иванова М.С. Указ. соч. С. 4, 12, 5.

²¹ Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

²² Напомним, согласно ст. 42 ГК РФ, для этого сведения о месте пребывания лица должны отсутствовать в месте его жительства в течение года.

²³ Напомним, согласно ст. 29 ГК РФ, гражданин признается недееспособным в случае его психического расстройства и невозможности понимать значения своих действий или руководить ими.

²⁴ Напомним: согласно ст. 14 УК РФ преступлением считается общественно опасное деяние; в соответствии со ст. 15 УК РФ речь не идет о преступлении небольшой тяжести, наказание за которое не превышает трех лет, сроки выше предполагают такие категории, как преступления средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие; а по ст. 56 УК РФ лишение свободы предполагает изоляцию осужденного / Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

более о заключении медиативного соглашения по итогам медиации. В отношении гражданина недееспособного устанавливается опека, сделки от его имени совершает опекун (ст. 29 СК РФ). Как известно, недееспособность не является безусловным основанием прекращения брака. Однако брак может быть прекращен, и не только в одностороннем порядке по заявлению дееспособного супруга, но и путем его расторжения в судебном порядке по заявлению опекуна недееспособного супруга, если это соответствует интересам его подопечного (п. 2 ст. 16 СК РФ). В связи с тем, что такое заявление не предполагает автоматического согласия дееспособного супруга, полагаем, суд может инициировать процедуру медиации между не согласным на развод дееспособным супругом и опекуном (это тот случай, когда спор может быть решен таким путем, т.е. с участием медиатора).

Согласно ст. 19 СК РФ (если не брать в учет приведенные исключения) основание для расторжения брака в органе ЗАГС одно: взаимное согласие супругов на расторжение брака, не имеющих общих несовершеннолетних детей (права которых могли бы быть нарушены и которые не могли бы самостоятельно в полной мере обеспечить их защиту). О каком «споре» и его предполагаемом «разрешении» идет речь? Возможность расторжения брака в административном порядке как раз и предполагает отсутствие спора в отношении того, расторгать брак или нет. Граждане вступают в брак добровольно (ст. 12 СК РФ) и находятся в нем добровольно. Очевидно, что в данном случае речь идет не о споре, а о противоречиях в отношениях супругов, которые могут быть ценностными и иными, но не позволяющими им продолжать отношения. К тому же, если эти противоречия преодолимые и бывшие супруги придут к выводу, что расторгли брак поспешно, то никто не запрещает им заключить его снова. Более того, они имеют право, будучи дееспособными гражданами, воспользоваться услугами психолога и (или) медиатора самостоятельно, если сочтут нужным. Стоит ли их к этому принуждать? Полагаем, учитывая формулировку ст. 19 СК РФ — расторжение брака на основе «взаимного согласия супругов», стоит обратиться к роли медиатора и станет понятно, что он не оказывает сторонам ни юридическую, ни психологическую помощь, которая помогла бы им преодолеть личностные и межличностные проблемы. Роль медиатора иная — помочь спорящим (конфликтующим) правильно выстроить диалог, чтобы взаимно прийти к решению. Сошлемся на мнение О.В. Аллахвердовой: «медиатор... не имеет права оказывать психологическую помощь» сторонам; «медиатор не имеет права... давать какие-либо советы»; «процедура медиации направлена не на разрешение психологических проблем»; «цель и роль посредника (медиатора) — организовать переговоры», при этом медиация — «это... процесс группового взаимодействия, в котором один из участников... облегчает коммуникацию между двумя (и более) другими, находящимися в эмоциональном противостоянии друг к другу», она «направлена... на урегулирование проблем взаимо-

действия»²⁵. Опираясь на данное авторитетное мнение, можно увидеть суть — медиатор не решает, не должен решать и не может решать глубинные проблемы, даже если они имеются у сторон. Желание не сохранять брак может быть продиктовано огромным спектром оснований (объективных и субъективных; связанных с другими членами семьи или нет; обусловленных разницей ценностных основ и целей сторон; связанных с наличием психологических проблем в паре или не связанных). Для того чтобы вскрыть данные основания, должно быть желание и волеизъявление самих сторон; время и возможность применения совершенно иного арсенала (даже того, которым обладают профессиональные психологи). Процедура медиации данного времени и арсенала лишена в силу специфики, ее главная цель — выстраивание конструктивного диалога.

Учитывая вышесказанное, остановимся подробнее на предложении, которое аргументируется М.С. Ивановой. Она предлагает внести изменения в статьи ФЗ «Об актах гражданского состояния»²⁶, касающиеся именно расторжения брака в административном порядке по «взаимному согласию сторон» (не имеющих несовершеннолетних детей). Автором предлагается в п. 2 ст. 33 добавить норму, предусматривающую, что супруги, «желающие расторгнуть брак, подают в письменной форме совместное заявление» или же заявление «может быть подано одним из супругов с обязательным приложением копии акта медиатора... содержащего согласие другого супруга»²⁷. Далее автор пишет: «в совместном заявлении о расторжении брака или заявлении одного из супругов при наличии акта медиатора... должны быть указаны реквизиты медиативного соглашения», и если при этом «заявление подает один из супругов при наличии акта медиатора... то заявление подписывается этим супругом, если такое полномочие предусмотрено актом медиатора»²⁸. Если исходить из изначального смысла закона, то (опираясь на ст. 19 СК РФ) ст. 33 ФЗ «Об актах гражданского состояния» предполагала и предполагает подачу совместного заявления в письменной форме при условии личного присутствия в органе ЗАГС, к тому же сама регистрация производится по истечении месяца после подачи заявления. В дальнейшем норма была дополнена законодателем возможностью подачи заявления через многофункциональный центр и через портал государственных и муниципальных услуг, что не исключило условия о совместности действий сторон по подаче такого заявления. Согласно ст. 33 закона «не совместно», но все равно по взаимному решению стороны могут подать заявление только в одном случае — когда один из супругов не может явиться в орган ЗАГС или многофункциональный

²⁵ Цит. в предложении: Аллавердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 151–158.

²⁶ Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (последняя редакция) // СПС «Гарант».

²⁷ Цит. в предлож.: Иванова М.С. Указ. соч. С. 16.

²⁸ Там же.

центр для подачи заявления. Однако в этом случае, несмотря на возможность подачи отдельных заявлений, подлинность подписи того, кто не может явиться, должна быть нотариально заверена (удостоверена в порядке, приравненном к нотариальному заверению) либо заявление должно быть подано через единый портал государственных и муниципальных услуг. Таким образом, законодатель обеспечивает подтверждение взаимного волеизъявления обеих сторон. Если же М.С. Иванова говорит не о волеизъявлении, тогда о чем? Если о воле сторон к прекращению отношений (пытаясь выяснить, на чем решение основано, «на каких душевных порывах», имеющихся у обоих или только у одного, нежелающего больше состоять в браке, а также может ли оно быть изменено в пользу сохранения брака), то здесь речь идет уже о психологической диагностике, а также о том, какие услуги психолога (а может быть, и не только психолога), могут быть применены. Однако это уже не медиация, а как минимум сфера психологических услуг, и это вопрос к обоим, а не к одному. Все же действующее российское законодательство не предусматривает «обязательных сеансов посещения семейного психолога» (неправильно их смешивать с понятием «медиация»). Крайне дискуссионный вопрос о том, должно ли предусматривать. Заметим, само понятие «акт медиатора» предполагает внешнюю оценочную характеристику сторон и их взаимоотношений. К тому же невозможно согласиться с предложением, чтобы медиатор в своем акте «предусматривал полномочие» для стороны брачных отношений по подписанию заявления о расторжении их брака. Заметим, в контексте ст. 19 СК РФ и ст. 33 ФЗ «Об актах гражданского состояния» стороны решают только один вопрос — быть браку между конкретными мужчиной и женщиной или нет (к тому же у них отсутствуют несовершеннолетние совместные дети). Да, этот вопрос может повлечь имущественные споры между ними, а может и не повлечь; однако, говоря об имущественных отношениях, нельзя отвлекаться от «сердцевины» этих брачных отношений в целом, а она личная неимущественная. Вспомним формулировку ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в ст. 12 медиативное соглашение (если оно не утверждено в качестве мирового по суду) представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон (к такой сделке могут применяться правила гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда). Соответственно, в силу самого закона медиативное соглашение может содержать условия, характерные только для двусторонних гражданско-правовых сделок (договоров), пусть даже и с учетом семейно-правовой специфики. Учитывая то, что вопрос стоит только о том, будут ли стороны дальше состоять в браке друг с другом или нет, полагаем недопустимым включение данного условия в какую-либо гражданско-правовую сделку, в том числе в медиативное соглашение.

Таким образом, если говорить об административной процедуре расторжения брака, думается, что медиации является излишней. В данном случае медиация может быть применена только в случае возникновения споров, лишь косвенно зависящих от самого факта расторжения брака (по ст. 20 СК РФ), касающихся раздела имущества, выплаты средств на содержание нуждающегося нетрудоспособного супруга, споров о детях, возникающих между супругами, если один из них признан недееспособным или осужден за преступление на срок свыше трех лет (эти споры предполагают регулирование в судебном порядке).

Несколько иначе обстоит дело, когда брак расторгается в судебном порядке по ст. 21 СК РФ — при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей или при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака, а также если один из супругов, несмотря на отсутствие у него возражений, уклоняется от расторжения брака в органе ЗАГС, в том числе отказываясь подать заявление. Важно учитывать, что при взаимном согласии супругов (по ст. 23 СК РФ) суд расторгает брак без выяснения мотивов развода, что неразрывно связано с правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23 Конституции РФ). Никто не обязан доказывать свое нежелание состоять в брачных отношениях и раскрывать истинные личные причины такого решения. Безусловно, стоит вспомнить, как ведущие отечественные цивилисты обосновывали важность права гражданина на расторжение брака, в каких формулировках. По мнению Г.Ф. Шершеневича, брак «как нравственный союз, имеющий своей целью полное общение, физическое и духовное», «потерявший свою нравственную основу должен быть расторгнут»²⁹; по словам И.А. Покровского, «принуждая супругов... продолжать брачное сожительство, государство не возвеличивает, а уничтожает идею брака», для «лиц с тонкой нравственной чуткостью брачное сожительство без встречной любви... невыносимо, и если государство... предписывает продолжать... невыносимое сожительство, оно совершает жесточайшее нравственное насилие над личностью»³⁰. Неужели может быть дан ответ на вопрос, почему один человек больше не любит другого? И нравственен ли такой вопрос? Поэтому странно и несколько неожиданно выглядит утверждение, высказанное М.С. Ивановой, что органы «записи актов гражданского состояния, а также суд расторгают брак даже при наличии спора, вследствие чего нарушается право супругов (одного из супругов) на сохранение семьи»³¹, и «даже если один из супругов после истечения примирительного срока возражает против развода, суд расторгает брак (ст. 22 СК РФ)»³². А разве суд должен поступить иначе? К тому же автор все же указывает, что ме-

²⁹ Цитаты в предложении на Г.Ф. Шершеневича приведены по: Семейное право (Крашенинников). С. 66.

³⁰ Цитаты на И.А. Покровского приведены по: Семейное право (Крашенинников) С. 66.

³¹ Иванова М.С. Указ. соч. С. 12.

³² Там же.

диация является «одним из способов... гармонизации семейно-правовых отношений»³³. Мы писали выше, что медиация нацелена на выстраивание диалога, но ее нельзя путать с психологической помощью, гармонизирующей отношения, обязательное применение которой по суду не предусмотрено и, полагаем, не должно быть предусмотрено. Действительно, по ст. 22 СК РФ суд устанавливает, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны; и при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака суд вправе принять меры к примирению сторон и отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах трех месяцев (дает дополнительную возможность сторонам примириться³⁴). Однако это не значит, что примирение должно сводиться к психологической помощи. Полагаем, что психологические услуги должны быть добровольными. Нет и не может быть «единого рецепта» для разных пар. Неслучайно, что и в действующем отечественном законодательстве нет перечня причин, по которым брак распадается, ввиду их многообразия. В браке может возникнуть ситуация, когда двое, находясь в прекрасных отношениях, с какого-то момента могут по-разному видеть дальнейшую жизнь и ставить разные цели, поэтому их интересы, том числе по сохранению брака, могут быть несовместимы (например, категорическое нежелание или невозможность одного из супругов иметь детей при горячем желании второго их иметь; желание одного из супругов усыновить ребенка при нежелании второго его воспитывать; религиозные разногласия и многое другое). Все ли вопросы могут и должны решаться методами психологического воздействия? Полагаем, что нет^{35,36}.

³³ Иванова М.С. Там же. С 14.

³⁴ Мы негативно оцениваем тенденции к усложнению процедуры расторжения брака, в частности, связанные с повышением государственной пошлины и тем более с увеличением срока, который может быть предоставлен для примирения супругов, ввиду того что людей невозможно «заставить» жить вместе, сохраняя их статус как лиц, находящихся в законном браке. Однако при этом могут возникнуть ситуации, в которых может появиться вторая фактическая семья, люди не будут вообще стремиться к регистрации отношений, к тому же это может повлечь различные нежелательные действия со стороны супругов по отношению друг к другу, связанные с желанием «избавиться» от ненавистного статуса.

³⁵ В России до сих пор нет закона, регулирующего вопросы, оказания психологической помощи. Специалисты отмечают многочисленные злоупотребления в данной сфере. Распространены центры, которые реализуют услуги по подготовке «гипнологов», «астропсихологов», «парапсихологов» и т.д. Подобного рода курсы (по псевдонаучным направлениям) могут «освоить дополнительно» как лица, имеющие диплом психолога (контроль за этим не ведется), так и лица вообще никаким образованием в сфере психологии не обладающие. См. подробнее: Михайлова А.С. К вопросу о важности оптимизации норм, касающихся контроля и надзора в сфере образования, а также о важности принятия федерального закона, регулирующего отношения по оказанию психологических услуг (с учетом необходимости противодействия распространению псевдонаучных теорий и практик, затрагивающих сферу психологической деятельности) // Научные труды. РАЮН. 2024. Вып. 24. С. 356–362.

³⁶ Сейчас требования федерального закона к медиаторам минимальны; он предусматривает в качестве субъектов непрофессионального медиатора (полностью дееспособного лица,

Медиация может иметь «недостатки», и существенные, на многие из которых было обращено внимание в исследовании Д.Б. Елисеева. Он справедливо отмечает, что «сложнее быть уверенным в профессионализме медиатора, чем судьи в процессе»³⁷. Разумеется, статус и функции судьи и медиатора совершенно не сопоставимы (медиатор спор не разрешает); однако, само замечание является весьма существенным ввиду того, что подчеркивает важность процессуальной формы, судебной процедуры, значение которой недопустимо «размыть». Сам факт, что законодатель предусматривает судебный порядок как одну из форм расторжения брака, велик по своей сути. В частности, суд принимает меры к защите несовершеннолетних детей в случае развода их родителей, а также именно в судебном процессе могут быть вскрыты обстоятельства, при которых одна из сторон возражает против расторжения брака (типичный пример — беременность супруги³⁸). Говоря о значении процессуальной формы расторжения брака, невозможно не упомянуть о встречающейся судебной практике, когда в случае подачи одной из сторон в суд искового заявления о расторжении брака (даже при отсутствии общих несовершеннолетних детей и спора имущественного характера) с условием отражения в заявлении того, что другая сторона уклоняется от совместной явки в орган ЗАГС, суд выносит определение, которым возвращает исковое заявление (рекомендуя сторонам обратиться в орган ЗАГС). При этом судьей указывается в качестве мотивировки, что: «истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории дел досудебный порядок урегулирования спора либо истец не представил документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком»³⁹. Сразу же вспоминаются слова В.В. Долинской (на 2023 г.): «Не обнаружено в семейном законодательстве обязательного досудебного претензионного порядка урегулирования споров»⁴⁰. Очевидно, что предусмотренный ст. 19 СК РФ административный порядок расторжения брака не является

достигшего возраста 18 лет, не имеющего судимости); а также профессионального (лицо, достигшее возраста 25 лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения медиации). Не закреплено положений о делении медиации на виды в зависимости от специфики споров; а также где допустимо участие непрофессионального медиатора, а где оно исключено (единственное исключение — медиацию должен проводить профессиональный медиатор, если спор передан на рассмотрение суда до начала проведения альтернативной процедуры). Нет жестких требований к образованию медиаторов, получению, прекращению статуса, дисциплинарной ответственности. Закон закрепляет, что могут создаваться саморегулируемые организации и до сих пор не содержит требований об обязательности членства для медиатора.

³⁷ Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14.

³⁸ Согласно ст. 17 СК РФ, муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака и в течение года после рождения ребенка.

³⁹ Определение о возврате искового заявления по делу № М-1012/453/2023 (обезличено).

⁴⁰ Долинская В.В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1.

досудебным порядком урегулирования спора. Иного досудебного порядка (который предполагал бы: каким образом, в какой форме, в какие сроки должен был быть получен отказ от другой стороны) законодатель для данной категории дел не устанавливает. С нашей точки зрения, и устанавливать не должен ввиду специфики и особой ценности брачно-семейных отношений, необходимости их повышенной степени охраны и защиты (именно этот процессуальный (судебный) порядок связан с государственными гарантиями защиты брака, семьи, материнства и детства). В законе нет норм, устанавливающих порядок подтверждения того, что другая сторона в орган ЗАГС не явилась. Более того, в своем исковом заявлении сторона не может объективно давать характеристику причинам неявки другой стороны, которая к тому же молчит. Самовольные выводы о том, что стоит за молчанием (возражение против расторжения брака или же согласие, но нежелание идти в орган ЗАГС) будут введением в заблуждение суда. Полагаем, что судебный порядок расторжения брака должен рассматриваться как основной; а административный — дополнительный (упрощенный — ввиду того, что стороны пришли к взаимному решению и не имеют детей, чьи права необходимо в обязательном порядке учесть). Если стороны взаимно, совместно подав заявление, не расторгли брак в административном порядке; суд должен принимать заявление к своему рассмотрению и выяснять, почему брак не был ими расторгнут в органе ЗАГС. Однако, возврат заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 135 ГК РФ считаем не соответствующим характеру отношений и сути семейного права. С нашей точки зрения, обеспечение максимальной возможности судебного участия в данном случае крайне важно.

Существенной проблемой, которая может сподвигнуть сторону обратиться в суд, минуя административную процедуру, может являться семейно-бытовое насилие (явление, не зависящее от «классовых... культурных, религиозных, социальных аспектов»⁴¹, находящее отражение во всех слоях общества; проявляющееся в самых разнообразных формах; высочайше латентное⁴², и по оценкам экспертов, крайне распространенное). Семейно-бытовое (домашнее) — «это насилие мужчин над женщинами или насилие женщин над мужчинами в семье, а также насилие родителей над детьми»⁴³, как, впрочем, и иными членами семьи. По мнению специалистов, оно представляет собой «использование физической силы, психологического, экономического давления, сексуального принуждения по отношению к членам семьи для подавления воли и приобретения над ними власти»⁴⁴. Исследователи

⁴¹ Кораблева О.В. Концептуальные аспекты анализа проблемы домашнего насилия // The scientific heritage. 2017. № 11. С. 81.

⁴² См.: Лапко Г.К. Криминологические особенности домашнего насилия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 427.

⁴³ Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Насилие в семье: сущность и виды // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 7-2 (70). P. 81.

⁴⁴ Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex russica. 2018. № 9. С. 130.

подчеркивают, что о точных статистических данных говорить не приходится, но приводят данные, что в «семье совершается около трети убийств», а «иные насильственные деяния... происходят в каждой четвертой семье»⁴⁵. Многие авторы указывают на чрезвычайную распространенность преступлений против женщин⁴⁶. «В 87% случаев потерпевший и виновное лицо состояли в родственных отношениях», — такие данные приводит М.Р. Нигматуллин, он обращает внимание на высокий процент доведений до самоубийства и отмечает, что данное деяние «как правило, совершается мужчинами (92%), а их жертвами становятся близкие родственники... (супруга/сожительница, родители пожилого возраста, дети)»⁴⁷. Он конкретизирует, что совершаются они, как правило, «лицами зрелого возраста (25–49 лет)», и чаще всего «потерпевшими... являются жены (сожительницы) (58%), несовершеннолетние дети (17%)»⁴⁸. Любые проявления насилия в семье не являются нормой, независимо от вида. В частности, экономическое насилие (материальное давление) является не менее опасной формой, чем остальные, и по справедливому мнению О.В. Кораблевой, «создает предпосылки к безнаказанному совершению психологического, физического и сексуального»⁴⁹. В отношении сексуального (полового) насилия С.Я. Саямова отмечает, что оно не только крайне распространено, но и «обладает повышенной латентностью... в том числе потому, что интимная сфера традиционно не является объектом обсуждения»⁵⁰. Существенно, что «потерпевшие... не склонны обращаться за профессиональной помощью... по разным причинам: не считают... травмы достаточно серьезными, боятся или стесняются попросить о... помощи, опасаются новых вспышек насилия... боятся... прекращения отношений или потери детей»⁵¹. Справедливо замечание и о том, что «окружающие часто закрывают глаза на насилие в семье, воспринимая это как проблему, касающуюся только самой семьи»⁵². «Семейный кодекс РФ не раскрывает положений о возможном зависимом состоянии одного из супругов... в его нормах не устанавливается... регулирование насильственных конфликтов, возникающих в сфере семейно-бытовых отношений без участия несовершеннолетних членов семьи», — отмечают И.Р. Шикула, Г.В. Романова и А.Д. Калмыкова, — соответственно, «в таких случаях необходимо применять административно-право-

⁴⁵ Нигматуллин М.Р. Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // Виктимология. 2020. № 2 (24). С. 19.

⁴⁶ Огромная цифра, равная «93% случаев — в отношении женщин» по информации: Шикула И.Р., Романова Г.В., Калмыкова А.Д. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от семейно-бытового насилия // Образование и право. 2020. № 3. С. 365.

⁴⁷ Нигматуллин М.Р. Указ. соч. С. 22.

⁴⁸ Там же. С. 22.

⁴⁹ Кораблева О.В. Указ. соч. С. 82.

⁵⁰ Саямова С.Я. Указ. соч. С. 130.

⁵¹ Там же. С. 133.

⁵² Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Указ. соч. С. 82.

вые или уголовно-правовые инструменты»⁵³. Однако и данные меры в большинстве своем не бывают в должной мере эффективными. А.А. Магомедов полагает, что «существующих... мер по борьбе с домашним насилием недостаточно»⁵⁴.

Как правило, различные формы бытового насилия существуют в семье одновременно и часто это воздействие носит длительный характер. К сожалению, человек в собственной семье может оказаться жертвой и «заложником». В отношении него может применяться как физическое воздействие, так и психологическое (унижение, угрозы, шантаж и иное). Он может быть полностью лишен средств существования, источников дохода (возможности учиться, работать, свободно выбирать занятость); лишен возможности полноценно общаться с другими членами семьи, родственниками, друзьями и коллегами; ограничен в пользовании средствами связи (отнимается телефон, исключается доступ к сети «Интернет», осуществляется пристальный контроль во всех сферах жизни); может быть лишен документов (отнимается паспорт гражданина, а также иные документы, в частности, медицинские, об образовании, подтверждающие право на пенсию или иные меры социального обеспечения). Дополнительно он может быть лишен возможности свободно передвигаться. Бывают и иные ситуации, например, когда один из супругов лишается возможности пользоваться жилым помещением, являющимся единственным его местом жительства, по сути, оказывается на улице, порой без документов и денег. При этом второй супруг способен совершать различного рода неправомерные действия, удерживать документы у себя, а также не выходить на связь. В такой ситуации никакая коммуникация, ввиду абсолютного антагонизма отношений, невозможна (ни по поводу развода, ни вообще). В подобных случаях подача искового заявления именно в суд может стать единственной возможностью защитить свои права, расторгнув брак с человеком, с которым находиться рядом опасно, и тем самым получить доступ к имуществу и документам, а соответственно, к средствам для существования. Именно поэтому мы убеждены, что значение судебной формы расторжения брака крайне велико. Права С.Л. Россошик и Н.А. Стурова⁵⁵, когда обращают наше внимание на то, что ст. 8 СК РФ характеризует судебный порядок как общий и основной в механизме защиты семейных прав, ставя его на первое место. Следом за ним в п. 1 ст. 8 идет защита, осуществляемая государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства.

⁵³ Шикун И.Р., Романова Г.В., Калмыкова А.Д. Указ. соч. С. 364.

⁵⁴ В частности, по его мнению, «следует отказаться от частного порядка уголовного преследования по делам о домашнем насилии, предусмотреть лишение свободы как альтернативное наказание, по крайней мере, в случае умышленного причинения легкого вреда здоровью», а также составы «преступлений, связанных с домашним насилием, нужно сделать квалифицированными». Магомедов А.А. Домашнее насилие: ответственность и превенция // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 327.

⁵⁵ Россошик С.Л., Стурова Н.А. Судебный (общий) порядок защиты семейных прав // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2017. № 9 (42). С. 81.

Любым иным способом, предусмотренным законодательством, посвящен не п. 1, а п. 2 ст. 8.

На основании вышеизложенного уверены, что введение обязательной процедуры медиации при регистрации расторжения брака в органе ЗАГС является излишним; это же можно сказать и про вопросы, связанные с расторжением брака в судебном порядке, особенно, если стороны выражают согласие на расторжение. Полагаем, что процедура медиации должна быть исключительно добровольной, даже в случае судебного порядка рассмотрения семейно-правовых споров. Разумеется, суд должен иметь возможность инициировать перед сторонами процедуру медиации, а также стороны должны иметь право о ней заявить в тех случаях, когда спор носит конфликтный, эмоционально окрашенный характер, не позволяющий достигнуть компромиссов по всем существенным вопросам (если одна из сторон возражает против расторжения брака (по ст. 22 СК РФ); по спорам о том, с кем будут проживать несовершеннолетние дети (и о графике общения с другим родителем и иными родственниками); об алиментных обязательствах; о разделе совместно нажитого имущества и по поводу брачного договора, по спорам имущественного характера). В ряде случаев целесообразно, чтобы судом была рекомендована возможно более комфортная для сторон процедура (по тому и альтернативная), содействующая проведению переговоров в более спокойной обстановке и выработке приемлемого для них решения. При этом стороны должны иметь право от нее отказаться. Во внесудебных переговорах сторон (на добровольной основе), в случае если они совместно этого желают, перспективы медиации очевидны. Помимо этого, несомненно, далеко не все положения могут быть внесены в медиативное соглашение, а лишь те, которые и в настоящей момент предусматривают возможность заключения соглашения (договора) между сторонами, согласно действующему семейному законодательству. К тому же справедливо замечание авторов, в частности А.А. Романова, что может быть выделена группа «семейных конфликтов, которая... не доступна медиации», например, «о лишении родительских прав, об установлении отцовства и его оспаривании, об усыновлении»⁵⁶ и ряд иных. Очевидно, что возможности медиации здесь как минимум существенно ограничены. Мы солидарны с мнением С.И. Калашниковой, что введение обязательной медиации может повлечь «обратный эффект» — «затягивание сроков разрешения спора, “искусственное” увеличение числа примирительных процедур»⁵⁷. Медиация важна как институт гражданского общества, но она не является панацеей; при этом ее развитие и совершен-

⁵⁶ Романов А.А. Медиативные процедуры в семейных спорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8.

⁵⁷ Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 13.

ствование законодательства, регулирующего данную деятельность, несомненно, необходимы.

Михайлова А.С.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета,
кандидат юридических наук
(Московская область, г. Коломна)

Литература:

1. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен / О.В. Аллахвердова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2–1.
2. Долинская В.В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1.
3. Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Д.Б. Елисеев. Москва, 2013.
4. Иванова М.С. Медиация как способ защиты прав и интересов супругов при расторжении брака : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.С. Иванова. Тверь, 2014.
5. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : диссертация кандидата юридических наук / С.И. Калашникова. Екатеринбург, 2010.
6. Мохов А.А. Новый подход к пониманию института семьи / А.А. Мохов, Ю.А. Свиригин // Современное право. 2024. № 1.
7. Нахов М.С. Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.С. Нахов. Саратов, 2015.
8. Романов А.А. Медиативные процедуры в семейных спорах / А.А. Романов // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8.
9. Россошик С.Л. Судебный (общий) порядок защиты семейных прав / С.Л. Россошик, Н.А. Стурова // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2017. № 9 (42).
10. Тресков А.П. Медиация как альтернативная гарантия реализация принципов судебной власти / А.П. Тресков // Российский судья. 2021. № 11.
11. Шумова К.А. Принципы медиации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / К.А. Шумова. Саратов, 2015.

О праве собственности на объект долевого строительства после сдачи жилого дома в эксплуатацию

Договор участия в долевом строительстве нетипичный для гражданского права, до сих пор не утихают споры насчет его правовой природы. Долящик, заключивший такой договор и внесший оплату по нему, получает право требовать от застройщика передачи ему объекта долевого строительства, когда дом будет введен в эксплуатацию. Что это — инвестиция в недвижимость, приобретение будущей вещи или что-то иное¹? Представляется, что нельзя сводить договор участия в долевом строительстве к традиционным договорным типам, необходимо рассматривать его как самостоятельный вид договора.

Объект долевого строительства на момент заключения договора участия в долевом строительстве, как правило, еще не создан, он строится в процессе исполнения договора. В Федеральном законе от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — закон № 214-ФЗ) содержится следующее его определение: «объект долевого строительства — жилое или нежилое помещение, машино-место, подлежащее передаче участнику долевого строительства после получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и входящее в состав указанного многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, строящихся (создаваемых) также с привлечением денежных средств участника долевого строительства, индивидуальный жилой дом в границах территории малоэтажного жилого комплекса»².

¹ В настоящее время наиболее распространенной является следующая точка зрения: «Несмотря на схожесть данного договора с инвестиционным в определенном смысле, по своей сути они представляют собой различные институты, поскольку в инвестиционном договоре в условиях рыночной экономики предполагается возможность потери денежных средств. В случае же с долевым строительством законодательство Российской Федерации исходит из того, что даже при наличии незавершенного объекта строительства у участника долевого строительства сохраняется право на получение вложенных денежных средств либо право претендовать на объект недвижимости, который был указан при заключении договора. С учетом достижения определенного консенсуса в научной литературе и судебной практике следует квалифицировать ДДУ в качестве договора купли-продажи будущей недвижимой вещи и, соответственно, исходить из того, что дольщики не являются профессиональными инвесторами» / Алиев М.А. Цель приобретения объекта недвижимости в контексте привлечения к гражданско-правовой ответственности в сфере долевого строительства // Юрист. 2025. № 10. С. 25–32.

² Статья 2 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

Представляется неверной точка зрения А.Ю. Хамова: «До ввода многоквартирного дома в эксплуатацию жилое помещение существует физически, является объектом долевого строительства, входящим в состав объекта незавершенного строительства. После ввода многоквартирного дома в эксплуатацию жилое помещение можно продолжать квалифицировать как объект долевого строительства, но правильнее будет называть его объектом недвижимости, входящим в состав другого объекта недвижимости многоквартирного дома»³.

Исходя из определения закона № 214-ФЗ, объект долевого строительства и есть объект недвижимости (например, квартира), построенный для дольщика. Объект долевого строительства появляется только после сдачи дома в эксплуатацию, до этого он находится в процессе создания. Правда, бывают ситуации, когда за дольщиком признают право собственности на недостроенный объект, но такая практика критикуется большинством исследователей⁴.

Нет однозначного ответа и на вопрос, кто является собственником объекта долевого строительства с момента сдачи дома в эксплуатацию и до регистрации на него права собственности дольщика. Вызывает дискуссии проблема, когда становится дольщик собственником объекта долевого строительства: с момента подписания акта приема-передачи или же с момента государственной регистрации права собственности.

Обязанность государственной регистрации права собственности на квартиру в едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН) долгое время лежала на дольщиках. После подписания акта приема-передачи квартиры от застройщика некоторые дольщики сразу производили регистрацию права собственности на квартиры в едином государственном реестре недвижимости, а другие этого вообще не делали. Лица, зарегистрировавшие право собственности, начинали платить налог на имущество за квартиры, а те, кто его не зарегистрировал, данное бремя не несли, хотя и пользовались основными благами, положенными собственнику⁵.

³ Хамов А.Ю. Право собственности на объект долевого строительства // Предпринимательское право. 2020. № 1. С. 46–52.

⁴ Например, А.Н. Латыев пишет: «Однако право собственности на объект долевого строительства по прямому указанию ст. 219 ГК РФ и ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” возникает только с момента его регистрации, а значит, к моменту рассмотрения дела в суде право еще не возникло и иск о его признании удовлетворен быть не может» / Латыев А.Н. Признание права собственности на объекты долевого строительства: поворот в практике. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24 февраля 2015 г. № 305-ЭС14-1186 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3. С. 19–22.

⁵ Исследователи отмечают, что «по состоянию на 1 января 2024 г. в ЕГРН отсутствовали сведения о правообладателях 9,3 млн помещений (из них около 5,9 млн — помещения в многоквартирных домах), что составляет 14% от общего количества помещений, сведения

В то же время суды полагали, что регистрация права собственности являлась правом, а не обязанностью дольщика. В определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2020 г. № 88-1535/2020 говорится, что отсутствие в такой ситуации регистрации права собственности препятствует совершению сделок с квартирой, но не может рассматриваться как препятствие для участия в общем собрании. Аналогичная позиция содержится и в других судебных актах, в частности, в определении Верховного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 310-ЭС17-8383 по делу № А09-1597/2016, в котором говорится, что суды «правомерно исходили из того, что с момента подписания передаточного акта участник долевого строительства фактически осуществляет права собственника, а соответственно, вправе проводить общие собрания и выбирать управляющие компании для обслуживания многоквартирных домов».

Вместе с тем законом была предусмотрена возможность осуществления государственной регистрации права собственности участника долевого строительства на основании заявления застройщика. Статистика свидетельствует, что «за период действия указанной нормы с 13 июля 2020 г. по 31 марта 2024 г. на государственную регистрацию права собственности участников долевого строительства застройщиками было подано 188 263 заявления по объектам недвижимости (помещениям)»⁶. Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» превращает это из права в обязанность застройщика⁷. Таким образом, закон препятствует возникновению в будущем ситуаций, когда подписан акт приема-передачи, но право собственности на квартиру на протяжении длительного времени не регистрируется. Представляется, что это — удачное решение, оно способствует восстановлению справедливости и упорядочивает отношения собственности.

Исходя из позиции судов получается, что с момента подписания акта приема-передачи дольщик становился «фактическим собственником», а после регистрации в ЕГРН — «юридическим» собственником. Ученые чаще всего

о которых содержатся в ЕГРН, и 5,4% от общего количества объектов недвижимости, учтенных в ЕГРН» // Зеленая У., Гребнева Н., Кавиева С. Обязательное межевание и регистрация всех строений // Жилищное право. 2025. № 2. С. 91–102.

⁶ Зеленая У., Гребнева Н., Кавиева С. Указ. соч. С. 91–102.

⁷ Пункт 6 ст. 16 закона № 214-ФЗ в новой редакции устанавливает: «После передачи застройщиком в соответствии со статьей 8 настоящего Федерального закона объекта долевого строительства участнику долевого строительства и осуществления государственного кадастрового учета такого объекта застройщик в срок не позднее тридцати рабочих дней со дня подписания передаточного акта, одностороннего акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства с участником долевого строительства обязан направить в орган регистрации прав заявление о государственной регистрации права собственности участника долевого строительства на такой объект в электронной форме» / Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8497.

определяют права дольщика с момента подписания акта приема-передачи и до регистрации права собственности как законное владение с несением риска случайной гибели вещи⁸. Но тогда возникает вопрос: а кто является собственником объекта долевого строительства с момента сдачи дома в эксплуатацию и до регистрации права собственности дольщика в ЕГРН? Первой записью в ЕГРН относительно объекта долевого строительства является запись о праве собственности дольщика. Значит ли это, что способ приобретения права собственности у дольщика — первоначальный, и до регистрации за ним прав в ЕГРН никто не имел никаких прав на объект долевого строительства?

Так, А. Ю. Хамов полагает, что «...не будет ошибкой признание застройщика не только фактическим, но и законным владельцем строящегося объекта недвижимости»⁹. Однако представляется, что до момента ввода дома в эксплуатацию объект недвижимости еще не создан и говорить не только о праве собственности на него, но и о владении не представляется возможным. Корректно лишь вести речь о праве на стройматериалы, из которых он создается. После ввода многоквартирного дома в эксплуатацию и присвоения объектам долевого строительства кадастровых номеров объекты недвижимости уже возникли и необходимо определить их правообладателя. Представляется верной позиция Р.С. Бевзенко о том, что собственником объекта долевого строительства в спорный период времени является застройщик.

Р.С. Бевзенко считает, что здесь имеет место одно из многочисленных исключений из принципа внесения, в соответствии с которым право на недвижимость возникает только с момента внесения записи о нем в ЕГРН. Так, он пишет: «Обращает на себя внимание то, что в отличие от положений п. 2 ст. 8.1 ГК РФ, в котором содержится оговорка о том, что принцип внесения действует, если иное не предусмотрено законом, в комментируемой статье (ст. 219 ГК РФ. — А.П.) такая оговорка отсутствует. Означает ли это, что никакие исключения из принципа внесения, известные действующему законодательству (наследование, реорганизация, приобретательная давность, супружеская собственность и пр.), не применяются к возникновению права собственности

⁸ Так, в комментариях к закону № 214-ФЗ говорится: «Право собственности участника долевого строительства на объект долевого строительства в момент его передачи от застройщика не возникает. От даты передачи объекта долевого строительства участник долевого строительства вправе свободно владеть и пользоваться таким объектом согласно его назначению, однако его полномочия по распоряжению объектом долевого строительства ограничены отсутствием записи в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним о праве собственности» / Трапезников В.А. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2020. 624 с.

⁹ Хамов А.Ю. Указ. соч.

на здания и сооружения? По всей видимости, правильный ответ будет такой: те изъятия из действия принципа внесения, которые ведут к первоначальному приобретению права собственности, должны применяться и к случаям, охватываемым положениями ст. 219 ГК»¹⁰.

Действительно, иначе как исключением из принципа внесения не представляется возможным объяснить возникновение права собственности у застройщика на объекты долевого строительства после введения дома в эксплуатацию¹¹. Причем возникает право собственности не на многоквартирный дом как единый объект недвижимости, а именно на объекты, которые входят в состав этого дома и имеют собственные кадастровые номера. Не все из этих объектов могут быть объектами долевого строительства. На «свободные» объекты застройщик все же регистрирует право собственности и затем реализует их уже по договору купли-продажи.

Таким образом, существуют две основные проблемы, связанные с правом собственности на объекты долевого строительства после ввода многоквартирного дома в эксплуатацию. Первая связана с затягиванием регистрации дольщиками права собственности на такие объекты в ЕГРН после подписания акта приема-передачи. С 1 марта 2025 г. законодатель сделал такую регистрацию обязанностью застройщика, поэтому в будущем подобные злоупотребления со стороны дольщиков станут невозможными. Однако это не касается объектов, переданных дольщикам до 1 марта 2025 г. Но в любом случае решение законодателя представляется удачным.

¹⁰ Бевзенко Р.С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 137–153.

¹¹ Р.С. Бевзенко объясняет это так: «Застройщик, возводящий здание, должен непременно иметь на земельный участок право собственности или иное право, позволяющее осуществлять его застройку и горизонтальное разделение (т.е. присвоение в свою имущественную сферу того, что будет построено на чужом земельном участке). В силу принципа *superficies solo cedit* (все, выстроенное на участке, принадлежит обладателю права на участок; см. ст. 263 ГК РФ) помещения в здании, введенном в эксплуатацию, принадлежат застройщику на праве собственности, причем государственная регистрация этого права для цели его возникновения по смыслу п. 2 ст. 263 ГК РФ не требуется. Следовательно, застройщик все-таки именно передает дольщику право собственности на предмет договора. Однако опять же в силу прямого указания Закона об участии в долевом строительстве (и в отличие от иных случаев исключения из принципа внесения) это возникшее в силу закона право собственности застройщика на помещения в возведенном им здании вообще не надо вносить в реестр. Это объясняется, видимо, простым соображением: если обязать застройщика сначала зарегистрировать свое право в реестре и потом регистрировать переход права к дольщику, то застройщику придется уплатить довольно значительную сумму государственной пошлины, и при этом совершенно очевидно, что он переложит эту пошлину на дольщика, увеличив цену объекта недвижимости на соответствующую сумму. Такое удорожание жилых помещений (причем исключительно ради догматической чистоты юридических конструкций) явно не входило в планы законодателя, и поэтому он в ст. 16 Закона об участии в долевом строительстве освободил застройщика от необходимости регистрировать первоначальное право на помещения в возведенном здании» / Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169; № 12. С. 68–115.

Вторая проблема связана с тем, что закон не определяет правовой режим объектов долевого строительства с момента сдачи дома в эксплуатацию и до регистрации права собственности на них за дольщиком. В связи с этим и на практике, и в науке возникают различные точки зрения по данному вопросу. Представляется, что следовало бы законодательно закрепить положение о праве собственности застройщика на указанные объекты в этот период, а также уточнить, что меняется в правовом режиме таких объектов после подписания акта приема-передачи.

Пушкина А.В.,

старший научный сотрудник сектора процессуального права
Института государства и права Российской академии наук,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература:

1. Алиев М.А. Цель приобретения объекта недвижимости в контексте привлечения к гражданско-правовой ответственности в сфере долевого строительства / М.А. Алиев // Юрист. 2025. № 10.
2. Бевзенко Р.С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. 2019. № 3.
3. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ / Р.С. Бевзенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11.
4. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ / Р.С. Бевзенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 12.
5. Зеленая У. Обязательное межевание и регистрация всех строений / У. Зеленая, Н. Гребнева, С. Кавиева // Жилищное право. 2025. № 2.
6. Латыев А.Н. Признание права собственности на объекты долевого строительства: поворот в практике. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.02.2015 N 305-ЭС14-1186 / А.Н. Латыев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3.
7. Трапезников В.А. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / В.А. Трапезников. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2020.
8. Хамов А.Ю. Право собственности на объект долевого строительства / А.Ю. Хамов // Предпринимательское право. 2020. № 1.

Состязательный гражданский процесс в контексте трансформации его принципов

Мировые тенденции в развитии гражданского судопроизводства во второй половине XX — начале XXI в. характеризовались усилением социальной ориентированности гражданского процесса, что в значительной мере связано с реализацией концепций социального государства.

Не углубляясь в не охватываемые целями и задачами настоящей работы вопросы о существующих концепциях и моделях социального государства, его современных трансформациях, отметим, что с учетом действующего в России нормативно-правового регулирования сферы социального обеспечения и социальной защиты граждан представляются обоснованными высказанные в научной литературе суждения о курсе Российской Федерации на реализацию смешанной модели социального государства посредством синтеза моделей либерализма и патернализма и установления взаимных обязанностей между государством и гражданином¹.

Современный период характеризуется также активным развитием идей построения правосудия на основе сотрудничества и усиления частноправовой составляющей в разрешении конфликтов путем развития альтернативных форм урегулирования споров. Указанные идеи имеют особую социальную ценность.

В этом отношении можно вспомнить судебную статистику по делам, которые рассматривались мировыми судьями в 60–80-х годах XIX в. В 1867 г. из числа решенных мировыми судьями гражданских дел окончено примирением 33% дел, после чего имело место последовательное постепенное снижение данного показателя и в 1888 г. было окончено примирением сторон 10,2% (11,1%) дел². По сравнению с современной статистикой приведенные цифры впечатляют. А указанное снижение показателей свидетельствует об изменении ориентиров в деятельности мировых судей, их встраивании в общую систему судебных органов и воспроизводстве общих подходов, свойственных другим судам, в ущерб основной изначальной примирительной функции мировой юстиции.

При всей значимости и перспективности этого направления развития гражданского процесса в основе гражданского процесса при недостижении цели мирного урегулирования спора будет по-прежнему заложено состяза-

¹ См.: Клишас А.А. Развитие Российской Федерации как социального государства в контексте 30-летия Конституции Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 22–37.

² См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Том II. Пг., 1914. С. 45. За 1884–1888 годы в источнике проценты указаны в двух вариантах.

ние сторон. Это требует особого акцента на эффективном использовании положительного потенциала состязательной формы судопроизводства.

Характерные черты состязательного гражданского процесса не противоречат идеям процессуального сотрудничества и, более того, в силу заинтересованности каждой стороны в использовании оптимальных средств и способов достижения собственных целей в значительной мере создают условия для сотрудничества и взаимодействия сторон с другими участвующими в деле лицами и судом. Важно сохранение и использование потенциала собственно состязательного начала гражданского процесса в единстве с его социальной ориентированностью.

Активность суда, обусловленная необходимостью содействия участвующим в деле лицам, при наличии к тому оснований, и не установленная как общее дозволение либо позитивное обязывание общего характера, не исключает отнесение российского гражданского процесса к процессу состязательного типа и одновременно обеспечивает его социальную ориентированность, а также соответствие конституционным положениям о правовом социальном государстве и состязательности судопроизводства в их системном единстве.

В современных трудах в области философии и социологии отмечаются кризисные явления в реализации идей и принципов социального государства в конце XX — начале XXI в., связанные как с проблемами экономического характера, так и возрастающей зависимостью граждан от социального государства³. В сфере правосудия указанные явления привели в настоящее время к тенденциям обеспечения экономичности и «пропорциональности» судопроизводства, расширения области применения упрощенных производств и письменного производства. В качестве примеров можно привести изменения, внесенные в ГПК Франции 11 декабря 2019 г. в нормы, регламентирующие письменное производство (ст. 775–816)⁴; внесенные в ПГС Англии 16 июля 2020 г. и 11 июля 2022 г. изменения, упрощающие ряд процессуальных действий (правила 2.6, 24.4, 73.7)⁵.

Данные процессы оказывают существенное влияние на действие ряда принципов гражданского процессуального права, в том числе принципов гласности, устности, непосредственности, процессуального равноправия

³ См.: Кочеткова Л.Н. Теория и практика социального государства: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 2010. С. 26, 37–38; The Future of the Social Investment State: Politics, Policies, and Outcomes Special issue / ed. by Marius R. Busemeyer, Caroline de la Porte, Julian L. Garritzmman, and Emmanuele Pavolini. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/61346/IntroductionSpecialIssue_post-print.pdf?sequence=2 (дата обращения: 18.01.2025).

⁴ См.: Code de procédure civile // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070716/LEGISCTA000006149637/2017-05-11/?anchor=LEGARTI000006410102#LEGIARTI000006410102 (дата обращения: 18.07.2024).

⁵ См.: URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2022/783/rule/3/made> (дата обращения: 19.07.2024).

сторон, что в значительной степени обусловлено причинами экономического характера. В правовом регулировании российского гражданского процесса наблюдаются аналогичные тенденции, подвергаемые серьезной критике в научной литературе⁶.

Изменения в законодательстве, направленные на обеспечение экономичности судопроизводства, требуют выработки дополнительных механизмов, способствующих укреплению гарантий прав личности, реализации принципов гражданского процесса и соблюдению права на справедливое судебное разбирательство.

Способы и формы реализации принципа состязательности претерпевают изменения, объективно обусловленные изменениями, происходящими в обществе в целом. При этом в условиях трансформации ряда принципов гражданского процессуального права, связанной с тенденциями обеспечения экономичности правосудия, развитием информационных технологий, альтернативных способов урегулирования споров, значимость состязательной формы судопроизводства, позволяющей обеспечить необходимые предпосылки для эффективной защиты прав и законных интересов участников гражданского процесса и его социальную ориентированность, сохраняется в полной мере.

Состязательная форма гражданского процесса существенно повышает значимость предоставления участвующим в деле лицам возможности личного участия в судебном заседании и обеспечения права быть выслушанным и быть услышанным судом. В этом контексте требуют особого внимания проблемы теоретического и практического характера, связанные с расширением сферы применения упрощенных или письменных производств и дистанционным участием в судебных заседаниях с использованием современных информационных технологий.

Существующие в приказном производстве отступления от общих требований гражданской процессуальной формы приемлемы, если они не ухудшают положение взыскателя и (или) должника по сравнению с исковым производством либо компенсируются возможностью переноса спора в исковое производство.

В настоящее время для взыскателя, не имеющего возможности заявить требование в искомом порядке, повышен по сравнению с исковым производством риск пропуска срока исковой давности в связи с отсутствием у мирового судьи права оставить заявление о вынесении судебного приказа без движения. С учетом этого в приказном производстве требуется соответствующее восполнение гражданской процессуальной формы.

⁶ См., например: Борисова Е.А. Новые суды общей юрисдикции — старые вопросы осуществления правосудия по гражданским делам // Закон. 2019. № 8. С. 101–110; Жуйков В.М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 191–221; Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 60–75.

В данном виде гражданского судопроизводства не исключается рассмотрение требований к должнику, место жительства которого неизвестно, при отсутствии, в отличие от искового производства, возможности назначения ему судом адвоката в качестве представителя. В целях обеспечения социальной ориентированности гражданского процесса в этой части необходимо исключение возможности рассмотрения соответствующих требований в порядке приказного производства.

В отношении упрощенного производства необходимы дополнительные относительно экономичные процессуальные механизмы, не подрывающие «пропорциональность» правосудия, но при этом минимизирующие негативные последствия упрощения судопроизводства.

Как представляется, действующее в упрощенном производстве правило о том, что доказательства и иные документы, поступившие в суд до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков, суд принимает, лишь если срок пропущен по уважительным причинам, не согласуется с задачей обеспечения социальной ориентированности гражданского процесса, не способствует установлению действительных обстоятельств дела, реализации социального назначения гражданского процессуального права и эффективному решению задач гражданского судопроизводства.

Неполнота доказательств в упрощенном производстве при отказе суда первой инстанции в принятии доказательств, не представленных вовремя, может, в числе прочего, не позволить суду выявить обстоятельства, свидетельствующие о наличии оснований для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, в том числе в целях оказания лицу, участвующему в деле, содействия в осуществлении процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей. Кроме того, могут остаться невыявленными обстоятельства, свидетельствующие о необходимости принятия в данном деле мер по обеспечению прав и законных интересов лиц, не привлеченных к участию в деле.

Наряду с этим в данном случае нельзя не учитывать отсутствие непосредственного, устного контакта между судом и лицами, участвующими в деле, который позволял бы суду:

— во-первых, в наиболее доступной форме довести до участвующих в деле лиц не только необходимую информацию о последствиях нарушения установленных сроков представления доказательств и порядке исчисления процессуальных сроков, но и информацию, позволяющую указанным лицам лучше сориентироваться в вопросе о том, какие доказательства можно и необходимо представить;

— во-вторых, более полно выяснить и учесть все обстоятельства, свидетельствующие об уважительных причинах пропуска установленных сроков представления доказательств.

С учетом изложенного представляется необходимым установление иных неблагоприятных последствий нарушения указанных сроков, в том чис-

ле взыскание с виновной стороны штрафов, судебных расходов, а не отказ в принятии доказательств, поступивших в суд после истечения установленного судом срока, но до вынесения решения.

Неуклонно расширяющееся использование современных информационных технологий в гражданском судопроизводстве порождает необходимость эффективных средств обеспечения в гражданском процессе «цифрового равенства», являющегося важным фактором процессуального равноправия и баланса процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле. Возникающие в этой сфере проблемы можно проиллюстрировать, например, некоторыми категориями дел по спорам с участием кредитных организаций.

Так, изучение судебной практики по делам о взыскании долгов по кредитным обязательствам показывает, что при возникновении у лиц, участвующих в деле, или суда обоснованных вопросов по расчетам банков в качестве решающего аргумента используется ссылка на программное обеспечение, хотя имеется обширная практика выявления случаев сбоя такого обеспечения.

Возникают и в перспективе с развитием информационных технологий будут возникать все более сложные ситуации того же ряда, что свидетельствует о необходимости разработки дополнительных процессуально-правовых механизмов, способствующих уравниванию процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле, в подобных ситуациях.

Представляется необходимым возложение на соответствующую сторону обязанности доказывания достоверности информации, полученной ею с помощью программного обеспечения, при возникновении сомнений в достоверности такой информации, в том числе: 1) возложение на данную сторону обязанности предварительной оплаты экспертизы, назначенной в связи с указанными сомнениями, независимо от того, по чьей инициативе назначается экспертиза; 2) возложение на данную сторону рисков утраты доказательств, связанной с техническими сбоями либо несовершенством используемого программного обеспечения.

Предложенные правила могут способствовать как обеспечению социальной ориентированности состязательного гражданского процесса путем уравнивания процессуальных возможностей сторон, так и более эффективной реализации принципа независимости судей путем исключения фактической связанности суда результатами использования технических средств и технологий одной из сторон в споре.

Изложенное представляет собой одну из разновидностей уравнивающих процессуальных предпочтений в пользу лица, находящегося в менее выгодном положении по отношению к доказательствам, необходимым для установления действительных обстоятельств дела.

Уравнивающую процессуальную предпочтительность можно определить как предусмотренное законом либо содержащееся в правовых позициях, выработанных высшими судебными инстанциями, процессуальное правило,

в котором, исходя из необходимости устранения либо снижения степени неравенства процессуальных возможностей сторон, при установлении определенных процессуальных прав и распределении процессуальных обязанностей отдается предпочтение заслуживающим внимания интересам одной из этих сторон.

Использование понятия процессуальной преференции позволяет путем объединения сходных правовых явлений, отвечающих указанным выше признакам, комплексно исследовать эти явления, основываясь на их общих свойствах, и усовершенствовать правовую регламентацию соответствующих процессуальных правоотношений. В частности, это может способствовать обеспечению соответствия уравнивающих процессуальных преференций требованиям необходимости и достаточности с тем, чтобы они не трансформировались в неприемлемые в состязательном судопроизводстве процессуальные преимущества.

Реализация социального назначения гражданского процессуального права в правовом социальном государстве и обеспечение баланса процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле, предполагают учет социальной структуры общества, включающей в себя граждан с ограниченными возможностями здоровья. Это обуславливает необходимость обеспечения указанным гражданам гарантий беспрепятственного осуществления права на судебную защиту.

Непосредственно в нормах российского гражданского процессуального законодательства гарантии для участвующих в деле лиц с ограниченными возможностями в достаточной степени не закреплены, хотя такое правовое регулирование является необходимым и имеет важное социальное, а также идеологическое значение.

Конвенция о правах инвалидов содержит положение о том, что государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение ими своей эффективной роли прямых и косвенных участников во всех стадиях юридического процесса⁷.

Как отмечал Комитет ООН по правам инвалидов, закон, применяемый нейтральным образом, может оказывать дискриминационное воздействие, если не учитываются особые обстоятельства отдельных лиц, в отношении которых он реализуется. Право не подвергаться дискриминации при пользовании правами, гарантируемыми Конвенцией о правах инвалидов, может быть нарушено, если государство без объективных и разумных на то оснований не относится дифференцированно к лицам, положение которых значительно отличается. В случаях косвенной дискриминации законы, политика или

⁷ См.: Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года) // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

практика, которые на первый взгляд кажутся нейтральными, оказывают непропорционально негативное влияние на инвалидов⁸.

С учетом этого представляется необходимой система способов содействия лицам с ограниченными возможностями здоровья в состязательном гражданском процессе, в том числе: 1) общее правило, обязывающее суд обеспечивать лицам с ограниченными возможностями здоровья необходимые условия для осуществления процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей; 2) полномочие суда при необходимости привлекать в этих целях органы социальной защиты и общественные организации инвалидов в качестве лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Алиэскеров М.А.,

председатель судебной коллегии
по гражданским делам Калужского областного суда,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Калужского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук
(г. Калуга)

Литература:

1. Борисова Е.А. Новые суды общей юрисдикции — старые вопросы осуществления правосудия по гражданским делам / Е.А. Борисова // Закон. 2019. № 8.
2. Жуйков В.М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века / В.М. Жуйков // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5.
3. Клишас А.А. Развитие Российской Федерации как социального государства в контексте 30-летия Конституции Российской Федерации / А.А. Клишас // Журнал российского права. 2023. № 12.
4. Кочеткова Л.Н. Теория и практика социального государства: социально-философский анализ : автореферат диссертации доктора философских наук / Л.Н. Кочеткова. Москва, 2010.
5. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного производства в Российской Федерации / В.М. Шерстюк. Москва : Городец, 2021.

References:

1. The Future of the Social Investment State: Politics, Policies, and Outcomes / M.R. Busemeyer, C. de la Porte, J.L. Garritzmann, E. Pavolini // The Future of the Social Investment State. Politics, Policies and Outcomes / eds. by M.R. Busemeyer, Ca. de la Porte, J.L. Garritzmann, E. Pavolini. Routledge, 2020. DOI: 10.4324/9780429454752-1

⁸ См.: Обзор практики комитета ООН по правам инвалидов, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений (подготовлен Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

Косвенные доказательства в спорах о признании отношений трудовыми: вопросы допустимости и оценки

Споры о признании отношений трудовыми относятся к числу наиболее сложных в части доказывания из-за отсутствия у работников прямых доказательств. Отказ работодателей от ведения трудовой документации приводит к необходимости использования судом и работниками иных источников информации для подтверждения факта трудовых отношений. По мнению М.О. Буяновой, работник практически лишен возможности представить в суд оригиналы документов, поскольку они находятся у работодателя. В то же время, как отмечает автор, работодатель вправе предоставить в суд любой документ, включая недавно составленные, а также любые копии, заверенные подписью, печатью и отметкой «копия верна»¹. Подобная позиция высказывалась также О.В. Исаенковой, которая подчеркивает, что в сфере защиты нарушенных и оспоренных трудовых прав граждан особую значимость приобретает проблема обеспечения реального равноправия сторон при рассмотрении трудовых споров. В судебной практике работодатель выступает более сильной стороной не только в экономическом, но и в процессуальном плане. Это выражается, в частности, в его возможности скрывать или подменять отдельные локальные акты и иные документы, которые должны представляться суду в качестве доказательств при разрешении спора. В результате формируется устойчивая асимметрия в доступе к доказательственной базе, что существенно затрудняет реализацию работником своего права на судебную защиту и нарушает баланс процессуальных возможностей сторон².

Вместе с тем основой предмета доказывания по данной категории споров является ст. 15 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ)³. Как следствие, работнику в суде необходимо доказать наличие совокупности юридических фактов, образующих содержание трудовых отношений, а именно: существование соглашения с работодателем о личном выполнении трудовой функции за вознаграждение; выполнение работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии или специальности с учетом квалификации либо конкретного поручения; осуществление трудовой деятельности в интересах, под управлением и контролем работодателя; подчинение

¹ Буянова М.О. Индивидуальные трудовые споры: материально-процессуальные вопросы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 52.

² Исаенкова О.В. О современных трендах защиты трудовых прав // в сборнике : Школа права. Сборник научных статей. Великий Новгород, 2025. С. 53.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. 31.07.2025) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

правилам внутреннего трудового распорядка; а также обеспечение работодателем условий труда в соответствии с требованиями законодательства, коллективного договора, соглашений, локальных нормативных актов и трудового договора.

Помимо этого, согласно ч. 2 ст. 67 «трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя».

Анализ положения ч. 2 ст. 67 ТК РФ позволяет выделить совокупность юридически значимых обстоятельств, свидетельствующих о существовании трудовых отношений между сторонами. К таким обстоятельствам относятся, в частности, фактическое начало выполнения работы и осуществление ее с ведома либо по поручению работодателя.

Кроме того, в соответствии со ст. 12, 56 и 57 Гражданского процессуального кодекса РФ⁴ каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений. Следовательно, для подтверждения наличия неоформленных трудовых отношений работнику необходимо установить и доказать указанные юридические факты — фактическое начало работы и выполнение ее по воле работодателя⁵. Указанные юридические факты могут быть установлены как с помощью прямых, так и с помощью косвенных доказательств.

Представляется важным провести разграничение прямых и косвенных доказательств. Ю.В. Шелегов отмечает, что смысл данной классификации заключается в определении характера связи доказательства с предметом доказывания. Прямые доказательства непосредственно отражают сам предмет доказывания и содержат сведения о нем. Косвенные же доказательства связаны с ним лишь опосредованно: они служат логической основой для вывода о существовании или отсутствии доказываемого факта и в совокупности с другими материалами позволяют подтвердить либо опровергнуть соответствующий тезис⁶. Следует оговориться, что в литературе предмет доказывания определяется как пределы осуществления доказательственной деятельности участников процесса⁷.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ Рехтина И.В., Василенко Ю.Е. Безналичный денежный перевод как важный элемент доказательства наличия трудовых отношений // Банковское право. 2025. № 3. С. 68.

⁶ Шелегов Ю.В. Понятие косвенных доказательств в теории доказательств уголовного процесса // Современность в творчестве вузовской молодежи : материалы научно-практической конференции молодых ученых / ред. коллегия: П.А. Капустюк, И.А. Позанова, А.В. Федоров, М.В. Старищев, А.А. Шеков, П.А. Стерхов, С.Г. Загорьян, В.В. Загайнов, А.В. Буторова. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. С. 145.

⁷ Нахова Е.А. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2 (60). С. 156.

Помимо этого, в литературе также уточняется, что прямое доказательство имеет только одно возможное понимание. Косвенное же может трактоваться по-разному, его значение устанавливается путем исключения альтернативных интерпретаций и всегда рассматривается в совокупности с другими доказательствами по делу⁸. Такая специфика существенно усложняет определение достаточности косвенных доказательств⁹. Как справедливо отмечает Д.В. Чиркова, одного прямого доказательства зачастую бывает достаточно, тогда как для формирования обоснованных выводов на основе косвенных доказательств требуется их несколько¹⁰.

А.Д. Акулинин обращает внимание на проблему оценки достаточности косвенных доказательств. По его мнению, они могут считаться достаточными лишь тогда, когда образуют не просто совокупность, а единую взаимосвязанную систему. Однако определить такую достаточность непросто, поскольку она обусловлена не только количеством доказательств, но и их взаимосвязью, а также способностью логически воссоздавать объективную картину произошедших событий¹¹. Д.И. Смольников указывает, что в отличие от прямых доказательств косвенные далеко не всегда отражаются судьей в тексте судебного решения, что создает трудности для их научного анализа¹².

Косвенные доказательства в спорах о признании отношений трудовыми могут выражаться в представлении документов, которые не фиксируют на прямую факт существования трудового договора, но подтверждают обстоятельства, свидетельствующие о выполнении работником трудовой функции. Так, в одном из дел суд учел, что доводы истца были опосредованно подтверждены справкой и копиями проездных документов из архива АСУ «Экспресс» о приобретении на его имя билетов: на проезд по маршруту¹³.

В другом судебном заседании суд в качестве косвенных доказательств принял выписку по дебетовой карте истца, из которой следовало регулярное поступление денежных средств от ответчика. Несмотря на то что данные перечисления не содержали прямого указания на выплату заработной платы, их систематичность и соотношение с периодами фактического исполнения трудовой функции позволили суду сделать вывод о наличии трудовых отношений¹⁴.

⁸ Мельникова Д.Д. Практика использования косвенных доказательств в гражданском процессе: проблемы и пути их преодоления // Юридический аналитический журнал. 2023. Т. 18. № 2. С. 36.

⁹ Василенко Ю.Е. Достаточность доказательств в спорах о признании отношений трудовыми // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 36.

¹⁰ Чиркова Д.В. К вопросу об относимости и достаточности доказательств при их оценке в гражданском судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 165.

¹¹ Акулинин А.Д. Косвенные доказательства в гражданском процессе: практические и теоретические проблемы // Скиф. 2023. №5 (81). С. 227.

¹² Смольников Д.И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. С. 9.

¹³ Решение Калтанского районного суда (Кемеровская область) от 23 марта 2021 г. по делу № 2-64/2021 // sudact.ru. URL: <https://clck.ru/3NnZg4> (дата обращения: 22.08.2025).

¹⁴ Решение Ленинского районного суда г. Барнаула (Алтайский край) от 22 июля 2020 г. по делу № 2-849/2020 // sudact.ru. URL: <https://clck.ru/3Nnain> (дата обращения: 22.08.2025).

Косвенным доказательством наличия трудовых отношений может служить оплата работодателем обучения работника. Например, организация за свой счет обеспечила обучение работника по вопросам допуска по электрической и пожарной безопасности, работам на высоте, а также по оказанию медицинской помощи. Характер приобретенных навыков и содержание обучения корреспондировали с предполагаемыми трудовыми обязанностями работника¹⁵.

Еще одним примером косвенного доказательства в спорах о признании отношений трудовыми может служить ведение документации предполагаемым работодателем. Так, в одном из судебных решений суд признал возможным рассматривать как косвенное доказательство тот факт, что записи в трудовых книжках свидетелей были внесены самим ответчиком, что указывает на осуществление им кадровых полномочий¹⁶.

Помимо этого, в литературе отмечается возможность использования так называемых доказательств поведения в качестве косвенных доказательств. Под ними понимаются фактические данные, выраженные в действиях лица, участвующего в деле, которые опосредованно свидетельствуют о наличии либо отсутствии спорного правоотношения¹⁷. В уголовном процессе данный вид доказательств связывается, в частности, с поведением обвиняемого до, во время и после совершения преступления. В гражданском же процессе аналогичный подход может проявляться в оценке действий сторон. В частности, М.А. Фокина в своем исследовании указывает, что при установлении процессуальной истины суд может учитывать как вербальные, так и невербальные признаки лжи¹⁸.

Следовательно, можно заключить, что в мотивировочной части решения судья опирается на косвенные доказательства. При этом поведение сторон во время судебного заседания не может рассматриваться в качестве доказательства.

Однако не всякие материалы могут быть признаны косвенными доказательствами. Так, суд отказал в принятии в качестве доказательства графиков смен, поскольку данные документы не содержали необходимых реквизитов: наименования, подписи представителя работодателя и иных сведений, позволяющих установить их связь с ответчиком.

Аналогично были отклонены доводы истца о том, что фотографии, на которых она изображена с бейджем с указанием названия организации, под-

¹⁵ Решение Первоуральского городского суда (Свердловская область) от 26 мая 2020 г. по делу № 2-895/2020 // sudact.ru. URL: <https://clck.ru/3Nndsc> (дата обращения: 22.08.2025).

¹⁶ Решение Соль-Илецкого районного суда (Оренбургская область) от 16 января 2020 г. по делу № 2-1191/2019 // sudact.ru/ URL: <https://clck.ru/3NvQ86> (дата обращения: 30.08.2025).

¹⁷ Ахмедшин Р.Л. Доказательства поведения в системе косвенных доказательств // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 107.

¹⁸ Фокина М.А. Проблема лжи в судебной коммуникации по гражданским и административным делам // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 10 (110). С. 183.

тверждают наличие трудовых отношений с ответчиком. Суд отметил, что бейдж не обладает признаками официального документа: он не является бланком отчетности, не содержит печати, подписи лица, его выдавшего, а также фотографии работника. В связи с этим он не может рассматриваться как доказательство принадлежности к работодателю.

Бейдж, как подчеркнул суд, выполняет исключительно функцию идентификации работника для покупателей и не подтверждает факт трудовых отношений¹⁹.

В такой ситуации представляется необходимым дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»²⁰, установив в нем определение понятия косвенных и прямых доказательств применительно к трудовым спорам. В частности, можно рассмотреть следующую формулировку: «косвенные доказательства в трудовых спорах представляют собой сведения о фактах, которые не подтверждают спорное обстоятельство непосредственно, но в силу логической связи с ним позволяют суду сделать вывод о его вероятном существовании либо отсутствии. Прямые доказательства в трудовых спорах — это сведения о фактах, которые находятся в непосредственной связи со спорным обстоятельством и подтверждают либо опровергают его напрямую, без необходимости осуществления дополнительных логических выводов».

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что в делах о признании отношений трудовыми косвенными доказательствами признаются такие сведения (документы, показания, обстоятельства), которые сами по себе не удостоверяют факт наличия трудовых отношений, однако в совокупности с другими данными могут свидетельствовать о выполнении работником трудовой функции и подчинении правилам работодателя.

Василенко Ю.Е.,

аспирант кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса
Алтайского государственного университета
(Алтайский край, г. Барнаул)

Литература:

1. Акулинин А.Д. Косвенные доказательства в гражданском процессе: практические и теоретические проблемы / А.Д. Акулинин // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 5 (81).
2. Ахмедшин Р.Л. Доказательства поведения в системе косвенных доказательств / Р.Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360.

¹⁹ Решение Соль-Илецкого районного суда (Оренбургская область) от 16 января 2020 г. по делу № 2-1191/2019 // sudact.ru. URL: <https://clck.ru/3NvQ86> (дата обращения: 30.08.2025).

²⁰ О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Буянова М.О. Индивидуальные трудовые споры: материально-процессуальные вопросы правового регулирования / М.О. Буянова // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2.
4. Василенко Ю.Е. Достаточность доказательств в спорах о признании отношений трудовыми / Ю.Е. Василенко // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7.
5. Исаенкова О.В. О современных трендах защиты трудовых прав / О.В. Исаенкова // Школа права : сборник научных статей. Вып. 2 / члены редакционной коллегии: Н.А. Синькевич, М.С. Трофимова ; ответственный редактор С.И. Митина. Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2025.
6. Мельникова Д.Д. Практика использования косвенных доказательств в гражданском процессе: проблемы и пути их преодоления / Д.Д. Мельникова // Юридический аналитический журнал. 2023. Т. 18. № 2.
7. Нахова Е.А. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве / Е.А. Нахова // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2 (60).
8. Рехтина И.В. Безналичный денежный перевод как важный элемент доказательства наличия трудовых отношений / И.В. Рехтина, Ю.Е. Василенко // Банковское право. 2025. № 3.
9. Смольников Д.И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Д.И. Смольников. Санкт-Петербург, 2015.
10. Фокина М.А. Проблема лжи в судебной коммуникации по гражданским и административным делам / М.А. Фокина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 10 (110).
11. Чиркова Д.В. К вопросу об относимости и достаточности доказательств при их оценке в гражданском судопроизводстве / Д.В. Чиркова // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2.
12. Шелегов Ю.В. Понятие косвенных доказательств в теории доказательств уголовного процесса / Ю.В. Шелегов // Современность в творчестве вузовской молодежи : материалы научно-практической конференции молодых ученых (г. Иркутск, 27–28 марта 2014 г.) : сборник научных статей. Вып. 15 / П.А. Капустюк, И.А. Позанова, А.В. Федоров [и др.]. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014.

О роли суда на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве

Как особо подчеркивается в ст. 132 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее также — КАС РФ), стадия подготовки к судебному разбирательству является обязательной по каждому административному делу. Законом также устанавливается основная цель ее проведения — обеспечение правильного и своевременного рассмотрения административного дела. Несмотря на то что вышеуказанная статья КАС РФ, обозначенная как «Задачи подготовки административного дела к судебному разбирательству», не содержит собственно задач данной стадии, однако очевидно, что они в целом схожи с задачами подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском и арбитражном процессе, что и находит свое подтверждение в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 41¹:

- уточнение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела;
- предварительная квалификация спорного публичного правоотношения;
- распределение обязанностей по доказыванию обстоятельств по делу, представление необходимых доказательств лицами, участвующими в деле, истребование доказательств судом;
- определение состава лиц, участвующих в деле, и других участников процесса;
- примирение сторон, если заключение соглашения о примирении не запрещено законом, не противоречит существу рассматриваемого административного дела и не нарушает права других лиц.

Несмотря на сходство задач, природа материальных публичных правоотношений (отношений власти — подчинения) предопределяет необходимость проявления более активной по сравнению с гражданским и арбитражным процессом роли суда при рассмотрении и разрешении административных дел, в том числе на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, с целью «выравнивания» процессуального положения лиц, участвующих в деле. Очевидно, что суд при рассмотрении административных дел не может оставаться сторонним наблюдателем и должен создавать условия, оказывать содействие и помощь лицам, не наделенным публичными

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции» // Российская газета. 2024. 28 декабря.

полномочиями, в реализации их процессуальных обязанностей и осуществлении предоставленных им прав. Как справедливо отмечает Р.О. Опалев, предназначение такой активности состоит в своего рода опеке суда над интересами слабой стороны публично-правового спора (гражданина, организации), а также интересами общества, социальных групп, всех представителей которых, как правило, невозможно привлечь к реальному участию в процессе, в связи с чем такие интересы также нуждаются в повышенном внимании со стороны суда².

В то же время следует отметить: несмотря на то, что арбитражными судами также рассматриваются дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, активная роль суда проявляется только на стадии судебного разбирательства, стадия же подготовки дела к судебному разбирательству осуществляется по общим правилам без учета специфики таких дел, что представляется ошибочным.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41 с учетом п. 7 ст. 6 КАС РФ неслучайно сделан акцент на реализации в рамках стадии подготовки административного дела к судебному разбирательству принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда. Какие полномочия суда свидетельствуют о его активной роли на данной стадии административного судопроизводства?

В соответствии с ч. 7 ст. 125 КАС РФ если орган публичной власти или его должностное лицо обязаны направить другим лицам, участвующим в деле, копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют, заказным письмом с уведомлением о вручении или обеспечить передачу указанным лицам копий этих заявления и документов иным способом, позволяющим суду убедиться в получении их адресатом, то для административных истцов, не наделенных государственными или иными публичными полномочиями, их отправление или передача являются правом. В последнем случае обязанность по направлению административному ответчику копий процессуальных документов возлагается на суд в рамках подготовки дела к судебному разбирательству.

Наиболее ярко активная роль суда в административном судопроизводстве просматривается в процессе доказывания. Гражданское процессуальное законодательство не только не обязывает суды собирать доказательства по своей инициативе, но и не предоставляет им такого права, кроме возможности назначить по собственной инициативе экспертизу³. КАС РФ, напротив, существенно расширяет полномочия суда в сфере судебного доказывания для более полного, всестороннего и объективного выяснения обстоятельств,

² Опалев Р.О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

³ Гражданский процесс : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Молчанова / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова [и др.]. М. : Статут, 2025. С. 286.

имеющих значение для конкретного административного дела. При рассмотрении административных дел в соответствии с нормами КАС РФ, в отличие от Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), суд не свободен от обязанности устанавливать объективную истину, в связи с чем он должен принимать все установленные законом меры для выяснения действительных обстоятельств дела⁴.

В административном судопроизводстве, как и в гражданском процессе, участвующие в деле лица по общему правилу должны представлять доказательства в подтверждение обстоятельств, на которые они ссылаются в качестве оснований своих требований или возражений, а в случае отсутствия возможности получить их самостоятельно они вправе поставить перед судом вопрос об их истребовании.

В Кодексе административного судопроизводства РФ находит отражение патерналистский подход по отношению к слабой стороне процесса: в соответствии с нормами ч. 1 ст. 63, п. 6 ч. 3 ст. 135 КАС РФ судья может истребовать доказательства и по своей инициативе, разрешает вопросы о вызове свидетелей, назначении экспертизы, привлечении к участию в судебном процессе специалиста, переводчика; в случаях, не терпящих отлагательства, разрешает вопрос об исследовании и осмотре на месте письменных и вещественных доказательств, а также принимает иные меры, связанные с представлением доказательств. Кроме того, с учетом разъяснений, данных в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41, в обязанность суда вменяется выяснение наличия необходимости оказания содействия в представлении и истребовании доказательств лицам, не обладающим государственными и иными публичными полномочиями.

Новеллой КАС РФ⁵ является право суда получать необходимые для рассмотрения и разрешения административного дела сведения из открытых источников, в том числе из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п. 7.1 ч. 3 ст. 135 КАС РФ). Ни ГПК РФ, ни Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации подобных норм не содержат, однако во многом схожее положение впоследствии нашло свое отражение в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде»⁶.

⁴ См. Балашов А.Н. Активная роль суда в реализации задач административного судопроизводства // Администратор суда. 2017. № 2. С. 33–38.

⁵ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 31 июля.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» // Российская газета. 2024. 18 июня.

Судебная практика пошла по пути широкого толкования «сведений из открытых источников»: так, исходя из смысла разъяснений Верховного Суда РФ⁷, речь идет как о доказательствах, посредством которых могут быть установлены обстоятельства, имеющие значение для дела, так и иных сведений, необходимых для правильного рассмотрения и разрешения административного дела, которые можно получить, в частности, из публичных реестров, системы отслеживания почтовых отправлений на официальном сайте акционерного общества «Почта России», из информационных систем (например, сведения о размещении нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)), данные, содержащиеся в Государственной автоматизированной системе «Правосудие») и других источников.

При этом получение таких сведений из открытых источников ВС РФ относит к истребованию доказательств, а о приобщении таких доказательств в зависимости от их формы в качестве письменных доказательств, аудио- или видеозаписей суд должен поставить в известность лиц, участвующих в деле, которые, в свою очередь, могут приводить свои доводы и представлять доказательства относительно достоверности таких сведений.

Есть основания полагать, что посредством получения сведений из открытых источников суды вправе устанавливать не только юридические факты материально-правового характера, но и факты процессуально-правового характера (например, при помощи использования системы отслеживания почтовых отправлений на официальном сайте акционерного общества «Почта России» установить факт надлежащего извещения участников процесса; разрешать вопросы определения подсудности, правоспособности при обращении к Единому государственному реестру юридических лиц и др.).

Представляется необходимым привести примеры применения п. 7.1 ч. 3 ст. 135 КАС РФ судами. Так, из текста решения Краснодарского краевого суда от 13 марта 2024 г. по делу № 3а-290/2024⁸ об оспаривании отдельных положений нормативного правового акта следует, что, реализуя активную роль суда и восполняя недостаток доказательственного материала в целях всестороннего и полного установления всех обстоятельств по административному делу, судом выявлены иные, помимо представленных участниками процесса, доказательства, подтверждающие назначение и вид разрешенного использования здания. Анализ общедоступной информации из открытых источников в сети «Интернет», в том числе сервиса «Яндекс.Карты», фотоснимков, многочисленных отзывов клиентов, описания нежилого здания на различных сайтах, а также сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости и технической документации о наименовании нежило-

⁷ Пункт 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41.

⁸ Решение Краснодарского краевого суда от 13 марта 2024 г. по делу № 3а-290/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

го здания, позволили суду сделать вывод, что спорное здание представляет собой административно-торговый центр и предназначен для использования в этих целях. При этом суд первой инстанции ссылается на правовой подход, сформулированный Верховным Судом Российской Федерации о том, что допустимыми доказательствами использования объектов для целей применения ст. 378.2 НК РФ являются не только акты обследования, подлежащие составлению в соответствии с установленным на территории субъекта Российской Федерации Порядком определения вида фактического использования зданий (строений, сооружений) и помещений, но и иные виды доказательств использования соответствующих объектов (кассационные определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2022 г. № 5-КАД22-18-К2, от 7 сентября 2022 г. № 5-КАД22-40-К2, от 14 сентября 2022 г. № 5-КАД22-37-К2 и др.).

В обоснование соответствия доказательств, полученных судьей посредством использования сети «Интернет», таким критериям оценки доказательств, как относимость, допустимость и достоверность, в решении указано, что интернет-страницы в сети «Интернет» были исследованы судом непосредственно совместно со всеми лицами, участвующими в деле, при этом результаты каждого совершенного действия были зафиксированы с занесением его в протокол судебного заседания, что также подтверждается аудиозаписью судебного заседания. Аналогичным образом суды получали сведения из открытых источников и в ряде других дел⁹.

В апелляционном определении Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2023 г. по делу № 66а-2388/2023¹⁰ суд апелляционной инстанции указал, что сведения об источнике опубликования оспариваемого нормативного акта могли быть получены судом первой инстанции самостоятельно из открытых источников информации.

Еще одним проявлением активности со стороны суда при подготовке дела об оспаривании действий (бездействия), решения лица, наделенного публичными полномочиями является то, что суд независимо от ходатайств сторон и в том числе по своей инициативе должен выяснить обстоятельства, установленные ч. 9 ст. 226 КАС РФ, а именно: нарушение прав, свобод и законных интересов административного истца, соответствие оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения, соблюдение административным истцом сроков обращения в суд, наличие полномочий

⁹ См., например, апелляционные определения Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2025 г. № 66а-1116/2025, от 8 июля 2025 г. № 66а-894/2025, от 27 августа 2024 г. № 66а-1328/2024; кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 апреля 2024 г. № 88А-4164/2024, 3а-153/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2023 г. по делу № 66а-2388/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

и оснований для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) и соблюдение порядка принятия такого решения, совершения действия (бездействия)¹¹.

Одной из целей проведения предварительного судебного заседания по правилам КАС РФ является выявление фактов пропуска сроков обращения в суд с административным иском заявлением. Если обратиться к нормам ГПК РФ, то следует заметить, что в случае установления в рамках предварительного судебного заседания факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд судья принимает решение об отказе в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу (ч. 6 ст. 152 ГПК РФ). Обязательным условием является наличие возражения ответчика относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности для защиты права и установленного федеральным законом срока обращения в суд.

Кодекс административного судопроизводства РФ наделяет суд возможностью *ex officio* выявлять факты и выяснять причины пропуска административным истцом срока обращения в суд уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

При этом несмотря на закрепление в ч. 5 ст. 138 КАС РФ схожего правила о том, что суд не исследует иные фактические обстоятельства по административному делу при установлении факта пропуска указанного срока без уважительной причины и выносит решение об отказе в удовлетворении административного иска, позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020)¹², вносит значительные коррективы в регулирование данного вопроса: так, отказ в удовлетворении административного искового заявления исключительно по мотиву пропуска срока обращения в суд, без принятия судом мер, направленных на выяснение обстоятельств, объективно препятствовавших обращению в суд в установленный законом срок, без установления иных обстоятельств, предусмотренных ч. 9 ст. 226 КАС РФ (т.е. без проверки законности оспариваемых административным истцом действий), а также без исследования фактических обстоятельств административного дела является недопустимым и противоречит задачам административного судопроизводства.

В некоторых случаях процессуальный закон позволяет суду самостоятельно принимать меры предварительной защиты. В частности, в соответствии с ч. 4 ст. 265.3 КАС РФ при подготовке к судебному разбирательству административного дела о признании информации, размещенной в инфор-

¹¹ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41.

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г. (ред. от 25.04.2025) // Первоначальный текст документа опубликован в издании «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2021. № 5.

мационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено, судья вправе принять меры предварительной защиты в виде ограничения доступа к данной информации или иные предусмотренные законом меры не только по заявлению участвующих в деле лиц, но и по собственной инициативе.

Следовательно, подготовка дела к судебному разбирательству в рамках административного судопроизводства не носит формальный характер, а имеет большое значение для его правильного и своевременного рассмотрения. Частным подтверждением этого является норма ч. 5 ст. 135 КАС РФ, в соответствии с которой противодействие сторон по административному делу его своевременной подготовке, в том числе путем непредставления или несвоевременного представления административным ответчиком возражений в письменной форме и необходимых доказательств в назначенный судом срок, может повлечь наложение судебного штрафа, а не взыскание компенсации за потерю времени, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 150 ГПК РФ¹³.

Таким образом, активная роль суда не является просто декларативной установкой, провозглашенной в качестве принципа в п. 7 ст. 6 КАС РФ, она находит свое развитие в ряде процессуальных норм, а также проявляется на различных стадиях процесса, в том числе на стадии подготовки административного дела к судебному разбирательству.

Жукова Ю.А.,

доцент кафедры гражданского процесса Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература:

1. Административное судопроизводство. В 2 частях. Ч. 1. Подготовка, подача и рассмотрение иска / Л.Ф. Бадиков, Т.В. Богданова, В.А. Гуреев [и др.] ; под редакцией В.А. Гуреева. Москва : Редакция «Российской газеты». 2016.
2. Балашов А.Н. Активная роль суда в реализации задач административного судопроизводства / А.Н. Балашов // Администратор суда. 2017. № 2.
3. Гражданский процесс : учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова [и др.] ; под редакцией В.В. Молчанова. Москва : Статут, 2025.
4. Опалев Р.О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве : монография / Р.О. Опалев. Москва : Издательский дом «Городец», 2023.

¹³ См. Административное судопроизводство. Часть I. Подготовка, подача и рассмотрение иска / Л.Ф. Бадиков, Т.В. Богданова, В.А. Гуреев [и др.] ; под ред. В.А. Гуреева. Вып. 11. М. : Редакция «Российской газеты», 2016.

Принцип конфиденциальности в примирительных процедурах

Принцип конфиденциальности является одним из ключевых элементов примирительных процедур, направленных на создание условий для открытого и конструктивного диалога между конфликтующими сторонами. Его основная цель заключается в обеспечении безопасности и доверия, позволяющего участникам свободно делиться важной информацией без опасения ее неправомерного использования.

В российском законодательстве принцип конфиденциальности впервые был четко сформулирован в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», согласно положениям которого (ст. 6 названного Закона) стороны вправе определить объем ограничения распространения информации, связанной с судебным примирением.

Если стороны письменно не договорились об ином, информация, полученная участниками в ходе судебного примирения, является конфиденциальной.

В частности, стороны, судебный примиритель и иные лица, присутствовавшие при проведении судебного примирения, не вправе без письменного согласия обеих сторон ссылаться при рассмотрении дела в суде на мнения или предложения, высказанные одной из сторон в отношении возможного примирения; признания, сделанные одной из сторон в ходе процедуры; проявление готовности одной из сторон принять предложение о примирении, сделанное другой стороной; сведения, содержащиеся в документе, подготовленном исключительно для судебного примирения.

В ходе судебного примирения стороны вправе раскрыть информацию в той степени, которую сочтут необходимой для успешного урегулирования спора.

Вся информация, созданная или полученная в ходе судебного примирения, вне зависимости от формы носителя не подлежит разглашению или распространению участниками судебного примирения без письменного согласия сторон.

Информация о судебном примирении может быть использована для научно-исследовательских, образовательных или информационных целей при условии сохранения анонимности сторон.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» подчеркивается важность соблюдения конфиденциальности в контексте судебного

примирения, фактически дублируется норма ст. 6 в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ.

Таким образом, российское законодательство предоставляет сторонам значительную свободу действий относительно установления уровня конфиденциальности, однако одновременно обязывает соблюдать определенные нормы, направленные на предотвращение злоупотреблений и нарушений прав третьих лиц.

Практика показывает, что реализация принципа конфиденциальности имеет важное значение для успешной организации примирительных процедур. Во-первых, этот принцип создает условия для свободного обмена мнениями и предложениями между сторонами, что существенно повышает шансы на достижение компромисса. Во-вторых, гарантия конфиденциальности снижает риск утечки чувствительной информации, что защищает интересы сторон и укрепляет доверие друг к другу.

Однако стоит отметить, что несоблюдение принципа конфиденциальности может привести к серьезным последствиям. Например, нарушение обязательств по неразглашению информации может повлечь за собой привлечение виновных лиц к ответственности, вплоть до уголовной. Поэтому крайне важно обеспечить четкое понимание всеми участниками примирительного процесса требований, связанных с соблюдением конфиденциальности.

Несмотря на наличие нормативного регулирования, имеются некоторые сложности правопонимания, требующие дальнейшего совершенствования законодательства. Одной из таких проблем является недостаточная ясность формулировок, касающихся объема охраняемой информации. Хотя Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ указывает на конфиденциальность всей информации, относящейся к процедуре медиации, конкретные критерии отнесения информации к конфиденциальной остаются недостаточно определенными. Это вызывает трудности в применении закона на практике и порождает неопределенность у участников примирительных процедур.

Для обеспечения эффективного функционирования принципа конфиденциальности стороны могут самостоятельно определять границы его действия. Например, участники могут договориться о том, какие именно данные остаются закрытыми, а какие могут быть раскрыты третьим лицам. Такое определение границ поможет предотвратить возможные злоупотребления информацией и способствует доверию между сторонами.

В свою очередь, информация, полученная в ходе медиации, обычно фиксируется в виде записей или протоколов. Однако эти документы не предназначены для общего доступа и используются исключительно для целей примирения сторон. После окончания процедуры медиатор (судебный примиритель) обязан уничтожить любые записи, содержащие конфиденциаль-

ную информацию, чтобы исключить возможность случайного или намеренного разглашения.

Передача информации от одного участника другому возможна лишь с предварительного согласия первой стороны. Этот подход гарантирует, что каждая сторона контролирует распространение своих данных и предотвращает нежелательные последствия, связанные с несанкционированным доступом к конфиденциальной информации.

Другая проблема связана с отсутствием эффективных механизмов контроля за соблюдением принципа конфиденциальности. Несмотря на существование санкций за нарушения, механизмы их применения часто оказываются неэффективными, что снижает действенность самого принципа. Как следствие, необходимы дополнительные правовые инструменты, обеспечивающие своевременное выявление и пресечение нарушений конфиденциальности.

Более того, принцип конфиденциальности часто ограничен лишь самим процессом медиации и не охватывает последующие этапы исполнения достигнутых соглашений.

Современные тенденции и вызовы ставят перед институтом конфиденциальности серьезные задачи, решение которых потребует значительных изменений и адаптации.

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на организацию и проведение примирительных процедур. Онлайн-платформы позволяют проводить медиативные сессии удаленно, ускоряя процесс взаимодействия и снижая затраты времени и средств. Тем не менее цифровая среда создает дополнительные риски для конфиденциальности, такие как угрозы кибербезопасности и утечки информации.

К числу таких проблем следует отнести безопасность данных, обусловившую необходимость разработки надежных методов шифрования и защиты персональных данных участников примирительных процедур, а равно, создание нормативной базы, регулирующей использование цифровых инструментов в примирительных процедурах.

Практика рассмотрения Липецким районным судом Липецкой области гражданских дел показала, что участники переговоров положительно реагируют на предложение использовать онлайн-платформу для переговоров.

Так, при рассмотрении гражданского дела об оспаривании отцовства, освобождении от уплаты алиментов по предложению судьи стороны изъявили желание на проведение информационной встречи с медиатором. В судебном заседании был объявлен перерыв.

После согласования кандидатуры медиатора стороны обратились в аппарат суда с ходатайствами об оказании содействия в организации встречи с медиатором в формате веб-конференцсвязи.

Консультантом суда была проверена техническая возможность веб-конференц-связи, наличия возможности организации встречи с избранным сторонами медиатором, а также возможность обмена документами в виде электронных образов посредством электронной почты.

Встреча сторон с медиатором была организована через веб-конференц-связь в комнате примирения Липецкого районного суда Липецкой области. По итогам встречи сторон с медиатором, проведенной посредством технологии веб-конференц-связи, стороны достигли соглашения об отказе истца от исковых требований.

В целях соблюдения принципа конфиденциальности медиации у консультанта суда была отобрана подписка о неразглашении информации, ставшей известной в связи с его участием при проведении примирительной процедуры.

Исследование показало, что принцип конфиденциальности играет важную роль в примирительных процедурах, способствуя созданию атмосферы доверия и открытости, необходимой для успешного разрешения конфликтов. Анализ российского законодательства свидетельствует о наличии отправных положений, регламентирующих вопросы конфиденциальности, однако практика выявляет ряд недостатков, включая недостаток конкретики в определении объема охраняемых сведений и недостаточность механизмов контроля за соблюдением этого принципа. Для устранения этих пробелов предлагается уточнение перечня конфиденциальной информации, создание специализированных надзорных структур и повышение осведомленности участников о значении и последствиях нарушения конфиденциальности. С учетом современных тенденций цифровизации и глобализации необходимо развивать стандарт конфиденциальности, обеспечивать безопасность цифровой среды и повышать квалификацию специалистов в сфере медиации. Эти меры помогут укрепить институт конфиденциальности и сделать примирительные процедуры более эффективными инструментами разрешения споров.

Измалков А.В.,

судья Липецкого районного суда Липецкой области,
доцент кафедры гражданского права и процесса Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал),
кандидат юридических наук
(г. Липецк)

Процессуальные особенности оспаривания сделок должника в деле о банкротстве

Для начала необходимо определить вид судопроизводства по обособленному спору о признании сделки должника недействительной для целей определения способа защиты прав. Выделяются два вида судопроизводства и по характеру требования они делятся на исковое (спорное) и неисковое (бесспорное). Для искового судопроизводства, в отличие от неискового, характерно наличие спора о материальном праве. Суть неискового производства состоит в установлении судом бесспорных требований.

Предметом рассмотрения в рамках признания сделки недействительной является вопрос материального права относительно недействительности сделки должника, что указывает на факт наличия спора между сторонами, а значит, вид судопроизводства в данном случае — исковой. Ю.Д. Подольский отмечает, что рассмотрение обособленного спора происходит в порядке искового производства¹. Автор указывает, что термин «заявление» в качестве формы обращения в суд в рамках дела о банкротстве относим в первую очередь к заявлению о признании должника банкротом. Применительно же к обособленному спору, несмотря на сохранение той же терминологии формы обращения в суд, содержательно заявление по обособленному спору ничем не отличается от искового заявления и соответствует категории «иск»².

Далее необходимо перейти к рассмотрению определения понятия предмета заявления в рамках дела об оспаривании сделок должника в деле о банкротстве. Под предметом заявления понимается определенное требование заявителя к ответчику. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ³ в исковом заявлении должны быть указаны требования истца к ответчику со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты. И.В. Решетникова отмечает, что важно не смешивать понятия предмет иска и предмет спора, так как по каждому вещественному предмету могут предъявляться иски разного характера⁴.

В соответствии с п. 1 ст. 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)⁵ сделки, совершенные должником или дру-

¹ Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 60.

² Там же. С. 65.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁴ Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданский процесс. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 140.

⁵ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190. Далее — ЗоБ.

гими лицами за его счет могут быть признаны недействительными по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом РФ или ЗоБ, а значит, одним из возможных вариантов защиты прав является требование заявителя о признании сделки недействительной, следующим из возможных вариантов формулирования требования заявителя является требование, которое предусматривает и признании сделки недействительной, и применении последствий ее недействительности. Выбор возможных вариантов требования, которое составляет предмет заявления, зависит от воли заявителя не во всех случаях в силу разъяснений, содержащихся в п. 29 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»⁶, согласно которому, в случае если сделка, признанная недействительной в порядке главы III.1 ЗоБ, была исполнена должником и (или) другой стороной сделки, суд в резолютивной части определения о признании сделки недействительной указывает на применение последствий недействительности вне зависимости от того, было ли указано данное требование в заявлении. Мы видим, что автономия воли заявителя в рамках формирования предмета заявления ограничена в силу того, что отношения, складывающиеся в области банкротства, носят публичный характер.

Следующим элементом, составляющим предмет заявления, является сделка, подлежащая признанию недействительной.

Для определения места такого правового явления, как сделка, в системе юридических фактов обратимся к работе О.А. Красавчикова. О.А. Красавчиков разделял юридические факты на действия и события, действия, в свою очередь, делились на правомерные и неправомерные, среди правомерных выделялись юридические поступки и юридические акты, юридические акты подразделялись на судебные акты, акты государственных органов и сделки⁷.

Исходя из анализа приведенной системы юридических фактов, можно сделать вывод о том, что такое явление, как сделка, проявляется в правомерных действиях, которые являются выражением воли лица, направленных на определенное юридическое последствие, являющееся предметом интереса участника правоотношений. Такими юридическими последствиями являются возникновение, изменение, прекращение субъективных прав и обязанностей участника правоотношений в рамках имущественного оборота. Под обязательством понимается правоотношение, в рамках которого одно лицо вправе требовать от другого обязанного лица совершения определенного действия или воздержания от его совершения, данное понятие

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. №63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/ (дата обращения: 13.11.2025). Далее — ПП ВАС РФ №63.

⁷ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. С. 116–121.

обязательства прослеживается в работах М.М. Агаркова⁸, И.Б. Новицкого⁹, О.С. Иоффе¹⁰. В свою очередь, предметом обязательства является действие, к которому оно обязывает должника.

Далее считаем необходимым перейти к определению понятия сделки. Л. Эннекцерус определял сделку как «фактический состав, содержащий одно или несколько волеизъявлений, признанный правопорядком как основание для наступления правового результата, на который направлена воля лиц, совершающих волеизъявление»¹¹. Легальное определение понятия сделки, закреплено в ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации¹²: «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей».

При рассмотрении такого правового явления, как сделка, необходимо обратить внимание на такой признак сделки, как действительность. Условием действительности сделки является отсутствие пороков в рамках элементов сделки¹³. Переходя к элементам сделки, отметим, что состав сделки состоит из нескольких элементов, благодаря которым сделка будет отвечать условию действительности, среди данных элементов необходимо выделить: а) наличие управомоченного на совершение сделки субъекта правоотношений, б) соответствие воли волеизъявлению субъекта правоотношений, в) соответствие сделки определенной законом форме, г) соответствие сделки закону, основам правопорядка или нравственности¹⁴.

Так как сделка является правомерным действием, наличие определенных пороков в вышеперечисленных элементах будет влечь за собой неблагоприятные для субъектов правоотношений последствия недействительности сделки в форме ничтожности или оспоримости.

С понятием сделки тесным образом связано понятие договора, так как договор является дву- или многосторонней сделкой, О.А. Красавчиков отмечал, что «договором (сделкой) — именовать только то явление, о котором говорит ст. 26 ГК, т.е. действие, направленное на движение конкретного правоотношения»¹⁵, В.В. Витрянский, в свою очередь, отмечал, что «среди других сделок договор выделяется только одним признаком: он представляет собой

⁸ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 13.

⁹ Лунц Л.А., Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1950. С. 35.

¹⁰ Иоффе О.С. Обязательственное право. М. : Юридическая литература, 1975. С. 6.

¹¹ Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Том I, полутом 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1950. С. 109.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹³ Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1984. С. 116.

¹⁴ Суханов Е.А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 392.

¹⁵ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 117.

двух- или многостороннюю сделку, т.е. соглашение двух или более лиц. В этом качестве договор противостоит односторонним сделкам...»¹⁶.

Считаем необходимым обратить внимание на доктринальный подход, который расширяет понятие сделки, для этого обратимся к работе С.В. Сарбаша, а именно автор писал о том, что «исполнение — это сделка особого рода, так сказать, сделка второго уровня (или, как иногда не без основания указывают в литературе, «вторичная сделка»). Она всегда совершается во исполнение обязательства. Если последнее возникло из договора или иной сделки, то, следовательно, исполнение — вторая сделка. Если обязательство возникло по какому-либо другому основанию, то вспомогательная, «исполнительская сделка» — второй юридический факт, целью которого является прекращение обязательства, т.е. устранение последствий первого юридического факта»¹⁷. Указанная позиция, по своей сути, позволяет рассмотреть конструкцию любого договора через призму совокупности обязательств сторон, а исполнение договора признать сделкой, что, в свою очередь, позволяет предъявлять к исполнению определенные требования.

Перейдем к особенностям понятия сделки в рамках банкротства. Согласно п. 1 ст. 61.1 Зоб, в котором указан перечень действий, результатом которых является исполнение обязанностей и обязательств в различных сферах правоотношений.

Интересной представляется конкретизация данного перечня п. 1 ПП ВАС РФ №63. Даны конкретизирующие разъяснения относительно того, что оспариванию подлежат банковские операции, а также действия, направленные на списание банком денежных средств со счета клиента банка в счет погашения задолженности клиента перед банком или другими лицами, важно учесть, что сюда относятся и факты безакцептного списания денежных средств, помимо этого, могут быть оспорены действия по выплате заработной платы, премий, соглашение о разделе общего имущества супругов, действия по уплате налогов и таможенных платежей, действия по исполнению судебного акта, в том числе определение об утверждении мирового соглашения и др. К тому же необходимо обратить внимание на факт того, что в п. 2 ПП ВАС № 63 указывается на возможность признания недействительными сделок, совершенных не должником, а другими лицами за его счет, а в частности, сделанное кредитором должника заявление о зачете, действия по оставлению за собой взыскателем в исполнительном производстве имущества должника или залогодержателем предмета залога и др.

Необходимо отметить, что в доктрине выделяют ряд критериев, которые позволяют признать целесообразным оспаривание юридических актов при банкротстве должника, так, А.Х. Гольмстен обращал внимание на то,

¹⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2001. С. 13.

¹⁷ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 51.

что предметом опровержения, во-первых, могут быть лишь те акты, предметом которых является имущество, способное быть объектом взыскания, и, во-вторых, те акты, в результате которых происходит умаление имущества должника и соответственное увеличение имущества третьего лица¹⁸. Выделенные А.Х. Гольмстеном критерии предмета опровержения направлены на эффективную защиту имущественных прав кредиторов, потому что позволяют наиболее обоснованно выявить и оспорить те юридические акты, которые с наибольшей долей вероятности приведут к пополнению конкурсной массы должника.

Однако открытым остается вопрос относительно возможности оспаривания бездействия должника в деле о банкротстве. Необходимо дать определение понятию бездействия. В рамках доктрины под ним понимается воздержание субъекта от действия, влекущее возникновение, изменение, прекращение прав и обязанностей, данная точка зрения прослеживается в работах таких авторов, как Д.Д. Гримм¹⁹, Л. Эннекцерус²⁰, М.М. Агарков²¹, О.С. Иоффе²².

Сравнивая понятия действия и бездействия, можно заметить их сходство, которое заключается в правовых последствиях, а именно, бездействие, равно как и действие субъекта правоотношений, может повлечь за собой возникновение, изменение, прекращение субъективных прав и обязанностей. Однако принята позиция, согласно которой в рамках банкротства возможным является оспаривание исключительно активных действий должника — сделок, а также действий, направленных на их исполнение. В.Ю. Калугин критически относится к оспариванию бездействия должника, основывая позицию на том, что бездействие является событием, а не проявлением воли субъекта²³.

Обратим внимание на то, что в плоскости материальных правоотношений противоправное бездействие должника может выражаться в заключении договора посредством молчаливого акцепта оферты. Согласно п. 3 ст. 158 ГК РФ молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон. Соответственно, бездействие может являться причиной правовых последствий, которые могут негативно отразиться на имущественном состоянии должника.

¹⁸ Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. М.: Издание книг.ком, 2019. С. 92–93.

¹⁹ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под. редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 59.

²⁰ Эннекцерус Л. Указ. соч. С. 79.

²¹ Агарков М.М. Указ. соч. С. 33.

²² Иоффе О.С. Указ. соч. С. 109, 110–111.

²³ Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 46.

Среди указанных в законе случаев, при которых молчание признается согласием на заключение сделки, интерес представляет п. 3 ст. 995 ГК РФ, согласно которому, если комиссионер купил имущество по цене выше согласованной комитентом, то комитент, не желающий принять такую покупку, обязан заявить об этом комитенту в разумный срок по получении от него извещения о заключении сделки с третьим лицом. В противном случае покупка признается принятой комитентом. В данном случае должник, выступающий комитентом в данных правоотношениях, может путем бездействия выразить согласие на принятие имущества, цена которого является существенно завышенной, что, соответственно, причинит вред правам кредиторов. При указанных обстоятельствах защита прав кредиторов возможна путем оспаривания бездействия должника, которое выражается в отсутствии направления комиссионеру заявления о несогласии с принятием имущества по обозначенной им цене, т.е. в данном случае оспаривается само исполнение по договору комиссии, так как именно оно посредством бездействия должника привело к нарушению прав кредиторов. Защита прав кредиторов в данном случае возможна путем оспаривания бездействия должника.

На наш взгляд, расширение круга действий, обладающих правовыми последствиями, которые подпадают под понятие сделок в рамках банкротства, необходимо для наиболее эффективной защиты прав участников правоотношений в области банкротства.

Таким образом, предметом заявления об оспаривании сделки должника в деле о банкротстве является требование о признании сделки недействительной и (или) применении последствий ее недействительности. В случае если сделка была исполнена одной из сторон, заявитель ограничен в выборе вариации требования, составляющего предмет заявления. Особенности сделок в рамках банкротства выражены в расширении круга действий, относимых к данному понятию, а также в том, что сделкой в рамках банкротства может быть признано бездействие лица, так как оно также может повлечь за собой правовые последствия, которые могут нарушить права кредиторов должника.

Илларионов В.С.,

аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского
процесса юридического факультета
Казанского (приволжского) федерального университета
(Республика Татарстан, г. Казань)

Литература:

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3 / М.М. Агарков. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940.
2. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / А.Х. Гольмстен ; под редакцией А.Г. Смирных. Москва : Издание книг.ком, 2019.

3. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм ; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. Москва : Зерцало-М, 2003.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. Москва : Юридическая литература, 1975.
5. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. Москва : Юридическая литература, 1984.
6. Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : диссертация кандидата юридических наук / В.Ю. Калугин. Екатеринбург, 2024.
7. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. Москва : Госюриздат, 1958.
8. Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве / Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий. Москва : Госюриздат, 1950.
9. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве) : диссертация кандидата юридических наук / Ю.Д. Подольский. Екатеринбург, 2018.
10. Решетникова И.В. Гражданский процесс / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2016.
11. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства / С.В. Сарбаш. Москва : Статут, 2005.
12. Суханов Е.А. Гражданское право : учебник. В 4 томах. Т. 1 / Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. Москва : Статут, 2019.
13. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1, полутом 2. Введение и общая часть / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф ; перевод с 13-го немецкого издания К.А. Граве [и др.] ; под редакцией, с предисловием и вводными замечаниями Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. Москва : Издательство иностранной литературы, 1950.

Выявление фактического состава правоотношения как элемента механизма определения предмета доказывания

Выявление фактического состава правоотношения представляется правильным анализировать как элемент механизма определения предмета доказывания с учетом его динамики, а также ошибок в определении фактического состава¹.

В литературе впервые на рассмотрение фактического состава как предмета доказывания в рамках искового производства было указано М.К. Треушниковым².

В качестве оснований классификации рассматриваются структурные, функциональные, содержательные и иные признаки; подразделение фактических составов по степени их завершенности; признак структурной сложности и др.³

Фактический состав правоотношения как элемент механизма определения предмета доказывания представляет собой совокупность юридических фактов, закрепленных в гипотезе и диспозиции (диспозиции) нормы права, при наступлении которых норма вступает в действие, юридические права и обязанности наступают у субъектов правоотношения.

Критерии дифференциации фактических составов в аспекте механизма определения предмета доказывания образуют систему, фактические составы дифференцируются по следующим основаниям: а) по характеру и правовому значению фактов; б) по функции факта в фактическом составе; в) по характеру связи с исковыми требованиями; г) по степени конкретизации фактов.

Для надлежащего функционирования механизма определения предмета доказывания имеет значение классификация фактов:

- а) по характеру и правовому значению:
 - юридические составы, имеющие материально-правовое значение (влекущие материально-правовые последствия);
 - юридические составы, имеющие процессуально-правовое значение (влекущие процессуально-правовые последствия);
 - юридические составы, имеющие смешанное значение (влекущие как материально-правовое, так и процессуально-правовое значение);
- б) по функции фактического состава:
 - правопроизводящие, правоизменяющие, правопрекращающие, правопрепятствующие фактические составы;

¹ Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. С. 28–30; Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе. М. : Издательский Дом «Городец», 2025. С. 126–140.

² Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2021. С. 25.

³ Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 22.

в) по характеру связи с исковыми требованиями:

— фактические составы основания иска (основания требования) и фактические составы возражений (основания возражений);

г) по степени конкретизации:

— определенные, относительно-определенные, ситуационные фактические составы;

д) по признаку структурной сложности:

— фактические составы с независимым накоплением всех элементов; с последовательным накоплением элементов; составы, для построения которых применены различные структурные принципы;

е) по степени завершенности:

— завершенные и незавершенные фактические составы⁴.

Для рассмотрения фактического состава правоотношения как элемента механизма определения предмета доказывания имеют значение классификация фактических составов по юридическим функциям, степени конкретизации, по признаку структурной сложности, по степени завершенности.

В аспекте механизма определения предмета доказывания имеет значение классификация фактических составов на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие составы. Поскольку в исковом производстве фактическое основание иска образует совокупность фактических обстоятельств, при условии которых норма права вступает в действие, а также юридические права и обязанности, возникающие у субъектов. Фактический состав — основание иска может быть закреплён в зависимости от вида нормы либо в гипотезе и диспозиции нормы, либо в диспозиции нормы права.

Выделение индивидуально-определяемых фактов, а также составов с элементом-конкретизатором, поскольку материальное право изобилует ситуационными нормами, определяющими сложность установления обстоятельств предмета доказывания, имеет значение в аспекте механизма определения предмета доказывания, так как наглядно демонстрирует механизм конкретизирующей деятельности суда исходя из возможностей конкретизации различных структурных элементов нормы (гипотезы и диспозиции либо и того и другого — фактической предпосылки и правовых последствий либо того и другого) либо по объёму конкретизации (с альтернативной, факультативной, ситуационной конкретизацией, которая связана с делением юридических норм по степени определенности на альтернативные, факультативные и ситуационные нормы).

Отметим важное прикладное и теоретическое значение классификации фактических составов с элементом-конкретизатором по направлению конкретизации. Данное деление юридических составов корреспондирует трем основным формам индивидуального регулирования — конкретизации:

⁴ Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. С. 28–30; Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе. М.: Издательский Дом «Городец», 2025. С. 141–163.

а) гипотезы нормы; б) конкретизации диспозиции (санкции); в) одновременной конкретизации гипотезы и диспозиции (санкции) нормы⁵.

Представляется правильным обратить внимание на значимость классификации юридических составов с элементом-конкретизатором по объему конкретизации на фактические составы: с альтернативной конкретизацией; с факультативной конкретизацией; с ситуационной конкретизацией. Данная классификация корреспондирует делению норм права по степени определенности на альтернативные, факультативные и ситуационные нормы. Объем конкретизации фактического состава предопределяется степенью определенности правовой нормы.

Представляется правильным прийти к выводу, что в процессуальном законодательстве необходимо закрепить предмет доказывания и механизм его определения с учетом наличия в материальном праве индивидуально-определяемых фактов, а также составов с элементом-конкретизатором, которые предопределяют разработку механизма определения предмета доказывания с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Механизм определения предмета доказывания включает в себя общие и частные правила определения предмета доказывания. В качестве общего правила определения предмета доказывания целесообразно установить положение, согласно которому суд обязан определить предмет доказывания с учетом подлежащих применению норм материального и процессуального права исходя из оснований требований и возражений лиц, участвующих в деле, и обстоятельств, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. Указанное правило охватывает исковое производство, производство, возникающее из административных и иных публичных правоотношений по АПК РФ, производство по отдельным категориям административных дел по КАС РФ, особое производство. В исковом производстве предмет доказывания определяется с учетом применимой нормы материального и процессуального права к спорным правоотношениям, оснований иска и возражений против него, и обстоятельств, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле.

Частные правила определения предмета доказывания установлены для определения обстоятельств локального предмета доказывания.

Анализируя оценку завершенности фактического состава правоотношения как предмета доказывания в гражданском процессе, нами констатируется, что классификация составов по признаку структурной сложности и по степени завершенности предопределяет оценку завершенности фактического состава.

Классификация составов по признаку структурной сложности имеет значение для правильного и полного накопления фактов предмета доказывания, когда установлены не все обстоятельства либо нарушен порядок в по-

⁵ Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 30–31.

следовательности их установления, данные нарушения ведут к неполному либо неправильно установлению обстоятельств предмета доказывания.

Отметим, что классификация фактических составов по степени завершенности позволяет суду сравнить установленный либо неполно установленный состав с его юридической моделью и сделать правильный логический вывод о завершенности накопления фактического состава и о правовых последствиях, ошибка при этом ведет к несоответствию выводов суда действительным обстоятельствам дела.

Динамика фактического состава обстоятельств предмета доказывания как правило связана с изменением основания или предмета иска, предъявлением встречного иска, уточнением требований и возражений, увеличением, уменьшением требований.

Нарушение в фактическом составе может привести к приданию юридического значения факту, такого значения не имеющему; установлению фактов, не имеющих юридического значения, но приданию им таковой силы посредством осуществления конкретизирующей деятельности, применения аналогии закона и аналогии права, в порядке субсидиарного применения норм; ошибке в определении как искомых, так и доказательственных фактов. Указанные ошибки всегда юридически значимы и всегда существенны, связаны с нарушением требований законности и обоснованности и влекут отмену судебного акта. Исключение составляют факультативные обстоятельства предмета доказывания, на их факультативное значение указывается в законе⁶.

Нахова Е.А.,

профессор кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
Саратовской государственной юридической академии;
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук
(г. Санкт-Петербург)

Литература:

1. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков ; научный редактор С.С. Алексеев. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1980.
2. Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе : диссертация доктора юридических наук / Е.А. Нахова. Саратов, 2024.
3. Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе : монография / Е.А. Нахова. Москва : Издательский Дом «Городец», 2025.
4. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. 5-е изд., доп. Москва : Издательский Дом «Городец», 2021.

⁶ Нахова Е.А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе. М. : Издательский Дом «Городец», 2025. С. 163–164.

О некоторых проблемах структуры нового Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь

Значительным новшеством Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС), который с 1 января 2026 г. заменит собой ныне действующие Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ХПК), является присутствие в нем формального деления на Общую и Особенную части. Общая часть КГС предназначена для закрепления норм, являющихся по сфере своего действия общими для всего гражданского судопроизводства (всех его видов и стадий), а Особенная часть КГС — для отражения норм, имеющих гораздо более узкий предмет регулирования. В целом структура Особенной части КГС демонстрирует стремление законодателя усовершенствовать регулирование процессуальных отношений во всех видах и на всех стадиях гражданского судопроизводства. Вместе с тем в данной области имеется немало нерешенных проблем, и эти проблемы в отечественной литературе, посвященной КГС¹ [1–5], должного освещения не получили.

Нахождение процессуальных норм в Особенности части КГС само по себе еще не означает того, что эти нормы не могут иметь общего характера, т.е. охватывать предметом своего регулирования достаточно обширный

¹ Алещенко А.В. Производство в суде первой инстанции: некоторые положения проекта Кодекса гражданского судопроизводства / А.В. Алещенко // Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации : сб. ст. секций гражд. процесса и труд. права по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящен. 100-летию каф. гражд. права и процесса Белорус. гос. ун-та (19–20 окт. 2022 г., Минск) / под ред.: О.Н. Романовой, И.Н. Колядко. Минск, 2023. С. 3–12. Деп. в Белорус. гос. ун-те 10.04.2023 № 003110042023; Забара А.А. О едином Гражданском процессуальном кодексе / А.А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н.Г. Юркевича (Минск, 20–21 апр. 2018 г.) / редкол.: О.Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 454–459; Кирвель И.Ю. Изменения в системе белорусского права в связи с принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / И.Ю. Кирвель // Теория и практика правового регулирования общественных отношений: проблемы и перспективы взаимодействия : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2025. С. 215–219; Колядко И.Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства / И.Н. Колядко // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Вып.6. Гродно, 2021. С. 302–309; Король Э.Л. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь как нормативная основа повышения эффективности работы суда первой инстанции / Э.Л. Король // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Вып. 9. Гродно, 2024. С. 321–332.

круг типичных общественных отношений в сфере гражданского судопроизводства. Общие нормы в Особенности части КГС не только могут, но и должны быть. Просто широта предмета регулирования общих норм, относящихся к Особенности части КГС, значительным, а порой и кардинальным образом отличается от широты предмета регулирования норм, получивших «прописку» в Общей части КГС (последнего рода нормы по диапазону своего действия таковы, что применимы во всех видах производств, на всех стадиях процесса и к любым гражданским делам, в то время как действие общих норм Особенной части КГС ограничивается только какими-то отдельными стадиями (и даже этапами стадий) процесса и (или) видами производств, а также распространяется не на все, а лишь на некоторые гражданские дела). В таких условиях задача законодателя состоит в том, чтобы для каждого отдельного структурного элемента Особенной части КГС (раздела, подраздела, главы и т.д.) выявить соответствующие общие нормы и отмежевать их (путем объединения их в какой-то отдельный структурный компонент) от особенных или специальных норм (т.е. норм, имеющих значительно более узкую сферу действия), тем самым показав логические и системные взаимосвязи между теми и другими. Вместе с тем анализ Особенной части КГС показывает, что решить указанную задачу в полной мере не удалось.

Например, подраздел 1 «Исковое производство» КГС состоит из семи глав: гл. 24 «Возбуждение производства по делу», гл. 25 «Подготовка дела к судебному разбирательству», гл. 26 «Судебное разбирательство», гл. 27 «Судебные постановления суда первой инстанции», гл. 28 «Производство по коллективному исковому заявлению», гл. 29 «Заочное производство» и гл. 30 «Упрощенное производство». Подобное структурирование подраздела 1 КГС (когда главы следуют друг за другом без их разбивки на группы и помещения каждой такой группы глав в отдельный структурный элемент КГС более высокого уровня, чем глава) наводит на мысль, что предметы регулирования у всех перечисленных глав равнозначны (однотипны, соизмеримы). Однако в действительности это не так. Во-первых, гл. 24–27 КГС посвящены общим правилам искового производства (т.е. закрепляют нормы общего характера), в то время как гл. 28–30 КГС регулируют отдельные (специфические) исковые процедуры (т.е. включают нормы специального, узконаправленного плана). Во-вторых, если каждая из гл. 24–27 КГС отведена только какой-то одной стадии исковой процедуры, то главы 28–30 КГС регулируют предусмотренные ими исковые процедуры целиком, в объеме всех имеющихся в них стадий.

Из сказанного следует, что в подразделе 1 КГС гл. 24–27 требуется объединить в структурный элемент под названием «Общие правила искового производства», а гл. 28–30 — в структурный элемент под наименованием «Отдельные исковые процедуры». Кроме того, подраздел 1 КГС нужно дополнить еще двумя аналогичного рода (т.е. уровня выше главы) структурными элементами с названиями «Меры по обеспечению иска» (данный структурный элемент должен вобрать в себя нормативный материал из гл. 19 «Обеспечительные

меры» КГС) и «Примирение по исковым делам» (этот структурный элемент должен включать в себя содержание гл. 20 «Примирение в судопроизводстве» КГС), потому что, как нами уже было подробно обосновано², положения гл. 19 и 20 КГС имеют отношение преимущественно лишь к исковому производству, а потому не могут находиться в Общей части КГС (предлагаемый нами подход отнюдь не исключает возможности применения в отдельных неисковых производствах (в частности, в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений) некоторых правил об обеспечительных мерах и о способах примирения; такое применение возможно организовать путем закрепления в структурных элементах КГС, посвященных неисковому производству, или прямого указания на допустимость использования соответствующих исковых норм, или же самих этих исковых норм, трансформированных под специфику конкретного неискового производства; характерно, что КГС демонстрирует в подразделе 3 «Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» реализацию именно второго подхода — мы имеем в виду наличие в данном подразделе ст. 357 «Применение обеспечительных мер по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» и ст. 358 «Переговоры сторон по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений»; собственно, сам факт существования ст. 357, 358 КГС является только дополнительным подтверждением того, что никакой потребности в присутствии в Общей части КГС норм гл. 19 и 20 нет).

Правда, возникает вопрос, как следует обозначать те новые (более крупные по уровню, нежели глава) структурные элементы, которые мы предлагаем выделить в подразделе 1 КГС. Обращение к положениям гл. 3 «Структура акта, его структурные элементы и их оформление» приложения «Требования нормотворческой техники» к Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон о НПА) показывает, что структурными элементами нормативного правового акта являются: преамбула, части (Общая и Особенная), разделы, подразделы, главы, параграфы, статьи, пункты, подпункты, части, абзацы, а в отдельных случаях также позиции и подстрочные примечания. Как видно, промежуточного структурного элемента между подразделом и главой нет. С одной стороны, проблема могла бы быть решена за счет введения (учреждения) такого нового структурного элемента, его можно было бы назвать, например, «секция». Однако, с другой стороны, стоит задуматься над тем, а насколько в целом распределение

² Скобелев В.П. Концептуальные вопросы структурирования Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (в контексте структуры ГПК и ХПК) / В.П. Скобелев // Белорусская правовая наука: к 100-летию юридического факультета Белорусского государственного университета: сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2025. С. 502–505; Скобелев В.П. К вопросу о структуре и содержании Общей части Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / В.П. Скобелев // Право.by. 2025. № 2. С. 83–84.

нормативного материала в Особенной части КГС по подразделам и разделам является обоснованным и рациональным.

Подраздел 1 «Исковое производство» входит в раздел VI «Производство в суде первой инстанции» Особенной части КГС. Выделение в Особенной части КГС раздела с таким содержанием обусловлено, видимо, существованием в Особенной части КГС другого раздела — раздела VIII «Производство по пересмотру судебных постановлений». Ведь коль скоро в Особенной части КГС есть раздел, посвященный пересмотру судебных постановлений, то по логике вещей в ней должен быть и раздел, регулирующий разбирательство гражданских дел по существу в суде первой инстанции. Вместе с тем при этом не было учтено, что порядок рассмотрения дел по первой инстанции, в отличие от порядка пересмотра судебных постановлений, отличается крайним разнообразием (ввиду большого числа видов производств, по правилам которых судами первой инстанции рассматриваются гражданские дела, и еще большего количества разновидностей процедур, имеющих внутри каждого вида производства). По этой причине раздел VI КГС, по сравнению с разделом VIII КГС, оказался перегружен нормативным материалом: если раздел VIII КГС насчитывает всего 80 с небольшим статей (ст. с 555 по 636), то в разделе VI КГС статей в 3 с лишним раза больше (ст. с 238 по 502).

В результате для систематизации нормативного материала в разделе VI КГС законодателю пришлось использовать не только такие традиционные для процессуальных кодексов структурные элементы, как статьи, параграфы и главы (главы, составляющие содержание разделов ГПК и ХПК, делятся на статьи, а некоторые из глав ГПК — также на параграфы), но и совершенно новый структурный элемент — подраздел (подобный структурный элемент не известен ни ГПК, ни ХПК, а в КГС встречается лишь в разделе VI). Но даже применение подразделов не позволило добиться при кодификации в полной мере удовлетворительного эффекта. Как было показано выше, в разделе VI КГС (в частности, в его первом подразделе) общие и специальные (особенные) нормы не отмежеваны должным образом друг от друга, а один и тот же структурный элемент (глава) используется как для регулирования судебных процедур в целом, так и регламентации только каких-то отдельных их стадий. Кроме того, структурирование Особенной части КГС внесло еще большую неопределенность в вопрос о правовой природе норм раздела VII «Международный гражданский процесс» КГС. Так, размещение раздела VII КГС между разделом VI «Производство в суде первой инстанции» КГС и разделом VIII «Производство по пересмотру судебных постановлений» КГС дает формальный повод считать, что нормы о международном гражданском процессе не имеют отношения ни к рассмотрению судами гражданских дел по первой инстанции, ни к пересмотру судебных постановлений.

Видимо, при систематизации нормативного материала в Особенной части КГС следовало придерживаться какого-то другого подхода. Думается, что разработчикам КГС не стоило стремиться во что бы то ни стало «впих-

нать» все нормы, имеющие отношение к рассмотрению судами гражданских дел по первой инстанции, в раздел, с которого начинается Особенная часть КГС, т.е. в раздел VI КГС. Полагаем, что правила о разбирательстве дел по первой инстанции вполне могли бы (мы бы даже сказали, должны были бы) быть распределены по нескольким разделам Особенной части КГС, а именно каждый такой раздел мог быть отведен одному или нескольким видам гражданского судопроизводства, как это сделано в особенной части ГПК (формально в ГПК особенная, равно как и общая части не выделены, однако фактически о наличии их в ГПК можно говорить: общей части ГПК соответствуют разделы I–V, а особенной — разделы VI–X). Так, в ГПК первый раздел особенной части посвящен исковому производству (раздел VI «Исковое производство в суде первой», второй — неисковым производствам (раздел VII «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Особое производство. Приказное производство в суде первой инстанции») и только затем идет раздел, касающийся пересмотра судебных постановлений (раздел VIII «Производство дел в апелляционном порядке и в порядке надзора. Производство по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам»).

Изложенное позволяет заключить, что было бы гораздо более правильно, если бы присутствующие в Особенной части КГС подразделы в действительности являлись разделами и структура Особенной части КГС на этом ее отрезке имела бы такой вид: раздел VI «Исковое производство», раздел VII «Приказное производство» (правда, правилам приказного производства более правильно было бы не отводить отдельный раздел, а поместить эти правила в раздел «Исковое производство» и, в частности, в его главу, посвященную отдельным исковым процедурам), раздел VIII «Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», раздел IX «Особое производство. Восстановление утраченного судебного производства», раздел X «Иные виды производств». Подразделы же могли бы выделяться в предложенных нами разделах при наличии в том объективной необходимости. Представляется, что такая необходимость существовала бы прежде всего в отношении раздела VI «Исковое производство», который мог бы включать подраздел 1 «Общие правила искового производства», подраздел 2 «Отдельные иски и процедуры», подраздел 3 «Меры по обеспечению иска» и подраздел 4 «Примирение по исковым делам». Не исключаем возможности выделения в данном разделе и подраздела 5 «Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий исковых дел» (в данный подраздел прежде всего стоило бы перенести нормы об особенностях разбирательства дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа (гл. 54 КГС), а также дел о взыскании алиментов в международном порядке (ст. 544, 546, 547 КГС), поскольку, как будет показано далее, эти нормы в разделе, посвященном международному гражданскому процессу, находиться не должны).

Что касается глав, то их набор в каждом из предлагаемых нами подразделов раздела VI «Исковое производство» мог бы быть таким. Подраздел 1 «Общие правила искового производства» было бы целесообразно структурировать на четыре главы, соответствующие нынешним гл. 24–27 КГС, а подраздел 2 «Отдельные исковые процедуры» — на три главы, соответствующие нынешним гл. 28–30 КГС. Подраздел 3 «Меры по обеспечению иска» и подраздел 4 «Примирение по исковым делам», на первый взгляд, могут состоять только из одной главы, поскольку в этих подразделах должны были бы найти свое закрепление положения соответственно гл. 19 «Обеспечительные меры» КГС и гл. 20 «Примирение в гражданском судопроизводстве» КГС. Вместе с тем есть все предпосылки для того, чтобы сделать структуру подразделов 3 и 4 более развернутой. Например, подраздел 3 мог бы включать главу «Общие положения» (ее содержание составили бы статьи, аналогичные нынешним ст. 156, 158 КГС; нормам же ст. 157 КГС место вообще в совсем другом структурном элементе КГС — том, который посвящен санкционированию принудительного исполнения международных медиативных соглашений, в настоящее время таковым структурным элементом является гл. 52 КГС³) и главу «Порядок применения, замены, изменения и отмены мер по обеспечению иска» (она вобрала бы в себя статьи, соответствующие нынешним ст. 159–164 КГС). Еще больше оснований сделать развернутой структуру подраздела 4: помимо главы «Общие положения» (которая бы закрепляла и развивала предписания нынешней ст. 165 КГС) в ней стоило бы также предусмотреть отдельные главы, посвященные каждому из способов примирения в судопроизводстве, — мировому соглашению, урегулированию споров путем переговоров сторон при содействии их адвокатов, примирительной процедуре, медиации (помимо всего прочего, это позволило бы сделать регулирование примирительных механизмов более подробным и тем самым устранить многие из тех пробелов, которыми в настоящее время страдает гл. 20 КГС⁴).

Скобелев В.П.,
заместитель декана по учебной работе и образовательным
инновациям юридического факультета Белорусского
государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Республика Беларусь, г. Минск)

³ Скобелев В.П. Концептуальные вопросы структурирования Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (в контексте структуры ГПК и ХПК) / В.П. Скобелев // Белорусская правовая наука: к 100-летию юридического факультета Белорусского государственного университета : сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2025. С. 505.

⁴ Скобелев В.П. Медиация в проекте Кодекса гражданского судопроизводства: о проблемных вопросах / В.П. Скобелев // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 3. С. 51–64; Скобелев В.П. О некоторых вопросах примирения сторон по проекту Кодекса гражданского судопроизводства / В.П. Скобелев // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Вып. 7. Гродно : ГрГУ, 2022. С. 302–314.

Литература:

1. Алещенко А.В. Производство в суде первой инстанции: некоторые положения проекта Кодекса гражданского судопроизводства / А.В. Алещенко // Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации : сборник статей секций гражданского процесса и трудового права по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию кафедры гражданского права и процесса БГУ (г. Минск, 19–20 октября 2022 г.) / под редакцией О.Н. Романовой, И.Н. Колядко. Минск : БГУ, 2023.
2. Забара А.А. О едином Гражданском процессуальном кодексе / А.А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича (г. Минск, 20–21 апреля 2018 г.) : тезисы докладов / члены редакционной коллегии: С.А. Балашенко, В.С. Каменков, И.Н. Колядко [и др.] ; ответственный редактор О.Н. Здрок. Минск : Белорусский государственный университет, 2018.
3. Кирвель И.Ю. Изменения в системе белорусского права в связи с принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / И.Ю. Кирвель // Теория и практика правового регулирования общественных отношений: проблемы и перспективы взаимодействия : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: А.М. Вартанян, Л.Я. Абрамчик, Р.Н. Ключко [и др.] ; главный редактор С.Е. Чебуранова. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2025.
4. Колядко И.Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства / И.Н. Колядко // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей. Вып. 6 / главный редактор И.Э. Мартыненко. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2021.
5. Король Э.Л. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь как нормативная основа повышения эффективности работы суда первой инстанции / Э.Л. Король // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей. Вып. 9 / главный редактор И.Э. Мартыненко. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2024.
6. Скобелев В.П. К вопросу о структуре и содержании Общей части Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / В.П. Скобелев // Право.by. 2025. № 2.
7. Скобелев В.П. О целесообразности закрепления в Кодексе гражданского судопроизводства нового вида пределов апелляционной проверочной деятельности / В.П. Скобелев // Университетская правовая наука и юридическое образование : к 100-летию юридического факультета Белорусского государственного университета : материалы Белорусского научно-образовательного конгресса (г. Минск, 20–23 октября 2025 г.) : сборник научных статей / главный редактор А.В. Шидловский. Минск : БГУ, 2025.
8. Скобелев В.П. Медиация в проекте Кодекса гражданского судопроизводства: о проблемных вопросах / В.П. Скобелев // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 3.
9. Скобелев В.П. О некоторых вопросах примирения сторон по проекту Кодекса гражданского судопроизводства / В.П. Скобелев // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей. Вып. 7 / ответственный редактор И.Э. Мартыненко. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2022.

Совершенствование правового статуса цифровой валюты и ее оборота в России: вызовы и решения в 2025 году

В России, как и в большинстве развитых и развивающихся правовопорядков, за последние годы наблюдается экспоненциальный рост интереса к цифровой валюте и степени вовлеченности участников гражданского оборота в операции с цифровой валютой и иными видами цифровых активов, в связи с чем неоднократно предпринимались попытки нормативного урегулирования соответствующей сферы, которые, однако, нельзя признать ни системными, ни достаточными для формирования устойчивого правового режима. На этом фоне сохраняется объективная потребность в доктринальном осмыслении феномена цифровой валюты как объекта прав и выработке целостного, внутренне согласованного механизма правового регулирования ее оборота.

Даже после существенных изменений законодательства, реализованных в 2024 г. и затронувших регулирование цифровой валюты, в частности майнинг, в отечественном регуляторном подходе остается ряд фундаментальных пробелов и противоречий¹, которые препятствуют не только развитию легального оборота цифровой валюты², но и достижению заявленных государством целей по обеспечению экономического суверенитета, укреплению финансовой стабильности и стимулированию развития цифровой экономики, эффективного налогообложения.

Потому настоящей работой мы стремимся, во-первых, акцентировать внимание юридического сообщества на ключевые недостатки действующего определения цифровой валюты, закрепленного в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА и ЦВ), а во-вторых, предложить варианты совершенствования как самого определения, так и режима допустимого использования цифровой валюты в отечественном гражданском обороте.

Отправной точкой нашего краткого исследования становится анализ нормативно закрепленного определения цифровой валюты, содержащегося в ч. 3 ст. 1 ФЗ о ЦФА и ЦВ. В соответствии с данной нормой цифровой валютой

¹ Янковский Р.М. Что меняет новый Закон о майнинге? // Закон. 2024. № 9. С. 120.

² Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 105.

признается «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства либо международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, при отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

На первый взгляд данное определение воспроизводит ряд ключевых признаков, характерных для классической децентрализованной цифровой валюты, в доктрине и международной практике обычно именуемой криптовалютой³, как объекта экономических отношений. Оно указывает на цифровую форму существования, функциональное назначение (средство платежа и (или) инвестиционный актив) и отсутствие традиционного эмитента или иного центра ответственности, несущего обязательства перед обладателями.

Но уже как минимум техническая часть определения, описывающая цифровую валюту как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе», хотя и не содержит в себе ошибки, видится чрезмерно расплывчатым для эффективного применения и отграничения цифровой валюты от любых других сущностей цифровой среды. Ведь эта формулировка может быть применена к любой информации, содержащейся в цифровой информационной системе, предопределяя ее статус как цифровой валюты исключительно экономическим назначением и определенным правовым статусом оперирующих ею субъектов, без ценза к ее технической организации. То есть, пользуясь известным методом «доведения до абсурда» (лат. *reductio ad absurdum*), существующее определение цифровой валюты можно определить даже к электронным письмам в конкретном почтовом сервисе или сообщениям в мессенджере, что отнюдь не соответствуют ни целям законодателя, стремившегося создать регулирование для значительно четче определенного класса объектов, ни потребностям гражданского оборота.

Еще сильнее этого стройность конструкции определения нарушается включением указания на обязанность «оператора и (или) узлов информационной системы».

Подобный подход может быть признан приемлемым для централизованных цифровых валют, где действительно существует оператор, осуществляющий администрирование системы, а также для отдельных видов децен-

³ Егорова М.А. Понятие криптовалюты в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152).

трализованных цифровых валют, эмиссия которых обеспечивается иными активами (стейблкоины). В то же время для классических децентрализованных криптовалют (Bitcoin, Ethereum и др.) принципиально отсутствует единый оператор, обладающий властными полномочиями по отношению к участникам системы.

Более того, некорректным представляется закрепление какой-либо «обязанности» узлов (валидаторов) блокчейн-сети перед обладателями единиц криптовалюты. Узлы так же, как и иные участники сети, связаны исключительно протоколом и не обладают какой-либо специальной возможностью произвольно выходить за пределы алгоритма его функционирования просто в силу своего статуса узла. Тогда как любые попытки вредоносного воздействия на информационную систему (например, изменение записей в блокчейне в целях присвоения чужих единиц криптовалюты) не связаны с наличием или отсутствием у лица статуса узла (валидатора)⁴.

В этой связи представляется уместным вспомнить тезис Л. Лессига о том, что «код есть закон»⁵: архитектура протокола блокчейна в рамках информационной системы выступает основным регулятором поведения участников и заменяет традиционный централизованный контроль. Следовательно, фиксация в законе некой специальной юридической обязанности узлов «обеспечивать соответствие порядка выпуска данных правилам системы» искажает природу децентрализованных сетей и затрудняет отнесение к цифровой валюте тех криптовалют, которые фактически доминируют на рынке. С другой стороны, отдельно прописанная для цифровой валюты, эта обязанность также регуляторно избыточна с учетом неизбежного применения к цифровой валюте как объекту гражданских прав общих норм и основополагающих принципов частного права, запрещающих произвольное неправомерное посягательство на чужое имущество и имущественные права.

В частности, на указанный недостаток в свое время справедливо обратил внимание Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству в заключении на законопроект № 1065710-7, подчеркнув, что квалифицирующий признак в виде обязанности оператора и (или) узлов обеспечивать соответствие порядка выпуска электронных данных правилам системы не является характерным ни для одного из известных видов публичных криптовалют, функционирующих на основе распределенных реестров. Тем самым создается неопределенность относительно круга объектов, охватываемых действием ФЗ о ЦФА и ЦВ: при определенном толковании к цифровой валюте могут быть отнесены, например, «игровые деньги» в виртуальных играх, тогда как многие реально существующие криптовалюты могут формально выйти за рамки легального определения.

⁴ Козловский Ю.А. Модернизация правового режима цифровой валюты и ее оборота в России: вызовы и решения // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 3 (67). С. 131.

⁵ Lessig L. Code and other laws of cyberspace. New York, 1999. С. 243.

В связи с изложенным возникает необходимость корректировки легального определения цифровой валюты в целях приведения его в соответствие с фактической экономико-технологической природой объекта, в доктрине традиционно именуемого «криптовалюта», на регулирование которого оно фактически направлено. Представляется, что минимальным и одновременно необходимым шагом является отказ от закрепления активной позитивной обязанности оператора и (или) узлов информационной системы.

Если рассматривать вопрос шире, можно констатировать, что единственной универсальной обязанностью всех участников оборота (включая валидаторов, контролирующих доступ к адресам-идентификаторам лиц, операторов инфраструктуры и т.д.) является обязанность воздерживаться от посягательства на чужой правомерный имущественный интерес. В контексте криптовалют это означает недопустимость совершения действий, направленных на фальсификацию записей в блокчейне с целью неправомерного присвоения единиц цифровой валюты, обладающих объективной рыночной стоимостью. Однако данная обязанность носит общий характер и вытекает из базовых начал частного права, распространяющихся на все объекты гражданских прав, а потому не нуждается в специальной фиксации именно в определении цифровой валюты.

Исходя из этого, более радикальным, но теоретически и с точки зрения гражданского оборота оправданным решением является полное исключение из определения цифровой валюты упоминания об обязанностях оператора и узлов. Такой подход поддерживается и в позициях профильного Комитета Государственной Думы, что свидетельствует о его институциональной реалистичности.

Дополнительным целесообразным шагом к уточнению определения представляется заимствование ряда элементов первоначальной редакции законопроекта ФЗ о ЦФА и ЦВ, в частности, указания на создание и учет соответствующих объектов в распределенном реестре цифровых транзакций участниками реестра в соответствии с его правилами. Это позволяет не только точнее описать техническую сторону функционирования цифровой валюты, но и отграничить ее от иных электронных данных, не связанных с распределенными реестрами.

В итоге оптимальной видится следующая редакция определения: «Цифровая валюта — это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), создаваемых и учитываемых в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций (информационной системы), которая предлагается и (или) может быть принята в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной

или расчетной единицей, и (или) в качестве объекта инвестирования и в отношении которой отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных».

Данная формулировка более последовательно отражает техническую и экономическую сущность цифровой валюты, устраняя искусственную привязку к правовым обязанностям «оператора» и «узлов» и тем самым обеспечивающая непротиворечивое применение норм ФЗ о ЦФА и ЦВ на классические децентрализованные цифровые валюты (криптовалюты).

Вторая фундаментальная проблема действующего регулирования связана с неопределенностью пределов законных операций с цифровой валютой. Законодатель, декларируя стремление минимизировать риски использования криптовалют в противоправных целях, закрепил в ч. 5 ст. 14 ФЗ о ЦФА и ЦВ прямой запрет для резидентов Российской Федерации принимать цифровую валюту в качестве средства платежа за поставленные товары, выполненные работы и оказанные услуги.

Тем не менее для всех иных случаев использования цифровой валюты законодатель не установил четких правил. Отсутствие специальных норм в сочетании с точечным запретом позволяет сделать логический вывод о том, что в остальной части операции с цифровой валютой, не противоречащие публичному порядку, общим принципам частного права и иным императивным запретам, формально являются допустимыми⁶.

Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству справедливо указывает, что ФЗ о ЦФА и ЦВ не содержит исчерпывающего перечня сфер допустимого использования цифровой валюты. В частности, не урегулированы вопросы возможности использования цифровой валюты в целях дарения, предоставления и возврата займа (кредита), выплаты процентов, возврата неосновательного обогащения, возмещения вреда, уплаты договорных убытков, внесения в уставный капитал, выплаты дохода (дивидендов), а также передачи в порядке наследования и во множестве иных случаев, не связанных непосредственно с оплатой товаров, работ и услуг. Хотя этот тезис Комитетом был сформулирован еще на этапе работы над законопроектом, но даже в наше время через шесть лет после вступления ФЗ о ЦФА и ЦВ пробел в урегулировании этих аспектов не устранен.

При этом формулировки ч. 5 ст. 14 ФЗ о ЦФА и ЦВ не позволяют распространить установленный запрет⁷ и на операции по оплате криптовалютой товаров, работ и услуг самими лицами, указанными в данной норме, поскольку

⁶ Михайлов А.А. О легальном закреплении понятия криптовалюты в законодательстве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-1. С. 64.

⁷ Новоселова Л.А. О запрете использования криптовалют в Законе о цифровых финансовых активах // Хозяйство и право. 2021. № 3. С. 3.

она прямо говорит лишь о запрете «принятия» цифровой валюты. Такая конструкция выглядит внутренне несбалансированной и не позволяет выстроить предсказуемый для сторон режим гражданско-правовых сделок, в которых криптовалюта выступает объектом обязательства, в контексте реакции на такую сделку правоприменителя при ее заключении и исполнении, а тем более в случае возникновения спора по ней.

Сложившаяся неопределенность свидетельствует о существенном пробеле регулирования, который требует оперативного вмешательства законодателя. При этом поиск решения должен учитывать как задачи обеспечения экономического суверенитета и финансовой стабильности, так и необходимость соблюдения базовых принципов свободы договора и недопустимости чрезмерного вмешательства государства в частный оборот.

Возможные модели регулирования пределов использования криптовалюты в гражданском обороте условно можно разделить на два «крайних»⁸ и один «сбалансированный» варианта.

Первая крайняя позиция предполагает максимально либеральный подход⁹ и фактическую легализацию использования криптовалюты в любых гражданско-правовых сделках, за исключением немногих наиболее уязвимых сфер, без специального контроля со стороны публичной власти. Такая модель реализуется рядом зарубежных правовых порядков и стимулирует развитие криптовалютного рынка, однако чревата повышением системных рисков для национальной финансовой системы и затрудняет проведение самостоятельной денежно-кредитной политики, а также противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма через неконтролируемую цифровую валюту.

Вторая крайняя позиция, напротив, исходит из необходимости почти полного запрета операций с цифровой валютой либо допускает их только для узкого круга субъектов в рамках специальных режимов (экспериментальных правовых режимов, «песочниц» и т.п.). Подобный запретительный подход вступает в противоречие с базовыми принципами рыночной экономики и частного права, предполагающими минимизацию публичной интервенции в сферу автономии воли. С практической точки зрения он приводит не к устранению операций с криптовалютой, а к уходу значительной части криптовалютного оборота из «серой» (где он в основном находится на текущий момент) в «черную» зону, где он утрачивает какую-либо транспарентность и формирует тесную связь с криминальными структурами и иностранными юрисдикциями, без возможности ни эффективного государственного контроля, ни пресечения.

⁸ Алексеенко А.П. Правовое регулирование использования криптовалюты: опыт иностранных государств // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 5. С. 145.

⁹ Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 33.

Сбалансированный подход, который представляется наиболее оправданным для российской правовой системы, должен исходить из сочетания: во-первых, запрета использования цифровой валюты в качестве средства платежа по сделкам между резидентами (в целях поддержания единства экономического пространства и роли российского рубля как единственного законного средства платежа); во-вторых, однозначного легального закрепления признания цифровой валюты легальным объектом гражданского оборота и правомерности различных сделок с ней в инвестиционных целях и в определенном спектре иных обстоятельств, при условии надлежащего раскрытия информации о субъектах и соблюдения требований финансового мониторинга.

Именно такое сочетание позволяет одновременно минимизировать риски подрыва устойчивости национальной финансовой системы и создать предпосылки для развития современного легального рынка криптовалют, способного генерировать налоговые поступления и повышать инвестиционную привлекательность отечественной юрисдикции с точки зрения иностранных инвесторов.

В этом контексте вызывают серьезные вопросы формулировки, использованные Банком России в рамках работы над экспериментальным правовым режимом (ЭПР) для сделок с криптовалютами. В этом программном документе регулятор, подчеркивая, что «по-прежнему не рассматривает криптовалюту в качестве платежного средства», одновременно предлагает ввести запрет на расчеты между резидентами по сделкам с криптовалютой вне ЭПР и установить ответственность за нарушение такого запрета.

Данная формула допускает минимум два принципиально отличающихся сценария толкования.

При пессимистическом толковании под «расчетами по сделкам с криптовалютой» может пониматься любой оборот криптовалюты между резидентами, включая приобретение и отчуждение в инвестиционных целях. В этом случае весь легальный оборот криптовалюты фактически будет доступен лишь узкому кругу «особо квалифицированных» инвесторов в рамках ЭПР, тогда как остальная часть рынка окончательно уйдет в теневой сектор, контролируемый иностранными посредниками и субъектами, которых можно обоснованно заподозрить в связи с криминалом.

При более узком, оптимистическом толковании запрет распространяется только на использование криптовалюты непосредственно в качестве средства платежа по гражданско-правовым сделкам, в то время как приобретение криптовалюты за фиатные деньги и ее последующая продажа для извлечения инвестиционного дохода остаются допустимыми вне рамок ЭПР. Но и здесь остается вопрос о возможности цифровой валюты как объекта мены.

С точки зрения баланса частных и публичных интересов, а также задач развития цифровой экономики, именно второй вариант представляется обоснованным и подлежащим нормативному закреплению.

Важным элементом выстраивания последовательного правового режима является определение места цифровой валюты в системе объектов гражданских прав¹⁰. ФЗ о ЦФА и ЦВ целенаправленно избегает отнесения цифровой валюты к вещам в связи с принципиальной невозможности обнаружить у нее телесное воплощение, закрепляя за ней статус особого объекта гражданских прав, существующего исключительно в цифровой форме. Но здесь возникает вопрос о конкретных свойствах этого объекта, которые на текущий момент остаются законодательно неопределенными.

В целях устранения правовой неопределенности и выработки единообразного подхода к применению общих норм, с одной стороны, и стремлением избежать избыточного регулирования и введения дублирующих норм, которые не порождают отличия от других классов объектов, с другой стороны, представляется целесообразным нормативно закрепить признание цифровой валюты «товаром» в смысле п. 1 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции», т.е. «объектом гражданских прав, предназначенным для продажи, обмена или иного введения в оборот». При таком подходе цифровая валюта квалифицируется объектом гражданских прав, но не вещью в традиционном смысле, что позволяет учесть ее нематериальную природу и особенности обращения.

Опора на указанное определение «товара» позволит без создания обширного массива специальных норм разрешить целый ряд вопросов, связанных с оборотом цифровой валюты: возможности ее использования в договорах дарения, займа, компенсации убытков, внесения в уставный капитал, распределения доходов, наследования и др. Такие операции могут быть урегулированы посредством применения общих положений гражданского законодательства с учетом специфики цифровой формы и требований финансового мониторинга.

Альтернативным, но также реалистичным подходом является применение по аналогии к криптовалюте норм об обороте иностранной валюты. Это позволило бы заимствовать проверенные механизмы контроля и отчетности, не создавая параллельно самостоятельный, изолированный режим. Однако подобная аналогия нуждается в аккуратной реализации, учитывающей специфику цифровой валюты в качестве потенциального средства платежа, не обеспеченного принудительной силой ни одной юрисдикции.

¹⁰ Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А., Давудов Д.А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 3. С. 130; Новоселова Л.А. Цифровые права — есть ли им место в российской правовой системе // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507). С. 5–6.

В любом случае полный запрет использования цифровой валюты в перечисленных выше целях выглядел бы как непропорциональное ограничение свободы гражданского оборота и автономии воли сторон, не будучи оправданным ни с экономической, ни с правовой точки зрения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что действующее отечественное регулирование цифровой валюты находится лишь на стадии начального формирования и нуждается в дальнейшей, достаточно глубокой корректировке. Прежде всего, существующее легальное определение цифровой валюты, закрепленное в ФЗ о ЦФА и ЦВ, не в полной мере отражает техническую природу и функциональные особенности классических децентрализованных цифровых валют, на которые в первую очередь направленно. Закрепление в нем обязанности оператора и (или) узлов информационной системы является избыточным и в ряде случаев просто несоответствующим реальной архитектуре блокчейн-сетей.

Представляется необходимым исключить из определения указание на обязанности узлов, одновременно дополнив формулировку элементами, раскрывающими механизм создания и учета цифровой валюты в распределенном реестре цифровых транзакций. Это позволит устранить расхождение между законодательно закрепленной конструкцией и фактической экономико-технологической реальностью криптовалютного рынка.

Не менее значимым является устранение неопределенности пределов допустимого использования цифровой валюты. В целях обеспечения баланса частных и публичных интересов целесообразно нормативно закрепить одновременно запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа по сделкам между резидентами и сохранение возможности ее свободного обращения в инвестиционных целях и в ряде иных гражданско-правовых конструкций при условии соблюдения требований финансового мониторинга и раскрытия информации о бенефициарах операций.

Такая модель позволит избежать избыточной публичной интервенции в сферу частных правоотношений, вывести значительный объем операций с цифровой валютой, совершаемых без посягательства на публичные интересы, из «серой» зоны, увеличить налоговые поступления и одновременно укрепить позиции России на международном финансовом рынке в условиях ускоряющейся цифровой трансформации. Дополнительно это создаст институциональные предпосылки для последующей интеграции национальных решений в области цифровых валют в формирующуюся систему трансграничных расчетов на основе распределенных реестров.

Козловский Ю.А.,

аспирант кафедры коммерческого права Юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
(г. Санкт-Петербург)

Литература:

1. Алексеенко А.П. Правовое регулирование использования криптовалюты: опыт иностранных государств / А.П. Алексеенко // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 5.
2. Егорова М.А. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства / М.А. Егорова, Л.Г. Ефимова // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152).
3. Козловский Ю.А. Модернизация правового режима цифровой валюты и ее оборота в России: вызовы и решения / Ю.А. Козловский // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 3 (67).
4. Михайлов А.А. О легальном закреплении понятия криптовалюты в законодательстве Российской Федерации / А.А. Михайлова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8–1.
5. Новоселова Л.А. О запрете использования криптовалют в Законе о цифровых финансовых активах / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. 2021. № 3.
6. Новоселова Л.А. Цифровые права — есть ли им место в российской правовой системе / Л.А. Новоселова, Т.М. Медведева // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507).
7. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений / В.Ф. Попондопуло // Юрист. 2019. № 6.
8. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования / А.А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.
9. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте / А.И. Гончаров, А.Н. Садков, В.А. Садков, Д.А. Давудов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3.
10. Янковский Р.М. Что меняет новый Закон о майнинге? / Р.М. Янковский, В.А. Попов // Закон. 2024. № 9.

References:

1. Lessig, L. Code and Other Laws of Cyberspace / L. Lessig. New York, 1999.

Принципы правового регулирования биобанковской деятельности как инструмент обеспечения справедливости в глобальном контексте: «сила права» в ответ на «право силы» биотехнологических гигантов

На рубеже тысячелетий человечество вступило в эпоху беспрецедентного технологического прогресса, одним из наиболее ярких проявлений которого стало стремительное развитие биотехнологий¹. В этом контексте биобанки — специализированные хранилища биологических образцов человека и ассоциированных с ними данных — приобретают статус стратегически важных инфраструктур², являясь краеугольным камнем для прорывных исследований в области геномики, протеомики, персонализированной медицины и разработки новых терапевтических подходов³. Однако наряду с колоссальным потенциалом для улучшения здоровья и качества жизни биобанковская деятельность порождает целый спектр сложнейших этических, правовых и социальных вызовов, требующих немедленного и глубокого осмысления.

Современный контекст характеризуется глобализацией научных исследований и коммерциализацией биотехнологических достижений, что приводит к формированию мощных транснациональных корпораций — «биотехнологических гигантов»⁴. Эти субъекты, обладая огромными финансовыми, интеллектуальными и технологическими ресурсами, способны оказывать существенное влияние на формирование рынков, стандартов и даже правовых режимов, создавая угрозу доминирования «права силы» над «силой права». В этой дихотомии, где на одной чаше весов — стремление к инновациям и прибыли, а на другой — фундаментальные права и свободы человека, а также общественная справедливость⁵, роль правового регулирования становится определяющей.

¹ Романовский Г.Б. Правосубъектность граждан в условиях развития современных биотехнологий // Гражданин и право. 2012. № 9. С. 19.

² Колобаев С.А. Анализ конкурентной стратегии развития инфраструктуры технопарка на примере биобанка Сеченовского университета // Медицинское образование и вузовская наука. 2018. № 3–4. С. 87.

³ Мохов А.А. Биобанкинг — новое направление экономической деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3. С. 37.

⁴ Березной А.В. Трансформация бизнес-моделей «Большой фармы» // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 3. С. 82.

⁵ Белялетдинов Р.Р. Рефлексия и биосоциальность: автономия, ответственность и информированное согласие для биобанков // Медицинская генетика. 2020. № 10. С. 66.

Настоящая статья посвящена концептуализации принципов правового регулирования биобанковской деятельности как системного инструмента, способного обеспечить справедливость в глобальном масштабе, эффективно противостоять потенциальному злоупотреблению «правом силы» со стороны биотехнологических гигантов и утвердить примат «силы права» в этой стратегически важной сфере. Мы ставим целью не только выявление и анализ ключевых принципов, но и разработку конкретных предложений по совершенствованию отечественного законодательства, направленных на создание комплексной, сбалансированной и этически обоснованной правовой базы.

В последние десятилетия наблюдается взрывной рост числа биобанков и объемов хранимых в них биоматериалов и данных. Эти коллекции, от малых исследовательских до крупных национальных когортных исследований, становятся критически важным ресурсом для понимания механизмов заболеваний, выявления биомаркеров, разработки таргетных терапий и развития персонализированной медицины. Отсутствие четкого и унифицированного правового регулирования в условиях такого роста создает правовой вакуум, чреватый неконтролируемым развитием и потенциальными злоупотреблениями. Стратегическое значение биобанков для национальной безопасности, здравоохранения и научно-технологического суверенитета требует незамедлительной правовой реакции.

Биобанковская деятельность затрагивает глубинные этические аспекты человеческого бытия. Вопросы информированного согласия, конфиденциальности генетической информации, права на отзыв согласия и уничтожение данных, а также потенциальной коммерциализации человеческого биоматериала ставят под сомнение фундаментальные принципы неприкосновенности личности, достоинства человека и его права на самоопределение. Неадекватное правовое регулирование может привести к нарушению конституционных прав граждан, создавая прецеденты, подрывающие доверие к науке и медицине. Особое внимание следует уделить проблеме потенциальной генетической дискриминации⁶, которая может возникнуть при неконтролируемом доступе к генетическим данным.

Мировой рынок биотехнологий характеризуется высокой степенью концентрации капитала и доминированием нескольких транснациональных корпораций. Эти «биотехнологические гиганты» активно инвестируют в создание собственных биобанков, приобретение существующих коллекций и разработку аналитических платформ. Их экономическая мощь позволяет им формировать стандарты, влиять на законодательные процессы и в конечном итоге диктовать условия использования биоматериалов и данных.

⁶ Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 19.

Это создает угрозу «права силы», когда экономические интересы превалируют над этическими и правовыми нормами, а выгоды от использования коллективных ресурсов (человеческих биоматериалов) концентрируются в руках немногих. Такая ситуация может привести к формированию «дата-колониализма»⁷, когда биоматериалы и данные из менее развитых юрисдикций используются без адекватной компенсации и справедливого распределения выгод.

В Российской Федерации, несмотря на наличие отдельных норм, касающихся персональных данных, медицинской тайны и донорства, отсутствует единый, комплексный и системный закон, регулирующий биобанковскую деятельность. Существующие нормативные акты носят фрагментарный характер⁸, не учитывают специфику биоматериалов и генетической информации, не предусматривают эффективных инструментов контроля и ответственности. Это создает правовую неопределенность, затрудняет развитие отечественной биобанковской инфраструктуры и делает ее уязвимой перед внешними акторами.

Реализация колоссального потенциала биобанковской деятельности для общественного здравоохранения и научного прогресса возможна только при условии создания устойчивой и справедливой правовой модели⁹. Эта модель должна не только защищать права и интересы доноров биоматериалов, но и обеспечивать справедливое распределение выгод от научных открытий, предотвращать монополизацию и способствовать развитию национальной биотехнологической отрасли. Формирование такой модели является стратегической государственной и общественной необходимостью.

Правовое регулирование биобанковской деятельности должно быть основано на системе взаимосвязанных и взаимодополняющих принципов, которые, будучи закрепленными в законодательстве, формируют надежный фундамент для защиты прав человека, обеспечения справедливости и устойчивого развития. Эти принципы являются выражением «силы права», способной сбалансировать диспропорции, создаваемые «правом силы» крупных корпораций.

1. *Принцип уважения автономии личности и информированного согласия*¹⁰. Этот принцип является краеугольным камнем любой деятельности,

⁷ Кубанцева Е.В. Динамика цифрового доминирования: роль больших данных в усилении глобальной зависимости // Вопросы политологии. 2025. № 3. С. 907.

⁸ Запольский С.В. Информационно-правовой режим получения, хранения и использования биологического материала человека // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 12.

⁹ Руда М.Г. Биологические коллекции и биотехнологии: раскрытие потенциала в условиях трансформации права // Цивилизация знаний: российские реалии : сборник материалов XXVI Международной научной конференции (Москва, 01–25 апреля 2025 г.). Москва : Российский новый университет, 2025. С. 318.

¹⁰ Белялетдинов Р.Р. Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 14.

связанной с использованием человеческого биоматериала. Он коренится в конституционном праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также в праве на самоопределение. Участие в биобанковской деятельности должно быть исключительно добровольным и основываться на всестороннем информированном согласии (ВИС). Согласие должно быть получено в письменной форме и содержать исчерпывающую информацию о целях (конкретных и/или широких, но четко очерченных категориях исследований), процедурах сбора, хранения, обработки, использования и потенциальной коммерциализации биоматериалов и данных. Особое внимание должно быть уделено разъяснению рисков и потенциальных выгод, праву на отзыв согласия (полный или частичный), условиям уничтожения образцов и данных, а также возможности получения информации о результатах исследований (если это применимо и безопасно). В условиях постоянно меняющихся научных задач и технологий, целесообразно внедрение концепции динамического согласия¹¹, позволяющей донору образцов в любое время изменять свои предпочтения относительно использования его биоматериалов и данных через интерактивные платформы.

2. *Принцип конфиденциальности и защиты данных*¹². Генетическая информация и данные о состоянии здоровья являются одними из наиболее чувствительных категорий персональных данных. Их несанкционированный доступ, использование или раскрытие могут привести к серьезным нарушениям прав человека, включая дискриминацию, стигматизацию и потерю доверия. Необходимо законодательно закрепить строгие требования к анонимизации и псевдонимизации биоматериалов и данных¹³. Псевдонимизация, при которой прямые идентификаторы заменяются кодами, но сохраняется возможность обратной идентификации при определенных условиях, должна быть основной практикой. Полная анонимизация, исключающая возможность обратной идентификации, должна быть приоритетом для определенных видов исследований. Требуется внедрение многоуровневой системы технической и организационной защиты данных¹⁴, включая шифрование, контроль доступа, аудит операций с данными и регулярные проверки безопасности. Особое внимание должно быть уделено регулированию трансграничной передачи биоматериалов и данных. Передача должна осуществляться только в юрисдикции с адекватным уровнем защиты данных,

¹¹ Хохлов А.Л. Этико-правовые аспекты развития биобанкинга / А.Л. Хохлов // Социогуманитарные контуры геномной медицины : монография / ФГБУН ИНИОН РАН. Москва : ИНИОН РАН, 2021. С. 174.

¹² Данельян А.А. Проблемы обеспечения биобезопасности в современном международном праве // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 3. С. 24.

¹³ Столбов А.П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 9–10. С. 34.

¹⁴ Куц С.О. Проблемы административно-правового регулирования требований к защите информации в сфере биобанкирования // Административное право и процесс. 2025. № 8. С. 51.

сопоставимым с российским законодательством, и при наличии явного согласия донора на такую передачу. Это является критически важным для противодействия «праву силы» транснациональных корпораций.

3. *Принцип справедливости и распределения выгод*¹⁵. Этот принцип является прямым ответом на вызов «права силы» биотехнологических гигантов, стремящихся к монополизации выгод от использования коллективных ресурсов. Результаты исследований, полученные с использованием биоматериалов из биобанков, должны быть доступны для широкой научной общественности, а новые медицинские технологии и лекарственные препараты — для населения, включая доноров биоматериалов. Донорство биоматериалов должно оставаться некоммерческим. Однако при получении значительной коммерческой выгоды от использования биоматериалов и данных (например, разработка патентоспособного лекарства) необходимо предусмотреть механизмы справедливого распределения выгод. Это может включать инвестиции в здравоохранение, научные исследования, фонды поддержки пациентов, а также, в исключительных случаях, индивидуальные компенсации. Законодательство должно содержать нормы, направленные на предотвращение эксплуатации доноров биоматериалов, особенно из уязвимых групп населения.

4. *Принцип прозрачности и подотчетности*. Деятельность биобанков должна быть максимально прозрачной для доноров, научного сообщества и общественности¹⁶. Биобанки должны публиковать информацию о своей структуре, целях, источниках финансирования, политике использования биоматериалов и данных, а также о результатах аудитов. Необходимо создание независимых этических комитетов и надзорных органов, обладающих полномочиями по контролю за соблюдением этических и правовых норм, рассмотрению жалоб и разрешению споров.

5. *Принцип недискриминации*. Генетическая информация не должна служить основанием для дискриминации в любой сфере жизни — трудоустройстве, страховании, образовании, доступе к медицинским услугам. Законодательство должно содержать прямые запреты на генетическую дискриминацию и предусматривать механизмы правовой защиты от нее.

Отечественное законодательство, несмотря на отдельные позитивные сдвиги в сфере персональных данных и охраны здоровья, до сих пор не сформировало целостной и адекватной правовой базы для биобанковской деятельности. Ключевые проблемы включают отсутствие специального федерального закона, что является фундаментальным пробелом, порождающим

¹⁵ Абсаямова В.Г. Этические основы использования биобанкинга в генетических исследованиях // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы I Международного молодежного юридического форума (Тюмень, 13–14 мая 2022 г.). Тюмень : Тюменский государственный университет, 2022. С. 10.

¹⁶ Чемерис А.В. Актуальные вопросы правового регулирования создания и функционирования баз данных генома человека // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 142.

правовую неопределенность. Существующие нормы разрознены, не учитывают специфику биоматериалов как объектов гражданских прав и генетической информации как особо чувствительного вида персональных данных. Действующие формы согласия зачастую не охватывают всех аспектов использования биоматериалов и данных, что снижает уровень автономии доноров. Отсутствуют четкие механизмы распределения выгод от коммерческого использования биоматериалов и данных, что создает риски эксплуатации и несправедливости. Законодательство не содержит прямых и исчерпывающих запретов на дискриминацию по генетическим признакам. Это затрудняет правоприменение и создает сложности для участников биобанковской деятельности. Система государственного и общественного контроля за биобанками не является достаточно эффективной и прозрачной. Отсутствие четких правил трансграничной передачи биоматериалов и данных создает риски для национальной безопасности и защиты персональных данных граждан.

В условиях глобализации и доминирования биотехнологических гигантов эти пробелы делают российскую биобанковскую инфраструктуру уязвимой и неспособной в полной мере реализовать свой потенциал в интересах общества. «Сила права» должна быть не декларацией, а действенным механизмом, противостоящим «праву силы» крупных корпораций, которые могут использовать правовые лакуны для извлечения максимальной выгоды. Государство как основной субъект права обязано выступить гарантом защиты прав граждан и обеспечения справедливости, формируя такую правовую среду, которая стимулирует инновации, но при этом строго соблюдает принципы гуманизма и этики.

Для решения вышеуказанных проблем и обеспечения торжества «силы права» в сфере биобанковской деятельности предлагаются следующие системные изменения в законодательство Российской Федерации.

1. Принятие Федерального закона «О биобанковской деятельности и обращении с биоматериалами человека». Данный закон должен стать основополагающим актом, комплексно регулирующим всю совокупность отношений в этой сфере. Его структура и содержание должны включать:

Глава 1. Общие положения. Четкие и исчерпывающие определения ключевых понятий: «биобанк», «биоматериал человека», «генетическая информация», «биобанковская деятельность», «донор биоматериала», «информированное добровольное согласие», «анонимизация», «псевдонимизация». Закрепление основных принципов правового регулирования биобанковской деятельности, изложенных выше (уважение автономии личности, конфиденциальность, справедливость, прозрачность, подотчетность, отсутствие дискриминации). Определение целей биобанковской деятельности (научные исследования, разработка медицинских технологий, персонализированная медицина, образовательная деятельность). Разграничение ви-

дов биобанков (исследовательские, клинические, популяционные, коммерческие, некоммерческие) и особенности их правового режима.

Глава 2. Права и обязанности доноров биоматериалов. Детальное регулирование процедуры получения информированного добровольного согласия, включая требования к его форме, содержанию, порядку предоставления информации и праву на отзыв согласия. Ввести понятие «динамического согласия». Закрепление права донора на доступ к информации о результатах исследований, полученных с использованием его биоматериалов (при условии анонимизации и соблюдения конфиденциальности). Право на уничтожение биоматериалов и данных по требованию донора. Право на защиту от генетической дискриминации.

Глава 3. Порядок сбора, хранения, обработки и использования биоматериалов и данных. Требования к инфраструктуре биобанков, условиям хранения биоматериалов и данных. Механизмы анонимизации и псевдонимизации, а также условия доступа к деидентифицированным и идентифицированным данным. Порядок предоставления биоматериалов и данных для исследований, включая обязательное одобрение этическим комитетом. Регулирование трансграничной передачи биоматериалов и данных, устанавливающее строгие требования к адекватности защиты в принимающей юрисдикции и согласие донора.

Глава 4. Коммерциализация биоматериалов и данных и распределение выгод. Запрет на коммерческое донорство биоматериалов. Механизмы справедливого распределения выгод при получении коммерческой прибыли от использования биоматериалов и данных (например, через отчисления в государственные фонды развития науки и здравоохранения, фонды поддержки пациентов, или, в исключительных случаях, индивидуальные компенсации). Регулирование прав интеллектуальной собственности, возникающих в результате использования биоматериалов.

Глава 5. Государственный контроль и надзор. Определение уполномоченного органа государственной власти, осуществляющего лицензирование и контроль за биобанковской деятельностью. Порядок проведения проверок, аудитов и оценки соответствия. Создание независимых этических комитетов при биобанках и на национальном уровне, их компетенция и порядок деятельности.

Глава 6. Ответственность за нарушение законодательства. Виды юридической ответственности (административная, гражданско-правовая, уголовная) за нарушение норм в сфере биобанковской деятельности. Механизмы возмещения вреда, причиненного донорам биоматериалов.

2. Внесение изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁷ (далее — ФЗ № 323).

¹⁷ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Дополнить ст. 20 ч. 7.1 следующего содержания: «Участие в биобанковской деятельности, включая предоставление биоматериалов и связанных с ними данных для научных исследований и медицинских разработок, является добровольным и осуществляется на основании информированного добровольного согласия, оформленного в соответствии с законодательством Российской Федерации о биобанковской деятельности. Отзыв такого согласия не может повлечь за собой отказ в оказании медицинской помощи». Четкое разграничение согласия на медицинское вмешательство и согласия на участие в биобанковской деятельности, подчеркивающее автономный характер последнего и его регулирование специальным законом.

Внести изменения в ст. 13 ФЗ № 323 «Соблюдение врачебной тайны». Дополнить ее пунктом, уточняющим, что предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, в биобанки или для исследований с использованием биоматериалов, возможно только при наличии отдельного, специально оформленного информированного добровольного согласия субъекта данных, содержащего конкретные цели и условия такого использования, в соответствии с законодательством о биобанковской деятельности. Усиление защиты конфиденциальности медицинской информации, особенно в контексте ее использования для нелечебных целей, и приведение в соответствие с требованиями нового закона о биобанках.

3. Внесение изменений в Федеральный закон «О персональных данных»¹⁸.

Внести изменения в ст. 10 «Специальные категории персональных данных». Дополнить перечень специальных категорий персональных данных «генетическими данными», определив их как информацию о наследственных характеристиках человека, полученную в результате анализа биологического материала. Установить, что обработка генетических данных допускается только при наличии письменного согласия субъекта персональных данных, явно выражающего согласие на каждую конкретную цель обработки, или в случаях, предусмотренных федеральным законом о биобанковской деятельности. Признание генетических данных особо чувствительной категорией, требующей повышенной защиты, что соответствует международным стандартам (например, GDPR¹⁹ (General Data Protection Regulation) — Общий регламент по защите данных ЕС) и учитывает уникальные риски, связанные с этой информацией (например, прогнозирование заболеваний, информация о родственниках).

Внести изменения в ст. 6 «Условия обработки персональных данных». Определить, что обработка персональных данных, собранных в рамках био-

¹⁸ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

¹⁹ Запольский С.В. Информационно-правовое регулирование оборота биологических данных человека (зарубежный опыт) / С.В. Запольский, А.А. Пестрикова // Правовая информатика. 2021. № 4. С. 14.

банковской деятельности, может осуществляться только при наличии информированного добровольного согласия субъекта персональных данных, полученного в соответствии с федеральным законом о биобанковской деятельности, или на основании прямого указания такого федерального закона. Предусмотреть дополнительные гарантии защиты прав субъектов персональных данных при трансграничной передаче данных, собранных в рамках биобанковской деятельности, включая требование о наличии адекватного уровня защиты данных в стране получателя. Уточнение правовых оснований для обработки данных в биобанках и усиление контроля за трансграничной передачей, что критически важно для противодействия неконтролируемому доступу со стороны биотехнологических гигантов.

4. Внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации²⁰.

Дополнить ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» пунктом, определяющим правовой режим биоматериалов человека: «Биоматериалы человека (биологические образцы, полученные от человека), при условии их законного получения и использования, могут быть объектами гражданских прав в той мере, в какой это не противоречит законодательству о биобанковской деятельности, этическим нормам и не нарушает неотчуждаемые права и свободы человека. Право собственности на биоматериалы человека не возникает у лица, предоставившего такой биоматериал, однако за ним сохраняются личные неимущественные права, связанные с его использованием, в соответствии с федеральным законом о биобанковской деятельности». Признание биоматериалов человека особым объектом гражданских прав, не являющимся в полной мере товаром, но подлежащим регулированию гражданским правом в части их оборота и использования. Это позволяет избежать как полного запрета на использование (что тормозит науку), так и полной коммерциализации, которая противоречит этическим принципам. Закрепление личных неимущественных прав донора над его биоматериалом (право на контроль использования, на отзыв согласия) является ключевым для защиты его автономии. Это создает *sui generis* правовой режим, отличный от традиционных объектов вещных прав.

Предложенные в данной статье принципы — уважение автономии личности, конфиденциальность, справедливость, прозрачность, подотчетность, недискриминация — являются выражением «силы права», призванной сбалансировать потенциальное «право силы» корпораций. Их системное закрепление в специальном федеральном законе «О биобанковской деятельности и обращении с биоматериалами человека», а также введение адекватных поправок в смежные нормативные акты (ФЗ № 323, ФЗ № 152, ГК РФ) позволят создать в России комплексную, этически обоснованную и эффективную правовую систему.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Такой подход не только обеспечит защиту прав и законных интересов граждан — доноров биоматериалов, но и сформирует предсказуемую и стабильную среду для развития отечественной науки и биотехнологий. Утверждение «силы права» в этой стратегически важной сфере является залогом того, что прогресс будет служить всему человечеству, а не только интересам отдельных коммерческих структур, обеспечивая справедливое распределение выгод и минимизацию рисков.

Еникеев О.А.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской академии государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук,
кандидат медицинских наук, доцент
(Республика Башкортостан, г. Уфа)

Литература

1. Абсалямова В.Г. Этические основы использования биобанкинга в генетических исследованиях / В.Г. Абсалямова // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы I Международного молодежного юридического форума (г. Тюмень, 13–14 мая 2022 г.) : сборник научных статей / редакторы: С.С. Зенин, М.А. Некрасов, В.Г. Абсалямова. Тюмень : Тюменский государственный университет, 2022.
2. Белялетдинов Р.Р. Рефлексия и биосоциальность: автономия, ответственность и информированное согласие для биобанков / Р.Р. Белялетдинов // Медицинская генетика. 2020. № 10.
3. Белялетдинов Р.Р. Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект / Р.Р. Белялетдинов, Е.Г. Гребенщикова, Л.П. Киященко [и др.] // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4.
4. Березной А.В. Трансформация бизнес-моделей «Большой фармы» / А.В. Березной // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 3.
5. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация / Е.Е. Богданова // Lex russica (Русский закон). 2019. № 6.
6. Данельян А.А. Проблемы обеспечения биобезопасности в современном международном праве / А.А. Данельян, Е.Е. Гуляева // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 3.
7. Запольский С.В. Информационно-правовое регулирование оборота биологических данных человека (зарубежный опыт) / С.В. Запольский, А.А. Пестрикова // Правовая информатика. 2021. № 4.
8. Запольский С.В. Информационно-правовой режим получения, хранения и использования биологического материала человека / С.В. Запольский, А.А. Пестрикова, Л.Н. Сморчкова // Правовая информатика. 2022. № 4.
9. Колобаев С.А. Анализ конкурентной стратегии развития инфраструктуры технопарка на примере биобанка Сеченовского университета / С.А. Колобаев, В.Е. Беляев // Медицинское образование и ВУЗовская наука. 2018. № 3-4.
10. Кубанцева Е.В. Динамика цифрового доминирования: роль больших данных в усилении глобальной зависимости / Е.В. Кубанцева // Вопросы политологии. 2025. № 3.

11. Куц С.О. Проблемы административно-правового регулирования требований к защите информации в сфере биобанкирования / С.О. Куц // Административное право и процесс. 2025. № 8.
12. Мохов А.А. Биобанкинг — новое направление экономической деятельности / А.А. Мохов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3.
13. Романовский Г.Б. Правосубъектность граждан в условиях развития современных биотехнологий / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. 2012. № 9.
14. Руда М.Г. Биологические коллекции и биотехнологии: раскрытие потенциала в условиях трансформации права / М.Г. Руда // Цивилизация знаний: российские реалии : материалы XXVI Международной научной конференции (г. Москва, 01–25 апреля 2025 г.) : сборник научных статей / редактор Е.А. Палкин ; составитель В.В. Прядкин. Москва : Российский новый университет, 2025.
15. Столбов А.П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении / А.П. Столбов // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 9–10.
16. Хохлов А.Л. Этико-правовые аспекты развития биобанкинга / А.Л. Хохлов // Социогуманитарные контуры геномной медицины : коллективная монография / ответственный редактор Е.Г. Гребенщикова. Москва : ИНИОН РАН, 2021.
17. Чемерис А.В. Актуальные вопросы правового регулирования создания и функционирования баз данных генома человека / А.В. Чемерис, В.А. Анисимов, Ф.Г. Аминев // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2.

К вопросу о правах личности в отношении участия в посмертном донорстве

Современная медицина как отдельная уникальная сфера деятельности все чаще прибегает к содействию ныне самостоятельной науки — психологии. Отметим, что параллельно существуют два термина — «медицинская психология» и «клиническая психология». Одни исследователи считают их синонимами, другие — нет¹. Второй из терминов на европейском континенте получил распространение лишь с середины XX в., а изначально он появился в конце XIX в. в трудах американского психолога Л. Уитмера. Можно привести точку зрения А.В. Фроловой и А.Ф. Минуллиной, которые характеризуют клиническую психологию как междисциплинарную область научного знания и практической деятельности, сферу пересечения интересов медицины с психологией. Ее предметом, по определению Н.Д. Лакосиной и Г.К. Ушакова, «служат многообразные особенности психики» человека «и их влияние на здоровье и болезнь, а также обеспечение оптимальной системы позитивных психологических воздействий с учетом всех обстоятельств, сопутствующих обследованию и лечению больного, в частности в системе взаимоотношений врач-медработник — пациент»². Стоит согласиться с общим утверждением, что врачу важно знание психологии, в первую очередь для того, чтобы применять ее в целях заботы о здоровье пациентов. По справедливому замечанию И.В. Дубровиной, «здоровье — это комплексный многоаспектный феномен, включающий в себя медицинские, психологические, педагогические, социальные и другие аспекты»³, соответственно, все виды здоровья находятся в непосредственной взаимосвязи. От психологического здоровья зависит физическое (соматическое) и психическое, и наоборот — два последних способны менять наше психологическое состояние. Однако, учитывая безусловность важности психологии в деятельности врача, стоит обратить внимание на то, что одновременно возникают вопросы, связанные с возможным злоупотреблением данными знаниями и навыками со стороны медицинской организации, в штате которой работает психолог; а также связанные с обеспечением независимости клинического психолога как самостоятельного

¹ См.: Бочаров В.В., Шишкова А.М., Дубинина Е.А., Щелкова О.Ю., Незнанов Н.Г. Роль медицинского психолога в современной системе здравоохранения // Национальное здравоохранение. 2023. № 4(1). С. 12–22; Деларю В.В. Клиническая психология и медицинская психология: соотношение понятий // Бюллетень Волгоградского научного центра РАМН и АВО. 2005. № 3-4. С. 45–47.

² Клиническая психология : учебник для студ. мед. вузов / Н.Д. Лакосина, И.И. Сергеев, О.Ф. Панкова. 2-е изд. М., 2005. С. 10–11.

³ Дубровина И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3 (20). С. 18.

специалиста, который должен руководствоваться именно психологическим и зависящим от него соматическим благополучием пациента, а не интересами медицинской организации и системы здравоохранения. К сожалению, роль психолога порой сводится медицинской организацией к тому, чтобы действовать его в убеждении пациентов и их родственников согласиться с мерами, предлагаемыми врачами; принять сторону медицинской организации в вопросах стратегии и тактики лечения, а также в иных вопросах, в том числе не связанных со здоровьем и лечением. Данный аспект проблемы должен быть рассмотрен научным сообществом и законодателями при принятии федерального закона, регулирующего психологическую деятельность.

В сферу интересов современной клинической психологии входят разнообразные направления; высшие учебные заведения готовят специалистов, способных успешно решать задачи в различных областях. В целях настоящей работы остановимся лишь на одном из них — трансплантологии, под которой, согласно ст. 47 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁴, понимается пересадка органов и тканей человека от живого донора или трупа, при этом предусматривается, что она может быть применена только в случае, если другие методы лечения не могут обеспечить сохранение жизни пациента (реципиента) либо восстановление его здоровья. В литературе часто встречается утверждение, что именно посмертное донорство (когда органы и (или) ткани пересаживаются от умершего) вызывает наибольшие споры в обществе. Полагаем, что это действительно так, но вопрос о том, почему это так, весьма сложен и многоаспектен, он затрагивает не только природную органическую суть человека, но и культурологическую во всем ее многообразии.

Дабы раскрыть подробнее сказанное, обратимся к трудам по психологической антропологии, сошлемся на В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева. Они справедливо отмечают, что человек представляет собой природное «органическое существо», которое имеет организм, находящийся во взаимосвязи с природным миром, однако, это еще и «общественное существо», живущее в социуме, включенное в систему отношений, социальных связей⁵. Авторы акцентируют внимание на том, что «человек... отличается от всех других живых существ» тем, что его «тело... — культурное тело»⁶. Напомним, понятие «культура» возникло еще до нашей эры в 160 г., его предложил мыслитель Марк Порций Катон, связано оно было первоначально с обработкой земли; однако позднее Марк Туллий Цицерон стал использовать его в ином

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности : учебное пособие для вузов. М. : Школа-Пресс, 1995. С. 11, 12.

⁶ Там же. С. 11, 12.

контексте, говорил о том, что как человек своим трудом в рамках земледелия возделывает почву, так и мудрец своим трудом «возделывает» человека, его душу. К XVII–XVIII столетиям сложилось понимание «культуры» как противоположности всему естественному, природному, дикому; она стала обозначать буквально все, связанное с преобразованием человеком окружающего его мира и самого себя. В настоящий период времени все понятия «культура» (их множество) создаются именно на основе этого понимания. Приведем в качестве примера выдержки одного из учебников по культурологии (под ред. М.М. Каримова⁷): культура — это «способ жизни человека, продукт его творчества и необходимая среда обитания», «совокупность порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным», одновременно «деятельность и ее результаты, смыслы и оценки», «воплощение подлинного человеческого бытия»⁸. Можно сказать, что культура — это изменение человеком природы, причем как во вне, так и своей собственной (воздействие на свой организм и свою психику); поэтому существенно замечание В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, что раз любой человек живет в мире культуры, то даже его «органические потребности... культурно обусловлены»⁹, люди посредством воли способны подчинять их своим личностно значимым целям. Авторы подчеркивают, что каждый человек живет «двойной жизнью: внешней... наблюдаемой, и внутренней, скрытой», обладает сознанием и самосознанием; его «субъективный мир... сложно организован», а сама жизнь человека осмысленна и без личного «смысла... теряет ценность»¹⁰. В связи с этим хочется вспомнить слова Н.В. Витрука, обращавшего внимание на то, что «ценности — это особый социальный феномен... в системе общественно-исторической деятельности людей», «ценность — свойство социума», при этом «она не отделима и от самого человека»¹¹. На протяжении своего научного пути ученый обосновывал важность «ценностного» подхода в современном праве, анализируя сквозь призму него конституционные права человека. Более того, Н.В. Витрук подчеркивал, что «определяющей ценностью в свободном гражданском обществе и демократическом правовом государстве... является человек», его «автономия, свобода личности»¹². На этом же настаивают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, когда говорят, что человек, с присущими ему социальным статусом и ролями, своим способом «жизни и действия... в свободном и творческом определении» занимает свое место в обществе

⁷ См.: Культурология : учебник / под ред. М.М. Каримова. Уфа, 2008. С. 30.

⁸ Философия культуры : учебное пособие / П.С. Гуревич. 2-е изд., доп. Москва : Аспект пресс, 1995.

⁹ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 14, 15.

¹¹ Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. М., 2002. С. 435–437.

¹² Витрук Н.В. Конституция РФ как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. Т. 1. / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. М. : Российская академия правосудия, 2010. С. 11.

в целом: «Личность — это всегда... позиция»¹³. Важно понимание человека-личности как индивидуально-неповторимой целостности¹⁴, обладающей системой ценностей и вырабатывающей жизненные смыслы. Стоит подчеркнуть важность обеспечения в обществе возможности максимальной реализации прав и свобод на основе личностной позиции и упомянуть В.А. Рыбакова, писавшего, что существует закономерность: «чем больше свободы, тем больше ответственности», и наоборот — «где происходит ограничение свободы, неизбежна психологическая деформация, приводящая к безответственному, неправомерному поведению»¹⁵.

В свете сказанного выше, приведем интересную точку зрения Д.Г. Василевича, М.С. Савченко, О.Н. Малиновского, В.В. Гончарова и А.В. Чешина. Они предлагают и разрабатывают такую категорию медицинского права, как «соматические права»¹⁶, и особо анализируют случаи злоупотребления ими. Однако при этом стоит отметить, что психологи, в том числе клинические, в классификации видов здоровья¹⁷, помимо соматического (физического), выделяют психическое и (или) психологическое. Часто «психическое здоровье» и «психологическое здоровье» отождествляются¹⁸; но далеко не всегда, например, И.В. Дубровина выделяет отдельно находящиеся в непосредственной взаимосвязи три вида здоровья — физическое (соматическое), психическое и психологическое. С учетом этого понятие «соматические права», рассматриваемое в контексте медицинской и психологической наук, медицины как деятельности и клинической психологии, а также медицинского права, является узким. Тем не менее сошлемся на точку зрения указанных выше авторов, касающуюся трансплантологии. Они считают весьма «дискуссионным (и подлежащим исключению из законодательства)... институт презумпции согласия пациентов лечебных учреждений на донорство своих органов и (или) тканей», полагают, что посмертное донорство допустимо только на основе прямого волеизъявления, они убеждены, что «любые попытки распоряжения органами и (или) тканями человека после его смерти без его согласия (кроме захоронения...)» «необходимо рассматривать в качестве про-

¹³ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Избранные труды по гражданскому праву / В.А. Рыбаков. Коломна : Инлайт : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. С. 415.

¹⁶ Цитаты: Василевич Д.Г., Савченко М.С., Малиновский О.Н., Гончаров В.В., Чешин А.В. Право человека на трансплантацию себе человеческих органов и тканей как разновидность соматических прав: опыт критического исследования // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 218–221.

¹⁷ См.: Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. СПб. : Питер, 2006; и др.

¹⁸ Лебедева О.В., Фомина Н.В. Отношение к соматическому здоровью как показатель развития психологического здоровья личности (на материале изучения различных возрастных групп испытуемых) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 150–158.

тивоправных действий, нарушающих права... покойного»¹⁹. С приведенной точкой зрения мы солидарны. Напомним, что речь идет о ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»²⁰, согласно которой изъятие органов и (или) тканей у трупа для трансплантации не допускается, только если медицинская организация на момент такого изъятия поставлена в известность о том, что совершеннолетнее дееспособное лицо при жизни либо иные лица (супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии — один из близких родственников (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, бабушка) заявили о своем несогласии на такое изъятие; а также когда медицинской организацией не получено согласие одного из родителей на изъятие в случае смерти несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным. С момента своего появления и до настоящего времени норма, закрепляющая «презумпцию согласия» на изъятие органов и (или) тканей человека, вызывает многочисленные споры. Важно отметить, что это касается не только России, общественность во всем мире по данному вопросу не единодушна, к тому же в различных странах подход законодателя разнится, не существует единой модели, многие государства отказались от закрепления в своем законодательстве такой презумпции (в частности, анализ международной практики недавно был проведен Н.Б. Пилькевичем, В.А. Марковской, О.В. Яворской, Р.Р. Хабибуллиным, А.П. Смирновой)²¹. Например, в литературе встречается ссылка на то, что в России, несмотря на то, что закреплена «презумпция согласия», 78% не готовы стать донорами после смерти», в то время как в США, где провозглашена «презумпция несогласия»... 51% граждан зарегистрированы в качестве доноров»²². Много это или мало? С точки зрения общественности на эти цифры можно посмотреть по-разному. Множество заслуживающих внимания аспектов, касающихся прав человека в отношении посмертного бытования его тела, отражено в исследовании Элисон Дундес Рентелн. Она отмечает, что «число... конфликтов, связанных с мертвыми телами, поражает» и справедливо обращает внимание на то, что «мертвые не в состоянии отстоять свои собственные

¹⁹ Цитаты в предложении: Василевич Д.Г., Савченко М.С., Потапенко С.В., Гончаров В.В., Чешин А.В., Поярков С.Ю. Злоупотребление правом при реализации человеком своих соматических прав: к постановке проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 146.

²⁰ Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Пилькевич Н.Б., Марковская В.А., Яворская О.В., Хабибуллин Р.Р., Смирнова А.П. Международные и национальные источники правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 3 (153). С. 103–117.

²² Анисимов А.А., Гильметдинова Э.С., Мулендеева М.А., Анисимов А.Ю. Первый социальный проект по популяризации органного донорства в Татарстане на основе опыта Соединенных Штатов Америки // Трансплантология. 2022. № 14 (1). С. 60.

права»²³ как права прижизненные, лишь реализация которых происходит после смерти, соответственно, их «осуществление» приобретает «решающее значение для живущих»²⁴ (в первую очередь для родственников). Автор в своих рассуждениях приходит к верным выводам: права, связанные с согласием на патологоанатомическое вскрытие или отказом от него; права, связанные с особенностями погребения и иного «распоряжения» телом, в том числе с передачей его на исследования в целях развития науки и (или) образования, а также в медицинских целях, включая трансплантологию, являются, во-первых, важнейшими прижизненными правами самого человека, во-вторых, затрагивающими права семьи.

Важно помнить о том, что трансплантация представляет собой особый комплекс медицинских процедур, к тому же непосредственному изъятию органов и (или) тканей предшествуют оценочно-диагностические и подготовительные мероприятия, медицинские процедуры, направленные уже не на лечение человека, а лишь на оценку пригодности его организма для целей трансплантации, на сохранение, восстановление гомеостаза в организме донора, на его «кондиционирование» после констатации смерти. Мы убеждены в том, что у каждого потенциального донора и его родственников должен быть максимальный доступ к информации на этот счет, включая сведения об особенностях данных мероприятий, об альтернативных методиках, если они имеются, спорных мнениях, статистике и проч. Каждый потенциальный донор должен хорошо представлять то, что будет происходить с его организмом в процессе подготовки к трансплантации, как и тогда, когда будет осуществляться изъятие органов и (или) тканей из его организма и т.д. Каждый должен иметь возможность максимально свободно и мотивированно прийти к выводу о желании или нежелании своего участия в трансплантации. В данном случае нет и не должно быть универсального ответа, мнения общего для всех, принятого обществом по умолчанию или большинством голосов (даже несмотря на общественную значимость трансплантологии и ее успехов). Ответ должен быть сформулирован каждым, основываясь на тех личностных «смыслах жизни», о которых упоминают В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Н.В. Витрук. К сожалению, далеко не все авторы обращают внимание на то, что в вопросах согласия или несогласия на участие в качестве донора лишь «в редких случаях можно говорить о... "чистой мотивации"», напротив «большинство доноров... решают пожертвовать орган (ткань) импульсивно»²⁵. Можно особо выделить исследование, проведенное К. Куковым и А. Джорджановой, в котором они акцентируют внимание как раз именно на этом.

²³ См.: Рентелн Э.Д. Права мертвых: вскрытие и служебное злоупотребление трупами в мультикультурных обществах // Социология власти. 2016. № 3. С. 239–261.

²⁴ См.: Рентелн Э.Д. Указ. соч. С. 239–261.

²⁵ Цит. в кавычках: Куков К., Джорджанова А. Психологические аспекты трансплантологии и органного донорства как проблема клинической психологии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Т. 7. № 4. С. 53.

Более того, подробно анализируют и иные психологические аспекты, связанные с данным направлением медицинской деятельности. В частности, по их данным, встречаются люди «со сниженной... самооценкой или ощущающие себя отчужденными от общества», которые «готовы быть донорами в целях поиска психологической безопасности», хотя «привлечь к себе внимание», «придать смысл и значение своему... существованию», «получить желаемое уважение», также это могут быть «проживающие одиноко люди»²⁶. Авторы показывают спектр разнообразных психологических последствий при трансплантации органов и тканей от живого человека, например, встречаются доноры, у которых если «важность их поступка “разбавляется” по какой-либо причине и восхищение ими “выцветает”... появляется чувство “горечи”... неадекватного признания их жертвы»²⁷; на практике у доноров встречается чувство вины в случае неблагоприятного исхода трансплантации; может развиваться такое чувство и у реципиента органа или ткани; серьезные последствия могут вызывать побочные эффекты хирургического вмешательства, дальнейшей терапии. Многие рассмотренные ими примеры касаются случаев прижизненного донорства; однако, даже они во многих случаях актуальны применительно к донорству посмертному, как минимум потому, что в живых в случае благоприятного лечения остается реципиент, а также родственники с обеих сторон. У них также проявляются различные психологические и соматические последствия. С нашей точки зрения, заслуживает внимания также исследование, проведенное Н.Ф. Климушевой, Л.Т. Баранской, Т.В. Шмаковой, в котором они, рассматривая противоположные реакции реципиентов после трансплантации им органов, приводят пример пациента с тяжелыми психологическими последствиями пересадки, сожалющего о своем согласии на нее (таким образом, трансплантация может быть успешной или нет не только с точки зрения последствий для физического здоровья, весьма важны также психические и психологические последствия). Указанные авторы, говоря о важности трансплантации как уникального средства спасения и prolongации жизни больных, напоминают о том, что «опасно безусловное принятие социальных требований», так как оно есть «короткий и прямой путь диктата над личностью, над тем, что ей необходимо желать и потреблять»²⁸. Очень важно учитывать фактор личности реципиента, который продолжит жить (а жить с чужим органом далеко не для всех оказывается психологически легко), и того, кого рассматривают в качестве возможного донора — человек может не желать, чтобы его орган «доживал» (т.е. биологически функционировал) в чужом теле, и это естественное право человека. В связи со сказанным, мы негативно оцениваем саму возможность изъятия органов и (или) тканей

²⁶ Цит. в кавычках: Куков К., Джорджанова А. Указ. соч. С. 53–55.

²⁷ Там же. С. 53–54.

²⁸ Климушева Н.Ф., Баранская Л.Т., Шмакова Т.В. Органное донорство в контексте интеграции клинической психологии и трансплантационной медицины // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6. № 2. С. 83, 81.

у недееспособных граждан, даже если оно происходит после их смерти и их родственники согласны на это. Полагаем, что основной аргумент против — это то, что недееспособные граждане, ввиду имеющегося у них психического расстройства и невозможности понимать значения своих действий или руководить ими, не в состоянии выработать мотивированную позицию, касающуюся их возможного участия в данной процедуре в качестве донора (однако речь ведь идет именно об их теле и его соматических и иных особенностях).

Помимо сказанного выше, авторы часто подчеркивают имеющиеся проблемы в сфере детского донорства. Они справедливо акцентируют внимание на том, что именно здесь морально-этический компонент является наиболее острым. Всегда обращается внимание на сложность достижения баланса между правом ребенка, который нуждается в спасении жизни и излечении посредством пересадки ему донорского материала; а также правом семьи другого ребенка (возможного донора) на передачу его тела трансплантологам в целях изъятия биоматериала либо на отказ от такой передачи. Однако практически никогда не поднимается вопрос о мнении самого ребенка как потенциального донора. А такое мнение вполне у него может быть. Дети в процессе взросления получают информацию из различных источников, в том числе в курсе школьной программы, проходя биологию, основы медицинских знаний и т.д. Плюс к этому по всему миру наблюдается тенденция, связанная с формированием позитивного общественного мнения о трансплантологии. К тому же соответствующие меры направляются в первую очередь на молодое поколение. Например, размещается реклама донорства с супергероями из мультфильмов (Человеком-пауком, Суперменом) и лозунгом «Настоящая сила — внутри тебя» или реклама «подари «вторую жизнь старым поврежденным детским игрушкам, “пересаживая” им части тела от других игрушек» и т.д.²⁹ На кого она направлена? Ответ очевиден — в том числе на детей. Таким образом, если дети имеют возможность столкнуться с информацией, касающейся трансплантологии, то возникают два вопроса: во-первых, связанный с тем, какова должна быть эта информация и в какой форме, чтобы не оказывать явного или скрытого давления на несовершеннолетнего; во-вторых, каким образом обеспечить право ребенка на его несогласие быть донором, возможно даже не совпадающее с мнением родителей или иных родственников (ведь это именно его тело, а не их)? Если мы допускаем, что ребенок по мере взросления получает право на учет его мнения, в частности, в вопросе о том, с кем из родителей он будет проживать; то и данный вопрос является не менее существенным. Важно внимание не только к правам и интересам детей-реципиентов органов и (или) тканей, но и к правам потенциальных детей-доноров.

²⁹ См.: Анисимов А.А., Абдуллина А.Р., Раимова А.Т., Анисимов Ю.А. Социальная реклама как инструмент формирования доверительного отношения к органному донорству // Трансплантология. 2023. № 15 (2). С. 231–232.

В работах, посвященных трансплантологии, иногда отмечается, что возможные доноры и их родственники должны прийти к «верному решению». Несомненно, верным оно может быть только в случае, когда гражданин осознает, предвидит и желает того, что связано с процессом подготовки тела и последующим изъятием из него органов и тканей. В основе его участия в процедуре должна быть свободная воля и соответствующее волеизъявление. Стоит заметить, в литературе в отношении участия родственников в решении вопросов, связанных с посмертным донорством (т.е. давать или не давать согласие, если на этот счет не успел сделать распоряжение сам донор) существуют различные мнения. Одно из них высказывается с опорой на «презумпцию согласия» и заключается в том, что авторы (Решетников А.В., Романов С.В., Абаева О.П. Присяжная Н.В., Смирнова Г.Ю.) призывают считать беседу с семьей «излишней»³⁰; т.е. не признают участие родственников необходимым. Мы с такой позицией не согласны. В рассматриваемых отношениях очень важно учитывать, что помимо трансплантационных бригад, включающих профессиональных психологов, оказывается задействованным весь имеющийся арсенал системы здравоохранения (глав. врач больницы; медицинский персонал, включая врачей отделения, где проходил лечение пациент, реаниматологов, патологоанатомов и т.д.; организационный ресурс, юридическая служба и проч.) В данном случае очевидно ярко выраженное неравенство участников отношений: с одной стороны — пациент как физическое лицо, он же донор и его родственники, а также лица, кого он хотел бы привлечь в защиту своих прав и интересов, например, адвокат, независимый врач и психолог (на что он имеет и должен иметь право, однако, ему придется изыскивать на это средства), а с другой стороны — медицинская организация, т.е. юридическое лицо, а по факту — вся система здравоохранения. К тому же именно в данной системе сосредоточен максимальный объем медицинской информации, касающейся пациентов, а также доказательственной базы. Не стоит забывать, что проблема качества медицинской помощи, неоказания или ненадлежащего ее оказания, врачебных ошибок с непоправимыми последствиями по-прежнему остра во всем мире, и наша страна не исключение. Как отмечают Е.В. Фарбер, Ю.Д. Сергеев, Р.В. Шурупова, даже «несмотря на очевидный прогресс в медицине, ошибок в медицинской деятельности не становится меньше»³¹. На основании проведенного исследования в 2023 г., И.В. Герсонская указывает, что «врачебные ошибки — это третья самая распространенная причина смерти»; она подчеркивает, что с этой проблемой «сталкивается почти каждый житель нашей страны — постановка неправильного диагноза... назначение ненужных анализов или медицин-

³⁰ Решетников А.В., Романов С.В., Абаева О.П. Присяжная Н.В., Смирнова Г.Ю. Отношение россиян к посмертному донорству // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 72.

³¹ Фарбер Е.В., Сергеев Ю.Д., Шурупова Р.В. Социологические и правовые аспекты ошибок, совершаемых врачами и пациентами // Социология медицины. 2015. № 14 (2). С. 16.

ских препаратов»³². Соответственно, по справедливому замечанию А.В. Басовой, «сфера здравоохранения отличается высоким уровнем потенциальной конфликтогенности», число «разногласий между медицинскими организациями, врачами и пациентами... ежегодно увеличивается»³³. Вопросы преступности в сфере трансплантологии также не редкость. «Неоказание (или некачественное оказание) помощи больному в целях получения его органов для дальнейшей трансплантации... трудно доказуемо с точки зрения уголовного права и криминалистики», — пишут В.Б. Евдокимов и М.А. Хомякова, при этом отмечают, что «парадокс российского законодательства» — это закрепление презумпции согласия на изъятие органов и тканей у лица после смерти, невзирая на имеющиеся правовые лакуны, не обеспечивающие адекватной защиты граждан от незаконной купли-продажи органов»³⁴. Многие авторы отмечают, что стоит говорить о факте «отсутствия возможности оценить масштабы торговли человеческими органами, которая растет во всем мире»³⁵. С учетом сказанного мы не можем согласиться с мнением А.В. Новожилова, И.С. Кицула и Д.В. Лебедева, что в целях здравоохранения «наибольшее значение имеет выявление возможных доноров» (заметим, они ссылаются и на то, что «существенным барьером... является отказ близких родственников от изъятия органов»), при этом в качестве одной из мер по оптимизации системы трансплантологии указанные авторы называют «материальное стимулирование специалистов, ответственных за трансплантационную координацию в донорских стационарах»³⁶. Беря во внимание проблемы, озвученные В.Б. Евдокимовым и М.А. Хомяковой, а также иными специалистами в области уголовного права и криминалистики, кажутся более приемлемыми меры иного характера. Во-первых, сохранение общественного контроля за данной медицинской сферой (участие родственников это и есть одна из необходимых форм такого контроля). Во-вторых, усиление мер, связанных с надзором над медицинской деятельностью, например, целесообразно введение обязательной независимой от медицинской организации видео- и аудиофиксации (исключающей возможность последующего внесения изменений в записи, а также учитывающей требование о соблюдении медицинской тайны). В частности, такая фиксация целесообразна в патологоанатомическом отделении (при проведении вскрытий и иных исследований), а также на всех этапах, связан-

³² Герсонская И.В. Система здравоохранения в России: основные проблемы и возможные пути их решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 58.

³³ Басова А.В. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1. С. 190.

³⁴ Евдокимов В.Б., Хомякова М.А. Уголовно-правовая защита прав человека в сфере трансплантации органов и тканей // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 1.

³⁵ Пилькевич Н.Б., Марковская В.А., Яворская О.В., Хабибуллин Р.Р., Смирнова А.П. Указ. соч. С. 2.

³⁶ Новожилов А.В., Кицул И.С., Лебедева Д.В. Организационная технология мониторинга донорского потенциала для трансплантации органов человека: региональный опыт // Менеджер здравоохранения. 2025. № 5. С. 68, 64, 71.

ных с трансплантологией. Заслуживает внимания и еще один вопрос, связанный со стимулированием граждан к участию в программах донорства — это вопрос предоставления по аналогии с зарубежной практикой так называемых льгот потенциальным донорам (например, среди них перечисляют субсидии на обучение, медицинские льготы в организациях здравоохранения, бесплатное погребение и проч.³⁷). С одной стороны, данное предложение кажется совершенно логичным и правильным; но с другой стороны, оно таит в себе возможности для скрытых злоупотреблений и «рычагов давления». Велик соблазн заинтересованных лиц не выделять место на кладбище, а обеспечивать его за плату или только кремирование, если человек не идет на донорство; не предоставлять медицинские услуги в рамках обязательного медицинского страхования, перенаправляя не подписавших согласие в систему платных медицинских услуг. Дополнительно появляется возможность «играть ценами» на товары и услуги (образование, медицину, погребение...) и т.д., тем самым стимулируя (вынуждая) граждан на определенное поведение. С учетом коммерциализации медицины, это опасно. Безусловно, в случае введения таких «льгот», государство на уровне федерального законодательства должно создавать гарантии охраны и защиты граждан от подобного рода негативных факторов. К тому же, как должен решаться вопрос, если человек передумал быть донором, но «льготы израсходовал» (одно дело давать согласие на донорство пока он молод и здоров, совсем иное — когда сталкивается с болезнями и возрастом)? Большие опасения вызывают проблемы, связанные с уровнем бедности, которая может толкать людей на решения, противоречащие их взглядам.

Возвращаясь к вопросу о медицинских конфликтах, отметим, что в литературе высказывается мнение о важности развития медиации в обозначенной сфере (участия посредника в целях урегулирования споров во внесудебном порядке)³⁸. Однако обычно ее предполагают инкорпорированной в систему здравоохранения, с чем мы категорически не согласны и считаем, что она должна быть независимой. Несмотря на то что действующее законодательство не предусматривает жестких требований относительно профессионального профиля медиатора, обычно в качестве таковых выступают психологи и юристы. С нашей точки зрения, если медиация будет инкорпорирована в саму систему здравоохранения, то и юриспруденция, и психология могут стать безвольными «служанками» медицины («зарубежные

³⁷ Яремич Б.И. Пушкин С.Ю., Навасардян А.С., Селютин А.А., Губарев К.К., Александрова В.Э. Морально-этические аспекты донорства органов для трансплантации — проект катехизиса // Вест. мед. ин-та «Реавиз». 2021. № 1(49); Кобец П.Н. Совершенствование законодательных мер по противодействию противоправным деяниям в сфере трансплантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 88.

³⁸ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (посл. ред.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс».

исследователи уже... отмечали», что психологические знания «стали активно использоваться как... вариант “мягкой силы”, орудие подчинения», «особенно это заметно в отношении психосоциальной и... социально-юридической работы³⁹»). Полагаем, что ни юрист, ни психолог не должны убеждать лицо в некой «безусловной необходимости» его участия в трансплантологии. Они должны быть независимы и руководствоваться высокими принципами этики. В частности, психолог не меньше, чем врач, должен следовать девизу «Не навреди!», общаясь с гражданами, помня о важности их психосоматического благополучия, руководствуясь ценностью их прав и свобод. Медицинская организация, решая любые вопросы, связанные с осуществлением своей деятельности, контактируя с пациентом (потенциальным донором в том числе) и его семьей, всегда способна сформировать бригаду из врачей, психологов и юристов — профессионалов в сфере переговоров (зависимых от системы здравоохранения). Подумаем о психологическом и физическом состоянии родственников в момент после смерти возможного донора (особенно если он не давал согласия на это), когда их убеждают в необходимости передачи его тела на цели трансплантологии. Возникает важный морально-этический вопрос: действительно ли нужно убедить любой ценой? Потенциальные доноры далеко не всегда совершенно здоровые люди, они, находясь в состоянии болезни, могут испытывать весьма негативные физические и психологические проявления (боль, страх, отчаяние, беспокойство за родственников). Близкие для них люди также находятся в состоянии стресса, боли, горя и тревоги; рушатся и перестраиваются социальные связи; появляются не только новые права, но и обязанности; порой возникают имущественные проблемы и многое иное, о чем они сами могут еще не подозревать. Родственники (как и потенциальный донор), находясь в измененном состоянии, могут импульсивно согласиться на донорство, пойдя вопреки личным и семейным ценностным установкам. А решит ли это проблему сбережения здоровья нации? Решение, принятое вопреки истинному глубинному желанию, поддавшись уговорам, даже при искреннем желании помочь, может стать тяжким бременем, особенно если пришлось пойти против воли близких (тем более против последней воли умирающего). Для людей это может стать причиной внутренних страданий, вызвать у них серьезные психологические последствия, а за ними соматические. Совсем не обязательно, что у кого-либо одного, круг пострадавших может быть широк (правы авторы, полагающие, что важно учитывать отношения в семье, причем в «расширенной семье»⁴⁰, а сделать это бывает очень сложно). Мы убеждены, что исключать семью из решения вопросов, связанных с правом на отказ от аутопсии и от посмертного до-

³⁹ Худякова Т.Л., Валеева Г.В., Меньшиков П.В., Арпентьева М.Р. Этические проблемы психологической помощи и профессиональная подготовка психологов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 3 (94). С. 314.

⁴⁰ Куков К., Джорджанова А. Указ. соч. С. 53.

норства, ни в коем случае нельзя, ибо все последствия утраты человека и все аспекты, связанные с сохранением его памяти, лягут на его близких, но не на систему здравоохранения, для которой это всего лишь «один случай из...». Еще раз сошлемся на мнение В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева — уникально такое явление, как человеческая семья (что отличает нас от животных); авторы подчеркивают, для нее характерны межпоколенческие связи, дети для родителей всегда остаются детьми, плюс к этому «человек — существо, имеющее бабушек и дедушек»⁴¹. Вспомним особенности семейного права, точно охарактеризованные В.Ф. Яковлевым: в семейных отношениях к личным правам «подтягиваются» имущественные⁴². Это очень важно для правильного понимания того, что являет собой личность и семья. Исключение семьи из решения указанных вопросов не соответствует общей концепции, заложенной Президентом РФ в «государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴³ как стратегически значимой. Резюмируя, мы полностью солидарны с мнением авторов, которые считают целесообразным отказаться от «презумпции согласия» на изъятие органов и (или) тканей в действующем законодательстве, заменив его «презумпцией несогласия».

Михайлова-Новосельцева Т.И.,
цитолог, клинический психолог
(г. Москва)

Михайлова А.С.,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Басова А.В. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы / А.В. Басова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1.
2. Витрук Н.В. Конституция РФ как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики / Н.В. Витрук // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции (г. Москва, 04–06 декабря 2008 г.) : сборник научных статей. В 2 томах. Т. 1 / под редакцией Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. Москва : Российская академия правосудия, 2010.
3. Герсонская И.В. Система здравоохранения в России: основные проблемы и возможные пути их решения / И.В. Герсонская // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473).

⁴¹ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Указ. соч. С. 12.

⁴² Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006.

⁴³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».

4. Евдокимов В.Б., Хомякова М.А. Уголовно-правовая защита прав человека в сфере трансплантации органов и тканей // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 1.
5. Злоупотребление правом при реализации человеком своих соматических прав: к постановке проблемы / Д.Г. Василевич, М.С. Савченко, С.В. Потапенко [и др.] // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4.
6. Климушева Н.Ф. Органное донорство в контексте интеграции клинической психологии и трансплантационной медицины / Н.Ф. Климушева, Л.Т. Баранская, Т.В. Шамова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 6. № 2.
7. Куков К. Психологические аспекты трансплантологии и органного донорства как проблема клинической психологии / К. Куков, А. Джорджанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 4.
8. Международные и национальные источники правового регулирования трансплантации органов и тканей человека / Н.Б. Пилькевич, В.А. Марковская, О.В. Яворская [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 3 (153).
9. Морально-этические аспекты донорства органов для трансплантации — проект катехизиса / Б.И. Яремин, С.Ю. Пушкин, А.С. Навасардян [и др.] // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ»: реабилитация, врач и здоровье. 2021. № 1 (49).
10. Новожилов А.В. Организационная технология мониторинга донорского потенциала для трансплантации органов человека: региональный опыт / А.В. Новожилов, И.С. Кицул, Д.В. Лебедева // Менеджер здравоохранения. 2025. № 5.
11. Отношение россиян к посмертному донорству / А.В. Решетников, С.В. Романов, О.П. Абаева [и др.] // Социологические исследования. 2019. № 4.
12. Первый социальный проект по популяризации органного донорства в Татарстане на основе опыта Соединенных Штатов Америки / А.А. Анисимов, Э.С. Гильметдинова, М.А. Мулендеева, А.Ю. Анисимов // Трансплантология. 2022. № 14 (1).
13. Право человека на трансплантацию себе человеческих органов и тканей как разновидность соматических прав: опыт критического исследования / Д.Г. Василевич, М.С. Савченко, О.Н. Малиновский [и др.] // Аграрное и земельное право. 2025. № 5.
14. Рентелн Э.Д. Права мертвых: вскрытие и служебное злоупотребление трупами в мультикультурных обществах / Э.Д. Рентелн // Социология власти. 2016. Т. 28. № 3.
15. Рыбаков В.А. Избранные труды по гражданскому праву / В.А. Рыбаков. Коломна : Инлайт ; Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013.
16. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учебное пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. Москва : Школа-Пресс, 1995.
17. Фарбер Е.В. Социологические и правовые аспекты ошибок, совершаемых врачами и пациентами / Е.В. Фарбер, Ю.Д. Сергеев, Р.В. Шурупова // Социология медицины. 2015. № 14 (2).
18. Этические проблемы психологической помощи и профессиональная подготовка психологов / Т.Л. Худякова, Г.В. Валеева, П.В. Меньшиков, М.Р. Арпентьева // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 3 (94).
19. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. Москва : Статут, 2006.

Финансовая политика как механизм обеспечения экономической безопасности государства

Финансовая политика играет ключевую роль в обеспечении экономической безопасности государства. Современная финансовая политика не только направлена на реализацию распределительной и стимулирующей функции, но и становится инструментом стратегической защиты государства от дестабилизирующих факторов, как внутренних, так и внешних.

Прежде всего предлагается разобраться с понятием финансовая политика. Действующие нормативные правовые акты не содержат легального определения термина «финансовая политика», при этом сам термин встречается в п. «б» ст. 114 Конституции Российской Федерации, согласно которой обеспечение проведения в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики относится к полномочиям Правительства РФ. По сути, основной закон разграничивает три вида государственной политики: финансовую, кредитную и денежную, хотя исходя из понимания категорий финансы, финансовая деятельность, финансовая система с точки зрения их содержания финансовая политика является более широким понятием и должна включать кредитную и денежную политику. Следует также обратить внимание, что Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹ к функциям главного банка страны относится разработка основных направлений денежно-кредитной политики совместно с Правительством РФ, т.е. федеральный закон терминологически не разграничивает денежную и кредитную политику. При этом Министерство финансов РФ разрабатывает и принимает основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики².

Если обратиться к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»³, то в ст. 13 и 14 содержится термин бюджетно-финансовая политика, но понятие содержательно не раскрывается. В Федеральном законе от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» в ст. 14 используется термин «основы финансовой

¹ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

² См., например: «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (разработаны Минфином России). URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 02.10.2024).

³ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

политики», причем его содержание раскрывается исключительно только к той ее части, которая относится к осуществлению военно-технического сотрудничества, и включает следующие элементы: условия недопущения нанесения экономического ущерба, снижение расходов национального бюджета на оборону, пропорциональное распределение прибыли организациями в сфере военно-технического сотрудничества, ценообразование в данной сфере, распределение доходов, получаемых от военно-технического сотрудничества⁴, что фактически ограничивается раскрытием содержания финансовой политики через элементы бюджетной сферы.

Следует обратить внимание на Послание Президента РФ Федеральному собранию, которое было сделано 21 апреля 2021 г., в котором Президент РФ обратил внимание, что Правительство совместно с Центральным банком должны и дальше проводить ответственную финансовую политику применительно к бюджету и государственным финансам⁵, что позволяет сделать вывод о том, что финансовая политика не сводится только к бюджетной сфере.

Если обратиться к Распоряжению Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р⁶, то в п. 2 утверждаемой Стратегии раскрывается содержание инвестиционной и финансовой политики, которые включают налоговые льготы, защиту инвесторов, льготное заемное финансирование, меры государственной поддержки. Учитывая, что понятия в стратегии не разграничиваются, то представляется логичным исходя из понятия «инвестиции» в качестве составных элементов финансовой политики указать на такие инструменты, как налоговые льготы, льготное заемное финансирование, государственная поддержка. В п. 4, 19 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года⁷ используется термин «инвестиционно-ориентированная государственная финансовая политика», в качестве механизмов и инструментов которой выделены увеличение нормы накопления, привлечение накоплений для реализации инвестиционных проектов. Подобное переплетение финансовой и инвестиционной политики обусловлено в первую очередь теми приоритетами, которые стоят перед государством на современном этапе, к которым логично относится привлечение инвестиций в национальную экономику с целью стимулирования ее развития, что влияет на стабильность и финансовой системы государства.

⁴ Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3610.

⁵ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 21 апреля 2021 г. // Российская газета. 2021. 22 апреля.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года».

⁷ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

Представляет интерес и Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 1993 г. № 426-р, содержание финансовой политики включено в государственные финансы, финансы предприятий, финансы населения, при этом денежно-кредитная политика отграничена от финансовой политики и включает денежное обращение, цены и кредит, что представляется вполне логичным и корреспондирует структуре финансовой системы государства. В Заявлении Правительства РФ, Банка России «Об экономической политике на 2001 год и некоторых аспектах стратегии на среднесрочную перспективу»⁸ анализ раздела В позволяет сделать вывод о том, что макроэкономическая и финансовая политика включает налогово-бюджетную политику, денежно-кредитную политику и политику в области валютного курса, платежный баланс, валютное регулирование и внешнюю торговлю, что не позволяет также разграничить макроэкономическую политику и финансовую.

В науке финансового права преимущественно используется подход к определению финансовой политики как «части государственной политики, представляющей собой мероприятия, которые осуществляет государство для формирования, распределения и использования финансовых ресурсов для реализации функций государства, а также деятельности стратегического характера, направленных на совершенствование финансовых отношений в целях установления баланса сфер влияния различных общественных регуляторов»⁹, т.е. по сути сводится к бюджетной политике.

Таким образом, финансовую политику представляется целесообразным определять как систему экономических, организационно-хозяйственных, правовых мероприятий на международном и национальных уровнях, проводимых государством с целью обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития государства. При этом государственная финансовая политика в широком смысле в рамках настоящего исследования рассматривается как включающая бюджетную, налоговую, денежно-кредитную, валютную, долговую и инвестиционную политику.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» экономическая безопасность определяется как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет страны, единство

⁸ Заявление Правительства РФ, Банка России «Об экономической политике на 2001 год и некоторых аспектах стратегии на среднесрочную перспективу» (одобрено на заседании Совета директоров Банка России 06.04.2001, на заседании Правительства РФ 13.04.2001) // Российская газета. 2001. 22 апреля.

⁹ См., например: Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник. М. : Норма: ИНФРА-М, 2025. 568с.; Малиновская О.В., Скобелева И.П., Бровкина А.В. Функции государственных и муниципальных финансов и модернизация их инструментов в современных условиях // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 12. С. 34–41; Поветкина Н.А. Финансово-правовая модель реформирования системы обязательного социального страхования // Финансовое право. 2018. № 11. С. 17–20.

ее экономического пространства, условия для реализации стратегических и национальных приоритетов Российской Федерации¹⁰. Обеспечение экономической безопасности невозможно без реализации государством единой государственной финансовой политики, что предполагает необходимость обеспечить со стороны государства возможности эффективно противостоять кризисам, что непосредственно связано с задачей обеспечения стабильности финансовой системы и создания условий для устойчивого роста доходов населения, развития отраслей народного хозяйства.

Таким образом, финансовая политика выступает не просто одним из инструментов обеспечения экономической безопасности, а представляет собой ее системообразующий механизм.

Как было указано, обеспечение экономической безопасности требует устойчивости финансовой системы, на которую существенное влияние оказывают различные риски, которые требуют своевременного выявления и устранения или хотя бы минимизации, т.е. необходимо постоянное управление ими. Учитывая, что в современных условиях государство не функционирует изолированно, то изменчивость мировых рынков оказывает непосредственное влияние на формирование финансовой политики в государстве, а соответственно, существенно расширяется спектр тех рисков, которые должны попадать в поле зрения государства. Среди наиболее значимых рисков следует выделить следующие: в первую очередь бюджетные риски (ключевая задача — обеспечить сбалансированность бюджетов всех уровней, в случае возникновения дефицита бюджета обеспечивать источники финансирования дефицита бюджета, снижение долговой нагрузки), инфляционные и валютные риски (в условиях жесткой санкционной политики, ограниченности ресурсов особо актуальным становится обеспечение стабильности национальной валюты и снижения уровня инфляции, что осуществляется через инструменты монетарного регулирования), риск финансовой нестабильности банковского и финансового рынка, риск внешнеэкономических угроз (санкционные ограничения, изменения глобальных ценовых трендов, движение капитала).

Одной из важнейших задач финансовой политики для обеспечения экономической безопасности является формирование достаточных финансовых резервов, диверсификация источников финансирования и развитие внутреннего финансового рынка как основы защиты экономического суверенитета.

Одним из основных элементов финансовой политики является бюджетная политика, роль которой в экономической безопасности нельзя недооценивать. Экономический суверенитет государства напрямую связан с обеспечением устойчивости публичных финансов, достижения балан-

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

са между мерами, направленными на использование финансовых мер поддержки с целью стимулирования развития приоритетных отраслей народного хозяйства, т.е. производимых бюджетных расходов, и получаемыми доходами в настоящем и окупаемость таких расходов государства в будущем, повышения эффективности бюджетных программ, которые должны давать реальный результат и пользу для государства и населения, внедрение механизмов среднесрочного и долгосрочного бюджетного планирования, цифровизации бюджетного процесса и деятельности органов управления государства с целью повышения их эффективности, снижения затрат на административные процессы, а также повышения прозрачности публичного финансового контроля в бюджетной сфере. Кроме того, сбалансированная бюджетная политика позволяет государству поддерживать макроэкономическую стабильность и снижает зависимость от внешних источников финансирования.

Следует также обратить внимание на такой составной элемент финансовой политики, как денежно-кредитная политика, поскольку денежно-кредитная сфера является неотъемлемой частью финансовой системы государства. Анализ целей деятельности и функций Банка России позволяет сделать вывод, что поддержание ценовой стабильности, обеспечение устойчивости национальной валюты, регулирование ликвидности банковского сектора, создание механизмов долгосрочного финансирования экономики, предупреждения системных рисков направлены именно на обеспечение экономической безопасности государства. При этом следует обратить внимание, что в условиях глобальных экономических и политических вызовов растет значение инструментов адаптивного монетарного регулирования, включая таргетирование ликвидности, расширение операций рефинансирования, применения инструментов макропруденциального надзора, что находит свое отражение в проводимой Центральным банком РФ денежно-кредитной политике.

Одна из задач, которую решает Банк России, — это обеспечение функционирования развитого и стабильного финансового рынка, поскольку сложно недооценивать его влияние на экономическую безопасность государства. Проводимая государством финансовая политика должна быть направлена на повышение прозрачности и эффективности финансовой инфраструктуры, расширения доступа хозяйствующих субъектов к долгосрочному капиталу, развитию инструментов внутреннего заимствования, снижения зависимости от внешнего финансирования, защиту прав инвесторов и повышения доверия к финансовым институтам, в связи с чем в нормативных актах неразрывно определяются задачи финансовой и инвестиционной политики.

В правовом государстве финансовая политика и реализуемые ею меры должны быть четко закреплены в нормативных правовых актах, поскольку эффективное и прозрачное правовое регулирование создает необходимую правовую основу для функционирования экономики.

Финансовое законодательство должно быть стабильным и предсказуемым, обеспечивать прозрачность деятельности и подотчетность органов власти, ответственных за разработку и реализацию финансовой политики, а также финансовых институтов, эффективность осуществления публично-го финансового контроля, противодействие коррупции и финансовым злоупотреблениям, быть адаптивным к цифровым изменениям и появлению новых форм финансовых операций. В условиях цифровизации повышается значение технологий не только как инструмента предупреждения финансовых нарушений, применение постоянного мониторинга финансовых транзакций, но и обеспечение противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, сбалансированного регулирования развития финансовых технологий. Именно финансовое законодательство становится правовым инструментом, направленным на обеспечение экономической безопасности, стимулирования правомерного поведения граждан и хозяйствующих субъектов.

Таким образом, финансовая политика — это государственная политика, в широком смысле включающая бюджетную, налоговую, денежно-кредитную, таможенно-тарифную политику, которая представляет собой стратегический инструмент, определяющий устойчивость национальной экономики, ее способность противостоять кризисам и сохранять экономический суверенитет. Именно финансовая политика государства является механизмом, который направлен на обеспечение экономической безопасности, в связи с чем представляется чрезвычайно важным законодательно закрепить понятие финансовой политики, ее состав и обеспечить использование единой терминологии в нормативных правовых актах.

Антропцева И.О.,

доцент кафедры междисциплинарных программ и исследований
по юриспруденции Высшей школы правоведения

Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;

доцент кафедры международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук
(г. Москва)

Литература:

1. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник / Ю.А. Крохина. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025.
2. Малиновская О.В. Функции государственных и муниципальных финансов и модернизация их инструментов в современных условиях / О.В. Малиновская, И.П. Скобелева, А.В. Бровкина // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 12.
3. Поветкина Н.А. Финансово-правовая модель реформирования системы обязательного социального страхования / Н.А. Поветкина // Финансовое право. 2018. № 11.

Реконструкция налоговых обязательств. Развитие судебной практики в применении положений статьи 54.1 НК РФ

Вопрос реконструкции налоговых обязательств налогоплательщиков следует начать с того как распределяются обязанности участников отношений в сфере налогообложения.

Статьей 57 Конституции РФ, п. 1 ст. 3, п. 1 ст. 23 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) прямо закреплена обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы. Налоговым органам, соответственно, п. 1 ст. 31 НК РФ предоставлено право требовать от налогоплательщиков документы, служащие основаниями для исчисления и уплаты налогов, а также документы, подтверждающие правильность исчисления и своевременность уплаты налогов, проводить налоговые проверки, определять суммы налогов, подлежащие уплате налогоплательщиками в бюджетную систему Российской Федерации, расчетным путем в случаях недобросовестного поведения налогоплательщиков. Данные права реализуются налоговыми органами в рамках обязанности по осуществлению контроля за соблюдением законодательства о налогах (п. 1 ст. 32 НК РФ). При этом подразумевается, что должностные лица налоговых органов действуют в строгом соответствии с законами, реализовывают права и обязанности налоговых органов в пределах своей компетенции (ст. 32 НК РФ).

Говоря о стандартах поведения налогоплательщиков и налоговых органов, нельзя ограничиваться анализом подлежащих применению указанными лицами норм, не уделив внимания вопросу их добросовестности, применимых стандартов таковой.

Как известно, добросовестность налогоплательщиков презюмируется (п. 6 ст. 108 НК РФ; п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»). При этом вопрос добросовестности поведения налогоплательщика при определении собственных налоговых обязательств не составляет большой проблемы, особенно в свете подробных формулировок ст. 54.1 НК РФ, введенной Федеральным законом от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ. Принимая во внимание то, что неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщиков, тот факт, что, действуя в строгом соответствии с нормативными предписаниями, налогоплательщик, как правило, либо избегает самого факта правонарушения, либо, по меньшей мере, сохраняет возможность восстановить реальную картину своей хозяйственной деятельности — обеспечив, с одной стороны, реализацию публичных

интересов в форме внесения необходимых сумм неуплаченных налогов и сумм пеней и, с другой стороны, исключив несение необоснованного финансового бремени в форме не соответствующих реальности налоговых начислений, — строгое следование налогоплательщиком букве закона позволяет достигнуть корректного, экономически обоснованного налогообложения.

Применительно к налоговым органам, однако, принцип добросовестности имеет гораздо большее значение, поскольку нормативное регулирование прав и обязанностей налоговых органов, их должностных лиц носит довольно общий характер и не подразумевает детальное описание порядка действий налоговых органов в различных практических ситуациях.

Под принципом добросовестности налогового администрирования принято понимать реализацию публичных интересов в налоговой сфере без ущемления частных законных интересов путем создания препятствий со стороны органов исполнительной власти. При этом принцип добросовестности налогового администрирования определяет рамки деятельности налоговых органов, при выходе за которые нарушается баланс частных и публичных интересов субъектов налоговых правоотношений¹.

В теории под законным интересом обычно понимается потребность лица, обеспеченная правом, но не корреспондирующая конкретной юридической обязанности в правоотношениях, имеющая материальный или процессуальный характер², стремление субъекта отношений к обладанию определенным социальным благом способом, который не противоречил бы существующим в обществе правовым установкам; то, что остается за рамками нормируемого правила поведения, вне границ субъективных прав и обязанностей³. Данные потребности и стремления подразумевают, помимо прочего, гарантированную государством юридическую дозволенность обращаться за защитой к компетентным государственным органам⁴, с одной стороны, и непротиворечие таких потребностей общественным потребностям, с другой⁵.

В рамках проблемы «реконструкции» налоговых обязательств наиболее распространенной и в то же время наиболее значимой является проблема применения положений ст. 54.1 НК РФ при оценке оснований для доначисления НДС и налога на прибыль организаций. При этом особо остро вопрос добросовестности налогоплательщиков и налоговых органов проявляется в ситуациях, когда, несмотря на установленный факт несения расходов (наличие

¹ Кукушкин Д.С. Принцип добросовестности налогового администрирования. Сравнительно-правовой анализ концепций России и ОЭСР / Д.С. Кукушкин // *Налоги*. 2025. № 1. С. 40–43.

² Гришаев С.П., Овчинникова А.В. Эволюция правового регулирования института банкротства / С.П. Гришаев, А.В. Овчинникова // СПС «КонсультантПлюс».

³ Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев ; под ред. А.В. Малько; Российская академия наук. Москва : НОРМА, 2008. 496 с.

⁴ Малько А.В. Законные интересы советских граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 58.

⁵ Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы : учеб. пособие / А.В. Малько. М., 2000. С. 139.

товаров работ, услуг), фактические обстоятельства, связанные с формированием налоговой базы, в том числе конкретные реальные контрагенты, суммы расходов (вычетов), не могут быть установлены в силу отсутствия такой информации у самого налогоплательщика или его уклонения от раскрытия такой информации.

Производной от указанной является ситуация расчета суммы ущерба, причиненного налоговым преступлением, выразившимся в неуплате налога на прибыль организаций, при отсутствии сведений о реальных контрагентах и (или) о реальных суммах расчетов с такими контрагентами.

Поскольку критерий добросовестности находит смысловое наполнение в конкретных ситуациях, конкретных проблемах, конкретных спорах, необходимо обозначить основные правовые позиции, нашедшие отражение в судебной практике и непосредственно связанные с вопросом «реконструкции» налоговых обязательств:

1) налогообложение осуществляется на основании принципа экономической обоснованности налога (п. 3 ст. 3 НК РФ)⁶;

2) налоговые органы в рамках контрольных процедур обязаны принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налоговых обязательств налогоплательщиков и доначислять суммы налогов таким образом, как если бы налогоплательщики не злоупотребляли правом⁷;

3) налоговые органы обязаны учитывать законные интересы плательщиков и не допускать создания условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону⁸;

4) документальное обоснование права на налоговые вычеты, сумм налога, уплаченного контрагентам при приобретении товаров (работ, услуг), лежит на налогоплательщиках; у налоговых органов отсутствует обязанность доказывать, какими именно лицами фактически были поставлены товары (выполнены работы, оказаны услуги)⁹;

5) возможность «налоговой реконструкции» определяется не формальными, а материальными условиями — установлением по результатам налоговой проверки лица, которое фактически производило исполнение по сделке, предоставлением налогоплательщиком (наличия у налоговых органов) сведений и документов, позволяющих вывести фактически совершенные хозяй-

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2009 г. № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 февраля 2018 г. № 302-КГ17-16602 по делу № А33-17038/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 27 декабря 2017 г. № 302-КГ17-19438 по делу № А33-29121/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

ственные операции из «теневого» оборота и осуществление их полного налогообложения (возможность такого налогообложения)¹⁰;

6) позиция налогоплательщиков при проведении мероприятий налогового контроля, при которой ими не представляются документы и сведения, может быть основана на оспаривании осуществляемой налоговыми органами в ходе проверки переквалификации спорных правоотношений, поскольку иное поведение означало бы согласие налогоплательщиков с подходом налоговых органов относительно обоснованности переквалификации спорных операций, что не соответствовало бы действительной позиции налогоплательщиков и по существу лишало бы их права на защиту¹¹; противодействие злоупотреблениям в сфере налогообложения не должно приводить к определению налоговой обязанности в относительно более высоком размере (превышающем потери казны от неуплаты налогов)¹²;

7) расчетный способ определения налоговых обязанностей может применяться только при наличии неосторожности со стороны налогоплательщиков¹³;

8) при расчетном методе начисления налогов достоверное исчисление налогов невозможно по объективным причинам; необходимость исчисления налогов в точном соответствии с фактическими обязательствами всех участников сделок противоречит самой сути расчетного метода¹⁴.

С учетом вышеизложенного применительно к проблеме «реконструкции» налоговых обязательств можно сделать следующие выводы.

В случае выявления налоговыми органами в рамках мероприятий налогового контроля (вышестоящим налоговым органом или судом в ходе обжалования) фактических обстоятельств, связанных с формированием налоговой базы и определением суммы налога, позволяющие достоверно оценить доходы и расходы (вычеты) налогоплательщиков, налоговый орган (суд) производит оценку налоговых обязательств самостоятельно по имеющимся доказательствам.

В случае выявления фактических обстоятельств, связанных с формированием налоговой базы и определением суммы налога, указывающих на возможные основания для вывода о праве налогоплательщиков на учет расходов (вычетов), но недостаточных для вывода о конкретных суммах расходов (вычетов), следует исходить из следующего.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 мая 2021 г. № 309-ЭС20-23981 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 6 июля 2010 г. № 17152/09 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2021 г. по делу № 305-ЭС21-18005, А40-131167/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021). п. 39 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июня 2024 г. № 309-ЭС23-30097 по делу № А76-5542/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

В случае отсутствия умысла со стороны налогоплательщика, направленного на создание схемы по минимизации налоговых обязательств, основанной на оформлении документов в отношении одних контрагентов и фактическом приобретении товаров (работ, услуг) у иных лиц, суммы налогов, подлежащие уплате, определяются расчетным путем (подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ).

Между тем в подавляющем большинстве случаев неуплата налогов осуществляется при наличии умысла со стороны налогоплательщика, т.е. расчетный метод определения налоговых обязательств применен быть не может, что не исключает применения «налоговой реконструкции».

После принятия налоговыми органами исчерпывающих мер по сбору доказательств в части расходов (вычетов), налоговых обязательств налогоплательщиков бремя доказывания (предоставления сведений и документов) в соответствующей части переходит к налогоплательщикам.

В случае непредоставления налогоплательщиками сведений и документов, позволяющих достоверно оценить доходы и расходы (вычеты) налогоплательщиков, а также установить фактических контрагентов, фактические товары (работы, услуги), исполнение релевантных налоговых обязательств контрагентом, основания для уменьшения налоговых обязательств налогоплательщиков отсутствуют.

Подобный подход сформирован правоприменительной практикой и активно применяется налоговыми органами и судами. Ни у кого в настоящее время не имеется сомнений в наличии у налоговых органов обязанности действовать добросовестно, принимать исчерпывающие меры к установлению относимых доказательств и не допускать необоснованные доначисления. Между тем, говоря о применении вышеупомянутых стандартов добросовестного поведения налогоплательщиков, нельзя не отметить, что на практике возникают ситуации, когда суды, соглашаясь с выводом об отсутствии достаточных сведений о реальной стоимости товаров (работ, услуг), тем не менее возлагают на налоговые органы бремя доказывания завышения расходов (вычетов) по отношениям со спорными контрагентами по сравнению с расходами (вычетами), подлежавшими учету по отношениям с реальными контрагентами (наличия наценки), либо задвоения в налоговой отчетности расходов (вычетов)¹⁵. Иначе говоря, суды возлагают на налоговые органы обязанность применения расчетного метода или же в принципе исключают возможность определения доначислений, поскольку документальное подтверждение сумм операций в отсутствие содействия со стороны налогоплательщика и иных участников схемы практически исключено.

Как отмечено выше, применение расчетного метода в обычной ситуации, т.е. ситуации, когда установлен умысел в действиях налогоплательщика, противоречит судебной практике, в том числе и нашедшей отражение

¹⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июля 2012 г. № 2341/12 по делу № А71-13079/2010-А17 // СПС «КонсультантПлюс».

в обзорах Верховного Суда. Следует отметить, что самим Налоговым кодексом применение расчетного метода не ограничено конкретными налогами или формой вины налогоплательщиков. При этом бремя доказывания того, что размер доходов и расходов, определенный налоговыми органами по правилам подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ, не соответствует фактическим условиям экономической деятельности налогоплательщиков, возлагается на последних, поскольку именно они несут риски, связанные с возникновением оснований для применения расчетного метода¹⁶. Соответственно, теоретически можно согласиться с разумностью применения данного способа определения сумм налогов, подлежащих уплате при обстоятельствах сокрытия налогоплательщиком существенных обстоятельств. Между тем применение данного метода к НДС затруднительно, поскольку не всякая сделка в рамках нормальной хозяйственной деятельности подразумевает право вычета по данному налогу, т.е. презумпция уменьшения налоговой базы и «разумных» соотношений сумм сделок и сумм НДС к вычету отсутствует.

Выработанный практикой подход, ограничивающий применение расчетного способа определения налоговых обязательств, наглядно демонстрирует нам действие принципа добросовестности применительно к конкретному вопросу правоприменения.

Вышеозначенная проблема оценки доказательств и распределения бремени доказывания помимо «локальных» проблем в арбитражном процессе так же порождает систематическую проблему доказывания в рамках уголовного процесса.

В соответствии с требованиями процессуального законодательства размер вреда, причиненного преступлением, подлежит доказыванию при производстве по уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса РФ); обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (ч. 4 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Верховным Судом прямо отмечена необходимость установления действительного размера обязательств по уплате налогов¹⁷. Стоит отметить изменение формулировок ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ с «недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности на недоимки... в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации... с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пе-

¹⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 57. п. 8 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой НК Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

ней и штрафов»¹⁸. Можно сделать вывод, что действующие нормы ориентируют на то, что сумма недоимки устанавливается самим следователем (а в дальнейшем судом), а сведения, поступившие от налогового органа, учитываются лишь при расчете размеров пеней и штрафов, являющихся производными от размера установленного следователем и судом размера недоимки¹⁹.

Повышенный стандарт доказывания в уголовных делах толкает следственные органы и суды к истолкованию любых сомнений в пользу подозреваемых (подсудимых), даже в тех случаях, когда возможность устранения таких сомнений находится всецело в руках таких лиц или необратимо утрачена в силу их действий. Причиной этого отчасти является отсутствие прямого указания в нормативных актах на возможность применения следственными органами, а равно экспертами, расчетного способа определения сумм неуплаченных налогов (стоит отметить, что следственными органами не исключается в принципе возможность определения сумм ущерба, причиненного преступлениями расчетным путем при наличии официальных методик в соответствующих правоотношениях²⁰; в отдельных случаях, когда сами налоговые органы применяют расчетный способ, эксперты его так же воспринимают²¹).

Положения ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ и Разъяснения Верховного Суда о необходимости учитывать вступившие в законную силу решения арбитражных судов, судов общей юрисдикции, постановленные в иных видах судопроизводства, имеющие значение по делу²² (решения по жалобам на акты налоговых проверок) так же не обеспечивают согласованность выводов налоговых и следственных органов, поскольку следователи и судьи в рамках уголовных дел либо игнорируют выводы судов, сделанные в рамках налоговых споров, либо некорректно применяют разъяснения Конституционного Суда о пределах действия преюдициальности судебного решения²³.

Как следствие, имеет место противоречивая судебная практика как допускающая оценку суммы ущерба в отсутствие сведений о реальных контрагентах и конкретных суммах сделок²⁴, так и не допускающая²⁵. При этом, хотя

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48. п. 12 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Гриненко А.В. Определение размера ущерба по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией / А.В. Гриненко // Налоги. 2018. № 5. С. 30–33.

²⁰ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2023 г. № 77-2120/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 3 июля 2020 г. по делу № 22-1464/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 9 марта 2023 г. по делу № 10-3831/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 апреля 2020 г. по делу № 10-7800/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

последний подход и имеет под собой определенные разумные основания, как нам кажется, он существенно нарушает баланс интересов общества и правонарушителя в пользу последнего.

Отсутствие единообразия в применении положений налогового законодательства и выводов судебной практики, находящих отражение в том числе в обзорах Президиума Верховного Суда, представляет угрозу не только правомерным ожиданиям налоговых органов, представляющим публичные интересы, угрозу нарушения принципов универсальности налогообложения и неотвратимости наказания, но и интересам налогоплательщиков, ориентирующихся на судебную практику, столь значимую в вопросах применения положений ст. 54.1 НК РФ при оценке оснований для доначисления НДС и налога на прибыль организаций.

Полагаем, что достаточно эффективным способом решения проблемы неединообразного применения законодательства в рамках налоговых споров и уголовных дел могут стать дополнительные разъяснения Пленумом Верховного Суда по вопросам судебной практики применения НК и осуществления судебных экспертиз по уголовным делам. При этом проблема оценки ущерба, причиненного преступлениями, в рамках уголовных дел требует глубокого теоретического осмысления, нацеленного на установление подхода, наиболее полно учитывающего предписания налогового законодательства и одновременно соответствующего принципам и нормам уголовного права и уголовного процесса.

Давыдова Д.А.,

заместитель руководителя управления
Федеральной налоговой службы России по Красноярскому краю,
аспирант Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)

Литература:

1. Гриненко А.В. Определение размера ущерба по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией / А.В. Гриненко // *Налоги*. 2018. № 5.
2. Гришаев С.П. Эволюция правового регулирования института банкротства / С.П. Гришаев, А.В. Овчинникова. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014.
3. Зубцов А.А. К вопросу о налоговой реконструкции в уголовных делах / А.А. Зубцов // *Уголовное право*. 2024. № 6.
4. Кукушкин Д.С. Принцип добросовестности налогового администрирования. Сравнительно-правовой анализ концепций России и ОЭСР / Д.С. Кукушкин // *Налоги*. 2025. № 1.
5. Малько А.В. Законные интересы советских граждан : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Малько. Саратов, 1985.
6. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы : учебное пособие / А.В. Малько. Москва : Юрист, 2000.
7. Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев ; под редакцией А.В. Малько. Москва : Норма, 2008.

Проблемы правоприменительной практики при разрешении споров в условиях риска

Если проанализировать теорию и правоприменительные акты на предмет указания категории «риск», можно заметить следующее.

Риск понимают и как договорное обременение, и как опасность (вероятность) ущерба, и как опасность случайной гибели, и как невыгодные последствия, и как безрассудный поступок и т.д. В различных определениях риск можно «нести», он может «покрываться», от него можно «освободиться», он может быть опасен, можно даже столкнуться с «тяжестью» риска и т.п. Не вносит ясности в этот вопрос и редакция правовых норм, упоминающих данный термин, в целом ряде норм риск внешне не выражается, хотя и предполагается.

К примеру, анализируя Гражданский кодекс РФ (далее — ГК) на предмет упоминания риска мы можем встретить эту категорию во множестве статей. В частности, ст. 349 ГК содержит в себе риск снижения стоимости предмета; ст. 316 ГК упоминает о риске изменения обязательства; риск несения убытков упоминается сразу в нескольких статьях (например, ст. 82, 87 ГК), про риск изменения обстоятельств говорится в ст. 451 ГК, риск случайной гибели имущества содержится в ст. 211 ГК, в контексте страхования риск упоминается в ст. 933 ГК.

Казалось бы, такое значительное количественное и содержательное упоминание термина «риск» в гражданском законодательстве должно было бы позволить выработать единый подход к пониманию риска как правовой категории. Однако на настоящий момент можно констатировать, что до настоящего времени единого четкого понимания этой категории ни в законодательстве, ни в доктрине, ни в правоприменительной практике не сложилось.

Разные подходы к определению данной категории на уровне законодательства можно привести на примере только одного договора — договора страхования.

В.И. Серебровский в своей работе о страховом риске отмечал различные значения риска в договоре страхования: 1) событие, от наступления которого находится в зависимости возмещение убытков страховщиком; 2) возможность или вероятность наступления события, угрожающего лицу или имуществу; 3) необходимость нести невыгодные последствия возможного, неизвестного события; 4) предел невыгодных последствий страхового случая; 5) возможная хозяйственная невыгодность страховой сделки; 6) объект страхового правоотношения¹.

¹ Серебровский В.И. Очерки страхового права. М. : Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 195.

Все это очевидно не вносит правовой определенности. Хотя также очевидно, что для предпринимательского права, как и для отдельных других отраслей, категория «риск» имеет конститутивное значение.

В доктрине приводятся различные трактовки и подходы к определению риска. Можно отметить, что в подавляющем большинстве ученые придерживаются мнения, что риск связан с наступлением неблагоприятных последствий².

При этом ряд ученых поддерживают мнение, согласно которому последствия риска не ограничиваются только случайной гибелью или порчей вещи, хотя и указывается, что именно в такой плоскости он определяется в большинстве случаев. Очевидно, что невыгодные имущественные последствия риска наступают в связи с обстоятельствами, возникшими *без вины лиц, участвовавших в правоотношении*.

В связи с этим и в доктрине отмечается, и правоприменительная практика демонстрирует, что в проблематику рисков вошла «хронически неразрешимая дискуссия» о соотношении виновной и безвиновной ответственности³.

Справедливы утверждения ряда авторов о том, что вина, риск и юридическая ответственность — взаимосвязанные правовые категории¹⁴. Однако несогласованная позиция в доктрине по вопросам риска и ответственности приводит к тому, что возникают совершенно различные подходы, в том числе при толковании таких понятий, как «риск случайной гибели имущества», «страховой риск», «предпринимательский риск»¹⁵.

Одной из особенностей исследования проблематики рисков, на которую первоначально следует обратить внимание, является следующее: по вопросам, связанным с тематикой предпринимательских рисков, отсутствует полноценное ее обобщение как в рамках постановлений Пленума и обзоров Верховного Суда РФ, так и постановлений Конституционного Суда. Имеются разрозненные позиции по точечным вопросам, порой противоречащие по содержательному подходу.

Вместе с тем отметим, что в последнее время, например, особенно актуальны судебные споры, касающиеся определения расходов, входящих в предмет предпринимательских рисков (например, расходы на банковскую

² Рассудовский В. Вопрос об имущественном риске в гражданском праве // Советская юстиция. 1963. № 18. С. 11; Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 55; Грибанов В.П. Договор купли-продажи по советскому гражданскому праву. М., 1956. С. 33; Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Госюриздат, 1966. С. 144–145.

³ Третьяков С. Критические заметки к тезису «Право распределяет риски» // Риск в сфере публичного и частного права: коллективная монография / под науч. ред. Ю.А. Тихомирова, М.А. Лапиной. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М.: ОТ и ДО, 2014. С. 81.

гарантию⁴), а также по вопросу о том, какие конкретно обстоятельства следует относить к предпринимательским рискам⁵.

Конституционный Суд РФ неоднократно в своих актах рассматривал вопросы, связанные с вопросами о рисках в деятельности предпринимателя. Например, определяя причины возникновения предпринимательского риска, Конституционный Суд РФ полагает, что он непосредственно связан с деловыми просчетами, которые могут быть вызваны объективными причинами. В связи с этим суды могут их установить и определить их объективные пределы⁶. Вместе с тем отмечается, что судебный контроль не является средством проверки экономической целесообразности решений, принимаемых субъектами предпринимательской деятельности⁷.

В этой связи также представляется важным обратить внимание на правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой предприниматель, руководящий деятельностью юридического лица, не должен привлекаться к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, требовавшейся от него по обычным условиям делового оборота и с учетом сопутствующих деятельности организации предпринимательских рисков, он действовал добросовестно и принимал все меры для исполнения обязательств перед своими кредиторами⁸.

Достаточно важна для определения круга субъектов предпринимательских рисков позиция Конституционного Суда РФ о том, что предпринимательский риск могут нести не только предприниматели, но и лица, которые хоть и не осуществляют, но фактически вовлечены в предпринимательскую

⁴ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 5 августа 2022 г. по делу № А76-20497/2021 // URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/3wSWvx8CwX5W/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ См., например: решение Арбитражного суда Красноярского края от 4 августа 2022 г. по делу № А33-2990/2022 // URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/tZqlmZ01DR69/> (дата обращения: 01.02.2023); постановление Арбитражного суда Самарской области от 2 августа 2022 г. по делу № А55-34358/2021 // URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/nWn2TkyiD7w/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 г. № 1072-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Центральная топливная компания” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

деятельность, например, акционеры, участвующие в деятельности акционерного общества⁹.

В другом своем постановлении Конституционный Суд РФ особо отмечает, что для работы предпринимателей привлекаются наемные работники, не являющиеся субъектами осуществляемой работодателем экономической деятельности, на которых недопустимо перекладывать бремя несения предпринимательского риска. Также отмечается, что недопустимыми и искажающими суть трудовых отношений являются ситуации, когда срок действия трудового договора ставится в зависимость от срока действия договора работодателя с третьим лицом, что позволяет распространять на работника риски от ведения предпринимательской деятельности¹⁰.

Значительной для определения субъектного состава лиц, несущих предпринимательские риски, является также позиция Верховного Суда РФ, признающая ущемлением прав потребителей случаи возложения на них предпринимательских рисков, закладываемых в стоимость приобретаемых товаров. По мнению Верховного Суда РФ, потребитель заведомо более слабая сторона, которая взаимодействует с предпринимателем, не способная оказать значительное влияние на заключаемый договор¹¹. Вместе с тем вызывает вопросы позиция, в соответствии с которой не признаются стороной, освобождаемой от несения рисков, неквалифицированные инвесторы (розничные инвесторы) на рынке ценных бумаг, которые трактуются как финансовые потребители. Более того, такие субъекты в большинстве своем по Инвестиционной декларации (при заключении договора с доверительным управляющим и открытии индивидуального инвестиционного счета) или Уведомлении о рисках (при заключении договора о брокерском обслуживании) полностью принимают на себя все возникающие по объективным причинам риски. При этом напрашивается полная аналогия с правоотношениями по открытию банковского вклада (ст. 834 ГК), в которых гражданин рассматривается как потребитель, подпадающий под защиту норм законодательства о защите прав потребителя и не принимающий на себя всю полноту рисков.

Важной для судебной практики является позиция по определению «разумного» предпринимательского риска. Например, предприниматель может

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Приаргунское”» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2020 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3375.

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 24-КГ17-7 // СПС «КонсультантПлюс».

избежать ответственности если он докажет, что действовал разумно и заключение заведомо невыгодной сделки было обусловлено целью получения выгоды от взаимосвязанных сделок либо предотвращением гораздо больших убытков¹².

В практике Верховного Суда РФ имеются случаи отнесения определенных событий к числу предпринимательских рисков. К примеру, к предпринимательскому риску застройщика суд отнес случай, когда застройщик обеспечил денежными ресурсами заведомо не согласованные и не оформленные в установленном законом порядке работы, решение о финансировании которых на момент их проведения не было принято уполномоченным органом государственной власти¹³. Либо предпринимательским риском признается изменения покупательского спроса¹⁴.

Рассматривая градации уровней опасности в определении рисков, Конституционный Суд РФ высказал позицию, согласно которой особо повышенными считаются риски предпринимателей, осуществляющих деятельность в области использования транспортных средств, что обусловлено спецификой работы транспортных организаций¹⁵.

Пандемия COVID-19, ограничительные меры, введенные в отношении Российской Федерации рядом государств, особенно актуализировали проблему неопределенности в области наличия критериев разграничения риска от непреодолимой силы.

Президиум Верховного Суда РФ в своем Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 21 апреля 2020 г. № 1¹⁶ указал, что признание распространения новой коронавирусной инфекции

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8; Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2015 г. № 307-ЭС14-4768 по делу № А56-19884/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 305-ЭС21-12558 по делу № А40-100692/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2006 г. № 17-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Вологодской области о проверке конституционности отдельных положений статей 40, 98, 99 и 102 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 3.

¹⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020).

обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в силу чего существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела (в том числе срока исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника и т.д.).

Верховный Суд РФ отметил, что, по общему правилу, отсутствие у должника денежных средств не является основанием для освобождения от ответственности, но следует учитывать, что если это вызвано запретом определенной деятельности, то нормы п. 3 ст. 401 ГК РФ о форс-мажоре могут быть применены при установлении четкой причинно-следственной связи между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства. В качестве примера Верховный Суд РФ говорит об освобождении от ответственности в связи с отсутствием денежных средств из-за значительного снижения размера прибыли по причине принудительного закрытия предприятия общественного питания для открытого посещения. Однако отсутствие денежных средств, например на оплату аренды помещения, традиционно понимается именно как риск конкретного хозяйствующего субъекта.

При этом позиция Торгово-промышленной палаты РФ (далее — ТПП) не согласовывалась с позицией Президиума ВС РФ. В письме от 7 апреля 2020 г. № Пр/0349 ТПП¹⁷ констатирует факт многочисленных обращений по оформлению заключений о форс-мажоре в связи с невозможностью уплаты арендных платежей из-за введения госорганами и органами субъектов РФ режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на определенных территориях и установления запретительных мер на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности. Однако в качестве итога в письме ТПП делает вывод о том, что отсутствует необходимость оформления заключений о форс-мажоре по договорам аренды недвижимого имущества, поскольку во вновь принятых нормативных актах (Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ и Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 439) решены не только вопросы временного освобождения сторон от ответственности за неисполнение обязательств, но и определены период и обстоятельства, в течение которых арендаторы могут рассчитывать на снижение арендной платы.

¹⁷ Письмо ТПП РФ от 7 апреля 2020 г. № Пр/0349 «Об оформлении заключений об обстоятельствах непреодолимой силы (форс-мажора) в отношении обязательств по уплате арендных платежей за пользование помещениями в объектах недвижимости коммерческого назначения в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)».

При этом разъяснения Верховного Суда относительно признания COVID-19 форс-мажором активно цитировались им самим¹⁸ и нижестоящими инстанциями¹⁹. Последние также использовали и категорию риска: так, по одному из дел суд отказался признать распространение COVID-19 обстоятельством непреодолимой силы, поскольку поставщик знал об эпидемиологической ситуации, которая на момент заключения договора носила уже длящийся характер, поэтому мог предусмотреть риски²⁰.

При этом, как отмечает Г.Э. Гусейнова²¹, правоприменители нередко признают невозможность российских предпринимателей предвидеть начало специальной военной операции и последующий отказ иностранных контрагентов по поставке товаров на территорию Российской Федерации, расторгая договоры поставки и подряда в связи с существенным изменением обстоятельств. Об этом свидетельствует разнообразная практика судов, включая суды столичного региона²².

Однако и в данном вопросе судебная практика не пришла к единому подходу. Ряд судов отмечают, что разумный предприниматель должен был предвидеть потенциальные изменения, влияющие на возможность исполнения им договорных обязательств, и учесть состояние на товарном рынке, динамику экономической конъюнктуры, инфляционные процессы, внешнеполитические и прочие факторы, в связи с чем экономические санкции сами по себе не являются обстоятельствами непреодолимой силы (форс-мажор), освобождающими контрагента от договорной ответственности²³.

При этом ряд судов в своих актах прямо указывали на то, что предприниматель, осуществляя деятельность в различных областях, должен и мог предвидеть введение в отношении Российской Федерации ограничительных мер, поскольку они имели место, начиная с 2014 г.²⁴

При этом Верховным Судом Российской Федерации еще после введения первых экономических санкций в 2014 г. отмечалось, что наличие внешне-

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2022 г. № 114-ПЭК22 по делу № А40-100692/2020.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 июня 2021 г. № Ф05-12899/2021 по делу № А41-60958/2020.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июня 2023 г. № Ф03-1892/2023.

²¹ Гусейнова Г.Э. Предпринимательский риск в условиях экономического кризиса: анализ правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 2 (159).

²² Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 13 декабря 2022 г. по делу № А45-22778/2022; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 января 2023 г. по делу № А40-242570/22-53-1921; Решение Арбитражного суда Калининградской области от 29 декабря 2022 г. по делу № А21-8521/2022.

²³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 марта 2024 г. № Ф05-3618/2024 по делу № А40-8143/2023.

²⁴ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2024 г. № 18АП-1504/2024 по делу № А76-17617/2023.

экономических санкций и изменение курса иностранной валюты к рублю не являются основаниями для признания обстоятельств существенно изменившимися²⁵.

Столь различный подход к разграничению риска и смежных правовых категорий обуславливает необходимость закрепления дефиниции понятия предпринимательского риска, критериев его разумности и определения пределов его допустимости.

Лубягина Д.В.,

доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература:

1. Грибанов В.П. Договор купли-продажи по советскому гражданскому праву : учебное пособие для студентов юридического факультета МГУ : лекции 1 и 2 / В.П. Грибанов. Москва : [б. и.], 1956.
2. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О.А. Красавчиков. Москва : Госюриздат, 1966.
3. Рассудовский В. Вопрос об имущественном риске в гражданском праве / В. Рассудовский // Советская юстиция. 1963. № 18.
4. Серебровский В.И. Очерки страхового права / В.И. Серебровский. Москва : Статут, 1998.
5. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности / А.А. Собчак // Правоведение. 1968. № 1.
6. Третьяков С. Критические заметки к тезису «Право распределяет риски» / С. Третьяков // Риск в сфере публичного и частного права : коллективная монография / под научной редакцией Ю.А. Тихомирова, М.А. Лапиной. Москва : ОТ и ДО, 2014.

²⁵ Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2016 г. № 305-ЭС16-8114 по делу № А40-72485/2015; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015; Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2016 г. № 1019-О.

Развитие законодательства РФ в контексте международно-правового сотрудничества государств по борьбе с загрязнением пластиком

На сегодняшний день в Российской Федерации, странах Европы и США остается актуальной проблема правового регулирования международно-сотрудничества стран по борьбе с загрязнением окружающей природной среды. Загрязнение пластиком носит международный характер из-за глобального характера загрязнения водных систем, куда вследствие утилизации попадают все отходы от производств и потребления, а также из-за трансграничного перемещения пластика ветром и по рекам.

Кроме того, процесс производства пластика затрагивает всю мировую экономику, а последствия воздействия на всю окружающую природную среду и здоровье человека ощущаются на планетарном уровне, что делает необходимое решение этой проблемы международным и требующим сотрудничества всех стран. Проблема утилизации отходов в РФ катастрофична, ежегодно на свалках скапливается около 70 млн т мусора, практически весь по итогу оседает на полигонах. Ситуация требует постоянной доработки законодательства, а также развития системы сбора, утилизации и переработки мусорных отходов. Отсутствие комплексного подхода в национальном праве образует ряд правовых проблем, без решения которых достичь устойчивого развития невозможно. В рамках национального проекта по обеспечению технологического лидерства (НПТЛ) «Биоэкономика» достижение к 2030 г. технологического суверенитета в биоэкономике посредством сокращения в 2 раза импортозависимости и создание к 2036 г. условий для формирования новых рынков и технологического лидерства следует рассмотреть одно из направлений — иотехнологии для утилизации отходов¹.

Актуальное законодательство в области охраны окружающей среды недостаточно эффективно решает проблему утилизации пластиковых отходов. Например, отсутствие конкретной программы действий по переработке пластика и детализированных процедур контроля за соблюдением законодательства. Обращаясь к проекту НПТЛ, авторы рассматривают возможность законодательного закрепления процедур внедрения биопрепаратов и биотехнологий для утилизации отходов, очистки сточных вод и газовых выбросов, биоремедиации объектов окружающей среды. Цель — разработка

¹ Чернышенко Д. Комиссия по НТП одобрила паспорт нацпроекта «Технологическое обеспечение биоэкономики». URL: <http://government.ru/news/54487/#> (дата обращения: 27.11.2025).

и внедрение инновационных технологий переработки различных видов органических и промышленных отходов для их повторного использования в хозяйственной деятельности за счет создания новой продукции с высокой добавленной стоимостью.

На данный момент подготовлено два проекта: 1) перспективные композиционные материалы с применением вторичных биоресурсов; 2) биотехнологические решения в рециклинге органических и промышленных отходов. Проблема правового регулирования международной борьбы с загрязнением окружающей среды пластиковыми отходами актуальна и требует комплексного подхода. Основными причинами низкой эффективности являются международный характер распространения загрязнений, недостаточное развитие национальной нормативной базы, формальная реализация механизмов расширенной ответственности производителей, низкая судебная практика по нарушениям экологического законодательства, несоответствие российского законодательства международным стандартам и отсталость технических возможностей и экономических стимулов для повышения уровня переработки пластиковых отходов.

Для устранения этих недостатков предлагается разработать детальные регламенты по обращению с пластиковыми отходами, усилить механизмы РОП, повысить качество судебного контроля, привести национальные законы в соответствие с международными нормами и стимулировать научные исследования и разработки в области экологически чистых материалов и методов переработки отходов.

Эти меры позволят создать устойчивую систему управления пластиковыми отходами, способствующую достижению целей устойчивого развития и снижению нагрузки на окружающую среду. Проблема правового регулирования международного сотрудничества по борьбе с загрязнением окружающей среды пластиковыми отходами является одной из наиболее острых и значимых как для Российской Федерации, так и для всего мира. В современных условиях отмечается значительное отставание отечественной правовой базы от реальных потребностей общества и экономики, особенно в контексте современного понимания концепции устойчивого развития и защиты окружающей среды.

В настоящее время накопленные объемы пластиковых отходов представляют серьезную угрозу экосистемам планеты, оказывая негативное влияние на флору, фауну и здоровье населения. Поскольку производство пластика охватывает весь мир, именно международные усилия становятся важнейшим инструментом в достижении целей устойчивого развития. Однако российские правовые нормы в этой области нуждаются в существенном совершенствовании и адаптации к современным реалиям. Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» устанавлива-

ет общие принципы обращения с отходами, включая пластиковые изделия. Необходимы изменения и дополнения, направленные на введение конкретных механизмов реализации расширенной ответственности производителей (РОП), ужесточение контрольных функций и установление жестких штрафных санкций за нарушение экологических норм².

Одним из ключевых аспектов, заслуживающих особого внимания, является расширение ответственности производителей (РОП). Несмотря на наличие определенных рамочных стандартов, конкретные механизмы реализации РОП зачастую остаются декларативными и не обеспечивают должного уровня соблюдения принципов эколого-экономического баланса. Необходимо совершенствовать правовую базу таким образом, чтобы производители были мотивированы внедрять новые технологии переработки и активно сокращать количество выпускаемых пластиковых изделий, подлежащих захоронению.

Важным направлением становится гармонизация российского законодательства с международными стандартами и договорами, направленными на борьбу с пластиковым загрязнением. Это предполагает принятие специальных норм и адаптацию действующего законодательства в целях приведения его в соответствие с общепринятыми принципами защиты окружающей среды. Без учета последних достижений мирового опыта Россия рискует остаться вне общемирового процесса перехода к экономике замкнутого цикла, что существенно снизит конкурентоспособность отечественных предприятий.

Также важно подчеркнуть необходимость активного вовлечения научного сообщества и промышленности в разработку и внедрение новейших технологий переработки пластиковых отходов. Российские ученые уже ведут активные исследования в области биоорганики и компостирования, однако масштабы поддержки этих инициатив пока недостаточны. Принятие закона, направленного на поддержку разработчиков экологически чистой упаковки и иных альтернативных продуктов, могло бы стать серьезным импульсом для ускоренного продвижения нашей страны в направлении достижения устойчивости и экологичности экономики.

Подводя итоги, можно утверждать, что существующая система правового регулирования вопросов утилизации и переработки пластиковых отходов нуждается в серьезной модернизации. Ключевыми мерами могли бы стать обновление законодательства, создание действенных инструментов стимулирования переработки и сокращение объемов выпуска перерабатываемой упаковки, укрепление системы надзора и мониторинга за исполнением законодательства, а также активное участие науки и промышленности в разработке новых подходов и технологий переработки пластика.

² Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об отходах производства и потребления» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

Только комплексное сочетание вышеуказанных мер позволит России занять достойное место среди лидеров по охране природы и перейти к действительно устойчивым моделям экономического роста.

Российское законодательство не адаптировано должным образом к принятым нормам, касающимся ограничения пластиковых отходов. Отсутствуют эффективные экономические стимулы и технологические возможности для увеличения уровня переработки пластиковых отходов. Для совершенствования правовой основы в области борьбы с загрязнением окружающей среды пластиковыми отходами и улучшения ситуации с их утилизацией в России целесообразно применять и развигать следующие нормативные правовые акты (НПА).

Несмотря на специфику Постановления Правительства РФ № 341 «Об утверждении Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, связанных с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»³, оно иллюстрирует пример успешного введения строгих регуляторных механизмов, которые могут быть применены и в отношении пластика путем установления аналогичной системы лицензирования для организаций, занимающихся переработкой отходов.

Обращаясь к основополагающему закону в области охраны окружающей природной среды «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ предусматривает общие положения по охране окружающей среды и предотвращению негативных воздействий человеческой деятельности⁴. Его совершенствование должно включать внесение поправок, направленных на усиление контроля за использованием одноразовой пластиковой упаковки, поощрение замены пластика на экологически чистые аналоги и создание зон приоритетного инвестирования в проекты по переработке отходов.

Таким образом, модернизация перечисленных нормативных правовых актов станет необходимым условием для качественного улучшения ситуации с пластиковыми отходами в России и приближения ее законодательства к мировым стандартам охраны окружающей среды.

Говоря о конкретных примерах нарушений, Министерство природы РФ еще в 2020 г. выявило серьезное пластиковое загрязнение водоемов в Калининградской и Мурманской областях. Данное обстоятельство показывает, что проблема загрязнения пластиком — не гипотетическая, а реальная. Минприроды работает над тем, чтобы признать пластик опасным отходом. Оно предлагает обращать свое внимание непосредственно к источникам за-

³ Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.09.2025) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

⁴ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

грязнения, а также к производителям продукции, которая приводит к образованию отходов. По состоянию на 2025 г. никаких существенных мер и санкций предпринято так и не было.

В международной правовой повестке ключевым элементом стала работа INC (Intergovernmental Negotiating Committee), учрежденного по решению UNEA в 2022 г., для выработки юридически обязательного инструмента по загрязнению пластиком. Несмотря на то что страны согласны по идее инструмента, переговоры на сессиях INC-5 и INC-5.2 пока не достигли консенсуса по таким фундаментальным вопросам, как обязательность норм, лимиты на производство пластика и режим финансирования реализации. Такое положение демонстрирует, что правовая фиксация соглашений остается нерешенной задачей⁵.

Попытка законодательно урегулировать проблему международным сообществом выражается в постоянном совершенствовании нормативно-правовой базы, созданием международных экологических инициатив и внедрения новых механизмов борьбы. Из относительно новых международных договоров важно отметить Международный договор по загрязнению пластиком (INC — Intergovernmental Negotiating Committee): в марте 2022 г. UNEA приняла резолюцию о работе над международно-правовым инструментом, юридически обязательным, по борьбе с загрязнением пластиком, включая загрязнение морской среды.

В Российской Федерации на законодательном уровне предпринимаются шаги в сторону повышения ответственности производителей за упаковку и управление отходами (законопроект о расширенной ответственности производителей упаковки). Однако в практике российского права отсутствует устойчиво сложившаяся судебная практика по делам, где загрязнителем пластика стала корпорация или государственный субъект, а также дефицит нормативов, обеспечивающих юридическую определенность ответственности за экологический ущерб от пластика.

На примере РФ отметим Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления”». Необходимо включить поправки, предусматривающие запрет на использование токсичного пластика в пищевой упаковке и продуктах личной гигиены, с целью снижения рисков для здоровья населения. Отдельные законодательные акты Российской Федерации, например, подписанный Президентом РФ в 2023 г. о расширенной ответственности производителей упаковки (РОП): с постепенным вводом норм по утилизации упаковки: 55% в 2025, 75% в 2026, 100% в 2027 г. Импортёры тоже будут нести ответственность⁶. В Законе уста-

⁵ Межправительственный комитет по борьбе с загрязнением пластиком. URL: <https://iucn.org/incplastics> (дата обращения: 22.09.2025).

⁶ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 451-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6183.

навливаются: требования к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим утилизацию отходов от использования товаров, предусматривается ведение реестра таких лиц, а также требование об обеспечении утилизации отходов от использования товаров только теми лицами, сведения о которых включены в указанный реестр.

Данные меры позволяют усилить контроль ответственности лиц, общественных объединений и государств в области охраны окружающей среды от загрязнения пластиком. В частности, в ч. 9 ст. 7 добавляется пункт об «Отчетности о самостоятельной утилизации отходов от использования товаров» на товары, ввезенные из государств, являющихся членами Евразийского экономического союза и не являющихся членами Евразийского экономического союза, что свидетельствует о наложении дополнительной ответственности для импортеров, по сравнению с изначальной редакцией закона.

Это важно, потому что показывает движение законодательства РФ в сторону жесткой ответственности, подобно тем требованиям, которые на международных переговорах предлагают продвинутые страны. Однако уже видно, что бизнес выражает обеспокоенность возможными экономическими рисками и административной нагрузкой.

В свете текущего положения переговоров по глобальному договору об пластике (INC) и законодательных инициатив РФ видно, что существует окно возможностей для существенного усиления международно-правового сотрудничества. Россия уже делает значительные шаги, в частности, через законопроект о расширенной ответственности производителей. Однако для того чтобы эти шаги имели устойчивый эффект, необходимо юридически закрепить стандарты: обязательность экологических заявлений, ответственность производителей, судебную практику и согласование национальных норм с теми, что предполагаются в глобальном договоре по пластикам. Только при такой комплексной стратегии правовой реформы Россия сможет занять лидирующую позицию в борьбе с пластиковым загрязнением и способствовать формированию международной практики, отвечающей глобальным вызовам экологической безопасности.

Рассматриваемая проблема правового регулирования обращения с пластиковыми отходами в Российской Федерации представляет собой серьезный вызов для сохранения экологической безопасности и устойчивого развития. Современные реалии требуют скорейшего укрепления существующих норм и разработки специальных инструментов, направленных на сокращение количества пластиковых отходов и улучшение показателей переработки.

Анализ действующего законодательства показал, что несмотря на некоторые позитивные изменения последних лет, ряд значимых недостатков продолжает препятствовать эффективному управлению пластиковыми отходами. Среди главных проблем выделяются слабая реализация принципа рас-

ширенной ответственности производителей, низкая вовлеченность граждан в процессы сортировки и переработки отходов, недостаточность санкций за нарушения экологических норм, а также недостаток кооперации между российским правом и международными инициативами.

Для преодоления этих трудностей предлагается целый ряд шагов, включая создание специальной правовой базы, ужесточение административных мер и поощрение инновационного предпринимательства в сфере переработки пластика. Ключевыми мерами могли бы стать разработка специализированного закона о запрещении одноразовых пластиковых изделий, усиление надзора и контроля за соблюдением экологических норм, повышение прозрачности корпоративной отчетности и упрощение доступа к судебной защите нарушенных экологических прав.

Помимо внутренних преобразований, важное значение имеет активное включение России в международные диалоги и формирование единых стандартов в рамках INC. Это позволит не только внести отечественный опыт в общее дело, но и укрепить позиции России на международной арене в качестве лидера по вопросам экологического оздоровления.

Реализуя предложенный комплекс мероприятий, российское законодательство получит необходимые инструменты для минимизации негативных последствий от чрезмерного использования пластика, повысит привлекательность экономики замкнутого цикла и обеспечит надежную основу для долгосрочного поддержания высокого уровня экологической безопасности.

Лысова А.А.,

ассистент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности
Института права и управления,
Тульского государственного университета
(г. Тула)

Задачи земельного законодательства в сфере обеспечения экологического развития Российской Федерации¹

В системе компонентов природной среды земля занимает центральное место, выполняя наиболее важные и всепроникающие функции жизнеобеспечения человека и всеобъемлющий охват сфер взаимодействия общества с окружающей средой. Это обстоятельство, а также длительный период развития негативных тенденций в состоянии земельных ресурсов обусловили неуклонно возрастающее внимание как на международном уровне, так и на уровне международных региональных объединений и национальных правительств к экологическому состоянию земель и почв.

Среди базовых международно-правовых документов, определивших стратегию глобального экологического развития, следует отметить Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 27 июля 2012 г. № 66/288 «Будущее, которого мы хотим»², где в контексте реализации принципов устойчивого развития и становления «зеленой» экономики подчеркнута значимость эффективного управления землепользованием и надлежащим состоянием почв отмечается необходимость предупреждения деградации земель. В развитие данного подхода и, акцентуализируя значение земельных ресурсов в реализации мировой стратегии экологического развития, Генеральная Ассамблея ООН 20 декабря 2013 г. приняла Резолюцию № 68/232 «Всемирный день почв и Международный год почв»³. В документе указано, что почвы являются основой важнейших экосистемных функций, основой сельскохозяйственного развития и продовольственной безопасности и, таким образом, имеют ключевое значение для поддержания жизни на Земле. Кроме того, почвенные ресурсы играют ключевую роль в решении проблем изменения климата, подчеркивается, что проблемы опустынивания, деградации земель и засуха приобретают глобальный масштаб и являют собой угрозу устойчивому развитию всех стран.

Подтверждением последнего тезиса о глобализации проблемы деградации земель является и расширение участников Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и (или) опустынивание, особенно в Африке,

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

² Резолюция от 27 июля 2012 г. № 66/288, принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций «Будущее, которое мы хотим» // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NII/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement> (дата обращения: 14.11.2025).

³ Резолюция от 20 декабря 2013 г. 68/232, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций «Всемирный день почв и Международный год почв» // URL: <http://www.un.org/ru/ga/68/docs/68res3.shtml> (дата обращения: 14.11.2025).

заклученную 17 июня 1994 г.⁴ Сравнительный анализ состава стран — участников названной Конвенции в настоящее время со странами изначально ее подписавшими свидетельствует о значительном расширении участников в течение всего периода действия. Российская Федерация присоединилась к Конвенции 27 августа 2003 г.⁵, что свидетельствует об обострении данной проблематики и в нашей стране, о чем будет сказано ниже. Определяя общие обязанности стран-участников, Конвенция указала формы регионального сотрудничества, включая национальные планы действий, которые должны содержать долгосрочные стратегии борьбы с опустыниванием; применение превентивных мер в отношении земель, которые еще не подверглись деградации или подверглись ей лишь в незначительной степени, и др.

Проблематика охраны земельных ресурсов, и прежде всего сельскохозяйственных земель от деградации, уже давно в фокусе внимания государств — участников СНГ. Так, 11 сентября 2015 г. было принято решение Экономического совета Содружества Независимых Государств⁶, имеющее целью организацию противодействия негативным тенденциям в состоянии земель сельскохозяйственного назначения. В названном документе отмечалось, что сохранение почвенного плодородия сельскохозяйственных земель и его рациональное использование имеют определяющие значение для развития агропромышленного комплекса; от поддержания и повышения плодородия почв зависят благополучие и здоровье населения. Однако в связи с усиливающимся антропогенным воздействием на почвенный покров, недостаточно эффективным управлением земельными ресурсами, климатическими изменениями процесс деградации почв ускоряется, в результате чего не только сокращается и даже теряется продуктивная способность земли, но и атрофируются биосферорегулирующие функции находящихся на ней экосистем. Отмечалось, что сохранение почвенного плодородия сельскохозяйственных земель и его рациональное использование имеют определяющее значение для развития всего агропромышленного комплекса.

Актуальность борьбы с деградацией земель была отмечена и в таком концептуально значимом документе СНГ, как Рекомендации по формированию экологической политики⁷. Так, в документе указано, что в качестве основных

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке. Заключена в г. Париже 17 июня 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 27 мая 2003 г. № 303 «О присоединении Российской Федерации к Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2167.

⁶ Решение Экономического совета СНГ от 11 сентября 2015 г. «О борьбе с деградацией сельскохозяйственных земель в государствах — участниках СНГ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 29 ноября 2018 г. № 48-14 «О Рекомендациях по формированию экологической политики» // СПС «КонсультантПлюс».

угроз национальной безопасности государств — участников СНГ рассматриваются такие последствия антропогенного воздействия, как деградация земель, лесов и природных комплексов, истощение минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, радиоактивное, химическое и биологическое загрязнение почв, земель, вод, недр, растительности и атмосферы. В связи с этим одними из основных направлений совершенствования законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды определены: предотвращение загрязнения и истощения почв, их дегумификации, засоления, эрозии, сохранение обеспечения средообразующей функции почв; совершенствование планирования пользования земельными ресурсами и минимизация перевода земель для создания полигонов хранения отходов и др.

Актуальность проблематики охраны земельных и почвенных ресурсов нашла отражение и в документах иных международных объединений, участником которых является Россия. Так, 23 августа 2023 г. в рамках объединения БРИКС была принята Йоханнесбургская декларация⁸, в которой наряду с общим призывом к выполнению «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.»⁹ посредством реализации концепции жизни в гармонии с природой отмечаются конкретные значимые направления объединения усилий в деле борьбы с деградацией земель.

Особое внимание состоянию окружающей среды страны — участники БРИКС уделили в принятой 23 октября 2024 г. Казанской декларации¹⁰. В названном документе отмечена общая негативная тенденция, поименованная как усугубление экологических проблем и то, что они представляют нарастающую угрозу. Международное объединение признало, что деградация земель, опустынивание и засуха представляют серьезную угрозу для благосостояния народов и состояния окружающей среды. В связи с этим отмечена необходимость принятия срочных мер и проведение комплексной политики для решения проблем деградации земель, опустынивания, засухи и иных экологических проблем, поскольку они наносят значительный экономический ущерб и отрицательно влияют на качество жизни народов.

Необходимость адекватного реагирования на усугубляющееся состояние окружающей среды в целом и земельных ресурсов в частности была отмечено ведущими глобальными странами в декларации лидеров «Группы двад-

⁸ Йоханнесбургская декларация-II от 23 августа 2023 г. «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принята в г. Нью-Йорке на 4-м пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности», принята на XVI Саммите БРИКС 23 октября 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

цати»¹¹. В документе указано, что серьезные геополитические, социально-экономические, климатические и экологические вызовы и кризисы требуют принятия незамедлительных мер, в частности в сфере противодействия опустыниванию, и др. В качестве одной из целей объединенных природоохранных международных усилий названо сокращение деградации земель на 50%.

Приведенные выше негативные явления в состоянии земель не обошли стороной нашу страну, а некоторые проблемы, к сожалению, отмеченные еще в пошлом веке как требующие решения, по-прежнему имеют место и ждут своего решения. Среди деструктивных явлений, наиболее отрицательно влияющих на стояние земельных ресурсов, следует выделить опустынивание, а также иные негативные тенденции в состоянии земель сельскохозяйственного назначения. Проблема опустынивания в качестве требующей незамедлительного решения была отмечена в постановлении Правительства РФ от 12 декабря 1995 г. № 1220¹² и в приказе Минсельхозпрода России от 3 марта 1997 г. № 80¹³. В качестве системной организационно-правовой формы борьбы с опустыниванием планировалось разработать и принять специальную целевую программу¹⁴, однако такой самостоятельной программы принято не было.

Следует отметить, что в качестве одного из направлений в сочетании с иными целями природоохранной и аграрной политики называется борьба с опустыниванием. Так, постановление Правительства РФ от 19 декабря 2014 г. № 1421¹⁵ внесло дополнения в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции о мерах по защите земель от опустынивания. Действующая Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации¹⁶ также предусматривает защиту и сохранение сельскохозяйственных угодий от водной и ветровой эрозии и опустынивания.

¹¹ См.: Рио-де-Жанейрская декларация лидеров «Группы двадцати», принята в г. Рио-де-Жанейро 18.11.2024–19.11.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: постановление Правительства РФ от 12 декабря 1995 г. № 1220 «Об упорядочении использования Черных земель и Кизлярских пастбищ» // СЗ РФ. 1995. № 51. Ст. 5084.

¹³ Приказ Минсельхозпрода РФ от 3 марта 1997 г. № 80 (в ред. от 29.09.1999 № 672) «Об организации использования мелиорированных пастбищ региона Черные земли» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Приказ Госкомэкологии РФ от 28 апреля 1998 г. № 259 «О подготовке обоснования по разработке ФЦП по борьбе с опустыниванием земель России» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: постановление Правительства РФ от 19 декабря 2014 г. № 1421 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. 2015. №1 (часть II). Ст. 221.

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 (в ред. от 16.05.2025 № 666) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

О текущем состоянии дел по противодействию опустыниванию информирует Минприроды России. В частности, под заглавием «Борьба с опустыниванием: чем опасна деградация земель» сообщается, что территории, на которых происходит деградация земель и ее наиболее высокая степень — опустынивание, занимают в России площадь свыше 120 млн га; территории, подверженные опустыниванию, отмечены в республиках Дагестан и Калмыкия, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях, однако, эти негативные процессы уже представляют угрозу и другим субъектам Федерации: Тыве, Красноярскому краю. В качестве ответа на указанные негативные тенденции отмечено, что в нашей стране функционирует геоинформационная система «Опустынивание и его мониторинг», осуществляется лесонасаждение на сельскохозяйственных землях и уже для противодействия опустыниванию высажено порядка 5,2 млн га леса¹⁷.

Необходимость правовой защиты окружающей среды¹⁸, земель и других природных ресурсов обусловлена особой значимостью указанных объектов правовой охраны и необходимостью сохранения благоприятной и здоровой для жизнедеятельности человека природной среды. В связи с этим одним из главных направлений совершенствования действующего законодательства, его гармонизации с нормами международного права в области обеспечения экологической безопасности природопользования является экологизация национального законодательства¹⁹, совершенствование правового инструментария обеспечения рационального и эффективного пользования земельными ресурсами, повышение эффективности действия норм об ответственности за экологические правонарушения, а также акцентированная защита природных объектов и ресурсов, подвергающихся активному антропогенному воздействию и, в особенности, опустыниванию.

Действующие земельные законодательные акты не указывают противодействие опустыниванию в качестве целей и задач правового регулирования земельных отношений. Ни Земельный кодекс РФ, ни Федеральные законы «О мелиорации» и «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» не содержат такого термина. Если рассматривать опустынивание как крайнюю форму деградации земель, то содержание ст. 12 и 13 ЗК РФ вполне могут рассматриваться в качестве законодательной основы противодействия опустыниванию. Однако, оценивая логику деятельности федерального законодателя, в том числе его «реактивные» меры на острые вызовы и угрозы, следует признать своего рода «попустительством» пробельность по этой проблематике. Тем более что

¹⁷ URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/borba_s_opustynivaniem_chem_opasna_degradatsiya_zemel/ (дата обращения: 14.11.2025).

¹⁸ См. подробнее: Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М. : Изд-во МГУ, 2003. 424 с.

¹⁹ Подробнее см.: Боголюбов С.А. [и др.]. Институты экологического права. М. : Эксмо, 2010. 480 с.

есть примеры, в том числе в сфере охраны земель, когда на законодательный уровень выносятся борьба с отдельными видами сорной растительности²⁰. На таком «фоне» игнорирование кодифицированным актом земельного законодательства экзистенциональной угрозы земле как природному компоненту и природному ресурсу следует признать не соответствующим целям и задачам охраны земель как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9 Конституции РФ).

Нами ранее отмечалось, что состояние земельных ресурсов, особенно наличие негативных тенденций в состоянии земель и их отрицательная динамика, должны рассматриваться как оценочный критерий эффективности земельного законодательства²¹. Соответственно, законодательное закрепление (признание) новых экологических вызовов, имеющих выраженное проявление как в нашей стране, так и в других странах, а также определение организационных и правовых форм нивелирования негативных тенденций и восстановления качественных природных характеристик земельных ресурсов, представляется первоочередной задачей и актуальным направлением развития земельного законодательства, призванного обеспечить наряду с иными ресурсными отраслями российского законодательства поступательное экологическое развитие Российской Федерации.

Харьков В.Н.,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Института права и управления Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Тула)

Литература:

1. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве / М.И. Васильева. Москва : Издательство МГУ, 2003.
2. Институты экологического права / Е.А. Галиновская, Ю.Г. Жариков, Н.В. Кичигин [и др.] ; руководитель авторского коллектива С.А. Боголюбов. Москва : Эксмо, 2010. 480 с.
3. Харьков В.Н. Состояние земельных ресурсов как критерий эффективности земельного законодательства / В.Н. Харьков // Научные труды. Российская академия юридических наук : сборник статей. Вып. 18 / редакторы: А.К. Голиченков, А.Я. Капустин, Н.М. Кропачев [и др.] ; ответственный редактор В.В. Гриб ; научный редактор О.А. Швечкова. Москва : Юрист, 2018.

²⁰ Пункт 2 ст. 13 ЗК РФ дополнен подп. 4, согласно которому правообладатели земельных участков и обладатели публичного сервитута обязаны проводить мероприятия по защите земель от распространения опасных видов инвазивных (чужеродных) растений и уничтожению таких растений. См.: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4648.

²¹ Харьков В.Н. Состояние земельных ресурсов как критерий эффективности земельного законодательства / Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 18. М. : Юрист, 2018. С. 573–577.

Исламские основы договорного права в современной торговой практике Турции

Современная Турция демонстрирует редкий для сравнительного правоведения пример сочетания светской кодифицированной системы и устойчивого влияния исламской правовой традиции (шариата, прежде всего в части норм, регулирующих имущественный оборот — *муамалаят*). Формально договорное и торговое право Турции опирается на **Турецкий закон об обязательствах** (*Türk Borçlar Kanunu*, Закон от 11 января 2011 г. № 6098, вступил в силу 1 июля 2012 г.)¹ и **Турецкий торговый кодекс** (*Türk Ticaret Kanunu*, Закон от 13 января 2011 г. № 6102, вступил в силу 1 июля 2012 г.)², созданные под сильным влиянием швейцарской и германской доктрины.

При этом деловая этика, практики заключения сделок и развитие исламских финансов опираются на классические исламские принципы договора. Цель доклада — показать, каким образом исламские основы договорного права (концепция договора *акд*, запреты *риба* и *гаррар*, требования справедливости и добросовестности) реально проявляются в современной торговой практике Турции и как они опосредованно влияют на интерпретацию и применение светских норм турецкого закона об обязательствах и турецкого торгового кодекса.

I. Исламская концепция договора как теоретическая основа

1. Структура договора (*акд*) в исламском праве

В классическом исламском праве (*фикх*) договор (*'aqd*, *акд*) определяется как соединение двух или более волеизъявлений, направленных на возникновение правовых последствий и допускаемых шариатом³. В структуре *акда* традиционно выделяют:

1. Стороны договора — дееспособные субъекты, обладающие волей и правом распоряжения имуществом.

2. Предмет договора — экономически ценное благо, допускаемое шариатом (*халяль*) и находящееся в правомерном обороте.

3. Форма договора — выраженная в предложении (*ижаб*) и акцепте (*кабул*), т.е. во взаимном согласии сторон.

¹ Kanun от 11 января 2011 г. № 6098 «*Türk Borçlar Kanunu*» (Закон об обязательствах) // *Resmî Gazete*. 2011. 4 февраля.

² Kanun от 13 января 2011 г. № 6102 «*Türk Ticaret Kanunu*» (Торговый кодекс) // *Resmî Gazete*. 2011. 14 февраля.

³ Saleh Nabil A. *Unlawful Gain and Legitimate Profit in Islamic Law: Riba, Gharar and Islamic Banking*. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. XII + 130 p. (Cambridge Studies in Islamic Civilization). ISBN 0-521-32298-7.

Исламское право исходит из того, что автономия воли сторон не является абсолютной. Она ограничена:

- запретом на процентное обогащение (*риба*);
- запретом на чрезмерную неопределенность (*гаррар*);
- запретом на азарт и спекулятивные игры (*майсир*);
- требованиями справедливости и добросовестности;
- запретом сделок с предметом, противоречащим морали или общественному порядку.

Тем самым договор в исламской традиции — это не только юридический акт, но и этически оценочная конструкция.

2. Запрет *гаррар* (чрезмерной неопределенности)

Категория *гаррар* обозначает такую степень неопределенности в предмете, цене, сроке или рисках договора, при которой одна из сторон не может разумно оценить последствия сделки. В доктрине различают незначительный *гаррар*, который терпим и не ведет к недействительности, и существенный *гаррар*, затрагивающий сущность договора. Классическими примерами существенного *гаррар* считаются продажа неизвестного товара, будущего урожая без разумной определенности, «рыбы в воде» и тому подобные конструкции.

Запрет *гаррар* направлен на то, чтобы стороны понимали, что именно является предметом обмена и какие риски они на себя берут. Применительно к торговле это означает жесткое требование к ясности условий договора.

3. Запрет *риба* и справедливый обмен

Риба в исламском праве традиционно связывается, во-первых, с процентом по денежным займам, когда кредитор получает фиксированный доход только за счет времени, без участия в риске, и, во-вторых, с необоснованной надбавкой в обменных операциях с однородными благами. Исламская доктрина исходит из того, что законный доход должен быть связан с риском, трудом или предпринимательской деятельностью, а не с простым «течением времени».

Отсюда развитие альтернативных моделей договоров, активно применяемых и в современной Турции: *мурабаха* (продажа с заранее известной надбавкой), *мудароба* (доверительное управление капиталом с распределением прибыли), *мушарака* (совместное участие в капитале и риске), *иджара* (арендные и лизинговые схемы).

II. Нормативное основание договорного и торгового права Турции

1. Турецкий закон об обязательствах

Турецкий закон об обязательствах (*Türk Borçlar Kanunu*, Закон № 6098)

закрепляет общую часть обязательственного и договорного права: основания возникновения обязательств, порядок заключения и исполнения дого-

воров, условия действительности, последствия нарушения и адаптацию договоров при изменении обстоятельств. Закон был принят 11 января 2011 г. и опубликован в Официальном вестнике Турции 4 февраля 2011 г. за № 27836, вступил в силу 1 июля 2012 г.⁴

Для нашей темы особенно важны положения о:

- свободе договора и ее ограничении императивными нормами и «добрыми нравами»;
- требовании добросовестности при заключении и исполнении договоров;
- контроле стандартных условий в договорах присоединения;
- недействительности договоров с неопределенным предметом или ценой⁵.

2. Турецкий торговый кодекс

Турецкий торговый кодекс (Türk Ticaret Kanunu, Закон № 6102) регулирует статус коммерсантов, создание и деятельность компаний, коммерческие сделки, ценные бумаги, транспортное и морское право. Закон был принят 13 января 2011 г. и опубликован в Официальном вестнике Турции 14 февраля 2011 г. за № 27846, вступил в силу 1 июля 2012 г.⁶

С точки зрения исламских основ договорного права важно, что турецкий торговый кодекс:

- закрепляет требования честности и добросовестности в коммерческом обороте;
- регулирует типичные торговые договоры (агентирование, посредничество, перевозка, страхование), где высок риск информационного дисбаланса;
- устанавливает стандарты прозрачности корпоративного управления и защиты интересов кредиторов.

3. Закон об обязательном использовании турецкого языка

Особое значение имеет **Закон № 805 «Об обязательном использовании турецкого языка в хозяйственных предприятиях» (İktisadi Müesseselerde Mecburi Türkçe Kullanılması Hakkında Kanun)**⁷, принятый 10 апреля 1926 г. и состоящий из девяти статей. Закон обязывает турецкие компании и предприятия использовать турецкий язык во всех сделках, договорах, деловой переписке, учетных книгах и отчетности, связанной с деятельностью в Турции.

⁴ Kanun от 11 января 2011 г. № 6098 «Türk Borçlar Kanunu» (Закон об обязательствах) // Resmî Gazete. 2011. 4 февраля.

⁵ Helvacı İlhan. Turkish Contract Law. Cham : Springer International Publishing AG, 2017. XX + 312 p. ISBN 978-3-319-60060-4; ISBN 978-3-319-60061-1 (eBook).

⁶ Kanun от 13 января 2011 г. № 6102 «Türk Ticaret Kanunu» (Торговый кодекс) // Resmî Gazete. 2011. 14 февраля.

⁷ Kanun от 10 апреля 1926 г. № 805 «İktisadi Müesseselerde Mecburi Türkçe Kullanılması Hakkında Kanun» («Об обязательном использовании турецкого языка в хозяйственных предприятиях») // Resmî Gazete. 1926. 22 апреля.

Это требование фактически усиливает исламский принцип ясности и понятности условий договора, снижая риск включения непонятных для слабой стороны положений и тем самым риск *garрar*.

III. Пересечение исламских принципов и турецкого договорного права

1. Свобода договора и ее материальные пределы

Турецкий закон об обязательствах и турецкий торговый кодекс исходят из свободы договора, однако устанавливают ее пределы: договор не может противоречить императивным нормам закона, публичному порядку, нравственности и принципу добросовестности.

Это во многом совпадает с исламским подходом, согласно которому стороны свободны только в рамках дозволенного шариатом. На уровне судебной практики это проявляется в том, что турецкие суды:

- признают недействительными договоры с незаконным или аморальным предметом;
- игнорируют или корректируют чрезмерно обременительные и односторонние условия;
- учитывают баланс интересов сторон при существенном изменении обстоятельств.

В этом контексте важен **институт «hardship» (существенное изменение обстоятельств)**. Под ним понимается ситуация, когда после заключения договора обстоятельства изменяются настолько, что сохранение первоначальных условий становится чрезмерно обременительным для одной из сторон, хотя формально исполнение возможно. На основании принципа добросовестности и справедливости суд может изменить отдельные условия или расторгнуть договор. Такой механизм по своему духу близок исламскому требованию недопущения чрезмерного ущемления одной стороны.

2. Позитивное право и исламские нормы

Понятие «**позитивного права**» означает действующее формализованное право конкретного государства: конституцию, законы, подзаконные акты, судебные прецеденты, которые реально применяются судами и органами власти. В Турции к позитивному праву относятся турецкий закон об обязательствах, турецкий торговый кодекс, закон о банках, закон о языке и другие акты.

Исламское право шариата при этом не является формально инкорпорированной частью позитивного права Турции, однако оказывает заметное влияние на понимание справедливости, добросовестности, допустимых рисков и на практику заключения сделок, особенно в исламском финансировании и в трансграничной торговле с мусульманскими странами.

IV. Влияние исламских принципов на отдельные институты торгового права

1. Эксклюзивное дистрибьюторство: понятие и исламская оценка

Эксклюзивное дистрибьюторство — это такой вид договорного отношения, при котором производитель или поставщик предоставляет одному дистрибьютору исключительное право распространять его товары на определенной территории или среди определенного круга клиентов. Обычно договор эксклюзивного дистрибьюторства предусматривает:

- обязательство производителя не поставлять товар другим посредникам на той же территории;
- обязательство дистрибьютора продвигать товар, поддерживать складские запасы, выполнять план продаж;
- согласование ценовой политики, маркетинговых стандартов и уровня сервиса.

В турецком праве подобные договоры прямо не кодифицированы как самостоятельный тип, но выводятся из общих положений о договорах, купле-продаже, агентировании и коммерческом посредничестве. В современной турецкой литературе предприняты специальные исследования, посвященные оценке эксклюзивного дистрибьюторства с точки зрения исламского права, где рассматривается вопрос о том, насколько такая модель совместима с требованиями шариата⁸.

С исламской точки зрения к договору эксклюзивного дистрибьюторства предъявляются, в частности, следующие требования:

- ясное определение территории, ассортимента и объема обязательств (снижение *garrar*);
- справедливое распределение рисков (например, риска нереализованных остатков товара);
- отсутствие скрытых комиссий и неочевидных расходов;
- недопустимость кабальных штрафов и условий, фактически лишающих дистрибьютора свободы выхода из договора.

Практика турецких судов, хотя и не использует терминологию шариата, во многом следует тем же ориентирам, оценивая справедливость и баланс интересов в подобных долгосрочных отношениях.

2. Цифровые сделки и «умные» контракты

Развитие цифровой экономики привело к широкому использованию электронных договоров и так называемых умных контрактов (*smart contracts*), которые автоматически исполняются программным кодом при наступлении заранее заданных условий. В турецкой доктрине обсуждается во-

⁸ Gökmen Emrah. Türk Hukukunda Tek Satıcılık Sözleşmesi ve İslâm Hukuku Açısından Değerlendirilmesi = Exclusive Distributorship Contract in Turkish Law and Its Evaluation in Terms of Islamic Law // Kırıkkale Hukuk Mecmuası. 2023. Cilt 3. Sayı 2. S. 207–235. DOI: 10.59909/khm.1298402

прос, как такие конструкции соотносятся с требованиями турецкого закона об обязательствах и исламского права.

Потенциальные проблемы:

- пользователь может фактически не осознавать объем своих обязательств, «кликаючи» согласие с многостраничным текстом;
- автоматизированное исполнение затрудняет учет существенного изменения обстоятельств (*hardship*);
- сложные алгоритмы ценообразования и комиссий усиливают информационный дисбаланс.

С точки зрения исламского права это вызывает вопросы о наличии *гар-рар* и добросовестности. В будущем именно в Турции, где одновременно развиваются финтех и исламские финансы, может сложиться практика «шариат-совместимых» цифровых договоров.

3. Банки участия и исламское финансирование

В Турции важную роль играет особый вид финансовых организаций — **participation banks (katılım bankaları, банки участия)**, т.е. банки, строящие деятельность в соответствии с принципами исламского права. Они:

- не используют классические процентные кредиты;
- применяют договоры *мурабаха*, *мудароба*, *мушарака*, *иджара* и другие исламские конструкции;
- делят с клиентом прибыль и риск вместо взимания фиксированного процента.

Правовой статус банков участия регулируется **Законом о банках от 19 октября 2005 г. № 5411**⁹, вступившим в силу 1 ноября 2005 г., который устанавливает общие принципы регулирования банковской системы и защищает интересы вкладчиков. При этом при банках участия создаются специальные шариатские советы, разрабатывающие стандарты соответствия продуктов требованиям исламского права¹⁰.

С точки зрения договорного права это означает, что исламские договорные конструкции внедряются в турецкий коммерческий оборот внутри светской правовой оболочки: суд применяет к ним нормы турецкого закона об обязательствах и турецкого торгового кодекса, а содержание самих договоров формируется с учетом исламских принципов.

4. Закон о турецком языке и прозрачность договора

Как уже отмечалось, Закон № 805 об обязательном использовании турецкого языка в хозяйственных предприятиях требует составлять договоры между турецкими компаниями на турецком языке. Это имеет не только языкозащитный, но и материально-правовой эффект:

⁹ Kanun от 19 октября 2005 г. № 5411 «Bankacılık Kanunu» (Закон о банках) // Resmî Gazete. 2005. 1 ноября (Mükerrer).

¹⁰ Bektaş, İsmail; Yenice, Ali Can. Exploring Shariah Governance Mechanism in Türkiye // Turkish Journal of Islamic Economics (TUISE). 2025. Vol. 12. No. 1. P. 71–109. DOI: 10.26414/A4161

- снижается риск включения в договор непонятных для контрагента условий на иностранном языке;
- упрощается судебный контроль содержания договора;
- укрепляется защита слабой стороны в переговорах.

Такой подход созвучен исламскому требованию к ясности и прозрачности условий договора: если сторона не понимает язык договора, велик риск *гаррар* и обмана (*тадлис*).

V. Исламские основы договора и современный правопорядок Турции: влияние и перспективы

Исламские принципы договора — запрет *риба* и *гаррар*, требование справедливости, добросовестности и прозрачности условий — заметно влияют на применение светской кодификации Турции. Во-первых, это влияние ощущается в судебной практике, где суды, опираясь на принцип добросовестности и справедливости, нередко приходят к результатам, близким к исламскому пониманию «правильного» договора.

Во-вторых, складывается гибридная модель регулирования: юридическая форма и техника закреплены в законах европейского типа, но реальные практики заключения и исполнения договоров (особенно в сфере исламских финансов, эксклюзивного дистрибьюторства, трансграничной торговли с мусульманскими странами) отражают ценности исламского права.

В-третьих, сохраняются регуляторные вызовы: отсутствие отдельного закона об исламском банкинге, необходимость более четкого нормативного закрепления исламских договорных конструкций, поиск баланса между автоматизацией (*smart contracts*) и требованиями ясности, справедливости и учета изменения обстоятельств.

В-четвертых, в перспективе обсуждается:

- кодификация базовых исламских договорных моделей в турецком праве, по крайней мере, в форме рекомендаций;
- институционализация шариатских советов на национальном уровне;
- развитие стандартов «шариат-совместимых» цифровых и трансграничных договоров.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что современное торговое право Турции формируется не в «чисто светском вакууме», а в сложном диалоге между кодифицированными нормами континентального типа и устойчивой исламской правовой и этической традицией. Турецкий закон об обязательствах и Турецкий торговый кодекс задают каркас договорного и коммерческого регулирования, однако реальные практики заключения и исполнения договоров, особенно в сферах банков участия, эксклюзивного дистрибьюторства,

долгосрочного коммерческого сотрудничества и цифровых сделок, во многом отражают требования шариата к справедливости, добросовестности, за прету *риба* и снижению *гаррар*.

На уровне правоприменения это выражается, прежде всего, через активное использование принципа добросовестности, контроль за чрезмерно односторонними условиями договоров, чувствительность судов к проблеме существенного изменения обстоятельств и стремление к фактическому выравниванию переговорной позиции сторон. Тем самым позитивное право Турции, оставаясь формально светским и европейским по технике, постепенно «насыщается» ценностными ориентирами исламского договорного права, что особенно заметно в исламском финансировании и трансграничной торговле с мусульманскими юрисдикциями.

Для науки и практики это означает, что Турция демонстрирует модель «гибридного» регулирования: исламские основы договорного права не кодифицированы в виде отдельного шариатского кодекса, но фактически участвуют в формировании стандартов справедливого коммерческого поведения. В перспективе можно ожидать дальнейшего развития этой модели через унификацию исламских договорных конструкций, институционализацию шариатских советов и поиск шариат-совместимых решений в условиях цифровизации и глобализации торговли.

Именно в этом, на наш взгляд, заключается ключевой исследовательский и практический потенциал турецкого опыта: он показывает, как исламское право может сосуществовать с современными кодифицированными системами, не будучи формально инкорпорированным в позитивное право, но оказывая реальное влияние на содержание договорных отношений и на понимание справедливости в коммерческом обороте.

Абдуллаев Р.А. оглы,

аспирант кафедры гражданского права и процесса

Академии труда и социальных отношений,

управляющий партнер юридической компании

«R&A Group Ltd.», магистр права

(г. Москва)

References

1. Bektaş, İ. Exploring Shariah Governance Mechanism in Türkiye / İ. Bektaş, A.C. Yenice // Turkish Journal of Islamic Economics (TUISE). 2025. Vol. 12. Iss. 1. DOI: 10.26414/A4161
2. Gökmen, E. Türk Hukukunda Tek Satıcılık Sözleşmesi ve İslâm Hukuku Açısından Değerlendirilmesi / E. Gökmen // Kırıkkale Hukuk Mecmuası. 2023. Vol. 3. Iss. 2. DOI: 10.59909/khm.1298402
3. Helvacı, İ. Turkish Contract Law / İ. Helvacı. Cham : Springer International Publishing AG, 2017.
4. Saleh, N.A. Unlawful Gain and Legitimate Profit in Islamic Law: Riba, Gharar and Islamic Banking / N.A. Saleh. Cambridge : Cambridge University Press, 1986.

Исламское право в Пакистане: уголовно-правовая охрана веры и нравственности

Исламская республика Пакистан представляет собой интересный пример смешанной национальной правовой системы, в которой гармонично сливаются элементы семьи общего права и семьи исламского права¹. В течение длительного времени территория, на которой сейчас расположен Пакистан, входила в состав колонии Британская Индия, куда британскими колониальными властями было привнесено английское общее право². Тем не менее в регионах Британской Индии с преимущественно мусульманским населением продолжало в ограниченном объеме действовать и исламское право, в основном в сфере гражданских, наследственных и семейных правоотношений. Унаследовав многое от общего права Британской Империи, национальная правовая система Пакистана имеет и отличия от своей бывшей метрополии. Например, большая часть пакистанского законодательства является кодифицированной еще с колониальных времен. Такова была политика британского правительства, распространявшего свое право в Британской Индии посредством принятия нормативных актов и кодексов, разрабатываемых специально для колоний³.

Политика Британской Империи в Индии состояла в том, что преимущественно некодифицированные нормы английского права подвергались кодификации для упрощения их применения на практике. Результатом этого стало принятие целого ряда кодексов, включая Уголовный кодекс Британской Индии (Penal Code), который был подготовлен и принят британскими колониальными властями специально для всей своей огромной колонии в 1860 г.⁴ Данный нормативный акт в сильно переработанном виде, с многочисленными изменениями и дополнениями, продолжает действовать вплоть

¹ Энциклопедия уголовного права. Том 33: Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского университета правосудия. Санкт-Петербург, 2020. С. 456; Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семыкина. М. : Проспект, 2023. С. 144.

² Подробнее о формировании правовой системы Пакистана см.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Том 3: Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма Контракт, 2013. С. 537–549.

³ Там же. С. 539.

⁴ Ответственность за государственную измену и шпионаж. Зарубежный опыт : монография / под ред. Р.А. Курбанова, И.С. Власова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 256.

до настоящего времени как в Пакистане, так и во многих других государствах, ранее составлявших колонию Британская Индия⁵.

После обретения независимости Пакистан унаследовал действовавшее на тот момент уголовное законодательство Британской Индии, а Уголовный кодекс 1860 г. с многочисленными изменениями продолжает действовать до сих пор с названием Уголовный кодекс Пакистана (Pakistan Penal Code (PPC), далее — УК)⁶. УК имеет две языковые версии: на английском языке и на языке урду, в соответствии с положениями ст. 251 Конституции Исламской Республики Пакистан 1973 г. (Constitution of the Islamic Republic of Pakistan), закрепляющими статус языка урду в качестве государственного языка страны, а английского языка — в качестве второго официального языка законодательства и документооборота⁷. Кроме УК, уголовное законодательство Пакистана составляют также иные уголовные законы и ордонансы⁸, а также специальные неуголовные законы, содержащие уголовно-правовые нормы.

Ислам явился основой и знаменем образования отдельного от собственно Индии государства мусульман, Пакистана, в состав которого первоначально входил и Восточный Пакистан — современное государство Бангладеш, в свою очередь, получивший независимость впоследствии⁹. Тем не менее первоначально не ставилась цель создать государство именно с исламской формой правления. В первые годы своего существования Пакистан оставался вполне светским государством. Изменения и реформы в сторону исламизации страны происходили постепенно. С обретением Пакистаном независимости в результате раздела огромной колонии Британская Индия в 1947 г. все существовавшее законодательство Британской Индии на территории Пакистана осталось в силе. Этим обусловлен и тот факт, что и поныне все еще действуют некоторые законодательные акты Британской Индии, включая УК 1860 г. и некоторые другие¹⁰.

⁵ Артемов В.Ю. Противодействие экстремизму в Исламской Республике Пакистан // Актуальные вопросы права и правоприменения : материалы Международной научно-практической конференции (16 октября 2020 г.) / редкол.: О.М. Шуваева [и др.]. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 22.

⁶ Уголовно-правовая охрана национальных интересов : монография / отв. ред. С.Л. Нудель. М. : Проспект, 2025. С. 115.

⁷ В настоящем исследовании автор использовал английские тексты пакистанского законодательства.

⁸ Ордонансами (ordinances) в Пакистане являются указы президента Пакистана, имеющие силу закона, принимаемые согласно положениям ст. 89 Конституции Исламской Республики Пакистан.

⁹ Уголовно-правовая охрана национальных интересов : монография / отв. ред. С.Л. Нудель. М. : Проспект, 2025. С. 73.

¹⁰ Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Том 3: Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2013. С. 539.

Переломным этапом в истории современного Пакистана явился военный переворот генерала Мухаммада Зия уль-Хака, совершенный в 1977 г. Именно тогда в основу внутренней политики Пакистана был положен принцип исламизации общества¹¹. В ходе реформы были приняты многочисленные нормативно-правовые акты, призванные способствовать установлению исламского образа жизни, в том числе законы о запрете ростовщичества, закяте и др. В соответствии с положениями исламского права были реформированы банковская система, система социального обеспечения и налогообложения. Чуть позже был учрежден Федеральный шариатский суд Пакистана (Federal Shariat Court of Pakistan).

В 1979 г. был принят целый ряд ордонансов, получивших в науке и публицистике собирательное название «ордонансов о худуде» (Hudood Ordinances). Их целью явилась реализация намерения новых властей страны полностью и с буквальной точностью возродить уголовно-правовые нормы исламского права в части уголовной ответственности за преступления, за которые в классическом исламском уголовном праве установлено определенное наказание *хадд* (худуд). В числе таких ордонансов были и такие, которые обеспечивали уголовно-правовую охрану ценностей веры и нравственности. К ним относятся: Ордонанс о преступлении зина¹² (применении худуд) (Offence of Zina (Enforcement of Hudood) Ordinance, 1979)¹³ и Ордонанс о преступлении казф¹⁴ (применении худуд) (Offence of Qazf (Enforcement of Hudood) Ordinance, 1979)¹⁵.

Впоследствии часть исламских норм, возрожденных и заново введенных в пакистанское законодательство названными ордонансами, были перенесены в УК, например, нормы об установлении ответственности за прелюбодеяние (зина) и ложное обвинение в прелюбодеянии (казф), а часть норм утратила силу. Так, в своих первоначальных редакциях оба ордонанса предусматривали средневековые наказания за эти деяния, включавшие такое телесное наказание, как бичевание. Но в 1996 г. был принят Закон об отмене бичевания (Abolition of Whipping Act, 1996), которым данный вид наказания был в Пакистане отменен и заменен на лишение свободы и штраф.

¹¹ Правосудие в современном мире : монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 145.

¹² Зина — арабское название прелюбодеяния, являющегося уголовным преступлением согласно исламскому праву.

¹³ Текст Ордонанса см. на сайте Федерального шариатского суда Пакистана. URL: [https://www.federalshariatcourt.gov.pk/wp-content/uploads/2021/01/Laws/Acts & Ordinance/Offence of Zina \(Enforcement of Hudood\) Ordinance, 1979 \(Amended\).pdf](https://www.federalshariatcourt.gov.pk/wp-content/uploads/2021/01/Laws/Acts & Ordinance/Offence of Zina (Enforcement of Hudood) Ordinance, 1979 (Amended).pdf)

¹⁴ Казф — арабское название ложного обвинения в прелюбодеянии, являющегося уголовным преступлением согласно исламскому праву.

¹⁵ Текст Ордонанса см. на сайте Федерального шариатского суда Пакистана. URL: [https://www.federalshariatcourt.gov.pk/wp-content/uploads/2021/01/Laws/Acts & Ordinance/Offence of Qazf \(Enforcement of Hadd\) Ordinance, 1979.pdf](https://www.federalshariatcourt.gov.pk/wp-content/uploads/2021/01/Laws/Acts & Ordinance/Offence of Qazf (Enforcement of Hadd) Ordinance, 1979.pdf)

В дальнейшем реформирование уголовного законодательства Пакистана продолжилось и были внесены новые изменения в УК, которыми в него были имплементированы традиционные исламские нормы. В первую очередь в УК была внесена новая глава о преступлениях против жизни и здоровья, которая полностью восприняла классические исламские нормы об ответственности за эти преступления, которые в традиционном исламском праве относятся к деяниям, за которые установлены наказания *кисас и дийа*¹⁶.

В настоящем исследовании мы остановимся на тех положениях уголовного законодательства Пакистана, которые направлены на уголовно-правовую охрану таких ценностей, как вера и нравственность. Исламский характер и исламская форма правления Пакистана закреплены в Конституции Исламской Республики Пакистан 1973 г. Данные положения отражены в преамбуле к Конституции и в целом ряде статей, в первую очередь в ст. 2, в которой ислам провозглашается государственной религией Пакистана. Данная статья очень короткая и состоит всего из одного предложения, поэтому представляется возможным привести ее полностью на английском языке, являющемся, согласно положениям ст. 251 Конституции, официальным языком законодательства и документооборота Пакистана: "Islam shall be the State religion of Pakistan."

Таким образом, охрана исламских ценностей и самой религии ислама является одной из задач пакистанского государства, которое достигает их, в том числе, и уголовно-правовыми мерами. Одной из таких мер является установление уголовной ответственности за посягательства на веру и религию. Для достижения этих целей в ходе исламских реформ в УК были внесены соответствующие статьи (ст. 295B, 295C, 298A, 298B и 298C УК). В науке и публицистике они собирательно известны под названием «законов о богохульстве» (blasphemy laws)¹⁷.

Самая строгая ответственность установлена за оскорбление Пророка Мухаммеда и его священного имени (ст. 295C УК)¹⁸. За данное деяние в качестве безальтернативного наказания предусмотрена смертная казнь со штрафом, который, по всей видимости, выполняет функцию конфискации имущества. Ответственность наступает за любое, прямое или косвенное, оскорбление, использование оскорбительных слов и названий (derogatory remarks), а также оскорбительных изображений и намеков.

¹⁶ Уголовно-правовая охрана национальных интересов : монография / отв. ред. С.Л. Нудель. Москва : Проспект, 2025. С. 115; Правосудие в современном мире : монография / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2 изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2018. С. 336.

¹⁷ Артемов В.Ю. Проблема экстремизма в Пакистане // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2. С. 315.

¹⁸ Статья 295C была внесена в УК Пакистана в 1986 г.

Безальтернативное наказание в виде пожизненного лишения свободы установлено за надругательство над текстом Священного Корана (ст. 295В УК)¹⁹, как над самой книгой, так и над отдельными страницами, содержащими суры и аяты из Корана, а также за использование Священного Корана каким-либо непотребным, кощунственным образом (in any derogatory manner).

В отдельный состав выделено оскорбление жен Пророка, членов его семьи, любого из «праведных халифов»²⁰ суннитского ислама и любого из сподвижников Мухаммеда (ст. 298А)²¹. Текст статьи в целом дублирует статью об оскорблении пророка Мухаммада и отличается только предусмотренным наказанием, которое гораздо мягче и составляет лишение свободы на срок до 3 лет со штрафом.

Важной чертой правовой и политической системы Пакистана, заслуживающей отдельного упоминания, является законодательный запрет религиозного течения Ахмадие (мусульман-ахмади) и установление уголовной ответственности в отношении его последователей за некоторые деяния религиозного характера²². Не вдаваясь в исследование деталей религиозной полемики и в выяснение причин такой ситуации, в настоящем исследовании стоит лишь ограничиться анализом тех статей УК Пакистана, в которых установлена уголовная ответственность в отношении ахмадитов. В диспозициях ст. 298В и 298С УК представители данного религиозного направления называются членами «группы Квадиани или группы Лахори (которые сами себя называют “Ахмади” или любым другим именем)» (the Qadiani group or the Lahori group (who call themselves “Ahmadis” or by any other name)).

В ст. 298С установлена ответственность ахмадитов за использование в отношении самих себя названия «мусульмане», а в отношении своей религии — названия «ислам», за распространение своего вероучения и ведение миссионерской деятельности, привлечение к себе новых последователей, а также за любое оскорбление религиозных чувств мусульман (in any manner whatsoever outrages the religious feelings of Muslims). В качестве наказания предусмотрено лишение свободы на срок до 3 лет со штрафом.

Во ст. же 298В установлена уголовная ответственность за использование ахмадитами тех арабских обращений и названий, которые мусульмане-сунниты должны использовать исключительно по отношению к женам пророка Мухаммада, членам его семьи, праведным халифам и сподвижникам Пророка, но не только к ним, а и к иным лицам. Данные арабские назва-

¹⁹ Статья 295В была внесена в УК Пакистана в 1982 г.

²⁰ «Праведные халифы» — почитаемые в суннизме четыре первые преемника пророка Мухаммада во главе исламской общины (уммы) и исламского государства (Абу Бакр, Умар, Усман, Али).

²¹ Статья 298F была внесена в УК Пакистана в 1980 г.

²² Артемов В.Ю. Указ соч. С. 313.

ния приведены и перечислены в самой ст. 298В. В английской версии УК они приведены без перевода, на арабском языке в латинской транслитерации. Так, например, представитель Ахмадие будет нести уголовную ответственность за использование слова *Sahaabi* к любому иному лицу, кроме сподвижников пророка Мухаммада и т.п. Из данного уголовно-правового запрета становится очевидным, что ахмадиты расширительно используют данные названия и формы обращения, применяя их также к иным лицам, что отличает их от мусульман-суннитов. Кроме того, в этой же статье установлена уголовная ответственность и за употребления ахмадитами в отношении своих молитв арабского исламского названия *азан* (*Azan*). В качестве наказания за все вышеперечисленные деяния предусмотрено лишение свободы на срок до 3 лет со штрафом.

Выше упоминалось об ордонансах 1979 г., установивших уголовную ответственность за преступления *зина* (прелюбодеяние) и *казф* (ложное обвинение в прелюбодеянии). Оба данных деяния запрещены исламом не только как аморальные и греховные проступки, но они также упомянуты в самом Коране, криминализированы им и в нем же за их совершение предусмотрено определенное наказание *хууд*. Впоследствии нормы ордонансов об ответственности за данные деяния были перенесены в УК.

В ст. 496В УК устанавливается уголовная ответственность за прелюбодеяние (*fornication*), под которым понимается добровольное вступление в половые отношения мужчины и женщины, не состоящих в законном браке друг с другом. Если в классическом исламском праве и в традиционной исламской доктрине проводится строгое различие между лицами, состоящими в браке, и лицами, не состоящими в браке, то ныне действующая норма УК уравнивала этих лиц между собой с точки зрения того наказания, которое им назначается. Согласно положениям традиционного исламского уголовного права, лицо, состоящее в браке и виновное в прелюбодеянии (супружеской измене), подлежало наказанию в виде смертной казни через побивание камнями. В то же время лицо, не состоящее в браке, за то же деяние подлежало наказанию в виде бичевания с нанесением 100 ударов. Наказание же за прелюбодеяние, предусмотренное ныне действующей нормой УК, является равным для всех лиц и состоит в лишении свободы на срок до 5 лет²³.

Особенностью исламского уголовного права является выделение в отдельный специальный состав такого деяния, как ложное обвинение в прелюбодеянии (*казф*), которое прямо упомянуто, осуждено и запрещено в самом Коране. Данная ответственность была восстановлена в Пакистане в 1979 г. вышеупомянутым ордонансом. Но если в классическом исламском

²³ Энциклопедия уголовного права. Том 33: Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского университета правосудия. Санкт-Петербург, 2020. С. 472.

праве ответственности подлежало любое лицо, распространяющее подобные измышления, то ст. 496С ныне действующего УК ограничивает объективную сторону деяния лишь дачей заведомо ложных, юридически значимых показаний, избобличающих кого-либо в совершении прелюбодеяния. Существует различие в части наказания: если, согласно классическим положениям исламского уголовного права, наказанием за данное деяние являлось бичевание с нанесением 80 ударов, то ныне действующая статья УК предусматривает в качестве наказания лишение свободы на срок до 5 лет²⁴.

Уголовное законодательство Пакистана также устанавливает ответственность за то, что в тексте УК названо «половым сношением против законов природы» (carnal intercourse against the order of nature) с мужчиной или животным. Из данного описания можно сделать вывод о том, что данной статьей устанавливается ответственность за мужеложство и скотоложство. Предусмотренное наказания является достаточно строгим и состоит либо в пожизненном лишении свободы, либо в лишении свободы на срок до 10 лет²⁵.

Таким образом, ныне действующее уголовное законодательство Пакистана, основу которого составляет колониальный Уголовный кодекс 1860 г., разработанный властями Британской Империи для своей огромной колонии, обеспечивает достойную защиту охраняемым ценностям религиозной веры и нравственности, в том числе путем имплементации и законодательного возрождения норм традиционного исламского уголовного права. Тем не менее средневековые наказания, установленные классическим исламским правом, ныне не применяются и заменены на лишение свободы или штраф.

Артемьев В.Ю.,

старший научный сотрудник

Института законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации,

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Литература

1. Актуальные вопросы права и правоприменения : материалы Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 16 октября 2020 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: В.В. Гринев, Г.С. Захарова, А.Д. Котенев [и др.] ; председатель редакционной коллегии О.М. Шуваева ; ответственный секретарь С.Н. Маслюкова. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021.

²⁴ Полный курс уголовного права : в 10 т. Т. X. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб. : Юридический центр — Академия, 2021. С. 722.

²⁵ Там же. С. 721.

2. Артемов В.Ю. Проблема экстремизма в Пакистане / В.Ю. Артемов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2.
3. Ответственность за государственную измену и шпионаж. Зарубежный опыт : монография / под редакцией Р.А. Курбанова, И.С. Власова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
4. Полный курс уголовного права. В 10 томах. Т. 10. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / А.И. Коробеев, А.В. Серебренникова, А.И. Чучаев [и др.] ; под редакцией А.И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юридический Центр — Академия, 2021.
5. Правосудие в современном мире : монография / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов [и др.] ; под редакцией В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Норма. 2018.
6. Правосудие в современном мире : монография / под редакцией В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012.
7. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. В 3 томах. Т. 3. Правовые системы Азии / под редакцией В.И. Лафитского. Москва : Юридическая фирма Контракт, 2013.
8. Уголовно-правовая охрана национальных интересов : монография / ответственный редактор С.Л. Нудель. Москва : Проспект, 2025.
9. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / ответственные редакторы: И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семькина. Москва : Проспект, 2023.
10. Энциклопедия уголовного права. В 35 томах. Т. 33. Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран / А. Абрамавичюс, С.С. Аветисян, Л.С. Аистова [и др.]. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, 2020. EDN: VOYLWW.

Власть идеала или власть силы? Политическая концепция Августина Блаженного и Данте Алигьери

«В чем сила, брат?» — этот сакраментальный вопрос находится между строк нынешней конференции «Сила права и право силы». Герой известного фильма давал на него такой ответ: «Сила в правде», при этом, однако, не гнушаясь прибегать к насилию и кромсать всех тех, кто не прав. Как гласит русская пословица, «у каждого Павла своя правда».

Как известно, «Правдой» на Руси именовались сборники законов. Начиная с Ярослава Мудрого, это была «Русская правда», в значении *iustitia* (с латинского — «справедливость»).

Латинское понятие «справедливости» побуждает нас вспомнить двух великих мыслителей римского мира, которых разделяет целое тысячелетие: блаженного Августина Иппонского и Данте Алигьери.

Аврелий Августин (354–430) выступал не только теоретиком государства и права, но и сам был юристом, адвокатом, причем достиг вершины риторской карьеры, получив должность официального составителя речей для императорского двора, вначале в Медиолане, потом и в Риме. После своего обращения в христианство, когда он оставил светскую службу, принял священный сан и стал епископом в провинции Римской империи, в Северной Африке, в городе Гиппон, Августин написал целый ряд апологетических сочинений, среди которых его знаменитая «Исповедь» («*Confessiones*»).

В последние годы жизни святитель Августин Иппонский работал над одним из главных своих произведений, *opus magnum*, которое получило название «О граде Божиим» («*De civitate Dei*»). В нем он излагает историософскую концепцию возникновения и развития Римской империи, причем впервые история предстает как линейный, а не циклический процесс. По мнению Августина, государство должно быть основано на принципах справедливости, иначе оно превращается в «разбойничью шайку».

«Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность. Прекрасно и верно ответил Александру Великому один пойманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить

на море, тот дерзко отвечал: “Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором”»¹.

Очевидно, что в этом случае мы имеем дело со властью силы.

Августин хотя и был римским гражданином, отнюдь не считал, что Римская империя должна быть центром мира. Напротив, он подвергал критике нравы римлян и перекосы в государственном управлении. Причину господства римлян Августин видел в их славолубии.

Иную концепцию предложил уже в XIV в. Данте Алигьери (1265–1321). Для Данте идея Рима имела основополагающее значение в его системе взглядов. Именно на Римскую империю возложена, с точки зрения Данте, совершенно особая миссия.

«Светская монархия, называемая обычно империей, есть единственная власть, стоящая над всеми властями во времени и превыше того, что измеряется временем»², — пишет Данте в трактате «Монархия». Это значит, что империя отвечает не только временным земным потребностям, но и имеет метафизическое измерение.

Данте считает область политики выражением «интеллектуальной потенции» всего человеческого рода — прежде всего, ради познания, а также ради применения полученных знаний на практике, их воплощения в жизни. Первый его вывод отсюда таков: «Для благоденствия мира по необходимости должна существовать монархия или империя»³.

Краеугольным камнем человеческого общества должна быть справедливость, которая опять-таки возможна лишь при монархии или имперском государстве⁴. В представлении о справедливости как о краеугольном камне государства Данте сходится с блаженным Августином.

Однако, по точному замечанию известного культуролога А.Л. Доброхотова, Данте «определил характер власти Рима как **власть идеала, а не силы**»⁵. Данте утверждает: «Римский народ по праву, без узурпации, стяжал над всеми властью монарха, именуемую империей»⁶.

Какие же доказательства этому тезису приводит Данте?

Во-первых, знатность.

Данте вспоминает Вергилия с его «Энеидой», где повествуется о странствиях отца римского народа — Энея. Символичным, с точки зрения Данте, является тот факт, что Эней был последовательно мужем: Креусы (которая происходит из Азии), Дидоны (представительница Африки) и Лавинии (дочь царя Латина, представительница Европы). В этом поэту видится универса-

¹ Августин Аврелий. О граде Божием. Кн. 4, гл. 4. С. 127. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_1-5.pdf (дата обращения: 06.12.2025).

² Данте Алигьери. Монархия / пер. В.П. Зубова // Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. Литературные памятники. С. 306.

³ Данте. Монархия. С. 310.

⁴ Данте. Указ. соч. С. 312.

⁵ Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. С. 76.

⁶ Данте. Указ. соч. С. 323.

лизм римской империи. В идее первенства Рима, таким образом, нет следов этнического превосходства.

Во-вторых, чудеса. Поскольку Римская империя получала подкрепление от Бога в виде чудесных явлений, «следовательно, она угодна Богу, а стало быть существовала и существует по праву»⁷. Данте вспоминает различные события, связанные с римской историей, в частности чудесное спасение Рима благодаря гусям. «Империя римская рождается из источника благочестия»⁸, — констатирует автор «Монархии».

Третье. «Римский народ стяжал империю в поединке; следовательно, стяжал он ее по праву»⁹, — утверждает Данте.

Здесь речь идет о том, что в истории было немало полководцев, пытавшихся завоевать весь мир: Кир, Ксеркс, Александр Македонский и др. Но в итоге всемирное господство осуществила именно Римская империя во времена Августа Октавиана. И именно в этот период, «Августу единоначальствующу на земли», как поется в известной рождественской стихире монахини Кассии, рождается Спаситель мира —

«среди граждан Рима,

Где римлянин — Христос»,

говорится в «Божественной комедии» (Чист 32, 101–102)¹⁰.

В «Монархии» Данте особенно отмечает тот факт, что Христос добровольно принял участие в переписи римских подданных и таким образом засвидетельствовал богоустановленность Римской империи.

Характерно также, что в «Божественной комедии» Данте поместил на самое дно Ада, в пасть Люцифера, двух сенаторов: Брута и Кассия — убийц Юлия Цезаря, правителя Рима. Цезарь не был безгрешным человеком, он жаждал славы, был диктатором, но те, кто покусились на жизнь главы Римской империи, с точки зрения Данте, приравниваются к Иуде, предавшему Христа.

Таким образом, в дантовской концепции Рима мы видим три основных постулата:

- 1) для блага человечества должна существовать империя;
- 2) Рим призван быть вечным центром империи;
- 3) светская и церковная власть должны дополнять друг друга, пребывая в симфонии.

Вергилий в «Энеиде» устами Анхиза так сформулировал главную миссию римского народа:

«Римлянин! Ты научись народами править державно —

В этом искусство твое! — налагать условия мира,

Милость покорным являть и смирять войною надменных!»

(Энеида, 6, 851–854)¹¹.

⁷ Данте. Указ. соч. С. 326.

⁸ Данте. Указ. соч. С. 327.

⁹ Данте. Указ. соч. С. 338.

¹⁰ Данте. Божественная комедия. С. 338.

¹¹ Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с латинского. М.: Художественная литература, 1979. С. 263.

Это место из «Энеиды» цитирует Данте в своей «Монархии» для подтверждения мысли о том, что «римский народ был предопределен к господству от природы»¹².

Из этих постулатов мы понимаем, что речь идет все же не о «власти идеала», а снова о «власти силы» — «смирять войною надменных».

Какой же урок из этих примеров мог бы послужить для «Третьего Рима», как нередко именуют Россию?

В нашей истории мы видим немало свидетельств, что именно «власть идеала», а не «власть силы» бралась за основу государственного строительства. Разумеется, встречаются и противоположные примеры, но все же освоение Сибири, присоединение Крыма, включение Кавказа хоть и были связаны с военными действиями, но никогда не представляли собой насильственной колонизации, не были «бременем белого человека», агрессивным насаждением своей культуры и уничтожением автохтонной. Веротерпимость, принятие разных культур и традиций — это всегда было характерной чертой русской политики.

В нынешних условиях мировой турбулентности отходят на второй план и власть силы (поскольку даже у глобальных держав не хватает мощи, чтобы навязать всем свою волю), и власть права (поскольку международное право подвергается очевидной коррозии). В этом смысле «власть идеала» становится актуальной задачей, решение которой могло бы решить многие проблемы государственного строительства.

архимандрит Симеон (Томачинский В.В.),

доцент кафедры филологии Московской духовной академии,

кандидат филологических наук, кандидат богословия

(Московская область, г. Сергиев Посад)

Литература

1. Аврелий Августин. Исповедь / Аврелий Августин ; перевод с латинского М. Серпенко. Москва : Ренессанс, 1991.
2. Аврелий Августин. О граде Божием / Аврелий Августин. URL: https://www.civis-book.ru/files/File/Avgustin_1-5.pdf (дата обращения: 06.12.2025).
3. Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида : перевод с латинского / Вергилий ; вступительная статья М. Гаспарова ; комментарий Н. Старостиной и Е. Рабинович. Москва : Художественная литература, 1979.
4. Данте А. Божественная комедия / А. Данте ; перевод с итальянского и примечания М. Лозинского. Москва : Интерпракс, 1992.
5. Данте А. Монархия // Данте А. Малые произведения / А. Данте ; перевод В.П. Зубова ; примечания И.Н. Голенищева-Кутузова. Москва : Наука, 1968.
6. Доброхотов А. Данте Алигьери / А. Доброхотов. Москва : Мысль, 1990.

References

1. Dante, A. Divina Commedia / A. Dante ; Introduzione di I. Borzi ; commento a cura di G. Fallani, S. Zennaro. Roma : Newton, 2012.

¹² Данте. Указ. соч. С. 331.

Межбюджетное распределение налога на добавленную стоимость как финансово-правовой инструмент развития экономики Исламской Республики Иран¹

Утверждение о том, что формирующийся потенциал нового социального порядка во многом зависит от справедливости и эффективности налоговой политики² выступает, по сути, определяющим положением в сфере финансово-правового регулирования Исламской республики Иран (далее — ИРИ).

Международные санкции становятся для законодателя ИРИ катализатором поиска юридических инструментов по построению финансовой модели «всеобщего равенства и благосостояния». Одним из таких средств, обеспечивающих финансовую самостоятельность государства, является модернизация налоговой системы, а также порядков распределения фискальных платежей среди различных бюджетов Ирана³.

Анализ распределения НДС ИРИ обнаруживает сложную проблематику разделения администрирования бюджетно-распорядительных функций между различными государственными органами. Несмотря на формальное закрепление нормативов отчислений НДС за региональными властями, значительные финансовые потоки продолжают распределяться через различные государственные фонды и целевые программы, что снижает прозрачность бюджетного процесса и приводит к дублированию функций распределения. Сложные алгоритмы распределения НДС требуют значительных затрат на сбор и верификацию данных, открывают возможности для бюрократических злоупотреблений и серьезно затрудняют среднесрочное бюджетное планирование в провинциях.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется определенной фрагментарностью, возникающей в разрезе классического понимания экономического регулирования и требованиям традиционной этики при анализе системы межбюджетного регулирования в Иране. Зарубежные ис-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00172, проект: «Концепция правового регулирования межбюджетного распределения НДС в Российской Федерации». URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00172>

² Бачурин Д.Г. Направления реформирования системы правового регулирования налогообложения добавленной стоимости // Государство и право. 2019. № 2. С. 71.

³ Всестороннее и полное определение экономики сопротивления в концепции Верховного лидера ИРИ. URL: <https://hawzah.net/fa/Article/View/93717/دادرست‌ق‌ا‌ز‌ا‌ل‌م‌ا‌ک‌و‌ع‌م‌ا‌ج‌-‌ی‌ف‌ی‌ر‌ع‌ت> #_ednref1 (дата обращения: 13.07.2025).

следователи часто анализируют иранскую фискальную систему с позиций стандартной экономической теории, уделяя недостаточное внимание ее нормативно-религиозным характеристикам⁴.

Иранские ученые, напротив, в основном концентрируются на богословско-правовом (фикх) обосновании налогов, оставляя в стороне вопросы их экономической эффективности и распределительных последствий⁵.

Правовая база, охватывающая положения распределения НДС в различных уровнях бюджетной системы ИРИ

К основным нормативно-правовым актам, регулирующим правовой статус НДС, а также целевое использование поступлений от взимания налога относятся:

- Конституция Исламской Республики Иран от 3 декабря 1979 г.⁶ Данный документ определяет институт децентрализации и прямое участие граждан в экономической деятельности исламского государства;
- Закон от 6 июля 1983 г. «Об определении и критериях территориального деления национальных подразделений Исламской Республики Иран» (далее — Закон «О территориальном делении»)⁷. Положения нормативного акта устанавливают административно-управленческую структуру деления страны;
- временный Закон об НДС от 22 мая 2008 г. (далее — Временный или Экспериментальный закон⁸ (вступил в силу с 09.09.2008 и действующий до 31.12.2021). Данный нормативный акт является переходящим законом, призванным планомерно подготовить участников налоговых правоотношений к введению нового налога, а также заменить налог с продаж, критикуемый за регрессивность и сложность администрирования⁹. Экспериментальный закон определял положения по правому статусу НДС и распределению от взимания пошлин на товар;

⁴ International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Dept // Islamic Republic of Iran: Selected Issues. 2017. Iss. 063. DOI: 10.5089/9781475583083.002

⁵ Seyed Nourani Seyed, Mohammad Reza, Mohammadi Teymour, Amirshahi Samaneh. Two different rates on value added tax // Journal of economic research and policies. 2015. Vol. 23. Iss. 73. P. 69–92.

⁶ Конституция Исламской Республики Иран от 3 декабря 1979 г. // URL: <https://shenasname.ir/laws/883-لایحهٔ اساسی-انقلاب> (дата обращения: 19.03.2023).

⁷ Закон от 6 июля 1983 г. «Об определении и критериях территориального деления национальных подразделений Исламской Республики Иран» // URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/90769> (дата обращения: 10.07.2025).

⁸ Value Added Tax Act. Approved on 22/05/2008 // URL: <https://www.iranbestlawyer.com/wp-content/uploads/2020/12/Value-Added-Tax-in-Iran.pdf> (дата обращения: 13.07.2023).

⁹ Горбулин Г.П. Совершенствование законодательства о налогообложении добавленной стоимости в условиях исламской традиции (опыт Республики Иран) Финансовое право. 2024. № 9. С. 28–31.

- бессрочный Закон от 23 мая 2021 г. «О налоге на добавленную стоимость» в Исламской Республике Иран (далее — Постоянный или Действующий закон)¹⁰ (вступивший в силу с 1.01.2022 и действующий до настоящего времени). В Постоянном законе налог с продаж утратил свое действие, установлены базовые положения по распределению НДС;

- законы о пятилетних программах развития ИРИ. Данные нормативные акты определяют стратегическую программу комплексного подхода в решении финансовых, культурных, политических задач, целью которых является достойное социальное положение исламского государства¹¹;

- ежегодные законы о государственном бюджете ИРИ. Данные нормативные акты могут изменять ставку НДС, суммарные пропорции распределения налога между различными уровнями бюджетов, устанавливать особый порядок уплаты налога для некоторых субъектов.

Административно-территориальное деление Ирана

Согласно ст. 1 Закона «О территориальном делении» ИРИ имеет следующую структурную иерархию образований: провинция, уезд, район, город, сельский округ.

Провинция (субъект) — это самая большая структура административного деления с определенной географической зоной, которая образуется путем объединения нескольких уездов с учетом политических, социальных, культурных, экономических и природных условий. Административный центр субъекта находится в одном из городов данного образования. Население провинции составляет не менее 1 млн человек.

Уезд — это средняя административная единица Ирана, входящая в состав провинции с численностью населения от 50 до 120 тыс. человек. Центром уезда является один из городов данного деления.

Муниципальный район (муниципалитеты) — входит в состав уезда с населением от 12 тыс. человек. Центром муниципального района является город или деревня, которая в силу географических, культурно-экономических особенностей является наиболее подходящим центром данной территории.

Города с численностью от 10 тыс. человек входят в состав муниципальных районов.

Сельский округ, объединение нескольких деревень с центром в одном из них, входит в состав муниципальных районов с численностью от 400 до 800 человек.

¹⁰ Закон от 23 мая 2021 г. «О налоге на добавленную стоимость» // URL: <https://hamrahyaar.com/books/3010212> (дата обращения: 08.05.2024).

¹¹ Мамедова Н.М. Роль планирования в экономическом развитии Ирана // Восточная аналитика. 2016. № 3. С. 64–82.

Согласно ст. 12 Закона о территориальном делении, с точки зрения административно-управленческой системы сельский округ и город подчинены муниципальному району, муниципальный район — уезду, уезд — провинции, субъекты, в свою очередь, исполняют распоряжения центральной власти, расположенной в столице Ирана — Тегеране. Провинция Тегеран является одним из 31 субъекта исламского государства, в ее состав входит столица, а также муниципальные районы и ряд крупнейших городов¹³.

Также временный этап характеризуется законодательным поиском модели распределения пошлин на товары внутри провинций Ирана. НДС отчисля-

¹⁵ Горбулин Г.П. Сравнительно-правовой анализ временного и постоянного законов о НДС Исламской республики Иран // *Налоги*. 2025. № 1. С. 35–39.

ется в бюджет Центрального Правительства. Небольшая часть средств от взимания НДС направляется на обучение налогоплательщиков новому налогу и на субсидирование отдельных программ в субъекте (табл.).

Таблица

**Межбюджетное распределение НДС и пошлин на товары в ИРИ
за период 2008–2021 г.¹⁶**

Год	Ставка НДС	Размер пошлин на товары	Распределения НДС		Распределения пошлин (сборов) на товары внутри субъекта Ирана	
			центральный бюджет %	бюджет провинций %	основная группа товаров и услуг	специальная группа товаров и услуг
2008–2010	1,5%	1,5%	100% (из них 0,2% от 100%) направляется на обучение основам НДС участников налоговых отношений	Поступления отсутствуют	Распределяются на счет города или на счет МВД по сельскому округу (в зависимости от места совершения операции). К административному делению «сельский округ» применяется индекс недоразвитости	Направляются на счет МВД для распределения: 20% — для городов более 1 млн человек и 20% — для сельских районов на основе индекса численности населения; 60% — для других городов, на основе индекса недоразвитости и численности населения
2011	2,2%	1,8%	-//-	-//-	-//-	-//-
2012	2,9%	2,1%	-//-	-//-	-//-	-//-
2013	3,6%	2,4%	80% (из них 0,2% от 100%) направляется на обучение НДС участников налоговых отношений	20% — в местные бюджеты для страхования рабочих строительной сферы	-//-	-//-
2014	5,3%	2,7%	100% (из них 0,2% от 100%) направляется на обучение основам НДС участников налоговых отношений	Поступления отсутствуют	-//-	20% сборов направляются для приобретения строительной техники для городов и сельских округов менее 50 тыс. человек и распределяются между населенными пунктами на основе индекса численности населения

¹⁶ Ставки в Иране по налогу на добавленную стоимость. URL: https://tadbirtip.ir/value-added-tax-rate-1403/#دوب_ردقچ_1402_ات_1387_لاس_زا_هوزفا_شزرا_رب_تاىلام (дата обращения: 09.07.2025).

Год	Ставка НДС	Размер пошлин на товары	Распределения НДС		Распределения пошлин (сборов) на товары внутри субъекта Ирана	
			центральный бюджет %	бюджет провинций %	основная группа товаров и услуг	специальная группа товаров и услуг
2015–2016	6%	3%	--	--	--	20% сборов в качестве целевых средств направляются для приобретения строительной техники для городов и сельских округов (с населением менее 100 тыс. человек). Доля указанным средствам для городов составляет — 70%, для деревень — 30%
2017	6%	3%	--	--	Распределяются Налоговой службой на основе индекса населения, доля городов — 70%; доля деревень — 30%. Индекс недоразвитости исключен	Оставшаяся после целевого субсидирования строительной отрасли сумма распределяется налоговой службой в пропорции: столичные города — 12%; остальные города — 53%; для оставшихся населенных пунктов — 35%. К сельским округам, деревням, кочевым районам применяются индекс недоразвитости
2018	6%	3%	--	--	Добавлено исключение для провинции Тегеран с направлением столицы 88% сборов; остальные населенные пункты провинции — 12%	Положение по целевому субсидированию строительной отрасли исключены
2019–2021	6%	3%	--	--	К провинции Тегеран добавлено второе исключение. В бюджет Столицы и города Исламшехр направляется 88% собранных средств	--

Согласно первоначальной редакции Действующего закона с 2022 г. (гл. 9) из 9% основной ставки НДС (после получения налогоплательщиком соответствующих вычетов) 4% направляется центральному правительству, 4% — провинциям и 1% — на улучшение системы здравоохранения (одна девятая всех доходов)¹⁷.

В 2024 г. было установлено повышение основной ставки НДС до 10%. Дополнительно взимаемый 1% используется для целевого назначения по корректировке заработной платы военным, пенсионному обеспечению граждан и специальных фондов (развития инфраструктуры сельских районов)¹⁸.

В период Действующего закона наблюдается рост финансовой самостоятельности экономически неразвитых провинций и муниципальных районов, что обеспечивается действием многоуровневого механизма распределения добавленной стоимости. Бюджеты нуждающихся территорий формируются за счет доли НДС, взимаемого в крупнейших городах соответствующих провинций, межрегионального перераспределения налоговых доходов, а также перечислений с депонированных счетов Центрального правительства.

Проблемы развития правового регулирования межбюджетного распределения НДС в ИРИ

Система распределения и перераспределения НДС в исламском государстве имеет ряд отрицательных факторов, связанных с механизмом государственного устройства Ирана, среди них можно выделить:

(1) *Институциональная конфликтность и непрозрачность распределительного механизма.* Принципиальным недостатком системы является ее чрезвычайная политизированность и зависимость от внутриэлитного консенсуса. Конституционный Совет («Совет по охране Конституции») и Ассамблея экспертов, в чьи полномочия входит толкование основного закона, зачастую руководствуются не столько экономической целесообразностью, сколько политической конъюнктурой и идеологической верностью¹⁹. Это приводит к тому, что окончательное определение параметров конкретного распределения НДС между провинциями, особенно богатыми ресурсными регионами (например, Хузестан) и периферийными территориями, является результатом лоббистского давления, а не объективных критериев нужде-

¹⁷ Закон от 23 мая 2021 г. «О налоге на добавленную стоимость» (в первоначальной ред.) // URL: <https://shenasname.ir/maliati/7011-وزفایشزراستایام-نوناق> (первая редакция).

¹⁸ Циркуляр о повышении ставки налога на добавленную стоимость в 1403 г. URL: <https://www.ekhtebare.ir/وزفایشزراستایام-نوناق> (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁹ Ziaei Bigdeli Mohammad Taghi, Keshkar Rajabi Haniye. Identify barriers to optimal implementation of the VAT system in Iran (based on the value added tax act) // Iranian Journal of Public Policy in Management. 2014. Vol. 4. Iss. 11-12. P. 1–15. URL: <https://www.sid.ir/paper/199021/en>

мости²⁰. На практике это ведет к усилению региональных диспропорций, когда средства, собранные в одной провинции, могут быть перенаправлены на финансирование столичных или идеологически лояльных проектов, что прямо противоречит конституционному принципу поддержки депрессивных регионов.

(2) *Налоговая неэффективность и дисбаланс бюджетной системы.* Социальная направленность в межбюджетном перераспределении добавленной стоимости подрывает его классическую фискальную функцию. Во-первых, широкий перечень льгот на товары первой необходимости сужает и без того неустойчивую из-за санкций налогооблагаемую базу. Во-вторых, целевое закрепление большей части поступлений за конкретными территориями и программами лишает центральный бюджет гибкости, ограничивая возможности Правительства Ирана по макроэкономическому регулированию и реагированию на кризисы. Это создает структурный дефицит в центральном бюджете, который вынужденно покрывается за счет эмиссионного финансирования и доходов от экспорта углеводородов, что делает всю бюджетную систему достаточно уязвимой к колебаниям мировых цен на нефть.

(3) *Догматическое противоречие с принципами исламской экономики.* Несмотря на все попытки легитимации, сама сущность НДС продолжает вызывать острые дискуссии на предмет соответствия шариату²¹. Критики со стороны консервативного духовенства, указывают, что НДС по своей природе является налогом, бремя которого в итоге ложится на конечного потребителя, и его сложно однозначно соотнести с классическими исламскими налогами. В частности, «закят» выступает одним из пяти столпов ислама и представляет собой исторически обязательный платеж в пользу нуждающихся единоверцев не только в Иране, но и в Саудовской Аравии, добровольный в Бахрейне, Кувейте и ОАЭ. В Омане и Катаре он уплачивается вне рамок государственного налогового администрирования с учетом требований классических школ исламского права²².

В сравнении с НДС он имеет четко определенных получателей и цели. Это создает правовую неопределенность и риски для бизнеса, поскольку в любой момент сделка может быть оспорена как не соответствующая нормам шариата. Таким образом, сама модель НДС действует в состоянии

²⁰ Aminrashti Narsis, Rafat Milani Mozghan. The effect of the value added taxation (VAT) on income distribution in selected countries // Journal of Tax Research. 2011. Vol. 19. Iss. 11 (59). P. 63–83.

²¹ Habibian Naqibi Majid, Zamani Ahmad. Rereading Value Added Tax from the Perspective of Islamic Sharia : Islamic Tax Conference. 2012. Period 5. URL: <https://www.sid.ir/paper/890973/fa>

²² Бачурин Д.Г. Конвенциональное правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости государствами – участниками Совета сотрудничества стран Персидского залива // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 233.

перманентного идеологического компромисса, что снижает ее предсказуемость и устойчивость.

(4) *Административная сложность и коррупционные риски.* Сложность в отслеживании конечного использования средств на уровне провинций и деревень, особенно в кочевых районах, порождает значительные возможности для нецелевого расходования и коррупции, когда «общественному большинству приходится за свой счет содержать коррумпированного и соответственно деструктивного чиновника, оплачивая блага, которые продолжают получать те, кто налоги не платит»²³. Необходимая декларируемая социальная помощь зачастую не доходит до своих целевых групп, оставляя проблему бедности и регионального неравенства нерешенной.

Можно констатировать, что межбюджетная модель распределения НДС в Иране, будучи обоснованной с позиций социальной справедливости, на практике сталкивается с проблемами политизированности, фискальной неэффективности, идеологической противоречивости и административной коррупции²⁴. Во множестве случаев это приводит к парадоксальным результатам. Институт, призванный служить инструментом выравнивания и социальной солидарности, в фактичном виде усиливает существующие дисбалансы и скрывает реальные структурные проблемы иранской экономики, остающейся в сильной зависимости от нефтяных доходов.

Дальнейшее развитие системы межбюджетного распределения НДС вызвано необходимостью не только совершенствования законодательства, но и глубоких институциональных изменений, направленных на повышение прозрачности, подотчетности и деполитизации правового регулирования.

Горбулин Г.П.,

лаборант-исследователь лаборатории «Функциональные основы моделирования социального поведения» Школы права и управления
Тюменского государственного университета
(г. Тюмень)

Литература:

1. Бачурин Д.Г. Конвенциональное правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости государствами-участниками Совета сотрудничества стран Персидского залива / Д.Г. Бачурин // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464.
2. Бачурин Д.Г. Направления реформирования системы правового регулирования налогообложения добавленной стоимости / Д.Г. Бачурин // Государство и право, 2019. № 2.

²³ Бачурин Д.Г. Современная коррупция в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 21.

²⁴ Piraei K.H., Farddavaji Sara. Assessing the impact of tax policy on poverty and income inequality in Iran: is tax policy pro poor? // The Economic Research (Sustainable Growth and Development). 2009. Vol. 9. Iss. 2. P. 19–46.

3. Бачурин Д.Г. Современная коррупция в Российской Федерации / Д.Г. Бачурин // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2.
4. Горбулин Г.П. Совершенствование законодательства о налогообложении добавленной стоимости в условиях исламской традиции (опыт Республики Иран) / Г.П. Горбулин // Финансовое право. 2024. № 9.
5. Горбулин Г.П. Сравнительно-правовой анализ временного и постоянного законов о НДС Исламской республики Иран / Г.П. Горбулин // Налоги. 2025. № 1.
6. Мамедова Н.М. Роль планирования в экономическом развитии Ирана / Н.М. Мамедова // Восточная аналитика. 2016. № 3.

References

1. Islamic Republic of Iran: Selected Issues. IMF Country Report No. 17/63 / prepared by O. Basdevant, S. Cakir, G. Pierre. Washington, D.C. : International Monetary Fund, 2017.
2. Majid, H.N. Rereading Value Added Tax from the Perspective of Islamic Sharia / H.N. Majid, Z. Ahmad // Islamic Tax Conference Year : conference. 2012. URL: <https://www.sid.ir/paper/890973/fa>.
3. Mohammad Taghi, Z.B. Identify barriers to optimal implementation of the VAT system in Iran (based on the value added tax act) / Z.B. Mohammad Taghi, K.R. Haniye // Iranian Journal Of Public Policy In Management. 2014. Vol. 4. Iss. 11–12.
4. Narsis, A. The effect of the value added taxation (VAT) on income distribution in selected countries / A. Narsis, R.M. Mozghan // Journal of Tax Research. 2011. Vol. 19. Iss. 11 (59).
5. Piraei, K.H. Assessing the impact of tax policy on poverty and income inequality in Iran: is tax policy pro poor? / K.H. Piraei, S. Farddavaji // The Economic Research (Sustainable Growth and Development). 2009. Vol. 9. Iss. 2.
6. Two different rates on value added tax / S. Nourani, S. Mohammad Reza, M. Teymour, A. Samaneh // Journal of economic research and policies. 2015. Vol. 23. Iss. 73.

Свободы совести и творчества: сбалансированность правового регулирования

Россия является светским государством. Фундаментальность этого догмата не только гарантируется Конституцией РФ¹ (ст. 14), но и рассматривается в качестве основ конституционного строя.

Свобода совести и вероисповедания, включая и право не исповедовать никакой религии, также гарантируется Конституцией РФ (ст. 28).

В преамбуле федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»² указано, что Федеральное Собрание РФ принимает настоящий Федеральный закон, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством.

В п. 3. ст. 3 этого федерального закона признается недопустимым установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии.

Исторический путь России, в соответствии с Основами государственной культурной политики, утвержденными указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808³, определил ее культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни многонационального и многоконфессионального российского общества.

В преамбуле Основ законодательства РФ о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1⁴ отмечается неразрывная связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщения к ним всех граждан с социально-экономическим прогрессом, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета Российской Федерации.

В Конституции РФ наравне со свободой совести гарантируется свобода творчества (ч. 1 ст. 44). Россия как правопреемник (правопродолжатель) СССР в соответствии со ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁵ обязуется уважать свободу творческой деятельности.

¹ Конституция РФ // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // СПС «КонсультантПлюс».

Творческая деятельность — это создание и интерпретация культурных ценностей. При этом культурные ценности рассматриваются как нравственные и эстетические идеалы (ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре).

Автор культурных ценностей, учитывая какой высокий уровень придает им законодатель, пройдя через социальные алгоритмы отбора, становится признанным обществом и государством. Отторжение результатов его творческой деятельности отдельными лицами или частью общества, до изменения сложившейся парадигмы, не повлечет каких-то резких конфликтных ситуаций, сглаживаемых его авторитетом.

Сложнее обстоит дело с авторами, чьи результаты творческой деятельности еще не признаны культурными ценностями, а также с их интерпретациями таковых. В процессе интерпретации культурные ценности приобретают иной смысл. Автор вносит в интерпретируемые объекты свой личностный взгляд, создает новый результат творческой деятельности. Под влиянием этих интерпретаций происходят изменения национальной самобытности, общества и государства, а ранее сложившаяся парадигма сталкивается с новыми вызовами. Культура как диалектический процесс, основанный на взаимодействии противоположностей, является внутренне противоречивым и многосторонним явлением, обусловленным характером взаимосвязи с человеком. Сущность человека охватывает биолого-психологические, социокультурные, этические и духовные аспекты.

Каждый человек имеет право на творческую деятельность в соответствии со своими интересами и способностями, а также право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей и на защиту государством своей культурной самобытности (ст. 10 и ст. 11 Основ законодательства РФ о культуре). В процессе творческой деятельности могут подвергаться интерпретации и религиозные убеждения. По мнению исследователей, для современной европейской цивилизации характерно уже не противостояние различных религий, а конфликт между светским и религиозным сознанием⁶.

В соответствии с Основами законодательства РФ о культуре права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений (ст. 9). Под культурной деятельностью понимается деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей (ст. 3).

Учитывая мультикультурализм российского общества, чувствительность религиозных вопросов, обозначенная формулировка приоритета прав человека над правами в этой сфере государства и иных объединений, вызы-

⁶ Зудов Ю.В. Чувства верующих или свобода искусства? // e-vestnik.ru. URL: http://e-vestnik.ru/analytics/chuvstva_veruyushchih_8900/ (дата обращения: 25.11.2025).

вает сомнения. Как указал Конституционный Суд РФ⁷, граждане могут осуществлять гарантированные им права и свободы как индивидуально, так и коллективно. Соответственно, объединениям граждан — поскольку они не только способствуют осуществлению и защите прав и свобод граждан, но и в отдельных случаях сами являются формой их реализации — эти права и свободы должны быть гарантированы. Отказ в признании юридических лиц как объединений граждан субъектами конституционного права, исходя из его предназначения как обеспечивающего осуществление других прав и свобод, свидетельствует о нарушении вытекающего из ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принципа равенства и справедливости.

В 2025 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения в результате опроса совершеннолетнего населения России из 80 регионов было установлено, что 83% россиян относит себя к верующим⁸.

Таким образом, одной из задач российского общества и государства является нахождение баланса между свободой совести и свободой творческой деятельности. Со стороны верующих требуется проявление терпимости по отношению к неверующим (инакомыслящим), принятие, что не все члены общества должны разделять с ними их религиозные убеждения. Со стороны неверующих (инакомыслящих) — недопущение оскорблений верующих в связи с их религиозными убеждениями и встречное понимание, что их жизненные принципы могут не совпадать с такими же принципами других людей.

По мнению Конституционного Суда РФ⁹, полноценная реализация конституционных прав и свобод предполагает их сбалансированность, согласованность с установленными обязанностями, в необходимом уравнивании могут нуждаться отдельные конституционные права, которые могут приходить в ситуативные коллизии как между собой, так и с иными конституционными ценностями. В задачи законодателя входит обеспечение такой согласованности.

В России предусмотрена ответственность за совершение правонарушений, затрагивающих права на свободу совести. Согласно ч. 1 ст. 148 УК РФ¹⁰, состав преступления образуют публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Административным правонарушением, предусмотренным ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ¹¹, будет являться умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного по-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ ВЦИОМ: более 80% россиян считают себя верующими // TASS.RU. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24601365> (дата обращения: 25.11.2025).

⁹ Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс».

читания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение.

При ознакомлении с содержанием указанных составов **возникают вопросы:** что такое «чувства верующих»; где заканчивается административное правонарушение и начинается преступление; что такое религиозная или богослужебная литература, знаки или эмблемы мировоззренческой символики и в чем их отличие аналогов, не признаваемых религиозными.

Неопределенность указанных понятий может толковаться по-разному. Так, согласно сайту «Азбука веры», под иконой понимается живописное изображение Святой Троицы, Иисуса Христа, Божией Матери, Ангельских Сил, святых, а также священных событий, написанное в соответствии с церковными иконописными канонами и освященное по церковному чину¹².

На сайте собора Свт. Николая в Вене Московского Патриархата Венской и Австрийской епархии в качестве основного отличия картины от иконы указывается, что икона избегает индивидуализации, важна точная передача духовных истин, а не свое субъективное видение, потому иконы никогда не подписываются в отличие от картин¹³.

На практике эта неопределенность разрешается путем субъективного видения правоприменителя или привлеченных специалистов. Как отметил Верховный Суд РФ¹⁴, судьи привлекают к участию в производстве по делу специалистов, обладающих специальными познаниями в сфере религиозных отношений, для исследования изображений, текстов и иных материалов. В качестве примера Верховным Судом РФ приведено дело об административном правонарушении, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, за размещение в социальной сети изображения видоизмененного предмета религиозного почитания, где в числе доказательств были письменные пояснения священника, в которых отмечалось, что данные изображения являются прямым осквернением святыни и унижением чувств верующих.

Согласно постановлению мирового судьи судебного участка района Москворечье-Сабурово г. Москвы от 27 марта 2025 г. по делу № 05-0291/23/2025 об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ¹⁵, «В» была признана виновной. В ходе судебного заседания было установлено, что «В» на сайте «ВКонтакте», разместила изображение, содержащее образ видоизмененной иконы. Согласно заключению специалиста, в изображении содержатся психологические и лингвистические признаки

¹² Икона // azbyka.ru. URL: <https://azbyka.ru/ikona> (дата обращения: 25.11.2025).

¹³ Об иконах // nikolsobor.org. URL: https://nikolsobor.org/SITE3/index.php?option=com_content&view=article&id=795:2013-03-16-09-12-05&catid=103:artikel&lang=ru&Itemid=577 (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁴ Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» КоАП РФ, утв. Президиумом ВС РФ 26.06.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление по делу об административном правонарушении № 05-0291/23/2025 // mos-sud.ru. URL: <https://mos-sud.ru/23/cases/docs/content/ffa13d01-2a50-443e-bfe6-d5353a25e09a> (дата обращения: 25.11.2025).

осквернения предметов религиозного почитания, а именно выраженное в явной форме пренебрежение религиозными предписаниями христианского вероучения (почитать и уважать Бога и его образ), поругание Иконы, т.е. осквернение религиозного живописного образа Иисуса Христа и/или образа Святого.

Возникает также вопрос, почему лица, совершившие действия, возможно охватываемые составом правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, привлекаются к уголовной ответственности. Например, согласно кассационному постановлению Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2025 г. № 7У-6595/2025[77-2730/2025]¹⁶, приговор по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 148 УК РФ (покушение; нарушение права на свободу совести и вероисповеданий) мирового судьи оставлен без изменения. Судом было указано, что на видео запечатлен процесс сжигания «Библии» с негативной ее оценкой, выраженной лексически с помощью стилистически маркированных сниженных лексических средств. В другом случае на исследование представлялось печатное издание, в экспертном заключении указано, что в случае если акт уничтожения «Библии» осуществляется без религиозных мотивов, то может расцениваться как оскорбление чувств верующих.

Считаем, что вышеописанные правовые дефиниции, акты правового регулирования и правоприменения не отвечают требованиям формальной определенности, предполагающим точность и ясность.

Неясность и противоречивость правового регулирования, по мнению Конституционного Суда РФ¹⁷, препятствует адекватному уяснению его содержания и предназначения, допускают возможность неограниченного усмотрения правоприменителя, создают предпосылки для административного произвола и неправосудных судебных решений. Тем самым ослабляются гарантии защиты конституционных прав и свобод, включая право на уважение и охрану человеческого достоинства, ввиду чего само по себе нарушение требования определенности правовой нормы может быть достаточным основанием для признания такой нормы не соответствующей Конституции.

Кокорин А.М.,

доцент кафедры продюсерского мастерства
Всероссийского государственного университета кинематографии
имени С.А. Герасимова (ВГИК),
кандидат экономических наук
(г. Москва)

Литература

1. Зудов Ю.В. Чувства верующих или свобода искусства? / Зудов Ю.В. // Церковный вестник. 2015. 08 июня.

¹⁶ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2025 г. № 7У-6595/2025[77-2730/2025] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Сукук (исламские ценные бумаги) и его правовая природа и регулирование

Одним из инструментов на исламском финансовом рынке являются ценные бумаги — сукук, которые действуют в первую очередь в государствах с мусульманской системой права, таких как Саудовская Аравия, Афганистан, Иран, Бруней, Йемен и др. Сукук отличается от существующих в законодательстве государств с романо-германской, англосаксонской и иных немусульманских правовых систем видов ценных бумаг. И связано это с тем, что сам юридический феномен сукук непосредственно ассоциируется с правовыми нормами шариата, которым должен следовать каждый мусульманин в повседневной жизни, т.е. правовой природой данного явления являются закрепленные правила и устоявшиеся обычаи, источником которых является религиозное право — шариат.

Под шариатом понимается свод норм религиозного права в исламе, регулирующих жизнь мусульман. Сам по себе шариат представляет собой набор религиозных правил и принципов, закрепленных в первую очередь в двух основных источниках исламского права: священной для мусульман книге — Коран и сунне. Коран представляет собой книгу религиозной направленности, написанную на арабском языке, и согласно исламскому вероучению переданную Аллахом (Богом) путем устных откровений пророку Мухаммеду через ангела Джibriля (архангела Гавриила). Современная редакция Корана является собранием записей, проанализированных в седьмом веке специальной коллегией во главе с Зейдом ибн Сабитом, по повелению Абу Бакра ас-Сиддика и Умара ибн аль-Хаттаба, проверенная и утвержденная в качестве единственно правильной версии при третьем халифе Усмани¹. Сунна (араб. سُنَّة — букв. «обычай, пример») — мусульманское священное предание, излагающее примеры жизни исламского пророка Мухаммеда как образец и руководство для всей мусульманской общины (араб. «умма») и каждого мусульманина².

Сунна является вторым после Корана источником исламского права и тесно взаимосвязана с ним, объясняет и дополняет его. Сунна состоит из поступков пророка Мухаммада («фи'ль»), его высказываний («кауль») и невысказанного одобрения («такрир»). Сунна передавалась устно сподвижниками (араб. асхабами) пророка Мухаммада и была зафиксирована в виде хадисов в VIII—IX вв. Их делят на четыре группы: исторические, пророческие, священные (в них Мухаммад говорил от лица Бога) и хадисы о достоинствах арабских племен³.

¹ Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М. : Ансар, 2007. 400 с.

² Сунна / Большая советская энциклопедия // Электронная версия второго издания. БукаСофт, 2012 (DVD-диск).

³ Пиотровский М.Б. ас-Сунна. Ислам: энциклопедический словарь / под общ. ред. С.М. Прозорова. М. : Наука, 1991. 315 с.

Кроме того, другими источниками исламского права, являются: иджма — общее согласие мусульманской общины, фетва — решение муфтиев по правовым вопросам, кияс — решение дел по аналогии, урф — арабские обычаи, адат — местные обычаи, фирманы — указы и распоряжения, кануны — государственные законы, тафсир — толкование Корана, и сунны, сделанные мусульманскими учеными и судьями.

Такое множество источников религиозно-исламского права породило различие в его толковании. У мусульман появились течения, по-разному понимающие ислам, среди них: суннизм, шиизм и ибадизм. При этом большинство различий между этими течениями в исламе фактически сводятся к вопросам правоприменения, а не догматики.

Каждое такое течение разрабатывало свою философско-правовую доктрину, в результате чего сложились различные религиозные богословские-правовые школы — мазхабы. В современном мире у мусульман-суннитов сохранились всего 5 мазхабов: ханафитский, ханбалитский, шафиитский, маликитский и на сегодняшний день практически исчезнувший захиритский мазхаб, который имел распространение в Иране, Ираке, Северной Африке и Испании. Среди мусульман-шиитов широко распространен джафаритский мазхаб, а также имеют место зейдитский мазхаб, исмаилитский мазбах и иные малочисленные религиозно-правовые школы. У мусульман ибадитов, в основном проживающих в Омане, имеется своя богословско-правовая школа — ибадитском мазхаб. Все вышеуказанные источники исламского права помогают людям, исповедующим ислам, принимать важные решения в своей жизни, в том числе в области инвестиций и финансов.

Нужно понимать, что согласно нормам шариата, все действия человека разделяются на пять категорий, также известных как «пять решений»: обязательные, рекомендуемые, дозволенные, нежелательные и запрещенные.

Основные нормы шариата в исламском частном праве связаны, прежде всего, с запретами и ограничениями, такими как запрет получать и выплачивать проценты в какой-либо форме (риба); запрет на сделки с условиями неопределенности, когда существует спекулятивность сделки или намеренный риск (гарар); запрет на участие в производстве и торговле запрещенных в исламе товаров — табак, свинина, алкоголь и т.д. (харам), запрет на участие в азартных играх (майсир) и т.д.

При этом одним из основных запретов в исламском праве для ценных бумаг — сукук — является запрет на продажу долга по иной цене, чем сам существующий долг, т.е. запрет на продажу долгов как по завышенной от суммы долга цены, так и с дисконтом, иными словами, в исламском праве нельзя, чтобы торговля ценными бумагами приводила к производным долговым инструментам.

Термин «сукук» дословно переводится как «юридические документы, договоры, чеки или векселя во множественном лице». В единственном числе

слово сукук звучит как сакк. В настоящее время под формой сакк понимается юридический документ, как правило, сертификат, удостоверяющий право его владельца на долю в праве общей собственности на имущество.

Но так было не всегда. В начальный период ислама под термином «сакк» (сукук) понимался любой документ на передачу обязательств, денежных средств, прав или договор, заключенный в соответствии с принципами исламского права, т.е. сакк использовался для обозначения любых документов, представлявших финансовые обязательства, возникающие в результате коммерческой, в том числе торговой деятельности, на раннем этапе развития ислама. В средневековом исламском периоде мусульманские торговцы использовали сакк с целью избежать перевозки денежных средств по опасным территориям как эффективную систему письменных договоров «об оплате товаров при их доставке», и именно поэтому многие ученые считают, что современное слово «чек», скорее всего, произошло от слова «сакк».

При этом само развитие представлений у мусульманских ученых и религиозных юристов о сукук как исламском финансовом инструменте было очень сложным. Указанный правовой институт в период своего образования подпадал как под запрет, так и под разрешение, пройдя непростой путь на признание его соответствия требованиям религиозных норм шариата. Так, в ключе шафиитского мазхаба сукук был запрещен как несовместимый с нормами ислама, поскольку его последователи считали, что исламские ценные бумаги характеризуются высоким уровнем риска, похожи на облигации: наличием права на фиксированный доход, отсутствием права собственности на ценные бумаги и целым рядом иных признаков, которые противоречат сути и принципам шариата. Представители ученых и юристов ханафитского мазхаба, наоборот, признавали сукук соответствующим нормам шариата, поскольку он является действительным базовым активом, а не обязательством выплачивать проценты, и непохож на облигации своей изначальной сутью и подходом.

В современное время, согласно определению Организации бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых институтов (AAOIFI), сукук представляют собой сертификаты равной стоимости, удостоверяющие неделимую долю владения в материальных активах, праве пользования ими и получения дохода, в оказываемых услугах, активах определенного проекта или специального инвестиционного проекта⁴.

По определению Совета исламских финансовых услуг сукук — «сертификат, представляющий пропорциональное неделимое право на долю в реальном активе, или в объединении реальных активов, или в коммерческом предприятии. Эти активы могут относиться к конкретному проекту или к инвестиционной деятельности в соответствии с правилами и принципами шариата»⁵.

⁴ Солдатенкова И. Сукук (выдержка из статьи). URL: www.banki.ru

⁵ Рябых Д. Сукук (выдержка из статьи). URL: www.alt-invest.ru

Теперь попытаемся детально разобраться, почему сукук иногда называют «исламской облигацией», но в действительности это не так. Сукук не представляет собой облигацию в обычном виде, поскольку облигация — это долговой инструмент, а сукук — нет. Фактически сукук были разработаны как правовая альтернатива обычным облигациям, которые многие мусульмане считают недопустимыми, поскольку их сущность противоречит нормам шариата.

В реальности сукук представляют собой мусульманские ценные бумаги, которые обеспечены активами. При этом активы, в отношении которых осуществляется эмиссия сукук, должны обязательно отвечать нормам ислама (халяль), в то время как для выпуска облигаций не имеется никаких препятствий в части деятельности эмитента, функционального назначения привлекаемых денежных средств и самих активов.

Существенным фактором, отличающим сукук от облигаций, является то, что в сукук запрещена выплата по ссудному проценту, а в облигациях такого запрета нет, и в результате в облигациях осуществляется выплата по ссудному проценту.

Следующим отличием является то, что владелец сукук имеет право на получение определенного дохода от актива, а держатель облигации имеет право на возврат долга, таким образом, отчуждение сукук представляет собой передачу прав на получение дохода от активов, поддерживающих сукук, а под отчуждением облигаций понимается передача прав требования по долгу. Иными словами, облигация устанавливает правоотношения займа между эмитентом и владельцем облигации, наделяя ее владельца правом требования к эмитенту, сукук же является фактически инвестиционным сертификатом, удостоверяющим право ее владельца на долю в праве собственности на актив, пропорциональную величине вложенных средств. Сама цена сукук зависит от стоимости его активов, и, соответственно, доходность держателя сукук будет зависеть от цены актива. В облигации же все зависит от фиксированной процентной ставки, которую в качестве дохода получает держатель облигации.

Сукук предоставляет инвесторам право собственности на предполагаемый доход и базовый актив. Эмитент при размещении сукук выделяет размер активов, реализуемых при помощи сукук. При этом и эмитент, и кредитор (инвестор) разделяют все риски и всю ответственность и одновременно получают доход пропорционально объему вложенных средств и участию в проекте. Тут необходимо отметить, что при вложении в сукук 100% гарантий на выплаты нет, поскольку в случае, если проект, под который выпускается сукук, будет убыточным, большая вероятность того, что инвестору придется терпеть убытки, вплоть до дефолта.

Например, юридическое лицо, осуществляющее торговлю, выпустила сукук для постройки нового торгового центра и сдачи площадей в нем в аренду. Базовым активом тут будет недвижимость. В качестве вознаграждения держатели сукук будут получать долю от сдачи в аренду площадей нового торгового центра. Так как самого торгового центра еще нет и планируется его

построить только в будущем, а сукук можно эмитировать не только под имеющиеся активы, но и под будущие, то инвесторы станут нести несколько рисков, как и эмитенты, а именно риски взимания более низкой оплаты за аренду площадей, недостроя торгового центра по различным основаниям и т.д., чем это предполагалось и планировалось при размещении сукук.

В этой части сукук, являясь альтернативным финансовым инструментом, имеет признаки акции, но в то же время ею не является. Стоит обратить внимание, что держатели сукук превращаются в совместных собственников имущества организации, как и акционеры. Когда компания получает положительный финансовый результат, то она разделяет его с собственником сукук, при этом указанная прибыль не является процентами, а фактически представляет собой распределением дохода от бизнеса, что, соответственно, не противоречит шариатским нормам. Такой сценарий похож на выплаты по акциям, но отличается от него тем, что сукук предусматривает периодические фиксированные платежи, чем больше напоминает купонные выплаты по облигациям.

Другим важным различием акции от сукук будет то, что активы, которые лежат в основе сукук, являются обособленными от общего имущества организации, и выплаты по ним осуществляются только после получения дохода от использования или реализации такого конкретного имущества. Дивиденды в акциях выплачиваются от общей прибыли всей организации.

Таким образом, юридически сукук не выплачивает проценты, как облигация, и не платит дивиденды, как акция, он получает доход от доли прибыли, полученной в результате реализации базового актива. По своим подходам к получению прибыли и вложению средств сукук абсолютно не коррелируется ни с акциями, ни с какими-либо иными долговыми инструментами. При этом рыночная цена сукук может быть как выше, так и ниже номинала, и будет зависеть от генерируемых им денежных средств и рыночной ситуации. В результате сукук напоминает какую-то «гремучую смесь» и акции, и облигации с абсолютно отличным от других правовых систем изначальным религиозным подходом по отношению к этим двум классам активов.

Рассматривая сукук, необходимо отметить, что различные виды сукук основаны на разных структурах исламских контрактов и базового актива, лежащего в основе договора (мурабаха, иджара, истисна, мушарака, иститмар и т.д.) в зависимости от проекта, который финансирует сукук. Причем существующие юридические виды сукук будут отличаться по своей функциональности, например, по целям, которые преследуются сторонами договора.

Так, например, существуют сукук не ориентированные на получение прибыли, а именно: Вакуф (пожертвование), т.е. передача имущества в доверительную собственность для использования в религиозных или благотворительных целях, или Кард-аль-хассан (беспроцентные) — беспроцентный заем, представляемый нуждающимся лицам на определенный срок, по истечении которого должна быть погашена номинальная сумма займа.

Или, наоборот, два типа сукук с прибыльными инструментами, среди которых: прибыльные инструменты с заранее определенной нормой доходности и прибыльные инструменты с ожидаемой нормой доходности. К первому виду сукук с прибыльными инструментами с заранее определенной нормой доходности могут быть отнесены: а) Мурабаха (когда продавец и покупатель согласовывают размер затрат на наценку и приобретение товара в определенный срок, фактически в рассрочку, т.е. без процентов); б) Иджара (вид договора по передаче имущества в аренду клиенту в обмен на выкупные и арендные платежи, по результатам которых право собственности на имущество переходит к арендатору); в) Манфаат (право пользования, т.е. предоставленное лицу или стороне временное законное право пользования чужим имуществом с извлечением из него прибыли или выгод); г) Истисна (долгосрочный договор, по которому сторона обязуется построить или произвести объект имущества и по завершении передать его покупателю); д) Салам (договор оплаты товара на условиях отсроченной поставки) и т.д. Ко второму виду сукук с прибыльным инструментом с ожидаемой нормой доходности могут быть отнесены: а) Мушараха (форма договора долевого участия в совместной деятельности или партнерства); б) Мудараба (договор участия в прибылях, в соответствии с которым одна сторона предоставляет свой опыт, а другая — денежные средства); в) Музараа (договор между двумя сторонами, в соответствии с которым одна сторона разрешает использовать часть своего земельного участка другой стороне в обмен на получение доли с урожая); г) Мусакат (договор, в соответствии с которым одна из сторон предоставляет определенные растения/деревья, плодоносящие съедобными фруктами, другой стороне, которая, в свою очередь, обязуется поливать их в обмен на определенную долю в урожае) и т.д.

Подводя итог, требуется отметить, что сукук по своей правовой природе представляет собой реальную альтернативу и акциям, и облигациям, он является самостоятельным инструментом, возникшим под воздействием оригинальных правоотношений и религиозных взглядов в мусульманских странах. В настоящее время исламские финансовые активы широко представлены в государствах Ближнего Востока, Африки, Персидского залива, Юго-Восточной Азии и Южной Азии и показывают устойчивый рост среди исламских инвестиционных фондов и банков, в том числе и в виде значительного увеличения объемов эмиссии инвестиционных сертификатов (сукук), которые представляют основные сегменты исламских финансов в мире. В условиях внешних санкций и реализации геополитических угроз для Российской Федерации поиск новых источников финансирования инвестиционных проектов актуализирует проблему инкорпорации ряда инструментов исламских финансов, в том числе сукук в структуру финансового рынка России. Решение же этой проблемы не может проходить без изменения действующего российского гражданского законодательства, поскольку религиозно-мусуль-

манские взгляды на справедливость, законность и дозволенность в финансово-банковской сфере значительно отличаются от сложившейся практики работы финансового и банковского рынков в Российской Федерации.

Палагутин А.А.,

полковник Росгвардии

(г. Москва)

Литература

1. Абдуллах Х.Ф. Сунны Пророка Мухаммада и его ежедневные слова поминания / Х.Ф. Абдуллах. ИД Амаль, 2022.
2. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь / А.А. Али-заде. Москва : Ансар, 2007.
3. Аль-Аззави А.А. Развитие механизма повышения эффективности исламских финансовых институтов в России : диссертация кандидата экономических наук / А.А. Аль-Аззави. Москва, 2020.
4. Батрова Т.А. Современные тенденции развития торгового права : монография / Т.А. Батрова. Москва : ИЦ РИОР: ИНФРА-М, 2018.
5. Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития : автореферат диссертации доктора экономических наук / Р.И. Беккин. Москва, 2009.
6. Вылцан С.Е. Законодательная власть в Исламской Республике Иран : монография / С.Е. Вылцан. Москва : Проспект, 2024.
7. Журавлев А.Ю. Исламский банкинг / А.Ю. Журавлев ; под общей редакцией А.О. Филоник. 2-е изд. стер. Москва : Садра, 2020.
8. Журавский А.В. Мусульманское право. Фикх и шариат / А.В. Журавский. Магистрия, 2018.
9. Идрисов Х.В. Ответственность в мусульманской системе права: теоретические основы и практические аспекты реализации : монография / Х.В. Идрисов, А.Г. Хариханов. 2-е изд., исп. и доп. Грозный : Автор, 2021.
10. Идрисов Х.М. Исламские инвестиционные продукты: особенности и перспективы развития : диссертация кандидата экономических наук / Х.М. Идрисов. Москва, 2020.
11. Пашков Р.В. Исламский банкинг : монография / Р.В. Пашков, Ю.Н. Юденков. Москва : Русайнс, 2017.
12. Пиотровский М.Б. ас-Сунна / М.Б. Пиотровский // Ислам: энциклопедический словарь / под общей редакцией С.М. Прозорова. Москва : Наука, 1991.
13. Роэ М. Исламское право / М. Роэ ; под общей редакцией Д. Мухетдинова. Москва : ИД Медина, 2019.
14. Санаи М. Мусульманское право и политика : учебное пособие / М. Санаи. 2-е изд. доп. Москва : Садра, 2017.
15. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире : монография / Л.Р. Сюкияйнен. 2-е изд. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.
16. Умеров Х. Институт шариатских наук Омана и 10 интересных фактов об ибадитах / Х. Умеров // islam today. 2025. 11 февраля.
17. Якупов М. Мазхабы как правовые школы ислама: зарождение и развитие / М. Якупов, М. Нуриахмедов. Москва : Издательские решения, 2022.

Исламское договорное право в условиях глобализации: вызовы унификации и сохранения шариатской идентичности

Современный этап развития международного частного права характеризуется углублением процессов экономической глобализации и стремлением к унификации договорных конструкций. На этом фоне особенно остро встает вопрос о перспективах исламского договорного права, основанного на религиозно-этических установлениях шариата и традиции классической фикх-правовой доктрины. Данный феномен невозможно рассматривать в отрыве от глобального торгового оборота, в который вовлечены как государства с мусульманским большинством, так и многочисленные частноправовые акторы, ориентирующиеся на нормы исламского права.

Цель настоящего исследования состоит в анализе того, какие вызовы процессы унификации создают для исламского договорного права и какие модели гармонизации позволяют одновременно учитывать требования глобального рынка и необходимость сохранения шариатской идентичности. Поставленная цель непосредственно соотносится с темой диссертационного исследования автора, посвященного договорному регулированию торговых отношений в исламском праве.

Исламское договорное право традиционно исходит из того, что договор в торговой сфере является не только юридическим инструментом перераспределения благ, но и механизмом реализации справедливости, предотвращения эксплуатации и злоупотребления экономическим превосходством. Свобода договора здесь с самого начала ограничена императивами шариата, выраженными в запретах **риба** (ростовщического дохода), **гарар** (чрезмерной неопределенности, информационной асимметрии и несоразмерного риска) и **мейсир** (элементов азартности и спекулятивной игры), а также в требованиях добросовестности, эквивалентности встречного предоставления и недопустимости обмана¹. Дополнительный ценностный уровень задается концепцией **макасид аш-шариа**, предполагающей защиту имущества, недопущение несправедливого обогащения, обеспечение устойчивости и предсказуемости экономического оборота².

В противоположность этому логика унификации международного договорного права ориентирована на построение нейтральных, религиозно «обезличенных» моделей. Конвенционные и «мягкие» источники (Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.,

¹ Vogel F.E., Hayes S.L. *Islamic Law and Finance: Religion, Risk, and Return*. The Hague: Kluwer Law International, 1998.

² Dusuki A.W., Bouheraoua S. *The Framework of Maqasid al-Shari'ah and Its Implication for Islamic Finance // Islam and Civilisational Renewal*. 2011. Vol. 2. No. 2. P. 316–336.

принципы и правила *lex mercatoria*, типовые контракты и торговые обычаи) предлагают универсальный язык регулирования обязательств, в рамках которого допускается свободное использование процентов, сложных обеспечительных конструкций, деривативов и иных высокорискованных финансовых инструментов. Такая модель исходит из максимизации автономии воли и договорной гибкости, не учитывая религиозно-этические ограничения отдельных правовых порядков.

Участие исламских государств и шариатски ориентированных субъектов в глобальном рынке неизбежно порождает конфликт между требованиями унифицированных моделей и императивами исламского права. На содержательном уровне проблема проявляется в том, что многие стандартные конструкции торгового и финансового договора прямо основаны на элементах, которые в исламском праве квалифицируются как **риба**, **гарар** или **мейсир**³. Классический пример — кредитное финансирование торговых операций с начислением фиксированного процента, воспринимаемого шариатской доктриной как недопустимый ростовщический доход. В качестве исламской альтернативы здесь предлагаются договоры **мурабаха**, **мушарака**, **мударара** и **иджара**, ориентированные на распределение прибыли и риска, а не на гарантированный процентный прирост капитала.

Коллизионное измерение проблемы проявляется в трансграничных сделках, подчиняемых праву третьих стран и унифицированным международным стандартам. Даже при декларируемой приверженности шариату фактическое регулирование таких отношений нередко осуществляется нормами, допускающими те элементы, которые исламское право стремится исключить. Возникает ситуация, когда сторона, желающая соблюсти религиозные ограничения, оказывается связанной типовыми условиями, построенными исходя из иных ценностных ориентиров⁴. Это затрагивает как действительность и исполнимость конкретных договоров, так и более широкий вопрос о доверии к исламским финансовым и торговым инструментам.

Дополнительный пласт сложности связан с институциональным уровнем. В ответ на вызовы глобализации и унификации в мусульманском мире формируются специализированные стандартизирующие структуры, разрабатывающие шариатские стандарты для договоров в сфере торговли и финансов, прежде всего **AAOIFI** (*Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions*)⁵. Они стремятся предложить своего рода «исламскую» модель унификации, основанную на адаптации классических исламских договорных конструкций к современным формам экономического оборота. Однако ее соотношение с действием светских национальных правовых порядков и транс-

³ Kamali M.H. Islamic Commercial Law: An Analysis of Futures and Options // American Journal of Islamic Social Sciences. 1996. Vol. 13. No. 3.

⁴ Беккин Р.И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. С. 134–144.

⁵ Shari'ah Standards for Islamic Financial Institutions. Manama : AAOIFI, 2015.

национальных регулятивных режимов порождает новые коллизии, включая вопросы признания и исполнения обязательств, структурированных по шариатским стандартам⁶.

Существенным риском в этих условиях становится размывание исламской специфики. При ориентации исключительно на внешнее соответствие стандартам глобального рынка возможно формирование практики, при которой исламское договорное право редуцируется до набора терминов и формальных атрибутов (наличия шариатского совета при институте, использования традиционной терминологии в тексте договора и т.п.), тогда как экономическая сущность сделок мало отличается от процентных и спекулятивных моделей. Это противоречит макасид-ориентированному подходу, настаивающему на оценке договоров с точки зрения их целей и реальных последствий, а не только формальной структуры.

Перспективная модель гармонизации исламского договорного права с глобальными тенденциями унификации видится в функциональной адаптации шариатских институтов к современным формам торговли. Речь идет, прежде всего, о переосмыслении традиционных договоров мурабаха, иджара, мушарака и мудароба как инструментов структурирования торгового финансирования, логистических и инвестиционных проектов, позволяющих участвовать в международном обороте при соблюдении запретов риба, гарар и мейсир и справедливого распределения рисков. Важно, что такие конструкции могут встраиваться в общую архитектуру международного частного права без утраты своей ценностной обусловленности.

В рамках трансграничных договоров значимую роль играют и специальные договорные механизмы, направленные на обеспечение шариатского соответствия: включение в текст контрактов шариатских оговорок, ограничивающих применение отдельных диспозитивных норм выбранного права; комбинирование элементов различных договорных типов; использование ссылок на шариатские стандарты как на дополнительный критерий толкования условий. Подобные приемы позволяют согласовать требования религиозного и светского регулирования, не разрушая базовых принципов ни одной из систем.

Не менее важным направлением представляется институциональное развитие шариатского надзора. От последовательности и профессионального уровня шариатских советов при банках, торговых и инвестиционных структурах зависит, будет ли формироваться практика, ориентированная на истинное, а не декларативное соблюдение макасид аш-шариа в договорном регулировании⁷. Если оценка сделок будет строиться не только по формальному соответствию отдельным запретам, но и по их влиянию на справедливость распределения прибыли и риска, на устойчивость торговых отноше-

⁶ Амара М.И., Бабенкова С.Ю. Правовое регулирование надзорного процесса финансовых институтов в арабских странах // Современное право. 2017. № 11. С. 130–145.

⁷ Güney N. Maqāsid al-Sharī'a in Islamic Finance: A Critical Analysis of Its Relevance // Religions. 2024. Vol. 15. No. 1. Art. 114.

ний и недопущение эксплуатации, это позволит исламскому договорному праву выступать самостоятельным, ценностно отличным участником глобального правового порядка.

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать ряд обобщающих выводов. Во-первых, исламское договорное право в сфере торговых отношений представляет собой внутренне последовательную целостную систему, основанную на специфической философии распределения рисков и доходов и не сводящуюся к набору технических отличий от светских моделей. Во-вторых, процессы глобализации и унификации частного права не устраняют данную специфику, но ставят перед ней задачу адаптации и поиска механизмов включения в единый договорный язык при сохранении шариатской идентичности. В-третьих, ключевое измерение этого процесса проходит именно через договорное регулирование торговли: трансформацию классических исламских договорных конструкций, разработку гибких механизмов гармонизации и институциональное укрепление шариатского надзора.

Тем самым вопрос о соотношении «силы права» и «права силы» в современном контексте проявляется применительно к исламскому договорному праву как дилемма между формальным подчинением доминирующим унифицированным моделям и выработкой собственных, основанных на макасидах-шариа ответов на вызовы глобального рынка. От выбора в пользу второго пути зависит способность исламского права участвовать в формировании глобального правового пространства не только как объект адаптации, но и как самостоятельный источник правовых идей и ценностных ориентиров.

Прошина М.В.,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
магистр прав
(г. Москва)

Литература

1. Амара М.И. Правовое регулирование надзорного процесса финансовых институтов в арабских странах / М.И. Амара, С.Ю. Бабенкова // Современное право. 2017. № 11.
2. Беккин Р.И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов / Р.И. Беккин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3–2.

References

1. Dusuki, A.W. The Framework of Maqasid al-Shari'ah and Its Implication for Islamic Finance / A.W. Dusuki, S. Bouheraoua // Islam and Civilisational Renewal. 2011. Vol. 2. Iss. 2.
2. Güney, N. Maqāsid al-Sharī'a in Islamic Finance: A Critical Analysis of Its Relevance / N. Güney // Religions. 2024. Vol. 15. Iss. 1. Art. 114.
3. Kamali, M.H. Islamic Commercial Law: An Analysis of Futures and Options / M.H. Kamali. Cambridge : The Islamic Texts Society, 2000.
4. Kamali, M.H. Islamic Commercial Law: An Analysis of Futures and Options / M.H. Kamali // American Journal of Islamic Social Sciences. 1996. Vol. 13. Iss. 3.
5. Vogel, F.E. Islamic Law and Finance: Religion, Risk, and Return / F.E. Vogel, S.L. Hayes. The Hague : Kluwer Law International, 1998.

Биотехнологии и исламское право: правовые аспекты трансплантации органов и тканей человека

Стремительное развитие современных биотехнологий привело к формированию совершенно новой правовой и этической реальности, в рамках которой вопросы трансплантации органов и тканей человека оказываются в центре внимания не только медицины, но и права, философии, теологии и культурных исследований. Особую значимость приобретают религиозно-правовые системы, такие как исламское право, обладающие собственными механизмами адаптации к научному прогрессу. Исламское право (фикх) основано на божественных предписаниях. Основными источниками фикха являются Коран, сунна Пророка Мухаммеда, иджма (единогласное мнение исламских ученых) и кияс (аналогия).

Исламское право формируется на основе системы целей — макасид аш-шари'а, среди которых одной из ключевых является охрана жизни (хифз ан-нафс). Данный принцип служит теоретической базой для признания трансплантации религиозно допустимой, если она направлена на спасение жизни пациента или предотвращение тяжелого вреда здоровью. Важную роль играет правило «нет вреда и нет воздаяния вредом», применяемое во всех медицинских контекстах. Оно требует минимизации риска для донора, исключения эксплуатации и злоупотребления.

В традиционной исламской правовой концепции человеческое тело не является объектом собственности в юридическом смысле и не может рассматриваться как товар. Отсюда следует абсолютный запрет на куплю-продажу человеческих органов. Эти нормы коррелируют с международным правом, включая ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине (Овьедо, 1997). Примером может служить фетва, выпущенная Дар аль-Ифта аль-Мисрия (Египет), гласит, что пересадка органов допустима, если она направлена на спасение жизни и осуществляется без какой-либо коммерческой выгоды. При этом в фетве подчеркивается, что тело человека принадлежит Всевышнему¹.

С конца XX в. органы, выносящие религиозные постановления (фетвы), системно анализируют медицинские вмешательства, связанные с трансплантацией. Здесь стоит упомянуть Постановление № 26 (1/4) о трансплантации органов живого или умершего человека, которое было принято на 4-й сессии Совета Исламской академии правоведения (фикха), созданной в Джидде (Са-

¹ Fatwa No. 1599 by Dar Al-Ifta Al-Misriyyaeh // Official Website of Dar Al-Ifta Al-Misriyyah. URL: <https://www.dar-alifta.org/> (дата обращения: 15.11.2024).

удовская Аравия) 6–11 февраля 1988 г. В документе фиксируется, что трансплантация органов допустима в целях спасения жизни при условии соблюдения всех религиозных норм. Например, обязательным является соблюдение условия наличия согласия самого донора при жизни или его наследников после его смерти, ожидаемая польза от операции очевидным образом перевешивает возможный вред и др.

Наряду с этим аналогичные фетвы были приняты в Египте, Турции и Иране, которые стали основой для национального законодательства в области трансплантологии. Ярким примером является действующий в Турции Закон № 2238 «О трансплантации органов и тканей», который учитывает положения шариата и включает механизмы религиозного контроля за выполнением медицинских процедур.

Современные биотехнологии изменили само понимание трансплантологии. Сегодня речь идет не только о пересадке внутренних органов, но и о развитии высокотехнологичных форм биомедицинского вмешательства.

Клеточные технологии и регенеративная медицина

Клеточные технологии позволяют выращивать ткани и органоиды из собственных клеток пациента. Наиболее значимые направления включают:

- индуцированные плюрипотентные клетки, позволяющие получать ткани без использования эмбрионов;
- аутологичные клеточные трансплантаты, исключающие иммунный конфликт;
- регенерацию тканей и органов при помощи клеточного матрикса и биосовместимых каркасов.

Исламское право в целом благосклонно относится к этим технологиям, поскольку они соответствуют принципам сохранения жизни и общественной пользы. Особое значение имеет тот факт, что аутологичные клетки не затрагивают этически спорные вопросы статуса эмбриона и целостности человеческого тела. Большинство современных исламских фетв признают применение таких технологий дозволенным при условии соблюдения медицинских протоколов и отсутствия вреда для пациента².

Ксенотрансплантация

Пересадка органов животных или тканей, выращенных с использованием человеческих клеток, ставит вопросы ритуальной чистоты и допустимости вмешательства в генетическую природу видов. Несмотря на это, современные исламские ученые допускают ксенотрансплантацию при соблюдении двух условий:

- она является единственным способом спасения жизни;

² Sachedina A. Islamic Biomedical Ethics. New York : Oxford University Press, 2009.

— животное не относится к категории строго запрещенных (например, свинья остается проблемным объектом).

Однако, если полученный орган утрачивает свойства «исходного биологического материала» из-за глубокой биоинженерной модификации, часть ученых допускает его использование, поскольку биотехнологический продукт перестает быть «свиной» тканью в религиозно-правовом смысле.

Искусственные органы и 3D-биопечать

Современные исследования позволяют создавать органы на основе 3D-печати, выращивать ткани на биополимерных каркасах и формировать функциональные органоиды. Появление биопечатных почек, печени и сердечно-сосудистых структур фактически меняет саму природу трансплантации.

В исламской правовой доктрине биоинженерные органы имеют преимущество перед донорскими, поскольку:

- исключается нарушение целостности тела умершего;
- отсутствует риск эксплуатации живых доноров;
- исключен коммерческий оборот человеческих органов;
- отсутствуют вопросы ритуальной чистоты и уважения к телу.

Следовательно, такие технологии рассматриваются как религиозно предпочтительные в перспективе и получают одобрение исламских биоэтических советов³.

В 2019 г. Индонезийский Совет улемов признал искусственные органы дозволенными при соблюдении медицинских стандартов⁴. Поскольку такие органы не связаны с человеческим телом, религиозные запреты на «повреждение» человеческой плоти к ним не применяются.

Генетические модификации и редактирование клеточных линий

Использование CRISPR-технологий ((Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats) — технология генного редактирования, которая позволяет точно и точно изменять ДНК живых организмов без внедрения чужеродных генов), генетически модифицированных клеток или тканей создает перед исламским правом новые вопросы:

- изменяется ли «естество» человека (*fitra*)?
- допустимо ли вмешательство, не связанное с лечением?
- распространяются ли нормы запрета изменять творение Аллаха?

Большинство современных исламских правоведов разделяют терапевтические и улучшающие вмешательства.

Терапевтические (направленные на лечение болезней) рассматриваются как дозволенные.

³ MUI (Indonesia). Fatwa 95/2019 on bio-printed organs.

⁴ Indonesian Ulema Council (MUI). Fatwa No. 95/2019 on Bio-Printed Organs.

Улучшающие (направленные на усиление характеристик организма) часто оцениваются как спорные или запрещенные⁵.

Светские правовые системы, включая российское законодательство, строятся на принципах: добровольности, информированного согласия, безвозмездного донорства и приоритета медпоказаний. Федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» закрепляет запрет купли-продажи органов, необходимость согласия и требования охраны прав донора⁶. В Европейском Союзе также устанавливаются жесткие механизмы предотвращения эксплуатации доноров. В частности, Директива 2010/53/EU Европейского парламента обязывает государства-члены обеспечивать прозрачность всех процессов, связанных с трансплантацией, и строго запрещает любую форму коммерциализации в данной области⁷.

В Соединенных Штатах трансплантация регулируется Законом о национальной донорской системе (National Organ Transplant Act, 1984), который запрещает покупку и продажу органов и создает механизмы распределения донорских органов через сеть UNOS (United Network for Organ Sharing)⁸. Эти примеры иллюстрируют, что светское право ориентируется на гуманистические принципы и защиту прав донора и реципиента.

Разногласия между системами возникают главным образом относительно критерия смерти мозга и эмбриональных исследований. Однако в целом наблюдается тенденция к сближению правовых подходов.

Хоть и светское, и исламское право имеет общие цели — защита человеческой жизни и недопущение эксплуатации доноров, между ними существуют различия, которые связаны в первую очередь с источниками норм и подходами к регулированию. Светское право основывается на законодательных актах и международных конвенциях, в то время как исламское право черпает нормы из Корана, сунны и фетв. Это может усложнить процесс адаптации исламского права в современных мультикультурных обществах.

Исламское право демонстрирует высокую степень адаптивности к биомедицинскому прогрессу, сохраняя фундаментальные религиозные принципы: защиту жизни, достоинства, запрет эксплуатации и вреда. Комплексное изучение исламских подходов к трансплантации позволяет предложить более гуманную, этически взвешенную и социально устойчивую модель регулирования трансплантологии в условиях стремительного научного развития.

⁵ Al-Bar M., Chamsi-Pasha H. Contemporary Bioethics: Islamic Perspective, 2015.

⁶ Федеральный закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и тканей человека».

⁷ Directive 2010/53/EU of the European Parliament and of the Council of 7 July 2010 on standards of quality and safety of human organs intended for transplantation // Official Journal of the European Union. 2010. L 207/14. P. 14–29.

⁸ National Organ Transplant Act (1984 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 15.11.2024).

Современная биомедицина требует согласования исламских норм с международной биоэтикой. Наиболее значимыми направлениями являются:

- унификация критериев смерти мозга в мусульманских странах;
- разработка этических протоколов для биопечати органов;
- усиление борьбы с незаконной торговлей органами;
- создание международных исламских биоэтических советов.

Необходима дальнейшая адаптация правовых систем в исламских странах к современным медицинским стандартам: разработка унифицированных правовых актов, учитывающих как нормы шариата, так и международные стандарты трансплантологии, что позволит обеспечить баланс между религиозными и светскими требованиями. Это также создаст фундамент для обмена опытом с государствами, имеющими развитую систему трансплантации. Всемирная организация здравоохранения может сыграть ключевую роль в этом процессе, предложив модели регулирования, которые учитывают как медицинские, так и культурные особенности.

Юсиф-Зада А.-А. И. оглы,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
управляющий партнер юридической компании «R&A Group Ltd.»,
магистр права
(г. Москва)

References

1. Al-Bar, M. Contemporary Bioethics: Islamic Perspective / M. Al-Bar, H. Chamsi-Pasha. Springer, 2015.
2. Sachedina, A. Islamic Biomedical Ethics Principles and Application / A. Sachedina. New York : Oxford University Press, 2009.

Сравнительно-правовой анализ нормативных и организационных основ пенсионных систем России, Беларуси и Казахстана

Пенсионное обеспечение как фундаментальный институт социального права отражает экономическую устойчивость государства и его социальную функцию. В контексте глобальных демографических сдвигов, выражающихся в старении населения и уменьшении доли трудоспособного населения, пенсионные системы Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сталкиваются с унифицированными вызовами.

Представленный компаративный анализ фокусируется на правовых, организационных и финансовых аспектах указанных национальных систем, идентифицируя их ключевые особенности, общие тенденции и различия в подходах к реформированию. Основой для отчета послужили ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие пенсионные правоотношения, официальные государственные данные и экспертные публикации. Например, для обеспечения гармонизации пенсионных прав трудящихся-мигрантов в рамках ЕАЭС страны ратифицировали Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г. Соглашение предусматривает суммирование трудового стажа, приобретенного на территориях всех государств-членов, с целью назначения пенсии, при этом каждое государство выплачивает пенсию за периоды стажа, приобретенного на его территории (принцип пропорциональности)¹.

В части реформирования финансирования Казахстан демонстрирует переход к обязательной накопительной модели с развитием многоуровневой системы. Республика Казахстан, в отличие от солидарной модели Беларуси и страховой в России, внедрила возможность досрочного изъятия части пенсионных накоплений из ЕНПФ на целевые нужды (жилье или лечение), что является уникальным прецедентом в управлении пенсионными активами среди стран Союза². В то же время Российская Федерация реализовала реформу, направленную на поэтапное повышение пенсионного возраста (Федераль-

¹ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза (заключено в г. Санкт-Петербурге 20.12.2019) // Бюллетень международных договоров. 2021. № 3.

² Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

ный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ), как меру для повышения финансовой устойчивости солидарного компонента³.

Основы правового регулирования пенсионного обеспечения

Правовое регулирование пенсионной системы в Российской Федерации конституировано дуалистической структурой, опирающейся на два ключевых федеральных закона, что обеспечивает возможность точечного нормотворчества. Государственное пенсионное обеспечение регламентируется Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»⁴, который определяет основания возникновения права на пенсию, устанавливает категории граждан (включая граждан РФ, а в предусмотренных случаях — иностранных граждан и лиц без гражданства) и виды выплат, включая пенсии за выслугу лет, по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца и социальные пенсии. Параллельно действует Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»⁵, являющийся правовой основой страхового компонента системы. Страховое обеспечение базируется на формировании пенсионных прав застрахованных лиц с учетом начисленных и уплаченных страховых взносов, отражаемых в индивидуальном пенсионном коэффициенте (ИПК). Наличие отдельных актов дифференцирует пенсию как форму социального обеспечения, финансируемую из федерального бюджета, и пенсию как результат трудовой деятельности, основанную на накопленных правах. Функционирование Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»⁶ дополняет структуру, регулируя механизмы сбора и администрирования страховых взносов. Подобная многоактовая структура, несмотря на детализацию регулирования для каждой категории, потенциально усложняет правоприменение и административное восприятие для граждан. В соответствии с Федеральным законом № 400-ФЗ, для получения права на страховую пенсию по старости в 2025 г. (согласно переходным положениям) требуется наличие не только достижения пенсионного возраста, но и минимально установленного количества индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК)

³ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Парламентская газета. 2018. 5–11 октября.

⁴ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

⁵ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

⁶ Там же.

и страхового стажа⁷. В то время как социальная пенсия, регулируемая Федеральным законом № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», назначается гражданам, не имеющим права для назначения страховой пенсии, но по возрасту (на пять лет позже), инвалидности и по случаю потери кормильца финансируется за счет ассигнований из федерального бюджета, что подчеркивает сущностное различие источников и правовых оснований выплат⁸.

Правовое регулирование пенсионной системы Республики Беларусь базируется на Законе Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении»⁹, который выступает центральным нормативным правовым актом, унифицированно охватывающим трудовые и социальные пенсии. Подобная моноцентрическая законодательная структура контрастирует с дуалистическим подходом Российской Федерации. Примечательно, что реформирование пенсионной сферы в Беларуси осуществляется не исключительно посредством изменений в основном законе, но и через указы Президента, что свидетельствует о высокой централизации и доминирующей роли исполнительной власти в социальной политике. Примером служит Указ Президента Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке»¹⁰, который вступил в силу с 1 января 2025 г. Документ внес существенные коррективы, включая отмену ограничений размеров пенсий для работающих пенсионеров и упрощение процедуры подачи заявления о назначении пенсионных выплат. Использование президентских указов в реформировании позволяет государству оперативно реагировать на текущие вызовы, однако скорость внедрения мер может обуславливать снижение предсказуемости правовой среды по сравнению с традиционным парламентским законодательным процессом¹¹.

Пенсионное законодательство Республики Казахстан претерпело фундаментальную структурную кодификацию. Ранее правовые основы пенсионного обеспечения регламентировались Законом Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан»¹².

⁷ Там же.

⁸ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

⁹ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

¹⁰ Указ Президента Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

¹¹ Комментарий Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь к Указу от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

¹² Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

Однако указанный закон утратил силу с 1 июля 2023 г. в связи с принятием Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII¹³. При этом и в Республике Беларусь, и в самой РФ отсутствуют социальные кодексы в данной сфере. Переход от специального закона к комплексному кодифицированному акту представляет собой глубокую реформу, целью которой является объединение всех институтов социального обеспечения в единый, логически взаимосвязанный документ. Кодификация демонстрирует долгосрочную стратегию государства по формированию целостной и всеобъемлющей системы, направленной на минимизацию правовых пробелов и противоречий. Новый правовой подход обеспечивает комплексное решение социальных проблем, интегрируя пенсионное обеспечение с иными формами государственной поддержки. В итоге принятие Кодекса способствует повышению предсказуемости социальной политики и формированию единообразного понимания прав и обязанностей граждан в данной сфере. Например, Социальный кодекс четко определяет понятие «пенсионное обеспечение» как «совокупность правовых, экономических и социальных мер, направленных на обеспечение граждан пенсионными выплатами при наступлении пенсионного возраста и других условий», а также устанавливает поэтапное повышение пенсионного возраста для женщин до 63 лет к 2031 г.¹⁴ А для мужчин он остался неизменным.

С 1 января 2023 г. в Российской Федерации функции управления системой пенсионного обеспечения централизованы в Социальном фонде России (СФР), который учрежден в результате реорганизации и слияния Пенсионного фонда России (ПФР) и Фонда социального страхования (ФСС)¹⁵. СФР выступает ключевым публично-правовым образованием, ответственным за администрирование социальной защиты. Организационная структура Фонда включает Главное управление, территориальные отделения в каждом субъекте и муниципальном образовании, а также специализированные департаменты, например, Департамент по инвестициям и социальным проектам. В компетенцию СФР входят: сбор и учет страховых взносов, назначение и осуществление пенсионных выплат, регистрация субъектов обязательного пенсионного страхования (застрахованных лиц и страхователей), а также управление инвестиционными портфелями. Управление инвестициями отражает наличие в системе элементов накопительного обеспечения, поскольку Фонд отвечает за разработку и реализацию инвестиционной страте-

¹³ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII ЗРК (введен в действие с 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 19 июля.

гии в отношении пенсионных накоплений. Децентрализованная структура с разветвленной сетью отделений обеспечивает территориальную доступность предоставления государственных услуг в сфере социального и пенсионного обеспечения для граждан¹⁶.

Управление пенсионной системой в Республике Беларусь возложено на Государственный внебюджетный фонд социальной защиты населения (ФСЗН)¹⁷, функционирующий под прямым контролем Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Интеграция ФСЗН в структуру профильного министерства обуславливает его менее автономный статус в сравнении с российским Социальным фондом России (СФР). Ключевые функции ФСЗН включают организацию сбора взносов в систему государственного социального страхования и финансирование текущих пенсионных обязательств. Примечательно, что функции по управлению инвестициями и долгосрочному накоплению пенсионных средств выражены в ФСЗН минимально¹⁸, что соответствует преимущественно распределительной (солидарной) модели финансирования, принятой в стране. В распределительной системе текущие страховые поступления от работающего населения направляются непосредственно на покрытие текущих пенсионных выплат, в отличие от накопительных компонентов, доминирующих в Казахстане, или специализированных инвестиционных функций, присущих российскому СФР.

Организационная модель пенсионной системы Республики Казахстан демонстрирует кардинальное отличие от систем Российской Федерации и Республики Беларусь, базируясь на высокой централизации накопительного компонента. В результате реформирования 2013 г. было учреждено АО «Единый накопительный пенсионный фонд» (ЕНПФ)¹⁹, которое консолидировало функции всех ранее действовавших пенсионных фондов. Фонд стал единственным оператором, ответственным за аккумулирование и управление обязательными пенсионными взносами граждан, составляющими 10% от ежемесячного дохода.

Управление государственным пакетом акций ЕНПФ осуществляется Национальным Банком Республики Казахстан в режиме доверительного

¹⁶ Егоров Г.Г. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных сетей (международные аспекты) // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24. № 1. С. 61–71.

¹⁷ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

¹⁸ Указ Президента Республики Беларусь 16 января 2009 г. № 40, утверждающий Положение о фонде социальной защиты населения министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 16.08.2024 № 326) // Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <https://ssf.gov.by/ru/about-fond-ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁹ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

управления. Надзор и стратегическое управление всеми пенсионными активами граждан обеспечивается совместно с Советом по управлению пенсионными активами при Президенте РК.

Указанная централизованная и консервативная модель управления пенсионными накоплениями направлена на минимизацию рисков, сопряженных с рыночной диверсификацией и потенциальной неэффективностью множества частных пенсионных фондов, что соответствует приоритету финансовой надежности и государственной ответственности над рыночной конкуренцией²⁰. Основная функция ЕНПФ заключается в содействии населению в создании пенсионных накоплений, включая заключение договоров, учет обязательных взносов и осуществление пенсионных выплат. В рамках Социального кодекса Республики Казахстан (2023 г.) закреплена возможность использования гражданами части пенсионных накоплений из ЕНПФ на целевые нужды (жилье, лечение), что демонстрирует гибкость государственного управления активами и отход от исключительно долгосрочной пенсионной цели²¹.

Пенсионные системы Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан предусматривают выплаты, основанные как на страховом стаже, так и в форме социального обеспечения для лиц без достаточных пенсионных прав. Тем не менее классификация и правовая структура выплат в государствах – членах ЕАЭС дифференцированы.

В Российской Федерации система построена по трехкомпонентному принципу:

1. Страховые пенсии (по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца) — назначение требует одновременного выполнения условий по достижению установленного возраста, наличию минимального страхового стажа и накоплению индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК)²².

2. Пенсии по государственному пенсионному обеспечению — предоставляются отдельным категориям граждан, включая государственных служащих, военнослужащих и лиц, пострадавших в результате техногенных катастроф²³.

²⁰ Деркачева Т.В. Сравнительно-правовой анализ социальной поддержки в России и странах БРИКС (на примере России и Объединенных Арабских Эмиратов) // Стратегия развития гражданского права в поисках ответов на вызовы XXI века (формы противодействия внешним угрозам) : материалы III Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 3 декабря 2024 г.) / ответственный за выпуск Г.Г. Егоров ; Волжский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет». М. : Сфера, 2025. С. 17–37.

²¹ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII ЗРК (введен в действие с 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділе».

²² Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Российская газета. 2013. 31 декабря.

²³ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

3. Накопительные пенсии — формируются за счет взносов работодателя, однако на текущий момент действует мораторий на их дальнейшее формирование²⁴.

Республика Беларусь использует двухуровневую классификацию²⁵:

1. Трудовые пенсии — выплачиваются по возрасту, инвалидности, случаю потери кормильца, за выслугу лет и особые заслуги. Право на них возникает при условии уплаты страховых взносов.

2. Социальные пенсии по возрасту, инвалидности, случаю потери кормильца — назначаются нетрудоспособным гражданам при отсутствии права на трудовую пенсию.

Республика Казахстан оперирует многокомпонентной системой, включающей три уровня выплат:

1. Базовая пенсия — назначается всем гражданам по достижении пенсионного возраста, причем ее размер коррелирует со стажем участия в пенсионной системе²⁶.

2. Солидарная пенсия — выплачивается лицам, имеющим трудовой стаж не менее шести месяцев до 1 января 1998 г. Наличие компонента свидетельствует о сохранении обязательств по старой распределительной модели, а размер зависит от стажа до 1998 г. и среднемесячного дохода²⁷.

3. Накопительная пенсия — формируется за счет индивидуальных пенсионных накоплений граждан в Едином накопительном пенсионном фонде (ЕНПФ)²⁸.

Условия назначения пенсионного обеспечения в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан дифференцируются по критериям возраста, стажа и порядка исчисления выплаты.

Пенсия по возрасту (старости). В Российской Федерации действует поэтапное повышение общеустановленного пенсионного возраста, который к 2028 г. достигнет 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Назначение страховой пенсии по старости обусловлено совокупностью требований: достижение возраста, наличие минимального страхового стажа (не менее 15 лет)

²⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Российская газета. 2013. 31 декабря.

²⁵ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

²⁶ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

²⁷ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

²⁸ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII ЗРК (введен в действие с 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

и накопление установленной величины индивидуального пенсионного коэффициента — не менее 30 (ИПК)²⁹.

В Республике Беларусь пенсионный возраст установлен на уровне 63 лет для мужчин и 58 лет для женщин. Дополнительным условием является наличие страхового стажа (в 2025 г. — не менее 20 лет) и общего трудового стажа (25 лет для мужчин и 20 лет для женщин)³⁰.

В Республике Казахстан пенсионный возраст для мужчин составляет 63 года. Для женщин предусмотрено поэтапное повышение возраста до 63 лет, которое будет завершено к 2031 г.³¹

Пенсия по инвалидности. В Российской Федерации страховая пенсия по инвалидности назначается автоматически после установления соответствующей группы инвалидности в результате медико-социальной экспертизы (МСЭ). Размер выплаты зависит от группы инвалидности, наличия иждивенцев, продолжительности страхового стажа и величины накопленного ИПК³².

В Республике Беларусь трудовая пенсия по инвалидности исчисляется в виде процентов от среднемесячного заработка: 75% при I группе инвалидности, 65% — при II группе, и 40% — при III группе³³.

Пенсия по случаю потери кормильца. В Российской Федерации страховая пенсия рассчитывается по формуле:

$$\text{Пенсия} = \text{ИПК} \times \text{СПК} + \text{ФВ}$$

(где ИПК — индивидуальный пенсионный коэффициент умершего, СПК — стоимость пенсионного коэффициента, ФВ — фиксированная выплата). Для детей, потерявших обоих родителей (круглые сироты), социальная пенсия (при отсутствии права на страховую) выплачивается в двойном фиксированном размере (с 1 апреля 2025 г. — 17 648,16 руб.)³⁴.

²⁹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Российская газета. 2013. 31 декабря.

³⁰ Указ Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

³¹ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

³² Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Российская газета. 2013. 31 декабря.

³³ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

³⁴ Пенсионный коэффициент: как рассчитывается и как влияет на пенсию // Радио РБК. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65d71cea9a79476ac69a150d> (дата обращения: 01.10.2025).

В Республике Беларусь минимальный размер трудовой пенсии по случаю потери кормильца устанавливается в размере 100% минимальной пенсии по возрасту. Социальная пенсия для детей, не имеющих прав на трудовую пенсию, составляет 85% бюджета прожиточного минимума³⁵ (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ условий назначения основных видов пенсий

Показатель	Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Казахстан
Пенсионный возраст (2025)	Мужчины: 63 года (повышение до 65), Женщины: 58 лет (повышение до 60)	Мужчины: 63 года, Женщины: 58 лет	Мужчины: 63 года, Женщины: 61 год (повышение до 63)
Требуемый стаж (2025)	Страховой стаж: 15 лет, ИПК: 30	Страховой стаж: 20 лет, Общий стаж: 25 лет (муж.) / 20 лет (жен.)	Стаж участия в системе для базовой пенсии, Трудовой стаж до 1998 г. для солидарной
Пенсия по инвалидности	Автоматическое назначение по результатам МСЭ. Размер зависит от группы и иждивенцев	Назначается на время инвалидности. Размер — % от среднемесячного заработка (75% I гр., 65% II гр.)	Выплаты из ЕНПФ возможны при бессрочной инвалидности I или II группы
Пенсия по потере кормильца	Страховая пенсия по формуле $\text{ИПК} \times \text{СПК} + \text{Фв}$. Социальная пенсия для сирот	Минимальный размер: 100% от минимальной пенсии по возрасту. Социальная пенсия: 85% БПМ	Выплата из накоплений в ЕНПФ при смерти

Финансирование пенсионных систем.

Сравнительный анализ моделей

Ключевая дифференциация пенсионных систем государств основывается на методологии их финансирования. Распределительная модель, или PAYG (Pay-As-You-Go), определяет, что текущие обязательства по пенсионным выплатам обеспечиваются за счет текущих поступлений страховых взносов от экономически активного населения³⁶. Указанный принцип исторически

³⁵ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

³⁶ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

превалировал на постсоветском пространстве и сохраняет доминирование в Российской Федерации³⁷ и Республике Беларусь³⁸. В рамках PAYG-системы социальные взносы, уплачиваемые работодателями и работниками, незамедлительно направляются на удовлетворение финансовых потребностей нынешних пенсионеров.

Основным системным вызовом для распределительной модели выступает демографическая трансформация, характеризующаяся снижением уровня рождаемости и увеличением ожидаемой продолжительности жизни. Развитие указанных тенденций провоцирует диспропорцию между численностью трудоспособного населения (плательщиков взносов) и количеством пенсионеров (получателей выплат), что обуславливает рост финансовой нагрузки на бюджеты пенсионных фондов и создает риск возникновения дефицита. Демографический фактор является основным катализатором проведения пенсионных реформ, направленных на повышение возраста выхода на пенсию и поиск альтернативных источников финансирования. Например, в России прогнозируется сокращение удельного числа наемных работников на одного пенсионера к 2030 г., что неизбежно увеличивает расходы на поддержание системы³⁹.

Финансирование пенсионного обеспечения в Республике Казахстан характеризуется наличием сильного накопительного (фондируемого) компонента, отличающегося от распределительного принципа. В накопительной системе взносы граждан аккумулируются на индивидуальных счетах и подвергаются инвестированию для генерации дохода, не расходуясь на текущие пенсионные выплаты⁴⁰. Следовательно, размер пенсионного обеспечения в будущем непосредственно зависит от объема накопленных средств и результатов инвестиционной деятельности. Обязательные пенсионные взносы, составляющие 10% от ежемесячного дохода, централизованно накапливаются в АО «Единый накопительный пенсионный фонд» (ЕНПФ)⁴¹.

³⁷ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений» // Российская газета. 2011. 7 декабря.

³⁸ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

³⁹ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁴⁰ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII ЗРК (введен в действие с 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

⁴¹ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

Внедрение накопительной модели обеспечивает гражданам экономическую гибкость, включая предоставление уникальных правовых возможностей, например, досрочное целевое использование пенсионных накоплений для улучшения жилищных условий или оплаты медицинских услуг. Данный подход позволяет снизить финансовое бремя на государственный бюджет, поскольку выплаты в значительной степени фондируются за счет самих накопленных активов. Успешность функционирования накопительной модели обусловлена стабильностью финансового рынка и эффективностью управления пенсионными активами Фондом. Переход Казахстана к указанной системе представляет собой стратегическое решение, отражающее стремление государства к минимизации демографических рисков и повышению индивидуальной ответственности граждан за свое материальное обеспечение в старости⁴².

Пенсионные системы Российской Федерации и Республики Беларусь при сохраняющемся доминировании распределительной модели (PAYG) обладают гибридным характером за счет включения элементов накопительного финансирования. Однако стратегии гибридизации в государствах различаются.

В России накопительный компонент, формировавшийся за счет взносов работодателей, фактически приостановлен. Новые отчисления на формирование накопительной пенсии не поступают в связи с действующим мораторием. Ранее сформированные накопления подлежат учету на индивидуальных счетах застрахованных лиц.

В Беларуси, напротив, реализуется курс на развитие многоуровневой системы, дополняющей основную государственный распределительный компонент⁴³. В рамках данной эволюции, помимо взносов работодателя в распределительную систему (29% от фонда заработной платы, из которых 28% — на пенсионное страхование), внедряется добровольное (а не обязательное, как указано в исходном тексте) дополнительное накопительное пенсионное страхование (Указ Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367)⁴⁴. Согласно условиям, работник может уплачивать добровольный взнос до 10% от заработной платы, при этом работодатель обязан осуществлять софинансирование в размере, не превышающем 3% от фонда заработной платы работника. Указанный подход свидетельствует о признании Республикой Беларусь демографических и финансовых ограничений

⁴² Закон Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 399-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам восстановления экономического роста» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000399> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴³ Указ Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁴⁴ Там же.

чисто распределительной системы и формировании сбалансированной модели с дополнительным фондируемым элементом (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение моделей финансирования и источников средств

Показатель	Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Казахстан
Основная модель	Смешанная: доминирует распределительная	Смешанная: доминирует распределительная	Многоуровневая: с сильным накопительным компонентом
Источники средств	Страховые взносы, трансферты из федерального бюджета	Страховые взносы, трансферты из бюджета	Государственная базовая пенсия, солидарные выплаты, индивидуальные накопления
Наличие/роль накопительной части	Присутствует, но формирование заморожено (мораторий)	Развивается обязательная накопительная система (6% взносов)	Централизована в ЕНПФ, обязательные взносы 10%
Зависимость от демографии	Высокая. Ухудшение демографии ведет к дефициту	Высокая. Старение населения создает дефицит ФСЗН	Низкая. Риски диверсифицированы через индивидуальные накопления

Последние реформы (2023–2025)

В Российской Федерации центральным вектором реформирования пенсионной системы выступает поэтапное повышение общеустановленного пенсионного возраста, реализуемое в период до 2028 г.⁴⁵ График повышения, согласно Федеральному закону, предусматривает увеличение возраста на 12 месяцев каждые два года (в 2024, 2026, 2028 гг.). Вследствие переходного периода в 2025 г. не предполагается выход на пенсию по старости на общих основаниях. Указанное законодательное решение является непопулярной, но необходимой мерой, направленной на обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости системы в условиях негативных демографических тенденций. Для смягчения социальных последствий реформы и обеспечения социальной справедливости законодательство сохраняет право на досрочное назначение страховой пенсии для ряда категорий граждан, нуждающихся

⁴⁵ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Парламентская газета. 2018. 5–11 октября.

ся в адресной поддержке. К льготным основаниям относятся: многодетные матери (право на выход в 57 лет при трех детях, в 56 лет при четырех детях и в 50 лет при пяти и более детях, при наличии 15 лет страхового стажа) и требующих ИПК — 30, при этом важным условием является факт воспитания ребенка до достижения им 8-летнего возраста а также граждане, обладающие длительным страховым стажем (42 года для мужчин, 37 лет для женщин), с правом выхода на пенсию на два года ранее общеустановленного срока, но не ранее 60 и 55 лет соответственно. Дополнительно сохраняются льготы для работников, занятых во вредных и опасных условиях труда⁴⁶. Указанная стратегия отражает стремление государства к достижению баланса между финансовой необходимостью реформ и сохранением социальных гарантий для наиболее социально уязвимых категорий населения.

Центральным элементом реформирования системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь с 2025 г., согласно Указу Президента от 29 октября 2024 г. № 402, является отмена ограничения размера выплачиваемой пенсии для граждан, продолжающих трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста⁴⁷. Ранее действующее законодательное положение предусматривало невыплату части пенсии, которая была исчислена с использованием индивидуального коэффициента заработка (ИКЗ) свыше 1,3⁴⁸. Снятие указанного лимита позволяет работающим пенсионерам получать пенсионное обеспечение в полном объеме.

Данная мера имеет не только социальную направленность (увеличение доходов пожилых граждан), но и прагматичное экономическое обоснование. Она выступает в качестве стимула для лиц пенсионного возраста к продолжению экономической активности, что способствует расширению налоговой базы и увеличению поступлений в Фонд социальной защиты населения. В условиях демографического давления и дефицита трудовых ресурсов новация содействует поддержанию занятости старшего поколения. Кроме того, Указ оптимизирует процедуру обращения за назначением пенсии, предоставляя гражданам право подать соответствующее заявление за месяц до либо в течение месяца после возникновения права на пенсионное обеспечение⁴⁹.

Пенсионная система Республики Казахстан демонстрирует адаптивность к долгосрочным вызовам и потребностям граждан, совмещая стратегическое повышение возраста с индивидуализированным доступом к накоплениям.

⁴⁶ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // Российская газета. 2013. 31 декабря.

⁴⁷ Указ Президента Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁴⁸ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁴⁹ Указ Президента Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

В целях обеспечения долгосрочной устойчивости системы продолжается поэтапное увеличение пенсионного возраста для женщин до 63 лет⁵⁰. Указанное повышение, начавшееся с 2023 г., продлится до 2031 г., что соответствует общим международным трендам⁵¹.

Ключевым проявлением гибкости накопительной модели является законодательно закрепленная возможность досрочного целевого использования части пенсионных накоплений, находящихся в АО «Единый накопительный пенсионный фонд» (ЕНПФ)⁵². С 2021 г. граждане Республики Казахстан получили право использовать накопленные средства, превышающие установленный порог минимальной достаточности, для улучшения жилищных условий, оплаты лечения или передачи в доверительное управление частным управляющим компаниям⁵³. Право на изъятие накоплений в полном объеме или их части также возникает при достижении пенсионного возраста, заключении договора пенсионного аннуитета со страховой организацией или установлении бессрочной инвалидности I или II групп. Данные нормы отражают стремление государства к предоставлению гражданам большего контроля над их пенсионными активами и возможности использования данных средств для решения насущных социальных и медицинских задач.

Пенсионные системы Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, сформированные на основе общего исторического прецедента и сталкивающиеся с идентичными демографическими вызовами (снижение коэффициента замещения и рост демографической нагрузки), продемонстрировали дивергентные пути реформирования⁵⁴.

Казахстан избрал наиболее радикальную модель, создав многоуровневую систему с преобладающим накопительным компонентом (через ЕНПФ).

⁵⁰ Указ Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁵¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 19 июля.

⁵² Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

⁵³ Закон Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 399-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам восстановления экономического роста» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000399> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵⁴ Международная организация труда (12 сентября 2024). Всемирный доклад о социальной защите 2024–2026 гг. // P4H. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-09/WSPR_2024_EN_WEB_1.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

Россия и Беларусь сохранили преимущественно распределительный механизм (PAYG), но реализуют различные стратегии адаптации⁵⁵.

Ключевая дифференциация систем проявляется в трех правовых и организационно-финансовых аспектах:

— в правовом аспекте: В России применяется дуалистическая система федеральных законов, регулирующих страховую и накопительную части⁵⁶. Беларусь использует централизованное регулирование через Закон «О пенсионном обеспечении» с возможностью оперативных изменений посредством Указов Президента. Казахстан избрал путь комплексной кодификации норм в рамках Социального кодекса⁵⁷;

— в организационной основе: В России управление системой осуществляется через Социальный фонд Российской Федерации (СФР), выполняющий функции по администрированию страховых и накопительных взносов. В Беларуси администрирование централизовано в Фонде социальной защиты населения (ФСЗН) при Министерстве труда и социальной защиты⁵⁸. Казахстан консолидировал накопительный компонент в Едином накопительном пенсионном фонде (ЕНПФ), финансовая надежность которого находится под надзором Национального Банка⁵⁹.

В России и Беларуси сохраняется доминирование распределительной системы, что влечет прямую зависимость от текущего соотношения работающего и неработающего населения (демографический риск). Казахстанская модель, основанная на обязательных накопительных взносах, обеспечивает большую финансовую устойчивость к демографическим изменениям, но инвестиционные риски возлагаются непосредственно на индивидуальные счета граждан.

При этом в вопросе наследования пенсионных накоплений наблюдается существенное различие.

В Казахстане пенсионные накопления, сформированные за счет обязательных, обязательных профессиональных и добровольных пенсионных взносов в ЕНПФ, включаются в наследственную массу и наследуются в порядке, установленном гражданским законодательством⁶⁰.

⁵⁵ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

⁵⁶ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Российская газета. 2001. 20 декабря.

⁵⁷ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII ЗРК (введен в действие с 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

⁵⁸ Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁵⁹ Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (утратил силу 01.07.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

⁶⁰ Там же.

В Российской Федерации средства пенсионных накоплений (т.е. накопления, а не страховая пенсия) не являются наследством в прямом смысле. При смерти застрахованного лица до назначения накопительной пенсии или срочной пенсионной выплаты средства выплачиваются правопреемникам в соответствии со специальными нормативными актами, а не по наследственному праву (Федеральный закон № 424-ФЗ «О накопительной пенсии»)⁶¹.

В Республике Беларусь законодательство не предусматривает наследования или выплаты правопреемникам остатков средств по обязательной распределительной или накопительной системам в силу отсутствия индивидуально-накопительного права на государственные пенсионные взносы⁶².

Заключение

Представленный сравнительный анализ систем пенсионного обеспечения Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан констатирует их перманентное эволюционное состояние, детерминированное необходимостью адаптации к актуальным социально-экономическим и демографическим вызовам. Каждое государство имплементировало дифференцированный реформаторский курс, отражающий национальные политические и макроэкономические особенности.

Республика Казахстан, учредившая многоуровневую систему с централизованным накопительным компонентом (ЕНПФ) и предоставившая гибкие правовые условия целевого досрочного использования накоплений, демонстрирует наиболее выраженную дивергенцию от традиционной распределительной модели. Практическая реализация казахстанской модели, особенно в части индивидуализированного управления пенсионными активами, представляет ценный кейс для оценки возможностей реформирования пенсионных систем в странах с аналогичной исторической и демографической структурой.

Для достижения долгосрочной финансовой устойчивости пенсионных систем, особенно тех, где преобладает распределительный принцип (PAYG), необходимо интенсифицировать транзит к гибридным, сбалансированным моделям⁶³. Указанный процесс реформирования должен охватывать не только меры по корректировке пенсионного возраста, но и институциональное развитие накопительных механизмов, что позволяет диверсифицировать системные риски и минимизировать прямую зависимость от неблагоприятных демографических факторов. Перспективные научные исследования могут

⁶¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О накопительной пенсии» // Российская газета. 2013. 30 декабря.

⁶² Указ Президента Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁶³ Егоров Г.Г. Международный опыт внедрения цифровых технологий в современном обществе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 110–118.

быть сфокусированы на актуарной оценке эффективности и инвестиционной доходности управления пенсионными активами в каждой юрисдикции, что обеспечит объективную верификацию финансовой жизнеспособности примененных моделей.

Егоров Г.Г.,

доцент кафедры юриспруденции и психологии
Волжского филиала Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук
(Волгоградская обл., г. Волжский)

Деркачева Т.В.,

доцент кафедры юриспруденции и психологии
Волжского филиала Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук
(Волгоградская обл., г. Волжский)

Литература

1. Деркачева Т.В. Сравнительно-правовой анализ социальной поддержки в России и странах БРИКС (на примере России и Объединенных Арабских Эмиратов) / Т.В. Деркачева, Г.Г. Егоров // Стратегия развития гражданского права в поисках ответов на вызовы XXI века (формы противодействия внешним угрозам) : материалы III Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 3 декабря 2024 г.) : сборник научных статей / ответственный за выпуск Г.Г. Егоров. Москва : Сфера, 2025.
2. Егоров Г.Г. Международный опыт внедрения цифровых технологий в современном обществе / Г.Г. Егоров // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4.
3. Егоров Г.Г. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных сетей (международные аспекты) / Г.Г. Егоров, М.В. Севостьянов, К.В. Шубенкова // Legal Concept. 2025. Т. 24. № 1.
4. Кузьмин Д. Пенсионный коэффициент: как рассчитывается и как влияет на пенсию / Д. Кузьмин, О. Копытина, Д. Курносенкова // РБК. 2026. 15 января.

Право социального обеспечения как инструмент утверждения «силы права» над «правом силы»

Право социального обеспечения представляет собой одну из ключевых отраслей современной правовой системы, направленную на защиту наиболее уязвимых слоев населения и обеспечение достойного уровня жизни для всех членов общества¹. В контексте современных социально-экономических вызовов эта отрасль права приобретает особое значение как механизм утверждения верховенства закона («силы права») над принципом произвола («правом силы»).

Исторически «право силы» доминировало в общественных отношениях, где более сильные субъекты навязывали свою волю слабым. В противоположность этому, «сила права» означает подчинение всех участников общественных отношений единым справедливым правилам, гарантирующим защиту интересов каждого человека. Право социального обеспечения воплощает эту идею через систему перераспределения ресурсов, гарантированность прав и механизмы социальной защиты.

Теоретические основы права социального обеспечения. Право социального обеспечения — это совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по поводу распределения части валового внутреннего продукта (ВВП) путем предоставления населению компетентными органами в порядке социального страхования и обеспечения денежных выплат, медицинской и лекарственной помощи, социальных услуг либо льгот. Эти отношения возникают в связи с реализацией, защитой и восстановлением конституционного права граждан на социальное обеспечение².

Известные российские правоведы М.Л. Захаров и Э.Г. Тучкова рассматривают социальное обеспечение как «один из способов распределения части валового внутреннего продукта путем предоставления гражданам материальных благ в целях выравнивания их личных доходов в случаях наступления социальных рисков за счет целевых финансовых источников в объеме и на условиях, строго нормируемых обществом, государством, для поддержания их полноценного социального статуса»³.

¹ См.: Право социального обеспечения России : учебник для среднего профессионального образования / Э.Г. Тучкова, М.И. Акатнова, А.Л. Благодар [и др.]. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 11–30.

² См.: Миронова Т.К. Право социального обеспечения : учебное пособие / Т.К. Миронова. М. : КноРус, 2024. С. 15–24.

³ См.: Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России : учебник. М., 2004. С. 32.

Исторически право социального обеспечения развивалось как ответ на вызовы промышленной революции и социальной нестабильности. Первые системы социального страхования появились в Германии в конце XIX в. при канцлере Отто фон Бисмарке. Это было обусловлено необходимостью нейтрализации социальной напряженности и создания механизмов защиты рабочих от рисков утраты трудоспособности.

В XX в. право социального обеспечения стало неотъемлемой частью социального государства (государство всеобщего благосостояния). Развитие международных стандартов, таких как конвенции Международной организации труда (МОТ)⁴ и Всеобщая декларация прав человека⁵, закрепило право на социальное обеспечение как фундаментальное право человека.

В России развитие системы социального обеспечения прошло несколько этапов: от земской медицины и фабричного законодательства имперского периода через советскую систему всеобщего социального обеспечения к современной смешанной системе социального страхования и государственного обеспечения. Становлению в России самостоятельной отрасли права мы обязаны В.С. Андрееву, основателю науки права социального обеспечения. Его универсальная теория «продолжает оставаться прочным фундаментом, на основе которого ученые и сегодня могут решать отраслевые проблемы, развивая и научное обосновывая свои знания в базовых и частных теориях отраслевой науки»⁶.

Следуя традициям научной школы права социального обеспечения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и развивая достижения выдающихся советских ученых В.С. Андреева, А.Д. Зайкина, Р.И. Ивановой, В.К. Миронова, В.А. Тарасовой, Е.Е. Мачульская сформулировала определение предмета права социального обеспечения: «Предмет права социального обеспечения образуют имущественные отношения государственно-обязательственного характера, складывающиеся в рамках государственной системы, по предоставлению денежных выплат, бесплатной медицинской помощи, бесплатных или частично платных социальных услуг лицам, пострадавшим в результате наступления социальных рисков и других социально значимых обстоятельств, указанных в законе. Иначе говоря, это имущественные отношения по выполнению государством своих конституционных обязательств по социальной защите населения в случаях, установленных законом»⁷.

⁴ См.: Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» (заключена в г. Женеве 28 июня 1952 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Благодир А.Л. Значение универсальной теории советского ученого В.С. Андреева в формировании научной школы права социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2022. № 1. С. 20–28.

⁷ Право социального обеспечения : учебник для вузов / под ред. Е.Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 90. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-17189-1.

Другими словами, предметом отрасли являются отношения по социальному обеспечению граждан в денежной и натуральной форме, а также процедурные и процессуальные отношения, связанные с реализацией и защитой права на тот или иной вид социального обеспечения.

Метод любой отрасли права представляет собой совокупность приемов и способов «нормативно-организационного воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями»⁸.

Метод права социального обеспечения сочетает императивные и диспозитивные начала с доминированием первого. Это проявляется в:

- сочетании централизованного правового регулирования с региональным и муниципальным;
- специфике юридических фактов (как правило, события, не зависящие от воли людей);
- административном и судебном порядке защиты нарушенных прав;
- преобладании позитивных обязываний над запретами и дозволениями.

Значение социального обеспечения для «силы права» проявляется в его функциях⁹ (табл. 1).

Экономическая. Выравнивание личных доходов граждан путем предоставления материальных благ вместо утраченного заработка.

Социально-реабилитационная. Поддержание социального статуса граждан и восстановление полноценной жизнедеятельности.

Политическая. Реализация социальной политики государства, направленной на достойную жизнь и свободное развитие человека.

Демографическая. Воздействие на процессы воспроизводства населения и продолжительность жизни.

Профилактическая. Снижение социальных рисков через предупредительные меры.

К основам «силы права» необходимо отнести и принципы права социального обеспечения, которые отражают его сущность и направление развития. Они закреплены в международных и национальных нормативных актах и воплощают идеи справедливости, равенства и гуманизма¹⁰. Эти принципы являются антитезой «праву силы», поскольку гарантируют защиту независимо от социального, экономического или физического статуса человека.

⁸ Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 209.

⁹ Маматказин И.Р. Функции права социального обеспечения в условиях цифровой экономики / И.Р. Маматказин // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 572–577. EDN: YOMKVJ.

¹⁰ См.: Лушников А.М. Становление и развитие учения о принципах трудового права и принципах права социального обеспечения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2014. № 8. С. 7–25.

Таблица 1

Основные функции права социального обеспечения

Функция	Содержание	Значение для «силы права»
Экономическая	Перераспределение ВВП в пользу уязвимых групп	Создает материальную основу для реализации прав
Социально-реабилитационная	Поддержание социального статуса и восстановление жизнедеятельности	Обеспечивает человеческое достоинство и равенство
Политическая	Реализация социальной политики государства	Укрепляет легитимность власти и доверие к правовой системе
Демографическая	Влияние на рождаемость и продолжительность жизни	Гарантирует долгосрочную устойчивость общества
Профилактическая	Предупреждение социальных рисков и кризисов	Снижает необходимость экстренных мер и укрепляет правовую стабильность

1. Всеобщность социального обеспечения

Этот принцип предполагает равную возможность получения социального обеспечения при наступлении установленных оснований независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного положения и других факторов. Он обеспечивает равенство прав и возможностей, что противостоит дискриминации и произволу.

В реализации этого принципа важное значение имеет определение круга лиц, подлежащих социальному обеспечению. В России, согласно Конституции (ст. 39)¹¹, право на социальное обеспечение гарантировано каждому. Однако на практике существует дифференциация в зависимости от трудового стажа, причин нетрудоспособности и других объективных факторов.

2. Установление уровня обеспечения, гарантирующего достойную жизнь

Право социального обеспечения направлено на обеспечение достойного уровня жизни через установление минимальных стандартов. Это отражает концепцию социальной справедливости, согласно которой государство обязано перераспределять ресурсы для уменьшения неравенства.

Проблема определения «достойного уровня жизни» остается дискуссионной. В разных странах устанавливаются различные критерии — прожиточный минимум (ПМ), минимальный размер оплаты труда (МРОТ), потребительская корзина (ПК), безусловный базовый доход (ББД). Важно, чтобы эти показатели не были формальными, а реально обеспечивали удовлетворение базовых потребностей человека.

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гуманизм и уважение человеческого достоинства

Принцип гуманизма выражается в признании и защите права на человеческое достоинство для всех категорий населения, включая социально уязвимые группы. Например, законодательство запрещает унижающее обращение с пожилыми и инвалидами в учреждениях социального обслуживания. Этот принцип непосредственно противостоит «праву силы», которое игнорирует достоинство слабых.

Этот принцип находит конкретное выражение в правилах предоставления социальных услуг, которые должны обеспечивать уважение к получателям услуг, сохранение их автономии и права на выбор.

4. Социальная справедливость

Принцип социальной справедливости требует справедливого распределения ресурсов между всеми членами общества. В праве социального обеспечения это проявляется в дифференциации условий и норм обеспечения в зависимости от социально значимых обстоятельств (трудовой стаж, состояние здоровья, наличие иждивенцев и т.д.).

Дифференциация не должна приводить к необоснованным привилегиям или дискриминации. Критерии различий должны быть объективными и соответствовать целям социального обеспечения.

5. Комплексность и многообразие видов социального обеспечения

Этот принцип предполагает предоставление различных видов обеспечения и услуг в зависимости от потребностей граждан. Система включает пенсии, пособия, социальные услуги, медицинскую помощь, что позволяет комплексно решать проблемы социального риска.

Механизмы реализации «силы права» через право социального обеспечения реализуются через нормативное закрепление гарантий (сравнительная характеристика «права силы» и «силы права» в социальном обеспечении представлена в табл. 2).

Право социального обеспечения устанавливает четкие нормативные критерии предоставления социальных преимуществ, что исключает произвол и субъективное усмотрение. Например, условия назначения пенсий, пособий и социальных услуг регулируются федеральными законами, что обеспечивает предсказуемость и стабильность в реализации прав.

В Российской Федерации основными нормативными актами в этой сфере являются:

— Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»¹²;

¹² Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

- Федеральный закон «О страховых пенсиях»¹³;
- Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹⁴;
- Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»¹⁵ и др.

Эти акты детально регулируют условия, размеры и порядок предоставления различных видов социального обеспечения, минимизируя возможность произвольных решений.

Защита нарушенных прав осуществляется через административный и судебный порядок. Это позволяет восстанавливать нарушенные права и привлекать к ответственности нарушителей. В отличие от «права силы», где доминирует произвол, здесь действует принцип верховенства закона.

Административный порядок включает обжалование решений и действий (бездействия) органов социальной защиты в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу. Судебная защита обеспечивается через обращение в суды общей юрисдикции в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Статистика показывает рост обращений в суды по вопросам социального обеспечения, что свидетельствует о возрастающей правовой активности граждан и доверии к судебным механизмам защиты.

Многие ученые высказывают точку зрения о целесообразности создания специализированных судов для рассмотрения споров в области социального обеспечения. Такие суды существуют в экономически развитых странах. По сравнению с общегражданскими судами они рассматривают дела в сокращенные сроки и по упрощенной процедуре, что позволяет быстрее и дешевле восстанавливать нарушенные права человека в области социального обеспечения¹⁶.

Финансовые механизмы перераспределения ВВП проявляются через систему социального страхования и бюджетного финансирования, что обеспечивает аккумуляцию средств и их целевое использование для социальной защиты. Это создает материальную основу для реализации принципов социальной справедливости и равенства.

В России действует система обязательного социального страхования, включающая:

- пенсионное страхование;
- медицинское страхование;

¹³ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Право социального обеспечения : учебник для вузов / под ред. Е.Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 89.

- социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством;

- страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Финансирование системы осуществляется за счет страховых взносов работодателей, бюджетных средств и средств самих застрахованных лиц.

Международно-правовое регулирование. Международные акты (такие как Всеобщая декларация прав человека, Европейская социальная хартия) устанавливают минимальные стандарты социального обеспечения, которые государства обязаны соблюдать. Это усиливает «силу права» на наднациональном уровне.

Российская Федерация участвует в различных международных договорах в сфере социального обеспечения, что создает дополнительные гарантии защиты прав граждан. Международные стандарты влияют на национальное законодательство через имплементацию международных норм в российское право.

Общественный контроль и участие граждан. Важным механизмом утверждения «силы права» является участие граждан и общественных организаций в контроле за системой социального обеспечения. Это включает:

- общественные советы при органах социальной защиты;
- общественный мониторинг качества социальных услуг;
- деятельность профессиональных союзов и других общественных объединений.

Такое участие обеспечивает прозрачность и подотчетность системы, предотвращает злоупотребления и способствует совершенствованию законодательства.

Право социального обеспечения в контексте современных вызовов

Социальное обеспечение и цифровизация. Цифровые технологии преобразуют механизмы предоставления социальных услуг, делая их более доступными и прозрачными. Однако существует риск дигитального неравенства, когда часть населения может быть исключена из системы обеспечения из-за отсутствия технологического доступа. Право социального обеспечения должно гарантировать, что цифровизация не приведет к нарушению прав.

В России реализуется программа цифровизации социальной сферы, включающая:

- создание единой государственной информационной системы социального обеспечения «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»¹⁷;

¹⁷ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // СПС «КонсультантПлюс».

Таблица 2

**Сравнительная характеристика «права силы»
и «силы права» в социальном обеспечении**

Аспект	«Право силы»	«Сила права»
Основа регулирования	Произвол, неравенство, доминирование сильных	Закон, равенство, защита слабых
Механизмы распределения	Стихийные, несправедливые	Нормативные, прозрачные, справедливые
Защита прав	Отсутствует или осуществляется выборочно	Гарантирована административными и судебными механизмами
Участие граждан	Исключено или ограничено	Обеспечивается через общественные объединения и обращения в государственные органы
Результат	Социальная напряженность, неравенство	Социальный мир, достойная жизнь для всех

— развитие портала государственных услуг для получения социальных выплат и услуг в электронной форме;

— внедрение цифровых профилей получателей социальных услуг.

Эти инновации повышают эффективность системы, но требуют обеспечения цифровой инклюзивности и защиты персональных данных.

Глобальные пандемии и экономические кризисы. Кризисы (такие как пандемия COVID-19) усиливают социальную уязвимость и требуют расширения мер поддержки. Право социального обеспечения играет ключевую роль в смягчении последствий кризисов, обеспечивая оперативное предоставление помощи и защищая права на здоровье и материальное благополучие.

Во время пандемии COVID-19 в России были приняты дополнительные меры поддержки: выплаты медицинским работникам; расширение пособий по безработице; дополнительные выплаты семьям с детьми; моратории на начисление пеней и штрафов по отдельным видам платежей.

Эти меры показали важность гибкости и адаптивности системы социального обеспечения к экстремальным условиям.

Демографические изменения. Старение населения увеличивает нагрузку на пенсионные системы и систему здравоохранения. Право социального обеспечения должно адаптироваться к этим изменениям через развитие новых моделей финансирования и предоставления услуг.

В России демографические вызовы включают: рост доли пожилых людей в структуре населения; региональные различия в демографической структуре; изменение семейной структуры и рост числа одиноких пожилых людей.

Ответом на эти вызовы становятся: развитие системы долговременного ухода; стимулирование более позднего выхода на пенсию; поддержка семейного ухода за пожилыми людьми.

Миграционные процессы. Мигранты и беженцы часто оказываются в уязвимом положении из-за отсутствия социальных прав. Право социального обеспечения должно обеспечивать равный доступ к социальным преимуществам для этих категорий, что укрепляет «силу права» на международном уровне.

В российском законодательстве права мигрантов на социальное обеспечение постепенно расширяются, но остаются ограничениями, связанными с легальным статусом пребывания, уплатой страховых взносов и другими факторами.

Изменение характера труда. Гиг-экономика, дистанционная работа, самозанятость создают новые вызовы для системы социального обеспечения, традиционно ориентированной на стандартные трудовые отношения. Необходимо развитие гибких механизмов социальной защиты, адаптированных к новым формам занятости.

В России предпринимаются шаги по включению самозанятых в систему социального страхования, но этот процесс сталкивается с трудностями, связанными с неформальной занятостью и низкими доходами многих работников в новых секторах экономики.

Сравнительный анализ моделей социального обеспечения. Разные страны развивают различные модели социального обеспечения, отражающие их исторические, культурные и экономические особенности. Анализ этих моделей позволяет выявить лучшие практики утверждения «силы права» в социальной сфере (табл. 3).

Либеральная модель (США, Великобритания)

Характеризуется ограниченной ролью государства, акцентом на рыночные механизмы и частное страхование. Социальная помощь предоставляется в основном на основе проверки нуждаемости. Сильные стороны — финансовая устойчивость, слабые — высокое неравенство и недостаточная защита уязвимых групп.

Континентальная (корпоративная) модель (Германия, Франция)

Основана на социальном страховании, финансируемом за счет взносов работодателей и работников. Права на обеспечение тесно связаны с трудовым стажем и отчислениями. Обеспечивает высокий уровень защиты, но может быть недостаточной гибкой для нестандартных форм занятости.

Скандинавская модель (Швеция, Дания)

Характеризуется универсальным предоставлением социальных преимуществ, финансируемых из налогов. Обеспечивает высокий уровень равенства и социальной защиты, но требует значительных налоговых поступлений.

Постсоциалистическая модель (Россия, страны Восточной Европы)

Находится в процессе трансформации от советской системы всеобщего обеспечения к смешанной модели. Сочетает элементы социального страхования и государственного обеспечения. Сталкивается с вызовами и проблемами, связанными с демографическим давлением и ограниченностью ресурсов.

Таблица 3

Сравнительный анализ моделей социального обеспечения

Модель	Финансирование	Уровень защиты	Гибкость	Соответствие «силе права»
Либеральная	Рыночное, частное страхование	Умеренный	Высокая	Ограниченное, из-за акцента на рыночные механизмы
Континентальная	Социальное страхование	Высокий	Умеренная	Высокое, но зависит от трудового статуса
Скандинавская	Налоговое	Очень высокий	Умеренная	Очень высокое, из-за универсальности и равенству
Постсоциалистическая	Смешанное	Различный	Различная	В процессе развития, зависит от направления реформ

Перспективы развития права социального обеспечения в России. Развитие права социального обеспечения в России должно быть направлено на укрепление «силы права» через следующее.

- Совершенствование законодательства.

Необходимо устранение пробелов и противоречий в законодательстве, обеспечение его стабильности и предсказуемости. Важно усилить конституционные гарантии социального обеспечения через конкретизацию в отраслевом законодательстве.

- Расширение охвата и доступности.

Система должна охватывать все категории населения, включая те, кто занят в нестандартных формах занятости. Необходимо обеспечить реальную доступность социальных услуг для жителей отдаленных регионов и маломобильных граждан.

- Повышение эффективности управления.

Совершенствование управления социальной сферой включает:

- внедрение критериев эффективности социальных программ;
- развитие системы мониторинга и оценки качества услуг;
- борьбу с злоупотреблениями и нецелевым использованием средств.

- Укрепление финансовой устойчивости.

Обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости системы социального обеспечения требует:

- развития многоуровневой пенсионной системы;
- стимулирования добровольного социального страхования;
- оптимизации бюджетных расходов на социальные цели.
- Международная гармонизация.

Сближение российских стандартов социального обеспечения с международными нормами, участие в международных конвенциях и программах сотрудничества.

Подводя итог, следует отметить, что право социального обеспечения является мощным инструментом утверждения «силы права» над «правом силы». Через свои принципы (всеобщность, справедливость, гуманизм) и механизмы (нормативное регулирование, перераспределение ресурсов, защита прав) оно трансформирует общественные отношения, обеспечивая защиту слабых и уменьшая произвол сильных.

В современном мире значение этой отрасли права только возрастает из-за глобальных вызовов, таких как цифровизация, кризисы и миграция. Дальнейшее развитие права социального обеспечения должно быть направлено на укрепление гарантий, расширение охвата и обеспечение устойчивости системы. Это позволит реализовать идеал социального государства, где «сила права» доминирует над «правом силы», а достойная жизнь гарантирована для каждого человека.

Успешное развитие права социального обеспечения требует баланса между социальными гарантиями и экономической эффективностью, между традиционными подходами и инновациями, между национальными особенностями и международными стандартами. Достижение этого баланса будет способствовать построению справедливого общества, основанного на верховенстве права и уважении человеческого достоинства.

Карданова И.В.,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
(г. Краснодар)

Радаева С.В.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук
(г. Краснодар)

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. Москва : Бек, 1995.
2. Благодар А.Л. Значение универсальной теории советского ученого В.С. Андреева в формировании научной школы права социального обеспечения / А.Л. Благодар // Социальное и пенсионное право. 2022. № 1.
3. Захаров М.Л. Право социального обеспечения России : учебник / М.Л. Захаров, Э.Г. Тучкова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2004.
4. Лушников А.М. Становление и развитие учения о принципах трудового права и принципах права социального обеспечения / А.М. Лушников // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2014. № 8.
5. Маматказин И.Р. Функции права социального обеспечения в условиях цифровой экономики / И.Р. Маматказин // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. EDN: YOMKVJ.
6. Миронова Т.К. Право социального обеспечения : учебное пособие / Т.К. Миронова. Москва : КноРус, 2024.
7. Право социального обеспечения : учебник для вузов / под редакцией Е.Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025.
8. Право социального обеспечения России : учебник для среднего профессионального образования / Э.Г. Тучкова, М.И. Акатнова, А.Л. Благодар [и др.]. Москва : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. EDN: VBMQBP.

Трудовые правоотношения в условиях развития цифровой экономики

Хотя термин «цифровая экономика» впервые появился в научных публикациях в 1995 г., в настоящее время изучение влияния цифровизации на рынок труда приобретает особую значимость. Это обусловлено тем, что масштабы и темпы технологического развития в период перехода к четвертой промышленной революции коренным образом отличаются от тех, которые были характерны для предыдущих трех промышленных революций¹.

Цифровизация является одним из наиболее выраженных современных трендов, оказывающих прямое воздействие на характер трудовых отношений, повышая их гибкость, сближая с гражданско-правовыми отношениями, а также влияя на уровень занятости в различных странах и регионах. Постепенный переход от индустриальной к постиндустриальной эпохе развития общества, от Экономики 3.0 к Экономике 4.0, которую в современной экономической науке и в законодательстве называют «цифровой экономикой», неизбежно отражается на рынке труда и трудовых отношениях. В связи с этим вопросы влияния цифровизации на трудовые отношения стали предметом множества научных исследований на стыке экономики и юриспруденции.

Особое внимание исследователи уделяют появлению новых нетипичных форм занятости, связанных с использованием компьютеров и мобильных устройств².

Для сохранения конкурентоспособности и лидерства в своей отрасли работодатели вынуждены все активнее применять нейротехнологии, искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, промышленный интернет, робототехнику и сенсорику, технологии беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности, а также другие цифровые технологии, лежащие в основе цифровой трансформации.

Переход от индустриальной экономики к цифровой неизбежно меняет не только количественные, но и качественные характеристики трудовых отношений. Среди основных направлений трансформации, оказывающих наибольшее влияние на труд и занятость и связанных с распространением цифровых технологий, можно выделить следующие:

¹ Кознов А.Б. Влияние цифровизации на рынок труда // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Т. 4–2. С. 177–179.

² Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 2. С. 398–413.

- автоматизация, предполагающая замену человеческого труда машинным;
- цифровизация, включающая преобразование физических объектов и документов в цифровой формат и наоборот;
- использование цифровых платформ в качестве посредников для алгоритмической организации экономических транзакций.

Пандемия коронавируса показала, что распространение цифровых платформ для организации труда становится глобальной тенденцией. Однако отставание в правовом регулировании новых форм труда может привести к ухудшению условий труда для работников.

Внедрение цифровых технологий в современное производство также способствует увеличению общего количества рабочих мест³.

Во-первых, создаются рабочие места в сфере информационно-коммуникационных технологий. Так, в последние годы, в условиях цифровизации, как абсолютное число специалистов в области информационно-коммуникационных технологий, так и их доля в общей численности занятых постоянно росла. Во-вторых, цифровые технологии способствуют созданию новых рабочих мест в различных отраслях экономики, особенно в сфере услуг.

В большинстве стран наблюдается увеличение спроса на рабочую силу в сфере культуры, отдыха, строительства, здравоохранения, энергетики и сельского хозяйства, и в меньшей степени — в государственном секторе. Снижение спроса на рабочую силу отмечается в обрабатывающей промышленности, деловых услугах, торговле и транспорте. В то же время растет число занятых в сфере размещения, транспорта и других услуг через онлайн-платформы, что сопровождается ростом гибкой, временной и неполной занятости.

Тенденции к стиранию границ между различными видами деятельности, увеличению гибкости операций, глобальности и прозрачности взаимодействия будут только усиливаться. Сотрудники будут оставаться важным активом для организаций, которые будут выходить за рамки традиционной организации труда и полного рабочего дня⁴.

Уже сейчас можно констатировать, что цифровизация оказывает влияние на структуру рынка труда. Организации становятся более открытыми и прозрачными для партнеров, клиентов и контролирующих органов. Переход на онлайн-платформы повышает гибкость и адаптивность организаций к изменяющейся экономической конъюнктуре.

³ Склад М.А., Кудрявцева К.В. Мировой рынок труда под влиянием цифровизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6. С. 26–30.

⁴ Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права : монография. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 5.

Цифровой экономике присуще сетевое взаимодействие, социальное партнерство и внешнее сотрудничество. Наиболее быстрый рост онлайн-платформ за последние годы наблюдается на рынках услуг по размещению и перевозкам, что обусловлено возможностью эффективной монетизации распределенных частных активов при поддержке цифровых технологий. Также ускоренно развиваются онлайн-платформы и шеринг-экономика (экономика совместного потребления), в которой люди предпочитают «делиться» необходимыми благами вместо их приобретения.

Благодаря онлайн-платформам, стирающим территориальные границы, талантливые специалисты могут одновременно выполнять несколько проектов в удаленном режиме. В ряде случаев такая деятельность выходит за пределы национальных юрисдикций и требует развития механизмов международного взаимодействия и согласования элементов национальных правовых систем.

Цифровые технологии также создают новые возможности для увеличения самостоятельной занятости. Онлайн-площадки позволяют работать по гибкому графику без привязки к конкретному рабочему месту, из дома или кафе, а также расширяют возможности вовлечения в трудовую деятельность людей с ограниченными возможностями, женщин и жителей отдаленных районов.

Многие люди, работающие с использованием платформ, заняты неполный рабочий день или по совместительству. Исследования показывают, что независимые подрядчики используют платформы для пополнения доходов от основной работы (25%), создания собственного бизнеса (25%), обеспечения сезонной занятости (20%) и т.д. Работа становится более виртуальной и выполняется в любое время и в любом месте с использованием мобильных устройств и глобальной связи. Такая гибкая глобальная модель требует от компаний управления динамичной экосистемой талантов и поддержания цифровых бизнес-процессов, эффективных независимо от местонахождения работников.

Активное использование роботов, автономных транспортных средств, товарных датчиков, искусственного интеллекта и интернета вещей также меняет структуру рынка труда в сторону большей гибкости и использования временной рабочей силы для быстрой адаптации к изменениям бизнес-процессов.

Основной тенденцией на глобальном рынке труда, особенно проявившейся в период пандемии (2020–2021 гг.), стал растущий разрыв между масштабной потерей рабочих мест в сфере общественного питания, искусства, культуры, розничной торговли, строительства и ростом занятости в секторах высококвалифицированных услуг: информации, связи, финансовой и страховой деятельности, а также в сфере доставки.

В настоящее время уже более половины всех рабочих задач выполняется машинами. В ближайшее десятилетие до 50% рабочих операций в мире могут быть автоматизированы, что приведет к исчезновению многих профессий и появлению новых вакансий, требующих кардинально иных квалификаций и переобучения работников⁵.

Цифровизация экономики предполагает не только количественные изменения на рынке труда, но и трансформацию формата взаимодействия между работодателями и работниками⁶. Во-первых, это появление и развитие дистанционных отношений, приводящих к децентрализации трудовой деятельности как в пространстве, так и во времени. В результате формируется гибкий, виртуальный рынок труда, и классическая модель занятости утрачивает свою актуальность. Во-вторых, возникают трудности в долгосрочном планировании карьеры, поскольку конкретная специальность не гарантирует долгосрочную занятость.

В связи с этим возрастают требования к адаптивности работников, их умению оставаться активными на рынке труда и постоянно следить за своей востребованностью.

Трансформация рынка труда под влиянием цифровизации требует новых инструментов, в основном цифровых, для повышения качества регулирования, а также соответствующей правовой базы. Появление новых профессий вызывает необходимость корректировки требований к квалификации кадров, стимулирует спрос на новые компетенции и развивает дистанционные способы обучения.

Обратной стороной изменений на рынке труда, вызванных цифровизацией, является усиление рисков сокращения рабочих мест, рост несоответствия профессиональных навыков работников требованиям работодателей, а также риск злоупотреблений в части условий, режима и оплаты труда.

Все это требует непрерывного развития форм сопровождения всех этапов оформления отношений между работником и работодателем, новых способов контрольно-надзорных мероприятий и адекватной государственной политики в социально-трудовой сфере, что невозможно без опережающего развития необходимых цифровых инструментов, подкрепленных нормативным правовым регулированием.

Указанные изменения требуют расширения видов и форм поддержки, таких как гибкая система начисления и выплаты пособий, краткосрочная ра-

⁵ Хойна М.Н. Рынок труда в условиях цифровой трансформации экономики // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации : сборник материалов международной научной онлайн-конференции (Екатеринбург, 24–25 сентября 2020 г.). Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2021. С. 347–351.

⁶ Колосова Р.П., Разумова Т.О., Артамонова М.В. Человек и труд в цифровой экономике (100-летию Международной организации труда посвящается) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 3. С. 174–190.

бота, опережающее профессиональное обучение и переобучение, и создание условий для удаленной работы. Среди мер поддержки, применяемых в России, можно отметить введение особого порядка исчисления больничных листов, выдачу субсидий и кредитов системообразующим компаниям и другие меры поддержки предпринимателей, трудоустраивающих безработных граждан. Все это невозможно реализовать без использования современных цифровых технологий обработки больших данных и принятия управленческих решений, осуществляемых, в том числе, машинными методами моделирования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровизация представляет собой процесс построения цифровой экономики и элемент модели Индустрии 4.0, который пронизывает все сферы жизни общества, включая трудовые отношения и рынок труда, требующие полноценной адаптации с позиций актуальной теоретической конструкции, сущностных признаков и современного правового регулирования.

Исследование вопросов времени в трудовых правоотношениях имеет особое значение, так как сроки определяют существование во времени прав и обязанностей сторон трудового договора. Поэтому их регулирование является средством юридического воздействия на поведение участников общественных отношений, т.е. срок ограничивает действие субъективных прав и обязанностей во времени.

Шихалев В.И.,

аспирант кафедры трудового права юридического факультета
Академии труда и социальных отношений,
(г. Москва)

Литература

1. Кознов А.Б. Влияние цифровизации на рынок труда / А.Б. Кознов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4–2.
2. Колосова Р.П. Человек и труд в цифровой экономике (100-летию Международной организации труда посвящается) / Р.П. Колосова, Т.О. Разумова, М.В. Артамонова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 3.
3. Склад М.А. Мировой рынок труда под влиянием цифровизации / М.А. Склад, К.В. Кудрявцева // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6.
4. Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) / К.Л. Томашевский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 2.
5. Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права : монография / И.А. Филипова. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021.
6. Хойна М.Н. Рынок труда в условиях цифровой трансформации экономики / М.Н. Хойна // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации : материалы I международной научной онлайн-конференции (г. Екатеринбург, 24–25 сентября 2020 г.) : сборник научных статей / редактор и составитель А.Э. Курумчина. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2021.

Теза о достижимости правосудного решения

Добрые дела дают силы нам самим
и побуждают к добрым поступкам других.
Платон

Автор исследования представляет на суд читателя метод эффективной защиты прав (далее — ЭЗП), формирующий универсальную научно-обоснованную практико-ориентированную модель правозащитной деятельности (прежде всего — адвокатской), направленной на достижение правосудного решения в отношении лица, обратившегося за правовой помощью. Суть ЭЗП состоит в обеспеченном четкой структурой и методом правового анализа, имеющем прикладное значение для законного, обоснованного, справедливого и гуманного разрешения правового конфликта.

Метод ЭЗП постулирует достижимость правосудного решения в любых судопроизводствах и правовых системах, а его содержание, структура и востребованность определяются целями, задачами, ролью, актуальностью, принципами, правовой политикой, научной новизной, позитивистским методом исследования, этапами реализации, рекомендациями, значением и заключением.

Целями метода ЭЗП являются обеспечение признания, соблюдение гарантий защиты и восстановления прав человека и гражданина, а также перманентное совершенствование средств и способов достижения правосудного решения, популяризация судебной власти и правосудных решений для поступательного развития государственных и общественных институтов, постоянное поддержание баланса частноправового и публично-правового интереса.

Задачами метода ЭЗП являются подлинное позитивистское правоприменение в различных юрисдикциях, на различных стадиях судопроизводства, инстанциях, правопорядках и кодификация правосудных решений, ведущие к единообразию, стабильности правоприменения и правовой определенности судебных актов как актов правосудия, имеющих общеобязательную силу закона.

Роль метода ЭЗП заключается в том, что является универсальным, рациональным, доступным, стратегическим, тактическим и научно-практическим средством и способом оказания профессиональной помощи любому лицу, обратившемуся за юридической или адвокатской помощью.

Актуальность метода ЭЗП обусловлена тем, что каждый, кто может быть привлечен к уголовному преследованию или в качестве ответчика по гражданскому делу, надеется (и имеет на это полное право) на справедливое судопроизводство и вынесение законного, обоснованного, мотивированного,

гуманного судебного акта как акта правосудия, а не беззакония, основанного на произвольном правоприменении.

В связи с этим внимание привлекают статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым оправдательных приговоров: за 2022 г. — 0,33%; за 2023 г. — 0,26%.

По данным Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации процент оправдательных приговоров от общего числа уголовных дел, оконченных в судах первой инстанции, в 2023 г. составил 0,25% (в 2022 г. — 0,26%)¹.

При сравнении правоприменения XX с XXI веком обращает внимание тот факт, что в период «Большого террора» в 1936, 1937, 1938 гг., т.е. массовых репрессий в СССР, величина оправдательных приговоров составляла примерно 13%. Так, в 1936 г. народными судами было вынесено 10,9% оправдательных приговоров, в 1937-м — 10,3%, в 1938-м — в пик «Большого террора» — 13,4%².

Так, статистика показывает, что «шанс» стать судимым в настоящее время составляет 29,5%, т.е. имеется у каждого третьего. Всего в России за 2023 г. осуждено 555 743; оправдано 1 036:³

Год	Показатель	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры к невменяемым
2023	Всего по составам УК РФ	555 743	1 036	164 702	131 029	23 789	77 705	47 538	78 292	7 797

В данном контексте интересно, каков процент оправдательных приговоров в разных странах по состоянию на конец 2023 г.?

В Австрии в среднем оправдывают 47%, в Испании — 37%, в США — 14%, в Германии — 7%. Суды Чешской Республики, Финляндии и Франции выносят по 4% оправдательных приговоров, Венгрии — 3%, Болгарии — 2,5%, Эстонии — 0,6%, Латвии — 0,8%⁴.

Об актуальности говорит и факт стоимости жизни заключенного в России, где на одного заключенного тратится почти в 120 раз меньше, чем в Швеции⁵, что выражает отношение пенитенциарной системы России к правам, свободам и достоинству личности, памятуя о том, что уровень правосудия — это

¹ URL: www.fparf.ru

² URL: <https://weekend.rambler.ru/read/42564211-stalinskiy-terror-skolko-opravdatelnyh-prigovorov-vynesli-sudy-v-1930-e/>

³ URL: <https://stat.ани-нпс.рф/stats/ug/t/14/s/17>

⁴ https://www.ng.ru/politics/2023-11-22/3_8883_lawyers.html

⁵ <https://tochno.st/materials/rossiya-v-srednem-tratit-na-odnogo-zaklyuchennogo-pochti-v-120-raz-menshe-chem-shvetsiya-zato-tyuremnye-sroki-v-sem-raz-dlinnee-obyasnyayem-na-grafikakh-cto-ne-tak-s-rossijskimi-tyurmami>

общественно-государственный камертон обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи очень важно, что метод ЭЗП основан на принципах:

- эвристичности⁶, определяющем поиск и нахождение истины, и реализуется в различных юрисдикциях и инстанциях судопроизводства, взаимодействуя с фактическими обстоятельствами, с правоприменением и квалификацией как универсальном средстве поиска, обоснования правовой и процессуальной истины;

- системной целостности исследования, кроме анализа и синтеза исследования, означает строгую совокупность примененного закона во времени и в пространстве, основанную на действующем законодательстве и практике правоприменения;

- обоснованности — означает, что выводы, которые будут получены в результате научно-практического исследования, находятся в системном единстве с действующим законодательством и правоприменительной практикой;

- практичности — заключается в получении проверяемых научно-обоснованных данных как результата научно-практического исследования и возможности практического использования в любое время, определяемое процессуальным законодательством;

- универсальности — предоставляет возможность в различных судопроизводствах, на любом этапе, на любой стадии правового конфликта, в любой юрисдикции, в любой инстанции, в любой правовой системе (правопорядке) применять выработанные результаты для достижения правосудного решения;

- рациональной целесообразности вовлечения общественных институтов — означает привлечение гражданского общества: гражданские, общественные и государственные организации, профессиональные адвокатские сообщества для обеспечения фильтра при прохождении необоснованной информации относительно факта правоприменения как объекта правового регулирования;

- гуманности — инклюзивный, основополагающий и проявляется с первой минуты участия адвоката в правозащитной деятельности в интересах обратившегося лица с признанием, обеспечением и реализацией принципа гуманизма.

Поскольку правовая политика в области гуманизма выражена в основополагающих принципах российского уголовного законодательства и призвана обеспечивать безопасность человека, постольку наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ст. 7 УК РФ).

Принцип достоверности результатов в методе ЭЗП означает, что любое научно-практическое исследование основано на проверяемых выводах, отвечающих критериям законности, обоснованности, относимости, достоверности, допустимости и достаточности для принятия правосудного решения.

К принципу проверяемости выводов исследования следует относиться как к научно-практическим выводам, ее целью является использование в выработке эффективной правозащитной позиции перед судом, в проекте судебного решения, в профессиональной переподготовке адвокатов и субъектов правоприменения с обоснованностью ориентирования на позитивистские правосудные решения, обусловленные правовой системой.

Следует отметить, что правовая система России определяется признанием, соблюдением, обеспечением гарантий государственной и судебной защиты прав и свобод, предусмотренной Конституцией Российской Федерации, имплементировавшей общепризнанные принципы и нормы международного права о высшей ценности человека и гражданина, прав и свобод. Доктрина правоприменительной деятельности является источником права, выступает ориентиром правовой системы и наполняет ее правовое регулирование правильным содержанием. В таком случае человечество должно опираться на достижения наций и народностей на наднациональном и международном уровне, в первую очередь на Организацию Объединенных Наций (далее — ООН), которая является не только международным ценностным ориентиром в области прав и свобод человека и гражданина, но и его фундаментальной основой, обеспечивающей международную гарантию реализации общепризнанных принципов и норм международного права, изложенных в таких документах, как «Всеобщая декларация прав человека», принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., «Международный пакт о гражданских и политических правах», принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод», принятая в г. Риме 4 ноября 1950 г., измененная и дополненная Протоколами № 11 и 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г.⁶

Автор в исследовании опирается на правовые положения в кратком, ориентирующем аспекте.

Метод ЭЗП опирается на фундаментальные правовые положения и общепризнанные принципы о высшей ценности человека, его прав и свобод, гарантированные нормами международного права, международными договорами и Конституцией Российской Федерации, имплементированные в национальные законодательные положения о признании, соблюдении, ре-

⁶ Несмотря на то что Россия вышла из данной Конвенции с 16 сентября 2022 г., вряд ли возможно говорить об отказе от содержащихся в Конвенции безусловных правовых ценностей, десятилетиями вкрапляемых в российскую правовую материю.

ализации защиты и восстановления прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, ст. 15 Конституции Российской Федерации, далее — КРФ, ст. 1 Уголовно-кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ).

Метод ЭЗП руководствуется позитивным, равновесным порядком уголовного судопроизводства, который устанавливается Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), основанным на Конституции Российской Федерации.

Метод ЭЗП вооружен междотраслевым, междисциплинарным, теоретическим, общенаучным, позитивистским, постпозитивистским, частноправовым, эмпириокритицистическим⁷, сциентистским методами познания и синтезом, имеющим научно-практическое применение.

Раскрывая роль и значение метода ЭЗП для любого лица, обратившегося за квалифицированной юридической помощью в рамках реализации конституционных гарантий (ст. 48 КРФ), от лица, обеспеченного институциональным статусом, подкрепленным Конституцией, федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, предусматривающей обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе в связи с действиями государства, презюмируя автономность и независимость адвокатского сообщества.

Метод ЭЗП обладает принципом позитивного познания, который получил широкое распространение и дифференциацию.

Поскольку юридический позитивизм⁸ — это отрицание внесударственного происхождения прав человека, то право — это нечто самоценное, а государство — источник права и гаранта.

Так, позитивизм, от фр. *positif* — «положительный», при этом являясь философским учением и направлением в методологии науки, оказал большое влияние на формирование методологии естественных и общественных наук.

Кроме того, позитивизм имеет цель — получение объективного знания, имеет эмпирический и позитивистский методы, с одной стороны, и метод логического анализа, с другой, имеет объект — «все подлинное (позитивное) знание есть совокупный результат специальных наук».

Кроме этого, позитивисты объединили логический и эмпирический методы в единый научный метод, в сциентизм — единство научного метода познания. Основали эмпириокритицизм, др. гр. — «критика с позиций опыта» — второй позитивизм и постпозитивизм.

Таким образом, метод ЭЗП, используя междисциплинарный, междотраслевой и сциентический⁹ способы познания, мобилизует эмпириокритицистиче-

⁷ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эмпириокритицизм>

⁸ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовой_позитивизм

⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сциентизм>

ский метод исследования, усиленный эффектом наблюдателя (дополнительный инструмент) — совместно обеспечивают эффективную эволюционную трансформацию первичной негативной правовой квалификации (на любой стадии судопроизводства и юрисдикции) в позитивистские выводы и заключения, ведущие к правосудным решениям.

Что касается «эффекта наблюдателя» в методе ЭЗП, следует отметить, что наблюдение позволяет непосредственно охватить и зафиксировать акты поведения ряда лиц по отношению друг к другу или к определенным событиям или явлениям, а также произвести независимые исследования.

В физике «эффект наблюдателя» связывается с неизбежным изменением от воздействия наблюдения: «Даже если эффект наблюдателя невелик, объект все равно изменяет состояние».

Таким образом, поступательно развивая положения, непосредственно подходим к научно-практической тезе о достижимости правосудного решения.

Все, что человеческий разум способен понять
и во что он способен поверить, — достижимо.

Наполеон Хилл

Теза о достижимости правосудного решения включает в себя стройный алгоритм (систему) последовательных этапов.

Первый этап. Защитник, адвокат, вступивший в дело на любой стадии, инстанции, этапе различного судопроизводства, — проводит предварительное ознакомление с материалами дела; собирает сведения, документы и доказательства; проводит анализ и исследование обстоятельств в соответствии с методом позитивизма, эмпириокритицизма, базирующегося на нормативно-правовом регулировании, признающего человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и гарантии государственной и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства, основополагающего принципа КРФ, позволяющего обнаружить существенные нарушения, допущенные правоприменителем: ограничения прав и свобод; лишения охраны прав и свобод; гарантии защиты прав, свобод и законных интересов; существенные нарушения принципов судопроизводства, влекущие признания судебного акта неправомерным, являющиеся основаниями изменения или отмены решений субъектов правоприменения.

Защитник, адвокат самостоятельно или с коллегами и учеными (экспертами), представляющих научно-просветительскую деятельность в области частноправовых, публично-правовых, уголовно-правовых и других научных знаний, в соответствии с паспортом научной специальности создает независимый специализированный экспертный совет для научно-практического

анализа и фиксации существенных нарушений, допущенных правоприменителями различного уровня.

Создание независимого специализированного экспертного совета из высококвалифицированных ученых и высокопрофессиональных практиков, обоснованно убежденных в наличии существенных нарушений, допущенных правоприменителями в конкретном деле, стремящихся правовыми, процессуальными средствами и способами добиваться правосудного решения, приводит к формированию позитивистского «квантового поля»¹⁰, фильтрующего недостоверную информацию об обстоятельствах дела, о квалификации, а также отражающего результаты наблюдения, обусловленные научно-правовой обоснованностью влияния на субъектов правоприменения.

В связи с этим представляется необходимым ввести в оборот процессуально-правовой науки авторское определение квантового поля позитивистов — КПП — это осознанное, добровольное, ментальное, целостное и целевое объединение высококвалифицированных ученых и высокопрофессиональных практиков, связанных единой объективной информацией о предмете, объекте и результатах исследования, нацеленное на наиболее обоснованный и достижимый результат.

Результатом первого этапа является закрепление предварительных выводов, обмен информации о допущенных существенных нарушениях, связанных с ограничением прав и свобод и (или) принципов судопроизводства; создание квантового поля позитивистов, далее — КПП.

Второй этап. Дальнейшее расширение КПП: поиск, отбор и выбор авторитетных в России и за ее пределами ученых (специалистов, экспертов) (желательно не менее двух), придерживающихся метода позитивизма, эмпириокритицизма в исследовании, которые совместно проводят правовое и практическое исследование существенных нарушений, ограничений прав и свобод или принципов судопроизводства, их закрепление и ранжирование по значимости, расширенное наблюдение за субъектами правоприменения.

Третий этап. Проведение учеными научно-правовых исследований по материалам дела и доказательствам, в том числе с использованием метода эмпириокритицизма, получение новых эмпирических результатов и выводов. Расширение КПП путем непосредственной процессуальной передачи научно-правовых выводов субъектам правоприменения, а также увеличение КПП для наблюдения за правоприменителями.

Четвертый этап. Поиск, отбор и выбор авторитетных СМИ: «Российская газета», «Коммерсантъ», «Совершенно секретно» и др., СМИ АП субъекта РФ, СМИ ФПА для проведения объективного журналистского и адвокатского рас-

¹⁰ URL: https://spravochnick.ru/fizika/kvantovaya_teoriya/kvantovaya_teoriya_peredachi_vzaimodeystviy/

следования с целью дальнейшего расширения КПП наблюдателей за деятельностью субъектов правоприменения.

Передача результатов журналистского расследования через СМИ наблюдателям и участникам КПП, сопровождение, обеспечение постоянного наблюдения за правоприменителями и конструктивная критика в СМИ.

Пятый этап. Дополнительное расширение КПП наблюдателей путем обращения к общественным и государственным институтам, в общественные приемные: к Уполномоченному Президента РФ по правам человека, к ДГД ФС РФ, к сенатору СФ ФС РФ для расширения участия и влияния на процесс наблюдения за правоприменителями. Обращения в органы государственной и судебной власти с целью реализации более широкого общественного, государственного наблюдения (влияния), в том числе через органы судебного контроля на результаты правоприменения.

Шестой этап. Обеспечение консолидации всех наблюдателей для эффективного взаимодействия и расширения КПП, а также процессуального влияния гражданских, общественных и государственных институтов на субъектов правоприменения всех уровней.

Седьмой этап. Создание адвокатских коммуникаций с целью обмена профессиональной информацией между всеми участниками КПП: в АП субъекта РФ и в ФПА. Организация контроля наблюдений независимыми представителями PR или журналистами, расширение и усиление КПП для достижения правосудного решения.

Значение этого этапа заключается в формировании основ для достижения эффекта Пигмалиона¹¹ (далее — ЭП) путем расширения и усиления поля позитивистов и наблюдателей на квантовом уровне, основанных на результатах и выводах исследования, полученных научным методом эмпириокритицизма.

Восьмой этап. Дальнейшее расширение, усиление КПП, увеличение наблюдателей с целью консолидации наблюдения и процессуального влияния на практику правоприменения, что позволяет реализовать ЭП, обеспечить цели МЭЗП и достижение правосудного решения (указанные компетенции могут быть освоены на семинаре. — *Прим. авт.*).

Важно знать, может ли метод ЭЗП обеспечить вынесение правосудного решения? В чем новизна?

Метод ЭЗП, основываясь на легитимных средствах и новаторских научно-практических способах, обуславливает вынесение законного, обоснованного, справедливого и гуманного судебного акта как акта правосудия в различных юрисдикциях, инстанциях и в судопроизводствах, в правовых системах (правопорядках), а новизна заключается в ее универсальности.

¹¹ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pygmalion_effect

Руководящие акты — это основополагающие общепризнанные международные и российские законодательные акты и положения, являющиеся обязательными источниками правоприменения: Международное частное право, Международное публичное право, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Решения Европейского Суда по правам человека, ООН и их правовые положения как источников права.

Значение метода ЭЗП заключается в систематизации общественно-государственных отношений, обеспечивающих законотворческую инициативу и законодательную реализацию подлинного позитивистского правосознания в правоприменительной деятельности для просвещения и продвижения в общественном сознании лучших образцов справедливого и гуманного правоприменения, в профессиональной подготовке и переподготовке адвокатов и правоприменителей.

Заключение

Предложенный метод эффективной защиты прав обеспечивает достижение законного, обоснованного, справедливого и гуманного судебного акта. Может применяться на практике в правозащитной и адвокатской деятельности в различных юрисдикциях, судопроизводствах, инстанциях и правопорядках и постулирует о достижимости правосудного решения.

Абшилава Г.В.,

доцент кафедры уголовного процесса

Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук
(г. Ульяновск)

Литература

1. Никитина А.В. Единство судебной системы Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Никитина. Омск, 2006.
2. Протасов В.Н. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов / В.Н. Протасов. 2-е изд. Москва : Юрайт, 2024.

Генезис преступного поведения: интерпретация взглядов С.В. Познышева

Сергей Викторович Познышев — выдающийся отечественный ученый в области наук криминального цикла, обладающий разносторонним, ярким и многогранным талантом. Он издавал труды по уголовному праву, пенитенциарному праву, криминалистике, криминологии, а также юридической психологии. Широкую известность получила его работа «Криминальная психология. Преступные типы личности»¹, в которой представлены рассуждения ученого о генезисе преступного поведения. Ученый выделял два типа личности преступника — эндогенный и экзогенный. Интересно, что свою теорию С.В. Познышев построил на основе исследования основоположника отечественной индивидуальной психологии А.Ф. Лазурского, который в работах «Программа исследования личности», «Общая и экспериментальная психология», «Классификация личностей» излагает учение о структуре психики, разделяя ее на эндо- и экзопсихику. При этом, по мнению ученого, экзопсихика представляет собой ядро личности, которое, завершая развитие к 25–30 годам, далее остается практически неизменным. Экзопсихика — изменчивая часть психики человека, которая отвечает за отношение лица к различным внешним явлениям и внешней среде в целом. А.Ф. Лазурский писал о преступлении как об извращенных формах, которые принимают внутренние силы личности, заглушенные и придавленные внешними условиями². Таким образом, работа С.В. Познышева была основана не только на многочисленных собственных исследованиях, но и на психологической концепции, разработанной в рамках индивидуальной психологии.

Рассуждения С.В. Познышева о генезисе преступного поведения опережали свое время. На современном этапе развития криминологии и юридической психологии также принято считать, что человек, испытывая определенную потребность, вначале не осознает, как именно она должна быть удовлетворена. Дальнейший процесс принятия решения также включает в себя формирование мотива, постановку цели при взаимодействии с окружающей средой. С.В. Познышев пишет, что в поисках предмета, служащего для удовлетворения потребности, лицо начинает перебирать возможные варианты. Представляя себе каждый из вариантов по отдельности, лицу свойственно испытывать определенные ощущения и чувства, связанные с мысленным осуществлением представляемого варианта развития событий. Такое предвосхищение или предощущение С.В. Познышев называл

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. М. : Юрайт, 2025.

² Лазурский А.Ф. Классификация личностей / под ред. М.Я. Басова, В.Н. Мясищева. М. : Юрайт, 2025. С. 15, 65–71.

«антиципациями»: «Таким образом, в сознании плывет целая вереница образов живых и полных, или суммарных и бледных, и в связи с ними ряд антиципаций тех ощущений и чувств, которые будут доставлены осуществлением этих образов в действительности»³. Далее, если одним из вариантов удовлетворения потребности лицу видится преступление, то среди положительных последствий, которые предощущает лицо, ему видятся также и неблагоприятные последствия своего выбора. Следовательно, возникает борьба влечения к совершению преступления и удержания от него. У рядового человека (не преступного типа) мысль о преступлении вызывает, по словам С.В. Познышева, противодействие целого ряда взаимосвязанных и скоординированных элементов психической конституции — нравственное сознание, сознание социальной значимости преступления и сознание невыгодных последствий преступлений. Ученый приводит примеры осознания невыгодных последствий будущего преступления — назначенное судом уголовное наказание; изменившееся отношение к лицу со стороны семьи, родителей, знакомых; отрицательная оценка его поступка на работе и в обществе. Все эти скоординированные элементы психики в совокупности представляют собой «криминалорепульсивную» часть «психической конституции личности». У обычного рядового человека эта часть оказывается сильной и, возникая на пути о решении совершения определенного преступления, обычно не допускает его осуществления. Лицо отказывается от идеи совершения преступления и начинает искать другие возможности удовлетворения своей потребности.

Если речь идет о преступном типе личности, то генезис преступного поведения лица зависит от того, к какому именно типу он относится — к эндогенному или экзогенному. С.В. Познышев пишет, что у эндогенных преступников появившееся в сознании желание совершить преступление находится во взаимосвязи с определенными чертами и склонностями личности. У лица данного типа уже сформированы такие взгляды и склонности⁴, что под воздействием незначительного внешнего импульса у него возникает влечение к совершению преступления. Таким образом, благодаря предрасположенности к совершению преступления мысль о преступлении надолго удерживается в «фиксационной точке сознания», вызывает положительные предощущения, отвергает отрицательные ассоциации, препятствующие преступлению. В результате криминалорепульсивная часть психики либо не учитывается вовсе, либо в скором времени отвергается и лицо совершает преступление.

У экзогенного преступника предрасположенность к преступлению отсутствует. Он совершает преступление ради избавления от сложных жизненных

³ Познышев С.В. Указ. соч. С. 33.

⁴ Пастушеня А.Н. Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2 (2). С. 198.

обстоятельств. В результате лицо либо вообще не видит возможности иного выхода из сложившейся ситуации, либо этот выход видится ему слишком затруднительным. Так как лицо не имело предустановленных склонностей к совершению преступления, то при мысли о возможном преступлении вступает в действие криминорепульсивная часть психики, препятствующая совершению преступления. Однако в связи с тем, что она ослаблена, повреждена или недостаточно сформирована, криминорепульсивная часть не справляется со своей задачей, проигрывает схватку с криминогенным комплексом и лицо совершает преступление.

Пользуясь современной терминологией, можно было бы утверждать, что причиной совершения преступления эндогенным преступником, по мнению С.В. Познышева, являются особенности его личности в виде сформированных склонностей или установок, в то время как для экзогенного преступника причиной совершения преступления являются сложившиеся негативные обстоятельства, особенности окружающей обстановки. Однако, согласно господствующей в криминологии концепции, воздействие окружающей среды не может непосредственно порождать преступное поведение. Поэтому для экзогенных преступников правильнее было бы считать, что причиной совершения ими преступления являются слабость или недостатки криминорепульсивной части их психики. Итак, принадлежность преступника к эндогенным или экзогенным типам определяется ученым в зависимости от преобладания того или иного фактора в генезисе преступления. Для эндогенного типа — это сложившиеся у личности установки, предрасположение к совершению преступления, для экзогенного — слабость или недостатки криминорепульсивной части его психики.

В своей работе по преступным типам личности С.В. Познышев приводит значительное число примеров из практики — примеры насильственных преступлений, убийств, изнасилований, а также хищений. В целях подтверждения актуальности и жизнеспособности разработанного С.В. Познышевым подхода, применимости его к современным реалиям, рассмотрим его теорию в отношении такого вида преступников, которые им не рассматривались. Например, проанализируем совокупность экономических преступлений, совершаемых особой группой лиц — предпринимателями. Предприниматели — это лица, которые занимаются предпринимательской деятельностью либо индивидуально, либо путем образования юридического лица. Будучи внешне положительными членами общества, как правило, получив неплохое образование, имея семью, приличный доход и свой бизнес, эти респектабельные лица тем не менее совершают преступления. С точки зрения генезиса преступления интересно, к какому типу преступников, по С.В. Познышеву, может быть отнесен предприниматель, совершающий экономические преступления в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности.

Как удалось установить, многие предприниматели, совершающие экономические преступления, относятся к эндогенному типу. Это связано с тем, что их преступления часто имеют системный характер, вызваны внутренней склонностью к риску и сложившимся пренебрежением к правилам. Такие преступники обладают высоким уровнем организованности и интеллектуальных способностей, позволяющим заранее планировать преступления и минимизировать риски. Некоторые из них изначально начинают предпринимательскую деятельность с целью неправомерного извлечения преступных доходов. При этом такие предприниматели, в соответствии с классификацией С.В. Познышева, скорее всего относятся к «расчетливо-рассудочным преступникам» как разновидности эндогенного типа. Они тщательно планируют будущие преступления с целью получения максимальной выгоды. Совершаемые деяния служат достижению главной цели, вписываются в запланированную жизненную программу. Как писал С.В. Познышев: «в основе их преступной деятельности лежит цель, имеющая не мимолетное значение, а более или менее общее, руководящее значение в их жизни...»⁵ Не исключено и отнесение предпринимателей-преступников к «импульсивным преступникам», которые совершают преступления под влиянием эмоций или обстоятельств. Для таких лиц неожиданно полученное предложение или предоставившаяся возможность, создающие благоприятную среду для совершения преступления, являются весомым поводом к совершению преступления.

Однако известна и другая группа предпринимателей, которая попадает в экзогенную категорию, особенно в ситуациях кризиса, финансового давления или неудачных инвестиционных решений. В обществе бытует мнение, что большинство предпринимателей совершает экономические преступления вынужденно, под влиянием сложных экономических, организационных условий, административных барьеров и прочих неблагоприятных обстоятельств. Например, проведенное нами в 2025 г. социологическое исследование показало, что как минимум половина опрошенных респондентов убеждена в том, что большинство предпринимателей вынуждены нарушать закон, чтобы добиться успеха.

Так, в 2025 г. в рамках НОЦ криминологических исследований и НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ было проведено исследование мнения населения России о преступности предпринимателей. В результате нам удалось опросить 725 респондентов из различных регионов страны, представителей разных социальных групп населения. Выяснилось, что 55,1% респондентов полагают, что большинство предпринимателей вынуждены нарушать закон, чтобы добиться успеха. При этом 59,8% уверены, что на преступность предпринимателей влияет давление и вымогательство

⁵ Познышев С.В. Указ соч. С. 267.

со стороны коррумпированных чиновников, 50,0% — что дело в высоких налогах, а 48,9% — в административных барьерах и сложностях ведения бизнеса. Следовательно, как минимум 50% респондентов убеждены, что преступность предпринимателей носит вынужденный характер и связана с несовершенством экономических, организационных и административных условий.

В аспекте объяснения генезиса преступного поведения предпринимателей-преступников важное значение имеет социальная оценка преступности предпринимателей, значимость такого явления с точки зрения общества, степень его терпимости. Для усиления криминалорепульсивной части, которая имеет приоритетное значение для экзогенного преступника, это понятно — чем сильнее осуждение и сплоченность общества против того или иного вида преступного поведения, тем более негативные последствия видятся лицу, рассматривающему преступление как избавление от проблем. И тем выше вероятность того, что он под страхом общественной изоляции откажется от идеи совершения преступления. В отношении эндогенного преступника, для которого криминалорепульсивная часть психики имеет второстепенное значение, мнение общества менее значимо. Его личность уже имеет криминальную направленность, предрасположенность к совершению преступления. Криминалорепульсивная часть в процессе принятия решения о преступлении либо вообще не возникает, либо сразу отрицается. Однако формирование самой личности эндогенного преступника, как и личности в целом, происходит не в вакууме, а во взаимодействии с внешней средой (микро- и макро- ее разновидностями)⁶. Ценности общества, его установки, варианты возможного или допустимого поведения, разделяемые большинством, влияют на личность, на формирование ее собственных установок, ценностей и склонностей. Как известно, террористы и педофилы полностью отвергаются обществом, их социальная изоляция максимальна. Предприниматели-преступники воспринимаются, как показало исследование, как интегрированные члены общества, что снижает так называемые психологические барьеры⁷ перед совершением экономических преступлений.

Так, при ответе на вопрос: «Смогли бы Вы поддерживать контакт с лицом, совершающим (или совершившим недавно) предпринимательские преступления?» лишь 21,3% респондентов ответили отрицательно, выбрав ответ «нет, это повод прервать с данным лицом все контакты». Остальные респонденты выбрали варианты «да, при условии, что этот контакт очень важен для меня» либо даже ответ «да, меня это не касается». Часть респондентов затруднились с ответом, что следует оценивать скорее как положительный ответ, по причине того, что пилотное исследование, проводимое перед основным

⁶ Личность преступника и профилактика преступлений : монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М. : Проспект. С. 19–22.

⁷ Андрианов В.К. Социально-психологические закономерности в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 146–147.

анкетированием, выявило наличие психологического барьера при ответе. Опрашиваемые ранее респонденты поделились возникавшими трудностями «честно ответить на данный вопрос». Таким образом, 78,7% респондентов не готовы разрывать контакты с преступником предпринимателем. Если привести выборку по респондентам-предпринимателям, то только для 11,4% опрашиваемых предпринимателей совершение экономического преступления является поводом для прекращения контактов. Иными словами, предприниматели не прекращают экономические отношения с лицами, совершающими или ранее совершившими предпринимательские преступления. Для лиц, работающих по найму в предпринимательской сфере, число респондентов, давших отрицательный ответ, еще ниже — только 10,0% из них готовы прерывать контакты, в частности, уволиться.

Таким образом, мы видим, что общество не изолирует предпринимателей, совершающих экономические преступления; не осуждает; члены общества готовы продолжать личное и деловое общение. Полученный результат является значимым фактором, влияющим как на формирование особенностей склада личности эндогенных преступников-предпринимателей, так и на слабость криминалорепульсивной части, служащей для удержания экзогенного преступника от совершения преступления, частично объясняя широкую распространенность преступности предпринимателей.

В качестве заключения можно сказать, что концепция С.В. Познышева, несмотря на то, что она была разработана около 100 лет назад, сохраняет свою значимость и применима к современному обществу. В частности, она позволяет глубже изучить генезис преступного поведения предпринимателей и, соответственно, продумать эффективные меры профилактики данной группы преступлений.

Александрова В.В.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Андрианов В.К. Социально-психологические закономерности в уголовном праве / В.К. Андрианов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1.
2. Лазурский А.Ф. Классификация личностей / А.Ф. Лазурский ; под редакцией М.Я. Басова, В.Н. Мясищева. Москва : Юрайт, 2025.
3. Личность преступника и профилактика преступлений : монография / под редакцией Ю.М. Антоняна. Москва : Проспект, 2020.
4. Пастушеня А.Н. Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание / А.Н. Пастушеня // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2 (2).
5. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы / С.В. Познышев. Москва : Юрайт, 2025.

**Криминологический портрет личности
несовершеннолетнего преступника:
современное состояние и перспективы
совершенствования института
уголовной ответственности**

Проблема преступности несовершеннолетних сохраняет свою высокую социальную и криминологическую значимость, выступая индикатором системных дисфункций в процессах социализации молодежи и формируя кадровый резерв для взрослой рецидивной преступности. Институт уголовной ответственности несовершеннолетних, исторически развивавшийся в сторону гуманизации и дифференциации, сегодня сталкивается с новыми вызовами: трансформацией мотивационной структуры преступлений, ростом их тяжести и влиянием цифровой среды на криминальное поведение. В этой связи актуализируется задача глубокого криминологического исследования личности современного несовершеннолетнего преступника. В работе предпринята попытка на основе анализа современных статистических данных сформировать актуальный криминологический портрет личности несовершеннолетнего преступника и разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию института уголовной ответственности лиц в возрасте до восемнадцати лет.

Официальная статистика фиксирует устойчивую негативную динамику абсолютных показателей преступности несовершеннолетних на протяжении последнего десятилетия. За период 2020–2024 гг. число осужденных несовершеннолетних сократилось примерно на 30%, составив в 2024 г. 11 944 человека (табл. 1)¹.

Таблица 1

Количество осужденных несовершеннолетних в России с 2020 по 2024 г.

Год	Количество осужденных	Изменение к предыдущему году
2020	14 702	—
2021	14 863	+161 (+1.1%)
2022	14 214	–649 (–4.4%)
2023	12 769	–1445 (–10.2%)
2024	11 944	–825 (–6.5%)

¹ Судебная статистика. Отчеты о числе осужденных по отдельным статьям УК РФ, о виде и размере назначенного наказания за 2020–2024 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

Однако количественное снижение сопровождается тревожными качественными изменениями, свидетельствующими о **повышении уровня общественной опасности** подростковой преступности.

Во-первых, отмечается стабильный рост доли тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре. Данная тенденция находит прямое отражение в сложившейся судебной практике назначения наказаний данной возрастной категории лиц. Согласно анализу Судебного департамента при Верховном Суде РФ, удельный вес реального лишения свободы в отношении несовершеннолетних вырос с 16,78% в 2020 г. до 22,27% в 2024 г., в то время как доля условного осуждения сократилась с 43,42 до 37,86% за тот же период (табл. 2).

Таблица 2

Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним с 2020 по 2024 г.

Вид наказания	2020 (%)	2021 (%)	2022 (%)	2023 (%)	2024 (%)
Реальное лишение свободы на определенный срок	16.78	18.32	20.11	21.07	22.27
Условное осуждение к лишению свободы	43.42	43.96	42.78	39.08	37.86
Ограничение свободы	3.83	3.82	3.34	4.14	4.59
Обязательные работы	21.89	19.85	19.81	19.92	17.89
Исправительные работы	1.59	1.54	1.73	2.24	2.49
Штраф	10.96	11.31	10.99	12.46	14.00

Во-вторых, произошла значительная трансформация мотивационной структуры преступности несовершеннолетних. Традиционно доминирующие корыстные преступления против собственности (кражи, грабежи) сохраняют лидерство (в сумме около 63% в 2024 г.). При этом острой проблемой стал стремительный рост доли преступлений, связанных с **незаконным оборотом наркотических средств** (ст. 228–232.1 УК РФ). В 2024 г. данные преступления вышли на третье место (10,67% осужденных) в общей структуре преступности несовершеннолетних (табл. 3), что указывает на активное вовлечение подростков в наркобизнес, часто опосредованное стремительно развивающимися цифровыми технологиями².

В-третьих, сохраняется высокий уровень **групповой преступности** (50,52% в 2024 г.) и **рецидива**. Удельный вес ранее судимых несовершеннолетних остается стабильно высоким, что указывает на недостаточную эффективность действующих мер исправительного воздействия и

² Асильдаров А.Ч., Замира М.К. Рост преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 9. С. 108.

Таблица 3

Преступления, совершенные несовершеннолетними (2020–2024 гг.)

Вид преступления	Количество	Процент (%)
Кража	4 840	40.52
Угон	1 294	10.83
Наркотики	1 274	10.67
Грабеж	958	8.02
Тяжкий вред здоровью	380	3.18
Разбой	324	2.71
Вымогательство	212	1.77
Хулиганство	135	1.13
Убийство	98	0.82
Изнасилование	94	0.79
Незаконные действия с оружием	43	0.36

высокий риск перехода в перспективе во «взрослую» преступную деятельность³.

На основе анализа статистических данных можно создать типичный криминологический портрет несовершеннолетнего преступника, если обобщить статистические данные в виде таблицы⁴ (табл. 4).

1. Демографические характеристики. Подавляющее большинство (свыше 90%) — лица мужского пола. Около 70% осужденных относятся к старшей подростковой группе (16–17 лет), что соответствует пику возрастной криминальной активности.

2. Признаки социальной дезадаптации. Каждый третий осужденный (30,83%) на момент совершения преступления **не учился и не работал**. Данный показатель является ключевым маркером социального отчуждения, потери связей с основными институтами социализации и указывает на высокий потенциал рецидива.

3. Семейное неблагополучие. Лишь половина (49,83%) воспитывалась в полной семье. Высокие доли выходцев из неполных семей (42,64%) и подростков, оставшихся без попечения родителей (7,53%), подтверждают тезис о кризисном состоянии семьи как основного субъекта первичной профилактики.

4. Психологические особенности и обстоятельства совершения преступления. Для несовершеннолетних правонарушителей характерны

³ Алиев Я.Л., Павлик Е.М., Георгиева П.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних // Право. 2021. № 6. С. 68.

⁴ Крюкова Н.И. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 6. С. 22.

Таблица 4

**Социально-демографический паспорт
несовершеннолетних преступников**

Показатель	Значение
ПОЛ	
Мужчины	90.55%
Женщины	9.45%
ВОЗРАСТ	
14–15 лет	29.04%
16–17 лет	70.96%
СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	
Учащиеся	64.08%
Работающие	4.95%
Не учатся и не работают	30.83%
СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	
Полная семья	49.83%
Один родитель	42.64%
Вне семьи	7.53%
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
Групповое преступление	50.52%
Алкогольное опьянение	8.42%
Наркотическое опьянение	0.32%

эмоциональная неустойчивость, внушаемость, стремление к самоутверждению в референтной группе. Групповой характер большинства преступлений подчеркивает определяющую роль **криминогенного окружения и ее субкультуры**. Совершение преступления в состоянии опьянения (алкогольного — 8,42%, наркотического — 0,32%) остается сопутствующим, но не доминирующим фактором.

Таким образом, **типичный несовершеннолетний преступник** – это юноша 16–17 лет, выпавший из системы образования и профессиональной ориентации, зачастую из неполной или дисфункциональной семьи, чье противоправное поведение детерминировано влиянием асоциальной группы и направлено на достижение корыстных целей или связано с наркооборотом.

Текущие социально-экономические и правовые условия определяют в качестве одного из главных приоритетов государственной политики

в области безопасности формирование действенной системы профилактики преступлений среди несовершеннолетних. Цели государства на этом направлении включают сокращение числа регистрируемых правонарушений, качественную трансформацию их структуры, а также обеспечение социальной интеграции и правового воспитания подростков и молодежи из разных социальных групп. Эта политическая установка находит свое нормативное закрепление в основополагающих стратегических документах. Так, Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358, декларирует в качестве цели создание безопасных условий для реализации прав ребенка, его подготовки к полноценной жизни в обществе и защиты от всех факторов, негативно влияющих на развитие⁵. Действующая система уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепленная в гл. 14 УК РФ, основана на принципах гуманизма, дифференциации и индивидуализации наказания. Однако в современной правоприменительной практике можно выделить ряд системных проблем.

1. Дисбаланс между репрессивной и восстановительной составляющими. Рост доли реального лишения свободы при сокращении применения условного осуждения де-факто усиливает карательный уклон уголовной ответственности несовершеннолетних. При этом альтернативные виды наказаний, не связанные с изоляцией (обязательные, исправительные работы, ограничение свободы), применяются не так часто и зачастую не назначаются ввиду невозможности их применения или исполнения.

2. Недостаточная индивидуализация наказания. Судебное решение не всегда основано на всестороннем психолого-педагогическом исследовании личности несовершеннолетнего. Отсутствует единая методика оценки степени социальной испорченности подростка на момент совершения преступления и потенциальных возможностей для его исправления, так называемой системы оценки рисков и потребностей, что приводит к шаблонным решениям, которые не способствуют снижению предотвращению совершения ими новых преступлений.

3. Ограниченность перечня принудительных мер воспитательного воздействия. Установленный ст. 90 УК РФ перечень таких мер является закрытым и формальным. Он не позволяет гибко реагировать на разнообразие жизненных ситуаций и личностных особенностей подростков, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

4. Слабая координация между уголовно-правовым воздействием и системой профилактики. Меры, применяемые комиссиями по делам не-

⁵ Демидова-Петрова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи как фактор укрепления российского общества // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 37.

совершеннолетних, и уголовно-правовые санкции существуют в разных правовых и организационных плоскостях, что снижает общий профилактический эффект.

Совершенствование института уголовной ответственности несовершеннолетних должно идти по пути сбалансированной дифференциации, где ужесточение реакции на особо опасные деяния сочетается с расширением и качественным усилением воспитательно-восстановительных инструментов. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о введении в ст. 88 УК РФ специального основания для назначения лишения свободы на срок свыше 10 лет (но не более 15 лет) несовершеннолетним, осужденным за особо тяжкие преступления против жизни, здоровья населения и общественной безопасности (терроризм, убийство при отягчающих обстоятельствах, сбыт наркотиков в крупном размере). Это должно сопровождаться созданием в воспитательных колониях специализированных отделений с усиленным психолого-педагогическим и социально-реабилитационным сопровождением. Далеко не лишним является и проработка системы наказаний, альтернативных лишению свободы. Стоит конкретизировать в законе и методически обеспечить исполнение таких наказаний, как обязательные и исправительные работы, сделав их содержательными и социально полезными (трудовые отряды, работы по благоустройству с наставничеством). Ввести не в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, а в качестве нового вида дополнительного наказания несовершеннолетним — ограничение досуга (с запретом посещения определенных мест, использования интернета в развлекательных целях), сопряженный с обязанностью участия в организованных воспитательных программах.

Перечень принудительных мер воспитательного воздействия стоит сделать примерным, предоставив суду право по согласованию с психолого-медико-педагогической комиссией назначать иные меры, соответствующие конкретным потребностям подростка (например, курс реабилитационной терапии и пр.). Индивидуальная программа коррекции поведения несовершеннолетнего может стать обязательным документом, сопровождающего назначение условного осуждения, с четким планом действий для подростка, его семьи и курирующих органов. Стоит рассмотреть вопрос о законодательном закреплении обязанности суда запрашивать комплексное психолого-педагогическое заключение на каждого несовершеннолетнего подсудимого, которое должно потом лечь в основу характеристики личности подростка в мотивировочной части приговора и определении ему должного наказания. Уголовно-правовые меры должны быть интегрированы в общую государственную стратегию профилактики, предполагающую: раннее выявление семейного неблагополучия и индивидуальную работу с семьями «группы риска»; развитие инфраструктуры позитивной занятости и досуга, особенно для

подростков, не занятых учебой или работой; целевую работу по противодействию вовлечению несовершеннолетних в наркобизнес и иные виды организованной преступности через интернет.

Криминологический портрет современного несовершеннолетнего преступника характеризуется сочетанием устойчивых признаков социального неблагополучия (дезадаптация, семейная дисфункция) с новыми качественными рисками (наркопреступность, рост тяжести деяний). Ответом на эти вызовы не может быть простое ужесточение наказаний. Необходима глубокая модернизация института уголовной ответственности несовершеннолетних, **основанная на принципе сбалансированной дифференциации. Это предполагает, с одной стороны, адекватное ужесточение ответственности за совершение** особо тяжких преступлений с гарантией интенсивной ресоциализации, а с другой — максимальное расширение и гуманизацию арсенала воспитательно-восстановительных мер для основной массы подростковых преступлений. Ключом к успеху является переход от карательной логики к логике ответственности, исправления и восстановления социальных связей, что требует консолидации усилий законодателя, правоприменителей, педагогов, психологов и институтов гражданского общества.

Арефинкина Е.Г.,

заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Сочинского института (филиала) Российского университета
дружбы народов,
кандидат юридических наук
(г. Сочи)

Литература

1. Алиев Я.Л. Предупреждение преступности несовершеннолетних / Я.Л. Алиев, Е.М. Павлик, П.А. Георгиева // Право. 2021. № 6.
2. Асильдаров А.Ч. Рост преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации / А.Ч. Асильдаров, М.К. Замира // Закон и право. 2019. № 9.
3. Демидова-Петрова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи как фактор укрепления российского общества / Е.В. Демидова-Петрова // Журнал российского права. 2025. № 1.
4. Крюкова Н.И. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних / Н.И. Крюкова // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 6.

К вопросу о правовых и организационных детерминантах экологической преступности на особо охраняемых природных территориях и природных объектах

Специфика системы детерминант экологической преступности на особо охраняемых природных территориях и природных объектах определена «комплексом социально-экономических, правовых, организационных и иных факторов, механизм воздействия которых определяется процессами взаимного влияния»¹. При этом среди перечисленных детерминант особое место занимают правовые и организационные, продуцирующие рассматриваемый вид преступности.

Вопросы правового регулирования особо охраняемых природных территорий и природных объектов занимают важнейшее место в деятельности по предупреждению преступности, поскольку именно здесь проявляется тесная взаимосвязь между эффективностью правового регулирования и уровнем экологической преступности.

Правовая неопределенность создает предпосылки для роста нарушений в экологической сфере, а также снижает возможности правоохранительных органов по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Сочетание длительных и сложных процедур, пробелов в законодательстве и несогласованность в распределении полномочий между различными уровнями публичной власти демонстрирует необходимость комплексного подхода к совершенствованию правовых мер, направленных на предупреждение преступности на особо охраняемых природных территориях и природных объектах.

Во-первых, следует обратить внимание на сложность процедуры признания той или иной природной территории особо охраняемой. В правоприменительной практике существуют примеры, когда этот период занимал около пяти лет: от распоряжения Правительства Российской Федерации о создании национального парка до окончательного перевода земель в категорию особо охраняемых². За этот период сохраняются условия

¹ Байханов А.И. Преступная рубка лесных насаждений и ее предупреждение : монография. М., 2025. С. 47.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2010 г. № 241-р «Об учреждении национального парка «Сайлюгемский» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2545-р // СПС «Гарант»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2014 г. № 2227-р «О переводе земель запаса в категорию земель особо охраняемых территорий и объектов для организации национального парка» // СПС «Гарант».

для браконьерской деятельности, что негативно отражается на популяции редких животных³.

Подобные ситуации демонстрируют, что сложность правового регулирования, а также порядка присвоения территории статуса особо охраняемой непосредственно влияет на рост экологической преступности и подрывает возможности правоохранительных органов своевременно реагировать на нарушения. В условиях, когда экологический ущерб может быть необратимым, промедление в обозначенном вопросе фактически становится одним из криминогенных факторов.

Отдельная проблема связана с отсутствием единого реестра особо охраняемых природных территорий и природных объектов. В настоящее время для установления границ таких земель используются данные Единого государственного реестра недвижимости, что ведет к расхождениям между юридическим оформлением территории и фактическим признанием ее статуса.

Между тем именно точность установления границ имеет ключевое значение для квалификации преступлений. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации обращает внимание на необходимость фиксировать координаты места совершения преступления⁴, и суды действительно этому следуют, связывая координаты места с природной территорией, которая имеет соответствующий статус⁵. Однако из-за несовпадения сроков отнесения территорий к особо охраняемым и реестровой регистрации возникают ситуации, когда фактическое совершение экологического преступления невозможно квалифицировать как деяние на особо охраняемой природной территории.

Таким образом, формальное отсутствие точных координат места совершения преступления блокирует применение ст. 262 УК РФ и других статей УК РФ с квалифицирующими признаками, усиливая латентность данного вида преступности.

Не менее значимы проблемы юридико-технического характера, которые выступают детерминантами преступности. Так, в названии ст. 262 УК РФ кроме особо охраняемых природных территорий указаны природные объекты, которые фактически представляют собой любой элемент природного ландшафта. В свою очередь, в диспозиции статьи перечислены только особо

³ Абрамченко В. Правительство примет необходимые меры для защиты снежного барса // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/49662/> (дата обращения: 06.10.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 (ред. от 31.10.2017) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // Российская газета. 2010. 1 декабря.

⁵ Апелляционное постановление Задонского районного суда Липецкой области от 8 августа 2024 г. по делу № 10-1/2024 (УИД 48MS0014-01-2023-002102-88) // СПС «Гарант».

охраняемые государством природные территории, в связи с этим нарушение режима природных объектов, не имеющих статус особо охраняемой природной территории, не криминализируется. При этом с учетом положений Конституции РФ о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12), использование в формулировке диспозиции статьи «охраняемых государством» вызывает некоторые вопросы, связанные с тем, криминализируется ли нарушение режима территорий местного значения, которые должны охраняться органами местного самоуправления.

Обозначенные проблемы относительно терминов, а также низкое качество юридической техники ст. 262 УК РФ, является существенным фактором, снижающим эффективность предупреждения экологической преступности.

Эта проблема тесно связана с проблемами квалификации экологических преступлений, которые не разрешаются десятилетиями⁶. Так, Р.А. Шагапова отмечает, что в литературе имеется значительное количество рассуждений о возможности применения ст. 262 и ст. 250, 251, 256, 258, 260 УК РФ по совокупности и подтверждает это примерами правоприменительной практики⁷.

Как верно отмечает Н.А. Лопашенко, многие нормы гл. 26 УК РФ конкурируют между собой, а большинство норм со ст. 246 УК РФ (является общей нормой к подавляющему большинству других норм об экологических преступлениях), при этом имеет место и конкуренция с нормами из других глав УК РФ, например, ст. 358 УК РФ⁸.

Нельзя не согласиться, что в целом вся гл. 26 УК РФ требует более системной криминализации деяний, влекущих угрозу экологической безопасности, причиняющих вред окружающей среде. Отсутствие системности и конкуренция норм создают сложности правоприменителям и не позволяют давать правильную оценку преступным деяниям, а также формируют условия для уклонения от уголовной ответственности, что является одной из детерминант исследуемого вида преступности.

Ситуацию осложняет неоднородность регионального регулирования в рассматриваемой сфере. Практика показывает, что субъекты РФ индивидуально подходят к формированию особо охраняемых природных территорий местного значения, в результате чего количество их видов достигает почти 90⁹. В одних регионах законодательство дает четкие определения

⁶ Лопашенко Н.А. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК «Экологические преступления» // Уголовное право. 2007. № 5. С. 49–50.

⁷ Шагапова Р.А. Юридическая ответственность как элемент правового режима геопарков // Экологическое право. 2022. № 6. С. 33; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2021 г. № 77-309/2021 // СПС «Гарант».

⁸ Лопашенко Н.А. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК «Экологические преступления» // Уголовное право. 2007. № 5. С. 50.

⁹ Демичев А.А. Особо охраняемые природные территории местного значения: общая характеристика законодательства и категории // Экологическое право. 2024. № 5. С. 11.

видам территорий, в других — ограничивается общими положениями. В некоторых регионах имеют место такие виды территорий, которые прямо не предусмотрены федеральным законом. Такая разрозненность приводит к отсутствию единого правового пространства и вызывает эффект «случайной преступности»¹⁰, когда граждане, не зная статуса территории, нарушают режим охраны, совершая деяния без устойчивых криминальных установок. В криминологическом аспекте это повышает риск вовлечения лиц в преступную деятельность.

В контексте обозначенной проблемы интерес представляют инициативы, предполагающие расширение полномочий региональных властей по упразднению особо охраняемых природных территорий¹¹. С одной стороны, подобные предложения объясняются стремлением к повышению правовой определенности и учету местной специфики. С другой стороны, они открывают возможности для злоупотреблений и использования тех или иных полномочий в корыстных интересах¹².

Эксперты справедливо отмечают, что вместо упразднения упадочных особо охраняемых природных территорий следует разрабатывать комплексные меры по восстановлению уникальных экосистем¹³, в противном случае законодательные изменения рискуют превратиться в инструмент легализации хозяйственной деятельности на природоохранных землях.

Еще один аспект связан с неопределенностью правового регулирования, которая формируется за счет разнообразных подзаконных нормативных правовых актов как федерального, так и регионального уровня¹⁴. В законах содержатся определения «природного объекта» и «особо охраняемой природной территории», но они носят общий характер и не обеспечивают достаточной конкретизации. Режим охраны, нарушение которого влечет ответственность, определяется не только подзаконными нормативными правовыми актами федерального уровня, но и подзаконными актами ведомственного уровня. Это ведет к разнородности режимов охраны, что в условиях слабой координации органов государственной власти усложняет как исполнение закона, так и контроль его соблюдения.

¹⁰ См., например: Приговор Тушинского районного суда города Москвы от 6 июля 2020 г. по делу № 1-411/2020 о причинении вреда ландшафту особо охраняемой природной территории «Природно-исторического парка «Тушинский» // СПС «Гарант».

¹¹ Паспорт законопроекта № 288302-8 // Официальный сайт Государственной Думы РФ СФ РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/288302-8> (дата обращения: 10.09.2025).

¹² Абрамченко В. Экологическая повестка остается в фокусе внимания властей России // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/abramchenko-ekologicheskaya-povestka-ostaetsya-v-fokuse-vnimaniya-vlastey-rossii.html> (дата обращения: 10.10.2025).

¹³ Заключение Общественной палаты Российской Федерации. Паспорт законопроекта № 288302-8 // Официальный сайт Государственной Думы РФ СФ РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/288302-8> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁴ Демичев А.А. Особо охраняемые природные территории местного значения: общая характеристика законодательства и категории // Экологическое право. 2024. № 5. С. 13.

Значимым направлением развития и преодоления негативного эффекта от некоторых детерминант выступает цифровизация. На основе Единого государственного реестра недвижимости целесообразно создать электронный реестр особо охраняемых природных территорий всех уровней, доступный в онлайн-режиме. Такой инструмент позволит обеспечить открытость информации, устранить несогласованность между уровнями публичной власти.

Одновременно необходимо законодательно закрепить обязательный срок (не более одного года) для перевода земель в категорию особо охраняемых после принятия решения о создании соответствующей территории.

Таким образом, вопросы правового регулирования особо охраняемых природных территорий и природных объектов занимают важное место в деятельности по предупреждению преступности, поскольку именно здесь проявляется тесная взаимосвязь между эффективностью правового регулирования и уровнем экологической преступности.

Правовая неопределенность создает предпосылки для роста нарушений в экологической сфере, а также снижает возможности правоохранительных органов по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности.

С учетом отмеченного в статье выделены ключевые детерминанты правового и организационного характера экологической преступности на особо охраняемых природных территориях и природных объектах, которыми являются:

- чрезмерная сложность отдельных процедур признания территорий особо охраняемыми;
- отсутствие их единого реестра и стандартов правового регулирования;
- правовая неопределенность терминов, предусмотренных законодательством, низкое качество юридической техники;
- фрагментарность регионального законодательства.

Все перечисленное снижает эффективность предупреждения экологических преступлений на особо охраняемых природных территориях и природных объектах, способствует росту их латентности и осложняет квалификацию деяний.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода: унификации законодательства, повышения правовой определенности и внедрения цифровых технологий.

В этой связи предлагается: на основе Единого государственного реестра недвижимости создание электронного реестра особо охраняемых природных территорий всех уровней, доступного в онлайн-режиме; законодательное закрепление обязательного срока для перевода земель в категорию особо охраняемых после принятия решения о создании соответствующей территории.

Только при сочетании комплекса обозначенных мер возможно создание эффективной системы охраны природных территорий и природных объектов, способной реально препятствовать экологической преступности и обеспечивать защиту уникальных природных комплексов страны.

Батищев Н.Г.,
прокурор Северо-Восточного административного
округа г. Москвы
(г. Москва)

Литература

1. Байханов А.И. Преступная рубка лесных насаждений и ее предупреждение: монография / А.И. Байханов. Москва : Юрлитинформ, 2025.
2. Демичев А.А. Особо охраняемые природные территории местного значения: общая характеристика законодательства и категории / А.А. Демичев // Экологическое право. 2024. № 5.
3. Лопашенко Н.А. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК «Экологические преступления» / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. 2007. № 5.
4. Шагапова Р.А. Юридическая ответственность как элемент правового режима геопарков / Р.А. Шагапова // Экологическое право. 2022. № 6.

Особенности необходимой самообороны в условиях современности

Институт необходимой обороны относится к числу древнейших элементов уголовно-правовых систем, что детерминировано его естественно-правовой природой. Правомочие на причинение вреда посягающему лицу в целях защиты жизни, здоровья, телесной неприкосновенности, а также собственности — как собственной, так и третьих лиц — представляет собой юридическую легитимацию фундаментального, имманентного права личности на самосохранение.

С криминологической точки зрения необходимая оборона выполняет превентивную функцию, выступая в качестве сдерживающего фактора в отношении насильственной преступности. Это обусловлено тем, что для потенциального правонарушителя вероятность встретить непосредственное и действенное противодействие, сопряженное с риском причинения вреда, является более высокой и психологически значимой угрозой по сравнению с перспективой последующего привлечения к уголовной ответственности с ее процессуальными гарантиями и отсроченностью наказания. Кроме того, пассивность подвергающегося посягательству лица может быть интерпретирована агрессором как признак безнаказанности, что потенцирует эскалацию насилия.

В свете изложенного, уголовно-правовая доктрина и законодательная техника должны быть ориентированы на максимизацию правовых гарантий для обороняющегося субъекта. Уголовный закон призван закрепить широкие пределы допустимости защитных действий, минимизируя ограничительные критерии рамками, необходимыми и достаточными для недопущения злоупотребления данным правом. Принцип гуманизма в отношении лица, совершающего общественно опасное посягательство, правомерен и актуален на стадии посткриминального воздействия, когда данный субъект изолирован и обезврежен. В момент же непосредственного осуществления посягательства, при наличии состояния необходимой обороны, защищаемая сторона, находящаяся в условиях цейтнота и психофизиологического давления, должна обладать правом на применение любых средств и методов защиты, адекватных характеру и опасности нападения.

Исторический очерк

Необходимая оборона как правовой институт обладает глубоким историческим генезисом в системе отечественного уголовного права. Его формирование отражает эволюцию представлений о пределах правомерной защиты. Анализ кодификаций XX в. демонстрирует последовательную трансформацию его законодательной конструкции.

В первоначальной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. необходимая оборона определялась через исключение наказуемости: согласно ст. 19, не подлежало наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при защите от незаконного посягательства, при условии непревосхождения ее пределов. Данная нормативная формулировка обладала существенным доктринальным недостатком, поскольку квалифицировала правомерные защитные действия как *de jure* подпадающие под признаки преступления, что противоречило их общественно полезной природе. Более того, отсутствие в законе каких-либо объективных критериев превышения пределов необходимой обороны делегировало полномочия по его установлению исключительно судебному усмотрению, что на практике приводило к правоприменительным ошибкам и неправомерным судебным решениям.

Последующая кодификация УК РСФСР 1926 г. воспроизвела данную конструкцию без концептуальных изменений. Значительный шаг в развитии института был сделан в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. В ст. 13 Основ было закреплено, что действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, не является преступлением. При этом в законодательстве впервые появилось определение превышения пределов необходимой обороны как «явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства». Это введение объективного критерия способствовало большей формализации и единообразию судебной практики. Однако сохранявшийся в ряде интерпретаций отсылочный характер к «признакам деяния, предусмотренного уголовным законом», поддерживал определенную терминологическую коллизию.

Окончательное доктринальное разрешение этой коллизии было предложено в проектных документах конца советской эпохи — Теоретической модели УК (1987 г.) и Основах уголовного законодательства 1991 г., где действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, были однозначно определены как не являющиеся преступлением. Эта прогрессивная формулировка была инкорпорирована в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ, «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Таким образом, историко-правовой анализ позволяет констатировать последовательную эволюцию законодательной конструкции необходимой обороны: от оспариваемой доктринально модели, трактовавшей оборону как исключение из наказуемости, к современной концепции, признающей ее правомерным социально полезным поведением, исключающим саму преступность деяния.

На основе анализа предоставленного текста и современных нормативных источников можно заключить, что наше понимание современного законодательства о необходимой обороне в целом соответствует действующему регулированию. В вашем тексте верно отражены ключевые принципы, такие как приоритет защиты личности, добровольность обороны для граждан и ее обязательность для некоторых категорий лиц, а также условия правомерности.

Ниже приведен анализ с учетом актуальных законодательных позиций и судебной практики, который дополняет и уточняет некоторые аспекты.

Современная нормативная база

Основным источником регулирования является ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Детальные разъяснения по ее применению содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (в актуальной редакции от 31.05.2022). Эти документы формируют современную правовую доктрину необходимой обороны.

Ключевые принципы и их развитие в практике

Тезис о приоритете защиты личности полностью соответствует закону. Статья 37 УК РФ прямо указывает, что оборона допустима для защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, а также охраняемых законом интересов общества или государства. Верховный Суд особо подчеркивает, что это право гарантировано ч. 2 ст. 45 Конституции РФ.

Вот некоторые уточнения и дополнения по другим рассмотренным вами аспектам.

Право на оборону и профессиональную подготовку. Право на оборону едино для всех. Часть 3 ст. 37 УК РФ и п. 1 Постановления Пленума ВС РФ прямо устанавливают, что право на необходимую оборону не зависит от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. При этом для сотрудников правоохранительных органов, которые в рамках обороны нарушили установленный порядок применения силы или оружия, возможна уголовная ответственность, но уже не за превышение пределов обороны, а по другим статьям (например, за превышение должностных полномочий).

Защита от посягательств, не связанных с насилием. Существует возможность обороны от таких посягательств, как оскорбление действием. Пленум ВС РФ в п. 3 своего Постановления разъясняет, что защита допустима и от посягательств, не сопряженных с насилием, например, от незаконного проникновения в жилище, умышленного уничтожения чужого имущества и иных деяний, которые могут быть предотвращены путем причинения вреда посягающему.

Наличность угрозы и «неожиданность посягательства». Современное законодательство детализирует условия, когда оборона считается правомерной. Помимо наличной и реальной угрозы, важным является понятие

неожиданности посягательства. Согласно ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, если вследствие неожиданности посягательства лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности, его действия не признаются превышением пределов необходимой обороны, даже если причиненный вред оказался большим. Это напрямую связано с вашим примером о выстреле в дверь — суд должен учитывать эмоциональное состояние оборонявшегося (страх, испуг, замешательство).

Случаи, когда оборона недопустима

Закон и судебная практика четко определяют границы этого права:

Против правомерных действий. Не допускается оборона против действий должностных лиц, находящихся при исполнении служебных обязанностей (например, сотрудников полиции при задержании).

Провокация обороны. Умышленное провоцирование нападения с целью причинения вреда не признается необходимой обороной.

Мнимая оборона. Если лицо ошибочно приняло действия другого человека за общественно опасное посягательство, когда не было никаких оснований для такой ошибки, его действия квалифицируются как неосторожное преступление. Если же обстановка давала основания полагать, что посягательство реально, то действия приравниваются к необходимой обороне.

Правовая природа и квалификация мнимой обороны в уголовном праве

Институт мнимой обороны представляет собой специфическую юридическую конструкцию, возникающую в условиях фактической ошибки субъекта защиты. В отличие от реальной необходимой обороны, мнимая оборона характеризуется отсутствием объективно существующего общественно опасного посягательства при субъективном восприятии такового защищаемым лицом.

Квалификация действий при мнимой обороне осуществляется по общим правилам оценки фактической ошибки. Согласно разъяснениям высших судебных инстанций, уголовная ответственность в таких случаях может исключаться полностью либо наступать за неосторожное преступление. Критерием разграничения служит наличие объективных оснований для убежденности в реальности посягательства. Если сложившаяся ситуация давала лицу достаточные основания полагать, что имеет место реальное посягательство, и оно не осознавало ошибочности своего предположения, уголовная ответственность исключается.

Дифференциация условий правомерности необходимой обороны

В доктрине уголовного права выделяются следующие обязательные условия правомерности необходимой обороны.

1. Качество посягательства:

— общественная опасность;

- наличность (непосредственная угроза причинения вреда);
- действительность (объективное существование).

2. Параметры защиты:

- целевая направленность на пресечение посягательства;
- соразмерность средств защиты (отсутствие явного несоответствия);
- адресность причинения вреда (исключительно посягающему).

Критерии оценки соразмерности защиты

При установлении соответствия защиты характеру и опасности посягательства учитывается комплекс факторов.

Характеристики посягательства:

- значимость охраняемого блага;
- интенсивность и способ посягательства;
- количество нападающих;
- применяемые орудия и средства.

Параметры защиты:

- психофизиологическое состояние обороняющегося;
- физические возможности и подготовка;
- характер примененных средств защиты;
- динамика развития ситуации.

Специфика превышения пределов необходимой обороны

Превышение пределов необходимой обороны (эксцесс обороны) квалифицируется как умышленное причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности посягательства. Особенности правовой регламентации:

1. Специальные составы предусмотрены только для случаев причинения смерти (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 114 УК РФ).
2. Иные случаи превышения квалифицируются по общим нормам с учетом смягчающего обстоятельства.
3. Несвоевременная оборона (преждевременная или запоздалая) не образует состава превышения пределов.

Сравнительно-правовые аспекты

Анализ зарубежного законодательства демонстрирует различные подходы к регламентации института необходимой обороны.

Польша. Учет эмоционального состояния (страх, возбуждение) как основание для смягчения ответственности.

Германия. Исключение ответственности при превышении вследствие замахательства или страха.

Испания. Акцент на требовании разумной необходимости и отсутствии провокации.

Франция. Дифференцированный подход к защите личности и собственности.

Историческая ретроспектива

В дореволюционном российском праве необходимая оборона рассматривалась как правомерное причинение вреда при защите прав и благ. Уголовное уложение 1903 г. содержало положения о чрезмерности и несвоевременности защиты как основаниях ограниченной ответственности.

Современное развитие института необходимой обороны демонстрирует тенденцию к расширению правовых гарантий для обороняющихся при сохранении баланса между интересами защиты и предотвращения злоупотреблений.

Проблема установления превышения пределов необходимой обороны в контексте специальных познаний

В соответствии с действующей правовой доктриной, регламентированной ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации и сохраняющими актуальность разъяснениями пленумов верховных судов, превышением пределов необходимой обороны признаются лишь действия, явно и очевидно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется чрезмерный вред.

Ключевой проблемой правоприменительной практики является установление объективных критериев определения необходимости причинения конкретного вреда в ситуации обороны. В настоящее время данный вопрос относится к компетенции судей, которые осуществляют оценку на основе внутреннего убеждения, сформированного жизненным опытом и профессиональными знаниями. Однако специфика ситуаций необходимой обороны, требующих анализа психофизиологического состояния обороняющегося, динамики конфликта и реального соотношения сил, указывает на необходимость привлечения специальных познаний в области физической конфронтации и кризисного поведения.

Современные системы самообороны и рукопашного боя, разработанные в рамках специализированных дисциплин, предлагают формализованные методики анализа криминогенных ситуаций, включая алгоритмы оценки угроз и оптимальные поведенческие стратегии. Отсутствие у судейского корпуса, формируемого преимущественно из лиц, не обладающих специализированной подготовкой в области прикладного единоборства, соответствующих компетенций создает предпосылки для судебных ошибок.

В целях оптимизации процесса доказывания представляется целесообразным институциональное внедрение в уголовное судопроизводство специальной судебной экспертизы — оборонительной, задачей которой являлась бы комплексная оценка действий обороняющегося с позиций современных методик самообороны. Производство такой экспертизы должно быть поручено специалистам-практикам в области прикладных боевых систем, способным дать мотивированное заключение о соответствии избранных средств защиты характеру и интенсивности угрозы.

Анализ существующей судебной практики выявляет ряд противоречий между юридическими подходами и экспертными рекомендациями. В частности, требует пересмотра устоявшийся догматический подход, согласно которому любое физическое воздействие на нападающего после прекращения им активных агрессивных действий автоматически квалифицируется как превышение пределов обороны. Специалистами доказывается, что обеспечение безопасности обороняющегося может объективно требовать полной нейтрализации агрессора, включая превентивное причинение повреждений, гарантированно лишаящих его возможности возобновить посягательство.

Равным образом подлежит критике механистический подход к оценке соразмерности средств защиты, игнорирующий реальный потенциал опасности невооруженного нападения. Современные антропометрические и биомеханические исследования подтверждают, что даже невооруженное физическое воздействие может создавать реальную угрозу жизни и здоровью, что должно учитываться при оценке правомерности применения обороняющимся тех или иных средств.

Философско-правовой аспект проблемы заключается в определении целевой функции института необходимой обороны. Конституционные гарантии достоинства личности, права на жизнь и личную неприкосновенность предполагают широкую трактовку права на защиту, позволяющую обороняющемуся применять средства, гарантирующие немедленное и окончательное пресечение посягательства. При наличии альтернативных вариантов нейтрализации угрозы должен действовать принцип минимизации причиняемого вреда, однако сама возможность выбора не может возлагать на обороняющегося непосильное бремя риска.

Предлагаемая концепция «оборонительной экспертизы» соответствует конституционным принципам обеспечения прав личности и может стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ в случае сохранения в правоприменительной практике ограничительного толкования права на необходимую оборону.

Научное заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие системной проблемы в современной правоприменительной практике, связанной с квалификацией действий в состоянии необходимой обороны. Выявленный диссонанс между эмпирическими данными, накопленными в области криминальной виктимологии и прикладных методов противодействия преступным посягательствам, и сложившейся судебной трактовкой приводит к ряду негативных социально-правовых последствий.

Во-первых, наблюдается существенное ограничение реализации гражданами своего конституционного права на самозащиту, что порождает правовой нигилизм и формирует установку на пассивное поведение в ситуациях

криминальной угрозы. Во-вторых, отсутствие формализованных критериев оценки правомерности оборонительных действий, основанных на объективных данных о динамике силового конфликта, приводит к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, осуществлявших общественно полезную деятельность по пресечению преступлений.

Сложившаяся ситуация детерминирует необходимость модернизации правоприменительного механизма по следующим направлениям.

1. Разработка научно обоснованных критериев оценки правомерности оборонительных действий с привлечением специалистов в области криминологии, психологии экстремальных ситуаций и прикладных боевых систем.

2. Институционализация специальной судебной экспертизы («оборонительной экспертизы»), позволяющей объективно оценивать соответствие избранных средств защиты характеру и степени реальной угрозы.

3. Смещение акцента в судебной практике в сторону приоритетной защиты прав и законных интересов обороняющегося, что соответствует конституционным принципам защиты достоинства личности и права на самозащиту.

Реализация указанных мер будет способствовать оптимизации уголовно-правового регулирования института необходимой обороны и укреплению правовых гарантий реализации гражданами своего права на защиту от общественно опасных посягательств.

Восканян А.А.,

аспирант Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,

юрисконсульт Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании ВО «Совтелеэкспорт»
(г. Москва)

Литература

1. Меркурьев В.В. Вопросы необходимой обороны в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: изменения, обусловленные потребностями правоприменения / В.В. Меркурьев, И.А. Тараканов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 21–26.
2. Попов А.Н. О понятии «Превышение пределов необходимой обороны» / А.Н. Попов // Криминалистъ. 2015. № 1 (16). С. 3–6.
3. Попов А.Н. О применении законодательства о необходимой обороне в новых разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации / А.Н. Попов // Криминалистъ. 2012. № 2 (11). С. 3–11.

Проблематика обжалования промежуточных судебных решений по уголовному делу в кассационную инстанцию: трудности и пути преодоления

Обжалование судебных решений сопряжено со множеством сложностей, которые оказывают негативное влияние на реализацию права на обжалование на досудебных стадиях уголовного процесса. В своем исследовании мы затронем только некоторые из них, так как формат статьи не позволяет в полной мере раскрыть данную тему.

Судебная реформа, произошедшая в уголовном процессе, существенно изменила кассационную стадию обжалования. Нововведения коснулись не только обжалования итоговых судебных решений, но и промежуточных¹.

Обратимся к статистике. Так, Верховный Суд РФ за 2023 г. в качестве кассационной инстанции рассмотрел 30 649 жалоб², а в 2024 г. — 26 007 жалоб³. Для сравнения показатель 2022 г. составил 41 894 жалобы⁴. Несмотря на значительное снижение показателей за последние три года, количество поданных жалоб все еще остается большим, что свидетельствует о возросшей потребности прибегнуть к данному способу обжалования.

Среди отечественных ученых и правоведов отсутствует единое мнение о кассационной реформе, так, председатель Совета судей РФ В.В. Момотов говорил об эффективности реализации меры по реформированию судебной системы, которая поможет закрепить должный уровень гарантий судебской независимости и самостоятельности. Похожего мнения придерживался и заместитель председателя Верховного Суда — председатель Судебной коллегии по уголовным делам В.А. Давыдов: «Впервые в истории российского уголовного процесса государство гарантирует каждому гражданину прохождение его дела в судах трех инстанций — первой, апелляционной и кассационной⁵».

¹ Верховный суд разъяснил особенности будущей кассации по уголовным делам // «Газета ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/6626891?ysclid=ma9evmiv83940007888> (дата обращения: 01.04.2025).

² Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Официальный сайт ВС РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/33400/?ysclid=maa3k336m6194068120> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Там же. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/34221/?ysclid=ma9vga1u2j387158472> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Там же. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/32115/?ysclid=ma9vsixfuc967327065> (дата обращения: 01.04.2025).

⁵ Поправки о введении «сплошной» кассации в уголовном процессе приняты в первом чтении // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/poppravki-o-vvedenii-splushnoy-kassatsii-v-ugolovnom-protseste-prinyaty-v-pervom-chtenii/> (дата обращения: 01.04.2025).

Противоположного мнения придерживаются адвокат А. Нянькин: «Однако в настоящее время мы наблюдаем, что “сплошная” кассация не стала панацеей, и нередко, несмотря на очевидное нарушение норм уголовного закона и процесса, жалобы в защиту осужденных остаются без удовлетворения⁶».

Адвокат В. Кудрявцев полагает, что «предлагаемые ВС изменения снизят уровень процессуальной защиты по уголовным делам и фактически ослабят процессуальное положение осужденных для обжалования своих приговоров, а также возможность вообще всех российских граждан защищать свои процессуальные права»⁷.

Мы считаем, что кассационная реформа в целом прошла успешно, но существует большое количество законодательных пробелов, которые негативно влияют на качество реализации права, на обжалование, и их устранение должно стать приоритетом при следующей реформе института кассации.

Так, первый законодательный пробел мы встречаем уже в ст. 401.1 УПК РФ, в перечне судебных решений, подлежащих обжалованию, отсутствуют промежуточные судебные решения, которые принимаются на досудебных стадиях по уголовному делу. Подобный пробел может ввести в заблуждение граждан, натолкнув на мысль, что промежуточные судебные решения обжаловать нельзя, но это не так, в связи с чем мы полагаем, что начать устранять несоответствия нужно начать именно с этой статьи.

Необходимо усовершенствовать законодательство, добавив в ст. 401.1 УПК РФ словосочетание «промежуточные судебные решения», и изложить данную статью в новой редакции. «Суд кассационной инстанции проверяет по жалобе, представлению законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу, а также по промежуточным судебным решениям, вынесенным на досудебных стадиях уголовного процесса».

Впервые промежуточные решения упоминаются только в ч. 3 ст. 401.3 УПК РФ, где указан порядок подачи кассационной жалобы на промежуточные судебные решения, так они «подаются непосредственно в суд кассационной инстанции». Промежуточные судебные решения обжалуются при помощи выборочной кассации⁸.

У данного вида кассационного обжалования есть как свои плюсы, так и минусы. Лицо самостоятельно может выбирать способ защиты своих прав между кассационным обжалованием и апелляционным, это, с одной сторо-

⁶ Павлова З. Адвокаты проанализировали последствия введения «сплошной» кассации // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-proanalizirovali-posledstviya-vvedeniya-splshnoy-kassatsii/> (дата обращения: 02.04.2025).

⁷ Арстанова А. ВС предложил, чтобы в порядке сплошной кассации обжаловались только решения, рассмотренные апелляцией // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniy-v-nevozmozhnosti-zashchity-samostoyatelno-osparivat-zaklyuchenie-eksperta/> (дата обращения: 03.04.2024).

⁸ Косатых Е. Разграничение сплошной и выборочной кассации // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2023/12/1/razgranichenie_splshnoj_i_vyborochnoj_kassacii (дата обращения: 01.04.2025).

ны, улучшает реализацию права на обжалование, потому что судьи кассационного суда имеют больше опыта и оценивают только вопросы права, а не факта, что повышает вероятность удовлетворения поданной жалобы полностью или частично⁹.

С другой стороны, срок рассмотрения кассационной жалобы больше, чем у поданной в апелляционную инстанцию. Так, суд должен рассмотреть апелляционную жалобу на промежуточное судебное решение не позднее 15 суток, если обжалование происходит в районный суд, в областном суде — не позднее 30 суток, и в апелляционном суде общей юрисдикции, апелляционном военном суде и в Верховном Суде Российской Федерации — не позднее 45 суток со дня поступления его в суд апелляционной инстанции.

Кассационная жалоба подлежит рассмотрению в течение 2 месяцев со дня вынесения судьей постановления либо в течение 3 месяцев, если жалоба подана в ВС РФ. В связи с чем длительное время конституционные права граждан продолжают нарушаться.

Мы считаем, что необходимо изменить ч. 1 ст. 401.13 УПК РФ, а именно дополнив ее словами «жалоба, поданная на промежуточные судебные решения по неоконченному уголовному делу, подлежит разрешению в течение одного месяца после ее принятия судом».

Отметим, что промежуточные судебные решения можно обжаловать только после того, как был вынесен итоговый судебный акт ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ, так как в перечне лиц, которые могут обжаловать судебное решение, не указан обвиняемый.

То есть лицу, чьи права были нарушены, для отмены одного промежуточного судебного решения необходимо дождаться вынесения приговора и вступления его в законную силу, только после этого он может подать кассационную жалобу. При этом данное промежуточное судебное решение не должно было обжаловаться в апелляционной инстанции, так как ч. 3 ст. 403 УПК РФ, в которой упоминается способ подачи кассационной жалобы на промежуточные решения, описывает выборочную кассацию.

Мы считаем, что данный подход в корне неверный и ограничивает граждан в реализации права на обжалование. Промежуточные судебные решения имеют большое значение на этапе предварительного следствия, и принятое ошибочное решение накладывает негативный отпечаток на все уголовное судопроизводство. Обжалование в апелляционную инстанцию промежуточных судебных актов является малоэффективным способом защиты конституционных прав граждан.

Это подтверждают статистические данные. Так, за 2024 г. в рамках судебного контроля в судах общей юрисдикции было обжаловано в апелля-

⁹ Павлова З. Адвокаты проанализировали последствия введения «сплошной» кассации // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-proanalizirovali-posledstviya-vvedeniya-splushnoy-kassatsii/> (дата обращения: 02.04.2025).

ционном порядке 139 148 промежуточных судебных актов, в том числе и актов, вынесенных в рамках ст. 125 УПК РФ, из них удовлетворено 8986¹⁰; в 2023 г. — 133 615, удовлетворено — 9222¹¹; в 2022 г. — 136 032 акта, удовлетворено — 9319¹².

Как мы видим из приведенных ранее показателей, количество удовлетворенных жалоб крайне мало, помимо этого, наметилась тенденция к снижению удовлетворенных жалоб, поданных на промежуточные судебные решения. В совокупности данные факторы приводят к тому, что фактически право на обжалование не реализуется и участники уголовного судопроизводства остаются без возможности защитить свои права.

Полагаем, что законодателю необходимо обратить внимание на опыт Республики Беларусь. УПК РБ дает возможность обжаловать постановление суда в кассационной инстанции, не дожидаясь вынесения приговора по уголовному делу¹³.

Для решения данной проблемы необходимо разрешить обжалование промежуточных судебных решений отдельно от итогового судебного решения. Это позволит участникам уголовного процесса реализовать свое право на обжалование в полной мере. Также необходимо добавить в перечень лиц, которые могут обжаловать судебное решение обвиняемого.

Такой подход позволит улучшить качество приговоров, повысит уровень реализации права на обжалование и сделает правосудие более «прозрачным» для граждан.

Горшкова К.Н.,

аспирант кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии
(г. Саратов)

Литература

1. Арстанова А. ВС предложил, чтобы в порядке сплошной кассации обжаловались только решения, рассмотренные апелляцией / А. Арстанова // Адвокатская газета. 2021. 14 декабря.
2. Косатых Е. Разграничение сплошной и выборочной кассации / Е. Косатых // Закон. ru. 2023. 01 декабря.
3. Павлова З. Адвокаты проанализировали последствия введения «сплошной» кассации / З. Павлова // Адвокатская газета. 2022. 14 февраля.

¹⁰ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 05.04.2025).

¹¹ Там же. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (дата обращения: 05.04.2025).

¹² Там же. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900295> (дата обращения: 27.08.2025).

Беспилотные воздушные суда как инструмент судебной фотографии и видеозаписи

Судебная фотография и видеозапись как одно из отраслевых направлений криминалистической техники в настоящее время продолжает свое развитие вследствие стремительно совершенствующихся технических средств, обеспечивающих запечатлевающую и исследовательскую съемку. При этом применяемые методы и виды получения таких изображений в своем большинстве остаются константными, меняются лишь инструментальное обеспечение данной деятельности, а также форма представления получаемого результата.

Однако среди современного разнообразия технических средств фиксации, стоящих на вооружении правоохранительных органов, в отдельную категорию могут быть выделены беспилотные воздушные суда (далее — БВС), обеспечивающие решение функциональных задач оперативных, экспертно-криминалистических, следственных и иных подразделений. Несмотря на ряд организационных проблем, затрудняющих их повседневную эксплуатацию, эффективность их использования неоднократно отмечалась специалистами разных ведомств. Между тем изучение материалов следственной и экспертной практики, содержащих результаты применения БВС, свидетельствуют об очевидном дефиците теоретических и методических положений криминалистики, призванных обеспечить надлежащее рациональное и результативное использование данных средств, обеспечивающих не только фиксацию и сохранение обстановки места совершения преступления, но и установление значимых обстоятельств криминального деяния.

Следует констатировать, что в настоящее время в правоохранительных органах присутствует определенная рассогласованность, касающаяся субъектов применения БВС (внешнего пилота, оператора), определяющих вид и оснащение технического средства, которое будет использовано при проведении конкретного мероприятия, а также приемы получения необходимого результата. С одной стороны, допускается, что внешний экипаж БВС может быть назначен из числа сотрудников подразделения, выступающего инициатором использования беспилотного средства при проведении мероприятия, при условии, что они соответствуют требованиям, предъявляемым к авиационному персоналу, прошли необходимые проверки, получили установленные виды допусков и поддерживают надлежащий уровень летной натренированности внешних пилотов и операторов. Данная категория летного персонала досконально владеет информацией относительно сущности и содержания проводимого мероприятия, что позволяет им оперативно решать возникающие нестандартные ситуации, однако, нерегулярный опыт эксплуатации дронов существенно снижает эффективность полноценного использования их функциональных возможностей. В случаях, при которых для участия в след-

ственных действиях (оперативно-разыскных мероприятиях) внешний экипаж будет назначен из числа сотрудников региональных центров информационных технологий, связи и защиты информации (далее — ИТСиЗИ), будет присутствовать обратная ситуация. При таком подходе реализация конструктивных свойств беспилотных средств будет осложнена тем, что оператор, не обладающий знаниями организационно-тактических особенностей проведения мероприятия, будет вынужден полностью ориентироваться на указание его инициатора.

В этой связи можно констатировать объективную необходимость предметного рассмотрения БВС в качестве относительно нового технико-криминалистического средства. Рациональная и результативная эксплуатация беспилотной техники предусматривает потребность методического обеспечения практики экспертных, розыскных, следственных и иных подразделений соответствующими приемами применения БВС.

В предыдущих исследованиях нами была представлена система эксплуатации БВС как разновидности технико-криминалистического средства, включающая такие взаимосвязанные элементы, как «вид БВС, его стационарная и мобильная нагрузка — внешний экипаж БВС — среда и природно-климатические условия эксплуатации БВС — цель, задачи, алгоритм применения БВС — результаты применения БВС»¹.

Знание особенностей каждого их составных элементов представленной системы расширяют возможности отраслевых направлений криминалистической техники, использующих результаты применения беспилотной техники.

В отличие от наземного инструментария судебной фотографии и видеозаписи, БВС как универсальный инструмент объективной фиксации обстановки и динамики развития события обеспечивает реализацию задач, возложенных на правоохранительные органы. К числу наиболее значимых относятся:

- реализация организационно-административных и профилактических функций;
- контроль безопасности дорожного движения;
- обеспечение общественного порядка в местах проведения массовых спортивных и культурно-досуговых мероприятий;
- проведение поисково-спасательных мероприятий;
- организация оперативных (оперативно-профилактических, оперативно-розыскных, поисково-удостоверительных) мероприятий;
- осуществление поисково-познавательных мероприятий и т.д.

Сложный комплекс научно-технических приемов, обеспечивающих точное, непрерывное и достоверное воспроизведение фактических данных, не только фиксирует факт случившегося события, состояние каждого объекта,

¹ Дронова О.Б. Системный подход к использованию беспилотных воздушных судов в качестве технико-криминалистического средства / О.Б. Дронова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 109–116.

но и отражает пространственные, временные, причинно-следственные явления, что, безусловно, способствует объективной оценке полученных сведений.

В этой связи в Волгоградской академии МВД России разработана технология применения БВС в условиях проведения следственного действия, которая включает манипуляции, обеспечивающие получение традиционных (ориентирующих, обзорных, узловых и детальных) видов съемки, а также современных геоинформационных продуктов, применение которых расширит существующие рамки информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

В ходе выполнения ориентирующего полета необходимо зафиксировать особенности рельефа осматриваемой территории путем поворота дрона вокруг своей оси на 180° или при необходимости на 360° (данный метод получил название «метод рысканья»). При его выполнении необходимо задать камере на подвесе угол $45\text{--}60^\circ$, чтобы в центральной части кадра фиксировались ключевые информативные элементы места происшествия. Скорость рыскания должна определяться оператором с учетом последующего обеспечения возможности получения стоп-кадров.

С учетом данных, полученных в процессе обзорного полета, следовательно целесообразно составить масштабный план (схему) осматриваемой местности на которую должны быть нанесены:

- определенные в ходе предварительного осмотра границы места происшествия;
- обозначены имеющиеся строения, конструкции;
- зафиксированы места нахождения отдельных предметов, а также отмечены точки, с которых очевидцы наблюдали за противоправными событиями.

Фиксация зоны полета и предварительное изучение осматриваемой местности может быть осуществлена несколькими способами:

- первый предусматривает получение статичных фотографических кадров и видеозаписи. Для этого в ручном режиме необходимо поднять дрон на максимально возможную в сложившихся условиях высоту в 30–50 м относительно плоскости, на которой размещены основные информационные узлы;
- второй предусматривает необходимость формирования оператором беспилотного воздушного судна полетного задания посредством программного обеспечения применяемого дрона. При его создании на карте, которая подгружается на пульте оператора в онлайн-режиме, специалист по указанию следователя задает конкретную территорию и высоту полета, обеспечивающих надлежащую фиксацию территории осмотра.

При этом программа дрона самостоятельно выстраивает оптимальный маршрута полета, который визуализируется на пульте. Оператор имеет возможность ручной корректировки отдельных параметров сформированного маршрута движения беспилотника. В данном режиме БВС последовательно

облетает отдельные участки территории осмотра методом «змейка»², в ходе которого изготавливаются многочисленные кадры (от 100 до 1500), которые в последующем подлежат обработке в программном обеспечении с функцией фотограмметрии, сшивающей отдельные кадры в единое виртуальное 3D-изображение — ортофотоплан.

Данный геоинформационный продукт представляет собой специальную картографическую съемку, полученную путем обработки аэрофотоснимков. Он представляет собой изображение местности, полученное с помощью специальных алгоритмов, которые позволяют устранить искажения перспективы и наклона. Ортофотопланы используются в различных отраслях, включая градостроительство, геологию, сельское хозяйство, и мы предлагаем интегрировать его для обеспечения потребностей криминалистической науки.

В ходе осмотров мест происшествий может быть получен фото- и видеоматериал, обеспечивающий последующее изготовление ортофотопланов участков осматриваемой территории, отдельно стоящего автотранспорта, одиночного следа или группы следов.

Данные модели отличаются высокой детализацией, степень которой зависит от расстояния камеры беспилотника и фиксируемого объекта, дальности размещения оператора, оптики применяемой полезной нагрузки дрона, вида программно-аппаратного инструментария, обеспечивающего фотограмметрическую обработку фотографий.

Использование данных ортофотоплана позволяет манипулировать виртуальным объектом, наносить специальную графическую информацию, осматривая его в любом интересующем ракурсе.

Цифровая модель позволяет оценить:

- расстояние от основного информационного узла до отдельных объектов;
- высоту и длину зданий, автотранспортных средств в целом и отдельных элементов недвижимых и движимых объектов в частности;
- ширину дорожного полотна;
- угол открытия дверей;
- размер и количество элементов разрушенных конструкций и иные значимые параметры.

Каждая точка трехмерной модели имеет географическую привязку в координатном исчислении, программа обработки позволяет применять различные системы координат.

Значение полученных данных весьма велико в силу того, что при завершении статической стадии осмотра начинаются непосредственные манипу-

² Дронова О.Б. Особенности формирования навыков применения беспилотных летательных аппаратов и оформления иллюстративных материалов по результатам их использования / О.Б. Дронова // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г.). Санкт-Петербург, 2024. С. 175–178.

ляции, в ходе которых может быть изменено первоначальное положение искомых объектов, что вносит необратимые изменения в первоначальную обстановку места происшествия.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что применение беспилотной техники в удостоверительных целях для обеспечения фиксации хода проведения следственного действия потенциально пригодно не только для получения соответствующих иллюстративных приложений. Полученные геоинформационные модели могут стать полноценными объектами экспертного исследования пожаротехнических, автотехнических, взрывотехнических и иных экспертных исследований, а также материалом, обеспечивающим воссоздание обстановки криминального события при производстве следственных действий.

Таким образом, следует констатировать, что потенциал БВС рассматриваемых в качестве инструмента судебной фотографии и видеозаписи относится к инновационному инструментарию криминалистической техники, применение которого предусматривает необходимость использования летным персоналом специализированных технологий. Знание внешним пилотом и оператором технических характеристик применяемой беспилотной техники, ориентирование в правилах, регламентирующих надлежащие условия его эксплуатации, владение навыками манипулятивного управления БВС с учетом сложившейся ситуации обеспечивают решение значимых задач, возложенных на правоохранительные органы.

Дронова О.Б.,

профессор кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(г. Волгоград)

Литература

1. Дронова О.Б. Особенности формирования навыков применения беспилотных летательных аппаратов и оформления иллюстративных материалов по результатам их использования / О.Б. Дронова. // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г.) : сборник научных статей / научные редакторы: А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгарадзе, С.В. Смелова [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 175–178.
2. Дронова О.Б. Системный подход к использованию беспилотных воздушных судов в качестве технико-криминалистического средства / О.Б. Дронова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74).

Где правит сила — право бессильно

Никогда не жалуйся на время,
ибо ты для того и рожден, чтобы сделать его лучше.
Ильин И.А. О противлении злу силою. М., 2017

Учитывая предмет и пределы доклада, заявленного к столь представительной конференции, считаем необходимым оговориться в основных тезисах, отстаиваемых нами позиций:

— прежде всего мы конвенционально откажемся от «анализа» известных, обширных, временами конъюнктурно «досужих» характеристик должного и сущего в понимании категорий «право» и «сила», «добро» и «зло», отсылая заинтересованных лиц к известным работам И.А. Ильина и его оппонентов¹;

— аналогично откажемся от обоснований особого, национально-самобытного понимания в праве институциональной концепции разделения различных ветвей государственной власти и тем более от анализа «вздорных» идей о самоограничении судом государства², ибо, судя по публикациям, в качестве структурообразующей в государстве и обществе все более объективируется концепция власти государя-самодержца и «служилых» властей государственной власти — как «...совместно властвующих субъектов»³;

— не станем упражняться в изящной словесности и применительно к единственно верному пониманию соотношения права «естественного» и права «позитивного», так как и об этом сложном предмете писали много и часто.

Концепты наших подходов в понимании соотношения «права» и «силы» основаны на программном, по сути, докладе Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, озвученном на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге (2025 г.)⁴, и на доводах его оппонентов, высказанных не столь представительно, но так же в целом

¹ См.: Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 4. [Понятия права и силы; Общее учение о праве и государстве; О сущности правосознания; О монархии и республике; Из лекций «Понятия монархии и республики».] М.: Русская книга, 1994. 624 с.; Он же: Собрание сочинений Т. 5. [Основное нравственное противоречие войны; О сопротивлении злу силою; Статьи. Письма. Выступления.] М.: Русская книга, 1996. 608 с.

² См., напр.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства / Тарт. ун-т. Тарту, 1991. 147 с.

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб, 1904. С. 272, 275; Кудрявцев В.Н. Предисловие к монографии проф. А.И. Александрова. См.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: монография / под ред. В.З. Лукашевич. 2-е изд. перераб и доп. М.: Проспект, 2025. С. 3.

⁴ См.: Зорькин В.Д. Право силы и сила права. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150528/273817674.html?ysclid=mgm5r43l4a622323588

публично⁵. Пересказывать эти источники, разумеется, дело пустое, ибо заинтересованные лица, по мере потребности, могут обратиться к первоисточникам и сформировать свое убеждение о предмете дискуссии, без субъективных подсказок тех или иных комментаторов. Однако в контексте предмета конференции все же напомним и «программные» тезисы указанного доклада, и контрдоводы оппонентов. Как констатируется:

— проблема соотношения права и силы является стержневой для всей мировой правовой мысли и практики, и от ее решения зависит судьба не только отдельных государств, но и всего человечества как цивилизации права⁶. Сказано, признаем, красиво. Особенно если «помнить» о том, что право есть возведенная в закон воля экономически и политически господствующего класса. И если действительно истина-правда — тезис о том, что мы суть гражданское общество, то действующее право России есть воля российского социума, ибо, по конституции, народ единственно власть. И, напротив, при возможном допущении того, что это скорее воля и власть государя (отчасти, олигархата), — векторы и выводы кардинально меняются, так как именно через интерес и реальную силу последних воля становится позитивным законом, но ни разу ни правом, ибо последнее приобретает силу исключительно через доверие социума⁷;

— эпохи перемен, акцентирует В.Д. Зорькин, «испытывают на прочность» большинство социально-государственных конструкций, так как резко расширяется то пространство конфликтов и коллизий, которое должно быть введено в берега силой права⁸. Право, признаем, действительно регулятор. Однако известны и иные императивы о силе и праве, озвученные, к примеру, лидером нации: «я могу сделать — значит, я должен сделать». И применительно к современным реалиям, как резюмирует В. Пастухов, это может означать: «...если я могу воевать и взять что-то силой, значит, я должен (обязан) воевать и взять силой “столько, сколько могу унести”»⁹. В итоге мы снова входим в эпоху, когда сила через волю (царя!) конституирует себя как подлинно право;

— право может быть эффективным лишь в том случае, если закон и практика его применения созвучны общественным представлениям о Правде, Праве, Справедливости. Решающим фактором обеспечения социально-государственной устойчивости является широкая общественная поддержка власти и государства. Именно при этом условии и конституция, и национальное право в целом — суть *формализованный общественный договор* о принципах

⁵ См., напр.: Петров А. Право силы и сила права // Зорькин и реальность. URL: https://zakon.ru/blog/2015/6/11/pravo_sily_i_sila_prava_zorkin_i_realnost; Пастухов В. Право силы против силы права. URL: <https://panel.comv.info/material.php?id=686AF08E561AB>; и др.

⁶ Зорькин В.Д. Указ. соч.

⁷ Пастухов В. Указ. соч.

⁸ Зорькин В.Д. Указ. соч.

⁹ Пастухов В. Указ. соч.

государственного и общественного устройства, в основе которого — *соглашение власти и социума о Правде, о Праве, о Справедливости*;

— нас заверяют, что именно это и закреплено в Конституции, особенно в части дарованных прав и свобод. Однако человек (личность), «одергивает» В.Д. Зорькин, — это не индивидуальность, а существо общественное, политическое. И одна из наиболее опасных тенденций правового оформления современной «эпохи» состоит в том, что права индивида настойчиво противопоставляются правам общества (читай: государства). России пытаются навязать новации, неприемлемые для ее традиционной этнической, родовой, конфессиональной нормативности. Между тем у России, у российского права «особый путь»; западные лекала к ним применять нельзя. Западная вестернизация (чуждых социуму элементов) для нас неприемлема. И коль скоро либеральная демократизация в рамках вестернизации означает ослабление роли государства в жизни общества, то такой подход для России антиисторичен;

— как следствие, в судьбоносных (для государства-общества) ситуациях максимально действенным является лозунг «Отечество в опасности». Исключительно на основе последнего возникает широкий социальный консенсус, свидетельствующий о готовности социума нести издержки, тяготы, жертвы (в том числе в области права и прав?). Индивидуалистские общества, напротив, не способны объединяться под указанным лозунгом. Особенно в условиях то ли растущего, то ли уже зашкаливающего (по В.Д. Зорькину) социокультурного раскола, который реально в наличии;

— в итоге истинным приоритетом национальной демократизации является не ослабление регулятивной государственной роли (не формирование чуждого нам гражданского общества. — *Авт.*), а максимальное улучшение правового регулирования во всех сферах социально-государственной жизни. Согласимся, «Право осажденной крепости» плюс «Православие, Самодержавие, Народность» — вот скрепы и идентификационный код современного российского права и социума. И, конечно, единственно верна правовая позиция в сфере соотношения международного и национального права, которая состоит в имплементации только тех международных правоустановлений, которые не нарушают принципы, дух и букву национальной Конституции (в их единственно верной интерпретации (истинно познанной) Конституционным Судом РФ);

— народ (видимо, по причине раскола?) может прибегать в качестве последнего средства к вооруженному восстанию против тирании и угнетения. Однако Конституция России как демократического правового государства антиконституционную смену власти не допускает¹⁰. Отсюда как народ имеет право на восстание, так и власть имеет законное право на вооруженное по-

¹⁰ Зорькин В.Д. Указ. соч.

давление этого (антиконституционного — значит, неправового) восстания¹¹; ибо где право бессильно — решает сила.

По сути указанных тезисов мы «возвращаемся» к идее известного, самобытного, тяглого государства, где исключительно воля и власть самодержца-властителя правоустанавливают суть и смыслы закона и права, деятельность «служивых» государственных органов, должное тягло всех без исключения подданных, имя которым — «гражданское общество». Кроме того, именно концепты тяглого служения государству ясно и точно снимают сомнения в телеологическом назначении права. К примеру, криминальных его отраслей. Последние, как известно, функционируют либо в контексте модели «надлежащей правовой процедуры» (Due Process Model) — с приоритетом защиты индивидуальных прав и свобод и предоставлением максимального круга гарантий отдельным субъектам процесса, либо модели «контроля над преступностью» (Crime Control Model) — где в качестве доминанты явлена защита исключительно общества-государства, что вполне допускает существенное ограничение индивидуальных гарантий, прав и свобод¹².

Правда, должное и сущее в этих моделях нередко являют акты когнитивного диссонанса в иерархии выбора той или иной актуальной модели для деятельности здесь и сейчас. Право должное (закона и лекций) и право ad hoc, как известно, разное право, и для верного выбора «служивым» предельно важно точно понять и векторы, и контексты приложения силы. Ошибок государство, несмотря «...на совместное властвование», как правило, не прощает. Отсюда и необъяснимые образцы-эталоны применения права с взаимоисключающим правовым содержанием. К примеру:

- Кассация установила, что суд апелляционной инстанции не предоставил право выступать в прениях как стороне защиты, так и стороне обвинения. Вместе с тем суд кассационной инстанции **посчитал эти нарушения не существенными**, поскольку сторона обвинения не была ограничена в изложении своей позиции до прений, и оставил оправдательный приговор и апелляционное постановление без изменений¹³. Напротив, суд кассационной инстанции указал, что стороне защиты не было предоставлено право на выступление с репликой. Эти и иные выявленные судом нарушения, оставленные без внимания предыдущей судебной инстанцией, **признаны существенным нарушением закона** и повлекли за собой отмену апелляционного постановления¹⁴.

¹¹ См.: Петров А. Указ. соч.

¹² См.: Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 18.

¹³ См.: Кассационное определение Шестого КСОЮ от 13 октября 2021 г. по делу № 77-4906/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Кассационное определение Седьмого КСЮЮ от 15 сентября 2020 г. по делу №77-1665/2022; аналогично: кассационное определение Третьего КСОЮ от 25 февраля 2025 г. по делу №77-313/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

● «Вопреки доводам жалобы о плохом качестве аудиопrotocola, **ч. 5 ст. 257 УПК РФ не содержит запрета сторонам осуществлять запись судебного разбирательства самостоятельно**»¹⁵.

И этот же Восьмой КСОЮ категорически отверг к исследованию указанную запись стороны защиты: «Аудиозаписи судебных заседаний, приложенные осужденным О.О.В. к дополнительной апелляционной жалобе, **не подлежали исследованию и проверке судом апелляционной инстанции**, поскольку они изготовлены участниками судебного разбирательства без соблюдения установленного процессуального порядка»¹⁶.

● Решением вышестоящего суда приговор суда первой инстанции отменен в части удовлетворения гражданского иска прокурора о взыскании с осужденного в пользу государства средств, затраченных на лечение потерпевших, **со ссылкой на ч. 5 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»**. По мнению апелляционного суда, нормы УПК РФ не содержат возможности подобного рода взысканий в порядке уголовного судопроизводства. Дело в указанной части направлено на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства¹⁷. Жалобы стороны защиты об отмене приговора оставлены вышестоящим судом без удовлетворения, а приговор — без изменения. Взыскание судом в порядке уголовного судопроизводства средств, затраченных на лечение потерпевших, **полностью соответствует нормам УПК РФ и положениям ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»**¹⁸.

● Возмещению в порядке уголовного судопроизводства подлежит не только прямой ущерб, **но и упущенная выгода**¹⁹; «Невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит пункту 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т.е. **с возмещением убытков в виде упущенной выгоды**»²⁰.

¹⁵ См.: Кассационное определение Восьмого КСОЮ от 29 июня 2021 г. № 77-2533/2021; аналогично: кассационное определение Первого КСОЮ от 8 сентября 2020 г. по делу № 7У-10024/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Кассационное определение Восьмого КСОЮ от 16 декабря 2020 г. по делу № 77-3046/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 5-АПУ15-114СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 сентября 2016 г. №3-АПУ16-8 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2008 г. № 1037-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Определение Верховного Суда РФ от 1 июня 2004 г. № КА04 // СПС «КонсультантПлюс».

И, напротив: «Упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к этим средствам (ст. 135 УПК РФ) или иным расходам не относится и **не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства**. Согласно статье 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства...»²¹.

Таким образом, и право, и права в контексте правоприменения ad hoc могут быть кардинально отличны; как отлично право закона и право силы; тем более что и в случае равенства прав (права) решает окончательно сила. Правда, известны и совсем иные примеры, но это уже иная (не наша) история.

Ковтун Н.Н.,

профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(г. Нижний Новгород)

Литература

1. Зорькин В.Д. Право силы и сила права / Зорькин В.Д. // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2015. 28 мая.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 4. Понятия права и силы; Общее учение о праве и государстве; О сущности правосознания; О монархии и республике; Из лекций «Понятия монархии и республики» / И.А. Ильин ; составитель, автор вступительной статьи и комментария Ю.Т. Лисицы. Москва : Русская книга, 1994.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 5. Основное нравственное противоречие войны; О сопротивлении злу силою; Статьи. Письма. Выступления / И.А. Ильин ; составитель, автор вступительной статьи и комментария Ю.Т. Лисицы. Москва : Русская книга, 1996.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1909.
5. Кудрявцев В.Н. Предисловие / В.Н. Кудрявцев // Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : монография / А.И. Александров ; под редакцией В.З. Лукашевич. 2-е изд. перераб и доп. Москва : Проспект, 2025.
6. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головки. Москва : Статут, 2016.
7. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства / Е.Б. Мизулина. Тарту : Тартуский Университет, 1991.
8. Пастухов В. Право силы против силы права / В. Пастухов. URL: <https://panel.comv.info/material.php?id=686AF08E561AB>
9. Петров А. Право силы и сила права // Зорькин и реальность / А. Петров // Zakon.ru. 2015. 11 июня.

²¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 августа 2010 г. № 67–О10–57 // СПС «Консультант-Плюс».

Сергей Викторович Познышев (1870–1943): основные вехи жизненного пути

Сергей Викторович Познышев родился 3 мая (15 мая — по новому стилю) 1870 г. в г. Москве в семье потомственного дворянина Познышева Виктора Викторовича и его жены Познышевой (Пиотровской) Елисаветы (Елизаветы) Алексеевны, православного вероисповедания.

В соответствии с выпиской из метрической книги Московской Иоанно-Предтечевской, «что под Бором», церкви за 1870 г. в графе мужского пола под № 6-м значится: «мая 3 дня родился Сергей». Родители его, согласно записи, — помощник заведующего Московской обмундировальной мастерской, майор и кавалер Виктор Викторович Познышев и законная жена его Елисавета Алексеевна, оба православного вероисповедания. Крещение Сергея состоялось 6 мая 1870 г. Восприемниками (крестными родителями) Сергея стали: студент юридического факультета Московского университета Сергей Константинович Кудрявцев и жена штабс-капитана Екатерина Алексеевна Жилина¹.

Сергей Познышев до 10 лет находился на домашнем воспитании, а в 1880 г. поступил в Тульскую классическую гимназию, которую окончил в 1889 г. В аттестате зрелости, выданном 3 июня 1889 г., указано, что поведение С. Познышева за весь период обучения было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ — достаточная, прилежание — постоянное, любознательность — в особенности проявлял в занятиях русской словесностью. В гимназии, где прошел обучение Сергей Познышев, преподавались: закон Божий, русский язык, логика, латинский и греческий языки, математика, физика, история, география, немецкий и французский языки².

В год окончания гимназии Сергей Познышев по аттестату зрелости поступил в императорский Московский университет (ИМУ), где в период с 1889 по 1897 г. обучался: сначала на юридическом факультете (1889–1894), который окончил с дипломом первой степени, а затем на естественном отделении физико-математического факультета (1894–1897), где он проучился три года и который не окончил, написав впоследствии заявление с просьбой об отчислении³.

На юридическом факультете Сергей Познышев учился отлично. Свидетельство от 13 мая 1894 г. о выполнении учебного плана дает представление о прослушанных им курсах. Среди них история римского права, госу-

¹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. 1889. Оп. 303. Дело № 601. Л. 4.

² ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. 1889. Оп. 303. Дело № 601. Л. 2–3.

³ ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. 1897–1910. Оп. 2. Дело № 4952. Л. 68.

дарственное право, церковное право, полицейское право, политическая экономия, статистика, уголовное право и судопроизводство, финансовое право, международное право, гражданское и торговое право, судебная медицина и др.⁴

В дипломе об окончании Московского университета от 28 сентября 1894 г. имеется запись о том, что в апреле и мае 1894 г. С.В. Познышев подвергся испытаниям в Юридической испытательной комиссии, при этом им было сдано 10 устных предметов и был дан письменный ответ по гражданскому праву на вопрос «Понятие субъективного права», за который он получил оценку «весьма удовлетворительно» (наивысший балл в тот период). В дипломе, выданном С.В. Познышеву, стоят подписи попечителя Московского учебного округа, графа Павла Алексеевича Капниста и председателя Юридической испытательной комиссии, известного юриста Николая Дмитриевича Сергеевского⁵.

В 1897 г. С.В. Познышев обратился на юридический факультет с просьбой об оставлении его в Университете (по сути — о прикреплении) для подготовки к профессорскому званию. С соответствующим ходатайством в адрес Совета факультета обратился ординарный профессор Георгий Евграфович Колоколов. (Сам соискатель напрямую не мог обращаться к Совету.)

Как писал в своей автобиографии С.В. Познышев, в течение трех лет обучения на физико-математическом отделении после окончания юридического факультета Московского университета он не забросил занятия уголовным правом, продолжил свои научные исследования, результатом которых стала публикация научной статьи⁶.

В заявлении Г.Е. Колоколова от 09 ноября 1897 г., адресованном Совету юридического факультета, он отметил: «Г<осподин> Познышев вполне заслуживает оставления при университете — это доказывают следующие его работы: 1) обширное сочинение «О целях карательных мер», представленное им еще в 1893 г. (для зачета последних 4-х семестров); 2) статья «К вопросу о праве наказания», помещенная в журнале Санкт-Петербургского юридического общества; и 3) исследование по вопросу о телесных наказаниях (которое будет напечатано, вероятно, в Вестнике Европы). На полях заявления была сделана приписка «Г<осподин> Познышев владеет как немецким, так и французским языками»⁷.

Совет факультета постановил обратиться к ректору Московского университета с просьбой ходатайствовать перед попечителем Московского учебного округа об оставлении С.В. Познышева при университете «для приготовления к профессорскому званию», на 2 года, «без содержания», по кафедре уголовного права. Обращение к ректору было подписано тогдашним деканом факультета, судебным медиком Виктором Алексеевичем Легониным⁸.

⁴ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. 1889. Оп. 303. Дело № 601. Л. 16.

⁵ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. 1889. Оп. 303. Дело № 601. Л. 20.

⁶ ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. 1897–1910. Оп. 2. Дело № 4952. Л. 68.

⁷ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Дело № 547. Л. 5.

⁸ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Дело № 547. Л. 1.

Однако оставлению на факультете предшествовала обязательная в то время проверка на благонадежность. В секретном письме ректора Московского университета, направленном в Канцелярию Его Императорского Высочества Московского генерал-губернатора (в рассматриваемый период им был Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), пятый сын Александра II, погибший в 1905 г. от рук террориста И. Каляева), содержалась просьба «уведомить <...> о нравственных качествах и политической благонадежности г. Познышева»⁹. На это письмо поступил также конфиденциальный ответ о том, что по «собранным сведениям», С.В. Познышев «нравственных качеств одобрительных и ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был» (ответ датирован 10 февраля 1898 г.)¹⁰.

В итоге письмом попечителя Московского учебного округа от 28 марта 1898 г. на имя ректора Московского университета было разрешено оставить С.В. Познышева при Университете, по кафедре уголовного права сроком на 2 года. (В январе 1900 г. этот срок был продлен еще на 1 год — в общей сложности до 28 марта 1901 г.)¹¹

В ЦГИА г. Москвы хранится интересный документ с названием «Инструкция оставленному при университете по кафедре уголовного права Сергею Познышеву», составленный профессором Г.Е. Колоколовым. Согласно этому документу, «подготовку к магистерскому экзамену г<осподин> Познышев должен начать с материального уголовного права. При этом в качестве пособий ему рекомендуются общие руководства следующих криминалистов: Гольцендорфа, Гуго Мейера, Шютце, Гельшнера, Листа, Меркеля, Гарро, Буатара, Таганцева, Кистяковского, Фойницкого и Сергеевского. По изучении указанных руководств г<осподин> Познышев должен будет ознакомиться (под руководством профессора) и с наиболее выдающимися монографиями по важнейшим вопросам материального уголовного права (главным образом — по вопросам о вменяемости, формах вины, причинной связи, покушении, соучастии, рецидиве, ссылке и тюремном устройстве)»¹².

Обращает на себя внимание то, что изучение материального уголовного права соискателю необходимо было начинать с освоения большого числа работ, написанных зарубежными авторами — немецкими и французскими представителями классической школы уголовного права. При этом очевидно, что речь шла об изучении литературы на иностранных языках, именно по этой причине на заявлении Г.Е. Колоколова с просьбой об оставлении С.В. Познышева при Университете и была сделана приписка о владении им европейскими иностранными языками.

⁹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Дело № 547. Л. 2.

¹⁰ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Дело № 547. Л. 3.

¹¹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Дело № 547. Л. 46.

¹² ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 66. Дело № 547. Л. 6.

По итогам обучения С.В. Познышев успешно сдал магистерские экзамены по уголовному праву (1900), а также по уголовному процессу и полицейскому праву (1901). 11 октября 1901 г. С.В. Познышев прочитал на юридическом факультете две пробные лекции по темам «Понятие покушения» и «Смертная казнь в литературе»¹³, а 9 ноября этого же года он обратился на юридический факультет с прошением о зачислении его приват-доцентом и разрешении вести практические занятия по уголовному праву на 3 курсе¹⁴. В январе 1902 г. Сергей Викторович получил звание приват-доцента¹⁵.

До 1905 г. он читал обязательный курс «Учение о наказании», вел практические занятия по Общей и Особенной частям уголовного права на 3 и 4 курсах университета и одновременно работал над магистерской диссертацией по теме «Основные вопросы учения о наказании», которую опубликовал в 1904 г. в Ученых записках ИМУ. Защита магистерской диссертации состоялась в мае 1905 г. в императорском Киевском университете Святого Владимира¹⁶. После защиты С.В. Познышев стал читать в Московском университете полный курс Общей части уголовного права и проводить практические занятия по уголовному праву.

В 1906 г. в Московском университете С.В. Познышев защитил докторскую диссертацию «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы (к реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях)» и стал работать экстраординарным, а с апреля 1910 г. — ординарным профессором кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства. С ноября 1912 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 31 октября 1912 г. № 71 С.В. Познышев (ординарный профессор ИМУ, доктор уголовного права, коллежский советник) был одновременно назначен «по ведомству Министерства народного просвещения» — ординарным профессором Императорского лицея в память Цесаревича Николая — «с оставлением его в занимаемой им должности»¹⁷ (т.е. по совместительству).

Для понимания направлений научных исследований С.В. Познышева важно то, как сам Сергей Викторович определял свою специальность. В анкете, представляемой при устройстве на работу, он указывал в качестве специальности: «криминальная психология, уголовное право, этика».

В 1907 г. он опубликовал первый выпуск «Основных начал науки уголовного права». В 1908 г. (по постановлению факультета) вышла его работа «Задачи общественных наук в связи с основами этики». В этом же году Обществом взаимопомощи студентов-юристов ИМУ была издана работа «Учение о карательных мерах и мере наказания. Курс, составленный по лекциям С.В. Познышева».

¹³ ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. 1897–1910. Оп. 2. Дело № 4952. Л. 68 (оборот).

¹⁴ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Дело № 487. Л. 3.

¹⁵ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Дело № 487. Л. 6.

¹⁶ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 70. Дело № 487. Л. 13.

¹⁷ Сенатские ведомости. 1912. Вып. 100.

В этот период С.В. Познышев активно участвовал в работе различных научных конференций, конгрессов и съездов, выступал с инициативой создания специальных исследовательских групп и сообществ.

В газете «Сибирская жизнь», выходившей в г. Томске, 3 ноября 1911 г. была опубликована большая заметка П.И. Люблинского о состоявшемся в Петербурге с 16 по 23 октября 1911 г. очередном восьмом съезде деятелей по исправительному воспитанию детей, в котором непосредственное участие принял и С.В. Познышев.

Как писал Люблинский, впервые такой съезд состоялся в 1882 г. Впоследствии через каждые 3 года директора и делегаты исправительно-воспитательных заведений собирались «для обмена мыслями» по поводу правильной постановки воспитания заброшенных и впавших в преступность детей. По словам Люблинского, отдельные вопросы намечались бюро съездов, составлявшим постоянный орган «под председательством маститого Н.С. Таганцева» (и включавшим таких известных профессоров того времени, как выпускник Санкт-Петербургского университета, процессуалист, профессор Варшавского университета В.В. Миклашевский; выпускник Санкт-Петербургского университета, сенатор, член Госсовета Н.Э. Шмеман; выпускник Московского университета К.В. Рукавишников, который вместе со своим братом Иваном открыл в г. Москве приют для исправления малолетних преступников; А.А. Фидлер и М.П. Беклешов — директор колонии, полковник, выпускник Константиновского училища, его система перевоспитания малолетних преступников во многом легла в основу знаменитого педагогического опыта Макаренко в 1920–30-е годы).

По словам Люблинского, бюро приглашало докладчиков из числа выдающихся научных и практических деятелей. В числе приглашенных был и С.В. Познышев, который в своем докладе затронул больной для того времени вопрос об изыскании новых средств на развитие воспитательно-исправительных учреждений. На тот момент около 80% детей до 17 лет находились в общих тюрьмах, за отсутствием специальных приютов. Кроме того, Познышев рассказал о новейших течениях в жизни Запада, в частности о голландских приютах, и предложил конкретные меры по решению проблемы обращения с несовершеннолетними преступниками.

В 1915 г. в возрасте 45 лет С.В. Познышев был назначен проректором Московского университета и занимал эту должность до 1917 г. В тот период (с 1911 по 1917 г.) ректором университета был известный историк Матвей Кузьмич Любавский.

С.В. Познышев стал проректором в тяжелый период для России, когда шла Первая мировая война. Учитывая тяжелую ситуацию на фронте, в сентябре 1915 г. Совет Московского университета создал Военную комиссию по обороне, председателем которой стал Сергей Викторович.

На заседании Совета университета, обращаясь к членам Совета, ректор сказал: «Доселе Московский университет заодно со всем русским обществом

посвящал свои силы главным образом врачеванию и облегчению участи больных и раненых воинов, предоставив на это дело помещения, материальные средства и врачебный персонал клиник, помещения и материальные средства в новом университете и в зданиях бывшей типографии. Ныне обстоятельствами военного времени выдвигается новая задача — содействовать не только косвенным, но и прямым образом обороне страны, изготовлению различных предметов военного снаряжения, и русское общество уже горячо взялось за выполнение этой задачи. Московскому университету надлежит также взяться за посильное выполнение этой новой задачи»¹⁸.

Помимо организации сбора денежных средств для раненых и воинов передовых позиций (в том числе «кружечных сборов»), вовлечения студентов и сотрудников университета в работу по оказанию помощи в уходе за ранеными (в студенческом общежитии был организован городской лазарет для раненых, которых при необходимости обучали грамоте и различным ремеслам), в устройстве беженцев, в снабжении населения провиантом и топливом, Комиссия заключала соглашения о сотрудничестве с правительственными и общественными учреждениями, работающими на оборону, в рамках этих соглашений преподаватели обучали инструкторов изготовлению взрывчатых веществ для заводов, сами производили измерительные аппараты для аэропланов и других предметов, разработали способ получения светопроочной краски защитного цвета из русских материалов, читали лекции по воздухоплаванию для военных летчиков и т.д.

С началом войны увеличилось число студентов (с 9129 в начале 1915 г. до 11 637 к осени этого же года), из них больше всего студентов обучалось на юридическом факультете (4400 чел.). Увеличение числа студентов произошло за счет переселенцев из районов военных действий, и нужно было решать еще и задачу их устройства. Проректор университета С.В. Познышев был непосредственно вовлечен в эту сложную работу.

С.В. Познышев принимал участие в выпуске газеты «Голос Москвы» — «беспартийной прогрессивной газеты», как в ней самой указывалось, которая до окончания войны выходила ежедневно. В газете «Коммерсантъ» за 24 января 1915 г. отмечалось, что «освещая и разрабатывая все животрепещущие вопросы, интересующие общество, „Голос Москвы“ ставит своей главной и первой задачей, чтобы ни одно выдающееся событие в мире не прошло неотмеченным на страницах газеты. Во всех крупных городах России и за границей газета имеет собственных корреспондентов. Исключительное внимание газета уделяет событиям, происходящим на театре военных действий».

В 1916 г. на заседании Совета ИМУ при активном участии профессора Познышева было принято решение ходатайствовать об учреждении при Университете нового общества, ставившего специальную задачу — организацию психологических исследований. Как отмечалось в прессе того времени,

¹⁸ Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1915 г. Ч. 2. М., 1916. С. 221–228.

создаваемое Общество, следуя примеру американского Общества психологов, предполагает объединить работу всех русских психологов в области психологических и индивидуально-психологических исследований путем выработки однородных методов. Как отмечалось в публикации, в западной науке уже успела выделиться в отдельную дисциплину этническая психология, или так называемая психология народов, которая для успешной разработки нуждается в коллективной работе большого числа психологов. Чрезвычайно важная отрасль психологии — зоопсихология — совсем не представлена в наших университетах. Новое общество ставит своей целью содействие организации этих двух видов исследований — путем изыскания средств для устройства соответствующих лабораторий, организации экспедиций и т.д. Учредителями общества выступили представители различных специальностей, соприкасавшихся с психологией, включая С.В. Познышева¹⁹.

К началу 1917 г. Сергей Викторович становится ученым с мировым именем, постоянным участником различных международных форумов.

После революции жизнь С.В. Познышева, как и многих ученых-юристов досоветского периода, существенно изменилась.

Известный пеналист Б.С. Утевский в своих воспоминаниях писал, что «все профессора и доценты-криминалисты, начавшие свою научную деятельность до Октябрьской революции и оставшиеся на Родине, стали впоследствии советскими учеными. Исключение составил несомненно крупный ученый, бывший профессор Московского университета, С.В. Познышев. Он не работал до конца дней своих... ни в одном советском вузе, ни в одном советском научно-исследовательском институте, несмотря на то что у него были все объективные данные для этого»²⁰.

Давая характеристику научным качествам Познышева, профессор Утевский отмечал: «Он был как юрист выше М.Н. Гернета. У него была исключительно богатая эрудиция. Он хорошо владел пером и мог с легкостью писать целые книги. И тем не менее он оставался на вторых и третьих ролях и не дал советской правовой науке и десятой доли того, что был в силах сделать»²¹.

Почему так случилось? Как писал Утевский, Познышев, как и Гернет, честно говорил в первые годы после революции: «Я не марксист». Но в то время как Гернет, говоря эти слова, ставил на них точку, Познышев добавлял: «Я им никогда и не буду», и до конца дней своих не пожелал стать им²².

В то же время Познышев лояльно относился к советской власти и никогда не отказывался от выполнений отдельных поручений. Как вспоминал Б.С. Утевский, он много помогал сотрудникам Наркомюста РСФСР в первые годы после революции, консультируя их по сложным юридическим вопро-

¹⁹ Сибирская жизнь. 1916. Вып. № 270.

²⁰ Утевский Б.С. Воспоминания юриста: Из неопубликованного. М., 1989. С. 285–286.

²¹ Там же.

²² Там же.

сам. В 1922 г. он был включен в комиссию Наркомюста по составлению проекта УК РСФСР, и принес своей работой, по словам Утевского, несомненную пользу. Он принимал участие и в комиссии при Малом Совнарком по рассмотрению проекта УК²³.

Некоторое время после Октябрьской революции С.В. Познышев продолжал работать профессором Московского университета.

1 октября 1918 г. был издан специальный Декрет СНК («распубликованный» в «Известиях» 9 октября 1918 г.), на основании которого упразднялись все прежние ученые звания (доктор, магистр, адъюнкт) и должности (заслуженный, экстраординарный, ординарный профессор, адъюнкт-профессор и приват-доцент), а работавшие в высших учебных заведениях преподаватели подлежали увольнению с 1 января 1919 г. На вакантные должности объявлялся всероссийский конкурс. Право на занятие профессорской кафедры предоставлялось всем лицам, известным своими учеными трудами или научно-педагогической деятельностью.

На четыре вакантные «профессуры» по кафедре уголовного права и процесса 1-го МГУ было подано шесть заявлений, в том числе С.В. Познышевым. Помимо него заявления подали: Фельдштейн Г.С., Давыдов Н.В., Викторский С.И., Полянский Н.Н. и Гернет М.Н.²⁴

По архивной информации, С.В. Познышев конкурс прошел, однако работал в университете (профессором юридико-политического отделения ФОН) недолго — до 1921 г.

С сентября 1918 г. он стал подыскивать себе другое место работы и обратился с просьбой о зачислении на должность библиотекаря отдела юридических наук Румянцовского музея (впоследствии — Библиотеки имени В.И. Ленина)²⁵. Для продолжения научных исследований ему очень важно было иметь доступ к богатейшим книжным и архивным фондам. Помимо заработка такая работа давала ему возможность получить определенную степень защиты от возможного произвола со стороны представителей новых порядков.

В архиве имеется удостоверение, выданное 2 июля 1919 г. заведующему отделом общественных наук библиотеки музея С.В. Познышеву Комитетом служащих Государственного Румянцовского музея в том, что «он состоит ответственным советским служащим и выполняет по своим обязанностям научные работы на дому. Характер выполняемой им научной работы требует отдельной комнаты для научных занятий помимо помещения для жилья. Ввиду вышеуказанного, С.В. Познышев, помимо того, что пользуется всеми правами, предоставленными декретами служащим в советских учреждениях, не должен подлежать ни уплотнению, ни выселению, также и потому,

²³ Утевский Б.С. Указ. соч. С. 286.

²⁴ Московская правда. 1919. № 169.

²⁵ Архив РГБ. Ф. 15. Оп. 33. Дело № 28.

что научный труд его является необходимо-полезным в настоящее время культурного строительства Государства»²⁶.

С.В. Познышев проживал в одном из переулков Арбата, по адресу: Б. Николопесковский пер., дом 11, кв. 8²⁷. Это дом гр-ки Чихаевой Н.П., потом выкупленный и реконструированный Грушкой Аполлоном Аполлоновичем, который сам жил на первом этаже до 1920 г., а верхние этажи сдавал в аренду. Грушка был приват-доцентом Московского университета, известным российским филологом, впоследствии — деканом историко-филологического факультета Московского университета. До 1915 г. в этом доме жил композитор Скрябин А.Н., после смерти которого Грушка инициировал создание в его квартире музея.

В 20-е годы С.В. Познышев продолжал развивать увлекающее его с ранних лет направление — криминальную психологию. Он эпизодически работал профессором Московского психоневрологического института, членом редакции журнала «Труды Московского государственного психоневрологического института» (помимо него в редакцию входили А.Н. Берштейн, В.В. Крамер и С.Я. Любимов). В 1923 г. на первом Всероссийском съезде психоневрологии С.В. Познышев руководил секцией криминальной психологии. В 1928 г. ученый читал лекции по криминальной психологии на Московских курсах для экспертов.

В рассматриваемый период С.В. Познышев продолжил публикацию учебников по уголовному праву и тюрьмоведению. Так, в 1923 г. вышел его объемный «Учебник уголовного права («Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права»)). Представляет интерес надпись, сделанная на титульном листе учебника, согласно которой его автором является «профессор государственного Московского психоневрологического института и профессор Международной академии наук в Тулузе».

В 1924 г. был переиздан написанный С.В. Познышевым до революции учебник тюрьмоведения (новое издание стало известно под названием «Основы пенитенциарной науки»), в 1925 г. опубликованы «Основные вопросы учения о наказании», в 1926 г. — работа «Криминальная психология. Преступные типы» и «Детская беспризорность и меры борьбы с ней». Были опубликованы научные статьи в журнале «Криминалист» и «Журнале психологии, неврологии и психиатрии».

Работа в Ленинке давала С.В. Познышеву возможность выезда за границу в служебные командировки. В 1926 г. он был направлен в Германию, где ему было поручено «ознакомиться с состоянием книжных богатств и с систематикой литературы по обществоведению германских библиотек, особенно библиотек Берлина и Дрездена», и по возвращении представить подробный доклад. Этим же удостоверением, за подписью директора Ц. Невского, би-

²⁶ Архив РГБ. Ф. 15. Оп. 33. Дело № 28. Л. 4 и оборот.

²⁷ Архив РГБ. Ф. 15. Оп. 33. Дело № 28. Л. 48.

блиотека поддержала ходатайство С.В. Познышева о выдаче ему заграничного паспорта и сочла нужным «присовокупить, что к секретной переписке Библиотеки С.В. Познышев никакого отношения не имел»²⁸.

В общей сложности С.В. Познышев проработал в Ленинской библиотеке полных 11 лет (с 24 декабря 1918 г. по 15 января 1930 г.)²⁹. С 16 января 1930 г. он попросил об увольнении с должности заведующего отделом общественных наук и права «ввиду невозможности для меня продолжать службу в Библиотеке» (так написано в заявлении)³⁰.

Вероятной причиной увольнения могло быть уголовное преследование и последующий арест его сына Познышева Олега Сергеевича, осужденного 15 ноября 1930 г. коллегией ОГПУ за совершение государственных преступлений к 5 годам лишения свободы. Уже через две недели, 30 ноября 1930 г., О.С. Познышев прибыл из Бутырки в Ухтпечлаг (Республики Коми), где отбыл 3 года, после чего в 1933 г. был освобожден. В годы Великой Отечественной войны О.С. Познышев участвовал в боевых действиях против фашистской Германии. В 1956 г. он, будучи одним из немногих, оставшихся в живых осужденных (шесть из восьми человек, проходивших по делу, были расстреляны), обратился в Генеральную прокуратуру СССР с просьбой о снятии с него обвинений в государственных преступлениях и реабилитации. В 1958 г. все участники дела были реабилитированы в связи с отсутствием в их действиях состава преступления³¹.

Очевидно, что эти трагические события, связанные с осуждением сына, не могли пройти бесследно для его семьи. После увольнения из Ленинской библиотеки в 1930 г. С.В. Познышев официально больше нигде не работал. В 1940 г. умерла его жена.

В преддверии и в начале Великой Отечественной войны С.В. Познышев продолжал, несмотря на обстоятельства, свои научные исследования. В 1941 г. он опубликовал большую статью «Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений»³².

В этот же период он напечатал несколько рецензий на иностранные учебники по уголовному праву Франции, Англии и США: Познышев С.В. [Рецензия] // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 136–143. Рецензия на кн.: 1) Доннедье де Вабр. Элементарное руководство по уголовному праву с сравнительным изложением уголовного законодательства. Париж; 2) Кенни. Основы уголовного права. Изд. 15-е, просмотренное и исправленное Годфрей Филлипсом. Кэмбридж, 1936 г.; Познышев С.В. [Критика и библиография] // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 144–145. Рецензия

²⁸ Архив РГБ. Ф. 15. Оп. 33. Дело № 28. Л. 40 и оборот.

²⁹ Архив РГБ. Ф. 15. Оп. 33. Дело № 28. Л. 47.

³⁰ Архив РГБ. Ф. 15. Оп. 33. Дело № 28. Л. 46.

³¹ Электронная база данных: Жертвы политического террора в СССР/ Книга памяти Республики Коми. Том 8. Часть 3. URL: / <https://pomnirod.ru> (дата обращения: 24.11.2025).

³² Ученые записки ВЮОН. М., 1941. Выпуск II. С. 227–260.

на кн.: Скотт Артур П. Уголовное право колонии Виргинии. Издание университета Чикаго. Чикаго, Иллинойс, 1930.

Во время войны 70-летний С.В. Познышев остался в Москве, в эвакуацию он не поехал. Иногда его приглашали в качестве официального оппонента по диссертациям. 25 сентября 1941 г. на заседании Совета Московского юридического института (ул. Герцена, 11) он выступил оппонентом по кандидатской диссертации Полторацкого Федора Борисовича по теме «Очерки военной юстиции» вместе с к.ю.н. Кожевниковым Михаилом Васильевичем, который был член Верховного суда РСФСР (1934–1936), а впоследствии стал деканом юридического факультета (1949–1953) и заведующим кафедрой уголовного процесса. Обращает на себя внимание то, что в объявлении о защите диссертации³³ Ф.Б. Полторацкого не были указаны даже инициалы С.В. Познышева, а просто значилось «проф. Познышев», тогда как у Кожевникова они были указаны.

К сожалению, как вспоминал Б.С. Утевский, в последние годы жизни материальное положение С.В. Познышева было тяжелым. Желая помочь Сергею Викторовичу, к которому Утевский испытывал огромное уважение, Борис Самойлович обратился к руководству ВИЮН, где он в то время работал, с предложением поручить перевод классического учебника У. Блэкстоуна Сергею Викторовичу Познышеву, и в этом его поддержал известный юрист Михаил Михайлович Исаев. Директор Института И.Т. Голяков после некоторых раздумий и сомнений дал в конце концов свое согласие, и Сергей Викторович начал работу по переводу. Однако завершить ее не успел, скончавшись 29 июня 1943 г. в возрасте 73 лет³⁴.

Крылова Н.Е.,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета Московского государственного университета
(МГУ) имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Познышев С. Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений / С. Познышев // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. Вып. 2 / под редакцией И.Т. Голякова. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.
2. Утевский Б.С. Воспоминания юриста: из неопубликованного / Б.С. Утевский. Москва : Юридическая литература, 1989.

³³ Вечерняя Москва, 1941. 19 сентября.

³⁴ В разных источниках указано разное время смерти С.В. Познышева: 3 января 1943 года — на сайте МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://letopis.msu.ru/peoples/8457> (дата обращения: 24.11.2025), в других источниках указан 1942 год как год смерти ученого (на 1942 г. указывает Б.С. Утевский в своей работе «Воспоминания юриста: Из неопубликованного». М., 1989. С. 285–286).

Действительной датой смерти С.В. Познышева является 29 июня 1943 года. Именно эта дата указана на надгробном памятнике известного юриста на Новодевичьем кладбище в г. Москве.

Современные черты особой жестокости как оценочного признака и ее классификация

Цель исследования заключается в выявлении специфики, тенденций и закономерностей проблематики уголовно-правового значения особой жестокости путем проведения комплексного и всестороннего анализа данного понятия, а также выработка на этой основе научно обоснованных выводов, предложений и рекомендаций по совершенствованию понятия особой жестокости как оценочного признака.

Отмечается недостаток количества научных исследований, посвященных комплексному изучению уголовно-правового значения особой жестокости как оценочного признака, а также обобщению выводов судебной практики.

Теоретическую базу диссертации составляют научные труды следующих авторов: Р.З. Авакян, М.К. Анианц, Ю.М. Антонян, Л.А. Андреева, С.В. Бородин, Л.Д. Гаухман, П.С. Дагель, Н.И. Загородников, И.И. Карпец, П.Ю. Константинов, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, В.П. Малков, В.С. Минская, О.Ю. Михайлова, А.С. Михлин, С.К. Питерцев, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попов, И.П. Портнов, Ю.Е. Пудовочкин, А.Р. Ратинов, И.Д. Самалюк, Н.К. Семернева, Л.В. Сердюк, Э.Л. Сидоренко, В.И. Симонов, М.Р. Табанов, А.Д. Тартаковский, Г.И. Чечель, Р.Д. Шаропов, М.Д. Шаргородский и др.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее выводов в качестве рекомендаций и предложений по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего процесс рассмотрения судебных дел о преступлениях, совершаемых с особой жестокостью.

К числу ключевых отличий, которые в данном отношении прослеживаются в Уголовном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической республики 1922 г. от Уложений 1845 и 1903 гг., следует отнести наличие словосочетания «особая жестокость», которое именно в данном документе именно в таком виде впервые и смогло найти свое отражение. Понятие особой жестокости как оценочного признака во многом имеет практически те же ярко выраженные современные черты, которые отличали данное понятие и на протяжении многих десятилетий ранее, о чем свидетельствуют многочисленные отечественные исследователи, уделявшие достаточно пристальное внимание понятию особой жестокости во многих своих научных трудах.

Для того чтобы еще раз убедиться в том, что понятие «особая жестокость» сохранило свои определяющие черты в течение многих лет, представляется целесообразным обратиться к его отражению в трудах ранних исследователей.

Также следует уделить внимание разноплановым проявлениям особой жестокости, представляющим «видовые» понятия данного оценочного признака, которые авторами данного исследования в положениях, выносимых на защиту, уже предложено обобщить в так называемом родовом понятии «особая жестокость».

Первым из них является истязание, который рассматривается какотягчающий признак, с точки зрения таких уже неоднократно упомянутых в первом параграфе данного исследования ученых, как А.А. Пионтковский и М.Д. Шаргородский.

Итак, истязание воспринимается данными авторами научных работ в качестве отягчающего признака умышленного нанесения ударов, побоев, а вместе с тем также и иных насильственных действий, совершаемых преступником по отношению к потерпевшему.

Рассматривая совокупность мер ответственности за преступления против личности, М.Д. Шаргородский счел необходимым обратить внимание на то, что именно в данном аспекте выступает в соответствующем законодательстве данного периода «причинение мучений и физических страданий потерпевшему» как квалифицирующий признак лишения свободы: имело место как при задержании (мучительное связывание рук), так и при помещении его в какое-либо место, сопровождающееся длительным лишением пищи и воды¹.

Согласно мнению данного ученого, доведение преступником человека до самоубийства или покушения на него должно было исключительно с объективной точки зрения включать в себя «жестокое обращение с потерпевшим или другое подобное обращение с ним («иным путем»); совершение потерпевшим самоубийства либо покушения на него; наличие причинной связи между ними»².

В качестве одной из мер, демонстрирующих всему прогрессивному человечеству гуманность советского законодательства, дурное обращение с во-

¹ Латышев О.Ю. Взаимодействие подразделений правоохранительных органов в расследовании уголовных преступлений // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов 4-й Международной конференции (Уфа, 05 апреля 2023 г.). Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 146–148. EDN: VXBCYZ.

² Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М.Э., Луизетто М. Социально-психологические особенности личности современного несовершеннолетнего преступника // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сборник научных трудов / отв. ред. А.Л. Третьяков. Том 12. М. : МПСУ, 2024. С. 1593–1602. DOI: 10.51944/9785977010252. ISBN 978-5-9770-1025-2.

енно пленными, согласно содержанию текста пункта «а» ст. 268 Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической республики 1960 г. принятия.

Судебная практика включала в себя главным образом воспроизведение доктринального понимания предыдущих лет. В частности, принимая свое постановление 27 июня 1975 г., Верховный Суд СССР счел необходимым ввести указание о том, что соответствующим советским «законом особая жестокость связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости»³.

К особо жестокому способу, кроме всего прочего, могут относиться, например, те случаи, в которых непосредственно перед тем как лишить человека жизни либо при совершении убийства к потерпевшему преступник умышленно применял причинение особых страданий, включая нанесение значительного количества телесных повреждений или применения медленно действующего яда.

Для того чтобы позиция высшей судебной инстанции претерпела в данном отношении определенные изменения, потребовалось еще 17 лет и смена политического строя в полностью изменившейся стране вследствие распада Советского Союза.

Для того чтобы правильно квалифицировать убийство по вышеуказанному признаку, было необходимо определить, что виновный в процессе совершения убийства предполагал допущение особой жестокости либо сознательно допускал возможность ее проявления по отношению к потерпевшему.

В сопутствующей данному периоду исторического развития современной России научной литературе особая жестокость воспринималась в качестве обстоятельства, отягчающего уровень уголовной ответственности в процессе назначения наказания. Издевательство подразумевало глумление преступника над потерпевшим в процессе совершения преступления или причинения потерпевшему каких бы то ни было еще физических или моральных страданий. В доктрине уголовного права соответствующего периода убийство, которое было совершено с особой жестокостью, представляло собой такой способ действия преступника, который включал в себя истязание, причинение потерпевшему мучений, препятствие оказанию со стороны других людей помощи потерпевшему после нанесения преступником смертельного ранения.

³ Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М.Э., Луизетто М. Социально-психологические особенности личности современного несовершеннолетнего преступника // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов / отв. ред.: А.Л. Третьяков. Том 12. М. : МПСУ, 2024. С. 1593–1602. DOI: 10.51944/9785977010252. ISBN 978-5-9770-1025-2.

Например, при этом имелось в виду использование беспомощности потерпевшего, сознававшего, что его в данный момент намерены лишить жизни, убийство детей, которое совершается в присутствии родителей, либо убийство родителей, которое совершается в присутствии детей.

Констатация в соответствующем законодательном акте наличия факта проявления преступником «особой жестокости» во время совершения им убийства сопровождалась также указанием на то, что в данном случае ничего не было специально сказано о способе, использование преступником которого было особо мучительно для убитого.

Истязания могут заключаться в нанесении «побоев, щипков, царапин, уколов острым предметом и других действиях, причиняющих особую боль потерпевшему»⁴.

Актуальность темы исследования. Особая жестокость в уголовном праве обычно применяется в качестве оценочного признака, достаточно проблематично определяемого посредством четких и внятных юридических терминов.

На данном основании такое понятие как особая жестокость в современном правоведении и правоприменительной практике следует рассматривать как требующее значительных уточнений и более определенных толкований.

Осложняющим обстоятельством в процессе понимания особой жестокости становится также и тот факт, что для адекватной и полномасштабной передачи содержания понятия особой жестокости достаточно активно используются такие смежные понятия, к числу которых относятся «мучения», «мучительная боль» и «особые страдания».

В преемственном данному правоустанавливающему документу Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. принятия оценочный признак «особая жестокость» в содержании текста пункта «д» ст. 47 Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической республики 1926 г. приобрел соответствующее ему значение «обстоятельства при определении той или иной меры социальной защиты»⁵.

Выводы

1. Выяснение содержания применяемых в Уголовном кодексе Российской Федерации таких понятий, как «издевательство», «мучение», «истязание», «пытка», «садизм», «жестокое обращение» и последующее уточнение характера соотношения последних позволяет сделать вывод о том, что каждое из них в той или иной степени должно рассматриваться как частное выражение проявления особой жестокости. Это позволяет объединить все вышеупомя-

⁴ Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М.Э., Луизетто М. Указ. соч.

⁵ Там же.

нутые видовые понятия в одно родовое под названием «особая жестокость», поскольку его содержание охватывает все вышеперечисленные способы причинения преступником потерпевшему физического или психического вреда его здоровью, либо его близким, либо иным лицам.

2. Разностороннее изучение особо жестокого способа, которым совершается преступление, дает возможность сделать вывод о том, что особая жестокость представляет собой умышленное причинение преступником потерпевшему значительных физических или психических страданий, что обычно реализуется путем издевательства, мучения, истязания, пыток, а также разнообразных садистских методов в процессе совершения противоправного деяния. Анализ особой жестокости дает возможность следующим образом классифицировать ее разнообразные проявления у различных преступников:

а) по способу насилия, когда преступник применяет по отношению к потерпевшему физическое либо психическое насилие;

б) по характеру совершаемого преступником по отношению к потерпевшему противоправного деяния, которое осуществляется при помощи психического воздействия;

в) с учетом совершаемого преступником по отношению к окружающим лицам противоправного деяния, которое осуществляется при помощи психического воздействия, включая близких потерпевшему или в отношении иных лиц.

3. Исследование особо жестокого способа совершения преступником противоправного деяния в качестве его объективной характеристики позволяет сделать вывод о том, что это умышленные преступления, которые совершаются преступником либо с прямым, либо с косвенным умыслом, либо и с тем и с другим одновременно.

Латышев О.Ю.,

профессор университета «Сайпресс», США,

профессор университета GCCU, Либерия,

доктор философии в филологии, почетный доктор наук ИМА,

кандидат филологических наук, член-корреспондент Международной

академии психологических наук,

профессор Российской академии естествознания,

президент Международной Мариинской академии имени М.Д. Шаповаленко

(г. Москва)

Латышева П.А.,

исполнительный директор Международной Мариинской академии

имени М.Д. Шаповаленко, почетный доктор наук ИМА

(г. Москва)

Литература

1. Латышев О.Ю. Взаимодействие подразделений правоохранительных органов в расследовании уголовных преступлений / О. Ю. Латышев, П.А. Латышева, М. Луизетто // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : материалы 4-й Международной конференции (г. Уфа, 05 апреля 2023 г.) : сборник научных статей / редакторы: А.Ю. Терехов, Е.А. Кулеш, Р.Д. Файрушина [и др.]. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. EDN: VXBCYZ.
2. Социально-психологические особенности личности современного несовершеннолетнего преступника / О.Ю. Латышев, П.А. Латышева, М.Э. Радаэлли, М. Луизетто // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : материалы II Ежегодной международной научно-практической конференции и Международных научно-практических конференций (г. Москва, 01 декабря 2023 года — 24 апреля 2024 г.) : сборник научных трудов. Т. 12 / ответственный редактор А.Л. Третьяков. Москва : МПСУ, 2024. DOI: 10.51944/9785977010252.

Творческие идеи профессора С.В. Познышева и их значение для отечественной криминологии

Сергей Викторович Познышев относится к классическому типу разносторонних ученых, именуемых в прошлом криминалистами. Он был в равной мере заинтересован и в равной мере одарен способностями блестяще разбираться в уголовном процессе, уголовном праве, пенитенциарии, психологии, социологии. Подобное сочетание интересов неизбежно определило появление в его научном творчестве криминологических идей, каждая из которых удивительным образом не просто актуальна сейчас, но находится на пике научного интереса.

Профессиональную деятельность С.В. Познышева принято разделять на два периода — до и после революции 1917 года. В дореволюционный период, который у Сергея Викторовича был связан с Московским Императорским университетом, им осуществляется активная педагогическая и научная деятельность. Поскольку научные контакты С.В. Познышева в тот период были обширны и интернациональны (в силу вхождения в Русскую группу Международного союза криминалистов), он был вовлечен в обсуждение наиболее актуальных проблем уголовного права и новых уже зародившихся направлений — уголовной антропологии и уголовной социологии, волновавшие ученых разных стран. Это были вопросы интернационализации преступности, опасного состояния преступника, мер воздействия на преступников-рецидивистов и на малолетних преступников¹. В этот период в 1911 г. выходит работа С.В. Познышева «Детская преступность и меры борьбы с нею»². Интерес к данной теме у автора не праздный. С конца XIX в. начались позитивные изменения в области уголовного права и процесса, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних. Зародившись в США и Великобритании, ювенальная юстиция быстро перекечевала на Европейский континент и стала предметом пристального изучения как международно-правовых образований, так и отдельных ученых разных стран³. Россия в этом отношении

¹ Об этом см. подробнее: Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915) / сост. и вступит статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2012.

² Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с нею. Моск. о-во борьбы с дет. преступностью. М., 1911 (из лекций весеннего семестра 1910 г. (вып. 2)).

³ Вопросы привлечения к ответственности малолетних преступников, определение минимального возраста уголовной ответственности, меры, применяемые к несовершеннолетним, неоднократно становились предметом рассмотрения на съездах Международного союза криминалистов, учрежденного Ф.-Ф. Листом, А. Принсом и Ван Гамелем в 1889 г. Виды исправительных учреждений для детей, их организация и режимы обсуж-

практически не отставала от зарубежных государств. Реформирование уголовного законодательства в части смягчения уголовной ответственности для лиц, не достигших 17-летнего возраста, началось после реформ 1860-х годов⁴. Активную просветительно-гуманистическую деятельность проводит П.И. Люблинский, являвшийся ярким и последовательным сторонником ювенальной юстиции, институты которой им лично были изучены в Северной Америке и Европе. У него выходит целый ряд работ, посвященных этой проблеме⁵. Научное подвижничество Павла Исаевича увлекло идеями необходимости реформирования уголовного права и процесса в отношении несовершеннолетних С.В. Познышева, Е.Н. Тарновского, М.Н. Гернета, М.М. Гродзинского и многих других. С участием студентов юридического факультета Московского университета проводится первое в России социологическое исследование личности несовершеннолетнего преступника. Оно основывалось на изучении дел, рассмотренных мировыми судьями в отношении несовершеннолетних. Результаты были опубликованы в виде статей в сборнике «Дети-преступники»⁶. 22 января 1910 г. в Санкт-Петербурге был открыт первый суд для несовершеннолетних, ориентированный преимущественно на американскую модель Чикагского суда. Спустя несколько лет к 1917 г. во всех крупных городах России появляются особые суды для несовершеннолетних (ювенальные суды).

В статье «Детская преступность и меры борьбы с нею» (она представляла собой конспект лекций, прочитанных в Московском университете весной 1910 г.), С.В. Познышев обозначает детскую преступность в качестве индикатора, «зловещего симптома», указывающего на обострение болезненного процесса внутри общества. Автор обращается к причинам преступности детей, под которыми он видит развращающую обстановку жизни ребенка, беспризорность, нищету и дурную наследственность, солидаризируясь с зарубежными исследователями, что подавляющее большинство детей-пре-

дались на Международных пенитенциарных конгрессах (Первый международный конгресс по предупреждению преступности и борьбе с ней, впоследствии ставший Пенитенциарным конгрессом, прошел в 1872 г.). Об этом см. подробнее: Люблинский П.И. Указ. соч.

⁴ В частности: закон 1866 г. «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников», закон 1897 г. «Об ответственности малолетних и несовершеннолетних», 1909 г. «Закон о воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних», вошедший в Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений.

⁵ «Особые суды для юношества в Северной Америке и Западной Европе» (1908 г.), «Суды для несовершеннолетних в России» (1919 г.), «Суд для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры» (1911 г.), «Об особом производстве для несовершеннолетних» (1912 г.) и др.

⁶ Дети-преступники : сборник статей с предисл. и под ред. М. Н. Гернета. М. : Знаменский, 1912.

ступников — это сироты и полусироты. Вместе с тем дурная наследственность определяется профессором не в антропологическом духе. Во многом идеи прирожденного преступника Ч. Ломброзо С.В. Познышев отвергал. Отдавая дань значению антропологического направления как первого обращения к реальному человеку-преступнику, а не абстрактному субъекту или лицу, он не мог принять многих идей первых антропологов. Им отвергалась именно прямолинейная зависимость биологических свойств человека и преступных актов, понятие прирожденного и неисправимого преступника. Дурную наследственность профессор Познышев понимал через невозможность родителя передать ребенку положительный заряд. Поскольку «организмы родителей надорваны либо истощены излишествами всякого рода или чрезвычайной работой — она наследуют от своих родителей если не прямо болезни, то такую слабую и в разных отношениях дефектную нервную систему, которая особенно тормозит их развитие и делает их особенно восприимчивыми к идущим извне развращающим влияниям»⁷. «Они не получают от родителей наследство имущества, но часто получают дурную нервную систему, а иногда — и болезни»⁸. Эта идея, как представляется, сейчас нашла свое полноценное подтверждение в отечественной криминологии, прежде всего благодаря трудам ученых «психолого-психиатрической ориентации» — Ю.М. Антоняна, В.Е. Эминова, В.В. Лунеева, А.Р. Ратинова и других, изучавших и изучающих сложный психологический мир преступника. Отказываясь в целом от излишней социологизации, равно и от психологизации личности преступника, ученые тем не менее согласны в том, что человек приходит в этот мир не «чистым листом бумаги». В нем имеются определенные задатки, различные архетипы, иные свойства, переданные от родителей и полученные от предшествующих поколений. Пока не доказана генетическая, наследственная заданность к совершению преступления, невозможно отрицать определенный психологический багаж, который ребенок уже несет на себе, формируя его еще в утробе матери.

Далее С.В. Познышев дает оценку мерам воздействия на преступность несовершеннолетних, основываясь на имеющемся уголовно-правовом арсенале тех лет. Он приходит к выводу, что использование мер традиционной юстиции не может быть признано удовлетворительным — изоляция ребенка в тюрьмах и колониях приведет лишь к приобретению им криминального профессионализма, и ни к чему иному. В связи с чем С.В. Познышев предлагает возраст полного невменения (в современном понимании —

⁷ Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с нею / С. В. Познышев ; Моск. о-во борьбы с дет. преступностью. М., 1911. С. 35–103 (Из лекций весеннего семестра 1910 г. ; [вып.] 2. С. 42 — 43).

⁸ Там же. С. 43.

возраст непривлечения к уголовной ответственности) повысить до 17 лет. В целом С.В. Познышев положительно оценивает зарубежный опыт воспитательно-исправительных учреждений и судов особого типа по образцу Чикагского суда (образованного в 1899 г.). Находит полную поддержку у автора работы комплексный характер американских и европейских новообразований в виде специализированных органов юстиции, работающих совместно с попечителями. Это позволяет не только исследовать условия жизни ребенка до и во время совершения преступления, но и создает предпосылки для объективного расследования совершенного преступления и/или вынесения приговора и последующего сопровождения в случае вынесения приговора, не связанного с реальным лишением свободы.

Вместе с тем в своих рассуждениях профессор Познышев идет еще дальше. Даже самые совершенные ювенальные суды все равно представляют собой органы юстиции, а отправление правосудия в них в отношении несовершеннолетних все равно будет означать факт осуждения с возможным отбыванием наказания в колониях. Однако сам дух колоний, их организация, режим и все меры исправления рассчитаны на взрослых лиц. Это то учреждение, в которое ребенок не должен попадать. Поэтому С.В. Познышев предлагает полное невменение уголовной ответственности до 17 лет (в России тех лет ответственность детей в возрасте от 10 до 17 лет определялась в зависимости от разума ребенка в момент совершения преступления). По мнению профессора Познышева, в отношении детей до 17 лет должны действовать другие средства. Государственные органы с участием попечителя должны определять, почему ребенок остался на улице, кто занимается его воспитанием, что толкнуло его на совершение общественно-опасного деяния. И с учетом этого нужно определять судьбу ребенка — либо передавать его на воспитание его же родителям или другим родственникам, или передавать его в соответствующие исправительно-воспитательные учреждения, в которых он видел большой потенциал. Особое значение он придавал институту попечительства. По мнению С.В. Познышева, попечители должны профессионально выполнять свои функции, т.е. работать на постоянной основе с оплатой. Они должны объединяться управлением и всемерно поддерживаться органами городского и земского самоуправления и частными обществами патроната.

Вместе с тем, понимая невозможность мгновенных изменений в уголовное законодательство, профессор С.В. Познышев рассматривает основные требования к исправительно-воспитательным колониям для несовершеннолетних преступников. Такие учреждения, по мнению С.В. Познышева, могут создаваться как государством, так и с помощью общественных усилий (бла-

готворителей)⁹. Активно изучается опыт зарубежных государств. В них имеется три вида таких учреждений: ремесленные приюты, земледельческие колонии и заведения смешанного типа (Англия). Основной акцент в подобных учреждениях сделан на обучении¹⁰.

В 1918 г. специализированные суды для несовершеннолетних были упразднены, однако Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. хоть и устанавливали возраст уголовной ответственности с 16 лет и пониженный — с 14 лет, но оставляли деление на поведение «с разумением» или без такового. Однако уже с Уголовного кодекса 1926 г. ответственность несовершеннолетних наступает в современном варианте — 16 и 14 лет соответственно. В период раннего социалистического строительства при серьезных проблемах с положением несовершеннолетних, огромном числе безграмотных беспризорников два выдающихся представителя отечественной педагогики — А.С. Макаренко и В.Н. Сорока-Росинский — создали колонии по образцу трудовых коммун с основным акцентом на воспитание и самоуправление несовершеннолетних (колония им. Горького под Полтавой и школа-коммуна им. Достоевского в Петрограде). Так продолжился замечательный отечественный опыт применения не карательных санкций к несовершеннолетним правонарушителям, а привитие им уважения, воспитания, любовь к Родине через труд и внимательный, индивидуальный подход. Впоследствии, однако, к нему практически не возвращались.

Вместе с тем современная ситуация с уголовной ответственностью несовершеннолетних не может не вызывать настороженности. Официальные статистические данные демонстрируют последовательное сокращение абсолютных количественных показателей преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 18 лет, при сохранении некоторых негативных качественных характеристик. Однако продолжается расширение перечня составов, перечисленных в ч. 2 ст. 20, с пониженным возрастом уголовной ответственности до 14 лет. И вновь появляющиеся там статьи грозят длительными сро-

⁹ В данном случае профессор С.В. Познышев исследует зарубежный опыт. В Бельгии, в частности, подобные учреждения для несовершеннолетних создаются государством. В Англии — на частной основе. В ряде государств используется смешанная форма. Для России, как полагает С.В. Познышев, удобнее третий вариант.

¹⁰ Следует отметить, что благодаря отдельным частным инициативам в России в тот период были отдельные учреждения, полностью соответствующие идее ресоциализации подростков, совершивших правонарушения. Так, в Москве действовал Рукавишниковский приют, а в 1904 г. при нем на окраине Москвы был открыта колония, впоследствии получившая название Фидлеровская. Там содержались несовершеннолетние преступники в 4 изолированных отрядах по 15–20 человек. Они проходили обучение, помимо общего и религиозного образования обучались столярно-плотничному, сапожно-шторному, кузнечному и тележному делу, занимались сельскохозяйственным трудом. По выходу из приюта воспитанники трудоустраивались, при этом приют продолжал их «патронирование». Но таких учреждений было ничтожно мало, и образовывались они на средства предпринимателей-благотворителей.

ками лишения свободы¹¹. Следует согласиться с учеными в том, что, несмотря на конструктивное выделение в УК и УПК самостоятельных глав, как таковых «особенностей» уголовной ответственности несовершеннолетних в нашей стране практически не создано¹². Применяются (за небольшим исключением) те же виды наказаний, что и для взрослых преступников, с изъятиями в части сроков и размеров. Предусмотрены иные места отбывания наказания в виде лишения свободы, но в целом эти различия незначительные режимные. Тогда как криминалисты дореволюционной мысли видели места изоляции для несовершеннолетних особого рода, в которых акцент делался бы на воспитательные и образовательные меры. В этой работе очерчивается основная позиция С.В. Познышева как ученого-криминалиста — этико-социологическое направление, основанное на синтезе классической, антропологической и социологической школ.

Как итог этого, детского направления криминологической мысли С.В. Познышева, следует отметить сам главный вектор, направленность его идей. Для несовершеннолетних необходима особая система воспитательно-образовательных учреждений, особая — кураторская — модель правосудия, где акцент делался бы на воспитание, профориентацию и ресоциализацию подростков. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривает подобные учреждения — специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа, но они предназначены для подростков, не достигших возраста уголовной ответственности на момент совершения общественно опасного деяния. Представляется, что в связи с увеличением объема преступлений с пониженным возрастом уголовной ответственности необходима система ювенальной юстиции с комплексом специализированных учреждений для осуществления следствия, дознания, судов и специализированных мест отбывания наказаний, ориентированных именно на подростков. Однако пока изменения в УК РФ вносятся значительно быстрее, нежели реформирование системы юстиции.

Матвеева А.А.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Юридического факультета

Московского государственного университета (МГУ)

имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент

(г. Москва)

¹¹ Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. ФЗ № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» дополнен в ч. 2 ст. 20 УК РФ семью новыми составами: ч. 1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ст. 281, 281.1, 281.2 и 281.3. Все преступления относятся к наиболее тяжким.

¹² См., например: Назаренко Г.В. Субъект преступления: проблемы и решения. М., 2020.

Литература

1. Дети-преступники : сборник статей / с предисловием и под редакцией М.Н. Гернета. Москва : Знаменский, 1912.
2. Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915) : монография / П.И. Люблинский ; составители и авторы вступительной статьи В.С. Овчинского, А.В. Федорова. Москва : ИНФРА-М, 2012.
3. Мелешко Н.П. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития : монография / Н.П. Мелешко [и др.]. Ростов-на-Дону ; Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006.
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учебное пособие / Э.Б. Мельникова. 2-е изд., испр., доп. Москва : Дело, 2001.
5. Назаренко Г.В. Субъект преступления: проблемы и решения : монография / Г.В. Назаренко. Москва : Юрлитинформ, 2020.
6. Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с нею : лекция прочит. 21 марта 1910 г. / С.В. Познышев. Москва : Московское общество борьбы с детской смертностью, 1911.

Критический анализ практики объективного вменения

Ощутить социальную и политическую значимость выработанных в теории и законе принципов уголовного права можно в том случае, если следственно-судебные органы перестанут ими руководствоваться при принятии решений.

Фундаментальный принцип доктрины уголовного права — принцип вины, один из пяти перечисленных в Уголовном кодексе РФ, гласит, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Он же запрещает объективное вменение, т.е. наступление последствий уголовно-правового характера за невиновное причинение вреда.

Принцип вины, как и любой другой основополагающий принцип уголовного права, задает универсальные рамки для применения норм его особенной части. Его суть заключается в императивном требовании: вина должна быть установлена во всех случаях, когда деяние подлежит уголовно-правовой оценке. И не просто констатирована во властном решении суда, но и подтверждена совокупностью собранных доказательств.

Между тем в научных кругах ведутся дискуссии о целесообразности (рациональности) неукоснительного соблюдения данного принципа в области практического правоприменения. По мнению некоторых исследователей, находящееся под влиянием алкоголя, наркотических средств либо иных одурманивающих веществ лицо не в полной мере способно к самоконтролю, и в ряде случаев не может дать адекватной оценки совершаемым им действиям¹. В этой связи ряд ученых рассматривают в подобных ситуациях объективное вменение не только как исключение, но и как имеющуюся данность и необходимость, оправдывая существование такого антипринципа началами целесообразности, не позволяющими, например, в силу здравого смысла освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения. Выразив мнение о возможном отступлении от начал субъективного вменения при квалификации деяний, в которых презюмируется знание каких-либо правил (на примере правил при ведении горных, строительных или иных видов работ), исследователи подчеркивают, что запрет совершения определенных такими правилами действий лицом

¹ Бавсун М.В. Целесообразность объективного вменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2 (22). С. 15–18.

не осознается². Допущение уголовно-правовой оценки деяний при отсутствии осознания индивидом противоправности своих действий прочно укрепляется в правоприменительной деятельности, о чем далее более подробно порассуждаем.

Другие представители науки презюмируют необходимость соблюдения принципа вины, однако указывают, что ряд уголовных составов сформулирован законодателем уже с заложенной в нем концепцией объективного вменения, ссылаясь, к примеру, на некоторые разновидности умышленного причинения тяжкого вреда здоровью или составы с административной преюдицией³. Не будем отрицать имеющее место некоторое несовершенство юридической техники при конструировании отдельных уголовно-правовых норм, но даже при наличии законодательной неопределенности вопрос о доказывании вины в таких случаях должен разрешаться судом с соблюдением закрепленного в уголовном законе принципа вины и уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности.

При определении правил квалификации преступлений законодатель ставит принцип вины выше наступления общественно-опасных последствий, предусмотрев возможность дать уголовно-правовую оценку неоконченному преступлению, в котором вина и умысел есть, а результата преступления — нет. Субъективное отношение лица к своим действиям и мотивам становится во главу угла при квалификации «пограничных» составов преступлений, уголовно-правовая оценка которых формируется исходя из мотивов, намерений лица, а не из фактически наступивших последствий, о чем регулярно напоминает Пленум Верховного суда РФ в принимаемых решениях.

Вина как психическое отношение субъекта преступления к наступлению в результате его действий (бездействия) общественно-опасных последствий является ключевым и неотъемлемым признаком состава преступления. При отсутствии данного компонента выводы о виновности лица предпрешались бы на основании одних только последствий для материальных составов и на основании формального факта деяния для формальных составов. И если многочисленными решениями высших судебных органов удалось выработать единую практику по материальным составам, в основном скрупулезно разбирая нюансы таких деяний, то с квалификацией формальных составов

² Бавсун М.В., Николаев К.Д., Рагозина И.Г. Проблемы субъективного вменения в ходе реализации уголовной ответственности за нарушение правил ведения горных, строительных или иных видов работ // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-subektivnogo-vmeneniya-v-hode-realizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-narushenie-pravil-vedeniya-gornyh-stroitelnyh-ili-inyh> (дата обращения: 13.10.2025).

³ Лопашенко Н.А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 9 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bez-viny-vinovatyie-ili-esche-raz-pro-vinu-i-obektivnoe-vmenenie> (дата обращения: 16.10.2025).

преступлений возникают трудности, связанные со стремлением правоприменителя квалифицировать действия, независимо от наличия умысла индивиду.

Для развития любой науки важным является наличие разносторонних идей и взглядов ученых, их аргументация и оспаривание, однако правоприменитель должен взирать на правовые нормы взглядом объективным, твердым и беспристрастным. Разберем примеры.

В 2020–2021 гг. Конституционный суд РФ в ряде своих решений высказал правовую позицию об обоснованности квалификации по ст. 159 УК РФ событий, связанных с получением военными налоговыми вычетов^{4, 5}. Так, например, военнослужащий К. приобрел жилье за счет накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, получив для этих целей деньги из федерального бюджета. Не имея права на получение налогового вычета за приобретение квартиры, поскольку такое приобретение состоялось не за счет собственных средств, К. оформил имущественный налоговый вычет, одобренный после проверки предоставленных К. документов налоговой инспекцией. В отношении К. вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 159 УК РФ. Конституционный суд РФ справедливо не согласился с такой трактовкой уголовного закона судами общей юрисдикции, указав при этом, что привлечение лица к уголовной ответственности за невинные действия нарушает принципы законности, вины и справедливости. Любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы (а при необходимости из толкования нормы высшими судебными органами) — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия⁶.

Заслуживает внимания и имеющаяся по данному вопросу обширная судебная практика кассационных судов общей юрисдикции. Например, постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 ноября 2024 г. № 77-4059/2024 отменен приговор в отношении А. по ч. 1 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти). В мотивировочной части решения указано, что ответственность за преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ, наступает при условии, если умыслом лица охватывалось совершение им посягательства на жизнь, здоровье или достоинство представителя власти в связи с осуществляемой им служебной дея-

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Там же.

тельностью, однако в рассматриваемом деле наличие прямого умысла у А. на совершение вышеуказанных действий установлено не было; А. указывает, что он не осознавал, что перед ним находятся сотрудники полиции и следователь следственного комитета, поскольку указанные лица не представились и не предъявили документы⁷.

Указанные примеры свидетельствуют о формальной интерпретации деяний попавших под жернова уголовного преследования лиц. Деяния формально попадают под конструкцию состава, однако психическая оценка своих действий как преступных индивидом не производится. Если выразиться проще, нельзя судить человека за то, что он совершает преступление, если он сам того не осознает. Императив уголовно-правовой нормы (иногда при помощи разъяснения высших судебных инстанций) должен быть понятен как квалифицированному юридическому сообществу, так и обывателю. И если, например, обществу известно и понятно, что похищение чужого имущества любым из предложенных уголовным законом способов подлежит уголовному наказанию, то об отсутствии права на налоговый вычет за приобретение квартиры лицо может не знать и в прямом смысле «наткнуться» за подобное деяние на уголовное наказание. Ведь для того чтобы действия такого лица попадали под признаки состава преступления о мошенничестве, он должен знать о незаконности своих действий при направлении документов на оформление налогового вычета, а органам правоприменения корреспондирует обязанность доказать эту осведомленность, а следовательно — заранее сформированный умысел на хищение бюджетных денежных средств и в конечном итоге — вину.

Вышеприведенные примеры основаны на понятным образом сконструированных уголовных нормах, тогда как в уголовном законе имеются и нормы более абстрактные, не содержащие запрета на конкретные действия, а связанные с публичным выражением мыслей и чувств индивида. Так, представляется, что с особым вниманием и крайне взвешенно правоприменителю надлежит подходить к уголовно-правовой оценке текстовых комментариев, размещенных в сети «Интернет», которые на первый взгляд могут содержать признаки оправдания террористической деятельности. Юридический факт необходимо оценивать через призму вины индивида, его психического отношения к написанному тексту, часто выраженному в имплицитной форме, в соотношении указанных субъективных обстоятельств с объектом преступления, отграничивая такие действия от схожих по признакам административных составов, предусмотренных ст. 13.37, 20.3, 20.3.1, 20.3.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

⁷ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 ноября 2024 г. по делу № 77-4059/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

Не лишена, на наш взгляд, объективного вменения сложившаяся практика уголовно-правовой оценки управления каршеринговым транспортным средством лицом с использованием чужой учетной записи по ст. 166 УК РФ.

Рассмотрим правовую ситуацию на примере приговора Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 июня 2018⁸, который является типовым для такого рода правонарушений⁹. Фабула сформулирована следующим образом: «ФИО, не имея водительского удостоверения и не имея права управлять транспортным средством, действуя умышленно, в целях показаться, при помощи мобильного приложения "...", воспользовавшись чужим аккаунтом, под видом клиента ООО "...", осуществляющей предоставление транспортных средств в краткосрочную (до 24 часов) аренду на основе поминутной тарификации физическим лицам (...) (каршеринг), используя номер чужой банковской карты, проник в салон автомобиля (...), с помощью штатного ключа завел двигатель автомобиля и умышленно, неправомерно завладев транспортным средством, совершил на нем поездку (...)».

Итак, угон, т.е. неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, характеризуется отсутствием умысла на обращение предмета преступления в свою собственность. Неправомерность завладения выражается в совершении данных действий вопреки воле хозяина транспортного средства. В то же время такой тип услуги, как «каршеринг», предоставляет возможность пользования транспортным средством неограниченному кругу лиц за оплату. Порядок и основания использования каршерингового транспортного средства регулируется договором его аренды. Как известно, такой договор заключается при регистрации пользователя в приложении оператора услуги. Автомшины, предоставляемые для краткосрочной аренды, оборудованы системой мониторинга, позволяющей определить местонахождение транспортного средства вплоть до парковочного места.

Таким образом, каршеринговое транспортное средство предоставляется в краткосрочную аренду неограниченному кругу лиц за плату, а основанием для такой аренды выступает заключение гражданско-правового договора, при том что арендодатель имеет возможность круглосуточного мониторинга за перемещением автомобиля. В таком случае причины, позволяющие расценить факт нарушения условий договора аренды как криминальное деяние, вызывают недоумение и расцениваются нами как объективное вменение фактических действий при отсутствии вины индивида в совокупности с отсутствием общественной опасности деяния.

⁸ Приговор Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 июня 2018 г. по делу № 1-441/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BOXtlUsyz3lx/> (дата обращения: 13.10.2025).

⁹ Например, приговор Химкинского городского суда Московской области от 16 декабря 2020 г. по делу № 1-510/2020 // URL: <https://судебныерешения.рф/52065606> (дата обращения: 15.10.2025).

В подтверждение изложенных доводов приведем пример аналогичного деликта, при котором мужчина передал логин и пароль от приложения оператора каршеринговых услуг своему сыну, в результате чего был вынужден оплатить штраф в соответствии с вышеуказанным договором, при этом ответчиком оспаривалась сумма неустойки, вплоть до подачи жалобы в Верховный суд Российской Федерации¹⁰. Указанный судебный спор не представляет самостоятельного интереса по теме исследования, однако подтверждает возможность альтернативы уголовному преследованию за аналогичное нарушение.

Тем не менее в теории уголовного права существуют альтернативные мнения ученых относительно правовой оценки действий пользователей каршеринговых транспортных средств под чужими регистрационными данными. В частности, предлагается ужесточить ответственность за подобные деяния путем внесения дополнительного квалифицирующего признака в ст. 166 УК РФ, связывающего неправомерное завладение транспортным средством с нарушением неприкосновенности частной жизни¹¹.

Резюмируя, можно констатировать, что существует реальная тенденция к отступлению от принципа вины в области практического правоприменения, несмотря на категорический запрет объективного вменения. Дискуссии среди ученых о допустимости отступления от принципа вины в основном сосредоточены на случаях, когда обвиняемый находится в состоянии опьянения, при квалификации деяний, в которых презюмируется знание каких-либо правил, а также в преюдициальных составах.

Приведенные в качестве примеров судебные решения по конкретным делам указывают на то, что на практике объективное вменение применяется и в случаях, когда деяние лица формально (технически) подпадает под признаки преступления, в то время как психическое отношение индивида к своим действиям, как к виновно совершенным, отсутствует.

Несмотря на ясно сформулированный тезис Конституционного суда РФ, следственно-судебные органы в ряде случаев трактуют законодательные нормы в пользу привлечения к уголовной ответственности за деяния, возникшие ввиду отсутствия понимания уголовно-правовых последствий совершенных действий (бездействия). На примере правоотношений, связанных с краткосрочной арендой (каршерингом) автомобилей, можно сделать вывод об отсутствии осознания индивидом противоправности своих

¹⁰ Определение Верховного суда РФ от 27 сентября 2022 г. по делу № 10-КГ22-3-К6 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2167738 (дата обращения: 15.10.2025).

¹¹ Халиуллина Л.Г. Особенности квалификации неправомерного завладения автомобилем сервиса «каршеринга» без цели хищения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kvalifikatsii-nepravomernogo-zavladeniya-avtomobilem-servisa-karsheringa-bez-tseli-hischniya> (дата обращения: 15.10.2025).

действий и общественной опасности деяния; нарушение условий договора аренды, совершенное без прямого умысла или неосторожности со стороны пользователя (при наличии контроля со стороны арендодателя), может быть ошибочно квалифицировано как уголовно наказуемое деяние при наличии альтернативы разрешения конфликта в гражданско-правовом поле.

Изложенное, по нашему убеждению, подчеркивает необходимость более тщательного анализа правоприменителями в их практической деятельности, осуществляемой как в процессе предварительного расследования, так и при разрешении уголовных дел по существу, субъективной стороны преступления и недопущения формального подхода к применению норм права. Отступление от этого требования чревато привлечением к уголовной ответственности невиновных лиц, что недопустимо в правовом государстве.

Самойлова Т.С.,

адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов,
адвокатская консультация «Защита по уголовным делам»
(г. Санкт-Петербург)

Слепченко А.Ю.,

адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов,
адвокатская консультация «Защита по уголовным делам»
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Бавсун М.В. Проблемы субъективного вменения в ходе реализации уголовной ответственности за нарушение правил ведения горных, строительных или иных видов работ / М.В. Бавсун, К.Д. Николаев, И.Г. Рагозина // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 1 (26).
2. Бавсун М.В. Целесообразность объективного вменения / М.В. Бавсун // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2 (22).
3. Лопашенко Н.А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение / Н.А. Лопашенко // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 9 (178).
4. Халиуллина Л.Г. Особенности квалификации неправомерного завладения автомобилем сервиса «каршеринга» без цели хищения / Л.Г. Халиуллина // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5.

Уголовно-правовой и криминологический анализ миграционной преступности террористического характера и экстремистской направленности

В настоящее время угроза миграционной преступности в Российской Федерации становится реальной. 2025 г. ознаменован приездом на территорию Российской Федерации 5,48 млн человек из Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Киргизии¹. Представленная статистика МВД России за 2024 г. по фактам зарегистрированной преступной деятельности свидетельствует о росте миграционной преступности, ее показатель составил 11,8 тыс. преступлений². Особое внимание следует уделить преступлениям террористического характера и экстремистской направленности, так как данная группа преступлений занимает особое место в связи с незаконной миграцией и выступает «преддверием» терроризма и экстремизма³. Согласно статистическим данным МВД России за 2024 г., мигрантами совершено 121 преступление экстремистской направленности и 253 зарегистрированных факта террористической деятельности⁴. В 2025 г. увеличивается тенденция численности вышеуказанных групп преступлений, что свидетельствует о росте в 2,7 раза террористических преступлений, совершенных мигрантами⁵. Под вышеуказанную статистику подпадают такие составы преступлений, как ст. 205, 205.1, 205.3, 206, 282, 282.1 282.2 УК РФ. Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин на итоговой коллегии 5 февраля 2025 г. сформулировал ряд проблем по вопросам миграционной преступности: «преступления мигрантов представляют угрозу безопасности страны, они все чаще совершают террористические и экстремистские преступления», «серьезная угроза общественной безопасности обозначилась все более дерзкими проявлениями экстремизма со стороны иностранных

¹ Иностранцы едут китайскими маршрутами. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7972592?ysclid> (дата обращения: 01.10.2025).

² Статистические данные МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/?ysclid=mg6ltyxbh9162502> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Богданов А.В., Ильинский И.И., Кудин О.В. Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 103.

⁴ Статистические данные МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/?ysclid=mg6ltyxbh9162502> (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ В Российской Федерации в 2,7 раза выросло число террористических преступлений, совершенных мигрантами. URL: <https://tass.ru/proisshествiya/2399> (дата обращения: 05.10.2025).

граждан»⁶. В связи с этим следует рассмотреть ряд причин и выяснить, что мотивирует мигрантов на совершение указанных преступлений, основные из них можно выделить следующие:

1) дискриминация и ксенофобия (подразумевает столкновение с враждебностью и дискриминацией со стороны принимающего общества, под воздействием фактора укрепления в мигрантах ощущения, что они являются жертвами несправедливой системы. Радикально настроенные пропагандисты умело эксплуатируют эти чувства, представляя терроризм как «справедливый ответ» на угнетение и унижение, тем самым оправдывая насилие в глазах маргинализированных групп. Ярким примером данного проявления служит убийство и захват заложников в исправительной колонии № 19 в Волгоградской области в г. Суровкино⁷. 23 августа 2024 г. четверо заключенных: уроженец Таджикистана, трое уроженцев Узбекистана напали на сотрудников колонии и других заключенных, взяв их в заложники. По заявлениям самих террористов, они являлись сторонниками запрещенного на территории Российской Федерации «Исламского государства» и мстили за задержанных по делу о теракте в «Крокус Сити Холле»);

2) тяжелая адаптация к новой среде в принимающем государстве и постепенное перерастание в неприязнь и конфликты (указанная причина содержится в Стратегии противодействия экстремизму в РФ, где закреплён фактор «неблагоприятной миграционной ситуации», являющийся движущей силой экстремистских проявлений⁸ и как следствие расхождение социально-экономического и социально-психологического характера при взаимодействии непривычных друг другу общностей);

3) экономическая уязвимость и дестабилизация политической ситуации из стран ближнего зарубежья (подразумевает финансовую нестабильность, бедность и отсутствие легальных источников дохода, что повышает восприимчивость мигрантов к предложениям террористических и экстремистских организаций, которые могут обещать материальную поддержку, «социальный статус» или ложное чувство принадлежности к «справедливой» миссии. Ярким примером служит совершенный теракт 22 марта 2024 г., в «Крокус Сити Холле». Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал ряд заявлений о трагедии: «Преступление совершено руками радикальных исламистов, с идеологией которых сам исламский мир борется веками», «те, кто

⁶ Бастрыкин заявил, что мигранты все чаще совершают экстремистские преступления и теракты. URL: <https://www.interfax.ru/russia/10064> (дата обращения: 05.10.2025).

⁷ Четверо заключенных ликвидированы: в Волгограде завершена операция по освобождению заложников в ИК-19. URL: <https://www.kp.ru/daily/27625.5/4975599/?> (дата обращения: 05.10.2025).

⁸ Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

планировали этот теракт, рассчитывали посеять панику и разлад в нашем обществе»⁹.

Совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности мигрантами обусловлено не только наличием определенных причин, но и совокупностью объективных и субъективных условий, создающих благоприятную среду для реализации преступного умысла, к их числу относят¹⁰:

1) наличие организационной инфраструктуры террористических и экстремистских групп (это условие обуславливает появление и развитие ячеек, сетей или онлайн-платформ, связанных с международными террористическими организациями, что создает необходимую логистическую, идеологическую и финансовую поддержку для вербовки, подготовки и координации преступных действий, так как лица, незаконно прибывающие в принимающей стране, являются социально уязвимыми под воздействием различных социальных процессов);

2) отсутствие механизмов раннего выявления радикализации (ввиду того что миграция — социальное явление, происходит несвоевременное реагирование институтами гражданского общества на раннее деструктивное поведение);

3) социально-пространственная изоляция мигрантов (данное условие способствует формированию этнических анклавов, «закрытых» диаспор, где доминируют альтернативные нормы поведения и отсутствует влияние общественных институтов, что активно способствует распространению радикальных идей и осуществление скрытой подготовки к преступлениям).

Стоит отметить, что преимущественно данные преступления совершаются в соучастии, с распределением ролей. Поэтому целесообразно предложить классификацию распределения ролей в преступлениях террористического характера и экстремистской направленности, совершенных мигрантами.

1. Идеологи и пропагандисты (эти лица занимаются разработкой и распространением радикальных идей, оправдывающих насилие как средство достижения политических, религиозных или этнических целей). Мигранты с высоким уровнем религиозной или политической грамотности, а также владеющие языками диаспор, часто выступают в роли «духовных наставников» или модераторов закрытых онлайн-сообществ. Как правило, судебная

⁹ Владимир Путин назвал цель и реальных виновников теракта в «Крокус Сити Холле»: главное с совещания о ходе расследования ужасного преступления. URL: <https://www.kp.ru/daily/27583/4909568/?ysclid=mgfq7ayly233336> (дата обращения: 08.10.2025).

¹⁰ Гасанов К.К., Харламов С.О., Егоров С.А. Тенденции и характеристика влияния миграционных процессов на совершение противоправных действий террористической и экстремистской направленности на территории Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 42.

практика складывается таким образом, что вышеуказанная деятельность квалифицируется по статье, связанной с публичными призывами к терроризму (ст. 205.2 УК РФ). Именно так в отношении иностранного гражданина районный суд г. Амура вынес обвинительный приговор по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ за размещение в социальных сетях видеороликов в поддержку запрещенной в России террористической организации, оставлял комментарии, в которых оправдывал ее деятельность и распространял данную идеологию среди своих коллег)¹¹.

2. Вербовщики и рекрутеры (эта роль отведена лицам, занимающимся вербовкой новых членов в террористические или экстремистские структуры). Вербовщики используют доверительные связи внутри этнических или религиозных общин, эксплуатируют уязвимость (социальную, экономическую, психологическую) потенциальных рекрутов и обеспечивают их «подключение» к деструктивным сетям. Исходя из сложившейся судебной практики, такие действия подпадают под такой состав преступления, как вербовка в террористическую организацию (ст. 205.3 УК РФ). Таким образом, первый Восточный окружной военный суд в Новосибирске признал двух иностранцев виновными в использовании мер конспирации, в вербовке жителей Новосибирской области для участия в деятельности запрещенной террористической организации на территории Российской Федерации)¹².

3. Непосредственные исполнители (ими нередко становятся молодые люди, прибывшие в принимающую страну, подвергшиеся идеям глубокой радикализации, как правило, для совершения преступлений, связанных с захватом заложников, предусмотренных ст. 206 УК РФ).

Необходимо перейти к рассмотрению ряда профилактических мероприятий, нацеленных на ликвидацию негативного явления:

1) усиление контроля за финансированием терроризма (совершенствование механизмов мониторинга трансграничных денежных переводов);

2) раннее выявление и пресечение деятельности вербовщиков (мониторинг в мигрантских общинах);

3) повышение осведомленности мигрантских сообществ о правовых последствиях соучастия в преступлениях террористического характера и экстремистской направленности;

4) создание центров социально-культурной адаптации с участием представителей диаспор, правозащитников и психологов;

5) поддержка трудоустройства и легализации статуса в целях снижения факторов маргинализации, способствующих радикализации.

¹¹ В Приамурье осудили иностранца за публичные призывы и оправдание терроризма. URL: <https://amurobl.tv/news/proisshestviya/2025-01-22-v-priamure-osudili-inostrantsa-za-publichnye-prizvy-i-opravdanie> (дата обращения: 08.10.2025).

¹² В Новосибирске два иностранца получили сроки по делу о вербовке в террористические группы. URL: <https://www.interfax.ru/russia/8988> (дата обращения: 08.10.2025).

Таким образом, анализ современной ситуации в сфере миграционной преступности в Российской Федерации свидетельствует о нарастании угрозы, связанной с совершением мигрантами преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Статистические данные МВД России за 2024–2025 гг. демонстрируют тревожную тенденцию: рост числа таких преступлений более чем в 2,7 раза, что подтверждает актуальность и остроту проблемы. Учитывая транснациональный характер терроризма и экстремизма, а также высокую уязвимость определенных групп мигрантов к радикализации, становится очевидной необходимость комплексного подхода к противодействию этим вызовам. Выявленные причины в совокупности с объективными условиями (наличие террористической инфраструктуры, изоляция диаспор, отсутствие механизмов раннего выявления радикализации) создают благоприятную среду для вербовки и подготовки преступных актов. При этом преступная деятельность, как правило, носит организованный характер с четким распределением ролей: от идеологов и вербовщиков до непосредственных исполнителей, что требует дифференцированного правового и профилактического реагирования. Эффективность борьбы с терроризмом и экстремизмом в контексте миграции возможна лишь при условии сочетания правоохранительных, социальных, информационных и мер, ориентированных на формирование сниженной уязвимости мигрантов и укрепление общественной устойчивости.

Сенцов В.В.,

адъюнкт Воронежского института Министерства внутренних дел
Российской Федерации
(г. Воронеж)

Литература

1. Адамович О. Владимир Путин назвал цель и реальных виновников теракта в «Крокус Сити Холле»: главное с совещания о ходе расследования ужасного преступления / О. Адамович // Комсомольская правда. 2024. 25 марта.
2. Афанасьева О. Четверо заключенных ликвидированы: в Волгограде завершена операция по освобождению заложников в ИК-19 / О. Афанасьева, И. Шереметьева, М. Горюнов // Комсомольская правда. 2024. 25 августа.
3. Богданов А.В. Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм / А.В. Богданов, И.И. Ильинский, О.В. Кудин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105).
4. Воронов А. Иностранцы едут китайскими маршрутами / А. Воронов, Э. Габдуллина // Коммерсантъ. 2025. 18 августа.
5. Гасанов К.К. Тенденции и характеристика влияния миграционных процессов на совершение противоправных действий террористической и экстремистской направленности на территории Российской Федерации / К.К. Гасанов, С.О. Харламов, С.А. Егоров // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5.

Субъект административной ответственности за неисполнение судебных актов: эволюция сквозь призму «широкого» уголовного права

Россия — страна большая и многогранная.

Оттого неудивительно, что «сила» права, сила российского права выражается, в том числе, в его комплексном характере. В сфере публично-правовой ответственности, с которой большинству сограждан приходится так или иначе контактировать на протяжении всей жизни, такой характер предполагает активное взаимодействие смежных областей: уголовно-правовой и административно-деликтной, осуществляемое на прочном легальном фундаменте. Фундаменте, который образует уголовное право как одна из базовых отраслей права.

Отнесение КоАП РФ к так называемому широкому уголовному праву¹ или уголовному праву «широкого типа»² давно и обстоятельно обосновано правоведами. Многие проблемы, с незавидной частотой возникающие в ходе применения названного Кодекса, не получится эффективно разрешить без обращения к обширному инструментарию уголовно-правовой науки.

Опишу одну из наиболее заметных проблем такого рода.

В КоАП РФ присутствует ст. 17.15, именуемая «Неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера». С 11 августа 2025 г. Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 273-ФЗ в указанную статью Кодекса была введена ч. 1.3, которая установила административную ответственность за неисполнение должником — органом государственной власти (государственным органом), органом местного самоуправления или государственным (муниципальным) казенным учреждением — содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный законодательством об исполнительном производстве. Данное деяние повлечет наложение на *должностных лиц* административного штрафа в размере от 10 до 20 тыс. рублей.

Стремительное принятие названного федерального закона, еще и состоявшееся в летний отпускной период, вызвало в среде правоприменителей

¹ Плигин В.Н. Вопросы кодификации законодательства об административных правонарушениях (уголовный проступок и административное правонарушение) // Административное право и процесс. 2025. № 2. С. 21–26; Писаревский И.И. Административная юрисдикция в зеркале уголовного судопроизводства: сравнение на основе функционального подхода // Администратор суда. 2023. № 2. С. 30–34.

² Хилjuta В.В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 90–103.

(суды, судебные приставы-исполнители и др.) оживленные дискуссии о том, как поступить с теми делами об административных правонарушениях, которые были возбуждены в отношении перечисленных в упомянутой норме органов и учреждений по ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ ранее.

Является ли вновь введенная норма специальной?

Декриминализовано³ ли деяние самих должников посредством ограничения ответственности кругом их должностных лиц?

Применять ли положения п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, гласящего, что производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению в случае признания утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное?

Эти и иные аналогичные вопросы пока остаются без ответов.

Попытаться дать их целесообразно не только с позиций КоАП РФ, несовершенство и «флюидность» которого стали притчей во языцех, но и с высоты УК РФ: недаром что постулаты об обратной силе уголовного закона (ст. 10), а также о приоритете специальной нормы над общей (ч. 3 ст. 17) образуют одни из важнейших в уголовном праве.

Но начать стоит с законодательства административного.

Согласно ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ административным правонарушением признается неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора.

По данной норме длительное время привлекались органы государственной власти (в большинстве случаев — уровня субъекта Российской Федерации) и местного самоуправления, которых по различные судебные инстанции обязывали исполнять «трудные», недостаточно финансируемые публичные обязательства, вроде обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей из числа лиц, оставшихся без попечения родителей, расселения жильцов ветхих жилых помещений, выплаты компенсаций лицам, пострадавшим от стихийных бедствий, и т.п. Все подобные обязательства исполняются по правилам гл. 13 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) как требования неимущественного характера, не подлежащие непосредственной денежной оценке.

³ Некоторые авторы, настаивая на отличной от УК РФ фразеологии, предпочитают термин «деделиктолизация»: Мотрович И.Д., Васильева Н.Л. Общественно значимая информация: проблемы терминологии в российском законодательстве // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 39–42; Зырянов С.М. Проблемы конструирования составов административных правонарушений в статьях Особенной части КоАП РФ // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 105–126; Немченко Г.И. Экономико-правовая интерпретация фактов взяточничества (статистический анализ) // Lex russica. 2019. № 5. С. 105–116 и др.

В новой ч. 1.3 ст. 17.15 КоАП РФ прямым текстом сказано, что ответственность по ней несут должностные лица (работники) организаций-должников, сами же должники в числе субъектов ответственности не перечисляются.

Налицо не что иное, как декриминализация, легко объясняемая стремлением федерального законодателя разгрузить бюджетную систему, наконец-то избавив ее от дорогостоящего и энергоемкого администрирования многочисленных штрафов, налагаемых по ст. 17.15 КоАП РФ, которые на деле означали простой межбюджетный переток средств. Штрафов, во-многом остававшихся «виртуальными».

Представляется также, что норма выступает специальной по отношению к ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ, по которой соответствующие должники привлекались прежде. Несомненно, что в административно-деликтном праве действует доктринальный принцип *lex specialis derogat generali* («специальный закон вытесняет общий»): в отличие от уголовного законодательства он, может, и не закреплён текстуально, но со всей достоверностью выводится из общего смысла КоАП РФ и места, занимаемого названным Кодексом и иным законодательством об административных правонарушениях в системе публично-правовой ответственности.

В уголовном праве общепринятой точкой зрения является та, что конкуренция общей и специальной норм представляет собой соотношение уголовно-правовых норм, находящихся в отношении подчинения по объёму. Общая норма — это понятие, которое имеет большую степень обобщения, включает в себя множество случаев, а специальная норма является одним из таких случаев. В возникающей конкуренции всегда применяется специальная норма, которая и является индивидуальным случаем из множества. Она имеет все существенные признаки общей нормы и конкретизирует один или несколько из этих признаков. При этом специальная норма применяется независимо от того, более или менее суровую ответственность она устанавливает по сравнению с общей нормой⁴.

Приведенные рассуждения применимы к КоАП РФ.

В ч. 1.3 ст. 17.15 КоАП РФ описан один из частных случаев предусмотренного ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ неисполнения требований исполнительного документа — совершенный должником, который является публично-правовым образованием.

Однако специфика КоАП РФ такова, что не может сразу не рождать некоторые «но». Разница с УК РФ заключается в том, что субъект административной ответственности: юридическое или физическое лицо, должностное лицо или индивидуальный предприниматель, в КоАП РФ указаны непосредственно в санкции нормы Особенной части — напротив применимого наказания.

⁴ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.

Сложности с верной оценкой рассматриваемой правовой ситуации заставили некоторых правоприменителей прийти к выводу о том, что ч. 1.3 ст. 17.15 КоАП РФ вовсе не исключает ответственность за неисполнение органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления и государственными (муниципальными) казенными учреждениями требований неимущественного характера, а лишь *дополняет* ее ответственностью должностных лиц. Поэтому, полагают они, сами органы и учреждения следует продолжать привлекать по ч. 1, а вот виновных в неисполнении должностных лиц указанных органов и учреждений — по новой ч. 1.3 ст. 17.15 КоАП РФ.

Многих смущали и равным образом специальные нормы ч. 2, 2.1 данной статьи. Первая наказывает неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, вновь установленный судебным приставом-исполнителем после наложения административного штрафа (повторное нарушение), а вторая — те же деяния, если исполнительный документ содержит требования неимущественного характера, связанные со специальными законодательными требованиями: обеспечением пожарной безопасности, промышленной безопасности или безопасности гидротехнических сооружений, соблюдением требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий), реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства или ввода его в эксплуатацию либо обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

С обозначенными подходом и логикой нельзя согласиться.

К изложенному выше, в том числе о приоритете специальной административно-деликтной нормы, добавлю следующее.

Во-первых, ответственность должностных лиц сохраняется и в ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ. Более того, наказание в виде административного штрафа в ч. 1.3 осталось для них прежним — от 10 до 20 тыс. рублей. Исходя из этого, получается, что Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 273-ФЗ в соответствующей части принят бесцельно: ведь он совсем не видоизменяет действующее правовое регулирование.

Во-вторых, само разделение административной ответственности за одно и то же деяние между общей и специальной нормой Особенной части КоАП РФ в зависимости от субъекта административного правонарушения вызывает огромные вопросы с точки зрения построения Кодекса и действительных замыслов законодателя.

В-третьих, дальнейшему применению ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ в отношении органов государственной власти и местного самоуправления препятствует обстоятельство, что ответственность по ней наступает только после вынесения судебным приставом-исполнителем постановления о взыскании

с должника исполнительского сбора. Между тем в новой редакции Закона об исполнительном производстве указанный сбор не взыскивается, когда исполнительное производство возбуждается в отношении должника — органа государственной власти (государственного органа), органа местного самоуправления или государственного (муниципального) казенного учреждения (п. 10 ч. 1 ст. 112). Данное нововведение имеет обратную силу, улучшая положение должников.

В-четвертых, ч. 2 и 2.1 ст. 17.15 КоАП РФ карают лишь за повторность первичного деяния, которое декриминализировано. Следовательно, их применение в отношении должников — органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления или государственных (муниципальных) казенных учреждений также не представляется более возможным.

Единственным, но весьма бросающимся в глаза пробелом остается отсутствие в ч. 2.1 ст. 17.15 КоАП РФ (специальная норма) указания на ответственность должностных лиц, тогда как в ч. 2 (общая норма) оно имеется. Такое состояние дел вызовет понятные затруднения при квалификации повторного совершения должностными лицами должников, названных в ч. 1.3 данной статьи, неисполнения тех самых специальных требований законодательства.

Итак, ранее возбужденные по ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ дела об административных правонарушениях подлежат прекращению на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ — *«в связи с наличием по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей или той же частью статьи КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, либо постановления о возбуждении уголовного дела»*.

Отныне в делах по ч. 1.3 ст. 17.15 КоАП РФ будут преследоваться конкретные должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, которым грозят административные штрафы на сотни тысяч и даже миллионы рублей.

Производство по ним, безусловно, усложнится.

Одно дело накладывать штрафы, к примеру, на муниципалитеты, которые их по итогу спишут в рамках бюджетного законодательства, а другое — на их руководителей. Должники — юридические лица отвечали почти по правилам хорошо знакомого уголовному праву «объективного вменения»⁵; вину

⁵ Об этом см., например: Ермолаева Е.В. Презумпция вины юридического лица в совершении административного правонарушения // Административное право и процесс. 2022. № 11. С. 20–23.

должностных лиц установить окажется сильно сложнее — каким бы эффективным и добросовестным конкретный руководитель ни был, в нынешних экономических условиях ему практически не под силу будет найти необходимое финансирование.

Исходя из ст. 2.4 КоАП РФ должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения им административного правонарушения исключительно в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

И то и другое на практике доказываются непросто.

Описанная выше проблема масштабируется на всю страну, вследствие повсеместной дефицитности бюджетов разных уровней, особенно муниципальных, и неисполнения в этой связи множества решений судов, дела по ст. 17.15 КоАП РФ в изрядном количестве есть и будут почти в каждом регионе Российской Федерации. И так как благая идея достичь максимально единообразного правоприменения на всей территории нашей страны опять обрела актуальность⁶, скорейшее решение данной проблемы представляется принципиальным.

Смоляков П.Н.,
судья Забайкальского краевого суда,
доцент Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук
(г. Иркутск)

Литература:

1. Ермолаева Е.В. Презумпция вины юридического лица в совершении административного правонарушения / Е.В. Ермолаева // Административное право и процесс. 2022. № 11.
2. Зырянов С.М. Проблемы конструирования составов административных правонарушений в статьях Особенной части КоАП РФ / С.М. Зырянов // Журнал российского права. 2020. № 8.
3. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография / Л.В. Иногамова-Хегай. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2015.
4. Мотрович И.Д. Общественно значимая информация: проблемы терминологии в российском законодательстве / И.Д. Мотрович, Н.Л. Васильева // Административное право и процесс. 2022. № 10.
5. Немченко Г.И. Экономико-правовая интерпретация фактов взяточничества (статистический анализ) / Г.И. Немченко // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5 (150).
6. Писаревский И.И. Административная юрисдикция в зеркале уголовного судопроизводства: сравнение на основе функционального подхода / И.И. Писаревский // Администратор суда. 2023. № 2.
7. Плигин В.Н. Вопросы кодификации законодательства об административных правонарушениях (уголовный проступок и административное правонарушение) / В.Н. Плигин // Административное право и процесс. 2025. № 2.
8. Хилjuta В.В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? / В.В. Хилjuta // Журнал российского права. 2023. № 9.

⁶ Краснов призвал привести судебную практику к единообразию // Интернет-портал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690a7c899a79479d6e11e071> (дата обращения: 26.11.2025).

Проблемные вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (судебная практика)

В современной России проблема домашнего насилия является одним из наиболее актуальных направлений предупреждения преступности. Стоит отметить, что общественная опасность преступлений, направленных на несовершеннолетних, обусловлена тем, что насилие в отношении детей или пренебрежение их основными потребностями оказывают негативное влияние на физическое, психологическое и нравственное развитие ребенка, также нарушают его социализацию, порождает безнадзорность и правонарушения среди несовершеннолетних¹.

Всегда хочется думать и верить, что в своей семье мы, как в надежном убежище, сможем укрыться от стрессов и перегрузок нашего беспокойного мира, что бы ни угрожало нам вне дома, мы надеемся найти защиту и поддержку в любви тех, с кем мы поддерживаем самые близкие отношения. Однако для многих людей желание обретения семейного покоя оказывается невыполнимым, так как их близкие являются скорее источником угрозы, чем надежности и безопасности².

Криминализация семьи генерирует рост преступности в целом, деформируя процесс социализации, укрепления и развития позитивных общественных связей. Насильственные деяния вызывают особый общественный резонанс и являются фактором, отрицательно влияющим на качество жизни в России³.

Жестокое обращение с детьми зачастую носит латентный характер, а потому имеет сложности с их выявлением и квалификацией⁴.

Исходя из контекста ст. 156 УК РФ, под жестоким обращением следует понимать *невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей*

¹ Корякина В.А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 385–387.

² Шикла И.Р., Афанасьев М.В. Проблемы квалификации противодействия преступлениям в семейной сфере (судебная практика) // в сборнике: Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Научные труды кафедры уголовного права. Москва, 2024. С. 141–153.

³ Там же. С. 142.

⁴ Акиев А.Р., Фисенко Д.Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной ст. 156 УК РФ // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-neispolneniya-obyazannostey-po-vozpitaniiyu-nesovershennoletnego-i-napravleniya-sovershenstvovaniya-normy>

по воспитанию ребенка, совершенное как путем действия и бездействия, которое по своему характеру или причиняемым последствием носит жестокий характер. Это, например, лишение питания, обуви и одежды, грубое нарушение режима дня, которое обусловлено именно потребностями ребенка определенного возраста, лишение сна, отдыха и др.

Если последствием жестокого обращения стала смерть ребенка или вред его здоровью, то ст. 156 УК РФ не применяется, а квалификация будет по ст. 105, 109–112, 115, 117, 118 УК РФ.

Так, Быкова осуждена по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105, ст. 156 УК РФ. Судебная коллегия исключила из приговора ст. 156 УК РФ как излишне вмененную по следующим основаниям. Быкова не отрицала того, что свою беспомощную дочь оставила на несколько дней в закрытой квартире в коляске без воды и пищи. Как видно из показаний свидетеля К., днем 12 августа 2003 г. в детское отделение больницы работниками милиции была доставлена в тяжелом состоянии 2-месячная Быкова Екатерина. При осмотре ребенка установлено истощение с понижением веса, с признаками обезвоживания организма. Тело ребенка было грязным, кожа воспалена, с опрелостями. Диагноз «дистрофия» вызван голоданием девочки в течение нескольких дней. Лишение ребенка пищи и воды привело к необратимым нарушениям функций жизненно важных органов и систем организма. Жизнь потерпевшей спасти не удалось, она скончалась в реанимационном отделении. Соглашаясь с выводами суда о доказанности вины Быковой в умышленном убийстве своей дочери и признавая правильной квалификацию ее действий по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Судебная коллегия сочла излишне предъявленным обвинение Быковой в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Суд первой инстанции, признав Быкову виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, в обоснование своих выводов в этой части сослался в приговоре на совершение ею действий, которые повлекли смерть ребенка и за которые она осуждена по ст. 105 УК РФ. Таким образом, преступные действия Быковой охватывались одной статьей Уголовного кодекса Российской Федерации — п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁵.

По приговору Камчатского краевого суда от 22 июня 2021 г. Г.М. и Г.А. осуждены по п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 115, ст. 156 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2021 г. приговор изменен. Исключена из приговора ссылка на недопустимое доказательство — показания оперуполномоченного ОУР ОМВД по ЗАТО Вилючинск Ю., в которых он пояснил, что Гаврилов А.А. ему рассказывал об обстоятельствах совершения им преступлений; исключено из приговора осуждение Гавриловой М.И. и Гаврилова А.А. по ст. 156 УК РФ, как излишнее

⁵ URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/prigovor_po_st_156_uk_rf/

(основание — суд первой инстанции, признав осужденных виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, в обоснование своих выводов в этой части сослался в приговоре на совершение ими действий в указанный период, за которые они осуждены по п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 115 УК РФ. Пренебрежение основными потребностями и нуждами детей выступает в качестве способа, направленного на реализацию умысла по п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 115 УК РФ, соответственно, действия осужденных не требуют дополнительной квалификации по ст. 156 УК РФ. С учетом изложенного, судебная коллегия пришла к выводу об исключении из приговора осуждение Гавриловой М.И. и Гаврилова А.А. по ст. 156 УК РФ, как излишнее: осужденные оставили своих малолетних детей в комнате, где был низкий температурный режим, не кормили детей необходимой им пищей и водой, при этом понимая, что от недостатка (отсутствия) пищи и воды дети будут пребывать в угрожающем для жизни состоянии, испытывая особые мучения и страдания, что может повлечь за собой наступление смерти сына и причинение вреда здоровью дочери, не желая их наступления и имея при этом реальную финансовую и физические возможности к вышеуказанным последствиям относились безразлично, не принимали действий, направленных на сохранение жизни и здоровья детей⁶.

Приговором суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 6 февраля 2023 г. О. осуждена по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 9 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима. Оправдана по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 156 УК РФ на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в ее действиях составов преступлений с признанием за ней права на реабилитацию.

Апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2023 года приговор оставлен без изменения.

По приговору суда О. признана виновной в умышленном причинении своему малолетнему ребенку О. 2020 года рождения, тяжкого, опасного для жизни, вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего — О. на почве личных неприязненных отношений, раздраженная тем, что ее малолетний сын О. капризничает, руками подняла его на уровень своей груди и бросила с указанной высоты, при падении О. ударился головой об пол. В продолжение своих действий О. взяла на руки О. и стала его трясти, затем бросила вниз лицом на диван, надавила ему рукой на голову и шею и удерживала в таком положении до тех пор, пока О. не переставал издавать звуки. В результате действий Очкуровой В.Г. О. были причинены закрытая черепно-мозговая травма, повлекшая за собой смерть потерпевшего,

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) (ред. от 25.04.2025).

*а также закрытые травмы грудной клетки и шейного отдела позвоночника и ряд других менее значительных телесных повреждений*⁷.

По своему содержанию жестокое обращение может быть различным, что зависит от тех общественных отношений, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда конкретным преступлением — различных объектах уголовно-правовой охраны его формы остаются неизменными. Ими являются физическое, психическое и сексуальное насилие⁸.

В настоящее время в России отсутствует специальный закон о предотвращении жестокого обращения с детьми, а существующее законодательство крайне фрагментировано и лишено системности⁹.

Во многих семьях в «воспитательных целях» могут быть применены физические наказания, например, порка ремнем, подзатыльники и т.д. Тем не менее насилие в «воспитательных целях» даже при наличии признаков деяния, предусмотренное УК РФ, в силу своей малозначительности может не признаваться преступлением. Уголовный кодекс Российской Федерации отрицает преступность деяния, хотя формально и содержащего признаки преступления, но в силу малозначительности не представляющего общественной опасности¹⁰.

Например, применение в отношении ребенка ремня является ненадлежащим способом воспитания и нарушает права ребенка, но в силу малозначительности — зачастую, не является преступлением¹¹.

Так, приговором Старооскольского городского суда Белгородской области П. осужден по ст. 156 УК РФ¹². Он признан виновным в ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетней дочери Кристины, соединенном с жестоким обращением с несовершеннолетней. Только вот судебная коллегия отменила приговор по следующим основаниям: Осужденный признал, что наказал свою дочь Кристину ремнем, так как та стала плохо учиться, не ночевала дома, начала курить и употреблять спиртные напитки, поэтому он побил ее ремнем. Между тем ранее таких случаев не наблюдалось. Судебно-медицинская экспертиза выявила крово-

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 октября 2023 г. № 69-УД23-11-А2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Решетникова Г.А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2–2. С. 140–143.

⁹ Дьяченко А. Актуальные проблемы защиты детей от жестокого обращения в современной России // Уголовное право. 1999. № 4.

¹⁰ Корякина В.А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (статья 156 УК РФ) // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 385–387.

¹¹ Жестокое обращение с несовершеннолетними в контексте ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). URL : https://27.mvd.rf/Pravovoe_informirovanie/Pravovaja_pomoshh_detjam/ZHestokoe_obrashhenie_s_nesovershennolet

¹² Информационный бюллетень Белгородского областного суда. 2007. № 10. URL: http://www.staroskolskygor.blg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=112

подтеки на теле потерпевшей, которые могли образоваться от 11 травматических воздействий тупых твердых предметов, но как вред здоровью расцениваться не будет, поэтому тяжесть их не определяется. В итоге судебная коллегия пришла к выводу, что формально в действиях отца девочки имеются признаки деяния, предусмотренные УК РФ, но в силу малозначительности они не представляют общественной опасности и не являются преступлением¹³.

Жестокое обращение с несовершеннолетним выступает в качестве криминообразующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, а также признака, отграничивающего преступление (ст. 156 УК РФ) от административного правонарушения (ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ), которое заключается в неисполнении или ненадлежащем исполнении родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних¹⁴.

Так, Приговором мирового судьи Западного судебного участка г. Инты Республики Коми от 14 декабря 2023 года Т. осуждена по ст. 156 УК РФ к штрафу в размере 5.000 руб. за ненадлежащее исполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетних родителем, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетними. Так, Т. в кассационной жалобе указала, что была привлечена 20 октября 2021 года к административной ответственности по ч. 1 ст. 535 КоАП (Неисполнение родителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), то возбуждение уголовного дела в отношении осужденной 13 декабря 2021 года по ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) за совершение тех же действий, в отношении своих несовершеннолетних детей считает не законным. Суд апелляционной инстанции указал, что наличие возбужденного административного производства не свидетельствует о незаконности следственных действий, так как на момент постановления обжалуемого приговора постановление о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 535 КоАП РФ от 20 октября 2021 года было отменено¹⁵.

Понятие жестокого обращения не получило должного законодательного разъяснения. В связи с тем, что данный термин является оценочным, полага-

¹³ Корякина В.А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (статья 156 УК РФ) // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 385–387.

¹⁴ Акиев А.Р., Фисенко Д.Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 31–38.

¹⁵ Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2024 г. по делу № 77-2584/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

ем, что это обстоятельство существенно усложняет его толкование и увеличивает вероятность возникновения определенных сложностей в правовой оценке содеянного, а также служит причиной появления противоречий в правоприменении¹⁶.

Следует отметить, что в юридической литературе предлагаются различные подходы к определению содержания «жестокое обращение».

К примеру, Г.П. Мшвениерадзе применительно к составу ст. 156 УК рассматривает жестокое обращение как умышленное применение физического или (и) психического насилия, приносящее физические и душевные страдания потерпевшему. По его мнению, жестокое обращение может быть выражено как в активных действиях в отношении несовершеннолетнего (лишение свободы, нанесение побоев, издевательства, избиение, истязание и т.п.), так и в бездействии (непредоставление пищи, одежды и т.п.)¹⁷.

А.Н. Игнатов к фактам, обнаруживающим жестокое обращение с несовершеннолетним, относит непредоставление последнему питания, запираение одного в помещении на долгое время, систематическое унижение его достоинства, издевательства, нанесение побоев и т.п.¹⁸

Т.Я. Сафонова, Е.И. Цымбал выделяют следующие формы жестокого обращения с ребенком: во-первых, физическое насилие; во-вторых, сексуальное насилие — использование ребенка взрослым для удовлетворения сексуальных потребностей, в том числе вовлечение в проституцию, порнобизнес и др.; в-третьих, психическое (эмоциональное) насилие — постоянные или периодические словесные оскорбления, угрозы, унижение его человеческого достоинства, предъявление требований, не соответствующих его возрастной категории, и др.; в-четвертых, пренебрежение интересами и нуждами ребенка, что означает отсутствие должного обеспечения нужд и потребностей ребенка в пище, одежде, жилье, воспитании, образовании, медицинской помощи со стороны родителей и лиц, их заменяющих, в силу ряда объективных причин (бедность, психическая болезнь, неопытность) и без таковых¹⁹.

По мнению О.В. Пристанской, под жестоким обращением с детьми следует понимать в том числе лишение питания, обуви и одежды, грубое нарушение режима дня, обусловленного психофизиологическими потребностями

¹⁶ Акиев А.Р., Фисенко Д.Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 31–38.

¹⁷ Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1998.

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева, Ю.И. Скуратова. М., 1996.

¹⁹ Решетникова Г.А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2-2. С. 140–143.

ребенка определенного возраста, лишение сна и отдыха, невыполнение элементарных гигиенических норм (влекущее за собой, например, педикулез, чесотку и пр.), невыполнение рекомендации и предписаний врача по профилактике заболеваний и лечению ребенка, отказ или уклонение от оказания ребенку необходимой медицинской помощи и др.²⁰

Несмотря на различные подходы к определению жестокого обращения с несовершеннолетним, практически все ученые единодушны в том, что, поскольку рассматриваемый признак состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, является криминообразующим, то нуждается в определенной конкретизации и четком разъяснении на правовом уровне, а также в выработке дефиниций его отдельных форм (физического, сексуального, психического насилия).

Приведенные выше трактовки показывают, что по своему содержанию жестокое обращение может быть различным, в зависимости от тех общественных отношений, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда конкретным преступлением. Однако его формы вне зависимости от объекта уголовно-правовой охраны всегда остаются неизменными. Ими являются физическое, психическое и сексуальное насилие, дающее качественно другую характеристику деянию — неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, иначе говоря, представляющее собой своеобразие его исполнения²¹. *Таким образом, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего уголовно наказуемо, только если оно соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.*

В судебной практике жестокое обращение чаще всего трактуется в форме физического или психического насилия, применяемого в отношении несовершеннолетнего (систематические нанесение побоев, умышленное причинение легкого вреда здоровью, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и т.п.), а также в применении к детям недопустимых способов воспитания (грубое, пренебрежительное, унижающее человеческое достоинство обращение с детьми, их оскорбление и т.п.).

Так, приговором судебного участка № 2 г. Шумерля Чувашской Республики от 26 апреля 2012 г. М. признана виновной по ст. 156 УК РФ, назначено наказание в виде исправительных работ на срок 1 год 10 месяцев с удержанием в доход государства 10% заработка, ежемесячно. М., 21 января 2012 года около 07 часов, находясь в доме у К., устроила словесный скандал со своей не-

²⁰ Пристанская О.В. Применение уголовно-правовых норм, направленных против жестокого обращения с несовершеннолетними / О.В. Пристанская // Журнал российского права. 2001. № 8.

²¹ Решетникова Г.А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2–2. С. 140–143.

совершеннолетней дочерью К. В ходе которого с целью причинения телесных повреждений, умышленно нанесла последней один удар рукой в область затылочной части головы, причинив тем самым К. физическую боль.

Она же, М, 26 января 2012 года около 14 часов, находясь на лестничной площадке первого этажа второго подъезда дома №*** Шумерля Чувашской Республики, устроила словесный скандал со своей несовершеннолетней дочерью К. В ходе которого с целью причинения телесных повреждений, умышленно нанесла последней пять ударов рукой по голове и два раза пнула сапогом в область ягодицы. Далее М., схватила свою дочь за куртку и отшвырнула к стене, отчего К. головой ударилась об стену. Своими противоправными действиями М. причинила К. физическую боль²².

Жестокое обращение с несовершеннолетним нередко проявляется в истязании и издевательствах над ребенком в форме лишения пищи, тепла, воды.

Приговором мирового судьи Гайского района Оренбургской области по делу № 1-12/21/2020 Ф*** осуждена по ст. 156 УК РФ, назначено наказание в виде 220 часов обязательных работ. Так, Ф***, являясь матерью, то есть законным представителем своего несовершеннолетнего сына — М*** ненадлежащим образом исполняла свои обязанности по его воспитанию и содержанию, а именно не обеспечивала сыну комфортную и развивающую среду, не создавала благоприятную санитарную обстановку для его жизни и развития, а также причинила вред М*** его психическому и нравственному развитию, путем пренебрежительного, жестокого, грубого и унижающего человеческое достоинство обращения, оскорблений, выразившихся в неоднократном употреблении при общении с ним в присутствии посторонних ненормативной лексики (нецензурных и бранных слов), в том числе обращения к сыну по кличке, оставления на улице в холодное время года, тем самым Ф*** ненадлежащим образом исполняла свои родительские обязанности, при этом являясь трудоспособным лицом, не принимающим попыток к постоянному трудоустройству, материально своего несовершеннолетнего сына М*** в должной мере не обеспечивала, в связи с чем у него отсутствовала необходимая одежда и обувь²³.

Кроме того, необходимо отметить, что судебная практика исходит из того, что жестокое обращение должно свидетельствовать об определенной системе, линии поведения виновного.

²² Судебная практика по вопросам назначения наказания по уголовным делам, предусмотренным ст. 156 УК РФ за 2020 год / судебный участок № 1 города Гая и в административно-территориальных границах всего Гайского района Оренбургской области // URL: <https://gair.kodms.ru/press/sudebnaya-praktika-po-voprosam-naznacheniya-nakazaniya-po-ugolovnym-delam-predusmotrennym-st-156-uk-rf-za-2020-god>

²³ Судебная практика по вопросам назначения наказания по уголовным делам, предусмотренным ст. 156 УК РФ за 2020 год // URL: <https://gair.kodms.ru/press/sudebnaya-praktika-po-voprosam-naznacheniya-nakazaniya-po-ugolovnym-delam-predusmotrennym-st-156-uk-rf-za-2020-god>

В связи с этим единичные случаи физического насилия, имевшие место в отношении детей со стороны родителей, педагогов и иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, зачастую не признаются в качестве преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ²⁴. По этой причине суды указывают на необходимость установления двух, трех и более фактов причинения именно телесных повреждений, а также дат их причинения.

Так, по приговору мирового судьи судебного участка Сахалинской области (Охинский район) от 18 июля 2023 г., оставленным без изменения апелляционным постановлением Охинского городского суда Сахалинской области от 01 ноября 2023 г. и кассационным постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 марта 2024 г., Кирина Л.А. признана осужденной по ст. 156 УК РФ к штрафу в размере 15000 руб.

Ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего педагогическим работником, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним, выразилось, по мнению суда, в том, что она с сентября 2021 г. по 06 мая 2022 г. кричала на С. и оскорбляла его, допускала пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, высказывая в адрес несовершеннолетнего С. упреки и оскорбления по поводу его поведения и несоблюдения правил поведения в общеобразовательном учреждении, использовала жестокие методы воспитания ребенка, умышленно под предлогом желания навести дисциплину и порядок на уроке географии, применяла недопустимые методы воздействия, заставила С. залезть под стол, после чего придавила его стулом, причиняя несовершеннолетнему С. психические страдания, причинила вред его нравственному и физическому развитию. Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 02 октября 2024 г. № 64-УД24-5-К9, приговор мирового судьи судебного участка ... Сахалинской области (Охинский район) от 18 июля 2023 г., апелляционное постановление Охинского городского суда Сахалинской области от 01 ноября 2023 г. и кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 марта 2024 г., отменены, уголовное дело прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в действиях Кириной Л.А. состава преступления; признано право на реабилитацию.

В приговоре суда не установлено данных, свидетельствующих об ухудшении эмоционального и физического развития С. вследствие действий Кириной Л.А. и не приведено каких-либо объективных доказательств, подтвержда-

²⁴ Акиев А.Р., Фисенко Д.Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 31–38.

дающих данные обстоятельства. В материалах дела отсутствуют заключения судебно-психологических экспертиз, позволяющих сделать вывод о том, что своими действиями Кирина Л.А. причинила потерпевшему нравственные либо психические страдания. Доказательств причинения вреда физическому здоровью потерпевшего в материалах дела не имеется, в приговоре не приведено. В приговоре нераскрыты обстоятельства, образующие признак оскорбления — унижение человеческого достоинства С. В показаниях потерпевшего и его законного представителя, приведенных в приговоре, не содержится сведений о внутренних переживаниях, ощущениях и эмоциях, относительно высказываний Кириной Л.А.

В материалах дела не имеется каких-либо объективных данных о том, что установленные судом в приговоре действия Кириной Л.А. систематически причиняли потерпевшему физические страдания; не указано, в чем конкретно выразился вред, причиненный нравственному и физическому развитию С. действиями Кириной Л.А., не приведено доказательств, подтверждающих данный вывод. Делая вывод о систематическом унижении человеческого достоинства С., суд надлежало не мотивировать и не установить совокупности конкретных фактов такого унижения, которые могли бы свидетельствовать о систематических действиях Кириной Л.А.

Факт того, что Кирина Л.А. задвинула стул в тот момент, когда С. находился под учительским столом, сам по себе, как единичный случай, не может быть расценен как систематическое унижение человеческого достоинства, образующий состав преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ²⁵.

В юридической литературе по рассматриваемой проблеме также отсутствует определенность. К примеру, нанесение побоев или истязание несовершеннолетнего охватывается признаком «жестокое обращение» и дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ и ч. 1 ст. 117 УК РФ не требуется²⁶.

Вместе с тем приговором Заинского городского суда Республики Татарстан № 1-17/2010 М. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ст. 156 УК РФ, за то, что систематически наносила побои и совершала иные насильственные действия в отношении своего малолетнего сына К., причиняя ему тем самым физические и психические страдания²⁷.

В то же время другие суды, напротив, при квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженного с приме-

²⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02 октября 2024 г. № 64-УД24-5-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Решетникова Г.А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-kvalifikatsii-neispolneniya-obyazannostey-po-vospitaniyu-nesovershennoletnego-st-156-uk-rf>

²⁷ URL: <https://rospravosudie.com>

нением насилия, исключают из обвинения квалификацию по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим уголовную ответственность за применение в отношении несовершеннолетнего физического или психического насилия.

Так, *приговором Краснохолмского района Тверской области по делу № 1-58/11 вынесен приговор в отношении С., которая, являясь работником образовательного учреждения, находясь в помещении ясельной группы детского сада, во время рабочей смены с целью наказания за то, что ребенок плакал, незаконно закрыла несовершеннолетнего воспитанника ясельной группы Т. одного в туалете и не выпускала его оттуда около пяти минут, причинив ему тем самым психические страдания. Действия воспитательницы детского сада, связанные с незаконным лишением свободы ребенка, были рассмотрены судом в качестве недопустимого способа «воспитания» несовершеннолетнего, в связи с чем, ее деяние суд квалифицировал только по ст. 156 УК РФ*²⁸.

На основании вышеизложенного следует заключить, что наличие проблем в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, в совокупности с обозначенными проблемами его квалификации и неоднородной судебной практикой не могут выступать основой вынесения законных и справедливых приговоров за совершение данного преступления.

Полагаем, что целесообразно дополнить ст. 66 Семейного Кодекса РФ и включить «обращение, унижающее человеческое достоинство несовершеннолетнего», в качестве отдельного основания для лишения родительских прав.

Проблема применения ст. 156 УК РФ заключается в первую очередь в интерпретации понятия «жестокое обращение», которое охватывает широкий спектр действий (бездействия), которые могут считаться неисполнением обязанностей по воспитанию ребенка, и довольно сложно определить, в каких случаях это неисполнение является достаточным для привлечения к уголовной ответственности.

Староверова Н.В.,

судья Горномарийского районного суда Республики Марий Эл,
соискатель кафедры административного и трудового права
Юго-Западного государственного университета
(г. Курск)

²⁸ Акиев А.Р., Фисенко Д.Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 31–38.

Литература

1. Акиев А.Р. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ / А.Р. Акиев, Д.Ю. Фисенко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37).
2. Дьяченко А. Актуальные проблемы защиты детей от жестокого обращения в современной России / А. Дьяченко, Е. Цымбал // Уголовное право. 1999. № 4.
3. Корякина В.А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (статья 156 УК РФ) / В. А. Корякина. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 49 (444).
4. Пристанская, О.В. Применение уголовно-правовых норм, направленных против жестокого обращения с несовершеннолетними / О.В. Пристанская // Журнал российского права. 2001. № 8.
5. Решетникова Г.А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ). Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2-2.
6. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Н.Н. Афанасьев, Н.И. Ветров, Р.Л. Габдрахманов ; ответственные редакторы: Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. Москва : Новый Юрист, 1998.
7. Шикула И.Р. Проблемы квалификации противодействия преступлениям в семейной сфере (судебная практика) / И.Р. Шикула, М.В. Афанасьев // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права : научные труды кафедры уголовного права. Вып. 14 / члены редакционного совета: А.А. Арямов, А.В. Бриллиантов, С.В. Складов ; ответственный редактор И.Ю. Янина. Москва : Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, 2024.

Темпоральные границы уголовного преследования: проблема определения его начального этапа

Вопрос о том, когда именно начинается уголовное преследование, не является новым для науки уголовного процесса и не является праздным, чтобы просто порассуждать. На протяжении более чем столетия отечественные процессуалисты предпринимали попытки его разрешения, однако окончательное научное согласие так и не было достигнуто.

Значение точного определения момента начала уголовного преследования трудно переоценить для теории и практики уголовного процесса, поскольку оно непосредственно связано с гарантиями прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Актуальность вопроса усиливается в условиях развития цифровизации правоохранительной деятельности и необходимости ясного фиксирования моментов возникновения процессуальных отношений.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока. Классические труды М.С. Строговича и М.А. Чельцова-Бебутова заложили теоретические основы учения об уголовном преследовании. Современные авторы, в том числе Л.В. Головкин, О.Н. Коршунова, Р.В. Мазюк, И.В. Смолькова, продолжают развивать это учение. Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях сформулировал официальную позицию о том, что началом уголовного преследования является момент возбуждения уголовного дела. Однако остались неразрешенными вопросы: недостаточно четко определена граница между расследованием и преследованием; не разработаны рекомендации для практических работников; существуют противоречия в правоприменительной практике, да и не бесспорно само утверждение, что преследование начинается именно после возбуждения уголовного дела.

Историко-теоретические основы проблемы определения момента начала уголовного преследования

Советская наука уголовного процесса внесла значительный вклад в разработку учения об уголовном преследовании. Одной из наиболее влиятельных фигур в этой области был Строгович М.С., работы которого определили направление развития советской процессуальной доктрины на длительный период. Строгович разработал концепцию персонифицированного уголовного преследования, согласно которой преследование может осущест-

вляться только в отношении определенного, конкретно установленного лица. По мнению Строговича М.С., момент начала уголовного преследования совпадает с моментом привлечения лица в качестве обвиняемого, когда следователь выносит соответствующее постановление¹.

Позиция Строговича М.С. была весьма привлекательна с точки зрения логики и справедливости. Она гарантировала, что гражданин не будет подвергнут преследованию без четкого определения его статуса и обвинения.

Альтернативную позицию развивал Чельцов-Бebutov М.А.², который считал, что уголовное преследование не обязательно носит персонифицированный характер и может быть направлено на установление неопределенного лица. По его мнению, публичное уголовное преследование в связи с совершенным преступным деянием начинается актом возбуждения уголовного дела. Именно возбуждение дела является проявлением функции уголовного преследования, независимо от того, известен ли виновный или нет. Эта позиция лучше соответствовала реальности досудебного производства, где преследующие действия могут начинаться еще до установления конкретного подозреваемого.

С принятием УПК 2001 г. проблема определения начала уголовного преследования приобрела новую актуальность. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П³ указал, что началом уголовного преследования является момент возбуждения уголовного дела. Это решение было воспринято практически большинством ученых как окончательное и авторитетное толкование.

Позиции указанных ученых и высшей судебной инстанции в настоящее время не бесспорны с учетом существенно изменившегося уголовно-процессуального законодательства стали не бесспорны.

В постсоветский период научная мысль продолжала развиваться и уточняться. Ученые-процессуалисты, такие как Коршунова О.Н.⁴, предложили рассмотреть уголовное преследование не просто как статус лица, но как процесс, как деятельность. Коршунова О.Н. развивала идею о том, что

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. М. : Наука, 1951. С. 16.

² Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. М. : Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. С. 348.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастыречкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком"» / СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

⁴ Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09, 12.00.12 / О.Н. Коршунова. СПб., 2006. 469 с.

уголовное преследование имеет природу познавательной деятельности, и в этом смысле оно может начинаться еще в стадии возбуждения уголовного дела, когда органы расследования только начинают собирать информацию о преступлении.

Профессор Головки Л.В.⁵ в своем курсе уголовного процесса подчеркивал важность различения формального (юридического) момента начала преследования и фактического (материального) начала преследующей деятельности. Мазюк Р.В.⁶ в своей диссертации показал, что одного единственного момента, с которого начинается преследование, может быть недостаточно для полного понимания этого явления.

Таким образом, исторический анализ показывает, что проблема определения момента начала уголовного преследования имеет глубокие исторические корни. Она порождается противоречиями между различными аспектами уголовного преследования: его юридическим формальным выражением, фактической деятельностью органов расследования, правовыми гарантиями граждан и принципом публичности.

Нормативно-правовые основания определения момента начала уголовного преследования

Особенно значимым для переосмысления начала уголовного преследования являются положения ст. 6.1 УПК, посвященные разумному сроку уголовного судопроизводства. Согласно ее ч. 3 «при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, период со дня начала осуществления уголовного преследования, а для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора».

Эта норма содержит революционное утверждение: разумный срок для потерпевшего исчисляется со дня подачи заявления о преступлении, а для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, — со дня начала осуществления уголовного преследования. Вот именно этот факт заставляет нас говорить об уточнении в законе временного периода, когда именно начинается уголовное преследование, так как уголовный закон четко регламентирует сроки давности уголовного преследования.

⁵ Головки Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки ; Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025. 1041 с.

⁶ Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.В. Мазюк. СПб., 2007. 244 с.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в целях обеспечения гарантий эффективной государственной, в том числе судебной защиты от необоснованного уголовного преследования своим Постановлением от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко»⁷ предписал внести в УПК необходимые изменения, так как лицо не может постоянно находиться под уголовным преследованием. В этой связи в УПК предусмотрена особая судебная процедура возобновления уголовного судопроизводства по уголовным делам, по которым принималось решение о прекращении в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (ст. 214.1 УПК).

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд норм, которые имеют прямое или косвенное отношение к определению момента начала уголовного преследования. Ключевое значение имеет ст. 20 УПК, которая регламентирует виды уголовного преследования: публичное, частно-публичное и частное. Однако эта статья не указывает прямо на момент начала преследования.

Для понимания современного состояния проблемы необходимо обратить внимание на связь между началом уголовного преследования и принципом публичности уголовного судопроизводства. Согласно ч. 2 ст. 21 УПК, обязанность осуществления уголовного преследования начинается с момента обнаружения признаков преступления, когда уполномоченные должностные лица и органы должны принять предусмотренные УПК меры по установлению события преступления, *изобличению* лица или лиц, виновных в совершении преступления. Эта норма формулируется таким образом, что может быть истолкована как указание на то, что уголовное преследование (в смысле обязанности государства преследовать) начинается именно с момента обнаружения признаков, а не с момента возбуждения дела.

Подобный вывод следует сделать еще и в связи с тем, что УПК уголовное преследование определяет как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях *изобличения* подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5).

Совершенно справедливо заметит въедливый теоретик, что в ст. 21 УПК речь не шла о подозреваемом или обвиняемом.

В этой связи следует обратиться к этимологии слова «изобличить». Согласно этимологическим исследованиям, данное слово заимствовано

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» / СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.

из старославянского языка, где оно образовано из глагола «личити» — «обличать». Корень «личити» восходит к той же основе, что и существительное «лик». Таким образом, этимологически слово «изобличение» означает «показать лицо», т.е. выявить, обнаружить, показать истинное лицо кого-либо.

В современном русском языке глагол «изобличить» означает «показать, обнаружить что-либо (обычно неприятное)», «показать, сделать явной виновность кого-либо». Это означает, что изобличение — это не просто поиск доказательств, а целенаправленная деятельность, направленная на установление и демонстрацию виновности определенного лица. Таким образом, изобличение — это процесс установления лица, которое совершило преступление, и накопления доказательств его причастности, *после чего* такое лицо становится подозреваемым или обвиняемым в установленном законом порядке.

Более того, закон различает начало преследования для лица, в отношении которого оно осуществляется от момента подачи заявления потерпевшим. Это означает, что уголовное преследование как таковое начинается не с момента возбуждения дела, а с момента, когда в отношении конкретного лица начинаются преследующие действия.

Законодатель подобные выводы подтверждает положениями статьи, регламентирующей участие защитника в уголовном деле (ч. 3 ст. 49 УПК). Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁸ данная норма дополнена п. 6, согласно которому возможность участия защитника в уголовном деле стала возможна с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении.

Подобное изменение уголовно-процессуального закона продиктовано в том числе и позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой право на защиту зависит не только от формального процессуального, но и от фактического положения лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, так как по буквальному смыслу положений, закрепленных в ст. 2, 40 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса⁹.

⁸ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. Ст. 2882.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет сделать вывод, что уголовное преследование может осуществляться и до момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, если в отношении конкретного лица проводятся процессуальные действия, направленные на изобличение его причастности к уголовно-наказуемой деятельности.

Стефанова Е.Ю.,

преподаватель кафедры уголовного процесса
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
(г. Москва)

Литература

1. Головки Л.В. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Статут, 2025.
2. Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : диссертация доктора юридических наук / О.Н. Коршунова. Санкт-Петербург, 2006.
3. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : диссертация кандидата юридических наук / Р.В. Мазюк. Санкт-Петербург, 2007.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах / М.С. Строгович. Москва : Наука, 1968–1970.
5. Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. Москва : Юридическое издательство МЮ СССР, 1948.

Реформирование института экспертизы в уголовном процессе ряда стран на постсоветском пространстве

В последние годы существования СССР все бывшие республики имели практически одинаковое регулирование в вопросе использования специальных знаний в доказывании в уголовном процессе. Действовала классическая континентальная модель экспертизы¹, наряду с экспертом выделялся такой участник, как специалист, который привлекался для производства процессуальных действий. В постсоветский период многие государства сохранили данный подход и продолжают его придерживаться вплоть до настоящего времени (Беларусь, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан). В ряде стран была предпринята попытка усилить доказательственные возможности стороны защиты, в том числе путем закрепления научно-консультативной формы участия специалиста в уголовном процессе (Россия, Таджикистан, Молдавия, Прибалтийские страны). В новом УПК Республики Армения², принятом 30 июня 2021 г., по немецкому образцу отсутствует фигура специалиста, эксперт понимается широко — как любое лицо, обладающее специальными знаниями, которое привлекается для проведения исследований, дачи мнений, участия в производстве процессуальных действий. В Грузии же была реализована модель состязательной экспертизы³ с определенными особенностями. Тем не менее реформы, произведенные во всех обозначенных странах, кардинально не повлияли на классические представления о двух моделях экспертиз — англосаксонской и континентальной. Иногда в теории отмечалось сосуществование в уголовном процессе некоторых постсоветских стран одновременно двух моделей⁴. Например, в России в определенный период времени судебная практика допускала возможность использования в уголовном процессе заключения специалиста, представленного стороной защиты и являющегося по своей сути альтернативным исследова-

¹ О признаках континентальной (несостязательной) модели экспертизы см., к прим.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2025. С. 399–400, 563–564 (автор параграфов — Л.В. Головки); Самутичева Е.Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9–10; и др.

² Автор опирался на текст Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения от 30 июня 2021 г., переведенный на русский язык и размещенный на сайте Национального Собрания Республики Армения // URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

³ О признаках состязательной (англо-американской или англосаксонской) модели экспертизы см., к прим.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 399–400, 563–564 (автор параграфов — Л.В. Головки); Самутичева Е.Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование). С. 9–10; и др.

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 400–401 (автор главы — Л.В. Головки).

нием. Однако такой подход к пониманию сущности заключения специалиста поддерживался не всеми исследователями⁵, противоречил позиции Верховного Суда РФ⁶ и был последовательно скорректирован практикой Конституционного Суда РФ⁷, поэтому в настоящий момент вряд ли можно говорить о существовании в России одновременно двух моделей экспертизы. В этой связи интересны положения ч. 2 ст. 285 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ⁸, допустившего возможность для сторон по собственной инициативе и за свой счет произвести экспертизу. Однако обозначенные выше страны (кроме Грузии) не воспроизвели такой подход в своих национальных уголовно-процессуальных кодексах.

Особый интерес представляют три страны постсоветского пространства, которые пошли по иному пути, заимствуя друг у друга определенные подходы и предусматривая собственные особенности. Это Украина (УПК 2012 г.⁹), Казахстан (УПК 2014 г.¹⁰) и Киргизия (УПК 2017 г.¹¹ и затем 2021 г.¹²)¹³.

⁵ См., к прим.: Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учебное пособие. М. : Издательский дом «Городец», 2008. С. 117.

⁶ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» устанавливает, что привлечение специалиста возможно в тех случаях, когда не требуется исследование.

⁷ См., к прим.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2021 г. № 2082-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Молдакунова Болотбека Асануковича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 31 января 2023 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 2042-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Стахурской Альфины Фаязовны на нарушение ее конституционных прав статьями 58, 80, 125 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁸ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // СПС «Гарант».

⁹ Автор опирался на текст Уголовно-процессуального кодекса Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI, переведенный на русский язык и размещенный на сайте Информационной системы «Континент» // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=5;-144 (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁰ Автор опирался на текст Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. №231-V, переведенный на русский язык и размещенный на сайте Информационной системы «Параграф (Юрист)» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 20.11.2025).

¹¹ Автор опирался на текст Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20, переведенный на русский язык и размещенный на сайте Информационной системы «Континент» // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36313326 (дата обращения: 20.11.2025).

¹² Автор опирался на текст Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129, переведенный на русский язык и размещенный на сайте Информационной системы «Континент» // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 20.11.2025).

¹³ Далее под УПК Киргизии будет пониматься ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 20.11.2025).

В этих странах в целом была сохранена континентальная модель экспертизы, предполагающая ее назначение лицом, ведущим производство по уголовному делу, и наделение стороны защиты комплексом прав при назначении и производстве экспертизы, в том числе по заявлению различных ходатайств, например, о производстве экспертизы. Существует здесь и фигура специалиста, подобного российскому, причем для этих стран также актуальна проблема разграничения деятельности эксперта и специалиста¹⁴ (так, например, в ст. 117 УПК Казахстана указывается, что специалист проводит «исследования»).

Но вместе с тем в уголовно-процессуальных кодексах этих трех стран также устанавливается возможность для защитника обратиться на договорной основе к эксперту, который готовит заключение, являющееся полноценным доказательством по делу. В Казахстане таким правом наделен и представитель потерпевшего (ст. 272-1 УПК Казахстана), а в Киргизии круг участников строго не определен (ч. 12 ст. 179 УПК Киргизии). УПК Казахстана (ст. 272-1) и УПК Киргизии (ч. 12 ст. 179) содержат конкретное условие, при котором возможно проведение экспертизы в таком порядке — отсутствие необходимости в истребовании объектов исследования от органа, ведущего производство по делу. При этом должностные лица последнего не остаются в стороне — они уведомляются о направлении запроса эксперту, проверяют наличие оснований к отводу эксперта и при необходимости направляют ему дополнительные вопросы (ч. 13 ст. 179 УПК Киргизии, ч. 3 ст. 272-1 УПК Казахстана). Этому же должностному лицу эксперт направляет экземпляр заключения (ч. 5 ст. 272-1 УПК Казахстана). Как мы видим, такую экспертизу нельзя назвать в чистом виде состязательной.

Очевидной проблемой подобной экспертизы «на договорной основе» является отсутствие в законе указаний о том, что ее производство на основании адвокатского запроса является для эксперта таким же обязательным, как и при назначении экспертизы следователем или судьей. Также встает традиционный вопрос о равноправии сторон, поскольку далеко не каждый обвиняемый имеет возможность провести экспертизу за свой счет. Право на «альтернативную экспертизу» становится привилегией для обеспеченных людей. Является существенным и ограничение для адвоката возможности истребовать от лица, ведущего производство по уголовному делу, объекты исследования. Оно заранее сужает круг возможных исследований, которые могут

¹⁴ См., к прим.: Дильбарханова Ж.Р. О необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере регламентации института специальных знаний : материалы Международной научно-практической конференции «Восток – Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31629086&pos=2918;-50#pos=2918;-50 (дата обращения: 20.11.2025); Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 154.

быть проведены в таком частном порядке. Таким образом, вряд ли можно назвать однозначно удачной попытку совмещения двух моделей экспертиз в одном процессе.

Кроме того, в украинском, казахстанском и киргизском уголовно-процессуальных кодексах, предусматривающих наличие фигуры следственного судьи, появилось право защитника обратиться к нему с ходатайством о проведении экспертизы. Согласно п. 7 ч. 2 ст. 55 УПК Казахстана, такое право имеется и у представителя потерпевшего. В Киргизии круг лиц, имеющих право заявить подобное ходатайство, однозначно не определен (ч. 1 ст. 182 УПК Киргизии). УПК Киргизии предусматривает следующие основания для назначения экспертизы следственным судьей: 1) сторона обвинения отказала в назначении экспертизы, 2) стороной обвинения перед экспертом поставлены вопросы, которые «не позволяют дать полный и надлежащий вывод», 3) существуют достаточные основания полагать, что привлеченный стороной обвинения эксперт «предоставил неполное или неправильное заключение» (ч. 6 ст. 182). УПК Украины предусматривает похожие основания, но в качестве дополнительного отмечает следующее: 4) «сторона защиты не может привлечь эксперта самостоятельно из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам» (ч. 1 ст. 244). В УПК Казахстана не указывается перечень оснований для обращения к следственному судье с соответствующим ходатайством о назначении экспертизы, но отмечается, что это возможно «в том числе если органом уголовного преследования в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трех суток» (п. 7 ч. 2 ст. 55). Следственный судья обычно проводит заседание, вызывает заявителя, может заслушивать свидетелей, исследовать любые материалы (ч. 3, 5 ст. 244 УПК Украины, ч. 3, 5 ст. 182 УПК Киргизии). Итоговый перечень вопросов определяет следственный судья. Лицо, осуществляющее предварительное расследование, обязано предоставить необходимые предметы и иные материалы в распоряжение эксперта. Неясно, ограничен ли следственный судья при выборе эксперта представленными заявителем кандидатурами. Представляется, что нет. Но в Киргизии производство экспертизы поручается экспертам из числа лиц, указанных в ходатайстве защитником, если экспертиза будет проводиться «за счет заинтересованных лиц» (ч. 10 ст. 182 УПК Киргизии).

Таким образом, в уголовном процессе обозначенных стран постсоветского пространства можно наблюдать появление нового полномочия следственного судьи, не являющегося классическим¹⁵. В данном случае лицо, ведущее производство по делу, утрачивает полноту процессуальной власти

¹⁵ Об основных направлениях деятельности «судей над дознанием» в Германии или «следственных судей» в странах на постсоветском пространстве см., к прим.: Коновалов С.Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов. М.: Издательский дом «Городец», 2023.

над ним. Это прямо противоречит установленному, например, в ч. 4 ст. 56 УПК Казахстана запрету для следственного судьи «предрешать вопросы, которые могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий». Неясно, как следственный судья сможет избежать нарушения данного запрета, если он должен оценивать заключение эксперта при решении вопроса о наличии оснований для принятия ходатайства к рассмотрению. Не ставится в качестве обязательного условия и необходимость первоначального обращения с ходатайством о назначении экспертизы к следователю. Положения закона не запрещают направить соответствующее ходатайство в первую очередь в адрес следственного судьи. Такой подход представляется необоснованным. Вероятны случаи, когда по делу будет проводиться одновременно несколько экспертиз, назначенных разным способом, что еще больше затруднит оценку полученных заключений. Неясно, кому необходимо будет предоставить права, связанные с назначением и производством экспертизы, и в каком объеме. Экспертиза должна назначаться один раз, с учетом интересов всех участников уголовного процесса. И это не единственные затруднения, которые могут возникнуть. В рассматриваемом случае можно говорить о появлении в Украине, Казахстане и Киргизии новой модели экспертизы, которую сложно отнести к классическим, но обоснованность ее существования видится далеко не однозначной.

Федотова А.А.,

аспирант кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора

Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Дильбарханова Ж.Р. О необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере регламентации института специальных знаний // Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Л.Ф. Парамонова. Астана : Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан, 2014.
2. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : диссертация доктора юридических наук / О.Г. Дьяконова. Москва, 2021.
3. Коновалов С.Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов / С.Г. Коновалов. Москва : Издательский дом «Городец», 2023. 192 с.
4. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Статут, 2025.
5. Самутичева Е.Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование) : диссертация кандидата юридических наук / Е.Ю. Самутичева. Москва, 2015.
6. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учебное пособие / Л.Т. Ульянова. Москва : Издательский дом «Городец», 2008.

Отражение идей немецкой классической школы уголовного права в трудах С.В. Познышева

Германская классическая школа уголовного права имела ту же самую концептуально-теоретическую основу, что и французская. В основе германской классической школы уголовного права лежали гуманистические и рационалистические идеи философии Просвещения (Монтескье, Беккариа). Однако при этом из-за различия исторических, политических и экономических факторов французская и германская доктрины уголовного права развивались по-разному, дав образцы двух разных моделей развития континентальной юридической науки.

Во Франции основные идеи философии Просвещения в результате Великой французской революции относительно быстро были воплощены в действующем законодательстве, когда в ходе Наполеоновской кодификации были приняты УК (1810 г.) и Кодекс уголовного следствия, т.е. УПК (1808 г.). При этом во Франции еще до Великой французской революции сложилась единая централизованная система органов государственной власти, поэтому новое кодифицированное законодательство распространилось сразу на всю территорию страны.

В силу этого юридическая наука оказалась во власти так называемого экзегетического метода: ее основной задачей стало толкование действующего законодательства, а основным научным методом — индукция. Все теоретические построения могли основываться только на тексте закона (рассуждение строилось от частного к общему). Известный французский юрист Р. Давид назовет этот период в истории французского права периодом «законодательного позитивизма и юридического национализма»¹.

Исторические, политические и экономические факторы в Германии были иными. Разрушительная Тридцатилетняя война, которая велась в первой половине XVII в. преимущественно на территории германских княжеств Священной Римской империи, по разным подсчетам унесла жизни от 4,5 до 8 млн человек и окончательно обусловила экономическое отставание и политическую раздробленность германских государств. Поэтому после роспуска Священной Римской империи в 1806 г. в ходе наполеоновских войн образовалось более 30 самостоятельных германских государств: баварцы, саксонцы, швабы и другие народы окончательно стали единой нацией (немцами) только в 1871 г. Лишь в том же 1871 г. появилось общегерманское уголовное законодательство. При этом либерально-демократические идеи философии Просве-

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1988. С. 76.

нения утверждались в Германии не революционным путем снизу, а монархической властью сверху в результате компромисса между всеми значимыми политическими силами. Поэтому воплощение подходов классической школы уголовного права в действующем германском законодательстве происходило медленно и постепенно.

Все это наложило своеобразный отпечаток на немецкую юридическую науку. Политически и экономически раздробленная Германия, являющаяся до 1871 г. лишь географическим понятием, имела уже в XVIII — начале XIX в. духовно-культурное единство: общую литературу (Гете и Шиллера), общую философию (Канта, Шеллинга и Гегеля) и относительно единую университетскую традицию. Йенский, Геттингенский, Тюбингенский, Гейдельбергский, Марбургский и др. университеты могли географически находиться на территории разных государств, однако их профессура стремилась создавать и преподавать единую (общегерманскую) юридическую науку. Кроме того, один и тот же профессор на протяжении своей жизни мог занимать кафедры в университетах различных германских государств.

Естественно, что в таких условиях уголовно-правовая наука не могла развиваться на основе изучения и комментирования местного законодательства или локальной судебной практики: она в этом случае утратила бы свою общегерманскую универсальность. Поэтому немецкая классическая школа уголовного права до завершения процесса объединения Германии в 1871 г. развивалась с опорой на абстрактно-догматический (дедуктивный) метод. Абстрактно-догматический характер немецкой юридической науки был основным средством обеспечения ее единства в условиях политической раздробленности.

Германские ученые-юристы разрабатывали науку уголовного права путем создания целостной, логически выверенной и лишенной внутренних противоречий системы понятий (преступление, наказание, вина, соучастие, состав и др.). Рассуждение строилось от общего к частному: от выработанных наукой общих понятий до сделанных на их основании частных выводов.

В качестве концептуально-теоретической основы для германской классической школы уголовного права выступала философия Гегеля: большинство германских юристов-пеналистов в XIX в. были гегельянцами (Й.Ф. Абегг, Х.Р. Кестлин, А. Бернер). Если пользоваться терминологией известного немецкого юриста Р. Иеринга, можно сказать, что германская классическая школа уголовного права стремилась перевести либерально-демократические по своей природе идеи Гегеля с «языка философа на язык законодателя и судьи»².

Свободно владевший немецким языком, как все выпускники дореволюционной гимназии, С.В. Познышев при подготовке своих фундаментальных

² Иеринг Р. Избранные труды : в 3 т. Т. 3 Интерес и право. Историко-общественные основы этики. Юридическая техника. Об основании защиты владения. СПб., 2024. С. 191–192.

«Основных начал науки уголовного права» внимательно изучал труды всех основных представителей германской классической школы уголовного права. При этом С.В. Познышев всегда исследовал эти подходы критически, а не апологетически, выявляя как сильные, так и слабые их стороны.

Так, С.В. Познышев справедливо критикует основанный на философии Гегеля подход к разграничению преступления и гражданского деликта в учебниках Х.Р. Кестлина и А. Бернера: они вслед за Гегелем считали, что неправда уголовная и неправда гражданская различаются по субъективной стороне. При совершении преступления единичная воля преступника сознательно противопоставляет себя общей воле, выраженной в праве. При неправде гражданской нарушающий право действует бессознательно, т.е. искренне полагает, что он поступает согласно праву. С.В. Познышев объясняет неприемлемость этого подхода тем, что в уголовном праве есть такой вид неосторожности, как небрежность, а в гражданском праве есть злоупотребление правом, предполагающее наличие цели причинить вред другому лицу при реализации права³.

Х.Р. Кестлин и другие пеналисты-гегельянцы вслед за Гегелем считали, что вменяемость — это способность воли человека к свободному самоопределению, т.е. свобода воли (Willensfreiheit)⁴.

С.В. Познышев пишет о непригодности такого понятия для решения практических задач, так как свобода воли — метафизическая категория. Наличие у лица свободной воли не может быть эмпирически установлено. Вменяемость, по мнению С.В. Познышева, нужно понимать как «совокупность психических свойств, при наличии которых законодатель признает человека способным отвечать перед уголовным судом»⁵. Способность правильно понимать характер и значение своих действий и руководить ими, т.е. поступать в соответствии со своими представлениями, это уже не метафизические, а вполне эмпирические критерии, наличие которых может установить эксперт-психиатр.

Германские пеналисты в XIX в. при определении целей наказания находились под сильным влиянием Гегеля, который негативно относился к утилитарным теориям наказания, к общей и специальной превенции, считая, что, угрожая лицу наказанием для удержания его от совершения преступления, государство низводит человека до положения собаки, которой грозят палкой, чтобы добиться от нее нужного поведения. Гегель считал право выражением общей воли (тезисом), преступление отрицанием права (антитезисом, т.е. единичной волей, отрицающей общую волю, выраженную в праве),

³ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 122–123.

⁴ Köstlin C.R. System des deutschen Strafrechts. Tübingen, 1855. S. 128–129.

⁵ Познышев С.В. Указ. соч. С. 188–189.

а наказание считал отрицанием преступления, т.е. отрицанием отрицания, восстанавливающим (утверждающим) действительность права. Только при таком подходе к целям наказания обеспечивается достоинство преступника, обращение с ним как с разумным субъектом⁶.

Все германские пеналисты-гегельянцы также рассматривали наказание как справедливое воздаяние в противовес относительным теориям. Однако и Й.Ф. Абегг, и Х.Р. Кестлин, и А. Бернер не отрицали, что у наказания есть и утилитарные цели (исправление, превенция), однако полагали, что эти цели являются вторичными и не отражают сущность наказания, выражающуюся в справедливом воздаянии за совершенное преступление⁷.

С.В. Познышев называет эти теории эклектическими, так как с его точки зрения они пытаются совместить несовместимые подходы: наказание рассматривается и как проявление безусловной справедливости, и как средство для достижения утилитарных целей⁸. Сам С.В. Познышев является решительным сторонником утилитарного подхода. Он отрицает цель возмездия: «наказание есть элемент организации общежития. Оно находится на службе у тех или иных целей, преследуемых данным общежитием»⁹. Единственная цель наказания — общее и частное предупреждение преступления.

Следует отметить, что ни германское, ни российское законодательство не пошли по предлагаемому С.В. Познышевым пути, сохранив эклектическую концепцию наказания. В параграфе 46 УК ФРГ, с одной стороны, говорится, что наказание должно соответствовать вине лица, что напоминает о концепции воздаяния. Однако при этом параграф 47 содержит упоминание об охране правопорядка, т.е. об общей превенции.

Развитие германской науки уголовного права было направлено в XX в. как раз на устранение тех недостатков, о которых писал С.В. Познышев. Наука уголовного права преодолела абстрактный характер, однако сохранила при этом логическую стройность и теоретическую глубину: свидетельством этих изменений стали появившиеся в XX в. и получившие всемирную известность труды Г. Вельцеля, Р. Маураха, Г.Г. Йешека, К. Роксина.

Харламов Д.Д.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
(г. Москва)

⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 145–147.

⁷ См. подробнее: Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1963. С. 213–222.

⁸ Познышев С.В. Указ. соч. С. 60.

⁹ Там же. С. 58.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права : перевод с немецкого / Г.В.Ф. Гегель ; автор вступительной статьи и примечания В.С. Нерсисянц. Москва : Мысль, 1990.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид ; перевод с французского и вступительная статья В.А. Туманова. Москва : Прогресс, 1988.
3. Иеринг Р. Избранные труды. В 3 томах. Т. 3. Интерес и право. Историко-общественные основы этики. Юридическая техника. Об основании защиты владения / Р. Иеринг. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2024.
4. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория / А.А. Пионтковский. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1963.
5. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С.В. Познышев. Москва : Издание А.А. Карцева, 1912.

References

1. Köstlin, C.R. System des deutschen Strafrechts. 1 Allgemeiner Teil / C.R. Köstlin. Tübingen : Laupp, 1855.

Сила уголовно-процессуального права как ограничителя права силы в условиях военного времени

В силу требований высшего закона нашего государства даже в условиях чрезвычайного положения, вводимого в соответствии с федеральным конституционным законом (ФКЗ), не подлежат ограничению перечисленные в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ права и свободы, перечень которых достаточно широк: право на жизнь (ст. 20), достоинство личности (ст. 21), на судебную защиту прав и свобод (ст. 46), на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, на суд присяжных (ст. 47), на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52) и ряд других. Как видно из перечня указанных прав, в большинстве своем они связаны с уголовным процессом. Однако комплексное нормативное регулирование, обеспечивающее возможность их реализации в указанный особый период (правовой режим), в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует.

Не иначе как правовым пробелом можно считать отсутствие на конституционном уровне указания на необходимость соблюдения указанных прав в период военного положения. А ведь именно в этот период наиболее вероятно грубое и бесконтрольное их ограничение, в том числе при производстве по уголовным делам¹.

Несмотря на возможную политизированность некоторых решений ЕСПЧ, нельзя отрицать, что, например, нарушения прав человека на территории Чеченской Республики в период проведения операции по восстановлению конституционного порядка в 1994–1996 гг. и антитеррористической операции в 1999–2000-х и последующих годах имели место и носили весьма распространенный характер, в том числе при задержании подозреваемых в совершении преступлений. С некоторыми из констатируемых ЕСПЧ нарушений соглашалась и Российская Федерация, обращая внимание на общий сложный контекст событий в Чеченской Республике в этот период. Так, проведе-

¹ Такой вывод можно сделать по результатам анализа жалоб граждан России в ЕСПЧ по вопросам нарушения их прав в ходе внутригосударственного вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики, в том числе смерти родственников после задержания (или похищения) предположительно военнослужащими и сотрудниками российских правоохранительных органов, принятых ЕСПЧ решений по результатам рассмотрения таких обращений. См., напр.: Лич Ф. Конфликт в Чечне: анализ практики Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. №1 (74). С. 143–168.

ние неотложных следственных действий было невозможно в связи с угрозой безопасности, что часто подвергало риску последующие попытки раскрыть преступления, большинство таких дел было возбуждено несвоевременно и в них имели место задержки при проведении важных мероприятий. Российская Федерация также обращала внимание на «трудности, существовавшие в Чеченской Республике» в период «активной фазы антитеррористической операции» (антитеррористическая операция в Чеченской Республике завершилась 16 апреля 2009 г.), в том числе на «угрозу безопасности и частую смену сотрудников». Кроме того, власти Российской Федерации указывали на трудности при установлении личности виновных, поскольку с момента совершения преступлений прошло много времени (утрата следов преступлений, забываемые со временем потерпевшими и свидетелями подробности преступлений); объясняли, что они имели достаточные основания подозревать, что «некоторые преступления были совершены членами незаконных вооруженных формирований с целью дискредитации служб безопасности, и в каждом случае следствием предпринимались меры для проверки такой возможности. Вместе с тем многие важные официальные и военные документы, датировавшиеся рассматриваемым периодом, были уничтожены»².

Как следует из п. 1 ст. 18 ФКЗ «О военном положении», в период действия данного особого правового режима граждане пользуются всеми установленными Конституцией РФ правами и свободами человека и гражданина, за исключением прав и свобод, ограничение которых установлено данным ФКЗ и другими законами. Однако действующий УПК РФ предусматривает только некоторые изъятия из общего порядка осуществления производства по уголовным делам в период мобилизации или военное время, относящиеся в основном к досудебным его стадиям. При этом применяемая в уголовно-процессуальном законодательстве терминология не в полной мере согласуется с другим законодательством.

Например, Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ внесены изменения в УПК РФ, согласно которым допускается возможность увеличения *в условиях военного положения* (выделено мною. — Д.Ч.) срока задержания подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления до 30 суток (п. 11 ст. 5, ч. 1 ст. 10, ч. 2 и 3 ст. 94 УПК РФ), а также срока предъявления такому подозреваемому обвинения до 45 суток с момента задержания

² Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. «Дело "Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others)" против Российской Федерации» (жалобы № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10). По данному делу обжаловалось отсутствие эффективного уголовного расследования похищений родственников заявителя со стороны внутригосударственных властей. Согласно выводам ЕСПЧ, который учел и позицию РФ по предмету жалобы, по делу допущено нарушение требований ст. 2, 3, 5 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

(ч. 2 ст. 100 УПК РФ). К сожалению, термин «условия военного положения» не раскрывается в ст. 5 (Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе) или иных нормах уголовно-процессуального закона, что затрудняет его понимание и применение на практике.

Как следует из п. 1 ст. 3, п. 1 и 2 ст. 4 ФКЗ «О военном положении», военное положение вводится на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях указом Президента РФ с определением границ соответствующей территории. В настоящее время действует Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей», действие которого распространяется на территории указанных субъектов нашей страны³.

Однако военные (боевые) действия в настоящее время ведутся Вооруженными Силами России и на других территориях, например частях Сумской и Харьковской областей Украины, до недавнего времени воинский контингент нашей страны находился и участвовал в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики. Предусмотренный российским законодательством особый правовой режим военного положения на этих территориях по понятным причинам не вводился.

Встает закономерный вопрос: возможно ли, например, задержание подозреваемого на срок более установленных общими нормами Конституции РФ и УПК РФ «для мирного времени» 48 часов без судебного решения на территории, где военное положение отсутствует? И подлежит ли расширительному толкованию понятие «условия военного положения» на территории, где такие условия присутствуют фактически, но формально не введены? В такой ситуации противостоять «праву силы», например, в случае задержания подозреваемого на длительный срок, исходя из ложно понимаемых отдельными сотрудниками органов дознания (органов военной полиции и других органов) «интересов службы» в целях борьбы с преступностью силой права, за-

³ Дополнительно следует отметить, что Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» введен режим (максимальный уровень реагирования) на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (п. 1 Указа), режим (средний уровень реагирования) на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя (п. 3 Указа), режим (уровень повышенной готовности) на территориях других субъектов России, входящих в состав Центрального и Южного федеральных округов (п. 4 Указа). На территориях остальных субъектов России согласно п. 5 Указа введен режим (уровень базовой готовности). Этим же Указом на высших должностных лиц органов исполнительной власти субъектов России возложены обязанности по дополнительному принятию мер по усилению охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов и других мер в зависимости от уровня режима реагирования или готовности.

труднительно в связи с отсутствием четкого понимания возможности и допустимости распространения условий военного положения на территории, где оно не введено в установленном ФКЗ и указом Президента РФ порядке.

Более согласованной видится терминология, предусмотренная ч. 2¹ ст. 104 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ). Данной нормой предусмотрено, что в отличие от общих правил избрания меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части только с согласия подозреваемого, обвиняемого, получение такого согласия не требуется *в период мобилизации, военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий* (выделено мною. — Д. Ч.). Однако если понятия, а также начало и окончание периода мобилизации, военного положения и военного времени определены нормативно (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», п. 4 ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об обороне», ч. 1 и 3 ст. 1 ФКЗ «О военном положении»), то понятия иных установленных в ч. 2¹ ст. 104 УПК РФ «условий» — вооруженного конфликта и ведения боевых действий, ни в уголовно-процессуальном, ни ином законодательстве должным образом не раскрываются.

Некоторое понимание того, что следует понимать под условиями вооруженного конфликта или ведения боевых действий, дается Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 5–7 п. 2 постановления от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»⁴. Однако для применения соответствующих понятий в уголовном судопроизводстве необходимо их регулирование именно законом.

В уголовном процессе данный подход вытекает из императивных положений ч. 1 ст. 1 УПК РФ, согласно которой порядок судопроизводства на территории РФ устанавливается настоящим Кодексом, а также закрепленного в ст. 7 гл. 2 (Принципы уголовного судопроизводства) УПК РФ принципа законности⁵. К тому же высший суд нашей страны уполномочен, согласно ст. 126 Конституции РФ, давать разъяснения по вопросам судебной (правоприменительной) практики, но не формулировать правовые нормы.

⁴ Так, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, под вооруженным конфликтом следует понимать вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт); военными являются действия, которые ведет РФ в военное время по отражению вооруженного нападения на нашу территорию другого государства, а также в случае необходимости выполнения международных договоров РФ; боевые действия представляют собой организованное применение Вооруженных Сил РФ и других войск в военном конфликте, ведутся в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач.

⁵ О понятии принципа законности в уголовном процессе см. подробнее: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2025. С. 209–212.

Как обоснованно отмечает Н.В. Ильютченко, решения Верховного Суда РФ являются «актом толкования права, но никак не источником права»⁶.

Непонятна и территория, на которой возможно применение меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части без согласия подозреваемого, обвиняемого. Является ли необходимым условием для применения этой меры нахождение подозреваемого, обвиняемого военнослужащего и командования его воинской части в местности, где действует особый правовой режим, либо же данная мера пресечения в отличном от общего порядке может применяться к военнослужащим на всей территории России?

Приведенные примеры показывают некую «лоскутность» и несистемность изменений уголовно-процессуального закона, проводимую без должного учета конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина, закрепленных в «неизменяемой» гл. 2 (Права и свободы человека и гражданина) Конституции РФ, а также нормативно-правовых актах более низкой юридической силы. Эти вопросы требуют вдумчивого и практикоориентированного научного осмысления.

Отметим, что толкование действующего законодательства и правовых актов Президента РФ позволяет сделать вывод, что в России в настоящее время период «военное время» не наступил. К такому же выводу приходят и суды, мотивируя свою позицию тем, что состояние войны в Российской Федерации не объявлялось⁷. По указанной причине необходима разработка более универсальных процессуальных механизмов, с одной стороны, применимых в условиях особых правовых режимов, а с другой — регулирующих *в соответствии с уголовно-процессуальным законом* (выделено мною. — Д.Ч.) основания и процедуру ограничения некоторых прав участников уголовного процесса при производстве по уголовному делу в особых условиях относительно общего порядка.

К сожалению, даже имеющиеся исключения из общего порядка досудебного производства в период действия особых правовых режимов не ставят в качестве приоритета последующую «процессуальную компенсацию», в том числе предоставление невластным участникам уголовного процесса дополнительных прав и особенностей их реализации после вынужденного временного ограничения некоторых из них. Не установлено никаких дополнительных гарантий подозреваемого, обвиняемого (например, обязательное участие защитника при первой возможности его вступления в дело, особенности прокурорского надзора за обоснованностью задержания, усиление

⁶ Ильютченко Н.В. Значение правовых позиций высших судов для регулирования уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. С. 21.

⁷ См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2025 г. № 305-ЭС24-19100 по делу № А40-266406/2023.

судебного контроля, увеличение срока апелляционного обжалования и т.п.) для таких случаев.

Не предусмотрено и никаких особенностей для обеспечения в условиях особых правовых режимов гарантированного на конституционном уровне (ст. 52 Конституции РФ) доступа к правосудию потерпевшего, а также компенсации причиненного ему в результате совершения преступления ущерба. Более того, вызывает сомнение на предмет соответствия данной конституционной норме введенная Федеральными законами от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ и от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ процедура освобождения от уголовной ответственности подозреваемых, обвиняемых, заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы⁸. Мнение потерпевшего в данном случае не учитывается, а возможность возмещения потерпевшему причиненного преступлением вреда должна решаться по инициативе самого потерпевшего в общем порядке гражданского судопроизводства. В литературе высказывается мотивированная точка зрения, согласно которой подобный подход законодателя не учитывает назначение уголовного судопроизводства — защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений⁹.

Необходимо и обеспечение на территориях, на которых объявлен особый правовой режим, осуществления правосудия созданными на основании закона компетентными, независимыми и беспристрастными российскими судами¹⁰. Простое «упоминание» в ч. 2 ст. 16 ФКЗ «О военном положении» и ч. 3 ст. 35 ФКЗ «О чрезвычайном положении» права Верховного Суда РФ на изменение подсудности при невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное (чрезвычайное) положение, явно недостаточно. При этом в силу ч. 8 ст. 7 ФКЗ «О военных судах в Российской Федерации» подсудность дел военным судам, а также порядок осуществления ими правосудия в период мобилизации и в военное

⁸ Указанными федеральными законами внесены масштабные изменения и дополнения в уголовный (ст. 781, ст. 802, ч. 31 ст. 86) и уголовно-процессуальный (ст. 282, ч. 1 и 2 ст. 110, ч. 11 ст. 119, п. 31 ч. 1 и ч. 9 ст. 208, п. 5 ч. 1 и ч. 4 ст. 238, ч. 1 и 4 ст. 239, ч. 31 ст. 253, п. 3 ч. 1 ст. 254, ст. 3897, ч. 5 ст. 38911, ч. 21 ст. 38913, ч. 21 ст. 38926) кодексы. Также принят Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ, которым внесены согласованные с Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ изменения в Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

⁹ Нуриев И.Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции: теоретические и практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 129.

¹⁰ О научном понятии суда, созданного на основании закона, см.: Курс уголовного процесса. С. 251.

время определяются соответствующими федеральными конституционными законами. Однако «соответствующие ФКЗ» не приняты, что *de facto* делает невозможным реализацию данной правовой нормы. Нельзя не согласиться с судьей судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ А.Н. Замашнюком, который считает, что этот правовой пробел требует устранения¹¹.

По мнению С.В. Бехало, полномочие Верховного Суда РФ по передаче дел из одного суда в другой в условиях чрезвычайного или военного положения неслучайно не нашло отражения в УПК РФ, так как в данном случае речь идет не о регулировании изменения территориальной подсудности какого-либо конкретного дела, а «по существу о временном перераспределении компетенции между судами, т.е. в первую очередь разрешаются вопросы судоустройства»¹². Вряд ли можно поддерживать такой подход с учетом высокой миссии (предназначения) именно процессуальных механизмов, которые гарантируют порядок определения законного суда. Полномочный суд должен быть определен на основании однозначно понимаемых и универсально применяемых правил подсудности, а не произвольно или «казуально» для каждого конкретного дела или группы дел в течение действия особого периода на основании весьма размытых норм законодательства о судоустройстве.

Необходимо иметь в виду, что в силу ч. 1 ст. 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к *подсудности* (выделено мною. — Д.Ч.) которого оно отнесено законом. Следовательно, подсудность как базовый процессуальный (а не законодательства о судоустройстве) институт должен включать в себя правила определения надлежащего суда для рассмотрения дела не только в общих, но и особых условиях. По указанной причине перед научным сообществом в настоящее время остро встает вопрос о необходимости разработки нового вида подсудности для режимов военного или чрезвычайного положения — подсудность особых правовых режимов или экстраординарная подсудность¹³.

Все более актуальным становится вопрос о разработке новых законодательных подходов (совершенствование и дополнение законодательства о судоустройстве, уголовно-процессуального и иного законодательства), соз-

¹¹ Замашнюк А.Н. Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса» (г. Москва, 29 марта 2024 г.). М., 2024. С. 42.

¹² Бехало С.В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 173.

¹³ О необходимости научной разработки и последующего законодательного выделения нового вида подсудности см.: Чекулаев Д.П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162.

дания соответствующих полицейских по своей природе органов, обеспечивающих уголовное судопроизводство¹⁴, органов прокуратуры, в своей совокупности необходимых для организации и осуществления судопроизводства на территориях, где в силу тех или иных чрезвычайных обстоятельств не может применяться обычный порядок. Сложно не согласиться с И.С. Дикаревым, который с сожалением отмечает, что общий порядок судопроизводства непригоден для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в условиях военного времени (а тем более в боевой обстановке), и в направлении дифференциации форм процессуальной деятельности при введении на какой-либо территории особых правовых режимов пока еще сделано очень мало¹⁵.

Представляется, что одним из направлений научных исследований, а также развития законодательства, может являться вопрос о выделении специального порядка осуществления уголовного судопроизводства в военных и иных чрезвычайных условиях. Не считая в данном случае необходимым создание отдельного «военно-уголовного» процессуального кодекса, полагаю, что соответствующим разделом может быть дополнено действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Чекулаев Д.П.,

доцент кафедры уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Бехало С.В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : диссертация кандидата юридических наук / С.В. Бехало. Москва, 2024.
2. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство / Л.В. Головкин. Москва : Городец, 2022.
3. Дикарев И.С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70).
4. Замашнюк А.Н. Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе / А.Н. Замашнюк // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции

¹⁴ Как образно отмечает Л.В. Головкин, «...юстиция без полиции физически безоружна, а полиция без юстиции юридически нелегитимна». См.: Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. С. 184. О разделении полицейской, прокурорской и судебной уголовно-процессуальных функций см. также: Курс уголовного процесса. С. 79–81.

¹⁵ Дикарев И.С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 134.

«Актуальные проблемы российского уголовного процесса» (г. Москва, 29 марта 2024 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Л.В. Головкин. Москва : Юрлитинформ, 2024.

5. Ильютченко Н.В. Значение правовых позиций высших судов для регулирования уголовного процесса / Н.В. Ильютченко // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4.
6. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головкин. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Статут, 2025.
7. Лич Ф. Конфликт в Чечне: анализ практики Европейского Суда по правам человека / Ф. Лич // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1 (74).
8. Нуриев И.Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции: теоретические и практические аспекты / И.Н. Нуриев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55).
9. Чекулаев Д.П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации / Д.П. Чекулаев // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2.

Интеграция обучающихся высших учебных заведений в систему оценки качества образования

Вопрос построения эффективной системы оценки качества образования, сложного и разнородного механизма, включающего в себя несколько видов и уровней, является краеугольным для развития всей системы образования. Следовательно, система оценки качества образования должна одновременно способствовать поддержанию всех видов и уровней образования в качестве элементов единой системы и учитывать их особенности для обеспечения гармоничного развития каждого элемента.

В соответствии с п. 29 ст. 2 Федерального закона «Об образовании»¹ под качеством образования понимается комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы.

Отечественная система оценки качества образования на данном этапе своего развития включает в себя два ключевых элемента: независимую оценку качества образования и внутреннюю систему оценки качества образования. И если первый элемент является прерогативой специально уполномоченных на то организаций, то функционирование внутренней системы оценки качества образования является компетенцией образовательной организации в силу прямого указания закона (п. 3 ч. 3 ст. 28 Федерального закона «Об образовании»).

Очевидно, что любая процедура оценки, претендующей на объективность, должна производиться в соответствии с определенными критериями. Видится, что совокупность критериев оценки качества образования должна представлять собой единую систему, а категория «критерий качества образования» не должна дифференцироваться в зависимости от процедуры оценки, в связи с чем для дальнейшего анализа мы будем обращаться как к критериям независимой оценки качества образования, так и к критериям внутренней системы оценки.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Руководствуясь нормами, регламентирующими независимую оценку качества образования, можно заключить, что законодатель разделяет оценку качества образования на два компонента: независимую оценку качества подготовки обучающихся и независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность. В соответствии с Приказом Минобрнауки России от 31 июля 2020 г. № 860 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования»² к критериям оценки качества условий относятся:

- открытость и доступность информации об организациях, осуществляющих образовательную деятельность;
- комфортность условий, в которых осуществляется образовательная деятельность;
- доступность услуг для инвалидов;
- доброжелательность, вежливость работников;
- удовлетворенность условиями ведения образовательной деятельности организаций.

В свою очередь, каждый из указанных критериев подразумевает под собой определенный набор показателей и, в частности, долю получателей услуг, удовлетворенных показателями по данным критериям. Таким образом, очевидно, что независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности предполагает проведение исследований методом опроса, направленных на выявление мнения получателей образовательных услуг (обучающихся) по вопросам качества образования.

В контексте формулировок, используемых для определения критериев качества образования в рассматриваемом Приказе Министерства науки и высшего образования, нельзя не упомянуть дискуссию о статусе обучающегося в рамках возникающих при заключении договора об образовании гражданско-правовых отношений. Законодательство, правоприменение и доктрина стоят на различных позициях относительно признания заключаемого при поступлении в образовательную организацию высшего образования договора рядовым договором оказания услуг. И несмотря на то что законодатель избрал курс на отказ от термина «оказание услуг» в отношении

² Приказ Минобрнауки России от 31 июля 2020 г. № 860 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Поскольку в данной работе рассматривается оценка качества высшего образования, под обучающимися понимаются студенты, аспиранты и ординаторы.

образовательной деятельности, осуществляемой за счет бюджетного финансирования⁴, вопрос о применении норм гражданского законодательства к образовательной деятельности, осуществляемой за счет физических и юридических лиц, остается дискуссионным и активно рассматривается в научной литературе⁵. Однако в целях настоящей работы обучающиеся будут рассматриваться исключительно как субъекты образовательной деятельности, так как автор считает подобный подход наиболее корректным в контексте рассматриваемого вопроса.

Основным звеном внутренней системы оценки качества образования является самообследование образовательной организации. Согласно Приказу Министерства науки и высшего образования РФ от 14 июня 2013 г. № 462 «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией»⁶ в процессе самообследования проводится оценка образовательной деятельности, системы управления организации, содержания и качества подготовки обучающихся, организации учебного процесса, востребованности выпускников, качества кадрового, учебно-методического, библиотечно-информационного обеспечения, материально-технической базы, функционирования внутренней системы оценки качества образования. Примечательно, что порядок проведения самообследования не раскрывает этап «организация и проведение самообследования в организации», в связи с чем нельзя утверждать, что рассматриваемый порядок предполагает привлечение обучающихся к оценке качества образования по установленным критериям, в частности путем проведения исследований методом опроса.

Между тем методика расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам⁷ в качестве одного из показателей предусматривает наличие внутренней системы оценки качества образования. Помимо прочего, среди критериев оценки данного показателя указывается на необходимость наличия в отчете о самообследовании информации о результатах опросов обучающихся организации, осуществляющей образовательную деятельность, об удовлетворенности условиями, содержанием, организацией и качеством образовательного процесса в целом и отдельных дисциплин (модулей) и практик.

⁴ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Тай Ю.В., Смола А.А. Высшее образование в России. «Что ты такое?!» // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 14 июня 2013 г. № 462 «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2023 г. № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, системное толкование законодательства и подзаконных актов Министерства образования и науки позволяет сделать вывод, что исследование мнения обучающихся по вопросам качества образования является обязательным элементом системы оценки качества образования. Тем не менее нельзя не отметить, что весь существующий инструментарий предполагает участие обучающихся в оценке качества образования исключительно в качестве объекта исследования, предметом которого является мнение обучающихся по отдельным вопросам качества образования. Более того, круг таких вопросов представляет собой довольно скромную совокупность, ограничивающуюся в основном организационными и бытовыми аспектами.

На наш взгляд, подобное позиционирование противоречит предполагаемой нами природе участия обучающихся в оценке качества образования.

Согласно действующему законодательству обучающиеся являются участниками образовательных отношений. При этом образовательные отношения являются отношениями особого рода, совмещающими частноправовое и публично-правовое начало, где последнее бесспорно превалирует над первым.

Участие же обучающихся в оценке качества образования имеет следующие предпосылки: принцип коллегиальности (ч. 2 ст. 26 ФЗ «Об образовании»), на основе которого, в частности, осуществляется управление образовательной организацией, и право обучающихся на управление образовательной организацией (п. 17 ч. 1 ст. 34 ФЗ «Об образовании»), которое может рассматриваться как воплощение принципа коллегиальности управления в отношении к обучающимся.

Упомянутый нами и закрепленный на законодательном уровне принцип коллегиальности управления образовательной организацией имеет генетическую связь с исторической идеей университета как корпорации, сообщества людей, объединенных стремлением к получению новых знаний. По нашему убеждению, именно такой подход к пониманию сущности университета и возникающих в нем образовательных отношений качественно отличает высшее образование от прочих элементов системы образования и позволяет определить необходимую степень вовлеченности обучающихся в процесс оценки качества образования. При этом качество образования в данном контексте должно пониматься шире нормативного определения и включать в себя характеристики, касающиеся самоощущения студентов как членов университетского сообщества.

Представляется, что предусмотренные законодательством и подзаконными актами механизмы не обеспечивают должного взаимодействия между образовательной организацией и обучающимися, которое бы способствова-

ло выстраиванию диалога и формированию сообщества в экосистеме университета. Следовательно, образовательной организации следует выходить за формальные рамки и искать дополнительные механизмы взаимодействия с сообществом обучающихся для эффективной оценки качества образования в широком смысле. Бесспорно, реализация таких дополнительных механизмов возможна вне законодательно предусмотренной системы оценки качества образования, но является необходимой для продуктивного сотрудничества университета и обучающихся с целью обеспечения повышения уровня качества образования. На наш взгляд, можно выделить два вектора развития системы оценки качества образования, которые хотя и выходят за пределы критериев, установленных подзаконными актами Министерства науки и высшего образования, но соответствуют упомянутому нами ранее подходу.

Первое направление заключается в расширении практической реализации права обучающихся на управление образовательной организацией, что подразумевает более активное включение обучающихся (например, в лице их представительных органов, как это прямо предусмотрено в Федеральном законе «Об образовании» в отношении учета мнения по ряду вопросов). Речь идет, в том числе, о включении обучающихся в рабочие группы по вопросам качества образования с целью выяснения мнения обучающихся по текущим вопросам и получения предложений, отражающих такое мнение. Такая мера позволила бы вывести обучающихся из категории «объект исследования» и обеспечила бы диалог на паритетных началах.

Второе направление затрагивает усовершенствование уже предусмотренного механизма проведения исследований методом опроса. Данная практика уже широко вошла в практику и реализуется в ведущих университетах страны. Так, проведения подобных исследований в ряде вузов носят системный характер и охватывают широкий спектр вопросов. В этом контексте стоит упомянуть положительный опыт Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова⁸. Так, Межкафедральной лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Юридического факультета регулярно проводятся опросы студентов, посвященные различным аспектам образовательной деятельности и, в том числе, вопросам качества образования. Комплексный подход и систематический характер таких опросов предоставляют целостную картину восприятия студентами образовательного процесса и позволяют наблюдать за динамикой такого восприятия.

⁸ См. об этом: Ключкова А.В. Качество юридического образования. По результатам социологических исследований на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова / под ред. А.К. Голиченкова. Москва : Издательство Московского университета, 2020.

Отдельно стоит обозначить, что в методике исследований отдельное внимание уделено вопросам, выходящим за пределы устоявшегося понимания качества образования и затрагивающим те стороны образовательного процесса, которые наиболее сильно влияют на самоощущение обучающихся в период их обучения и способствуют формированию эмоциональной связи студентов с Университетом, являющейся основой восприятия студентами Университета как сообщества.

Так, по результатам проведенного в 2024 г. исследования среди студентов выпускного курса бакалавриата Юридического факультета МГУ выяснилось, что привязанность к факультету является одним из наиболее распространенных мотивов выбора ими магистратуры Юридического факультета среди прочих⁹.

Очевидно, что наличие такой привязанности является отражением эмоционального комфорта, который испытывают обучающиеся в период обучения. Мнение студентов Юридического факультета относительно по данному вопросу также становилось предметом исследования¹⁰. Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что треть опрошенных студентов (30,4%) характеризуют эмоционально-психологический климат на факультете как благоприятный и отмечают ощущение студенческого единения, более половины респондентов (52,3%) отметили благоприятность атмосферы и отсутствие серьезных проблем и конфликтов, более трети обучающиеся (37%) указали на то, что общение в основном замкнуто на учебных группах. Подобные данные позволяют скорректировать направление внеучебной деятельности, сосредоточив внимание на мероприятиях, формирующих студенческий коллектив в рамках всего факультета, а не только в академических группах¹¹.

Описанное выше является лишь иллюстрациями систематического подхода к проведению исследований, позволяющих установить мнение студентов, касающихся факторов, хоть и опосредованно, но влияющих на качество образования.

В свете изложенного выше представляется, что оценка качества образования применительно к высшему образованию не должна сводиться исключительно к измерению показателей в рамках установленных критериев посредством процедур, обязательных в силу предписания закона. Университет

⁹ Отчет «Выбор магистерской программы студентами Юридического факультета». URL: <https://istina.msu.ru/reports/686492087/>

¹⁰ Отчет «Самоощущение студентов, обучающихся на Юридическом факультете МГУ». URL: <https://istina.msu.ru/reports/511626080/>

¹¹ Необходимо отметить, что опрос проводился в период дистанционного обучения, введенного в связи с пандемией COVID-19, что бесспорно повлияло на распределение ответов, а именно значительную долю отметивших замкнутость общения внутри академических групп.

же, будучи определенно не местом получения образовательных услуг, а местом сосредоточения людей, объединенных стремлением к знанию и активно взаимодействующих в процессе его получения, должен подходить к понятию качества образования комплексно и нетривиально, а оценке качества образования как к механизму, позволяющему выстроить особого рода систему взаимодействия организации высшего образования и обучающихся.

Багаудинова Е.А.,

младший научный сотрудник межкафедральной лаборатории
социально-правовых исследований и сравнительного правоведения
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Выбор магистерской программы студентами Юридического факультета : отчет / А.В. Клочкова, Н.А. Захаренко, Е.А. Багаудинова. URL: <https://istina.msu.ru/reports/686492087>
2. Клочкова А.В. Качество юридического образования : по результатам социологических исследований на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова / А.В. Клочкова ; под редакцией А.К. Голиченкова. Москва : Издательство Московского университета, 2020.
3. Самоощущение студентов, обучающихся на Юридическом факультете МГУ : отчет / А.В. Клочкова, Н.А. Захаренко, А.Т. Таирова. URL: <https://istina.msu.ru/reports/511626080/>
4. Тай Ю.В. Высшее образование в России. «Что ты такое?!» / Ю.В. Тай, А.А. Смола // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4.

Использование искусственного интеллекта в юридическом образовании

Система образования в Российской Федерации, несмотря на проводимые реформы, остается весьма консервативной, современные технологии в гуманитарном образовании применяются в минимальном объеме, в основном в форме дистанционного обучения студентов заочной и очно-заочной формы обучения. Технологии искусственного интеллекта не получили в настоящее время широкого распространения среди профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений и во многом критикуются, поскольку используются студентами для решения заданий и подготовки работ без фактического освоения материала образовательной программы.

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии определяет искусственный интеллект как «Способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹.

Вопросам вовлеченности профессорско-преподавательского состава в работу с технологиями ИИ посвящена работа Прохоровой М.П., Винниковой И.С., Кузнецовой Е.А., которыми в 2024 г. был проведен опрос работников НГПУ им. К. Минина. Согласно его результатам у 52,8% опрошенных преподавателей отсутствуют навыки его применения, 34% не понимают, каким образом он может быть применен по конкретной дисциплине и 7,5% категорически против его использования в целом². Широкое исследование данного вопроса проведено Тереховой Е.С., Пучковой Н.Н. и Новиковой Л.В. в 2024 г. Авторы исследования отмечают значительно большее доверие к ИИ со стороны студентов, чем преподавателей³.

Следует отметить, что само по себе согласие или неприятие преподавателями использования достижений научно-технического прогресса не может служить основанием для отказа от них, поскольку, разрешая вопрос о необходимости применения тех или иных технологий в образовательном процес-

¹ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1371-ст // URL: <https://docs.cntd.ru/document/573396593?marker>

² Прохорова М.П. Отношение преподавателей вуза к применению искусственного интеллекта в образовательном процессе // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84–2. С. 305–308.

³ Терехова Е.С. Анализ востребованности нейросетей для решения учебных задач // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 8. С. 1–17.

се, следует исходить из того, способствует ли их использование достижению целей образовательного стандарта.

Поскольку социально-экономической целью получения высшего юридического образования обучающимися является трудоустройство на высококвалифицированную должность, следует обратить внимание на предъявляемые лидерами своего сектора требования.

Так, председатель правления ПАО «Сбербанк России» Г.О. Греф, выступая 21 июля 2017 г. на лекции юридического института БФУ им. И. Канта, заявил: «В прошлом году 450 юристов, которые у нас готовят иски, ушли в прошлое, были сокращены. У нас нейронная сетка готовит иски лучше, чем юристы, подготовленные Балтийским федеральным университетом»⁴, тем самым четко обозначив приоритет специалистов, обладающих навыками использования искусственного интеллекта.

Как сообщает издание «Интерфакс», ПАО «Сбербанк России» планирует сократить до 20% сотрудников к 1 января 2026⁵ г., что происходит не впервые и наглядно демонстрирует планомерную политику по внедрению технологий искусственного интеллекта, ее эффективность.

Действующая редакция ФГОС 40.03.01 «Юриспруденция» предусматривает результатом образовательной программы приобретение студентами универсальных и общепрофессиональных компетенций, к которым среди прочего относятся «Информационные технологии».

Чтобы определить, какие навыки будут наиболее актуальны и востребованы на рынке труда в будущем, необходимо изучить перспективы развития рынка труда и экономики в их широком понимании, общемировом контексте.

На протяжении веков занятость представляла собой закрепление работника к конкретному производственному объекту, низкой мобильностью и невысокой текучестью кадров, что связано с характером средств производства. В настоящее время данная концепция претерпела существенные изменения.

Основатель всемирного экономического форума в Давосе Клаус Мартин Шваб заявил, что мировая экономика в наше время проходит «четвертую промышленную революцию», говоря в своей одноименной книге об изменении парадигмы рынка труда: «Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это новая «экономика по требованию», где поставщики труда больше

⁴ Издание «Новый Калининград». URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/14299115-glava-sberbanka-obyasnil-pochemu-ne-vozmoglo-na-rabotu-vypusknikov-yurfaka-bfu-im-i-kanta.html> (дата обращения: 28.11.2025).

⁵ Издание «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/1058891> (дата обращения: 28.11.2025).

не являются сотрудниками в традиционном смысле, а скорее могут считаться независимыми исполнителями конкретных заданий»⁶.

Необходимость развития искусственного интеллекта определена указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁷, которым определена стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Преамбула указа содержит анализ развития ИИ в различных странах мира, его авторы подчеркивают: «в мире происходит ускоренное внедрение технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта в различные отрасли экономики и сферы общественных отношений»⁸. В этой связи разработан комплекс мероприятий, направленных на поддержку развития искусственного интеллекта, определены основные цели и методы его развития.

Таким образом, представляется целесообразным внести изменения в федеральные государственные образовательные стандарты в целях обеспечения приобретения обучающимися навыков использования искусственного интеллекта, столь востребованных в современном мире. В частности, в разделе, определяющем общепрофессиональные компетенции, необходимо отдельно отразить в качестве самостоятельной общепрофессиональной компетенции «искусственный интеллект», а также внедрить в образовательные программы дисциплину (модуль) по обучению эксплуатации искусственного интеллекта.

Указанные изменения позволят обеспечить выпускникам российских юридических факультетов высокую конкурентоспособность на рынке труда и будут способствовать реализации вышеуказанной стратегии, что особенно актуально в условиях реформы системы высшего образования, предусматривающей в случае ее реализации разработку новых образовательных стандартов.

Возможности применения искусственного интеллекта преподавателями в образовательном процессе хорошо исследованы различными авторами. К примеру, Широколобова А.Г. на основе анализа исследований обозначила следующие направления его использования: «Например, ИИ может использоваться для создания индивидуализированных образовательных программ и учебных планов», «нейросети могут применяться преподавателями в качестве ассистента для разработки учебных материалов»⁹.

⁶ Четвертая промышленная революция / К. Шваб. М.: Эксмо, 2016. С. 41.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 28.11.2025).

⁸ Там же.

⁹ Широколобова А.Г. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации работы преподавателя высшей школы // Педагогика. Вопросы теории и практики». 2024. Т. 9. Вып. 2. С. 138–144.

В то же время Лукинский И.С., Горшенева И.А. и Сумина А.В. подчеркивают, что технологии ИИ: «вытесняют работу с учебной литературой, развитие навыков поиска, обработки и осмысления информации»¹⁰. Такая позиция хотя и не лишена оснований, в то же время основана на принципе неизменной актуальности компетенций, что не вполне верно, поскольку определенные навыки утрачивали свою актуальность с развитием научно-технического процесса. В частности, замена навыка механического поиска литературы путем перебирания многих томов не вытеснит их ценность, но значительно сокращает время на поиск необходимой информации.

Относительно злоупотребления технологиями в процессе обучения со стороны студентов следует отметить, что написанная с использованием, к примеру ChatGPT, работа может быть с легкостью отличена от оригинальной путем простой беседы преподавателя со студентом с выяснением смыслового значения основных терминов, использованных в работе и дачи студентом пояснений по выводам исследования.

Интересным представляется зарубежный опыт, где искусственный интеллект внедрен раньше, чем в России. К примеру, исследователь технологического университета Квинсленда (Австралия) Николь Лэнди, рассуждая о вопросах злоупотреблений технологиями ИИ со стороны студентов, отметил следующий способ решения данной проблемы: «Некоторые исследователи предлагают разрабатывать тесты, в которых GenAI не проявляют себя должным образом, например, те, которые предполагают критический анализ»¹¹.

Кэри Хайд-Ваамонд и Анат Келлер из Королевского колледжа Лондона (Великобритания) обращают внимание на необходимость формирования «культуры доверия, а не выявления или пресечения деятельности учащихся»¹². Такой подход более чем разумен, однако требует системной и продолжительной работы со студентами, направленной на формирование культуры пользования этой технологией, что в долгосрочной перспективе обеспечит качественное улучшение результатов пользователей.

В сущности, при появлении любых новых изобретений и технологий возникает необходимость обучения пользователей не только их применению, но и этике технологий. В Российской Федерации существует «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта»¹³, однако основной упор в этой

¹⁰ Лукинский И.С., Горшенева И.А., Сумина А.В. Использование искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации научной деятельности: pro et contra // Психология и педагогика в служебной деятельности. 2023. № 1. С. 99–102.

¹¹ Landy N. Early PLT Student Perceptions of the Integration of Generative Artificial Intelligence in Legal Education // Law, Technology and Humans. 2025. Vol. 7. No. 3. P. 33–51.

¹² Hyde-Vaamonde C. Testing the Frontier: Generative AI in Legal Education and Beyond // Law, Technology and Humans. 2025. Vol. 7. Iss. 3. P. 52–61.

¹³ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470682/

сфере следует делать не на формальное установление норм его использования, а проведение разъяснительной работы, создание обучающих курсов в аудио- и видеоформате, размещение их в социальных сетях, доступных широким слоям соответствующих групп населения.

Говоря об использовании ИИ, профессорско-преподавательским составом при реализации образовательных программ следует выделить основные проблемы, препятствующие его широкому применению.

Следует выделить «системные проблемы» и трудности, обусловленные «человеческим фактором». К первой категории можно отнести отсутствие четкого нормативно-правового регулирования ИИ, отсутствие методических пособий по использованию ИИ в сфере высшего образования, недостаточный уровень развития указанной технологии и затруднение импорта дополнительных технологий в этой сфере.

К проблемам, связанным с «человеческим фактором», можно отнести негативное отношение части профессорско-преподавательского состава к ИИ, которое, в свою очередь, может быть обусловлено не столько принципиальным отказом от его использования, но в большей мере отсутствием достаточной квалификации для его активного применения. Свою лепту в этот процесс вносит и отсутствие времени на освоение новых технологий и подготовку соответствующих материалов.

Если решение системных проблем относится к компетенции органов государственной власти, то проблемы, обусловленные «человеческим фактором», могут быть разрешены общими усилиями профессионального сообщества, проведением курсов профессиональной переподготовки или повышения квалификации профессорско-преподавательского состава по соответствующим программам.

Значительных материально-технических проблем для широкого внедрения технологий ИИ в деятельность образовательных организаций не имеется. Уникальность технологий ИИ состоит в том, что для их использования не требуется проведение каких-либо закупок оборудования в учебные заведения и очного курса обучения эксплуатации сотрудников. Любое устройство с доступом в интернет, то, что в современной России доступно каждому, — все, что нужно для их использования.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать о колоссальном потенциале технологий искусственного интеллекта и его внедрении в различные сферы жизни человека, экономики, системы образования. «Четвертая промышленная революция» неуклонно наступает, меняя модель занятости населения и функционирования экономики. Не остается неизменной и система образования, ее влияние на которую не менее велико. Университеты сквозь века остаются кузницей квалифицированных кадров для различных сфер экономики. Юридическая наука, образование не менее технических

специальностей нуждаются в оптимизации трудозатратных ручных процессов.

Однако при всех достоинствах ИИ остается множество преград для его широкого внедрения и практического применения, которые предстоит преодолеть в ближайшие годы.

Борисов Г.В.,

преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин
Московского гуманитарного университета
(г. Москва)

Литература

1. Лукинский И.С. Использование искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации научной деятельности: pro et contra / И.С. Лукинский, И.А. Горшенева, А.В. Сумина // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1.
2. Прохорова М.П. Отношение преподавателей вуза к применению искусственного интеллекта в образовательном процессе / М.П. Прохорова, И.С. Винникова, Е.А. Кузнецова // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84–2.
3. Терехова Е.С. Анализ востребованности нейросетей для решения учебных задач / Е.С. Терехова, Н.Н. Пучкова, Л.В. Новикова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 8.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Москва : Эксмо, 2016.
5. Широколобова А.Г. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации работы преподавателя высшей школы / А.Г. Широколобова // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9. № 2.

References

1. Hyde-Vaamonde, C. Testing the Frontier: Generative AI in Legal Education and Beyond / C. Hyde-Vaamonde, A. Keller // Law, Technology and Humans. 2025. Vol. 7. Iss. 3.
2. Landy, N. Early PLT Student Perceptions of the Integration of Generative Artificial Intelligence in Legal Education / N. Landy // Law, Technology and Humans. 2025. Vol. 7. Iss. 3.

Социально-экономические аспекты старта карьеры выпускников юридических вузов

Высшее образование в нашей стране традиционно имеет высокую ценность, более трети россиян обладает подтверждающим соответствующий уровень дипломом, что по общемировым стандартам является показателем высокого уровня охвата населения высшим образованием. Большинство выпускников школ стремятся продолжить обучение в вузах, рассматривая диплом как залог дальнейшего успешного трудоустройства и быстрой восходящей социальной мобильности. Однако конкуренция на рынке труда довольно серьезна, и молодые соискатели в начале карьеры сталкиваются с определенными сложностями. Успешность старта карьеры зависит от различных факторов, в том числе от личных качеств соискателя, уровня полученного образования, актуальности имеющихся знаний и навыков, степени сформированности компетенций, выбранной специализации, а также авторитетности выпускающего учебного заведения. Многие студенты, задумываясь о возможностях и перспективах профессионального роста, испытывают тревогу и в процессе поиска работы сталкиваются с рядом сложностей.

В целях выявления особенностей опыта трудоустройства и стартовых карьерных стратегий студентов на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова проводится мониторинг с применением метода анкетного опроса. Изучение опыта и перспектив трудоустройства, особенностей построения карьеры — это одно из направлений, которое разрабатывает лаборатория социально-правовых исследований и сравнительного правоведения на основе представленных в открытых источниках данных официальной статистики, экспертных мнений, вторичного анализа результатов опросов, полученных другими исследовательскими коллективами, а также собственных эмпирических исследований.

Цель проведенного исследования заключается в изучении перспектив карьерного старта выпускников юридических вузов, а также в рассмотрении социально-экономических факторов, влияющих на процесс трудоустройства молодых специалистов. Представленные выводы являются интересными для молодых людей, стремящихся стать юристами, для представителей учебных заведений, работников сферы найма и работодателей. Респондентами выступают выпускники юридического факультета МГУ, а также учащиеся последнего курса магистратуры, обсуждение вопросов трудоустройства с которыми является корректным, поскольку практика совмещения учебы и работы в сту-

денческой среде достаточно популярна — более половины (59%) студентов в последний год обучения работают по специальности, а три четверти (74%) за время учебы в вузе имели такой опыт.

Большинство (95%) выпускников магистратуры планируют в дальнейшем работать по полученной или смежной с юриспруденцией специальности. Необходимо отметить, что это почти в 2 раза больше, чем в среднем по всем магистрантам всех направлений подготовки (согласно исследованию, проведенному ВШЭ в рамках Мониторинга экономики образования, планируют работать по специальности лишь 53% выпускников магистратуры) (рис. 1).

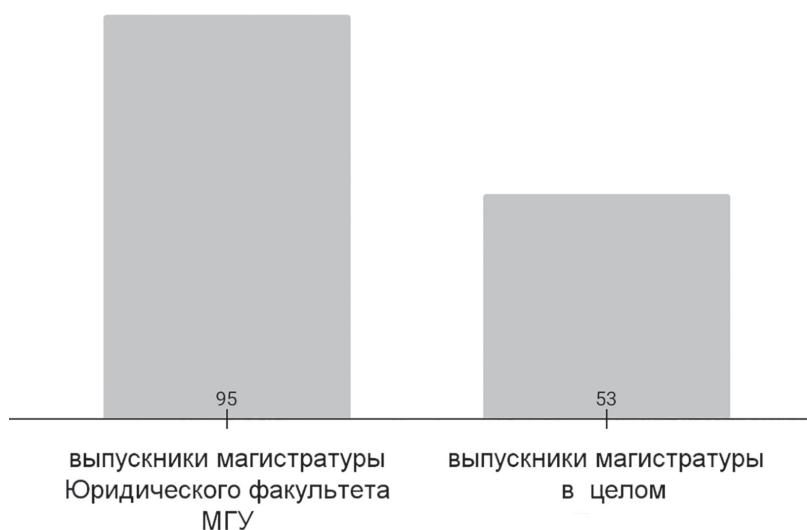

Рис. 1. Доля выпускников, планирующих работать по специальности, %

Обучающиеся не только планируют работать по специальности, но в большинстве своем претворяют планы в жизнь — опрос бывших студентов юридического факультета МГУ различных лет выпуска показал, что 80% из них успешно продолжают трудиться в сфере юриспруденции. Тем не менее на старте карьеры 73,6% соискателей сталкивались с трудностями при трудоустройстве. В результате ранжирования проблем по частоте их упоминания респондентами был получен следующий перечень:

- сомнения работодателя в силу недостаточности или отсутствия опыта работы у соискателя;
- установленный в компании негибкий рабочий график (отметим, что тренд на уклонение от жестко офисного режима на сегодняшний день характерен для молодежи в целом);

- высокая конкуренция за рабочее место;
- возможная нехватка практических навыков;
- несоответствие предлагаемых условий работы ожидаемым.

Несмотря на то что у значительного числа выпускников имеется опыт работы к моменту завершения обучения в университете, приблизительно половина студентов последнего курса магистратуры испытывает тревогу на старте своей поствузовской карьеры в качестве дипломированного юриста. На выраженные опасения по поводу дальнейшего успешного трудоустройства указали 21% респондентов, треть опрошенных (33%) подтвердили наличие определенного рода дискомфорта. Ощущали себя спокойно в преддверии окончания вуза 46% студентов.

Чтобы выяснить, насколько обоснованы опасения почти половины выпускников, необходимо провести оценку состояния рынка труда, акцентируя внимание на сферу юриспруденции, исследуя влияние различных факторов, в частности таких, как демографический, социально-экономический и технологический.

Демографический фактор опосредует состояние множества социальных сфер, в том числе занятости населения. Наблюдаются отдаленные последствия вхождения в так называемую демографическую яму 90-х годов прошлого века, что отражается на доле граждан трудоспособного возраста в общем объеме численности населения. Естественно сокращается и приток на рынок труда молодых специалистов в возрасте от 20 до 29 лет: с 17 686 тыс. чел. в 2015 г. до 10 569 тыс. чел. во втором квартале текущего года (на рис. 2 данные представлены за десятилетний период, однако, нисходящий тренд сформировался еще ранее — примерно с 2013 г.).

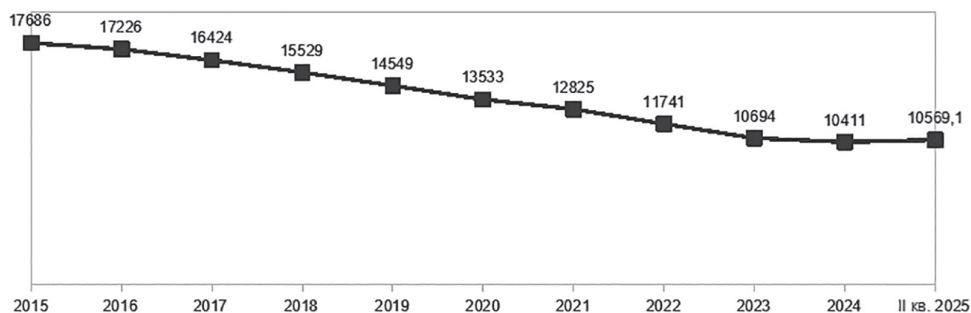

Рис. 2. Динамика численности рабочей силы в возрасте от 20 до 29 лет (тыс. чел., рассчитано на основе данных Росстата¹)

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 23.11.2025).

Кроссрегиональный анализ показывает, что в Москве наблюдается минимальная относительно других регионов доля работающей молодежи — доля людей в возрасте до 30 лет среди всех трудоустроенных составляет около 10% (есть регионы, где значение показателя в 2–2,5 раза выше, например, Чеченская Республика, Республика Дагестан). В силу влияния демографического фактора текущий период можно считать периодом дополнительных возможностей для молодых специалистов из-за естественного снижения конкуренции внутри указанной возрастной когорты.

Оценить степень заинтересованности работодателей в найме сотрудников с минимальным опытом работы помогают результаты опроса² 1737 представителей различных компаний — 77% из них проявляют лояльность к молодым соискателям. Среди работодателей, которые на момент исследования еще не приглашали таких кандидатов на собеседование, подавляющее большинство (96%) планируют сделать это в ближайшее время. Такие данные указывают на позитивный настрой работодателей по отношению к выпускникам, которые только начинают свой путь в профессиональной сфере. Аргументы в пользу найма претендентов без опыта работы высказываются разнообразные. Во-первых, для компании это возможность в перспективе сформировать штат из специалистов, обладающих уникальными компетенциями, специфичными для конкретного бизнеса. Во-вторых, такой подход оказывает положительное влияние на имидж и способствует популяризации бренда в молодежной среде (примером компаний, для которых привлечение молодых специалистов является частью бизнес-стратегии, служат «Яндекс», Альфа-Банк, «Аэрофлот», адвокатское бюро «ЕРАМ»). Важным аспектом является освобождение более опытных сотрудников от рутинных обязанностей в пользу сложных задач. Кроме того, молодые сотрудники чаще вносят идеи, способствующие инновациям и совершенствованию работы компании.

Стоит отметить, что высказывание лояльности к молодым соискателям не всегда подкрепляется соответствующими действиями. Например, если рассматривать программы стажировок как один из способов отбора и найма молодых сотрудников, то стоит обратить внимание на нестабильность числа компаний, готовых инвестировать в привлечение стажеров. Если в 2021 г. 82% работодателей предлагали такую возможность молодым людям, то в 2023 г. этот показатель упал до 62%. Данное снижение может объясняться социально-экономической и геополитической нестабильностью, оказывающей влияние на бизнес, создающей дополнительное

² Привлечение начинающих специалистов и стажерские программы 2023. URL: <https://ancor.ru/press/research/privlechenie-nachinayushchikh-spetsialistov-i-stazherskie-programmy-2023/> (дата обращения: 02.07.2024).

давление на работодателей и заставляющей их более тщательно подходить к вопросу найма.

Успешное трудоустройство выпускников рассматривается как один из основных критериев оценки качества образования в вузе³. Учебные заведения, будучи заинтересованной стороной, стремятся помочь студентам на старте карьеры, выстраивая партнерства с потенциальными работодателями, организуя учебные практики, проводя различные карьерные мероприятия, развивая такой вид взаимодействия с организациями, как программы стажировок. Для студентов это уникальная возможность получить реальный опыт работы по специальности, который может сыграть решающую роль в процессе поствузовского трудоустройства.

В частности, на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова на 2-м курсе бакалавриата после окончания весенне-летней экзаменационной сессии в течение 4 недель студенты выполняют практические учебные задания на учебно-производственных базах юридического факультета. В 2025 г. базу для практической подготовки студентов юридического факультета составили 85 организаций, в том числе такие организации, как юридическая клиника юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Адвокатское бюро «Линия права», АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», АО «Кэпт», Департамент градостроительной политики города Москвы, ООО «Управляющая компания “Помощь”», АО «АлРуд», ООО «ЦПК», УВД по ВАО ГУ МВД России, ООО «Сибкор».

Регулярно на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Центром карьеры юридического факультета проводятся различные карьерные мероприятия, которые способствуют трудоустройству студентов, обеспечивают взаимодействие между студентами и работодателями, такими как Банк России, адвокатское бюро «ЕРАМ», Адвокатское бюро «Иванян и партнеры», Инноправо, компания «КонсультантПлюс», юридическая фирма Аиткулов и партнеры, «АТ Юридическая фирма».

Работодатели, в свою очередь, учитывают репутацию учебного заведения, диплом которого предъявляет соискатель, а также соответствие программы обучения специфике работы компании — 46% нанимателей рассматривают образовательное учреждение как один из важных факторов при оценке резюме (совместное исследование сервисов «СберПодбор» и «Работа.ру», в котором участвовали более 350 работодателей из всех регионов России). Это более чем оправдано, поскольку юриспруденции сегодня обучают не только в классических многофакультетских и профильных вузах, но и в технических, педагогических и многих других, а качество профессиональ-

³ Ключкова А.В. Востребованность выпускников на рынке труда как критерий оценки качества образования юридического вуза // Право и образование. 2025. № 2. С. 26–36.

ной подготовки выпускников существенно различается. Вопросы также вызывают программы высшего образования, дающие возможность получить две равнозначные квалификации, так называемые программы двойного диплома, появлению которых способствовали изменения, внесенные в 2021 г. в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴.

К социально-экономической сфере отнесем и такой показатель, как уровень конкуренции за рабочие места в конкретной профессиональной области. Оценить ее позволяет hh.индекс, отражающий соотношение числа резюме и числа вакансий (рассчитывается как отношение числа активных резюме к числу активных вакансий, соответственно, чем ближе значение к единице, тем сбалансированнее состояние рынка труда). В 2025 г. значение индекса в сфере юриспруденции варьировалось от 12,7 в январе до 17,8 в октябре. Для сравнения, по совокупности профобластей значение индекса почти в 2 раза ниже — 7,3 (что также указывает на дефицит вакансий, но не столь высокого уровня). Юриспруденция входит в пятерку сфер с наиболее выраженной конкуренцией за рабочие места. Больше всего юристов (согласно числу активных вакансий в сфере юриспруденции, размещенных в базе крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента HeadHunter) требуется в следующих сферах права: корпоративное, трудовое и налоговое. При этом доля вакансий для юристов без опыта работы составляет 21%, а наиболее высокий спрос у работодателей имеется на специалистов с опытом работы от одного до шести лет.

В условиях стремительного прогресса цифровых технологий становится актуальным анализ влияния технологического фактора, способного оказать заметное влияние на рынок труда в будущем. Процесс получения профессионального образования довольно длителен, и в перспективе сегодняшние студенты могут столкнуться с конкуренцией не только со стороны других соискателей, но и со стороны искусственного интеллекта. В 2023 г. одна из версий чат-бота GPT-4 составила список профессий, которые могут быть заменены искусственным интеллектом (ИИ) — в первой десятке оказалась профессия «помощник юриста». Цифровые инструменты, которые уже выполняют функции, традиционно ассоциируемые с работой юристов, продолжают совершенствоваться. К таковым можно отнести автоматический анализатор юридических документов Legal Robot, чат-бот для оказания юридических услуг DoNotPay, сервис для анализа контрактов ContractCrab, платформу Casetext и другие цифровые инструменты.

Несмотря на то что право является высокоинтеллектуальной областью, современные технологии упрощают процессы поиска судебных актов, от-

⁴ Последняя редакция 15 октября 2025 г.

слеживания изменений в законодательстве, подготовки шаблонов документов и генерации типовых решений. Цифровые помощники выполняют функции цифрового протоколирования и другие виды работ, которые раньше в обязательном порядке требовали участия человека. Если на сегодняшний день технологический фактор не оказывает значительного влияния на рынок труда, то в ближайшие годы может стать одной из ключевых детерминант. Кроме того, для повышения конкурентоспособности выпускников требуется формирование специальных навыков в сфере цифровых технологий, чему может способствовать пересмотр образовательных стандартов по направлению «Юриспруденция», предусматривающий «возможности для получения знаний и навыков в сфере ИТ-технологий, сквозных цифровых технологий и других с целью их применения в профессиональной юридической практике»⁵.

Таким образом, студенты сталкиваются с рядом трудностей в процессе поиска работы, которые обусловлены как субъективной оценкой собственного профессионального потенциала, так и объективными факторами. На успешность вхождения в трудовую жизнь влияют личные и профессиональные качества, уровень теоретической подготовки, сформированность практических навыков выпускников, а также социально-экономические условия, в которых развивается рынок труда.

С одной стороны, демографическая ситуация обуславливает достаточно комфортные условия для старта карьеры в силу уменьшения численности молодежи. Аналогично работает фактор смещения образовательного интереса части молодежи в сторону среднего профессионального образования. Несмотря на то что потенциально работодатели высказывают интерес по отношению к соискателям с минимальным опытом работы, в сфере юриспруденции наблюдается один из самых высоких уровней конкуренции за рабочие места.

Молодым людям, планирующим карьеру в сфере юриспруденции, можно порекомендовать следующую стратегию: выбирать вузы, зарекомендовавшие себя как обеспечивающие качественную подготовку по юридической специальности; не останавливаться на уровне бакалавриата; выбирать актуальные, отвечающие потребностям рынка труда магистерские программы, уделять внимание наработке практических навыков и навыков софт-скиллс; пользоваться возможностью стажироваться и получать опыт работы еще в ходе обучения. Уместно сослаться на социологическую концепцию, назван-

⁵ Антонова Н.В. Актуальные проблемы развития юридического образования в Российской Федерации // Профессиональное юридическое образование и правовая культура: интеграция образования, науки и практики : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Московского гуманитарного университета. Москва, 2024. С. 84–89.

ную Р. Мертоном «эффект Матфея», которая описывает тенденцию накопления и приумножения ресурсов теми, кто уже обладает некоторыми ресурсными преимуществами. По аналогии можно предполагать, что студенты, активно накапливающие знания и практические навыки еще в стенах образовательных учреждений, закономерно получают преференции при трудоустройстве, претендуя на наиболее интересные с карьерной точки зрения и высокооплачиваемые позиции.

Захаренко Н.А.,

старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат социологических наук
(г. Москва)

Норина Е.В.,

начальник учебного отдела
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Антонова Н.В. Актуальные проблемы развития юридического образования в Российской Федерации / Н.В. Антонова // Профессиональное юридическое образование и правовая культура: интеграция образования, науки и практики : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Московского гуманитарного университета (г. Москва, 25 октября 2024 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы: А.Д. Дюсюпова, Т.А. Сошникова. Москва : Московский гуманитарный университет, 2024.
2. Клочкова А.В. Востребованность выпускников на рынке труда как критерий оценки качества образования юридического вуза / А.В. Клочкова // Право и образование. 2025. № 2.

Адвокатская монополия — жест пренебрежения к системе высшего юридического образования

Летом 2025 г. в рамках законотворческой инициативы Министерством юстиции России был разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID проекта 01/05/07-25/00158248, далее — законопроект).

Практически сразу после появления законопроект обратил на себя внимание общественности и главным образом практикующих юристов, права и интересы которых оказались затронуты самым непосредственным образом.

Для публичного обсуждения законопроекта во многих регионах страны были организованы и проведены круглые столы, в том числе при Торгово-промышленных палатах, а также в адвокатских палатах регионов, партийных площадках различного уровня, где юридическое сообщество, в том числе действующие адвокаты, давали свою оценку потенциальным последствиям рассматриваемого законопроекта.

Причиной широкого общественного резонанса стали положения законопроекта процессуального характера, фактически исключающие категорию частнопрактикующих и наемных юристов, не являющихся адвокатами и не состоящих в штате юридического лица, из числа его правомочных представителей (ст. 2, 4, 5 законопроекта соответственно). Представлять физических лиц смогут лишь близкие родственники с юридическим образованием либо адвокаты. Изменения должны быть внесены в соответствующие статьи процессуальных кодексов.

Существенным нововведением законопроекта стало и распространение аналогичных ограничений на сферу банкротства. Статья 3 проекта предусматривает внесение изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹, которые запрещают наемным и частнопрактикующим юристам (не являющимся адвокатами и не работающим в штате организации) представлять интересы граждан и юридических лиц в делах о банкротстве. В результате представлять физических лиц в таких процессах смогут исключительно их близкие родственники с юридическим образованием либо адвокаты.

¹ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Господствующее большинство выступавших оказались солидарны во мнении, что принятие законопроекта может иметь системное долгосрочное влияние на социальную, экономическую², бюджетную сферы и общее развитие страны и регионов.

Вместе с тем, по мнению авторов настоящего доклада, инициатива Минюста России является попыткой прямой интервенции в сферу, поднадзорную Минобрнауки России.

Предлагаемыми изменениями Минюст России фактически заявляет о недостаточном качестве подготовки юристов высшими учебными заведениями, что ставит под сомнение авторитет как самих высших учебных заведений, так и курирующего их деятельность ведомства.

Авторы настоящего доклада считают данную инициативу ошибочной, противоречащей существующему законодательству в области образовательной деятельности и выступают против принятия законопроекта на основании следующего.

Общеизвестен факт перехода России на двухуровневую систему высшего профессионального образования с 2011 г. в рамках присоединения к Болонскому процессу, направленному на формирование единого европейского образовательного пространства (система «бакалавриат» + «магистратура»).

Состоявшийся переход был ознаменован внесением изменений в законодательство Российской Федерации.

Так, согласно ч. 5 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон № 273)³ в Российской Федерации устанавливаются следующие уровни профессионального образования:

- 1) среднее профессиональное образование;
- 2) высшее образование — бакалавриат;
- 3) высшее образование — специалитет, магистратура.

Следовательно, российская система высшего профессионального образования ранее была реформирована в целях приведения ее в соответствие с мировыми образовательными практиками и подготовки более качественных кадров.

При этом программа «магистратура» доступна для освоения лицам, имеющим высшее образование любого уровня (ст. 69 Закона № 273), т.е. не может быть освоена в обход бакалавриата.

² См., например: Шайдуллина В. Адвокатская монополия повысит цены на юридические услуги на 155% к 2034 году. URL: https://zakon.ru/blog/2025/09/18/advokatskaya_monopoliya_povysit_ceny_na_yuridicheskie_uslugi_na_155_k_2034_godu (дата обращения: 24.10.2025).

³ Российская газета. 2012. 31 декабря.

Согласно ст. 69 Закона № 273 высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации.

Согласно ст. 2 Закона № 273 качество образования — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы.

С 2020 г. в Российской Федерации действует федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», утвержденный приказом Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011 (далее — ФГОС № 1)⁴.

Согласно п. 4.3.1. ФГОС № 1 минимальный перечень материально-технического обеспечения, необходимого для реализации программы бакалавриата, включает в себя **учебный зал судебных заседаний**, а также специализированные аудитории, оборудованные для проведения занятий по криминалистике и информационным технологиям.

Далее, с 2010 г. в Российской Федерации действует **федеральный** государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»), утвержденный приказом Минобрнауки России от 14 декабря 2010 г. № 1763 (далее — ФГОС № 2)⁵.

Согласно п. 7.3 ФГОС № 2 реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, групповых дискуссий, результатов работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских телеконференций, **игрового судебного процесса**).

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 14 (федеральный государственный образовательный стандарт не приводится).

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что высшие образовательные учреждения проходят государственную аккредитацию (ст. 92 Закона № 273), что само по себе выступает гарантией качества образовательной услуги.

Применительно к юриспруденции все вышеизложенное означает, что в России существует два уровня высшего образования (бакалавриат, магистратура), которые осваиваются студентом в высшем учебном заведении с пройденной государственной аккредитацией. Следовательно, успешное прохождение одного или обоих уровней образования позволяет говорить о приобретении выпускником необходимых знаний и компетенций для полноценной работы в качестве юриста.

При этом практика показывает, что большинство студентов не завершает обучение на этапе получения квалификации бакалавра, следовательно, можно уверенно утверждать, что сложившийся рынок юридических услуг в подавляющей основе формируют юристы с квалификацией не ниже магистра, так как выпускник понимает, что прохождение более высокой образовательной ступени увеличивает его конкурентные преимущества.

Отметим, что двухуровневая система высшего профессионального образования пришла на смену однозвенной системе по программе «специалитет», срок освоения которой занимал пять лет.

Между тем срок освоения программы бакалавра занимает четыре года, а получение диплома магистра потребует дополнительных двух лет (для очной формы обучения). Таким образом, в результате проведенной реформы срок обучения юриста увеличился на один год и составил шесть лет вместо пяти.

ФГОС № 1 (по программе «бакалавриат») был разработан и утвержден только пять лет назад, а следовательно, был апробирован лишь на пяти «поколениях» юристов, что является недостаточным для вывода о его неэффективности и необходимости принятия дополнительных мер по повышению качества юридического образования.

Однако, по мнению разработчиков законопроекта, всего вышеуказанного становится недостаточно, поскольку исключительно адвокатский статус должен подтвердить юридическую квалификацию специалиста, достаточную для участия в судебных заседаниях практически по всем категориям споров.

В итоге следует констатировать, что Минюст России умаляет авторитет высших учебных заведений, Минобрнауки России, предлагает ввести третью «ступень» образовательной деятельности в виде стажировки и прохождения адвокатского экзамена.

Очевидно, что для заявления такого масштаба адвокаты должны продемонстрировать, как именно следует готовить юриста к будущим судебным

процессам и доказать эталонный характер существующих программ по стажировке.

Авторы настоящего доклада обратились к Положению о порядке прохождения стажировки, утвержденному решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 27 мая 2020 г., протокол № 14 (далее — Положение⁶).

Однако текст названного Положения не содержит каких-либо особых правил подготовки будущего адвоката к судебным процессам.

Например, согласно п. 3.4 Положения стажер вправе по поручению адвоката-куратора и при наличии согласия доверителя самостоятельно участвовать в судебных делах, рассматриваемых судами общей юрисдикции (за исключением уголовных дел) и арбитражными судами; готовить проекты документов правового характера; предоставлять устные и письменные правовые консультации.

Как можно заметить, стажер в принципе не обязан участвовать в судебных заседаниях, в то время как даже при наличии желания такая возможность ограничивается сразу с двух сторон: адвоката-куратора и доверителя. Программой стажировки адвоката не устанавливается даже минимальных часов практики в судах, что не позволяет сделать вывод о «высшей» квалификации судебного адвоката по итогам прохождения стажировки.

Таким образом, эталонное качество подготовки судебного адвоката, декларируемое Минюстом России, вовсе не очевидно.

В то же время не вызовет дискуссий тот факт, что во многих коммерческих организациях судебного юриста готовят без всяких систем «наставничества», в более «жестких» условиях, когда молодой специалист должен сразу вникать в суть дела и доказать свою профессиональную пригодность в течение испытательного срока (3 месяца). У такого специалиста не имеется одного или двух лет для приобретения практического опыта, как у стажера адвоката, однако уже в первые дни на него распределяют не одно и не два судебных дела. В таких условиях начинающий юрист-судебник может успешно составить конкуренцию стажеру адвоката, а в скором времени — превзойти его по мастерству.

Не доказывается также наличие каких-либо преимуществ адвокатского экзамена перед государственным экзаменом и студенческими зачетами/экзаменами в рамках университетских сессий (Приказ Минюста России от 9 октября 2024 г. № 297 «Об утверждении Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката»⁷).

⁶ Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2020. № 3.

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Таким образом, нет никаких оснований считать адвоката более опытным и квалифицированным юристом в сравнении с «обычным» судебным юристом; стажер адвоката не является более перспективным и квалифицированным юристом в сравнении с инхаусным юристом или юристом в консалтинговой компании; инициатива Минюста направлена на изменение законодательства в сфере образовательной деятельности; создание «третьей» ступени юридического образования, подконтрольной лично адвокатским палатам, нельзя считать допустимым; отсутствуют доказательства того, что стажер адвоката проходит какое-либо особенное обучение или формирует особые компетенции, недоступные начинающему юристу вне системы адвокатуры.

Козин Д.В.,

генеральный директор ООО «КЛЭВЕРС БРАЙТ КОНСАЛТИНГ»
(г. Пенза)

Плеханов Д.А.,

старший юрист ООО «КЛЭВЕРС БРАЙТ КОНСАЛТИНГ»,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Шайдуллина В. Адвокатская монополия повысит цены на юридические услуги на 155% к 2034 году / В. Шайдуллина // Zakon.ru. 2025. 18 сентября.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 26

ISBN 978-5-94103-587-8

Макет подготовлен ООО «Издательская группа «Юрист»

Электронное издание.

Дата подписания к использованию/дата размещения на сайте: 30.06.2026 г.

Объем издания — в единицах измерения объема носителя,
занятого цифровой информацией (байт, Кб, Мб) — 5,18 Мб